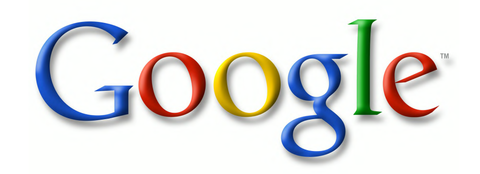
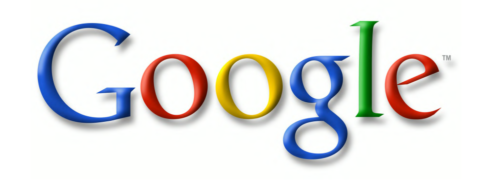
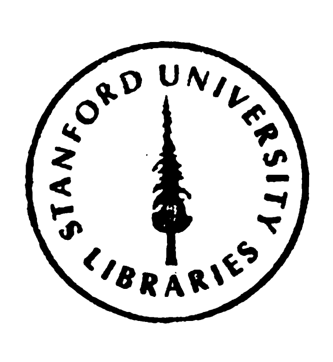

1.50

АЛЕКСАНДРЪ АНДРЕЕВИЧЪ ИВАНОВЪ.

АЛЕКСАНДРЪ АНДРЕЕВИЧЪ
ИВАНОВЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ПЕРЕПИСКА
1806—1858 гг.

ИЗДАЛЪ

Михаилъ Боткинъ.

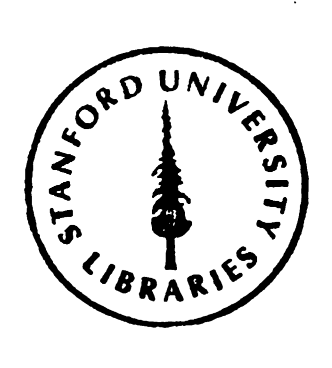
Съ факсимиле и 12 гравюрами.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. Остр, 2 л., 7

1880

(501)

1.50

Интерлакенъ 1. Августа
1857.

Слѣдя за современными успѣхами я не могу не замѣтить что моѣ искуство живописи должно тоже ~~возымѣть~~ получить новоѣ направленіе и полагаю что нигдѣ столько не могу зачерпнуть ~~ученій~~ разъясненій мыслей моихъ какъ въ разговорѣ съ Вами, надѣясь что Вы мнѣ не откажете в этом ли много по возрасту [illegible] я рѣшаюсь ~~для~~ ~~этаго~~ пріѣхать въ Лондонъ на недѣлю что будетъ отъ 3 до 10 Сентября. ~~съ полнаго~~ [illegible] самъ [illegible] [illegible] по удаленіи мнѣ [illegible] ~~[illegible]~~ Временами [illegible] ~~[illegible]~~ [illegible]

Въ художникахъ Италіянскихъ совсѣмъ не слышно ни малѣйшаго стремленія къ какимъ нибудь новымъ идеямъ въ Искуствѣ, не говоря уже о теперешнемъ гниломъ состояніи Рима, они и въ 1848 и 49 годахъ когда во главѣ стояла партія грозившая разрушить до основанія церкви, думали какъ бы получить отъ церкви новые заказы. Такое противурѣчіе раждаетъ ~~во мнѣ~~ самой любопытной вопросъ. Какъ думаетъ объ этомъ самъ Маццини? — Почему я просилъ бы Вас

АЛЕКСАНДРЪ АНДРЕЕВИЧЪ ИВАНОВЪ.

АЛЕКСАНДРЪ АНДРЕЕВИЧЪ
ИВАНОВЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ПЕРЕПИСКА

1806—1858 гг.

ИЗДАЛЪ

Михаилъ Боткинъ.

Съ факсимиле и 12 гравюрами.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. Остр, 2 л., 7

1880

окладистая и съ небольшою сѣдиною борода; въ его толстыхъ губахъ всегда проглядывала привѣтливая улыбка.

Онъ имѣлъ чисто славянскій типъ, голосъ мягкій, слегка пришепетывалъ. Вся фигура была необыкновенно симпатична.

Несмотря на то, что между нами была большая разница въ лѣтахъ, мы скоро и очень близко сошлись. Онъ былъ чрезвычайно откровененъ, разсказывалъ про свою жизнь, отношенія къ людямъ, про воспитаніе, воззрѣніе на искусство, даже планы своихъ будущихъ работъ. Потомъ, послѣ его смерти, я сошелся въ Римѣ съ его братомъ Сергѣемъ, архитекторомъ, и многое отъ него узналъ; наконецъ, послѣ смерти архитектора, мнѣ пришлось разбирать бумаги обоихъ братьевъ: въ бумагахъ Иванова я нашелъ много черновыхъ писемъ, нѣкоторыя изъ нихъ писаны въ альбомахъ, другія на отдѣльныхъ листкахъ. Такимъ образомъ накопился у меня значительный матеріалъ, и я считаю себя обязаннымъ, какъ умѣю, подѣлиться имъ съ тѣми, кто интересуется нашимъ искусствомъ.

Я сжато разскажу здѣсь жизнь и дѣятельность Иванова; кто же захочетъ еще ближе съ нимъ познакомиться, тотъ въ письмахъ его найдетъ громадный матеріалъ.

Александръ Андреевичъ Ивановъ родился въ Петербургѣ, въ 1806 году, въ Академіи художествъ. Отецъ его былъ живописецъ, учился въ Академіи, и, послѣ полученія большой золотой медали, оставленъ въ ней преподавателемъ. Онъ не былъ посланъ за границу вслѣдствіе женитьбы, такъ какъ въ то время женатыхъ пенсіонеровъ не посылали. Взглядъ отца Иванова на искусство былъ чрезвычайно серьёзный, и, несмотря на то, что онъ не былъ за границей, онъ постоянно старался совершенствоваться. Впослѣдствіи онъ сдѣлался любимымъ профес-

соромъ молодыхъ художниковъ и всегда давалъ имъ дѣльные совѣты. Его мать была урожденная Демертъ. Вся семья Иванова состояла изъ двухъ сестеръ и трехъ братьевъ. Старшимъ былъ Александръ Андреевичъ. Его предназначали сдѣлаться художникомъ, и онъ началъ учиться рисовать, какъ только могъ въ рукахъ держать карандашъ; воспитывался и учился онъ дома, и бо̀льшею частью у тѣхъ же учителей, которые преподавали въ Академіи. Въ Академію онъ поступилъ 12-ти лѣтъ, весьма быстро прошелъ первоначальные классы и сталъ отличаться въ рисованіи съ натуры, такъ что получилъ въ скоромъ времени двѣ медали за рисунокъ, а 18-ти лѣтъ уже конкурировалъ на вторую золотую медаль, картиною „Пріамъ проситъ тѣло Гектора“ [1]). Картина эта была выставлена въ Академіи и всѣмъ понравилась по рисунку, колориту и обдуманности. Иванова постоянно безпокоило, что его подозрѣвали въ томъ, что отецъ ему помогаетъ въ работахъ, и онъ съ досадою говорилъ, что трудно искоренить въ профессорахъ Академіи мысль: „не самъ работаетъ“, а его отецъ про него говорилъ, что „ему все дается съ боя“. На первую золотую медаль онъ написалъ „Іосифа въ темницѣ, толкующаго сны хлѣбодару и виночерпію“ [2]), за что̀ былъ награжденъ первою золотою медалью. На выставкѣ 1827 года она была выставлена, и критиками того времени очень расхвалена.

Желая усовершенствовать себя въ рисункѣ, Ивановъ нарисовалъ нѣсколько картоновъ въ натуральную величину съ античныхъ статуй: Лаокоона, Бойца и Венеры Медицейской. Лаоконъ былъ нарисованъ до програмы „Іосифъ“ и выставленъ вмѣстѣ съ программою въ залахъ Акаде-

---

1) Находится въ Москвѣ, у К. Т. Солдатенкова.

2) Эта картина принадлежала Обществу поощренія художниковъ, впослѣдствіи разыграна въ лотерею и неизвѣстно кому досталась.

(501)

Александръ Ивановъ

Интерлакенъ 1. Августа
1857.

Следя за современными успехами я не могу не заметить что моё искусство живописи должно тоже ~~водвинуть~~ получить новое направление и полагая что нигде столько не могу зачерпнуть ~~уясненій~~ разъясненій мыслей моихъ как в разговоре с Вами (надеюсь что Вы мне не откажете а это мне много поможетъ в моём предпріятіи) я решаюсь ~~это~~ ~~этого~~ пріехать в Лондонъ на неделю что будетъ от 3 до 10 Сентябр. ~~Съ нетерпеніемъ дожидаюсь~~ Сами назначьте число и день и час ~~свиданія~~ Время это мне много неизвестно ~~Это~~ это, на свиданіе с вами.

Въ художникахъ Итальянскихъ совсемъ не слышно ни малейшаго стремленія къ какимъ нибудь новымъ идеямъ въ Искусстве, не говоря уже о теперешнемъ жалкомъ состояніи Рима, они и въ 1848 и 49 годахъ когда во главе стояла партія грозившая разрушить до основанія церкви, думали как бы получить от церкви новые заказы. Такое противуречіе рождаетъ ~~во мне~~ самой любопытной вопрос. Как думаетъ объ этомъ самъ Мадзини? — Почему я просил бы Вас

покорнѣйше свести меня съ Энелу во время
пребыванія моего въ Лондонѣ; но ~~[illegible]~~
съ ~~[illegible]~~ подумавъ однакожъ [ненужно] не будетъ ли
это свиданіе имѣть погибельн. послѣдствія
для меня отъ Римскаго правительства
которое вѣроятно ~~въ слѣдствіе~~ [за] подозрительно
подозрѣнія стоитъ на стражѣ всѣхъ его
дѣйствій въ самомъ Лондонѣ. — Если напримѣръ
правительству вздумается ворваться въ
мою студію въ Римѣ для осмотра моихъ
книгъ съ помощью консуловъ и просто создать
новый путь для моего искусства въ Эскуріалъ;
то они разумѣется отберутъ отъ меня
и то и другое что будетъ моимъ смертельнымъ
нравственнымъ ударомъ.

Удостойте отвѣтомъ Вашего
искренно уважающаго
Александра Иванова

Весною 1858 года пріѣхалъ въ Петербургъ Александръ Андреевичъ Ивановъ. Еще до его пріѣзда явилось нѣсколько статей о немъ и его картинѣ; публика нетерпѣливо ждала увидать трудъ его. Оставляя Петербургъ въ 1830 году, онъ вѣроятно не думалъ, что ему придется прожить такъ долго за границей, онъ не думалъ, что никого не найдетъ изъ родныхъ, ни отца, ни матери, ни сестеръ, да и изъ близкихъ знакомыхъ и друзей тоже мало останется въ живыхъ. Послѣдній родственникъ, братъ его, архитекторъ, жилъ въ Римѣ.

Благодаря дружескому знакомству съ нимъ моихъ братьевъ, я написалъ Александру Андреевичу письмо, прося его остановиться у меня. Въ то время я учился въ Академіи художествъ и жилъ на Васильевскомъ-Острову. Въ началѣ мая извѣстилъ онъ меня о днѣ своего пріѣзда. При встрѣчѣ съ Ивановымъ, я былъ пораженъ его фигурой. Я никогда не видалъ даже его портрета, но когда пароходъ подошелъ къ пристани, я узналъ его, такъ рѣзко онъ выдѣлялся изъ толпы. Это была небольшая, довольно полная, сутуловатая, подвижная фигура, съ лицомъ спокойнымъ, кроткимъ; высокій лобъ, покрытый небольшими морщинами, съ довольно хорошо сохранившимися темными волосами, темно-сѣрые большіе глаза, носъ прямой,

окладистая и съ небольшою сѣдиною борода; въ его толстыхъ губахъ всегда проглядывала привѣтливая улыбка.

Онъ имѣлъ чисто славянскій типъ, голосъ мягкій, слегка пришепетывалъ. Вся фигура была необыкновенно симпатична.

Несмотря на то, что между нами была большая разница въ лѣтахъ, мы скоро и очень близко сошлись. Онъ былъ чрезвычайно откровененъ, разсказывалъ про свою жизнь, отношенія къ людямъ, про воспитаніе, возрѣніе на искусство, даже планы своихъ будущихъ работъ. Потомъ, послѣ его смерти, я сошелся въ Римѣ съ его братомъ Сергѣемъ, архитекторомъ, и многое отъ него узналъ; наконецъ, послѣ смерти архитектора, мнѣ пришлось разбирать бумаги обоихъ братьевъ: въ бумагахъ Иванова я нашелъ много черновыхъ писемъ, нѣкоторыя изъ нихъ писаны въ альбомахъ, другія на отдѣльныхъ листкахъ. Такимъ образомъ накопился у меня значительный матеріалъ, и я считаю себя обязаннымъ, какъ умѣю, подѣлиться имъ съ тѣми, кто интересуется нашимъ искусствомъ.

Я сжато разскажу здѣсь жизнь и дѣятельность Иванова; кто же захочетъ еще ближе съ нимъ познакомиться, тотъ въ письмахъ его найдетъ громадный матеріалъ.

Александръ Андреевичъ Ивановъ родился въ Петербургѣ, въ 1806 году, въ Академіи художествъ. Отецъ его былъ живописецъ, учился въ Академіи, и, послѣ полученія большой золотой медали, оставленъ въ ней преподавателемъ. Онъ не былъ посланъ за границу вслѣдствіе женитьбы, такъ какъ въ то время женатыхъ пенсіонеровъ не посылали. Взглядъ отца Иванова на искусство былъ чрезвычайно серьёзный, и, несмотря на то, что онъ не былъ за границей, онъ постоянно старался совершенствоваться. Впослѣдствіи онъ сдѣлался любимымъ профес-

соромъ молодыхъ художниковъ и всегда давалъ имъ дѣльные совѣты. Его мать была урожденная Демертъ. Вся семья Иванова состояла изъ двухъ сестеръ и трехъ братьевъ. Старшимъ былъ Александръ Андреевичъ. Его предназначали сдѣлаться художникомъ, и онъ началъ учиться рисовать, какъ только могъ въ рукахъ держать карандашъ; воспитывался и учился онъ дома, и бо̀льшею частью у тѣхъ же учителей, которые преподавали въ Академіи. Въ Академію онъ поступилъ 12-ти лѣтъ, весьма быстро прошелъ первоначальные классы и сталъ отличаться въ рисованіи съ натуры, такъ что получилъ въ скоромъ времени двѣ медали за рисунокъ, а 18-ти лѣтъ уже конкурировалъ на вторую золотую медаль, картиною „Пріамъ проситъ тѣло Гектора“ [1]). Картина эта была выставлена въ Академіи и всѣмъ понравилась по рисунку, колориту и обдуманности. Иванова постоянно безпокоило, что его подозрѣвали въ томъ, что отецъ ему помогаетъ въ работахъ, и онъ съ досадою говорилъ, что трудно искоренить въ профессорахъ Академіи мысль: „не самъ работаетъ“, а его отецъ про него говорилъ, что „ему все дается съ боя“. На первую золотую медаль онъ написалъ „Іосифа въ темницѣ, толкующаго сны хлѣбодару и виночерпію“ [2]), за что̀ былъ награжденъ первою золотою медалью. На выставкѣ 1827 года она была выставлена, и критиками того времени очень расхвалена.

Желая усовершенствовать себя въ рисункѣ, Ивановъ нарисовалъ нѣсколько картоновъ въ натуральную величину съ античныхъ статуй: Лаокоона, Бойца и Венеры Медицейской. Лаоконъ былъ нарисованъ до програмы „Іосифъ“ и выставленъ вмѣстѣ съ программою въ залахъ Акаде-

[1]) Находится въ Москвѣ, у К. Т. Солдатенкова.

[2]) Эта картина принадлежала Обществу поощренія художниковъ, впослѣдствіи разыграна въ лотерею и неизвѣстно кому досталась.

міи, Боецъ и Венера послѣ програмиы; всѣ эти рисунки подарены самимъ художникомъ Московскому Художественному училищу, при самомъ его основаніи. По полученіи первой золотой медали, Общество поощренія художниковъ рѣшило послать Иванова на свой счетъ за границу и поручило до отъѣзда написать еще картину на заданную тему, вѣроятно тоже вслѣдствіе того, что многіе подозрѣвали, не помогалъ ли ему отецъ въ его программѣ. Заданъ былъ сюжетъ изъ миѳологіи: „Белерофонтъ отправляющійся въ походъ противъ Химеры“ [1]), но художникъ въ это время влюбился въ дочь одного музыканта, и даже настолько, что думалъ совсѣмъ отказаться отъ пенсіона, и медлилъ начинать картину; наконецъ, по совѣту отца и друзей, началъ ее и окончилъ въ 1829 году. Тогда Общество рѣшило сдѣлать его своимъ пенсіонеромъ. Въ то время на него имѣлъ вліяніе нѣкто Рабусъ, художникъ-пейзажистъ, хорошо знакомый съ нѣмецкой литературой, и это Иванова въ особенности къ нему привязывало.

Въ 1830 году Ивановъ выѣхалъ изъ Россіи, съ инструкціей отъ Общества, на нѣсколькихъ листахъ, гдѣ чтò осмотрѣть и на чтò особенно обратить вниманіе. Ему между прочимъ, назначено было сдѣлать картонъ съ Микель-Анджелова „Созданія человѣка“, чтó въ Сикстинской капеллѣ въ Римѣ. На все путешествіе до Рима полагалось годъ времени, но Иванова тянуло въ Римъ, и онъ туда пріѣхалъ осенью 1830 года. Въ Германіи онъ долѣе всего остался въ Дрезденѣ, гдѣ сдѣлалъ очень оконченный рисунокъ съ головъ Сикстинской Мадонны и Христа (послѣдній набросанъ эскизно) [2]).

По пріѣздѣ въ Римъ, онъ немедленно отыскалъ ма-

---

[1]) Картина эта находится въ Петербургѣ, у М. П. Боткина.

[2]) Рисунокъ этотъ находится въ Петербургѣ, у М. П. Боткина.

стерскую и принялся за работу эскизовъ, и въ то же время началъ хлопотать о дозволеніи работать въ Сикстинской капеллѣ. Первые его эскизы были рисованы карандашомъ, съ довольно окончательной тушовкой, на сюжеты: „Самсонъ въ объятіяхъ Далилы", „Давидъ играетъ передъ Сауломъ", „Братья Іосифа въ тотъ моментъ, когда находятъ кубокъ въ мѣшкѣ у Веніамина"; онъ мучился, не зналъ надъ какимъ остановиться, приглашалъ къ себѣ знаменитыхъ художниковъ того времени: Камуччини, Торвальдсена, они давали ему совѣты, но все это не удовлетворяло художника. Рисунки были сдѣланы совершенно въ академическомъ направленіи того времени, съ заученными формами, съ ненатуральными драпировками. Болѣе другихъ сюжетовъ онъ интересовался „Веніаминомъ", такъ что думалъ начать картину, для чего и приготовилъ два окончательныхъ эскиза масляными красками [1]) и нѣсколько рисунковъ. Рисуя съ плафона въ Сикстинской капеллѣ, онъ въ то же время началъ небольшую картину „Аполлонъ, Кипарисъ и Гіацинтъ, занимающіеся музыкой" [2]); но она осталась у него неоконченной. Въ этой картинѣ прекрасная композиція: простота и красота линій напоминаютъ древніе барельефы, живопись очень тонкая.

Изъ русскихъ художниковъ въ то время онъ былъ особенно друженъ съ Лапченко: ихъ мастерскія были въ одномъ домѣ, и они другъ друга поддерживали совѣтами.

Читая и изучая Библію, и въ особенности Новый Завѣтъ, онъ всматривался въ жизнь Христа, и его осѣнила мысль написать картину: „Первое явленіе Мессіи народу", какъ это выражено словами Апостола Іоанна: „Се агнецъ Божій". Ивановъ долго обдумывалъ эту

---

[1]) Находится въ Москвѣ, у П. М. Третьякова.

[2]) Находится въ Москвѣ, у наслѣдниковъ А. С. Хомякова.

идею, но боялся приступить, не испытавъ свои силы надъ картиной большого размѣра, и вотъ онъ беретъ другой сюжетъ: „Явленіе Христа Магдалинѣ по воскресеніи". Сдѣлавши нѣсколько эскизовъ [1]), онъ остановился на одномъ изъ нихъ, и немедленно началъ картину: „Магдалина", въ натуральную величину; но въ то же время обработывалась мысль главной картины: „Явленіе Мессіи народу".

Въ концѣ 1835 года, картина „Магдалина" была кончена, выставлена сперва въ мастерской художника, а потомъ въ Капитоліи. Этой картиной онъ завоевалъ себѣ мѣсто между крупными художниками: Торвальдсенъ былъ отъ нея въ восторгѣ; еще въ мастерской онъ, обнимая Иванова, пророчилъ ему большую будущность. Въ Петербургъ она была послана вскорѣ послѣ плафона „Сотвореніе человѣка" Микель-Анджело [2]). Въ публикѣ и между художниками картина имѣла большой успѣхъ; Общество поднесло ее Государю [3]), а Иванову прибавило пенсіонъ на два года; Академія признала его своимъ академикомъ. Картина очень проста по сочиненію, и общими линіями напоминаетъ даже итальянскихъ мастеровъ XIV вѣка, но превосходна по исполненію. Голова Магдалины, въ профиль, съ полуоткрытымъ ртомъ, и глазами, наполненными слезъ, замѣчательно хороша; но въ Христѣ еще не видать стремленія къ созданію новаго типа, какой мы видимъ впослѣдствіи: онъ красивъ, но не характеренъ. Торсъ, руки, слѣдки и всѣ драпировки написаны отлично. Надъ этюдомъ въ

[1]) Одинъ изъ нихъ находится въ Петербургѣ, у М. П. Боткина, другой—въ Москвѣ, у П. М. Третьякова.

[2]) Находится въ Петербургѣ, въ Академіи Художествъ.

[3]) Она находится теперь въ Петербургѣ, въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

Магдалинѣ [1]) онъ долго работалъ, болѣе всего надъ выраженіемъ улыбки и слезъ.

Успѣхъ картины его поразилъ, онъ удивлялся и радовался, что вслѣдствіе прибавки пенсіона онъ можетъ свободно заняться картиной „Мессія": въ началѣ онъ думалъ ее начать въ третью часть натуры, но, послѣ прибавки пенсіи, онъ купилъ холстъ въ $10^1/_2$ аршинъ ширины и $7^1/_2$ вышины, и началъ на немъ свою картину.

Чтобы возвысить свой стиль и найти подходящій этнографическій еврейскій матеріалъ для своей картины, онъ ѣздилъ по Италіи, изучалъ мастеровъ XIV и XV вѣка, работалъ въ Венеціи, копируя съ колористовъ XVI вѣка, сдѣлалъ нѣсколько оконченныхъ копій съ головъ изъ „Преображенія" Рафаэля [2]) и Неаполитанской „Мадонны" Рафаэля же [3]); въ Венеціи, кромѣ множества набросковъ съ мастеровъ, онъ совершенно окончилъ копіи съ „Петра Доминиканца" Тиціана и средней части картины „Взятіе на небо Божіей Матери" [4]); жилъ по цѣлымъ мѣсяцамъ въ Ливорно, зачерчивая интересныя головы евреевъ; въ маленькихъ городахъ Италіи изучалъ движенія купающихся, дѣлалъ этюды съ пейзажа, пріискивая мѣстность, болѣе походящую на Востокъ. Онъ ничего не упускалъ, что̀ только шло къ улучшенію его картины. Совѣтовался съ Корнеліусомъ, Овербекомъ, Торвальдсеномъ, Камуччини и другими, просилъ ихъ ходатайствовать у петербургской Академіи о средствахъ для необходимой ему поѣздки въ Іерусалимъ, на Іорданъ, но на свою и ихъ бумагу получилъ отвѣтъ, что „художники, просящіе за васъ, очень добры, но Рафаэль не былъ на Востокѣ, а создалъ великія творенія". Этотъ отказъ очень его оскорбилъ.

[1]) Этюдъ этотъ находится въ Москвѣ, у К. Т. Солдатенкова.

[2]) Находятся въ Петербургѣ, у М. П. Боткина.

[3]) Находится въ Москвѣ, у П. П. Боткина.

[4]) Находятся въ Петербургѣ, у М. П. Боткина.

Между тѣмъ работа шла, и требовалось при этомъ много издержекъ: для пріобрѣтенія какихъ-нибудь средствъ Ивановъ хотѣлъ скопировать для Академіи фреску Рафаэля, находящуюся въ Ватиканѣ: „Умѣренность, Сила и Благоразуміе"; къ тому же онъ вполнѣ былъ согласенъ съ превосходною мыслью нашего посланника въ Римѣ, Италинскаго, что надо занимать лучшихъ отечественныхъ художниковъ копіями съ знаменитыхъ картинъ, какъ для усовершенствованія ихъ вкуса, такъ и для передачи къ намъ въ Россію копій съ отличныхъ живописцевъ, и, наконецъ, для того, чтобъ художники получали способы для будущихъ своихъ предпріятій, посредствомъ щедрой платы. Но эта мысль въ отношеніи къ Иванову не осуществилась, и заказа онъ не взялъ, такъ какъ ему предлагали за копію всего 600 скудъ (900 р. сер.).

Въ 1838 году мастерскую Иванова посѣтилъ Е. В. Наслѣдникъ Цесаревичъ, нынѣ царствующій Императоръ, остался чрезвычайно доволенъ картиною, и оставилъ ее за собою. По ходатайству В. А. Жуковскаго, Иванову дано было содержаніе на три года.

Къ этому времени относится нѣсколько жанровыхъ композицій, сдѣланныхъ акварелью, для поднесенія Цесаревичу: онѣ впослѣдствіи находились у Жуковскаго. Ивановъ боялся, что акварели его не хорошо выйдутъ, однако всѣмъ онѣ понравились. Сюжеты были разнообразные: „Октябрьскій праздникъ"—здѣсь представлена была цѣлая группа нѣмецкихъ художниковъ того времени; „Итальянка на ярмаркѣ покупаетъ себѣ золотыя вещи"; „Ave Maria»—группа собравшихся мужчинъ и женщинъ, и изъ нихъ нѣкоторые, со свѣчами въ рукахъ, поютъ гимнъ Богородицѣ. Освѣщеніе картины—минута послѣ заката солнца.

Въ два года, т.-е. въ 1838 году, картина „Мессія" была уже нарисована на холстѣ и слегка подмалевана. Общество

поощренія художниковъ прибавило Иванову еще на годъ содержаніе, объявивъ однако же, что это въ послѣдній разъ. Съ этихъ поръ у Иванова начинается постоянное безпокойство о средствахъ, и онъ лишаетъ себя всего, чтобы только продолжать трудъ свой. Въ концѣ того же, т.-е. 1838 года, онъ познакомился съ Н. В. Гоголемъ, который былъ въ восторгѣ отъ его картины, говорилъ о ней, кому только могъ, водилъ въ мастерскую художника своихъ знакомыхъ. Одинъ изъ нихъ, а именно Погодинъ, напечаталъ въ „Москвитянинѣ" 1842 года, въ дневникѣ своего путешествія по Италіи, слѣдующее: „25 марта 1839 года. Гоголь повелъ насъ въ студію русскаго художника Иванова, — это новое для насъ зрѣлище. Мы увидѣли въ комнатѣ Иванова ужасный безпорядокъ, но такой безпорядокъ, который тотчасъ даетъ знать о принадлежности своей художнику. Стѣны исписаны разными фигурами, которая мѣломъ, которая углемъ; вотъ группа, вотъ цѣлый эскизъ. Тамъ виситъ прекрасный дорогой эстампъ; здѣсь приклеенъ или прилѣпленъ какой-то очеркъ. Въ одномъ углу на полу валяется всякая рухлядь, въ другомъ — исчерченные картоны. Въ рединѣ господствуетъ на огромныхъ подставкахъ картина, надъ которою трудится художникъ. Самъ онъ въ простой холстинной блузѣ, съ долгими волосами, которыхъ онъ не стригъ, кажется, года два, съ палитрою въ одной рукѣ, съ кистью въ другой, стоитъ одинъ-одинёхонекъ передъ нею, погруженный въ размышленіе. Вокругъ него по всѣмъ сторонамъ лежитъ нѣсколько картоновъ, съ его корректурами, т.-е. съ разными опытами представить то или другое лицо, размѣстить фигуры такъ или иначе. Повторяю: это явленіе было для насъ совершенно ново и разительно", и т. д. Въ 1846 году самъ Гоголь написалъ и напечаталъ въ „Перепискѣ съ друзьями" ни- чинѣ

„Явленіе Мессіи народу“ (письмо было первоначально адресовано къ графу М. Ю. Віельгорскому), прося помочь художнику, который въ то время сильно нуждался. Онъ разсказалъ тамъ содержаніе картины, и о томъ, какъ строго авторъ къ ней относился. „Ивановъ,—говоритъ онъ,—просиживаетъ по нѣскольку мѣсяцевъ въ Понтинскихъ болотахъ и пустынныхъ мѣстахъ Италіи, перенесъ въ свои этюды всѣ дикія захолустья, находящіяся вокругъ Рима, изучилъ всякій камешекъ и древесный листокъ, словомъ, сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать, все изобразилъ, чему только нашелъ образецъ“. Наконецъ, упомянувъ, что онъ, Гоголь, снялъ съ себя грѣхъ, сообщивъ соотечественникамъ о томъ, что художникъ „бѣдствуетъ“, онъ прибавляетъ: „Не скупитесь; деньги всѣ вознаградятся. Достоинство картины уже начинаетъ обнаруживаться всѣмъ. Весь Римъ начинаетъ говорить гласно, судя даже по настоящему ея виду, въ которомъ далеко еще не выступила вся мысль художника, что подобнаго явленія еще не показывалось отъ временъ Рафаэля и Леонардо да-Винчи. Будетъ окончена картина. Такимъ картинамъ не бываетъ цѣна меньше ста или двухъ-сотъ тысячъ. Поступите же справедливо, а письмо мое покажите другимъ, какъ моимъ, такъ и вашимъ пріятелямъ, особенно людямъ значительнымъ, потому-что труженики, подобные Иванову, могутъ случиться на всѣхъ поприщахъ, и все-таки не нужно допускать, чтобы они терпѣли нужду“, и т. д.

Хотя и прежде Иванова знали по его „Магдалинѣ“, но послѣ письма Гоголя вся публика нетерпѣлнво начала ожидать окончанія новаго труда его. Но чѣмъ болѣе онъ углублялся въ картину свою, тѣмъ болѣе находилъ въ ней недостатковъ. Болѣе всего его безпокоило—выраженіе характеровъ и типовъ. Для каждой головы онъ дѣлалъ по нѣскольку этюдовъ карандашомъ и масляными красками, часто

для мужскихъ головъ писалъ этюды съ женщинъ, постоянно ища идеалъ для головы Предтечи и Христа. Въ римскую синагогу онъ ходилъ каждую пятницу и субботу, съ цѣлію изучить движенія, лица, характеры. Евреи принимали его за еврея, любили говорить съ нимъ; онъ поражалъ ихъ своимъ знаніемъ св. Писанія. Послѣ него осталось множество замѣтокъ, изъ которыхъ видно все его глубокое изученіе еврейства.

Съ Гоголемъ онъ сошелся очень близко, и былъ съ нимъ въ перепискѣ. Гоголь постоянно поддерживалъ его совѣтами, утѣшая не унывать по случаю недостатка средствъ. Сперва они были очень и очень близки; но потомъ взгляды и пониманіе вещей у нихъ измѣнились, и ихъ отношенія сдѣлались дальше. Ивановъ пересталъ быть откровененъ, и въ отвѣтъ на письмо, въ которомъ Гоголь посылалъ ему молитву, старался отдѣлаться различными фразами. А прежде когда Гоголь бывалъ въ Римѣ, они были неразлучны. Ивановъ написалъ съ него въ то время два портрета масляными красками, изъ коихъ одинъ Гоголь подарилъ Жуковскому [1]), другой Погодину [2]), и сдѣлалъ для себя рисунокъ карандашомъ [3]). Боясь, что его вызовутъ для работы въ Исаакіевскомъ соборѣ, Ивановъ спрашивалъ совѣта у Гоголя, какъ поступить: тотъ въ началѣ совѣтовалъ сослаться на болѣзнь глазъ, а потомъ прибавилъ: „а тамъ можетъ быть о васъ и позабудутъ". Такъ и случилось. Никто Иванову не предложилъ работать, хотя впослѣдствіи онъ хотѣлъ, черезъ Гоголя, или самъ, достать заказъ, который можно было бы работать въ Римѣ; Гоголь однако не посовѣтывалъ объ этомъ хлопотать. Большая часть писемъ Гоголя къ Иванову напечатана, но одно

[1]) Нынѣ у М. Х. Рейтерна.

[2]) Нынѣ въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ.

[3]) Подаренъ М. П. Боткинымъ Императорской Публичной Библіотекѣ.

онъ наклеилъ внутри заглавнаго листа своего альбома, гдѣ помѣщались его новыя композиціи, и оно осталось до сихъ поръ неизвѣстно. Вотъ это письмо: „Николай Петровичъ Боткинъ передастъ вамъ мой поцѣлуй, многолюбимый мною Александръ Андреевичъ. Богъ въ помощь вамъ въ трудахъ вашихъ, не унывайте, бодритесь, благословеніе святое да пребудетъ надъ вашей кистью и картина ваша будетъ кончена со славою. Отъ всей души по крайней мѣрѣ желаю. Весь вашъ Н. Г.—Ни о чемъ говорить не хочется: все, что̀ ни есть въ мірѣ, такъ ниже того, что̀ творится въ уединенной кельѣ художника, что я самъ не гляжу ни на что, и міръ кажется вовсе не для меня. Я даже и не слышу его шума. Христосъ съ вами". Письмо это вѣроятно подкрѣпляло и утѣшало Иванова во время грусти и невзгодъ судьбы, ибо было, какъ онъ самъ говорилъ, „отъ важнѣйшаго изъ людей, какихъ онъ встрѣчалъ въ жизни". Въ 40-хъ годахъ Ивановъ еще познакомился и сошелся, въ Римѣ, съ Чижовымъ, бывшимъ профессоромъ петербургскаго университета, съ Галаганомъ, Языковымъ и Шевыревымъ. Тогда Чижовъ изучалъ исторію искусства, подолгу живалъ въ Римѣ; затѣмъ дѣлалъ путешествіе по славянскимъ землямъ, все съ цѣлью изученія христіанской живописи, такъ-что и Ивановъ хотѣлъ однажды ѣхать вмѣстѣ съ нимъ, но это не удалось ему, по недостатку средствъ. У нихъ была и съ Чижовымъ постоянная переписка, прервавшаяся только лѣтъ за десять до смерти Иванова.

Время проходило, въ Ивановѣ совершалось глубокое умственное развитіе, а картина все оставалась не оконченною: увеличивалась масса этюдовъ, дѣлались измѣненія. Каждое лѣто Ивановъ проводилъ въ окрестностяхъ Рима, писалъ теперь этюды съ камней, деревьевъ, воды, фигуръ на солнцѣ. Надо замѣтить, что въ этотъ періодъ времени Ивановъ

часто бывалъ боленъ римской лихорадкой, которую онъ называлъ нервической, и по нѣскольку мѣсяцевъ не могъ работать.

Постоянно думая о средствахъ для существованія, онъ началъ сочинять, по заказу архитектора Тона, эскизъ: „Воскресеніе Христово", для храма Христа Спасителя въ Москвѣ, но и здѣсь вышла неудача: пріѣхавъ въ Римъ, Тонъ, вмѣсто „Воскресенія", предложилъ Иванову написать Евангелистовъ на парусахъ, а образъ „Воскресенія" отдалъ Брюлову. Эта перемѣна такъ подѣйствовала на Иванова, что онъ пересталъ и думать о заказѣ. Передъ тѣмъ, чтобы начать композицію „Воскресенія Христова", онъ перерисовалъ все что могъ изъ картинъ XIV и XV вѣка на этотъ сюжетъ, даже просилъ выслать ему кальки съ самыхъ простыхъ русскихъ образовъ, думая и въ нихъ подмѣтить какую-нибудь характерную черту. Для „Воскресенія" у него было сдѣлано 10 различныхъ композицій: нѣкоторыя въ византійскомъ стилѣ и почти окончены акварелью, другія совершенно оттушеваны карандашомъ.

Художникъ никогда не могъ удовлетвориться первымъ наброскомъ: онъ искалъ, перемѣнялъ, находилъ болѣе красивую линію, придумывалъ новую группу. Такъ, для картины „Явленіе Мессіи народу" было сдѣлано имъ 24 композиціи; нѣкоторыя были сочинены въ то время, когда картина работалась, и вѣроятно послѣ 1848 года. Первая мысль—конченный эскизъ масляными красками [1]— составляетъ совершенно оконченную картину; но общая мысль ея осталась, впослѣдствіи, только въ главныхъ фигурахъ окончательной картины, за исключеніемъ Іоанна Крестителя, который въ картинѣ повернутъ въ профиль, и съ большой драпировкой сверхъ нижней власяной ру-

[1]) Находится у Д. П. Боткина, въ Москвѣ.

Іоанна. Въ одномъ изъ листковъ альбома Иванова записаны замѣчанія, сдѣланныя ему знаменитыми художниками того времени. Они относятся къ эскизу первой массы. Вотъ они дословно:

„Корнеліусъ замѣчаетъ, что много убиваетъ фигуры; съ правой стороны слушающіе Іоанна болѣе похожи на больныхъ, ожидающихъ какого-то чуда, нежели на пришедшихъ слушать слово его; лучше бы ихъ въ большей части сдѣлать стоящими, оставя однакожъ средній кружокъ, что подлѣ фигуры Іоанна. Не сталъ бы много дѣлать между ними нагихъ, ибо таковые болѣе походили на аллегорическія фигуры, нежели на естественныхъ слушателей. Онъ совѣтуетъ мнѣ для этого посмотрѣть композицію Овербека, представляющую Іоанна проповѣдующаго въ пустынѣ, гдѣ можно видѣть въ слушающихъ фигурахъ весьма удачно выраженныя впечатлѣнія, производимыя словомъ Іоанна на разныя состоянія, возрастъ и полъ.

„Овербекъ замѣчаетъ, что поворотъ головы Іоанна Крестителя къ пришедшимъ дѣлаетъ изъ него актера, но избѣжаніе чего совѣтуетъ, наклонивъ ее, нѣсколько обратить въ профиль. Говоритъ, что его бы надо обогатить мыслей, въ силу словъ Евангелія: «Нѣсть болій его въ Царствіи Небесномъ». Средній группъ, несмотря на его хорошее расположеніе, надобно перемѣнить, сдѣлать его гораздо болѣе пораженнымъ отъ слова Іоаннова, тѣмъ болѣе, что дѣло идетъ о покаяніи. Группа на правой сторонѣ внизу кажется нищими, пришедшими слушать Іоанна; тутъ бы лучше посадить вслушивающихся фигуръ. Сидящія на второмъ планѣ съ правой стороны должны быть тоже живѣе; нѣкоторыхъ бы сдѣлать привставшими.

„Камуччини совѣтуетъ сдѣлать у ногъ Іоанна крестъ и чашку, представить его какъ бы бросившимъ свои

атрибуты въ сію минуту; показать болѣе воды для ясности сюжета...

„Торвальдсенъ совѣтуетъ дать въ руку Іоанна крестъ и при бедрѣ повѣсить раковину. Профессоръ восточныхъ языковъ Абатъ Ланчи просилъ меня не дѣлать ни креста, ни раковины. Онъ полагаетъ, что картина будетъ самое богатое разнообразіе лицъ, входящихъ въ нее“.

Съ совѣтами Корнеліуса, Овербека, а также и Торвальдсена, Ивановъ былъ согласенъ, и совершенно измѣнилъ всю правую часть въ картинѣ: поставилъ тутъ группу дрожащаго отца съ сыномъ, поднимающагося старика, раба съ господиномъ, прибавилъ нѣсколько заднихъ фигуръ, фарисеевъ, воиновъ на лошадяхъ и отдалилъ фигуру Христа. На второмъ, небольшомъ, эскизѣ явились всѣ эти перемѣны, только надъ фигурою Христа былъ изображенъ Святой Духъ въ видѣ голубя [1]). Третій эскизъ, совершенно близкій къ картинѣ [2]) и, какъ самъ художникъ его считалъ, ближайшій къ картинѣ, не имѣетъ въ себѣ никакихъ существенныхъ отличій отъ картины, даже повидимому то, что онъ хотѣлъ измѣнить въ большой картинѣ, сперва перемѣнялъ въ этомъ эскизѣ. Четвертый эскизъ написанъ очень широко и въ колоритѣ венеціанской школы [3]). Пятый эскизъ уже составляетъ почти копію съ картины, въ третью часть меньше ея: онъ началъ его послѣ 1850 года и имѣлъ цѣлію провѣрить пропорцію фигуръ всей картины [4]). Вначалѣ Ивановъ думалъ вмѣсто большой картины написать картину именно въ эту величину ($3^1/_2$ ар. ш., 2 ар. 7 вер. выш.), но, получивъ вспомоществованіе отъ Общества поощренія

[1]) Эскизъ находится у Графа Сергѣя Григорьевича Строгонова, въ Петербургѣ.

[2]) Находится у М. П. Боткина, въ Петербургѣ.

[3]) Находится у Хомякова, въ Москвѣ.

[4]) Находится у К. Т. Солдатенкова, въ Москвѣ.

момъ на лбу, кривымъ глазомъ [1]), другой—похожій на тотъ, который теперь въ картинѣ [2]). Гоголь постоянно совѣтовалъ ему перенести въ картину раба съ клеймомъ, но Ивановъ архитекторъ пришелъ въ ужасъ отъ этой головы, несмотря на то, что она ему очень нравилась, и онъ упросилъ ее не воспроизводить въ картинѣ. Не смотря на всю теплоту ихъ отношеній, братья иногда не видались по цѣлымъ недѣлямъ, хотя жили вмѣстѣ. Одинъ вставалъ до разсвѣта и съ наступленіемъ ночи ложился, другой—наоборотъ, вставалъ позднѣе и не видалъ, когда братъ уже ушелъ, а когда приходилъ домой, то опасался разбудить брата. Сергѣй Ивановъ смотрѣлъ на брата какъ на отца, постоянно старался беречь его, отвести, удалить отъ него какую-либо непріятность. Только воскресенье они проводили цѣлый день вмѣстѣ, осматривая древности. Ихъ любимая прогулка была на Via Appia, и тамъ въ небольшой остеріи они обѣдали, потомъ продолжали осматривать древности, и съ закатомъ солнца приходили назадъ въ Римъ. День Иванова начинался рано: въ пять часовъ онъ уже былъ на ногахъ и торопился приняться за работу; между 12-и 2-хъ онъ дѣлалъ отдыхъ, и потомъ работалъ до тѣхъ поръ, покуда становилось темно.

Постоянно работая надъ картиною, Ивановъ въ то же время дѣлалъ композиціи изъ Ветхаго и Новаго завѣта.

Такъ шло до 1848 года. Мастерская художника была отворена для всѣхъ, кто интересовался видѣть его работы. Но послѣ 1848 года онъ сталъ не охотно показывать ихъ публикѣ, только одни художники имѣли доступъ въ мастерскую; позже, онъ затворилъ ее рѣшительно для всѣхъ.

Во время революціи и римской республики (1848—49)

---

[1]) Этюдъ этотъ находится у М. П. Боткина, въ Петербургѣ.

[2]) Этотъ этюдъ—у К. Т. Солдатенкова, въ Москвѣ.

Ивановъ жилъ въ Римѣ; конечно, политическое движеніе мѣшало ему работать, но, съ другой стороны, онъ радовался, что настаоъ конецъ клерикальной власти.

Вскорѣ послѣ этого съ нимъ сдѣлался большой нравственный переворотъ. Онъ увлекся одной молодой изящной аристократкой. Ея родители ласкали его, а онъ простодушно вѣрилъ, что, кончивши свою картину, получитъ ея руку. Но увы! она вскорѣ вышла замужъ, а нашъ художникъ заперся въ мастерской, сталъ удаляться отъ всѣхъ, перестадъ обращать вниманіе на женщинъ, и все это имѣло на него нѣкоторое печальное вліяніе: онъ сталъ подозрителенъ и часто думалъ даже, что его хотятъ отравить. Когда наступали такія мрачныя минуты, онъ переставалъ ходить въ ресторанъ обѣдать, питался однимъ хлѣбомъ и яйцами. Подозрѣніе въ отравѣ онъ объяснялъ себѣ тѣми жестокими желудочными страданіями, которыя у него часто являлись послѣ принятія пищи.

По натурѣ своей, это былъ человѣкъ въ высшей степени веселый, наивный, и съ необыкновенно чистой душой. Иногда разсказанный анекдотъ заставлялъ его смѣяться цѣлый вечеръ, какъ ребенка.

Работая композиціи на Ветхій и Новый завѣтъ, онъ старался прочесть все, что могъ: въ особенности его заинтересовала „Жизнь Христа" Штрауса, онъ зналъ ее почти на память, изучалъ каждую новую идею. Послѣ 1849 года онъ особенно былъ занятъ композиціями и, повидимому, по нѣскольку мѣсяцевъ не дотрогивался до картины. Къ тому же, недостатокъ средствъ ставилъ его въ невозможность платить моделямъ. Ему въ послѣднее время приходилось жить на ничтожныя деньги, оставшіяся послѣ смерти его отца, такъ что только благодаря имъ онъ могъ поддерживать свое существованіе.

Съ отцомъ у него была прежде постоянная переписка, онъ его уважалъ какъ художника и всегда съ нимъ совѣтовался. Его смерть, а ранѣе того увольненіе изъ Академіи, принесли ему большое горе. Послѣ смерти отца, вся вообще переписка его сдѣлалась очень невелика; а лѣтъ за десять до смерти она почти прекратилась. Самое близкое ему лицо, братъ Сергѣй, жилъ съ нимъ, съ иными изъ знакомыхъ онъ разошелся, а другіе умерли. Изъ художниковъ, тогда жившихъ въ Римѣ, онъ былъ ближе другихъ съ Моллеромъ, Іорданомъ и Орловымъ. Но вообще онъ не любилъ сходиться съ другими, всегда былъ сдержанъ, сосредоточенъ и замкнутъ въ себѣ. Лучшее его удовольствіе было, если не работать, то читать. Каждый понедѣльникъ его можно было увидать въ Ватиканѣ, это былъ его отдыхъ: то онъ любовался Рафаэлемъ, то шелъ изучать красоту статуй греческихъ; въ древне-римской скульптурѣ онъ особенно любилъ портреты.

Въ концѣ 50-хъ годовъ Ивановъ началъ чувствовать матеріальную необходимость выставить картину свою для публики, ибо его средства къ жизни совершенно прекратились. Въ 1857 году онъ открылъ двери своей мастерской для вдовствующей Императрицы Александры Θеодоровны, которая осталась чрезвычайно довольна, обласкала художника и дала ему средства на поѣздку въ Германію и Францію, для излѣченія глазъ. Послѣ посѣщенія Государыни, мастерская Иванова была отворена для публики. Толпы художниковъ всѣхъ націй посѣтили ее. Въ Римѣ какъ на чудо указывали на Иванова: вотъ художникъ, пишущій 20 лѣтъ свою картину и никому ее не показывающій! Онъ отворилъ теперь двери своей мастерской. Начались споры: кто находилъ его трудъ удивительнымъ, кто, наоборотъ, доказывалъ, что слишкомъ во

многомъ картина не удовлетворительна. Чѣмъ долѣе картина была выставлена, тѣмъ болѣе росла толпа посѣтителей; поклонники все умножались; многіе оставались по цѣлымъ часамъ разсматривать картину и уходили съ желаніемъ еще разъ вернуться. Ему обѣщали большой успѣхъ въ Россіи, самъ онъ мечталъ обезпечить себя насущнымъ кускомъ хлѣба, отправиться въ Палестину, а потомъ, не нуждаясь, работать свои любимыя композиціи.

Въ этотъ періодъ времени онъ сошелся съ кружкомъ русскихъ, которые въ то время были въ Римѣ; въ особенности, часто вспоминалъ потомъ о Тургеневѣ, Васильѣ Боткинѣ, князѣ Д. А. Оболенскомъ, Дмитріевѣ и другихъ, а также о покойной в. к. Еленѣ Павловнѣ, которая всегда его поражала своею любезностью.

Въ 1857 г. онъ оставилъ мастерскую на попеченіе брата, а самъ отправился въ путешествіе. Цѣль его путешествія, кромѣ леченія глазъ, состояла, въ томъ, чтобъ увидать людей, поговорить о новомъ направленіи въ искусствѣ. Изъ Италіи онъ не выѣзжалъ 27 лѣтъ—его интересовало, что̀ дѣлалось внѣ Италіи на поприщѣ искусства. Надо замѣтить, что тогда фотографій еще не существовало, и художники знакомились съ произведеніями другихъ или по рисункамъ, или по гравюрамъ. Съ жадностью сталъ онъ осматривать галлереи Лувра; Люксенбурга, поѣхалъ по Германіи, и останавливался во всѣхъ городахъ, гдѣ только была какая-нибудь галлерея. Стремился онъ въ Веймаръ, чтобы поглядѣть и, если можно, скопировать рисунки Леонардо-да-Винчи, которые его чрезвычайно интересовали. Изъ новыхъ художниковъ, картины которыхъ онъ видѣлъ въ путешествіи, ему особенно понравился Лессингъ—онъ былъ въ восторгѣ отъ его картины: „Гус[illegible]ъ Констанцскимъ соборомъ“[1]);

[1]) Находится [illegible]

но вообще онъ былъ пораженъ сильнымъ упадкомъ классическаго искусства: вездѣ онъ встрѣчалъ tableaux de genre, которымъ нисколько не симпатизировалъ. Направленіе дюссельдорфской школы его поражало своею безсодержательностью. Это, какъ онъ выражался, все „лавочныя картины“.

Наконецъ исполнилось его желаніе — видѣть лично Штрауса. Онъ съ волненіемъ подходилъ къ его дому. Штраусъ былъ удивленъ, увидавъ художника, который такъ его почиталъ, что всю книгу зналъ на память и расспрашивалъ его о нѣкоторыхъ для него неясныхъ мѣстахъ. Ивановъ говорилъ о своихъ композиціяхъ, о томъ, что онъ еще думаетъ сдѣлать. Штраусъ долго съ нимъ оставался, наконецъ простился, пожелавъ ему полнаго успѣха въ задуманныхъ планахъ и предпріятіяхъ.

До политики Ивановъ никогда не касался. Онъ жилъ для одного искусства и не думалъ ни о чемъ другомъ; но ему хотѣлось непремѣнно видѣться съ Г*** и поговорить съ нимъ объ искусствѣ. Первое его знакомство съ нимъ было въ Римѣ въ 1847 году, но тогда они не сошлись, часто спорили. Г*** подсмѣивался надъ письмами къ друзьямъ Гоголя, а это оскорбляло Иванова. Насталъ 1848-й годъ. Г*** предался движенію политики, уѣхалъ въ Парижъ. Ивановъ еще плотнѣе заперся въ своей студіи. Прошло десять лѣтъ, между ними не было никакихъ сношеній, и вдругъ въ 1857 году, Ивановъ пишетъ Г***: „Слѣдя за современными успѣхами, я не могу не замѣтить, что и мое искусство живописи должно тоже получить новое направленіе. Я полагаю, что нигдѣ столько не могу зачерпнуть разъясненія мыслей моихъ, какъ въ разговорѣ съ вами, а потому рѣшаюсь пріѣхать на недѣлю въ Лондонъ, отъ 3-го до 10-го сентября“.

Изъ этихъ словъ видно, что весь интересъ Иванова былъ сосредоточенъ на его новыхъ идеяхъ въ композиціи.

Свиданіе это состоялось, и вотъ что̀ писалъ о немъ Г***: „Наконецъ Ивановъ пріѣхалъ, много состарѣлся онъ въ эти десять лѣтъ, посѣдѣли волосы, типически русское выраженіе его лица стало еще сильнѣе, простота, добродушіе ребенка во всѣхъ пріемахъ, во всѣхъ словахъ. На другой день мы ходили съ нимъ въ National Gallery, потомъ пошли вмѣстѣ обѣдать. Ивановъ былъ задумчивъ, тяжелая мысль сквозила даже въ его улыбкѣ. Послѣ обѣда онъ сталъ разговорчивѣе и наконецъ сказалъ: „Да, вотъ что̀ меня тяготитъ, съ чѣмъ я не могу сладить, — я утратилъ ту религіозную вѣру, которая мнѣ облегчала работу, жизнь, когда вы были въ Римѣ. Часто поминалъ я наши разговоры: вы правы, да что̀ мнѣ отъ этого, что̀ отъ этого искусству? Миръ души разстроился, сыщите мнѣ выходъ, укажите идеалы? Событія, которыми мы были окружены, навели меня на рядъ мыслей, отъ которыхъ я не могъ больше отдѣлаться, годы цѣлые занимали онѣ меня, и когда онѣ начали становиться яснѣе, я увидѣлъ, что въ душѣ нѣтъ больше вѣры. Я мучусь о томъ, что не могу формулировать искусствомъ, не могу воплотить мое новое воззрѣніе, а до стараго касаться я считаю преступнымъ,—прибавилъ онъ съ жаромъ. Писать безъ вѣры религіозныя картины—это безнравственно, это грѣшно; я не надивлюсь на французовъ и итальянцевъ: разбирая по камню католическую церковь, они на перехватъ пишутъ картины для ея стѣнъ. Этого я не могу — нѣтъ, никогда, никогда! Мнѣ предлагали главное завѣдываніе живописныхъ работъ въ новомъ соборѣ, мѣсто, которое доставило бы и славу и матеріальное обезпеченіе; я думалъ, думалъ, да и отказался: что̀ же я буду въ своихъ глазахъ, взойдя безъ вѣры въ храмъ и работая въ немъ

съ сомнѣніемъ въ душѣ. Лучше остаться бѣднякомъ и не брать кисти въ руки!"

— „Хвала русскому художнику, безконечная хвала, сказалъ я со слезами на глазахъ и бросился обнимать Иванова. Не знаю, сыщете ли вы формы вашимъ идеаламъ, но вы подаете не только великій примѣръ художникамъ, но даете свидѣтельство о той непочатой, цѣльной натурѣ русской, которую мы знаемъ чутьемъ, о которой догадываемся сердцемъ и за которую, вопреки всему дѣлающемуся у насъ, мы такъ страстно любимъ Россію, такъ горячо надѣемся на ея будущность".

Потеря религіозности у Иванова произошла не вслѣдствіе чтенія Штрауса: онъ еще до Штрауса началъ во многомъ сомнѣваться, но это дѣлалось такъ незамѣтно, что трудно положительно опредѣлить, когда именно это совершилось.

Осенью 1857 года онъ воротился въ Римъ изъ путешествія. Повидимому, картина была ему въ тягость, мысли его ушли впередъ, ему хотѣлось приняться скорѣе за новыя идеи. Еще можетъ быть онъ и принудилъ бы себя ее болѣе окончить, но во время выставки ея въ Римѣ многіе стали говорить: картина кончена и не надо болѣе къ ней прикасаться. Его мнѣніе было иное: онъ говорилъ, что желалъ бы пройти всѣ головы, и затѣмъ привести все въ общій тонъ, но потомъ утѣшалъ себя тѣмъ, что многіе изъ художниковъ въ нѣкоторыхъ оконченныхъ мѣстахъ будутъ видѣть манеру его письма. На томъ онъ и останавливается, свертываетъ картину и везетъ ее, въ концѣ апрѣля 1858 года, на родину.

Тутъ, вмѣстѣ съ путешествіемъ, начинается для него рядъ мученій. Онъ боялся отправить картину одну, и повезъ ее самъ черезъ Францію въ Гамбургъ и Киль, гдѣ хотѣлъ воспользоваться приглашеніемъ покойной в. к.

Елены Павловны и ѣхать на казенномъ пароходѣ въ Петербургъ. Въ дорогѣ, несмотря на различныя письма и рекомендаціи, его постоянно задерживали хлопоты съ таможнями и невозможность помѣщать картину въ багажномъ вагонѣ желѣзной дороги. Часто приходилось брать двѣ платформы вмѣстѣ. Наконецъ добрался онъ до Киля, самъ поставилъ картину на пароходъ, на которомъ она должна была прямо идти въ Петербургъ, былъ въ восхищеніи, что болѣе хлопотать не надо, какъ вдругъ съ нимъ сдѣлалось такое сильнѣйшее кровотеченіе изъ носу, повторившееся нѣсколько разъ, что онъ потерялъ сознаніе. Его успокоили, привезли на берегъ, но онъ долженъ былъ остаться нѣкоторое время въ Килѣ, а картина одна отправилась въ Петербургъ. Изъ Киля переѣхалъ онъ въ Берлинъ, на квартиру къ моему брату, доктору С. П. Боткину, который въ это время жилъ въ Берлинѣ и работалъ по своему предмету. Братъ мой тогда его и лечилъ. Иванова утѣшало общество русскихъ врачей, бывшихъ въ то время въ Берлинѣ, и онъ съ восторгомъ писалъ о нихъ брату своему въ Римъ.

Изъ Берлина въ Петербургъ онъ отправился моремъ, черезъ Штеттинъ. Еще прежде онъ писалъ своему брату, что содрогается при мысли о необходимости поѣздки, но надо все преодолѣть. Послѣднія же его строки передъ отъѣздомъ были: „Грустилъ и пугался я Петербурга постоянно, но сегодня у меня какое-то онѣмѣніе, и сажусь съ этимъ чувствомъ на пароходъ. Прощай, чтò будетъ, напишу“.

Такъ, въ началѣ мая 1858 года, послѣ 28-лѣтняго отсутствія изъ Петербурга, высадился Ивановъ на Англійской набережной. Его тяжелое чувство грусти исчезло, и онъ, довольно веселый, проходя мимо зданій Академіи художествъ, вспоминалъ прежнее время и говорилъ, что все

дѣтство и юность его были тамъ проведены. Первое его стремленіе въ Петербургѣ было не о своей картинѣ узнать, но справиться о той, кого онъ такъ горячо полюбилъ за десять лѣтъ передъ тѣмъ и изъ-за кого онъ сдѣлался затворникомъ въ своей мастерской. Ему страстно хотѣлось узнать: жива-ли она и гдѣ она? Затѣмъ начались хлопоты съ картиною, гдѣ ее выставить, какъ показать Государю, такъ какъ Его Величество въ бытность свою въ Римѣ, оставилъ ее за собой. Иванову очень хотѣлось выставить картину въ Эрмитажѣ, въ залахъ съ верхнимъ свѣтомъ, и въ началѣ было дано разрѣшеніе выбрать, какое онъ хотѣлъ, помѣщеніе, но потомъ пришло новое распоряженіе, назначающее выставить картину въ Бѣлой залѣ Зимняго дворца.

Государь видѣлъ картину, милостиво говорилъ съ художникомъ, высказалъ ему свою благодарность. Для публики картина перенесена была въ Академію художествъ, и тутъ же выставлены были и всѣ его эскизы и этюды, относящіеся къ картинѣ.

Ивановъ во время выставки любилъ прислушиваться къ сужденію публики, стоя въ сторонѣ, стараясь быть незамѣтнымъ; его нисколько не обижало услыхать довольно грубыя выраженія, и онъ ихъ потомъ разсказывалъ. Придя разъ рано утромъ, онъ сѣлъ передъ картиною, задумался, потомъ началъ говорить: „Тяжело мнѣ разстаться съ моимъ дѣтищемъ, я бы многое хотѣлъ еще поработать; что̀ же изъ этого, что меня упрекаютъ въ сходствѣ моего раба съ Точильщикомъ [1]); еслибы серьёзнѣе вглядѣлись, то нашли бы еще кое-что похожее на другихъ. Искусство прошлое всегда будетъ и должно имѣть вліяніе на художника“.

Его ужасно интересовала русская рѣчь, выраженія

[1]) Древняя статуя, находящаяся во Флоренціи, въ галлереѣ „Уффиціи“.

народа; иногда, прислушиваясь къ говору женщинъ, онъ говорилъ: „Это для меня музыка!“ Заходилъ онъ иногда въ церковь, послушать церковное пѣніе, и всегда бывалъ отъ него въ восхищеніи. Въ церкви онъ никогда не позволялъ себѣ говорить, даже тихо.

Крайне уважая людей науки и знанія, онъ старался побывать у всѣхъ, его интересовавшихъ. Въ разговорѣ онъ болѣе слушалъ, чѣмъ говорилъ, стараясь наводить другихъ на предметъ, его интересовавшій, и, конечно, на искусство, на композиціи новѣйшихъ художниковъ. Придя въ Публичную Библіотеку, онъ былъ тронутъ радушіемъ В. В. Стасова, и тотчасъ же началъ съ нимъ свой любимый разговоръ о старѣйшемъ типѣ Христа, о новыхъ нѣмецкихъ художественныхъ изданіяхъ.

Осматривая живопись въ новомъ храмѣ Исаакія, онъ былъ пораженъ образами, и тѣмъ, какъ мало въ нихъ христіанскаго чувства. Еще больше другихъ ему нравился Бруни, въ своихъ плафонахъ. „По крайней мѣрѣ въ нихъ есть мистическій характеръ, говорилъ онъ, но Боже, что за Мадонна, Нефа! Неужели ее можно оставить въ храмѣ?“ Онъ сожалѣлъ, что многое уже воспроизведено мозаикой. Домовой церковью в. к. Маріи Николаевны онъ остался болѣе доволенъ, говоря, что живопись хотя исполнена тутъ не важно, но есть въ ней болѣе стиля и характера. Ему хотѣлось посмотрѣть все, что̀ сдѣлано въ его отсутствіе. Ходилъ онъ смотрѣть „Распятіе“ К. П. Брюлова въ лютеранскую церковь св. Петра и Павла, но не былъ имъ удовлетворенъ. Хотя Брюлова онъ очень уважалъ и любовался его техникой, но нападалъ на него за небрежное отношеніе къ характеру композиціи.

Изъ художниковъ, тогда жившихъ въ Петербургѣ, онъ особенно уважалъ Бруни и Пименова, съ которыми любилъ говорить объ искусствѣ, о порядкахъ въ Ака-

демін, о молодыхъ талантахъ. Классы Академіи его очень интересовали, и на экзаменѣ ему нравились этюды масляными красками, но увы!—въ рисункѣ онъ видѣлъ страшный упадокъ, и былъ изумленъ плохими эскизами.

Любовь его въ Россіи была страстная. Онъ постоянно, живя въ Италіи, мечталъ о процвѣтаніи искусства въ своемъ отечествѣ, о поддержкѣ молодыхъ художниковъ. Мечталъ о созданіи національнаго музея въ Россіи; ему хотѣлось какъ можно болѣе самому видѣть молодыхъ художниковъ, говорить съ ними, увидать ихъ работы.

Ему чрезвычайно хотѣлось увидать на сценѣ „Ревизора“, котораго онъ часто слышалъ въ чтеніи самого автора, и въ какомъ онъ былъ теперь восторгѣ! Смѣялся какъ ребенокъ, но въ концѣ пьесы призадумался и съ негодованіемъ на себя сталъ говорить: „Вѣдь какъ вдумаешься, то надо больше плакать, чѣмъ смѣяться“. Музыку онъ чрезвычайно любилъ, но при всемъ желаніи послушать что-нибудь изъ сочиненій русскихъ композиторовъ, онъ не могъ, такъ какъ это былъ лѣтній сезонъ, да тогда еще мало исполняли произведенія русскихъ музыкантовъ.

Передъ освященіемъ Исаакіевскаго собора съ нимъ былъ курьёзный случай: онъ обратился къ графу Гурьеву [1]), прося у него билетъ на освященіе собора. Графъ на него раскричался, какъ онъ смѣетъ носить бороду и отказалъ ему въ билетѣ. Это очень забавляло Иванова.

Въ Петербургѣ тогда большое участіе въ немъ принималъ князь Дм. Алекс. Оболенскій: поэтому къ нему Ивановъ и ходилъ узнавать объ участи своего труда. Прошло болѣе шести недѣль тревожнаго ожиданія на счетъ рѣшенія его участи, носились только слухи, что вѣроятно картина будетъ пріобрѣтена, такъ какъ Государь остался ею доволенъ. Наконецъ его призываетъ

---

[1]) Предсѣдатель Коммиссіи построенія храма св. Исаакія.

президентъ Академіи, В. К. Марія Николаевна. Она ему говоритъ, что картина будетъ пріобрѣтена на такихъ условіяхъ: десять тысячъ единовременно и 2000 руб. пенсіи ежегодно. Ивановъ не спѣшилъ дать свой рѣшительный отвѣтъ и просилъ позволенія пріѣхать въ Сергіевку [1]) для окончательнаго отвѣта. — Черезъ три дня поѣхалъ онъ, чтобы заявить свое согласіе. Ему долго пришлось ждать, чтобы увидать Великую Княгиню, наконецъ графъ Г. А. Строгоновъ вышелъ и передалъ ему, что В. К. хлопотала о немъ, но что ему надо ѣхать къ министру двора, отъ него онъ узнаетъ окончательно свою участь.

Встревоженный и возбужденный, ѣхалъ Ивановъ на пароходѣ изъ Петергофа. Возвратившись домой, онъ былъ печаленъ, потерявъ всякую надежду на хорошій результатъ.

Вечеромъ пришелъ К. Д. Кавелинъ, бесѣда съ которымъ доставляла ему величайшее удовольствіе, и котораго онъ очень уважалъ; но Ивановъ все не могъ успокоиться. Вскорѣ съ нимъ сдѣлалось дурно, онъ упалъ, и немедленно начались судороги и всѣ холерическіе припадки. Такъ какъ это было его второе заболѣваніе, ибо въ началѣ своего пріѣзда онъ имѣлъ холерическіе припадки, отъ которыхъ скоро поправился, то думали, что и это не будетъ опасно, но къ полночи собрались доктора, и объявили, что состояніе больнаго безнадежно. И дѣйствительно, черезъ три дня, 3-го іюля 1858 года, его не стало.

Сочувствіе публики было громадное. Смерть, такая быстрая, не могла не поразить каждаго, кто тогда интересовался искусствомъ. Всякій думалъ: вотъ какой привѣтъ дала ему страна, послѣ столь долгихъ трудовъ и долгаго отсутствія! Художникъ, прожившій 28 лѣтъ въ своей мастерской, трудолюбиво работавшій, по-

[1]) Собственная дача Ея Высочества В. К. Маріи Николаевны.

забылъ, что есть другой міръ, который судитъ и произноситъ приговоръ.

Въ теченіе шести недѣль, которыя ему пришлось прожить въ Петербургѣ, онъ много видѣлъ, многое его радовало, многое печалило и убивало. Все молодое поколѣніе художниковъ встрѣтило его картину съ радостью, оно видѣло въ ней какое-то новое начало, стремленіе къ самобытности и громадное изученіе природы.

Толпы народа проводили его на кладбище Новодѣвичьяго монастыря, сказано было много рѣчей, явилось нѣсколько некрологовъ, личныхъ о немъ воспоминаній. Одна изъ лучшихъ статей была помѣщена, въ концѣ года, въ Современникѣ [1]). Авторъ былъ лично и близко знакомъ съ художникомъ. Въ статьѣ своей онъ между прочимъ разсматривалъ, почему Иванова при жизни такъ же не оцѣнили, какъ и Пушкина: „Общая причина неудовлетворительности такой оцѣнки состоитъ въ томъ, что знаменитости судятъ по старымъ, быть можетъ по устарѣлымъ принципамъ о произведеніи, возникшемъ изъ новыхъ принциповъ, чуждыхъ пониманію человѣка, который составилъ себѣ извѣстность, слѣдуя прежнимъ принципамъ. Возможно предположить и другой источникъ невыгодной оцѣнки новаго явленія. Знаменитости—такіе же люди, какъ всѣ остальные люди; слѣдовательно, могутъ подчиниться вліяніямъ личныхъ соображеній при произнесеніи того или другаго сужденія. Кому пріятно сходить съ извѣстнаго, выгоднаго и почетнаго мѣста, чтобы собственною рукою возвести на это мѣсто другаго человѣка?..

„Тѣмъ характеромъ, какой имѣетъ искусство теперь, Ивановъ рѣшительно не удовлетворялся; онъ говорилъ, что, со временъ своего процвѣтанія въ Италіи въ XVI вѣкѣ, живопись забывала развиваться сообразно процессу

[1]) Современникъ 1858 г., ноябрь.

общественныхъ идей, что художники нашего времени не должны довольствоваться тѣми идеями, которыя дошли до нихъ по преданію эпохи, уже давно превзойденной новыми успѣхами цивилизаціи: новое время требуетъ (говорилъ онъ) новаго искусства. Идея новаго искусства, сообразно съ современными понятіями и потребностями, говорилъ онъ, до сихъ поръ еще не вполнѣ прояснилась во мнѣ. Я долженъ еще долго и неусыпно трудиться надъ развитіемъ своихъ понятій; не раньше, какъ черезъ три-четыре года, я самъ отчетливо пойму, чтó и кáкъ я долженъ дѣлать; я долженъ разработать свои понятія и долженъ опредѣлить ихъ; раньше той поры, когда опредѣлится во мнѣ идея современнаго искусства, я не начну производить новыя картины. До той поры я долженъ работать не надъ изображеніемъ своихъ идей на полотнѣ, а надъ собственнымъ своимъ образованіемъ. Въ чемъ же должно было состоять это пересозданіе искусства, и какъ приготовлялся Ивановъ къ выполненію этой задачи? Отвѣтомъ на то можетъ служить случай, которому я былъ обязанъ сближеніемъ съ Ивановымъ. Художникъ привезъ ко мнѣ новое изданіе одного знаменитаго нѣмецкаго теологическо-философскаго сочиненія и французскій переводъ одного изъ прежнихъ изданій этой книги. „Въ новомъ изданіи, сказалъ онъ, авторъ сдѣлалъ значительныя перемѣны, такъ что опровергъ нѣкоторые изъ выводовъ, на которые соглашался прежде изъ уваженія къ возраженіямъ Неандера. Мнѣ хочется знать, въ чемъ именно состоятъ эти перемѣны. Я васъ прошу сличить новое изданіе подлинника съ переводомъ, и перевесть для меня измѣненныя авторомъ мѣста“.

— „Неужели васъ такъ сильно занимаютъ изслѣдованія этого философа? спросилъ я Иванова.—„А какъ же! Вѣдь я [illegible] образомъ понимаютъ нынѣ

передовые люди нашей цивилизаціи тотъ предметъ, изъ котораго преимущественно беретъ свои сюжеты искусство. Художникъ долженъ стоять въ уровень съ понятіями своего времени". Я увидѣлъ, что совершенно ошибался въ своемъ мнѣніи о его направленіи. Разговоръ обратился на сочиненіе, привезенное Ивановымъ, и другія изслѣдованія подобнаго рода. Изъ его бесѣды обнаружилось, что онъ основательно изучилъ многія изъ нихъ. О другихъ онъ разспрашивалъ съ живѣйшимъ интересомъ. „Мы, художники, заключилъ онъ, получаемъ слишкомъ недостаточное общее образованіе, это связываетъ намъ руки. Сколько силъ у меня достанетъ, буду стараться, чтобы молодое поколѣніе было избавлено отъ недостатка, отъ котораго мнѣ пришлось избавляться такъ поздно. Вотъ теперь, я, какъ видите, долженъ узнавать съ большими затрудненіями то, что другіе узнаютъ въ университетѣ. А какъ трудно отдѣлываться въ мои лѣта отъ вкоренившихся понятій!" Словомъ сказать, въ этомъ и слѣдовавшихъ затѣмъ разговорахъ Ивановъ являлся человѣкомъ, по своимъ стремленіямъ принадлежащимъ къ небольшому числу избранныхъ геніевъ, которые рѣшительно становятся людьми будущаго, жертвуютъ всѣми своими прежними понятіями истинѣ, и, приблизившись къ ней уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, не боятся начинать свою дѣятельность вновь, съ самоотверженностью юноши.

„Глубокая жажда истины и просвѣщенія составляла одну черту въ характерѣ Иванова. Другою чертою была дивная, младенческая чистота души, трогательная наивность, исполненная невинности и благородной искренности. Мало найдется даже между лучшими людьми такихъ, которые производили бы столь привлекательное впечатлѣніе совершеннымъ отсутствіемъ всякой эгоисти-

ческой или самолюбивой пошлости. Никто не могъ меньше и скромнѣе говорить о себѣ, нежели онъ.

„Однако же, какъ думалъ онъ о себѣ? Какъ смотрѣлъ онъ на свою картину, на всю свою прошедшую дѣятельность, чего ожидалъ онъ отъ себя въ будущемъ? Онъ былъ слишкомъ скроменъ, чтобы самому говорить объ этомъ. Но я передамъ сущность его бесѣдъ, изъ которыхъ можно вывесть отвѣтъ на эти вопросы.

— „У насъ въ Россіи находится много людей, съ прекрасными талантами къ живописи. Но великихъ живописцевъ не выходитъ изъ нихъ потому, что они не получаютъ никакого образованія. Владѣть кистью—этого еще очень мало для того, чтобы быть живописцемъ. Живописцу надобно быть вполнѣ образованнымъ человѣкомъ. Если я получу какое-нибудь вліяніе на искусство въ Россіи, я прежде всего буду хлопотать объ устройствѣ такой школы живописи, гдѣ молодые люди, готовящіеся быть художниками, получали бы основательное общее образованіе. Руководителемъ въ живописи молодыхъ художниковъ съ такимъ приготовленіемъ я желалъ бы быть. Въ средѣ ихъ могло бы развиться новое направленіе искуства. Я уже старъ, а на развитіе искусства, удовлетворяющаго требованіямъ новой жизни, нужны десятки лѣтъ. Мнѣ хотѣлось бы положить хотя начало этому дѣлу. Буду трудиться, мало по малу научусь яснѣе понимать условія новаго искусства, а потомъ выйдутъ изъ молодого поколѣнія люди, которые совершатъ начатое мною.

— „Но скажите; хотя въ общихъ чертахъ, въ какомъ видѣ представляется вамъ новое направленіе искусства, насколько оно стало уже понятно для васъ?—спрашивалъ я.

— „Съ технической стороны, оно будетъ вѣрно идеямъ

красоты, которымъ служили Рафаэль и его современники итальянцы. Техника доведена ими до высочайшей степени совершенства. Тутъ намъ не остается ничего иного, какъ быть ихъ послѣдователями. Нынѣ въ Германіи и другихъ странахъ многіе толкуютъ о до-Рафаэлевской манерѣ, у насъ — о византійскомъ стилѣ въ живописи. Такія отступленія назадъ и невозможны и не заслуживаютъ сочувствія. Формою искусства должна быть красота, какъ у Рафаэля, мы должны остаться вѣрны итальянской живописи. Но это со стороны техники. Идей у итальянцевъ XVI вѣка не было такихъ, какія имѣетъ наше время; живопись нашего времени должна проникнуться идеями новой цивилизаціи, быть истолковательницею ихъ. Соединить Рафаэлевскую технику съ идеями новой цивилизаціи,—вотъ задача искусства въ настоящее время. Прибавлю вамъ, что искусство тогда возвратитъ себѣ значеніе въ общественной жизни, котораго не имѣетъ теперь, потому что не удовлетворяетъ потребности людей. Оно будетъ имѣть тогда и враговъ, которыхъ не имѣетъ теперь. Я знаете ли боюсь (прибавилъ Ивановъ, съ своею наивною вѣрою въ проницательность своихъ судей), какъ бы не подвергнуться гоненію,—вѣдь искусство, развитію котораго я буду служить, будетъ вредно для предразсудковъ и преданій,—это замѣтятъ, скажутъ, что оно стремится преобразовать жизнь,—и знаете, вѣдь эти враги искусства будутъ говорить правду: оно дѣйствительно такъ.

— „Ну, этого не опасайтесь,—замѣтилъ я:—смысла долго не пойметъ никто изъ тѣхъ, кому непріятенъ былъ бы смыслъ, о которомъ вы говорите. Васъ будутъ преслѣдовать только завистники, по разсчетамъ собственнаго кармана, чтобы вы не отняли у нихъ выгодныхъ работъ и почетныхъ мѣстъ. Да и тѣ скоро успокоятся, убѣдив-

шись, что вамъ неизвѣстно искуство бить по карманамъ и интриговать.

— „Да,—замѣчалъ Ивановъ. Доходовъ у нихъ я не отобью, заказовъ принимать я не хочу. Вотъ, напримѣръ, мнѣ предлагали... (и онъ разсказалъ о двухъ громадныхъ и чрезвычайно выгодныхъ заказахъ)—но я отказался.

— „Какъ отказались? зачѣмъ же?—спросилъ я въ совершенномъ изумленіи, и хотѣлъ убѣждать Иванова измѣнить его рѣшеніе.

— „Нѣтъ—не говорите мнѣ этого,—перервалъ меня Ивановъ на первыхъ же словахъ.—Каково бы ни было достоинство моей кисти, я все-таки не могу согласиться, чтобы она служила такому дѣлу, истины котораго я не признаю. При томъ же я не хочу быть декораторомъ, для этихъ заказовъ нужна декораціонная работа. И вѣдь я уже говорилъ вамъ, что мнѣ теперь надобно работать надъ самимъ собою, а не надъ полотномъ...“

Теперь, послѣ двадцати лѣтъ, что художника не стало, опять приходится говорить о немъ: являются постоянно его гравированные этюды къ картинѣ [1]), начинаютъ издаваться его композиціи [2]) и онъ получаетъ все виднѣе и виднѣе мѣсто въ русскомъ искусствѣ, хотя уже и двадцать лѣтъ тому назадъ многіе были на его сторонѣ: посѣтителей перебывало тогда въ Академіи болѣе тридцати тысячъ (тогда въ Академію на выставку пускали безплатно), фотографій продано болѣе 4000 экземпляровъ.

Вскорѣ послѣ смерти Иванова, картина „Явленіе Мессіи народу“ была пріобрѣтена Государемъ за 15 тысячъ рублей, и впослѣдствіи подарена Московскому Публичному Музею, въ которомъ составляетъ главное его основаніе. Сергѣй Ивановъ, находившійся въ Римѣ, былъ пораженъ и убитъ

---

[1]) Въ „Пчелѣ“ 1875 и слѣд. годовъ.

[2]) Археологическимъ Прусскимъ Институтомъ.

извѣстіемъ о кончинѣ брата, и не захотѣлъ пріѣхать въ Петербургъ, а прислалъ довѣренность, чтобы распорядиться продажей этюдовъ и полученіемъ денегъ за картину — двоюродному моему брату, художнику Серг. Петр. Постникову. Этюды почти всѣ были проданы, на сумму 25 тысячъ рублей.

Композиція картины и самая мысль ея чрезвычайно удачны. Іоаннъ кончаетъ свою проповѣдь, указывая міру на идущаго Христа. На среднемъ планѣ—фигура Іоанна Крестителя, худаго, истощеннаго, но мощнаго убѣжденіемъ, съ увлеченіемъ говорящаго: ясно, что всѣ его слушали, но быстро оборачиваются, чтобы увидать Христа. Его окружаютъ два апостола, Іоаннъ и Андрей, сзади фигура Наѳанаила и сомнѣвающагося апостола. Стоятъ они всѣ у берега Іордана, въ которомъ многіе только-что окрестились: одни уже вышли, другіе, какъ напр. мальчикъ и старикъ, спѣшатъ выдти, чтобы увидать Христа. Рабъ, подлѣ своего окрестившагося господина, вслушивается со слезами, и на лицѣ его является улыбка. Выраженіе этой головы превосходно. Старикъ, опираясь на руку молодого, спѣшитъ встать, чтобы посмотрѣть, что происходитъ. На правомъ планѣ отецъ, надѣвающій верхнее платье, и сынъ смотрятъ съ умиленіемъ на Іоанна; возлѣ нихъ фигура молодаго человѣка съ драпировкою въ рукахъ: онъ останавливается, чтобы вслушаться въ слова Іоанна. Сзади группа фарисевъ, пришедшихъ услыхать проповѣдь Іоанна; между ними есть и воины на лошадяхъ. На срединѣ втораго плана сидящая группа, кто обернулся въ ту сторону, откуда идетъ Христосъ, а кто углубляется въ рѣчь Іоанна. На заднемъ планѣ правой стороны, идетъ съ горы Христосъ, одинокая, величавая фигура, съ выраженіемъ спокойствія и грусти. Зритель невольно присоединяется къ толпѣ и всматривается въ эту фигуру, которая хотя

и на заднемъ планѣ, но очень замѣтна. Между деревьевъ съ лѣвой стороны видна группа людей, идущихъ на Іорданъ.—Рисунокъ, типы, выраженіе въ картинѣ— удивительны. Ее нельзя не причислить къ первокласнымъ историческимъ картинамъ. Я не касаюсь колорита—потому, что вся картина не приведена въ общій тонъ, но есть частности, написанныя превосходно. Драпировки всѣ чрезвычайно натуральны и полны стиля. Пейзажъ выполненъ съ необыкновеннымъ знаніемъ дѣла.—Очень жаль, что этюды разошлись по разнымъ любителямъ, было бы весьма интересно видѣть картину вмѣстѣ со всѣми этюдами и эскизами.

Занимаясь композиціями на Новый и Ветхій Завѣтъ, Ивановъ занятъ былъ мыслью исполнить ихъ на стѣнахъ, въ особо на то посвященномъ зданіи. Онъ желалъ придать этому труду нѣкоторую философическую основу. Главное и большое поле каждой стѣны должно было быть занято картиною, содержащею одно изъ замѣчательныхъ событій изъ жизни Христа; сверху же и по бокамъ должны были быть представлены, въ гораздо меньшемъ размѣрѣ, относящіяся къ этому событію наросшія на него преданія и сказанія, или сюжеты изъ Ветхаго Завѣта, гдѣ говорится о Мессіи; наконецъ, подобныя же событія, встрѣчаемыя въ Ветхомъ Завѣтѣ. Даже Ивановъ думалъ, въ той комнатѣ, гдѣ изобразитъ рожденіе Христа, окружить эту картину изображеніями миѳическаго рожденія боговъ различныхъ миѳологій, а также и рожденія великихъ людей. Теперь мы имѣемъ на лицо только отдѣльные листы, собранные изъ различныхъ альбомовъ, но они, однакоже, всѣ вмѣстѣ имѣютъ свой историческій порядокъ, начиная съ пророчества о рожденіи Спасителя, и кончая Вознесеніемъ и Апостолами, крестящими народъ. На каждомъ изъ этихъ рисунковъ множество замѣтокъ и ссылокъ изъ различныхъ мѣстъ Библіи, или толкованій на нее.

Всѣхъ рисунковъ на Новый Завѣтъ 168, на Ветхій Завѣтъ — 78. Многіе изъ нихъ набросаны только углемъ, другіе обведены акварелью, третьи только проложены, въ видѣ пятенъ свѣта и тѣни, сепіей, но каждый рисунокъ интересенъ въ высшей степени, по своей совершенно новой композиціи. Есть такіе сюжеты, которые не были еще замѣчены никѣмъ изъ другихъ художниковъ. Многіе будутъ, пожалуй думать, что такъ какъ онъ былъ въ послѣднее время человѣкомъ мало религіознымъ, то всѣ вообще эти сюжеты были имъ трактованы не въ христіанскомъ смыслѣ; но совершенно наоборотъ, начиная съ перваго и до послѣдняго, всѣ проникнуты истинно-христіанскимъ пониманіемъ Евангелія, и каждая композиція, отдѣльно взятая, могла бы служить лучшимъ украшеніемъ какого хотите храма.

Христосъ вездѣ является въ своемъ величіи и простотѣ. Иногда передъ вами едва въ нѣсколькихъ чертахъ накинутая фигура — и вы всетаки тотчасъ въ ней узнаете фигуру Христа.

Христосъ, идущій съ проповѣди; Христосъ между учениками, говорящій о царствіи небесномъ; Христосъ сидящій между свитками Свящ. Писанія; Христосъ встрѣчающій Никодима; дворъ, изъ котораго Богоматерь и жены смотрятъ на распятаго Христа; Распятіе, Положеніе во гробъ — все это принадлежитъ къ такимъ композиціямъ, которыя, разъ увидавши, никогда не забудешь.

Стараясь найти по возможности археологическую вѣрность, онъ долго работалъ надъ изученіемъ Соломонова Храма, по тѣмъ англійскимъ изданіямъ, которыя явились въ послѣднее время, и постоянно совѣтовался съ своимъ братомъ, архитекторомъ. Христосъ проповѣдующій въ Соломоновомъ Храмѣ повторенъ у него въ нѣсколькихъ рисункахъ, различно сочиненныхъ.

Во всѣхъ этихъ рисункахъ, естественность въ поло-

женіи, красота линій и ясность сюжета—все соединено вмѣстѣ.

Есть рисунокъ, наполненный одними костюмами еврейскими, весь исписанный, откуда что взято, какой пророкъ или какой законъ говоритъ о томъ или другомъ костюмѣ.

Теперь изданіе рисунковъ Иванова начинаетъ появляться въ свѣтъ выпусками, и когда будетъ все издано, оригиналы сдѣлаются собственностью Московскаго Публичнаго Музея (бывшаго Румянцевскаго).

Археологическій Прусскій Институтъ принялъ въ даръ, по духовному завѣщанію покойнаго брата живописца, архитектора Сергѣя Иванова, весь оставшійся послѣ него капиталъ, съ тѣмъ, чтобы на проценты съ этого капитала были изданы имъ всѣ композиціи А. А. Иванова, а затѣмъ реставраціи различныхъ древнихъ зданій, сдѣланныя С. А. Ивановымъ. По окончаніи всѣхъ этихъ изданій, проценты будутъ дѣлиться на двѣ части: одна поступитъ въ петербургскую Академію наукъ, для преміи за лучшее сочиненіе по естественной исторіи; другая—пойдетъ на археологическія раскопки въ Италіи, Греціи и Малой Азіи.

Институтъ съ благодарностью принялъ этотъ даръ, и уже началъ издавать композиціи Александра Андреевича Иванова. Остается желать, чтобы по возможности скоро было все издано, и тогда, конечно, еще болѣе возвысится значеніе славнаго нашего художника.

женіи, красота линій и ясность сюжета—все соединено вмѣстѣ.

Есть рисунокъ, наполненный одними костюмами еврейскими, весь исписанный, откуда что взято, какой пророкъ или какой законъ говоритъ о томъ или другомъ костюмѣ.

Теперь изданіе рисунковъ Иванова начинаетъ появляться въ свѣтъ выпусками, и когда будетъ все издано, оригиналы сдѣлаются собственностью Московскаго Публичнаго Музея (бывшаго Румянцевскаго).

Археологическій Прусскій Институтъ принялъ въ даръ, по духовному завѣщанію покойнаго брата живописца, архитектора Сергѣя Иванова, весь оставшійся послѣ него капиталъ, съ тѣмъ, чтобы на проценты съ этого капитала были изданы имъ всѣ композиціи А. А. Иванова, а затѣмъ реставраціи различныхъ древнихъ зданій, сдѣланныя С. А. Ивановымъ. По окончаніи всѣхъ этихъ изданій, проценты будутъ дѣлиться на двѣ части: одна поступитъ въ петербургскую Академію наукъ, для преміи за лучшее сочиненіе по естественной исторіи; другая—пойдетъ на археологическія раскопки въ Италіи, Греціи и Малой Азіи.

Институтъ съ благодарностью принялъ этотъ даръ, и уже началъ издавать композиціи Александра Андреевича Иванова. Остается желать, чтобы по возможности скоро было все издано, и тогда, конечно, еще болѣе возвысится значеніе славнаго нашего художника.

II.

КЪ К. И. РАБУСУ [1]).

(С.-Петербургъ) 27 апрѣля 1829 г.

Карлъ Ивановичъ!

Я душевно радовался, имѣя ваши письма передъ глазами, и, разсуждая объ отвѣтѣ, вотъ что̀ мнѣ представилось: званіе ваше и неравенство лѣтъ сильно противоборствовали слову вашему: «мы художники» и, наконецъ, «по упорномъ и долгомъ сраженіи», первое опровергнувъ сильнаго противника, опредѣлило, что я въ отношеніи къ вамъ меньше долженъ имѣть братскаго обращенія, а болѣе почтительности.

Впрочемъ, убѣгая скучныхъ учтивостей, не стану описывать то время, когда вы, пребывая въ Петербургѣ, отторгали мою душу отъ мрачныхъ и непріятныхъ мыслей, которыя теперь рѣдко посѣщаютъ меня; коротко скажу, что пребываніе ваше здѣсь мнѣ доставляло пользу вмѣстѣ съ пріятностью, и потому вы можете себѣ представить, сколько отрадно мнѣ получать отъ васъ письма, которыя называю я подарками.

Правда, я весьма затруднялся, не зная вашего адреса, и потому не пеняйте, что не разговаривалъ до сихъ поръ съ вами. Теперь вы это поправили. Я это время, т.-е. начиная со страстной недѣли, и теперь все еще веду знакомство съ пластырями, микстурами, порошками и проч.; а досаднѣе всего, что это препятствуетъ теченію моихъ дѣлъ, коихъ срокъ и безъ того коротокъ; впрочемъ, рисунокъ «Бойца» [2]), въ величину статуи, почти оконченъ, и я получилъ за него одобреніе отъ членовъ Академіи и президента [3]),

---

[1]) Письма къ К. И. Рабусу (№ II—IX) были напечатаны скульпторомъ Н. А. Рамазановымъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1858 г. № 84, и въ „Матеріалахъ для исторіи художествъ въ Россіи“. (М. 1863), ч. I, стр. 204—212, съ примѣчаніями, которыя воспроизводятся и въ настоящемъ изданіи.

[2]) Огромный карандашный картонъ, присланный изъ академіи въ даръ Московскому училищу живописи и ваянія, гдѣ и нынѣ находится.

[3]) Алексѣй Николаевичъ Оленинъ.

также отъ нѣкоторыхъ членовъ Общества [1]), т.-е. «знатоковъ»; но, по странной привычкѣ, я словамъ не вѣрю, хотя и ихъ трудно пріобрѣсти, а смотрю на дѣло и тороплюсь ко дню отъѣзда его окончить, — и сей день не ранѣе будетъ, какъ видно изъ рѣшенія Общества, какъ въ концѣ лѣта, ибо, говорятъ, перемѣна климата много дѣйствуетъ на здоровье; то, дабы меня поберечь, за лучшее нашли приноровить прибытіе мое въ Римъ къ глубокой осени. И такъ, Карлъ Ивановичъ, если можно вамъ будетъ подождать до того времени, то вы симъ окажете мнѣ «великое благодѣяніе». Касательно рисунка съ головы Шиллера, то я тотчасъ по выздоровленіи постараюсь вамъ сіе сдѣлать; хотя я и теперь выхожу со двора, но все еще боюсь въ холодномъ циркулѣ [2]) заниматься вопреки совѣтамъ доктора. Скажите между прочимъ: въ письмѣ ли вамъ прислать рисунокъ или иначе — какъ придумаете? . . . .

(Здѣсь слѣдуетъ нѣсколько строкъ о первой любви Александра Андреевича къ молодой дѣвушкѣ, дочери музыканта Гюльпена, жившаго также въ Академіи [3]). Юношѣ Иванову предстояло выбирать женитьбу на любимой дѣвушкѣ или поѣздку въ Италію; но Рабусъ и въ этомъ случаѣ имѣлъ вліяніе на Александра Андреевича и, повидимому, склонилъ его на сторону Италіи, потому что въ этомъ же письмѣ встрѣчаются слѣдующія строки по тому же поводу): .... Я уже принесъ всеподданнѣйшую благодарность моему разуму, первымъ ощущеніемъ коего я опять-таки вамъ обязанъ. Свидѣтельствуетъ вамъ почтеніе нашъ домъ.

Въ заключеніе скажу вамъ новости:

Въ Академіи былъ Государь и, нашедши въ уставѣ ея, что она должна находиться подъ особымъ покровительствомъ Двора, подчинилъ ее Министерству Императорскаго Двора [4]).

---

[1]) Общество поощренія художниковъ.

[2]) Въ залахъ, выдающихся на круглый дворъ академіи, расположенныхъ по циркулю.

[3]) Старикъ Гюльпенъ, при помощи своего сына и другихъ артистовъ, обучалъ музыкѣ воспитанниковъ А[illegible] изъ которыхъ составлялся цѣлый оркестръ, человѣкъ въ 25. [illegible]

[4]) До того времени А[illegible]ствомъ министерства

Императоръ подарилъ Академіи двѣ копіи Басина: «Ангелъ будитъ и выводитъ св. Петра изъ темницы» (съ Рафаэля), а другая: «Причащеніе св. Іеронима» (съ Доменикина). Воробьевъ получилъ отъ Государя, за картину «Варна», бриліантовую табакерку.

Вездѣ кричатъ о романѣ «Иванъ Выжигинъ». Его здѣсь превозносятъ; — и я, бывъ отягченъ недугомъ и чувствуя себя не въ силахъ заниматься серьёзнымъ, прочиталъ сіи четыре части, и нашелъ, что Булгаринъ столько же имѣетъ дара описывать пороки, сколько самъ въ нихъ неподражаемъ; въ отношеніи же добродѣтели—во всемъ романѣ чувствуешь натяжку.

III.

КЪ К. И. РАБУСУ.

(С.-Петербургъ) 16-го августа 1829 г.

.....Между прочимъ скажу, что я имѣлъ въ виду четыре случая къ моему отправленію: 1-й, съ г. Ваньковичемъ; но по разнымъ обстоятельствамъ остался онъ навсегда жить въ своемъ помѣстьѣ; 2, съ Іорданомъ; но онъ уже въ Штеттинѣ и ѣдетъ далѣе; 3, съ Лапченко [1]); сіе казалось самымъ вѣрнымъ, но графъ Воронцовъ отложилъ его поѣздку впредь до разрѣшенія и 4, съ вами, Карлъ Ивановичъ, что не только вѣрнымъ мнѣ кажется (судя по вашему ко мнѣ расположенію), но и полезнымъ. Если же судьба своевольная и тутъ мнѣ откажетъ, то совершенно нѣтъ у меня мысли, какъ въ семъ весьма важномъ для меня случаѣ поступить.

Что же касается до рисунка съ головы Шиллера, то онъ уже давно готовъ, но обстоятельства до сихъ поръ весьма

народнаго просвѣщенія. Перемѣна эта произошла при министрѣ просвѣщенія графѣ Ливенѣ.

[1]) Живописецъ Лапченко былъ отправленъ въ Италію графомъ Воронцовымъ, гдѣ написалъ хорошую картину Сусанна, находящуюся въ академіи. По страсти онъ женился на красавицѣ, уроженкѣ Альбано, и уѣхалъ съ нею въ Малороссію; но тамъ его постигло несчастіе—онъ потерялъ зрѣніе.

были тѣсны и потому (совѣстно сказать) затрудненіе было въ его пересылкѣ, но съ будущей почтой непремѣнно вы его получите.

IV.

КЪ К. И. РАБУСУ.

(С.-Петербургъ) 13 сентября 1829 г.

Карлъ Ивановичъ!

Наконецъ я достигъ своей цѣли; Общество рѣшило отправить меня за-границу; но завершеніе сего весьма важнаго для меня путешествія зависитъ отъ васъ, т.-е. отъ васъ зависитъ мое счастіе, основаніе коего уже есть существующая дружба. Возьмите на себя трудъ распорядить нашъ путь, ибо я совершенно человѣкъ неопытный въ семъ случаѣ; мнѣнія же людей (совѣтчиковъ) не хочу придерживаться; трудно, не зная дѣла, слушать ихъ совѣты, противорѣчащіе между собою.

Когда мыслю, что Общество приходитъ въ упадокъ отъ усиливающихся недоимокъ, то весьма хочется поспѣшить симъ дѣломъ, т.-е. ѣхать нынѣшнею осенью. Я весьма досадую, что послалъ письмо 16-го августа къ вамъ незастрахованное; за сію вину—до сихъ поръ безъ отвѣта, столь важнаго въ настоящихъ обстоятельствахъ. Изъ послѣдняго же вашего письма я рѣшительно не могъ ничего предпринять въ разсужденіи отъѣзда.

Въ нынѣшнемъ письмѣ вы опять спрашиваете о г. Нотбекѣ. Былъ я у него по вашей просьбѣ; сказывалъ онъ мнѣ, что посылаетъ къ вамъ книги (которыя стоили ему хлопотъ), слѣдовательно и письмо.

Вы знаете, я думаю, что, сколько разъ я ни покушался съ нимъ быть въ нѣкоторой связи, всегда мнѣ не удавалось, и потому буду говорить вамъ, что̀ слышалъ о немъ. Онъ, вмѣстѣ съ Марковымъ, дѣлаетъ одинъ сюжетъ: «Смерть Сократа»; сіи картины рѣшатъ, кому изъ нихъ быть посланнымъ въ чужіе краи; впрочемъ, можетъ быть, ихъ пошлютъ обоихъ.

извѣстіемъ о кончинѣ брата, и не захотѣлъ пріѣхать въ Петербургъ, а прислалъ довѣренность, чтобы распорядиться продажей этюдовъ и полученіемъ денегъ за картину — двоюродному моему брату, художнику Серг. Петр. Постникову. Этюды почти всѣ были проданы, на сумму 25 тысячъ рублей.

Композиція картины и самая мысль ея чрезвычайно удачны. Іоаннъ кончаетъ свою проповѣдь, указывая міру на идущаго Христа. На среднемъ планѣ—фигура Іоанна Крестителя, худаго, истощеннаго, но мощнаго убѣжденіемъ, съ увлеченіемъ говорящаго: ясно, что всѣ его слушали, но быстро оборачиваются, чтобы увидать Христа. Его окружаютъ два апостола, Іоаннъ и Андрей, сзади фигура Наѳанаила и сомнѣвающагося апостола. Стоятъ они всѣ у берега Іордана, въ которомъ многіе только-что окрестились: одни уже вышли, другіе, какъ напр. мальчикъ и старикъ, спѣшатъ выдти, чтобы увидать Христа. Рабъ, подлѣ своего окрестившагося господина, вслушивается со слезами, и на лицѣ его является улыбка. Выраженіе этой головы превосходно. Старикъ, опираясь на руку молодого, спѣшитъ встать, чтобы посмотрѣть, что происходитъ. На правомъ планѣ отецъ, надѣвающій верхнее платье, и сынъ смотрятъ съ умиленіемъ на Іоанна; возлѣ нихъ фигура молодаго человѣка съ драпировкою въ рукахъ: онъ останавливается, чтобы вслушаться въ слова Іоанна. Сзади группа фарисевъ, пришедшихъ услыхать проповѣдь Іоанна; между ними есть и воины на лошадяхъ. На срединѣ втораго плана сидящая группа, кто обернулся въ ту сторону, откуда идетъ Христосъ, а кто углубляется въ рѣчь Іоанна. На заднемъ планѣ правой стороны, идетъ съ горы Христосъ, одинокая, величавая фигура, съ выраженіемъ спокойствія и грусти. Зритель невольно присоединяется къ толпѣ и всматривается въ эту фигуру, которая хотя

и на заднемъ планѣ, но очень замѣтна. Между деревьевъ съ лѣвой стороны видна группа людей, идущихъ на Іорданъ.—Рисунокъ, типы, выраженіе въ картинѣ— удивительны. Ее нельзя не причислить къ первокласнымъ историческимъ картинамъ. Я не касаюсь колорита—потому, что вся картина не приведена въ общій тонъ, но есть частности, написанныя превосходно. Драпировки всѣ чрезвычайно натуральны и полны стиля. Пейзажъ выполненъ съ необыкновеннымъ знаніемъ дѣла.—Очень жаль, что этюды разошлись по разнымъ любителямъ, было бы весьма интересно видѣть картину вмѣстѣ со всѣми этюдами и эскизами.

Занимаясь композиціями на Новый и Ветхій Завѣтъ, Ивановъ занятъ былъ мыслью исполнить ихъ на стѣнахъ, въ особо на то посвященномъ зданіи. Онъ желалъ придать этому труду нѣкоторую философическую основу. Главное и большое поле каждой стѣны должно было быть занято картиною, содержащею одно изъ замѣчательныхъ событій изъ жизни Христа; сверху же и по бокамъ должны были быть представлены, въ гораздо меньшемъ размѣрѣ, относящіяся къ этому событію наросшія на него преданія и сказанія, или сюжеты изъ Ветхаго Завѣта, гдѣ говорится о Мессіи; наконецъ, подобныя же событія, встрѣчаемыя въ Ветхомъ Завѣтѣ. Даже Ивановъ думалъ, въ той комнатѣ, гдѣ изобразитъ рожденіе Христа, окружить эту картину изображеніями миѳическаго рожденія боговъ различныхъ миѳологій, а также и рожденія великихъ людей. Теперь мы имѣемъ на лицо только отдѣльные листы, собранные изъ различныхъ альбомовъ, но они, однакоже, всѣ вмѣстѣ имѣютъ свой историческій порядокъ, начиная съ пророчества о рожденіи Спасителя, и кончая Вознесеніемъ и Апостолами, крестящими народъ. На каждомъ изъ этихъ рисунковъ множество замѣтокъ и ссылокъ изъ различныхъ мѣстъ Библіи, или толкованій на нее.

Всѣхъ рисунковъ на Новый Завѣтъ 168, на Ветхій Завѣтъ — 78. Многіе изъ нихъ набросаны только углемъ, другіе обведены акварелью, третьи только проложены, въ видѣ пятенъ свѣта и тѣни, сепіей, но каждый рисунокъ интересенъ въ высшей степени, по своей совершенно новой композиціи. Есть такіе сюжеты, которые не были еще замѣчены никѣмъ изъ другихъ художниковъ. Многіе будутъ, пожалуй думать, что такъ какъ онъ былъ въ послѣднее время человѣкомъ мало религіознымъ, то всѣ вообще эти сюжеты были имъ трактованы не въ христіанскомъ смыслѣ; но совершенно наоборотъ, начиная съ перваго и до послѣдняго, всѣ проникнуты истинно-христіанскимъ пониманіемъ Евангелія, и каждая композиція, отдѣльно взятая, могла бы служить лучшимъ украшеніемъ какого хотите храма.

Христосъ вездѣ является въ своемъ величіи и простотѣ. Иногда передъ вами едва въ нѣсколькихъ чертахъ накинутая фигура — и вы всетаки тотчасъ въ ней узнаете фигуру Христа.

Христосъ, идущій съ проповѣди; Христосъ между учениками, говорящій о царствіи небесномъ; Христосъ сидящій между свитками Свящ. Писанія; Христосъ встрѣчающій Никодима; дворъ, изъ котораго Богоматерь и жены смотрятъ на распятаго Христа; Распятіе, Положеніе во гробъ — все это принадлежитъ къ такимъ композиціямъ, которыя, разъ увидавши, никогда не забудешь.

Стараясь найти по возможности археологическую вѣрность, онъ долго работалъ надъ изученіемъ Соломонова Храма, по тѣмъ англійскимъ изданіямъ, которыя явились въ послѣднее время, и постоянно совѣтовался съ своимъ братомъ, архитекторомъ. Христосъ проповѣдующій въ Соломоновомъ Храмѣ повторенъ у него въ нѣсколькихъ рисункахъ, различно сочиненныхъ.

Во всѣхъ этихъ рисункахъ, естественность въ поло-

женіи, красота линій и ясность сюжета—все соединено вмѣстѣ.

Есть рисунокъ, наполненный одними костюмами еврейскими, весь исписанный, откуда что взято, какой пророкъ или какой законъ говоритъ о томъ или другомъ костюмѣ.

Теперь изданіе рисунковъ Иванова начинаетъ появляться въ свѣтъ выпусками, и когда будетъ все издано, оригиналы сдѣлаются собственностью Московскаго Публичнаго Музея (бывшаго Румянцевскаго).

Археологическій Прусскій Институтъ принялъ въ даръ, по духовному завѣщанію покойнаго брата живописца, архитектора Сергѣя Иванова, весь оставшійся послѣ него капиталъ, съ тѣмъ, чтобы на проценты съ этого капитала были изданы имъ всѣ композиціи А. А. Иванова, а затѣмъ реставраціи различныхъ древнихъ зданій, сдѣланныя С. А. Ивановымъ. По окончаніи всѣхъ этихъ изданій, проценты будутъ дѣлиться на двѣ части: одна поступитъ въ петербургскую Академію наукъ, для преміи за лучшее сочиненіе по естественной исторіи; другая—пойдетъ на археологическія раскопки въ Италіи, Греціи и Малой Азіи.

Институтъ съ благодарностью принялъ этотъ даръ, и уже началъ издавать композиціи Александра Андреевича Иванова. Остается желать, чтобы по возможности скоро было все издано, и тогда, конечно, еще болѣе возвысится значеніе славнаго нашего художника.

также отъ нѣкоторыхъ членовъ Общества [1]), т.-е. «знатоковъ»; но, по странной привычкѣ, я словамъ не вѣрю, хотя и ихъ трудно пріобрѣсти, а смотрю на дѣло и тороплюсь ко дню отъѣзда его окончить, — и сей день не ранѣе будетъ, какъ видно изъ рѣшенія Общества, какъ въ концѣ лѣта, ибо, говорятъ, перемѣна климата много дѣйствуетъ на здоровье; то, дабы меня поберечь, за лучшее нашли приноровить прибытіе мое въ Римъ къ глубокой осени. И такъ, Карлъ Ивановичъ, если можно вамъ будетъ подождать до того времени, то вы симъ окажете мнѣ «великое благодѣяніе». Касательно рисунка съ головы Шиллера, то я тотчасъ по выздоровленіи постараюсь вамъ сіе сдѣлать; хотя я и теперь выхожу со двора, но все еще боюсь въ холодномъ циркулѣ [2]) заниматься вопреки совѣтамъ доктора. Скажите между прочимъ: въ письмѣ ли вамъ прислать рисунокъ или иначе — какъ придумаете? . . . .

(Здѣсь слѣдуетъ нѣсколько строкъ о первой любви Александра Андреевича къ молодой дѣвушкѣ, дочери музыканта Гюльпена, жившаго также въ Академіи [3]). Юношѣ Иванову предстояло выбирать женитьбу на любимой дѣвушкѣ или поѣздку въ Италію; но Рабусъ и въ этомъ случаѣ имѣлъ вліяніе на Александра Андреевича и, повидимому, склонилъ его на сторону Италіи, потому что въ этомъ же письмѣ встрѣчаются слѣдующія строки по тому же поводу): .... Я уже принесъ всеподданнѣйшую благодарность моему разуму, первымъ ощущеніемъ коего я опять-таки вамъ обязанъ. Свидѣтельствуетъ вамъ почтеніе нашъ домъ.

Въ заключеніе скажу вамъ новости:

Въ Академіи былъ Государь и, нашедши въ уставѣ ея, что она должна находиться подъ особымъ покровительствомъ Двора, подчинилъ ее Министерству Императорскаго Двора [4]).

---

[1]) Общество поощренія художниковъ.

[2]) Въ залахъ, выдающихся на круглый дворъ академіи, расположенныхъ по циркулю.

[3]) Старикъ Гюльпенъ, при помощи своего сына и другихъ артистовъ, обучалъ музыкѣ воспитанниковъ Академіи, изъ которыхъ составлялся цѣлый оркестръ, человѣкъ въ 25.

[4]) До того времени Академія находилась подъ вѣдомствомъ министерства

II.

КЪ К. И. РАБУСУ [1]).

(С.-Петербургъ) 27 апрѣля 1829 г.

Карлъ Ивановичъ!

Я душевно радовался, имѣя ваши письма передъ глазами, и, разсуждая объ отвѣтѣ, вотъ что̀ мнѣ представилось: званіе ваше и неравенство лѣтъ сильно противоборствовали слову вашему: «мы художники» и, наконецъ, «по упорномъ и долгомъ сраженіи», первое опровергнувъ сильнаго противника, опредѣлило, что я въ отношеніи къ вамъ меньше долженъ имѣть братскаго обращенія, а болѣе почтительности.

Впрочемъ, убѣгая скучныхъ учтивостей, не стану описывать то время, когда вы, пребывая въ Петербургѣ, отторгали мою душу отъ мрачныхъ и непріятныхъ мыслей, которыя теперь рѣдко посѣщаютъ меня; коротко скажу, что пребываніе ваше здѣсь мнѣ доставляло пользу вмѣстѣ съ пріятностью, и потому вы можете себѣ представить, сколько отрадно мнѣ получать отъ васъ письма, которыя называю я подарками.

Правда, я весьма затруднялся, не зная вашего адреса, и потому не пеняйте, что не разговаривалъ до сихъ поръ съ вами. Теперь вы это поправили. Я это время, т.-е. начиная со страстной недѣли, и теперь все еще веду знакомство съ пластырями, микстурами, порошками и проч.; а досаднѣе всего, что это препятствуетъ теченію моихъ дѣлъ, коихъ срокъ и безъ того коротокъ; впрочемъ, рисунокъ «Бойца» [2]), въ величину статуи, почти оконченъ, и я получилъ за него одобреніе отъ членовъ Академіи и президента [3]),

---

[1]) Письма къ К. И. Рабусу (№ II—IX) были напечатаны скульпторомъ Н. А. Рамазановымъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1858 г. № 84, и въ „Матеріалахъ для исторіи художествъ въ Россіи“. (М. 1863), ч. I, стр. 204—212, съ примѣчаніями, которыя воспроизводятся и въ настоящемъ изданіи.

[2]) Огромный карандашный картонъ, присланный изъ академіи въ даръ Московскому училищу живописи и ваянія, гдѣ и нынѣ находится.

[3]) Алексѣй Николаевичъ Оленинъ.

также отъ нѣкоторыхъ членовъ Общества [1]), т.-е. «знатоковъ»; но, по странной привычкѣ, я словамъ не вѣрю, хотя и ихъ трудно пріобрѣсти, а смотрю на дѣло и тороплюсь ко дню отъѣзда его окончить, — и сей день не ранѣе будетъ, какъ видно изъ рѣшенія Общества, какъ въ концѣ лѣта, ибо, говорятъ, перемѣна климата много дѣйствуетъ на здоровье; то, дабы меня поберечь, за лучшее нашли принаровить прибытіе мое въ Римъ къ глубокой осени. И такъ, Карлъ Ивановичъ, если можно вамъ будетъ подождать до того времени, то вы симъ окажете мнѣ «великое благодѣяніе». Касательно рисунка съ головы Шиллера, то я тотчасъ по выздоровленіи постараюсь вамъ сіе сдѣлать; хотя я и теперь выхожу со двора, но все еще боюсь въ холодномъ циркулѣ [2]) заниматься вопреки совѣтамъ доктора. Скажите между прочимъ: въ письмѣ ли вамъ прислать рисунокъ или иначе — какъ придумаете? . . . .

(Здѣсь слѣдуетъ нѣсколько строкъ о первой любви Александра Андреевича къ молодой дѣвушкѣ, дочери музыканта Гюльпена, жившаго также въ Академіи [3]). Юношѣ Иванову предстояло выбирать женитьбу на любимой дѣвушкѣ или поѣздку въ Италію; но Рабусъ и въ этомъ случаѣ имѣлъ вліяніе на Александра Андреевича и, повидимому, склонилъ его на сторону Италіи, потому что въ этомъ же письмѣ встрѣчаются слѣдующія строки по тому же поводу): .... Я уже принесъ всеподданнѣйшую благодарность моему разуму, первымъ ощущеніемъ коего я опять-таки вамъ обязанъ. Свидѣтельствуетъ вамъ почтеніе нашъ домъ.

Въ заключеніе скажу вамъ новости:

Въ Академіи былъ Государь и, нашедши въ уставѣ ея, что она должна находиться подъ особымъ покровительствомъ Двора, подчинилъ ее Министерству Императорскаго Двора [4]).

---

[1]) Общество поощренія художниковъ.

[2]) Въ залахъ, выдающихся на круглый дворъ академіи, расположенныхъ по циркулю.

[3]) Старикъ Гюльпенъ, при помощи своего сына и другихъ артистовъ, обучалъ музыкѣ воспитанниковъ Академіи, изъ которыхъ составлялся цѣлый оркестръ, человѣкъ въ 25.

[4]) До того времени Академія находилась подъ вѣдомств

Императоръ подарилъ Академіи двѣ копіи Басина: «Ангелъ будитъ и выводитъ св. Петра изъ темницы» (съ Рафаэля), а другая: «Причащеніе св. Іеронима» (съ Доменикина). Воробьевъ получилъ отъ Государя, за картину «Варна», бриліантовую табакерку.

Вездѣ кричатъ о романѣ «Иванъ Выжигинъ». Его здѣсь превозносятъ; — и я, бывъ отягченъ недугомъ и чувствуя себя не въ силахъ заниматься серьёзнымъ, прочиталъ сіи четыре части, и нашелъ, что Булгаринъ столько же имѣетъ дара описывать пороки, сколько самъ въ нихъ неподражаемъ; въ отношеніи же добродѣтели—во всемъ романѣ чувствуешь натяжку.

III.

КЪ К. И. РАБУСУ.

(С.-Петербургъ) 16-го августа 1829 г.

.....Между прочимъ скажу, что я имѣлъ въ виду четыре случая къ моему отправленію: 1-й, съ г. Ваньковичемъ; но по разнымъ обстоятельствамъ остался онъ навсегда жить въ своемъ помѣстьѣ; 2, съ Іорданомъ; но онъ уже въ Штеттинѣ и ѣдетъ далѣе; 3, съ Лапченко [1]); сіе казалось самымъ вѣрнымъ, но графъ Воронцовъ отложилъ его поѣздку впредь до разрѣшенія и 4, съ вами, Карлъ Ивановичъ, что не только вѣрнымъ мнѣ кажется (судя по вашему ко мнѣ расположенію), но и полезнымъ. Если же судьба своевольная и тутъ мнѣ откажетъ, то совершенно нѣтъ у меня мысли, какъ въ семъ весьма важномъ для меня случаѣ поступить.

Что же касается до рисунка съ головы Шиллера, то онъ уже давно готовъ, но обстоятельства до сихъ поръ весьма

народнаго просвѣщенія. Перемѣна эта произошла при министрѣ просвѣщенія графѣ Ливенѣ.

[1]) Живописецъ Лапченко былъ отправленъ въ Италію графомъ Воронцовымъ, гдѣ написалъ хорошую картину Сусанна, находящуюся въ академіи. По страсти онъ женился на красавицѣ, уроженкѣ Альбано, и уѣхалъ съ нею въ Малороссію; но тамъ его постигло несчастіе—онъ потерялъ зрѣніе.

были тѣсны и потому (совѣстно сказать) затрудненіе было въ его пересылкѣ, но съ будущей почтой непремѣнно вы его получите.

IV.

КЪ К. И. РАБУСУ.

(С.-Петербургъ) 13 сентября 1829 г.

Карлъ Ивановичъ!

Наконецъ я достигъ своей цѣли; Общество рѣшило отправить меня за-границу; но завершеніе сего весьма важнаго для меня путешествія зависитъ отъ васъ, т.-е. отъ васъ зависитъ мое счастіе, основаніе коего уже есть существующая дружба. Возьмите на себя трудъ распорядить нашъ путь, ибо я совершенно человѣкъ неопытный въ семъ случаѣ; мнѣнія же людей (совѣтчиковъ) не хочу придерживаться; трудно, не зная дѣла, слушать ихъ совѣты, противорѣчащіе между собою.

Когда мыслю, что Общество приходитъ въ упадокъ отъ усиливающихся недоимокъ, то весьма хочется поспѣшить симъ дѣломъ, т.-е. ѣхать нынѣшнею осенью. Я весьма досадую, что послалъ письмо 16-го августа къ вамъ незастрахованное; за сію вину—до сихъ поръ безъ отвѣта, столь важнаго въ настоящихъ обстоятельствахъ. Изъ послѣдняго же вашего письма я рѣшительно не могъ ничего предпринять въ разсужденіи отъѣзда.

Въ нынѣшнемъ письмѣ вы опять спрашиваете о г. Нотбекѣ. Былъ я у него по вашей просьбѣ; сказывалъ онъ мнѣ, что посылаетъ къ вамъ книги (которыя стоили ему хлопотъ), слѣдовательно и письмо.

Вы знаете, я думаю, что, сколько разъ я ни покушался съ нимъ быть въ нѣкоторой связи, всегда мнѣ не удавалось, и потому буду говорить вамъ, что̀ слышалъ о немъ. Онъ, вмѣстѣ съ Марковымъ, дѣлаетъ одинъ сюжетъ: «Смерть Сократа»; сіи картины рѣшатъ, кому изъ нихъ быть посланнымъ въ чужіе краи; впрочемъ, можетъ быть, ихъ пошлютъ обоихъ.

чилъ я и выговоръ за продолжительность времени, которое я употребилъ на сей рисунокъ (т.-е. 6 мѣсяцевъ). Обезпокоенный симъ, долженъ былъ я начать картину, представляющую «Беллерофона», когда онъ отправляется въ походъ противъ Химеры [1]). Во время производства я терпѣлъ разныя непріятности, въ числѣ которыхъ была и та, что, давно не пріобрѣтая трудами денегъ, я истощилъ казну свою.

Срокъ или конецъ прошедшаго лѣта окончилъ и мою картину, которая была принята съ неудовольствіемъ: говорили, что она совсѣмъ не превосходитъ «Іосифа въ темницѣ» и что имъ [2]) оскорбительно, что я не слушаю ихъ совѣтовъ въ разсужденіи композиціи. Однимъ словомъ, упомянутая картинка чуть не поколебала отправленіе мое въ чужіе края.... Въ сихъ-то обстоятельствахъ, любезнѣйшій Карлъ Ивановичъ, вы мнѣ подали руку дружества;—отсюда-то я называю ваши письма лучшими подарками. Теперь остается сказать нѣчто о будущности (хотя она извѣстна одному Богу). Тутъ мнѣ грозятъ строжайшей инструкціей и за неисполненіе одного хотя маловажнаго пункта, я буду лишенъ срочнаго пребыварія за границей. Ожесточенные поступками Карла Брюллова, они, грозя ему палкою, надъ первымъ мною хотятъ привести въ дѣйствіе свои несбыточныя приказанія. Часто разстроенный душевно, не мудрено, что я впадалъ въ болѣзнь; но я уже начинаю привыкать къ непріятностямъ.

Объяснивъ вамъ тайны, касающіяся до моего здоровья, я возвращаюсь къ покорнѣйшимъ услугамъ. — Исторія художествъ, о которой вы говорите, весьма мнѣ кажется важною; на русскомъ языкѣ есть, кажется, нѣкоторыя изъ нея статьи въ «Журналѣ изящныхъ искусствъ» [3]), впрочемъ нигдѣ бобѣе; — итакъ, я буду надѣяться ее имѣть.

Посылаю Иліаду; цѣна оной вамъ извѣстна, за исключеніемъ вѣсовыхъ и укладки; я думаю останется 25 рублей на будущія ваши издержки.

~~~~~~

[1]) Картина находится у М. П. Боткина въ Петербургѣ.

[2]) Членамъ Общества поощренія художниковъ.

[3]) Изд. В. И. Григоровича.
~~~~~~

VII.

КЪ К. И. РАБУСУ.

(С.-Петербургъ) 15 декабря 1829 г.

Карлъ Ивановичъ!

Признаться вамъ долженъ, что при каждомъ воспоминаніи о вашемъ трудѣ, собственно для меня начатомъ [1]), я сердечно сознаюсь, что не стою его; даже иногда разсматривая сіе, приходитъ мнѣ въ мысли отклонить васъ отъ сего полезнаго для меня предпріятія. Да и кто бы подумалъ, чтобы изъ прошенныхъ двухъ строкъ выросъ такой исполинъ. Впрочемъ, если судьбы рѣшили сіе, то неужели онѣ откажутъ въ заслугахъ съ моей стороны? Обильныя ваши наставленія (я уже плодъ ихъ вкусилъ, читавъ Исторію литературы древнихъ и новыхъ народовъ, Фр. Шлегеля) доставляютъ мнѣ полное удовольствіе. Вы мнѣ назвали великихъ писателей, между коими нахожу знакомаго Зульцера; я читалъ его теорію. Потомъ вы говорите о просвѣщеніи художниковъ. Думая о семъ врожденномъ стремленіи каждаго благомыслящаго, я почелъ необходимымъ поправить свою жестокую ошибку, хотя нѣсколько поздно,—и теперь учусь по-французски (ибо я къ нѣмецкому вовсе не приготовленъ), чтобы не быть въ чужихъ краяхъ безъ книгъ и безъ языка.

VIII.

КЪ К. И. РАБУСУ.

(С.-Петербургъ конецъ 1829 г.)

Карлъ Ивановичъ!

Я чувствую теперь значительное облегченіе, частію отъ времени (которому Вольтеръ въ своихъ думахъ воздвигнулъ

[1]) Рѣчь идетъ, должно полагать, о переводѣ чего-то серьёзнаго съ нѣмецкаго языка.

VII.

КЪ К. И. РАБУСУ.

(С.-Петербургъ) 15 декабря 1829 г.

Карлъ Ивановичъ!

Признаться вамъ долженъ, что при каждомъ воспоминаніи о вашемъ трудѣ, собственно для меня начатомъ [1]), я сердечно сознаюсь, что не стѡю его; даже иногда разсматривая сіе, приходитъ мнѣ въ мысли отклонить васъ отъ сего полезнаго для меня предпріятія. Да и кто бы подумалъ, чтобы изъ прошенныхъ двухъ строкъ выросъ такой исполинъ. Впрочемъ, если судьбы рѣшили сіе, то неужели онѣ откажутъ въ заслугахъ съ моей стороны? Обильныя ваши наставленія (я уже плодъ ихъ вкусилъ, читавъ Исторію литературы древнихъ и новыхъ народовъ, Фр. Шлегеля) доставляютъ мнѣ полное удовольствіе. Вы мнѣ назвали великихъ писателей, между коими нахожу знакомаго Зульцера; я читалъ его теорію. Потомъ вы говорите о просвѣщеніи художниковъ. Думая о семъ врожденномъ стремленіи каждаго благомыслящаго, я почелъ необходимымъ поправить свою жестокую ошибку, хотя нѣсколько поздно,—и теперь учусь по-французски (ибо я къ нѣмецкому вовсе не приготовленъ), чтобы не быть въ чужихъ краяхъ безъ книгъ и безъ языка.

VIII.

КЪ К. И. РАБУСУ.

(С.-Петербургъ конецъ 1829 г.)

Карлъ Ивановичъ!

Я чувствую теперь значительное облегченіе, частію отъ времени (которому Вольтеръ въ своихъ думахъ воздвигнулъ

---

[1]) Рѣчь идетъ, должно полагать, о переводѣ чего-то серьёзнаго съ нѣмецкаго языка.

II.

КЪ К. И. РАБУСУ [1]).

(С.-Петербургъ) 27 апрѣля 1829 г.

Карлъ Ивановичъ!

Я душевно радовался, имѣя ваши письма передъ глазами, и, разсуждая объ отвѣтѣ, вотъ что̀ мнѣ представилось: званіе ваше и неравенство лѣтъ сильно противоборствовали слову вашему: «мы художники» и, наконецъ, «по упорномъ и долгомъ сраженіи», первое опровергнувъ сильнаго противника, опредѣлило, что я въ отношеніи къ вамъ меньше долженъ имѣть братскаго обращенія, а болѣе почтительности.

Впрочемъ, убѣгая скучныхъ учтивостей, не стану описывать то время, когда вы, пребывая въ Петербургѣ, отторгали мою душу отъ мрачныхъ и непріятныхъ мыслей, которыя теперь рѣдко посѣщаютъ меня; коротко скажу, что пребываніе ваше здѣсь мнѣ доставляло пользу вмѣстѣ съ пріятностью, и потому вы можете себѣ представить, сколько отрадно мнѣ получать отъ васъ письма, которыя называю я подарками.

Правда, я весьма затруднялся, не зная вашего адреса, и потому не пеняйте, что не разговаривалъ до сихъ поръ съ вами. Теперь вы это поправили. Я это время, т.-е. начиная со страстной недѣли, и теперь все еще веду знакомство съ пластырями, микстурами, порошками и проч.; а досаднѣе всего, что это препятствуетъ теченію моихъ дѣлъ, коихъ срокъ и безъ того коротокъ; впрочемъ, рисунокъ «Бойца» [2]), въ величину статуи, почти оконченъ, и я получилъ за него одобреніе отъ членовъ Академіи и президента [3]),

---

[1]) Письма къ К. И. Рабусу (№ II—IX) были напечатаны скульпторомъ Н. А. Рамазановымъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1858 г. № 84, и въ „Матеріалахъ для исторіи художествъ въ Россіи“. (М. 1863), ч. I, стр. 204—212, съ примѣчаніями, которыя воспроизводятся и въ настоящемъ изданіи.

[2]) Огромный карандашный картонъ, присланный изъ академіи въ даръ Московскому училищу живописи и ваянія, гдѣ и нынѣ находится.

[3]) Алексѣй Николаевичъ Оленинъ.

также отъ нѣкоторыхъ членовъ Общества [1]), т.-е. «знатоковъ»; но, по странной привычкѣ, я словамъ не вѣрю, хотя и ихъ трудно пріобрѣсти, а смотрю на дѣло и тороплюсь ко дню отъѣзда его окончить, — и сей день не ранѣе будетъ, какъ видно изъ рѣшенія Общества, какъ въ концѣ лѣта, ибо, говорятъ, перемѣна климата много дѣйствуетъ на здоровье; то, дабы меня поберечь, за лучшее нашли приноровить прибытіе мое въ Римъ къ глубокой осени. И такъ, Карлъ Ивановичъ, если можно вамъ будетъ подождать до того времени, то вы симъ окажете мнѣ «великое благодѣяніе». Касательно рисунка съ головы Шиллера, то я тотчасъ по выздоровленіи постараюсь вамъ сіе сдѣлать; хотя я и теперь выхожу со двора, но все еще боюсь въ холодномъ циркулѣ [2]) заниматься вопреки совѣтамъ доктора. Скажите между прочимъ: въ письмѣ ли вамъ прислать рисунокъ или иначе — какъ придумаете? . . . .

(Здѣсь слѣдуетъ нѣсколько строкъ о первой любви Александра Андреевича къ молодой дѣвушкѣ, дочери музыканта Гюльпена, жившаго также въ Академіи [3]). Юношѣ Иванову предстояло выбирать женитьбу на любимой дѣвушкѣ или поѣздку въ Италію; но Рабусъ и въ этомъ случаѣ имѣлъ вліяніе на Александра Андреевича и, повидимому, склонилъ его на сторону Италіи, потому что въ этомъ же письмѣ встрѣчаются слѣдующія строки по тому же поводу): .... Я уже принесъ всеподданнѣйшую благодарность моему разуму, первымъ ощущеніемъ коего я опять-таки вамъ обязанъ. Свидѣтельствуетъ вамъ почтеніе нашъ домъ.

Въ заключеніе скажу вамъ новости:

Въ Академіи былъ Государь и, нашедши въ уставѣ ея, что она должна находиться подъ особымъ покровительствомъ Двора, подчинилъ ее Министерству Императорскаго Двора [4]).

---

[1]) Общество поощренія художниковъ.

[2]) Въ залахъ, выдающихся на круглый дворъ академіи, расположенныхъ по циркулю.

[3]) Старикъ Гюльпенъ, при помощи своего сына и другихъ артистовъ, обучалъ музыкѣ воспитанниковъ Академіи, изъ которыхъ составлялся цѣлый оркестръ, человѣкъ въ 25.

[4]) До того времени Академія находилась подъ вѣдомствомъ министерства

Императоръ подарилъ Академіи двѣ копіи Басина: «Ангелъ будитъ и выводитъ св. Петра изъ темницы» (съ Рафаэля), а другая: «Причащеніе св. Іеронима» (съ Доменикина). Воробьевъ получилъ отъ Государя, за картину «Варна», бриліантовую табакерку.

Вездѣ кричатъ о романѣ «Иванъ Выжигинъ». Его здѣсь превозносятъ; — и я, бывъ отягченъ недугомъ и чувствуя себя не въ силахъ заниматься серьёзнымъ, прочиталъ сіи четыре части, и нашелъ, что Булгаринъ столько же имѣетъ дара описывать пороки, сколько самъ въ нихъ неподражаемъ; въ отношеніи же добродѣтели—во всемъ романѣ чувствуешь натяжку.

III.

КЪ К. И. РАБУСУ.

(С.-Петербургъ) 16-го августа 1829 г.

.....Между прочимъ скажу, что я имѣлъ въ виду четыре случая къ моему отправленію: 1-й, съ г. Ваньковичемъ; но по разнымъ обстоятельствамъ остался онъ навсегда жить въ своемъ помѣстьѣ; 2, съ Іорданомъ; но онъ уже въ Штеттинѣ и ѣдетъ далѣе; 3, съ Лапченко [1]); сіе казалось самымъ вѣрнымъ, но графъ Воронцовъ отложилъ его поѣздку впредь до разрѣшенія и 4, съ вами, Карлъ Ивановичъ, что не только вѣрнымъ мнѣ кажется (судя по вашему ко мнѣ расположенію), но и полезнымъ. Если же судьба своевольная и тутъ мнѣ откажетъ, то совершенно нѣтъ у меня мысли, какъ въ семъ весьма важномъ для меня случаѣ поступить.

Что же касается до рисунка съ головы Шиллера, то онъ уже давно готовъ, но обстоятельства до сихъ поръ весьма

народнаго просвѣщенія. Перемѣна эта произошла при министрѣ просвѣщенія графѣ Ливенѣ.

[1]) Живописецъ Лапченко былъ отправленъ въ Италію графомъ Воронцовымъ, гдѣ написалъ хорошую картину Сусанна, находящуюся въ академіи. По страсти онъ женился на красавицѣ, уроженкѣ Альбано, и уѣхалъ съ нею въ Малороссію; но тамъ его постигло несчастіе—онъ потерялъ зрѣніе.

новѣйшимъ художникомъ, сюжеты изъ Гомеровой Иліады, композиція имѣетъ довольно хорошаго, но не совершеннаго; краски весьма и даже слишкомъ пріятны, околичность и костюмы свидѣтельствуютъ о учености художника. Фрески сіи много превзошли мюнхенскія сего же сюжета.

Тутъ же намъ предложили видѣть Венеру Кановы, превосходную по словамъ многихъ.— Мнѣ она не нравится, она суха и манерна.

Въ публичной галлереѣ два предлинные корридора не много заключаютъ въ себѣ хорошаго.—Античные жертвенники и саркофаги достойны вниманія и по вкусу и по древности. Изъ числа статуй тутъ примѣчательны: мужской торсъ какъ бы сидящей фигуры, Геркулесъ побѣждающій Центавра, и даже Лаокоонъ съ дѣтьми, а изъ картинъ одна заняла особенно мое вниманіе: Спаситель-младенецъ сидитъ на колѣняхъ у Богоматери, взирая въ даль, протягиваетъ правую руку,—взять приготовленное перо изъ руки Владычицы. Ангелы придерживаютъ книгу, въ которой Спаситель хочетъ изобразить свои мысли.—Прочія здѣсь картины флорентинской школы не заслуживаютъ уваженія.

Драгоцѣнности публичной галлереи хранятся въ отдѣльныхъ кабинетахъ.

Первый изъ нихъ заключаетъ бронзы древнія и новыя. Тутъ находится голова лошади отличнѣйшаго вкуса, статуя Минервы и много разныхъ античныхъ мелочей, подающихъ живую идею о богахъ, божкахъ, сосудахъ и разныхъ утваряхъ древнихъ.

Второй содержитъ глиняныя этрусскія вазы въ большомъ количествѣ.

Въ третьемъ трагедія Ніобы; нѣкоторыя изъ сихъ статуй для насъ новы и весьма занимательны.

Въ четвертомъ находится хвалимая здѣсь всѣми большая картина Вароччіо, сюжетъ изъ католической четьи-минеи. Я три раза принимался отыскивать въ ней достоинства. — Тутъ же есть портретъ одного владѣтельнаго принца: Веласкецъ предоставилъ его скачущимъ на конѣ, фигура посажена величественно; конь и жизни полонъ, и изъ правды не вышелъ, колоритъ умѣренный, простой и прекрасный.

Пятый кабинетъ заключаетъ египетскія живописи въ подлинникахъ.—Лучшія статуи и бюсты греческой и римской работы, изъ нихъ особенно примѣчателенъ Геркулесъ младенецъ, удушающій зміевъ—произведеніе совершеннѣйшее во всѣхъ частяхъ. Желательно, чтобъ мы имѣли сію небольшую статую въ слѣпкѣ. Тутъ же есть произведенія древняго и впослѣдствіи усовершенствованнаго рѣзца.

Въ шестой и седьмой залѣ находятся портреты живописцевъ великихъ и среднихъ; далѣе члены академіи флорентинской. Изъ сихъ послѣднихъ — Кипренскаго намъ казался лучшимъ.

Въ седьмомъ и послѣднемъ по сей сторонѣ кабинетѣ видѣли мы Тиціана и Веронеза. Потомъ на другой сторонѣ, въ первыхъ четырехъ залахъ: примѣчательный ландшафтъ Клодъ Лореня: «Захожденіе солнца»; ландшафтъ Букета, одного изъ новѣйшихъ живописцевъ французской школы.—Избалованные отличнѣйшими произведеніями, мы невольно пропускали Рубенса, вмѣстѣ съ большимъ количествомъ посредственности, и вотъ входимъ въ восьмиугольную залу, или какъ бы въ храмъ Венеры Медицисъ. Взгляните на лица смотрящихъ на нее, и вы видите, что каждый взорами приноситъ жертву богинѣ красоты! Я снова видѣлъ Венеру, я забылъ о слѣпкахъ, которые мы имѣемъ. Они не могутъ дать прелестнаго о ней понятія. Я забылъ, что это произведеніе руки человѣческой,—забылъ и восхищался, и цѣлымъ, и частями: какая полнота во всѣхъ частяхъ! какая отвѣтственность ихъ къ цѣлому! Не знаю ничего совершеннѣе сего творенія!! Въ сей же драгоцѣннѣйшей залѣ находится превосходная статуя Аполлино, тутъ-же Бойцы, дѣти Ніобы, Скиѳъ точащій ножъ и даже Фаунъ.—Изъ картинъ Рафаэля—«Молодой Креститель»; мы видѣли въ Вѣнѣ у графа Лихтенштейна сію картину, тамъ она слыветъ подъ именемъ Юлія Романо и имѣетъ болѣе остроты въ выполненіи, что̀ и заставляетъ сомнѣваться здѣсь въ ея оригинальности. Потомъ его же «Св. семейство», съ свойственнымъ ему превосходствомъ. Двѣ Венеры Тиціана висятъ по сторонамъ прелестнѣйшей богини. Ахъ! зачѣмъ онѣ всѣ вмѣстѣ, зачѣмъ я долженъ ихъ сравнивать? Греческая всегда изобличитъ послѣднюю въ несовершенствѣ формъ, за то Тиціанъ противу-

ставить сему колорить совершеннѣйшій, но станемъ разсматривать сію послѣднюю.—Фра-Бартоломео и Андрей дель-Сарто напомнили опять о своихъ великихъ достоинствахъ. Первый картинами двухъ апостоловъ, второй представилъ Богоматерь, окруженную Іоанномъ Евангелистомъ и какимъ-то св. монахомъ. Сія картина по необыкновенной силѣ и скромности красокъ, а также превосходныхъ драпировокъ, справедливо почитается лучшею сего мастера. О великомъ Микель-Анджело не можетъ дать никакого понятія картина его, здѣсь находящаяся. Въ сей же залѣ (Трибунѣ) много другихъ прекрасныхъ произведеній, какъ-то: Луини «Усѣкновеніе главы Предтечи»,—выраженіе головъ весьма занимательно; Юлія Романо «Св. семейство»; два портрета руки Рафаэля, изъ коихъ одинъ часто повстрѣчался намъ во многихъ галлереяхъ; портретъ кардинала Карла Маратта; голова женская Тиціана со всею полнотою искусства сего мастера; Корреджіо «Рождество Христово» отличается какою-то силою въ краскахъ, и даже Рубенсъ не потерялъ своего достоинства, находясь здѣсь между высокими произведеніями живописи и скульптуры.

Потомъ слѣдуетъ залъ флорентинской школы. Въ послѣдней находится подготовленная картина Бартоломео, представляющая Богоматерь, окруженную нѣкоторыми святыми. Мастеръ, обведши чертами и наготу и драпировку каждой фигуры, оттушевалъ всю картину однимъ колеромъ: твердое знаніе рисовать, солидная, важная красота композиціи, разнообразность въ выраженіи головъ, чудесный вкусъ драпировокъ, выражены въ семъ драгоцѣнномъ подмалевкѣ! Смерть не допустила окончить Бартоломео сей славной картины. Тутъ же есть подготовки Леонардо да Винчи; также по колориту славное произведеніе Чиголи: картина представляетъ мученіе св. Лаврентія; нѣсколько эскизовъ Бартоломео, съ необыкновенною окончательностью и вкусомъ выполненныхъ, и наконецъ съ душевнымъ удовольствіемъ усматриваемъ бюстъ императора Александра 1-го. Какъ художники, скажемъ, что это произведеніе достойно Торвальдсена; какъ русскіе, радуемся, нашедши въ чужеземцахъ истинное почтеніе достойному нашему монарху.

Вотъ эпиграфъ, изображенный у подножія пьедестала:

Мужъ твердый въ бѣдствіяхъ и скромный побѣдитель,
Какой вѣнецъ ему? Какой ему алтарь?
Вселенная, пади предъ нимъ: онъ твой спаситель.
Россія, имъ гордись: онъ сынъ твой, онъ твой царь.

Съ удовольствіемъ вспоминаю, что насъ почтили открытіемъ библіотеки, и вотъ самъ библіотекарь показываетъ намъ Перуджино.—Эскизы его едвали не лучше картинъ, онъ въ нихъ выразительнѣе, смѣлѣе; видно, что съ этихъ оконченныхъ небольшихъ этюдовъ онъ производилъ большія свои картины, ибо, во-первыхъ, видимъ эссенцію, силу, такъ-сказать жизнь, какую художникъ въ первомъ чувствѣ изливаетъ съ натуры на свое произведеніе. Какъ все окончено, какъ все аккуратно и вовсе здѣсь не сухо.

Потомъ открыли намъ Рафаэля! Геній, возведенный благопріятными обстоятельствами въ настоящій свой цвѣтъ, удивляетъ, изумляетъ насъ своими огненными чертежами: за изящнѣйшимъ расположеніемъ фигуръ и чудныъ выраженіемъ головъ, драпировокъ рисунка, за согласіемъ всего и по частямъ съ натурой, совершенно не видишь никакихъ недостатковъ. Купидона ли представить—и мы видимъ въ контурахъ прелести, приличныя ему. Богоматерь ли изобразить—и черты ея божественны; этюды ли для какой картины приготовить—и всякій согласится, что съ нихъ можно писать колоссальныя фигуры, такъ все тщательно, опредѣленно, смѣло, пламенно!

Но вотъ уже Рафаэля мы кончили, и передъ нашими глазами рисунокъ, угадать сюжетъ коего не въ нашихъ силахъ, весь листъ изчерченъ нагими фигурами, напряженные мускулы изрисованы полукружными чертами; фигуры то загибаются, то пригибаются, по таинственной причинѣ, извѣстной только одному мастеру; иногда тутъ же, вмѣсто тѣльной ноги, выставлена связь костей, привязки главныхъ жилъ и оконечностей къ чашкѣ. Я безошибочно узналъ генія Микель Анджело, ищущаго прочнаго основанія.

Между подобными рисунками замѣтили, что мастеръ не оставлялъ и натуры; что мѣстами кажется совершеннѣйшимъ, какъ, напр., нѣкоторыя выразительныя головы, черченныя

для памяти съ натуры; рисунокъ Прометея, необыкновенно оконченный, и другіе. Его рисунки анатомическіе достойны особеннаго вниманія.

Андрея дель-Сарто этюды не чрезвычайны: сей мастеръ всегда уступитъ въ нихъ Рафаэлю, или, скорѣе сказать, его тутъ можно причесть къ лучшимъ мастерамъ, рождающимся въ каждомъ вѣкѣ.

Леонардо да-Винчи необыкновенно оконченъ. Этюдъ его для драпировокъ, въ уменьшенномъ видѣ, превосходенъ. Между прочимъ замѣтить надобно, что мастеръ дѣлаетъ ихъ на холстѣ, упоенномъ гуміемъ, возвышая свѣты бѣлыми штрихами, всегда кистью. Головы нѣкоторыя есть отличнѣйшія; впрочемъ, онъ здѣсь весьма не полонъ: этюдовъ для «Тайной вечери» совсѣмъ не видно.

Фра-Бартоломео справедливо называютъ здѣсь флорентинскимъ Рафаэлемъ: вы видите въ немъ ту же силу композиціи, то же выраженіе, то же знаніе рисунка, ту же мастерскую твердость руки, опять вспоминаете, что онъ былъ наставникомъ послѣдняго (Урбинскаго). Но когда Бартоломео присоединитъ нѣжность къ своимъ произведеніямъ? Кто произвелъ что-либо совершеннѣе Мадонны di Sisto? Замѣтить надобно, что мастеръ сей съ натуры рисовалъ свои отличнѣйшія драпировки, и что писалъ ихъ послѣ съ этихъ рисунковъ; вотъ почему нельзя найти въ настоящихъ его картинахъ той души, какую здѣсь видимъ.

Потомъ слѣдуетъ витрина съ различными мастерами; между ними хотя и есть Корреджіо, Тиціанъ, Карраччи, но имена одни не могутъ дать имъ достоинства этой витрины.

Изъ частныхъ галлерей здѣсь примѣчательна князя Корсини, и то только по картинѣ профессора Бенвенути. Вотъ ея изображеніе: Пиръ, схвативъ за волосы несчастнаго Пріама, заноситъ роковой ударъ окровавленнымъ мечомъ своимъ, ступивши въ то же время правой ногой на трупъ только-что имъ убитаго юноши; тщетно благородный старецъ правою рукой отпираетъ отъ себя остервененнаго убійцу и лѣвою слабо отражаетъ ударъ наносимый. Съ праваго боку сей группы Гекуба, какъ бы бѣжавшая на помощь, есть свидѣтельница смерти супруга своего; съ поднятыми вверхъ руками, она

Вотъ эпиграфъ, изображенный у подножія пьедестала:

Мужъ твердый въ бѣдствіяхъ и скромный побѣдитель,
Какой вѣнецъ ему? Какой ему алтарь?
Вселенная, пади предъ нимъ: онъ твой спаситель.
Россія, имъ гордись: онъ сынъ твой, онъ твой царь.

Съ удовольствіемъ вспоминаю, что насъ почтили открытіемъ библіотеки, и вотъ самъ библіотекарь показываетъ намъ Перуджино.—Эскизы его едвали не лучше картинъ, онъ въ нихъ выразительнѣе, смѣлѣе; видно, что съ этихъ оконченныхъ небольшихъ этюдовъ онъ производилъ большія свои картины, ибо, во-первыхъ, видимъ эссенцію, силу, такъ-сказать жизнь, какую художникъ въ первомъ чувствѣ изливаетъ съ натуры на свое произведеніе. Какъ все окончено, какъ все аккуратно и вовсе здѣсь не сухо.

Потомъ открыли намъ Рафаэля! Геній, возведенный благопріятными обстоятельствами въ настоящій свой цвѣтъ, удивляетъ, изумляетъ насъ своими огненными чертежами: за изящнѣйшимъ расположеніемъ фигуръ и чуднымъ выраженіемъ головъ, драпировокъ рисунка, за согласіемъ всего и по частямъ съ натурой, совершенно не видишь никакихъ недостатковъ. Купидона ли представить—и мы видимъ въ контурахъ прелести, приличныя ему. Богоматерь ли изобразить—и черты ея божественны; этюды ли для какой картины приготовить—и всякій согласится, что съ нихъ можно писать колоссальныя фигуры, такъ все тщательно, опредѣленно, смѣло, пламенно!

Но вотъ уже Рафаэля мы кончили, и передъ нашими глазами рисунокъ, угадать сюжетъ коего не въ нашихъ силахъ, весь листъ изчерченъ нагими фигурами, напряженные мускулы изрисованы полукружными чертами; фигуры то загибаются, то пригибаются, по таинственной причинѣ, извѣстной только одному мастеру; иногда тутъ же, вмѣсто тѣльной ноги, выставлена связь костей, привязки главныхъ жилъ и оконечностей къ чашкѣ. Я безошибочно узналъ генія Микель Анджело, ищущаго прочнаго основанія.

Между подобными рисунками замѣтили, что мастеръ не оставлялъ и натуры; что мѣстами кажется совершеннѣйшимъ, какъ, напр., нѣкоторыя выразительныя головы, черченныя

для памяти съ натуры; рисунокъ Прометея, необыкновенно оконченный, и другіе. Его рисунки анатомическіе достойны особеннаго вниманія.

Андрея дель-Сарто этюды не чрезвычайны: сей мастеръ всегда уступитъ въ нихъ Рафаэлю, или, скорѣе сказать, его тутъ можно причесть къ лучшимъ мастерамъ, рождающимся въ каждомъ вѣкѣ.

Леонардо да-Винчи необыкновенно оконченъ. Этюдъ его для драпировокъ, въ уменьшенномъ видѣ, превосходенъ. Между прочимъ замѣтить надобно, что мастеръ дѣлаетъ ихъ на холстѣ, упоенномъ гуміемъ, возвышая свѣты бѣлыми штрихами, всегда кистью. Головы нѣкоторыя есть отличнѣйшія; впрочемъ, онъ здѣсь весьма не полонъ: этюдовъ для «Тайной вечери» совсѣмъ не видно.

Фра-Бартоломео справедливо называютъ здѣсь флорентинскимъ Рафаэлемъ: вы видите въ немъ ту же силу композиціи, то же выраженіе, то же знаніе рисунка, ту же мастерскую твердость руки, опять вспоминаете, что онъ былъ наставникомъ послѣдняго (Урбинскаго). Но когда Бартоломео присоединитъ нѣжность къ своимъ произведеніямъ? Кто произвелъ что-либо совершеннѣе Мадонны di Sisto? Замѣтить надобно, что мастеръ сей съ натуры рисовалъ свои отличнѣйшія драпировки, и что писалъ ихъ послѣ съ этихъ рисунковъ; вотъ почему нельзя найти въ настоящихъ его картинахъ той души, какую здѣсь видимъ.

Потомъ слѣдуетъ витрина съ различными мастерами; между ними хотя и есть Корреджіо, Тиціанъ, Карраччи, но имена одни не могутъ дать имъ достоинства этой витрины.

Изъ частныхъ галлерей здѣсь примѣчательна князя Корсини, и то только по картинѣ профессора Бенвенути. Вотъ ея изображеніе: Пиръ, схвативъ за волосы несчастнаго Пріама, заноситъ роковой ударъ окровавленнымъ мечомъ своимъ, ступивши въ то же время правой ногой на трупъ только-что имъ убитаго юноши; тщетно благородный старецъ правою рукой отпираетъ отъ себя остервененнаго убійцу и лѣвою слабо отражаетъ ударъ наносимый. Съ праваго боку сей группы Гекуба, какъ бы бѣжавшая на помощь, есть свидѣтельница смерти супруга своего; съ поднятыми вверхъ руками, она

внѣ себя отъ ужаса; дочери, толпящіяся вокругъ ея, прижались подъ защиту беззащитной матери. По лѣвую сторону жрецъ Юпитера отходитъ отъ жертвенника со страхомъ и трепетомъ. На второмъ планѣ нѣсколько троянокъ со слезами молятъ Юпитера, прижавшись плотно къ пьедесталу и руками и персями, но тщетно [1]).

~~~~~~

XI.

КЪ СЕСТРАМЪ.

(Римъ. Лѣто? 1831.)

Любезныя сестрицы!

Пишу вмѣстѣ, и радуюсь, что нахожу васъ въ мирѣ. Мое мѣстопребываніе такъ хорошо, что, еслибъ я съ вами видѣлъ его издали, то только сказалъ бы съ Петромъ-апостоломъ: Господи! не хощеши ли сотворю Тебѣ горницу—единую Тебѣ, единую Иліи, и т. д.

Я стараюсь не пропускать службу въ монастырѣ на горѣ св. Троицы, что̀ подлѣ меня; тамъ изгнанныя рокомъ отъ свѣта мірскаго цѣломудренныя дѣвы погребли себя заживо и воспѣваютъ славу Высочайшаго существа.

Солнце склоняется за гору св. Маріи; безоблачное небо накидывается горящимъ свѣтомъ и, согрѣтый теплымъ чувствомъ о Богѣ, вмѣстѣ съ несчастными любопытными атеистами иду внимать пѣнію дѣвъ непорочныхъ, горемъ вынужденныхъ отрѣшиться отъ свѣта. Ихъ голосъ ублажаетъ мое сердце, я сливаюсь съ ними въ чувствахъ: горесть составляетъ союзъ сердецъ человѣческихъ, даже самыхъ гордыхъ она соединяетъ. Я не могу пересказать вамъ, сколько блаженныхъ мыслей рождаетъ во мнѣ прекраснѣйшее соло (solo) какой-либо изъ сестеръ сихъ: изъ меня все тогда вы можете сдѣлать.

Я живу на горѣ; огромность и небрежность здѣшнихъ дворцовъ есть принадлежность. Войдя съ улицы Сикста, вы

---

[1]) Письмо это писано не изъ Рима и не въ 1830 г., какъ напечатано у насъ на стр. 11, а изъ *Флоренціи, 28 февраля 1831.*
~~~~~~

подымаетесь во второй этажъ; завернувъ на лѣво въ садъ, вы почувствуете ароматъ, увидите тучныя, цвѣтущія розы, и подъ виноградными кистями пройдете ко мнѣ въ мастерскую, а далѣе—въ спальню или комнату: и то, и другое будетъ болѣе нашей бывшей залы. Въ мастерской на главномъ окнѣ стоитъ ширма въ полтора стекла, чтобы закрыть ярко-зеленый цвѣтъ отъ миндаля, фигъ, орѣховъ, яблонь и отъ обвивающейся виноградной лозы съ розанами, составляющей крышу входа моего.

Во время отсутствія скорби о домѣ моемъ родительскомъ, я бываю иногда до такой степени восхищенъ, что не бываю въ состояніи ничего дѣлать: какъ же тутъ не согласиться съ итальянскимъ бездѣйствіемъ, которое мы привыкли называть лѣнью?

Изъ оконъ съ одной стороны моей унылой спальни видѣнъ другой садъ, нижній; дорожки всѣ имѣютъ кровлею виноградныя кисти, а въ срединѣ ихъ—или чудные цвѣты, или померанцы, апельсины, груши и т. д. Сзади сада живописной рукой выстроены дома: то уголъ карниза выдается изъ чьей-либо мастерской, то сушило, арками красующееся, то бельведеръ, высоко подымающійся. Съ другой стороны комнаты окно мое представляется вамъ на домъ, въ коемъ живетъ знаменитый Торвальдсенъ—онъ въ восемь часовъ всегда имѣетъ обычай глядѣть въ окно. Далѣе вы видите длинную перспективу—то уклоняющуюся, то подымающуюся, прямую улицу и, наконецъ, вашъ взоръ устремится на живописную церковь Пресвятой Богородицы, а за нею, ахъ, за нею—вы видите синюю вершину горъ албанскихъ. Въ древней исторіи (вы) замѣтили о храбрыхъ албанцахъ, нападавшихъ отважно на Ромула: вотъ тамъ-то вдали было ихъ пребываніе, а теперь, теперь тамъ обитаетъ Витторія [1])...

Но полно, обратимся на право: тутъ вы видите, вопервыхъ, площадь св. Троицы; монастырь того же имени заключаетъ отрекшихся отъ свѣта непорочныхъ дѣвъ, вечернее пѣніе коихъ вызываетъ въ душу скорбь, сливающую самыя гордыя сердца. Съ горы видна часть Рима—живописная смѣсь плоскихъ крышекъ, куполовъ, обелисковъ, а сзади

[1]) Знаменитая римская модель,—красавица, на которой потомъ былъ женатъ живописецъ Лапченко.

гора св. Маріи при вѣчно-ясномъ небѣ представляетъ обворожительный видъ. Напротивъ меня съ этой стороны находится училище, гдѣ юноши при начатіи и окончаніи ученія поютъ гимнъ Богородицѣ—я внѣ себя бываю отъ очаровательныхъ ихъ пѣсней. Подлѣ меня находится мастерская Лапченки. Мы тогда только другъ друга посѣщаемъ, когда душа котораго-либо изъ насъ слишкомъ возскорбитъ; мы изливаемся тайнами сердецъ нашихъ.

XII.

ВЪ ОБЩЕСТВО ПООЩРЕНІЯ ХУДОЖНИКОВЪ.

Римъ, 2 августа 1831.

Извлекая истинную пользу изъ совѣтовъ Торвальдсена—единственнаго генія, украшающаго дни наши, скудные оными, я разсудилъ поискать и въ другихъ—для себя полезныхъ совѣтниковъ. Разбирая достоинства каждаго, я нашелъ, что Камуччини изъ нихъ есть лучшій: однородный классъ живописи и ученость художника не мало интересовали меня въ пріобрѣтеніи его совѣтовъ. Конечно, надобно признаться, что молва о его неоткровенности, нехотѣніи говорить правду, система признавать одинъ Югъ способнымъ къ изящнымъ искусствамъ и насказъ пышныхъ комплиментовъ вводили меня часто въ недоумѣніе, но желаніе повѣрить опытомъ общій слухъ, иногда несправедливый, взяло, наконецъ, верхъ надо всѣмъ. И вотъ его мнѣніе въ разсужденіи трудовъ моихъ: расположеніе, говоритъ онъ, весьма хорошее, чувства много, вѣрность рисунка доказываетъ большое въ немъ упражненіе, колоритъ много пріятенъ, на главной фигурѣ хорошо понята драпировка, околичность расположена удачно. Чегоже, кажется, болѣе?

Нѣтъ, Камуччини началъ съ жаромъ мнѣ доказывать, что я мало имѣю понятія о возвышенномъ стилѣ, каковой намъ указываютъ великіе мастера прошедшихъ столѣтій; что онъ едва его видитъ въ фигурѣ Кипариса; что нужно бы мнѣ

безпрестанно имѣть въ глазахъ Рафаэля, или, короче, хорошо бы скопировать какое-либо лучшее его произведеніе; что въ моей картинѣ онъ часто встрѣчаетъ черты не плавныя, не благородныя, между тѣмъ какъ сюжетъ требуетъ ихъ. Очертивъ рукою вверхъ фигуру Гіацинта, онъ сказалъ, усмѣхаясь: «c'è la natura, ma brutta natura» [1]).

Въ тоже время онъ одобряетъ выборъ предмета возвышеннаго; говоритъ: надобно, чтобы молодые люди мыслили объ возвышенныхъ красотахъ, чтобы пріучиться съ помощью наглядки и копій съ произведеній, признанныхъ вѣками великими, различать истинно-изящное отъ обыкновеннаго, и что симъ способомъ только я могу избавиться отъ своего манера, въ коемъ онъ видитъ много французскаго—нынѣшняго. «Tableaux de genre» онъ называетъ упадкомъ искусства живописнаго.

Я предложилъ ему заглянуть въ портфель моихъ эскизовъ. Взглянувъ на «Сусанну», онъ громко разсмѣялся, сказавъ, что чувства весьма много, но мало благороднаго; что бѣгущіе старики могутъ быть только позволительны въ эскизѣ, а для картины надо выбрать положеніе, могущее продолжаться нѣсколько минутъ. (Я сомнѣваюсь въ справедливости сего мнѣнія.) Увидѣвъ «Братьевъ Іосифовыхъ, нашедшихъ чашу въ мѣшкѣ Веніаминовомъ», онъ перемѣнился, увѣрялъ меня, что сей эскизъ его совершенно удовлетворяетъ, что тутъ онъ не примѣчаетъ болѣе моего порока и видитъ въ немъ много хорошаго вкуса; вслѣдствіе чего совѣтовалъ мнѣ начать по немъ картину.

Недосуги не допустили барона кончить мою портфель, отложивъ разсмотръ до другаго свиданія. Онъ разрѣшилъ мои хлопоты—подалъ мнѣ бумагу, въ которой собственной рукою гофмаршала двора папскаго написано и имъ самимъ, какъ директоромъ, засвидѣтельствовано позволеніе устроить лѣса и начать картонъ въ капеллѣ Сикстинской.

Теперь желаете послушать Торвальдсена замѣчанія на тѣ же мои труды? Онъ долго смотрѣлъ на мою картину, не говоря ни слова: это его обыкновенный приступъ на разсматриваніе всякаго произведенія.

---

[1]) Это натура, но безобразная натура.

Вообще онъ отзывается объ ней съ довольствомъ; говоритъ, что фигура Кипариса весьма ему нравится; онъ совѣтуетъ исправить контуръ фигуры Гіацинта, руку Аполлона и ногу сей же фигуры, и замѣтилъ, что въ лицѣ не надобно бы столь сильно изображать улыбку: она не даетъ ему быть богомъ. Околичность и колоритъ картины заслужили его одобреніе.

Изъ всего сказаннаго вы видите, милостивые государи, что мнѣніе двухъ различныхъ художниковъ одинаково, или съ тою только разницею, что въ сужденіи славнаго Торвальдсена видно какое-то простосердечіе, а Камуччини, вопреки общему о немъ слуху, имѣетъ видъ чѣмъ-то раздраженный. (Я тутъ подозрѣваю свое нетерпѣніе говорить: можетъ быть, я и ему показался черезъ то гордымъ и занятымъ собою; къ тому же и объясняться надобно было на языкѣ иностранномъ: учтивость изреченій пока я еще не изучалъ. Какъ-бы то ни было, а все сіе вмѣстѣ мнѣ полезно.) Обоимъ имъ я весьма благодаренъ, и осмѣливаюсь даже предложить вамъ изъявить имъ тоже чувство при удобномъ случаѣ, если то найдете приличнымъ.

Весьма жалѣю, что я долженъ теперь оставить мою картину, не исправивши замѣчаній, на нее сдѣланныхъ, ибо двухъ-мѣсячный искъ позволенія еще болѣе сократилъ время тамъ работать. Я уже привыкъ къ страху лазить по 10 саженной лѣстницѣ, почти перпендикулярной. Боюсь только не кончить своего картона до первой церемоніи, потому работаю тамъ съ утра до вечера каждый день: фигура моя въ настоящую величину оригинала.

Африканскій вѣтеръ (Scirocco) весьма не благопріятенъ для моего здоровья: я нынѣ часто прихварываю—къ крайнему моему прискорбію, ибо лѣса въ капеллѣ Сикстинской съ каждымъ днемъ требуютъ чувствительныхъ издержекъ, а докторъ русскихъ запрещаетъ мнѣ имѣть всякое движеніе въ болѣзненномъ состояніи.

XIII.

ВЪ ОБЩЕСТВО ПООЩРЕНІЯ ХУДОЖНИКОВЪ.

Римъ, 2 августа 1831.

Выборъ сюжета для будущей картины моей долго затруднялъ меня: я думалъ, какъ бы возбудить вниманіе холоднаго современника, какой предметъ взять, чтобы онъ почувствовалъ и любовь, и привязанность къ моему искусству. Наконецъ я положилъ, что нечувствительнаго, лишеннаго отъ природы чувства изящнаго, ничѣмъ не возбудишь, но что соотечественникъ мой, стремясь къ высочайшей образованности, найдетъ всякій сюжетъ достойнымъ къ производству, если только онъ не будетъ растлителемъ нравовъ.

Я уже вамъ докладывалъ, что болѣе всѣхъ, изъ эскизовъ, мною дѣлаемыхъ, одобряютъ: «Мѣшокъ Веніаминовъ» и «Давида, утѣшающаго Саула гуслями и пѣніемъ своимъ». Сіе самое и подало (мнѣ) мысль выбрать одинъ изъ сихъ двухъ, для моей будущей картины. Первый хотя и не такъ значителенъ, какъ второй, за то болѣе способный къ изученію наготы, и потому я его и предпочелъ.

Сдѣлалъ другой эскизъ сего же сюжета, и нахожусь теперь въ затруднительномъ положеніи: не могу рѣшить, который изъ нихъ лучше, и потому здѣсь предлагаю съ нихъ эскизы на ваше благоусмотрѣніе, причемъ надѣюсь получить отъ васъ сужденіе, которое принесетъ мнѣ непремѣнную пользу.

Вотъ что̀ Торвальдсенъ говоритъ о нихъ:

Первый гораздо болѣе въ минутѣ (più meglio spiegato), второй болѣе имѣетъ изящнаго въ положеніи фигуръ, но чувства не такъ вѣрны и не подвластны одной минутѣ, а потому онъ предпочитаетъ первый.

Камуччини говоритъ:

Первый лучше, и что если группѣ, поставленной на правой сторонѣ, дать живѣе чувство, то была бы композиція совершеннѣе, но что фигуры не обогащены драпировками; что братья Іосифа черезъ то не похожи на сыновей патріар-

шихъ и что, наконецъ, черезъ это выходитъ много щелочекъ, скважинъ, въ композиціи. Второй болѣе связанъ, положеніе главной группы какъ-то занимательно, лучше угруппировано, но фигура, плачущая надъ мѣшкомъ, холодна, не отвѣчаетъ дѣйствію прочихъ.

Мнѣніе товарищей: всѣ, кромѣ Маркова [1]), противорѣчатъ первымъ двумъ мнѣніямъ, упираясь на исторію.

И такъ, милостивые государи, вы видите изъ сего, въ какомъ я теперь затрудненіи: первыя два мнѣнія людей, пріобрѣвшихъ европейскую репутацію, а послѣднія важны по тѣсной связи съ исторіей. Надѣюсь, что вы не будете пристрастны ни къ которому, и осудите снова труды мои; при чемъ прошу, если можно, отобрать также мнѣніе нѣкоторыхъ академическихъ членовъ.

Картонъ «Сотвореніе человѣка» уже оконченъ: Камуччини весьма былъ имъ доволенъ и обѣщалъ отрекомендовать сію копію посланнику, какъ вещь достойную особеннаго вниманія. Такая награда для меня весьма лестна, ибо произошла безъ всякихъ предварительныхъ просьбъ и искательствъ. Вскорѣ послѣ сего былъ въ капеллѣ у меня и самъ посланникъ, и изъявлялъ полное свое удовольствіе трудамъ моимъ.

Теперь мнѣ болѣе ничего не остается желать, какъ поправленія своей ошибки, т.-е. съ вашего согласія осмотрѣть сѣверную Италію, чтобы приступить къ исполненію большой картины съ возможнымъ понятіемъ о колоритѣ.

XIV.

КЪ В. И. ГРИГОРОВИЧУ.

(Римъ. Ноябрь 1831.)

Вы не можете себѣ представить, какъ я радъ письму вашему. Откровенность ваша ко мнѣ возрастаетъ; я постараюсь заслуживать ее: буду сколь возможно строже въ употребленіи словъ вашихъ.

---

[1]) Мих. Тарас. Марковъ, живописецъ.

Переписка моя съ родителями прервалась по случаю моей болѣзни [1]: поручить написать письмо Лапченкѣ къ нимъ—казалось бы, что въ живыхъ не существую; написать самому—было бы еще хуже: сочли бы за сумасброднаго, ибо лихорадка здѣшняя есть болѣе головная боль, бредъ ночной и дневной, нежели дрожь, дремота и безсонница. Но лишь, однакожъ, высвободился нѣсколько отъ несносной болѣзни, что было въ концѣ октября, то первое было у меня—писать родителямъ. Крайне сожалѣю о потерѣ родственника вашего, добраго В. А. Глинки [2]). Я еще зналъ изъ письма г-на Галберхъ и поспѣшилъ увѣдомить сестру Марію Андр., чтобы навѣщала вдову Катерину Ивановну.

О холерѣ, слава Богу, слухъ успокоился: мы надѣемся, что она не будетъ въ Римъ. Впрочемъ, весьма благодарю васъ за рецептъ предостерегающій, ибо здѣсь, кромѣ молебствій, ничего не предпринимаютъ къ ея отвращенію. Несчастенъ былъ прошедшій годъ—сколько умерло отъ лихорадки!

Наставленія ваши всегда мнѣ подаютъ пищу къ новымъ размышленіямъ, всегда прибавляютъ что-нибудь къ моимъ занятіямъ. Принимаю все, сказанное вами, за истину, не буду добиваться до большихъ копій, и черезъ двѣ недѣли начну въ Ватиканѣ рисовать съ фресокъ Рафаэля по частямъ, т.-е. выбирать отличныя мѣста головъ и драпировокъ, дабы, не теряя много времени и не утомляя терпѣніе, пріучиться къ хорошему вкусу, коего я мало имѣю, по словамъ Камуччини.

Вашъ образъ мыслей по художеству разсматриваетъ также г. Гофманъ: изъ него онъ ясно видитъ, что повсемѣстная любовь въ Европѣ къ tableaux de genre—у русскихъ любителей художествъ мѣста не имѣетъ. Я полагаю, что програма его, выбранная изъ Данте, которую представляли Государю, будетъ послѣдняя въ семъ родѣ.

Итакъ, Василій Ивановичъ, мы до сего дня живемъ въ совершенномъ согласіи, въ знакъ чего собираемся каждый

---

[1]) А. А. Ивановъ заболѣлъ вслѣдствіе отставки отца его, случившейся въ январѣ 1831 г.

[2]) Вас. Алекс. Глинка, архитекторъ, умеръ 4 іюля 1831, отъ холеры.

вечеръ обѣдать за общій столъ. Иногда нашъ столъ умножается: усталый отъ шумныхъ споровъ Соболевскій [1]) приходитъ отдыхать въ мирную нашу бесѣду; Марковъ иногда находитъ отраду своимъ несчастнымъ свойствамъ—я ему отъ васъ кланялся въ силу словъ: *кто меня знаетъ и помнитъ;* а когда кто либо изъ русскихъ пріѣзжаетъ сюда, то почти каждый вечеръ приходитъ съ нами обѣдать.

XV.

КЪ СЕСТРѢ.

(Римъ. Декабрь 1831.)

Спросите у батюшки, почему я остановился писать письма. Въ письмѣ отъ сентября вы хотите, чтобы я привыкнулъ къ Риму, а отъ ноября уже болѣе этого не желаете. Если прелести Рима очаровательны, то почему не прельщаться оными: очарованіе возбуждаетъ вдохновеніе, а вдохновеніе есть самая важная основа всего изящнаго. Что-жъ осталось для раскаянія? Мое лекарство знаете ли, сестрица? Еслибъ я не имѣлъ иногда удовольствій, то давно бы былъ задавленъ меланхоліей.

Не думайте, чтобы наше общество (русскихъ въ Римѣ) было шумное: повышеніе голоса въ спорѣ никогда у насъ не доходитъ до злости, а хоръ скрипокъ, если и выдастъ звоны, то они умиляютъ, они тѣшутъ сердце, они располагаютъ его къ нѣжнымъ разсужденіямъ — къ привязанности родителямъ, что̀ величественныя красоты природы совершенно чужды напомнить. Напротивъ, красоты здѣшней природы завѣщаваютъ такъ: «Художникъ, вотъ твое отечество! Извлекай изъ ума своего при взглядѣ на насъ все, что̀ можешь—посредственное твое твореніе, но не чуждое насъ, будетъ чудомъ казаться для смертныхъ».

---

[1]) Андр. Петр. Соболевскій, живописецъ.

Я не помню, говорилъ ли я вамъ что-нибудь такое, что бы показывало холодность мою къ родинѣ? Не знаю, что васъ вынудило говорить о семъ? Я бы желалъ знать, кто изъ благородныхъ русскихъ не любитъ свою родину?

Опять вопросъ: что васъ заставило сказать, что вѣра и упованіе на промыселъ всегда должны быть со мною? Когда и гдѣ я отлучался отъ нихъ?—укажите скорѣе на мои поступки сего рода! «Трудись и безъ нужды не развлекайся». Развѣ вы не читаете отчетовъ моихъ въ Общество? Развѣ вы не слыхали сами отъ Григоровича довольство ими? Это за труды мои! Впрочемъ, я работаю доселѣ болѣе для удовлетворенія желаній собственныхъ, т.-е. чтобы удовлетворить вѣчно недовольный глазъ мой, нежели для снисканія чего-то. Скажите, что мнѣ еще теперь осталось снискивать?—я пенсіонеръ Общества! Да когда я не уважалъ достойныхъ, скажите? «Но не забывай оказывать почтеніе и тѣмъ, кто имѣлъ право онаго отъ тебя требовать». Этого-то ужъ я совершенно не понимаю; пожалуйста, въ слѣдующемъ письмѣ объясните мнѣ эту строчку, а я покуда буду молить васъ: имѣйте если не безусловную покорность, то по крайней мѣрѣ снисхожденіе къ родителямъ нашимъ. Въ заключеніе сказано: «Если ты въ веселомъ расположеніи духа, то не читай моего письма». Удивляюсь!

XVI.

ВЪ ОБЩЕСТВО ПООЩРЕНІЯ ХУДОЖНИКОВЪ.

(Римъ. Начало 1833.)

Если сѣятель съ тѣмъ трудится, чтобы собрать послѣ плоды и наслаждаться оными, то, конечно, и вы вправѣ вкушать плоды сѣмянъ, вами посѣянныхъ, со времени совокупленія вашего въ Общество для поощренія художниковъ.

Всѣмъ извѣстно, что отъ сотворенія міра до сихъ поръ ни одна нація не рвалась столь сильно къ просвѣщенію,

какъ отечество наше. Конечно, въ порывахъ не безъ погибели, но частность никогда не мѣшаетъ восхищаться цѣлымъ, и я, воспитанный бѣдами, наконецъ утѣшаяся, назидая Солнце-Россію, утѣшался, и отъ избытка чувствъ моихъ рѣшаюсь отдать вамъ плоды посѣва вашего.

Всѣ русскіе художники въ Римѣ теперь одной мысли. Начиная отъ Брюлло до Виганда, каждый говоритъ: «Нѣтъ отрады другой для меня, какъ углубленіе въ занятія мои».

Вслѣдствіе сего Брюлло оканчиваетъ картину свою, удивляющую уже Римъ, а слѣдовательно и Европу. Бруни, несмотря на совершенную неудачу покупки картины «Горацій» и другихъ его произведеній, говоритъ: употреблю всѣ мои деньги, полученныя за копію «Эліодора», на производство картины «Моисей въ пустынѣ», а тамъ—какъ разсудитъ Императоръ: продолжать ли мнѣ пенсіонъ, или совершенно меня оставить, буди святая воля его. А я, я не могу быть безъ дѣла, я у-м-и-р-а-ю безъ дѣла.

Лапченко есть доказательство въ исторіи русскихъ художниковъ, что, пріѣхавъ въ Римъ, можно заняться тотчасъ дѣломъ, и дѣломъ важнымъ, имѣя половинную пенсію! Его «Сусанна» вамъ то докажетъ. Онъ теперь кончилъ копію съ Андрея Сакки [1]), написалъ портретъ съ первой здѣсь красавицы: написать портретъ сей, по моему мнѣнію, труднѣе, нежели всю Сусанну. Съ первой красавицы Италіи портретъ сей есть! Теперь Лапченко оканчиваетъ образъ Іисуса, по порученію графа М. С. Воронцова, для нашей миссіи въ Лондонѣ; компонуетъ эскизы для будущей своей картины, и колеблется между тремя сюжетами: «Срѣтеніемъ Господнимъ», «Даніиломъ, защищающимъ невинность Сусанны передъ подлыми судьями» и аллегорическимъ: «Время открываетъ Истину, и первое дитя Любовь или Амуръ приблизился посмотрѣться въ зеркало ея». Сей послѣдній болѣе прочихъ занимаетъ его, ибо изученіемъ наготы онъ болѣе всего интересуется.

А я, я... мнѣ суждено предвидѣть только славу художниковъ русскихъ, пріобрѣсти всеобщую ихъ довѣренность и

---

[1]) „Св. Ромуальдъ". Копія эта была послана въ Петербургъ 28 февраля (12 марта) и получена тамъ 10 іюля 1833.

сказать Творцу моему: Нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко, по глаголу твоему съ миромъ.

Но нѣтъ, роптать на жребій свой — значитъ роптать на Бога, роптать на Бога—значитъ себя мучить въ жизни сей. Итакъ, покуда еще не истощились на меня благодѣянія ваши,—занимаюсь, и буду заниматься до билета на обратный путь, а теперь, высказавъ нравственный успѣхъ мой, долженъ сейчасъ же сказать, что̀ дѣлаю по искусству.

Пославъ къ вамъ эскизъ мой, я со всею моею силою изобрѣтательною сочинилъ новыхъ двадцать, питаясь образцами жившихъ до меня художниковъ, учиться отъ коихъ я нынѣ имѣю полные отъ васъ способы — пенсіонеръ я вашъ! Дошедши, наконецъ, до посильнаго мнѣ совершенства въ композиціи, я подвергнулъ оные (эскизы) сужденіямъ художниковъ, и преимущественно выбралъ судьей своимъ одного изъ отличнѣйшихъ нѣмецкихъ живописцевъ—благочестиваго Овербека, не столько славнаго исполнительной частью, сколько сочиненіями—человѣкъ весьма образованный онъ! Онъ мнѣ замѣтилъ, что предметъ мой есть эпизодъ исторіи Іосифа; всякій эпизодъ не долженъ быть большой картиной, ибо привходящая часть исторіи есть, и потому лучше выбирать сюжеты для большихъ произведеній, составляющіе цѣлый объемъ чего-либо (поэму). Съ этой мыслью занялся я снова отысканіемъ для себя сюжета: прислушивался къ исторіи каждаго народа климата умѣреннаго, прославившаго себя дѣяніями, и нашелъ, что выше евреевъ ни одного народа не существовало, ибо имъ ввѣрено было свыше разродить Мессію, откровеніемъ коего начался день человѣчества, нравственнаго совершенства, или, что̀ все-равно, познать вѣчносущаго Бога! Такимъ образомъ, идя вслѣдъ за алканіемъ пророковъ, я остановился на Евангеліи—на Евангеліи Іоанна! Тутъ, на первыхъ страницахъ, увидѣлъ я сущность всего Евангелія—увидѣлъ, что Іоанну Крестителю поручено было Богомъ пріуготовить народъ къ принятію ученія Мессіи, а, наконецъ, и лично представить его народу!

Сей-то послѣдній моментъ выбираю я предметомъ картины моей, т.-е. когда Іоаннъ, увидѣвъ Христа, идущаго къ нему, говоритъ народу: «Се агнецъ Божій, вземляй грѣхи

міра! Сей есть, о немъ же азъ рѣхъ: по мнѣ грядетъ мужъ, иже предо мною бысть, яко первѣе менѣ бѣ. И азъ не вѣдѣхъ его, но да явится Израилеви».

Предметъ сей никѣмъ еще не дѣланъ, слѣдовательно будетъ интересенъ уже и по новизнѣ своей.

Въ заключеніе скажу: у насъ новый посланникъ — его сіятельство графъ Гурьевъ. При представленіи нашемъ къ нему онъ объявилъ себя намъ блюстителемъ всякой правды, но въ то же время признался, что многихъ совсѣмъ изъ насъ не знаетъ, и потому я прошу въ семъ случаѣ вашего вспомоществованія: познакомить меня рекомендательнымъ письмомъ къ нему, а такъ какъ я не одинъ пользуюсь вашими благодѣяніями,—Бруни и Лапченко тоже чувствуютъ существованіе Общества вашего,—то прошу въ семъ рекомендательномъ письмѣ помѣстить всѣхъ трехъ насъ, къ вамъ признательныхъ.

XVII.

КЪ ОТЦУ.

(Римъ. Весна 1833.)

Всякое замедленіе, съ которой бы оно ни было стороны, вводитъ въ большое сомнѣніе и безпокойство, вслѣдствіе чего я сотворилъ безпорядокъ: послалъ къ вамъ письмо, не получивъ отъ васъ, и на третій день по отправленіи получилъ давно ожидаемое.

Крайне жалѣю, что дѣломъ Засена [1]) надѣлалъ вамъ нѣкоторыхъ непріятностей; не буду болѣе васъ утруждать онымъ. Нашъ Засенъ все-еще держится кое-какъ: снисхожденіе покупателей его вещей и терпѣніе заимодавцевъ протягиваютъ полуголодные дни его.

Вчерашній день Лапченко получилъ письмо изъ Петербурга, гдѣ извѣщаютъ его о прибавкѣ пенсіона, вмѣсто 1,500 руб.,—2,500 руб. Восхищаясь такою милостью, онъ теперь

[1]) Живописца.

ждетъ только извѣстія о родителяхъ. Писать ему о семъ предметѣ болѣе некуда и некому, и потому (онъ) ждетъ съ нетерпѣніемъ отвѣта на то письмо, которое черезъ васъ послано.

Графъ Воронцовъ давно въ Петербургѣ. Не знаю, вспомнили ли вы о томъ, что̀ я вамъ не задолго передъ симъ писалъ. Весьма сожалѣть буду, если вы упустили сей прекрасный случай просить о вспомоществованіи воспитанію Сережѣ. Желаю также знать, что̀ сказалъ Красовскій на мое письмо. Но если и тамъ, и тутъ навсегда уже упущено, или не могло быть, то ужъ, дѣлать нечего, отдайте его въ Академію. Генеральное приготовленіе въ наукахъ я желалъ бы дать (ему) гораздо бо̀льшее, нежели въ нашей Академіи, и всегда полагаю, что въ 16-ть лѣтъ не только не поздно начинать какое-либо художество, но, напротивъ, развитый умъ всегда способнѣе и толковѣе изучать будетъ художества, если возымѣетъ къ сему наклонность. Впрочемъ, сколько я могъ замѣтить, онъ всегда успѣвалъ въ ариѳметикѣ: слѣдовательно, способнымъ его находили къ математическимъ наукамъ, но это можетъ оттого, что онъ тогда имѣлъ хорошаго наставника по сей части, г-на Спирро. Но какъ бы то ни было, а нужда заставляетъ согласиться съ настоящимъ, и (я) съ прискорбною душою соглашаюсь, чтобы юноша поступилъ въ хаосъ безтолковыхъ методъ наукъ въ нашей Академіи Художествъ,— а письмо сіе да будетъ ему въ памятникъ, что̀ нужда и крайность дѣлаютъ. Я всегда думаю, что, во-первыхъ, должно получить общее образованіе, а въ 15—16 лѣтъ самъ юноша скажетъ, къ чему онъ болѣе имѣетъ охоту. Дѣйствовать вопреки его охотѣ, вопреки его природнымъ наклонностямъ— значитъ противиться Богу, взывающему его посредствомъ наклонностей заняться тѣмъ, что̀ ему суждено непремѣнно.

Отъ Григоровича я еще ничего не получалъ, а прежде его письма не могу рѣшиться ѣхать въ Венецію. Жалѣю весьма, что вы забыли фамилію того члена Общества, который ѣдетъ сюда въ Римъ; я даже не знаю, успѣю ли я въ сей рекомендаціи Григоровича — развѣ сей членъ Общества особенно захочетъ меня самъ отыскать.

Я удивляюсь, что вамъ такъ нравится Габерцетелева копія; я полагаю, что Академія, сравнивъ ее съ прекраснымъ

рисункомъ Рафаэля Менгса, глядѣть на нее не станетъ. О, еслибъ вы видѣли оригиналъ! Онъ неизъяснимо оконченъ—и свѣжѣе всѣхъ картинъ, какія существуютъ.

Эскизы мои, я думаю, вы уже видѣли; пожалуйста, не забудьте написать, кто что объ нихъ говоритъ, и вмѣстѣ съ симъ не щадите меня своимъ мнѣніемъ, ибо я полагаю, что они суть предшественники какой-то новой композиціи, которую выбьютъ изъ моей головы подобныя критики. Благодарю васъ за то удовольствіе, которое вы мнѣ доставили разсужденіемъ о жизни художника и за справедливые ваши художественные ропоты на срочныя наши работы.

Вы мнѣ дали такую задачу, которую исполнить нужно болѣе времени, нежели я имѣю въ самомъ дѣлѣ. Красоты Италіи или въ особенности Рима описать весьма трудно, по разнообразности, многосложности и невыразимости оныхъ. Садовъ, воображаемыхъ вами, здѣсь совершенно нѣтъ, а еслибъ и были, то не составляли бы удовольствія въ такой странѣ, гдѣ за рубль можно имѣть столько разныхъ фруктовъ, что у насъ и за двадцать едва бы имѣли. Да вообще сказать надобно, что изобиліе скоро пресыщаетъ глазъ, и на груды персиковъ, абрикосовъ, апельсиновъ смотришь какъ и на бруснику.

Здѣсь ѣдятъ гораздо менѣе, нежели у насъ: легкій и теплый климатъ не терпитъ объѣденія. Рисовая каша съ сыромъ и масломъ и небольшой кусокъ говядины составляютъ обыкновенно мой обѣдъ; ужинъ—саладъ съ кускомъ жаркого. Вино здѣсь заступаетъ мѣсто охоты къ ѣдѣ—стаканъ стоитъ 10 копѣекъ,—я выпиваю иногда и два. Кто не употребляетъ вина, тотъ ослабѣваетъ, безпрестанно потѣетъ и подверженъ бываетъ лихорадкѣ. Здѣшнее вино тѣмъ еще хорошо, что даже при сильномъ его употребленіи не производитъ никакого неудовольствія на другой день.

Продолженіе впредь. Извините, что все пишу какъ попало: право, подумать некогда.

XVIII.

КЪ ОТЦУ.

(Римъ. Лѣто 1833.)

Батюшка!

Наконецъ я получилъ письмо ваше, хотя полное бѣдъ, но все лучше безотвѣтности. Я теперь самъ знаю, что я не сдѣлалъ ничего для погибающихъ товарищей моихъ: глядѣть холодно на умирающаго, не обращать вниманія на трепещущій голосъ близкаго въ тюрьмѣ и не доставить слѣпому другу изъ себя вожатаго,—я былъ не въ моихъ силахъ. Я еще имѣю совѣсть и сохраню ее какъ сокровище.

Я не получалъ, однакоже, вами посланной тысячи рублей. Вѣроятно, вы послали ее неисправно, и потому прошу васъ выслать мнѣ второй вексель [1]).

Бруни, тронутый кончиною отца своего, согласился дать Засену тысячу рублей, сказавъ мнѣ черезъ слугу, что онъ болѣе сей суммы не можетъ его ссудить. Яненко сказывалъ, что Константинъ Тонъ обязывается заплатить и мнѣ и Брюлло издержки, на вояжъ Засена употребленныя. Сходите, пожалуйста, вы, батюшка, къ Тону, и попросите, пожалуйста, ускорить его обѣщаніе. Еще я бы желалъ, чтобы вы написали письмо къ Брюлло обо мнѣ и, напомнивъ ему слегка о вашихъ для него стараніяхъ въ его молодости, просили бы, чтобы онъ, уважая васъ, согласился быть моимъ совѣтникомъ по искусству.

---

[1]) Тысяча рублей отъ А. И. Иванова была послана А. А. Иванову въ іюнѣ и получена имъ въ іюлѣ 1833.

XIX.

КЪ В. И. ГРИГОРОВИЧУ.

(Римъ. Лѣто 1833.)

Опять получилъ я письмо отъ родителей, и снова задумался: въ какую ужасную пропасть завели меня прошедшія обстоятельства. Я даже отчаяваюсь, чтобы можно было мои дѣла поправить. Если взять все прошедшее по порядку, то, конечно, я менѣе буду виноватъ. Если, напримѣръ, вообразить, что художникъ, читая книгу, входитъ въ душу каждаго дѣйствующаго лица самымъ глубокимъ образомъ, или самъ дѣлается онымъ, то мудрено ли, что въ пылкія лѣта, когда человѣкъ начинаетъ бороться со страстями, или дѣлать первый шагъ въ свѣтъ, растроганный положеніемъ слѣпаго друга (Лапченки), доведенъ до бѣшенства. Но кто захочетъ разсудить глубоко?

Не знаю, ничего не знаю, къ чему ведутъ меня судьбы. Вся надежда у меня на Бога: если онъ выведетъ меня изъ горькаго моего положенія, то отечество мое увидитъ, что въ благодарность напишу картину и посвящу ее Обществу благодѣтелей моихъ.

Вы не повѣрите, въ какой я нахожусь ипохондріи. Я говорилъ съ Брюлло, предлагалъ ему написать легкое извиненіе за прежній его поступокъ съ Обществомъ, на что́ онъ никакъ не соглашается; впрочемъ, онъ перемѣнилъ со мною обращеніе, сдѣлался снисходительнѣе и доступнѣе.

XX.

КЪ В. И. ГРИГОРОВИЧУ.

(Римъ. Осень? 1833.)

Такъ какъ мы уже дожили до такого времени, что историческіе живописцы и скульпторы наши начинають развиваться въ политической славѣ великаго нашего отечества, то пора бы уже предложить, гдѣ слѣдуетъ, выстроить особыя, всегда открытыя для публики залы для помѣщенія будущихъ произведеній по исторической живописи и скульптурѣ отечественныхъ художниковъ. Изъ Кабинета Его Величества, что̀ у Аничкова моста, удобнѣе всего было бы сіи залы устроить. Для сего строенія (можно) выписать отсюда славнаго нашего архитектора Ефимова. Залы сіи должны быть высокія, обширныя, и со сверху пущеннымъ свѣтомъ. Въ нихъ будутъ засѣданія общества любителей словесности, любители музыки будутъ давать концерты, тутъ же будутъ художественныя афиши, въ которыхъ будутъ извѣщать объ успѣхахъ иностранцевъ и нашихъ по всѣмъ отраслямъ искусствъ.

При входѣ и выходѣ изъ залъ, всегда открытыхъ для публики, будетъ находиться кружка для добровольныхъ пожертвованій для успѣховъ художниковъ: суммою этою мы будемъ распоряжаться съ общаго согласія, такъ чтобы каждый получалъ часть, смотря по важности производимаго имъ предмета. Съ открытіемъ сихъ залъ извѣстить публику, что если нравятся таковые храмы искусствъ, то начинать складываться для постройки другаго, ему подобнаго.

XXI.

КЪ ОТЦУ.

(Римъ. Конецъ 1833.)

Батюшка! Вы не можете себѣ представить ту радость, какую я чувствую при полученіи вашихъ писемъ. Съ нѣкотораго времени особенно они сдѣлались единственною пищею души моей. Я теперь опять начинаю заниматься своимъ дѣломъ, но по временамъ все-таки приходятъ мысли о прошедшихъ моихъ поступкахъ—я тогда бываю мученикомъ.

Признаюсь вамъ откровенно, что я иногда кляну тотъ день, въ который выѣхалъ за-границу: учиться въ чужой землѣ русскому необходимо и весьма пріятно, но отрываться отъ дому родительскаго, быть далеко и пить отраву безпрерывныхъ непріятностей, хоть гдѣ, такъ скучно. Что касается до вашихъ сужденій о Микель-Анджело, то они весьма основательны; я только прибавлю то: если весь плафонъ Микель-Анджело навсегда останется безсмертнымъ по пріему въ рисункѣ, композиціи драпировокъ и головъ, то копировать часть его—мысль несчастная.

Весьма благодарю васъ за доставленное мнѣ понятіе о выставкѣ академической, а равнымъ образомъ и за наставленія, какъ мнѣ должно себя вести. Но можно ли быть мнѣ всегда одному, особливо мнѣ, столь легко отдающемуся жестокой меланхоліи?

Я не думаю копировать ни «Сивиллъ», ни «Диспуту», и теперь приготовляюсь къ большой картинѣ, гдѣ бы я въ двухъ фигурахъ могъ показать и наготу, и понятіе мое о драпировкахъ; желаю только, чтобы необходимость ваша имѣть меня при себѣ не пресѣкла ея окончаніе.

XXII.

КЪ НЕИЗВѢСТНОМУ.

(Римъ. Начало 1834.)

Много времени протекло, какъ родилась у меня мысль ѣхать въ Палестину, чтобы обогатить и оживить мои свѣдѣнія, какія необходимы для начатія настоящей моей картины, такъ и будущихъ изъ Св. Писанія. Но не имѣя ни собственныхъ способовъ, ни счастливыхъ случаевъ, намѣреніе мое, хотя и многими одобряемое, оставалось какъ бы умершимъ. Настоящій случай мнѣ подаетъ поводы испытать свое счастіе. Я узналъ, что графъ Гурьевъ весьма сильно отговаривалъ Брюлло не ѣхать съ Давыдовымъ, вслѣдствіе чего я васъ просилъ бы развѣдать: на какихъ условіяхъ возьметъ Давыдовъ живописца, если Брюлло совершенно откажется.

Надѣюсь, что не оставите меня извѣстить о томъ въ непродолжительномъ времени.

XXIII.

КЪ ГРАФУ МУСИНУ-ПУШКИНУ-БРЮСУ.

Римъ. Февраля 28, 1834.

Сіятельнѣйшій графъ! Весьма не скоро честь имѣю отвѣчать на бумагу вашу отъ 25 сентября прошедшаго года со вложеніемъ векселя въ триста червонцевъ, ибо домашнія и другія непріятности въ сіе время часто доводили меня до болѣзненнаго состоянія, и теперь только позволяютъ мнѣ исполнить сію священную обязанность.

Не испытавъ себя никогда въ производствѣ большаго, я предпринялъ теперь написать картину въ двухъ фигурахъ, въ естественную величину, представляющую «Іисуса въ вертоградѣ», которая уже и подмалевана. Занимаюсь также обработываніемъ сюжета моего «Появленіе Мессіи», и молю судьбу ниспослать мнѣ способы исполнить его въ большомъ видѣ, ибо съ настоящими этого дѣлать не возможно.

Эскизы онаго, доселѣ дѣланные, коихъ произвожу пятый, по словамъ Торвальдсена, Овербека, Корнеліуса, Камуччини и другихъ, ведутъ композицію къ совершенству.

Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть вашего сіятельства, милостивый государь, покорнѣйшій слуга

Александръ Ивановъ.

XXIV.

КЪ НЕИЗВѢСТНОМУ.

(Римъ. Февраль 1834.)

Письмо ваше отъ 19 ноября прошедшаго года мнѣ доказало отличное ваше ко мнѣ расположеніе:

Я началъ картину «Іисусъ послѣ воскресенія является Магдалинѣ»: она уже подмалевана, можно бы было ее и болѣе подвинуть въ протекшее время, но грусть невольно завладѣвала мною при отъѣздѣ вашемъ, часто вырывала у меня изъ рукъ палитру. Какъ завидно званіе ученаго! Я имѣлъ случай говорить объ васъ съ Ободовскимъ—онъ съ большимъ почтеніемъ объ васъ отзывался; а мы, художники (русскіе) рады замарать другъ друга во всякое время.

Картина Бруни уже подмалевана—прекрасное будетъ произведеніе; я часто захаживаю къ нему въ студію, чтобы напитаться и духомъ, и вкусомъ сего великаго художника. Онъ теперь нарисовалъ для княгини портреты дѣвицъ Кепальти, да такъ нарисовалъ, что мы согласились назвать этотъ группъ лучшимъ его произведеніемъ въ семъ родѣ. Жалѣю, что вы его не увидите. Здѣсь у насъ опять Тургеневъ, спрашивалъ объ васъ, и самъ хочетъ ѣхать отсюда въ Москву. Лапченки зрѣніе все такое же.

Жуковскій говорилъ объ моемъ намѣреніи ѣхать въ Палестину съ Григоровичемъ, на что сей послѣдній согласился, съ тѣмъ, однакожъ, чтобы я прислалъ своихъ трудовъ что-либо въ Петербургъ, судя по коимъ и будутъ уже даны мнѣ спо-

собы совершить сей вояжъ, или чтобы постараться склонить кого либо изъ большихъ въ Римѣ написать въ Петербургъ. Я думаю употребить въ семъ случаѣ Торвальдсена. Киль [1]) работаетъ въ Ватиканѣ акварелью съ Рафаэля, но Бруни для него все нарисовалъ, ибо Киль не учился рисовать фигуръ.

XXV.

КЪ ОТЦУ.

(Вичениа. Весна 1834.)

Батюшка! Весьма благодарю васъ за письмо № 5, отъ марта 20 сего года. Кромѣ тѣхъ чувствъ, кои радуютъ всегда мое сердце при полученіи онаго, я нашелъ и подробное описаніе всего того, что̀ меня много интересуетъ. Давно я не получалъ подобнаго письма. Я оное получилъ весьма поздно, и вотъ почему:

Усталый умственно и физически, я рѣшился воспользоваться позволеніемъ Общества на путешествіе по сѣверной Италіи; надѣюсь, что вояжъ мой укрѣпитъ мои силы физическія, изнуренныя частыми непріятностями.

Надѣюсь также, что наглядка на произведенія венеціанской школы и другихъ поможетъ, по возвращеніи моемъ въ Римъ, окончить начатую картину «Іисусъ въ вертоградѣ», съ которой чертежъ я немедленно пришлю вамъ по возвращеніи въ Римъ, куда я уже на обратномъ пути; слѣдовательно, вы адресуйте письмо ко мнѣ въ Римъ, какъ и всегда.

Ахъ, сколько хлопотъ по полученію денегъ отъ Засена, столь чистосердечно мною ему предложенныхъ!

Часто-ли вы видаетесь съ Жуковскимъ? Я къ нему хочу послать эскизъ «Появленіе Мессіи», но не прежде, какъ остановлюсь на сочиненіи, которымъ я еще не доволенъ.

---

[1]) Ал. Ив. Киль, любитель, впослѣдствіи инспекторъ русскихъ художниковъ въ Римѣ.

Мысль о возвратѣ на родину вышибаетъ у меня и палитру, и кисти, и всю охоту чтò-либо сдѣлать порядочное по искусству. Вотъ почему прошу и васъ, и всѣхъ, до времени мнѣ объ этомъ не напоминать, а не то грустныя мысли опять завладѣютъ мною, и я въ Италіи проведу остальные дни пенсіонерства моего въ совершенномъ бездѣйствіи, а чтò еще хуже—въ уныніи.

Извините, что письмо сіе еще короче моихъ короткихъ, ибо я въ вояжѣ, и пишу къ вамъ изъ Виченцы, изъ коей завтра выѣзжаю въ Верону.

Я боюсь, чтобы вы не воспрепятствовали моему вояжу въ Палестину. Изъ письма вашего это видно. Пожалуйста, вы хоть нейтральнымъ будьте, и вспоминайте то время, когда (вы) хотѣли отправить меня въ Китай на двѣнадцать лѣтъ.

Матушка!

Извините, что пишу къ вамъ мало; попеняйте, пожалуйста, Марьѣ Андреевнѣ за неприсылку записочки, а я въ ожиданіи оной буду пріучать себя къ мысли, что это не есть охлажденіе.

XXVI—XXVII.

КЪ НЕИЗВѢСТНОМУ.

(Миланъ. Весна 1834.)

Милостивый Государь Петръ Ивановичъ!

Письмо ваше, со вложеніемъ батюшкинаго, я получилъ въ день и часъ выѣзда моего изъ Венеціи; радовался, что оно меня тамъ застало, но до сего дня не могъ избрать свободнаго часа для отвѣта на оное, столь занятъ я былъ дорогою.

Какъ прискорбно было мнѣ слышать, что вы опять болѣете глазами и болѣе прежняго! Я полагаю, что нѣтъ другаго средства къ вашему выздоровленію, какъ ѣхать на Искію, вмѣстѣ съ Лапченко.

Не спрашивайте меня о впечатлѣніи, какое сдѣлали на меня Венеція и другіе города, мною видѣнные, ибо я самъ себѣ до сихъ поръ не могу дать чистаго отчета обо всемъ, что̀ видѣлъ въ пути по моей части.

Ѣду, пишу красками, записываю, рисую, читаю, а разскажу вамъ не прежде мое мнѣніе, какъ по пріѣздѣ въ Римъ, гдѣ льщу себя надеждою еще разъ встрѣтиться съ вами, еще разъ имѣть откровенныя бесѣды, дружественныя, если смѣю такъ-сказать, и—проститься до свиданія на родинѣ.

Я до сихъ поръ не соединялся еще съ прекрасными, которыхъ много и много встрѣчаю. Ахъ, какъ онѣ вездѣ хороши! Постарайтесь прислать отвѣтъ на сіе письмо во Флоренцію, чѣмъ весьма меня одолжите.

Прощайте, будьте здоровы и счастливы.

Вамъ преданный

А. Ивановъ.

Прошу передать сіи строки Лапченко.

Другъ Лапченко!

Что касается до моего здоровья, то я, кажется, чувствую себя лучше. Въ Венеціи въ особенности я провелъ дни весело: по утрамъ проводилъ время, осматривая церкви, и галлереи; въ часы зноя занимался въ академіи копіею съ «Ассунты», которую везу тебѣ показать, а по вечерамъ мы, т.-е. я съ пріобрѣтеннымъ полчищемъ веселыхъ венеціанскихъ художниковъ, проводили время на площади св. Марка за медленнымъ кофе, отпуская разныя остроты носящимъ мелкіе товары, между коими была одна граціознѣйшая. Hai capito? [1]) Но одиночество въ пути изъ Венеціи въ Миланъ было для меня тягостно.

Поторопись доставить мнѣ отвѣтъ на письмо сіе во Флоренцію, гдѣ постарайся помѣстить новости, какія случатся. Извѣстіе о здоровьѣ Маркова, о пріѣздѣ его брата [2]) и о моей студіи для меня весьма любопытно.

---

[1]) Ты понялъ?

[2]) Алексѣй Тарас. Марковъ пріѣхалъ въ Римъ, въ маѣ 1884.

XXVIII.

КЪ Гр. Иг. ЛАПЧЕНКѢ.

(Римъ. Весна 1834.)

Смѣсь чувствъ, неуправляемыхъ умомъ, всегда ведетъ за собою стыдъ и негодованіе на себя; я это почувствовалъ прежде полученія отъ тебя отвѣта, и потому послѣднее письмо мое не только прошу сжечь, но и не помнить; а такъ какъ изъ всего можно извлекать пользу, то я поставляю теперь себѣ правиломъ, не только не писать, но и не говорить ничего, не упорядочась послѣ какого-нибудь сильнаго для чувствъ случая. Хорошо что мнѣ не случилось въ тотъ же день видѣться съ Засеномъ, а то бы и онъ узналъ мой нравственный недостатокъ. Но полно объ этомъ; надѣюсь, ты забудешь послѣднее письмо мое.

Засенъ все еще со мною не откровененъ, все держится своего тона. Бруни въ самомъ лучшемъ своемъ положеніи, т.-е. все князь Рафалинъ; кажется, еще сталъ безпокойнѣе, начинаетъ разговаривать безпорядочно, и даже подъ часъ глупо. А Гофманъ! Гофманъ [1]), какъ тѣнь! Я ужаснулся, когда его увидѣлъ: онъ блѣденъ и худъ необыкновенно, и глаза у него смотрятъ въ полный зрачокъ, часто неподвижно. Я просилъ Рафалина взять всевозможное попеченіе его успокоить; а можетъ быть и самъ рѣшусь съ нимъ имѣть разговоръ наединѣ.

Посылаю тебѣ очки. Вексель твой за 150 скудъ продалъ. Угадаешь-ли, кого я видѣлъ въ банкѣ?—Владиміра. Княгиня [2]), за недостаткомъ его воспитанія, которое сама ему дала, отпустила бѣднаго сироту, и онъ теперь писцомъ у Валентини [3]).

Кланяйся красавицамъ, и постарайся привести ихъ въ такое состояніе, чтобы мнѣ можно было опять пріѣзжать къ нимъ въ Альбано.

---

[1]) Русскій живописецъ, родомъ изъ Риги.

[2]) Княгиня Зен. Ал. Волконская.

[3]) Римскій банкиръ.

Шевыревъ и князь ѣдутъ въ субботу утромъ; первый сознался, что не можетъ видѣть тебя за обѣдомъ.

Что касается до моего пріѣзда въ Альбано, то это можно рѣшить такъ: если Витторія можетъ сидѣть аккуратно постоянно четыре часа въ день (и, кстати сказать, по секрету) съ чувствецомъ, т.-е. чтобы иногда, не стыдясь меня, давала бы волю своимъ глазкамъ и губкамъ, то я пріѣду сдѣлать этюдъ для «Богородицы всѣхъ скорбящихъ», и между тѣмъ, можетъ быть, окончу и оставшійся прескверный мой подмалевокъ. Если-жъ нельзя на сихъ условіяхъ мнѣ пріѣхать, то, конечно, ты не откажешься привезти мои вещи, тамъ оставленныя.

Если я оскорбляю тебя, говоря столь свободно о Витторіи, то объяви, скажи мнѣ, я готовъ всевозможно тебя слушать; прости мнѣ, ибо я до сихъ поръ не знаю навѣрное.

Еслибъ ты мнѣ рѣшительно объявилъ, что она твоя суженая, то тогда бы я столь же глубокое уваженіе къ ней имѣлъ, какъ и къ тебѣ.

XXIX.

КЪ НЕИЗВѢСТНОМУ.

(Римъ. Весна 1834.)

Николай Матвѣевичъ!

Повторять ли отвѣтное письмо на ваше, изъ Дрездена, или начать новое, я въ недоумѣніи; я хотѣлъ въ этомъ послать прорисъ съ эскиза моего: «Появленіе Мессіи». Но гдѣ вы? Существуете ли вы?—никто ничего не знаетъ. Я рѣшился послать сегодня на удачу, и если въ самомъ дѣлѣ вы насъ одолжите отвѣтомъ, то, конечно, мы будемъ усердными исполнителями всего того, что̀ вы на насъ возложите. Для меня не только служить вамъ, но вспоминать имя ваше, съ коимъ вмѣстѣ вспоминаются счастливыя минуты жизни (моей), для меня усладительно.

Усталый нравственно и физически, я рѣшился сдѣлать путешествіе по сѣверной Италіи; взялъ въ руки Ланци; видѣлъ всѣ школы итальянскія. Я недавно возвратился изъ вояжа и чувствительно поправился здоровьемъ; продолжаю оканчивать мою картину: «Іисусъ въ вертоградѣ», судя по коей члены Общества опредѣлятъ вояжъ мой въ Палестину.

Новостей въ Римѣ мало: указъ Императора объ ограниченіи пребыванія русскихъ за границею насъ, художниковъ, весьма опечалилъ, а въ особенности Бруни, который даже охладѣлъ къ своей превосходно начатой картинѣ; Киль сдѣланъ директоромъ русскихъ художниковъ въ Римѣ [1]), и прочія тому подобныя, о коихъ говорить скучно.

XXX.

КЪ ОТЦУ.

(Римъ. Осень 1834.)

Откладывалъ я до свободнѣйшаго времени отвѣчать вамъ на письмо за №—, но такое отлагательство ведетъ за собою только упреки совѣсти. Винюсь и отвѣчаю. Письмо ваше я получилъ по пріѣздѣ изъ Тиволи, гдѣ написалъ этюды столѣтнихъ кипарисовъ, украшающихъ садъ дука д'Эсте, для картины моей «Іисусъ и Магдалина»; такимъ образомъ околичность у меня теперь кончена, и я принимаюсь за окончаніе фигуръ. Какая разница писать большую картину, или маленькую! Я въ отчаяніи отъ фигуры Христа. Думаю, думаю, углубляюсь—и въ наблюденіе великихъ мастеровъ, и въ природу—никакого не нахожу пособія. Совѣтоваться мнѣ не съ кѣмъ, ибо постигающіе точки совершенства изящныхъ искусствъ хотя и имѣютъ ее общею цѣлью, но каждый идетъ къ ней путемъ

[1]) Въ то время ходили только слухи о назначеніи Киля; на самомъ же дѣлѣ былъ назначенъ тогда на это мѣсто Кривцовъ, а Киль—лишь нѣсколько лѣтъ спустя.

различнымъ. Но обратимся къ отвѣту на письмо ваше. Деньги на содержаніе мое отъ Общества я получилъ, и давно получилъ, но не отвѣчалъ еще на ихъ бумагу—это меня безпокоитъ. Я ее сочиню. Сочинить бумагу въ Общество гораздо труднѣе, нежели это письмо. Вы не повѣрите, какъ я мучился, видя изъ письма вашего все безпокойство, какое я причиняю (вамъ) моимъ поведеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, я виноватъ, что не посылаю бумагу въ Общество заранѣе о испрошеніи мнѣ пенсіона. Знаете ли, что̀ я тогда думаю? Я полагаю, что Общество, ко мнѣ имѣя полную довѣренность, и зная мои важныя занятія, о которыхъ я имъ сообщалъ, и думать не будетъ объ ограниченіи моего здѣсь содержанія; но это видно не такъ, и вотъ съ тою прозебной бумагой, которую, помните, хвалилъ Григоровичъ, пропали у меня высокія мысли, и я теперь надъ ними готовъ столько же смѣяться, какъ Вольтеръ надъ Св. Писаніемъ. Но я что-то опять завлекся; отвѣчаю на письмо: вы просите меня извѣщать васъ о чемъ-нибудь, у насъ происходящемъ,—предметъ въ самомъ дѣлѣ любопытный, а потомъ, христіански, спрашиваете о состояніи глазъ Лапченки.

Состояніе русской семьи въ Римѣ мнѣ менѣе всего извѣстно, ибо, наскучивъ однообразными воспоминаніями и разборами о подломъ воспитаніи, которое получили всѣ мы въ Академіи, слѣдствіемъ коего укрѣпилась въ насъ, вмѣсто дѣятельности къ ученію и наблюденію природы, природная свора и разгульная жизнь, я совершенно оставилъ русскихъ, которыхъ люблю до самоотверженія. Я знаю только, что Брюлло и Ефимовъ поѣхали въ Грецію съ Давыдовымъ. Объ иностранныхъ художникахъ скажу: Торвальдсенъ перестаъ работать. Послѣднія его произведенія доказываютъ, что онъ въ преклонныхъ лѣтахъ. Нѣсколько молодыхъ скульпторовъ нѣмецкихъ и итальянскихъ начинаютъ занимать его мѣсто. Они близятся къ древнимъ грекамъ, и вотъ и все условіе скульпторовъ. Но живописцы, о, живописцы совсѣмъ иное! Мы, несчастные, терпимъ жестокія революціи, и до сихъ поръ не можемъ ни на чемъ остановиться. Нѣмцы въ глазахъ почтеннаго свѣта имѣютъ двухъ отличныхъ художниковъ: Корнеліуса и Овербека. Первый еще разъ поддержалъ свое имя,

окончивъ здѣсь въ Римѣ большой картонъ, представляющій «Страшный судъ»—вещь дѣйствительно отличную, по выраженію страстей и простотѣ чистаго стиля, чего всегда ищемъ (мы), художники, и чѣмъ единственно довольствуемся. Отшельникъ Овербекъ молится, молится въ своихъ картинахъ. Онъ отказался отъ всѣхъ почестей, и тѣмъ менѣе въ зависти у другихъ. Его «Фонтанъ христіанскихъ художниковъ» [1]) уже подходитъ къ концу. Но кто согласитъ нѣмцевъ надѣть вѣнки на сихъ двухъ мужей! Большая половина ихъ кричитъ, что не въ нашъ вѣкъ работать изъ Св. Писанія, что̀ за охота повторять! Они держатъ себя въ границахъ холоднаго подражанія живописнаго лучшаго времени! — «Надобно,—говорятъ они,—согласоваться съ требованіемъ нашего времени, и дѣйствовать на удовлетвореніе публики», и вотъ они пустились въ tableaux de genre подражать французамъ, и не могутъ быть французами, а французы, послѣ гипсоваго стиля Жерарда, Жироде, Давида и другихъ, пустились подражать первой половинѣ нѣмцевъ, въ сухой классицизмъ живописи, существовавшій до Рафаэля. Англичане держутся одного эффекта, какъ и всегда бывало.

Но я, кажется, слишкомъ уже много наговорилъ вамъ; время сказать что-нибудь на ваше участіе въ помощи Лапченкѣ: онъ живетъ въ двадцати верстахъ отъ Рима, въ Альбано, его здоровье совершенно хорошо, но глаза едва улучшаются. Теперь онъ ѣдетъ въ Неаполь, для принятія бань, которыя должны рѣшить совершенно его положеніе. Далѣе: что̀ мнѣ дѣлать съ В. А. Жуковскимъ? Стыдно и очень стыдно мнѣ передъ нимъ, но не я виноватъ, во-первыхъ, а Скарятинъ. Не правда-ли, что покойнику гораздо легче быть виноватымъ, нежели мнѣ, живому? Вслѣдствіе бумаги, присланной изъ Общества, я остановился высылкой эскиза, ибо они хотѣли его видѣть вмѣстѣ съ моею картиною. Почему бы вамъ не поговорить съ Григоровичемъ о мѣстѣ въ Москвѣ? Весьма васъ благодарю за извѣстіе о состояніи и занятіи ва-

[1]) Рѣчь идетъ здѣсь объ извѣстной картинѣ Овербека: „Der Bund der Religion mit den Künsten", гдѣ художники расположены группами вокругъ аллегорическаго „Фонтана жизни".

шемъ, и отечественныхъ художниковъ. Пожалуйста, и впредь меня не забывайте снабжать этимъ, и подробнѣе.

Я бы очень не желалъ жить здѣсь второй разъ въ безденежьи. Ваша помощь въ такомъ случаѣ для меня нестерпима: я содрогаюсь при одной мысли объ ней. Что касается до сужденія Григоровича о большихъ картинахъ, такъ это можно рѣшить такъ: если Общество удвоитъ мнѣ пенсію, безъ огражденія срока, то можно будетъ писать и въ большомъ видѣ «Іоанна, указывающаго народу Іисуса»; если же нѣтъ, то гораздо вѣрнѣе, что сочиненіе сіе останется въ эскизѣ. Я нищій и послушникъ крайней нужды. Бруни думалъ, что можно, получая три тысячи рублей въ годъ, писать огромную картину—засѣлъ съ подмалевкомъ, и никогда его не кончитъ.

XXXI.

КЪ ОТЦУ.

(Римъ. Осень 1834.)

Батюшка!

Вы, кажется, слишкомъ холодно разобрали минуту, мною выбранную. Слово: «не прикасайся!» означенное удвоеннымъ шагомъ Христа, и запретительное положеніе правой руки, совершено можетъ быть въ одну секунду, вслѣдствіе положенія корпуса Маріи, живо бросившейся къ ногамъ учителя, и потому я совершенно все оставилъ безъ перемѣнъ. Что же касается до лѣвой руки Іисуса, то оная у меня уже перемѣнена, и придерживаетъ падающее платье съ лѣваго плеча, которое имѣетъ цвѣтъ мистическій, т.-е. голубоватый съ золотыми звѣздами, какъ то превосходно представилъ Рафаэль, если вы помните эстампъ: «Іисусъ поручаетъ Петру пасти овцы Его», а также преподобный Ангелико да Фіэзоле, родитель церковнаго стиля, представлялъ въ такой одеждѣ Іисуса или Божію Матерь по отшествіи ихъ отъ земли.— Камень приблизилъ къ самой двери гроба, а теперь доби-

ваюсь красивой и простой уборки головы Марiи съ покрываломъ. Волосы должны быть заплетены въ длинныя тонкiя косы, какъ то видно изъ уборокъ Востока. Я очень думалъ: почему Марiя приняла за садовника Iисуса, и опредѣляю это такъ: что, слыша голосъ не изъ гроба, мудрено ли, что она почла его за садовника Iосифова сада, въ которомъ сама теперь находится, тѣмъ болѣе, съ заплаканными глазами едва ли можно различить предметъ, особливо въ *утреннюю глуботу*. Вслѣдствiе сего послѣдняго я постараюсь окончить картину нѣкоторымъ родомъ полутемно; мудрено, впрочемъ, это сдѣлать безъ черноты.

Болѣе же всего меня держитъ то, что едва ли я успѣю ее кончить, какъ мнѣ бы хотѣлось, дабы послать ее весною въ Петербургъ. Что-жъ вы мнѣ не написали о вашихъ занятiяхъ, какъ, что̀ и гдѣ, по живописной, мнѣ весьма любимой, части.

XXXII.

КЪ В. И. ГРИГОРОВИЧУ.

(Римъ. Ноябрь 1834.)

Окончивъ эскизъ въ день 23 ноября, въ субботу, я съ горькимъ трепетомъ пошелъ въ то мѣсто, гдѣ всегда получаемъ мы письма,—съ горькимъ, говорю, потому что съ тѣхъ поръ, какъ оставилъ родину, я ничего отраднаго въ нихъ не встрѣчалъ. Но въ настоящемъ я увидѣлъ давно ожидаемое, давно желанное,—письмо руки вашей. Весьма благодарю васъ за таковое.

Радуюсь и утѣшаюсь тѣмъ, что когда былъ въ силахъ работать, то не терялъ времени, и еслибъ Общество возвратило мнѣ тотъ годъ, въ который я страдалъ въ нервической лихорадкѣ, сраженный отставкою моего родителя, то, конечно бы, оно увидало передъ собой все то, что̀ оно назначало мнѣ инструкцiей. Къ посланному картону прибавило бы «Iисуса, являющагося Марiи Магдалинѣ послѣ воскресенiя» — картина до-

ведена почти къ концу; увидѣло бы картину «Аполлона»—хотя я ее и оставилъ немного неконченною, но надѣюсь, что, по окончаніи большой вышесказанной картины, мнѣ не трудно и ее исполнить; а что касается до эскиза «Появленіе Мессіи», до сей поры кажущагося неудобоисполнимымъ, вы въ скоромъ времени его увидите въ Петербургѣ, и вы рѣшите, что Торвальдсенъ, Овербекъ, Корнеліусъ, Камуччини и всѣ, составляющіе имя живущаго въ Римѣ, льстили мнѣ похвалами, или говорили правду, что эскизъ сей долженъ быть выполненъ въ большомъ видѣ. Къ симъ трудамъ должно прибавить копію мою съ Тиціана: «Вознесеніе Б. М.», сдѣланную въ путешествіе въ Венецію. Говорить ли еще о портфеляхъ, полныхъ эскизами и этюдами, говорить ли о томъ времени, которое употреблялось къ начитыванію нужныхъ матеріаловъ—и, наконецъ, спросить васъ: велики ли три года, и какіе плоды приносили мои предшественники въ столь короткое время пенсіонерства своего? Довольно! Я представлю письменный отчетъ мой въ Общество, которымъ занимаюсь, и пришлю его въ непродолжительномъ времени.

Еще вамъ слово искреннее, чистосердечное. Вы говорите: ѣздилъ ли Камуччини въ Палестину, когда писалъ сюжеты, заимствованные изъ Новаго Завѣта? Отвѣчаю: холодный Камуччини принадлежитъ къ проходящей школѣ художниковъ, на которую мы смотримъ теперь съ уваженіемъ потому только, что она вышла изъ барокко, но что Овербекъ въ образномъ стилѣ гораздо болѣе приблизился къ истинному классическому; что англичанинъ Изыкъ, который пользуется и до сихъ поръ именемъ отличнаго художника, работая изъ греческой исторіи, въ заключеніе ученія своего въ Римѣ, ѣздилъ въ Аѳины; что Карлъ Брюлло сдѣлалъ такъ счастливо, скопировавъ «Улицу гробовъ», для «Послѣдняго дня Помпеи». Вы не думайте однакожъ, чтобы я этимъ хотѣлъ настаивать на отказанномъ мнѣ вояжѣ—я оставляю (это) другому, гораздо меня счастливѣйшему, вмѣстѣ съ эскизомъ моимъ, если угодно.

XXXIII.

КЪ ПРЕДСѢДАТЕЛЮ ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНІЯ ХУДОЖНИКОВЪ, ГРАФУ МУСИНУ-ПУШКИНУ-БРЮСУ.

(Римъ. Ноябрь 1834.)

Ваше сіятельство!

Сколь ни старался я поспѣть картиной моей, представляющей «Іисуса, являющагося Маріи послѣ воскресенія», къ истеченію назначеннаго мнѣ четырехлѣтія, но неопытность моя въ производствѣ большихъ вещей часто заставляла меня перемѣнять и переписывать многое. Не имѣя истиннаго понятія о колоритѣ, установленномъ великими геніями Италіи, я рѣшился, передъ окончаніемъ моего труда, воспользоваться давно даннымъ мнѣ вами позволеніемъ увидать верхнюю Италію. Всмотрѣвшись въ Тиціана и его современниковъ, на вѣки положившихъ предѣлы масляныхъ красокъ, (я) плѣнился «Св. Іеронимомъ» Корреджіо—сею живописью живописей, и съ новыми силами приступилъ къ окончанію моего труда. Но конецъ моего здѣсь содержанія совершенно обезоруживаетъ меня привести мой трудъ въ ту степень, чтобы не только оправдать онымъ тѣ попеченія, кои имѣло Общество о моемъ воспитаніи, но и вызвать онымъ къ исполненію въ большомъ видѣ сюжета, мною избраннаго—«Появленіе Мессіи», коего писанный эскизъ я на сихъ дняхъ окончилъ.

Говорить ли мнѣ о моей болѣзни, похитившей у меня годъ цѣлый пенсіи, частью, чтобы убѣдить васъ предстательствовать за меня у Общества объ отсрочени моего здѣсь пребыванія; сравнивать ли себя съ предшествовавшими моими товарищами, коихъ время пенсіонерства было и здѣсь счастливѣе моего; представлять ли въ необходимость пребыванія заграницей время чтенія необходимыхъ книгъ и изученіе языковъ и всего, относящагося къ образованію? Всѣ эти убѣжденія къ отсроченію моему будутъ, безъ сомнѣнія, ничтожны, въ

сравненіи съ тѣмъ горячимъ рвеніемъ и щедростью соотечественниковъ—любителей Общества, съ которыми они дѣйствують на развитіе родныхъ талантовъ. Вотъ почему я и надѣюсь на ходатайство вашего сіятельства, и при томъ всегдашнемъ расположеніи ко мнѣ Общества, въ коемъ вы сами меня увѣряли, моя настоящая просьба объ отложеніи мнѣ содержанія не будетъ отброшена, и мнѣ не трудно будетъ ожидать счастливѣйшаго разрѣшенія.

Съ полною увѣренностью на милость вашу остаюсь постоянный къ трудамъ моимъ

Александръ Ивановъ.

XXXIV.

ВЪ ОБЩЕСТВО ПООЩРЕНІЯ ХУДОЖНИКОВЪ.

(Римъ. Ноябрь? 1834.)

Извѣстіе о состояніи соотечественныхъ художниковъ въ Римѣ, безъ сомнѣнія, любопытно будетъ для васъ. Главное вниманіе наше устремлено должно быть на Брюлло, какъ на сильнѣйшаго въ искусствѣ, или вполнѣ сформировавшагося, живописца всеобъемлящаго, или историческаго. Разочтемъ-же теперь всѣ способы, коими пользовался сей великій человѣкъ нашего времени, исчислимъ и его ошибки, и упомянемъ о упущеніи правящихъ людей, дабы слѣдующимъ пенсіонерамъ не подать повода испортить нравственность свою.

Вообще надобно сказать, напрасно Брюлло обвиняли въ потерѣ времени, въ лѣности и проч. Въ его время въ нашей Академіи Художествъ науки были въ совершенномъ разстройствѣ: надобно было изучить языки иностранные, и начитаться всего того, чтò требуетъ просвѣщенный нашъ вѣкъ отъ художника.

Такимъ образомъ нашъ славный живописецъ, созрѣвая книжными познаніями, не могъ въ то же время скоро произ-

водить свои практическія производства, и казался лѣнивымъ въ глазахъ невѣждъ.

Остановка въ исправной присылкѣ денегъ на его содержаніе встревожила его, наконецъ, до такой степени, что вспыльчивый художникъ послалъ назадъ вамъ, когда получилъ, и подвергнулся вашему гнѣву. Долго зрѣла его композиція «Послѣдній день Помпеи» въ головѣ его, чертилъ онъ ее въ альбомахъ своихъ, и, наконецъ, рѣшилъ ее въ огромной величинѣ. Римъ смотритъ съ признательностью на него, и мы полагаемъ, что сей результатъ его просвѣщенія, безъ сомнѣнія, порадуетъ и всѣхъ соотечественниковъ.

Теперь у васъ пенсіонеръ находится на трехъ тысячахъ, по примѣру всѣхъ. Не получая плату за копію свою съ Микель-Анджело, онъ, конечно, не можетъ на эти деньги расположиться съ большой своей картиной, тѣмъ болѣе, что и время его пребыванія такъ коротко, что подумать нельзя сдѣлать что-либо значительное, тѣмъ болѣе, что по случаю жестокой судьбы, постигшей отца его, онъ страдалъ годъ времени въ нервической лихорадкѣ. Итакъ, я думаю, что должно будетъ или щедро заплатить ему за картины, или удвоить пенсію на продолженіе работы.

XXXV.

ВЪ ОБЩЕСТВО ПООЩРЕНІЯ ХУДОЖНИКОВЪ.

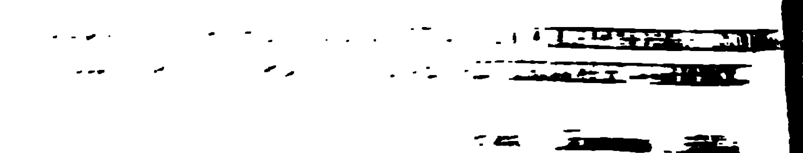
(Римъ. Ноябрь 1834.)

Вотъ уже протекли назначенные мнѣ вами годы пребыванія внѣ отечества и, несмотря на всѣ бѣдствія, посмѣнно по выѣздѣ моемъ встрѣчавшіяся, сколь ни старался окончить картину мою къ истеченію назначеннаго мнѣ срока пребыванія за границей, но желаніе лучшаго часто заставляло меня безпощадно перемѣнять и переписывать многое, въ ней совершенно оконченное. Таковое провожденіе времени пока-

жется потеряннымъ для того, кто не захочетъ вникнуть, что въ томъ-то и состоитъ настоящее ученіе, что такимъ-то только способомъ, сопровождаемымъ безпрестанною наглядкою на великія произведенія древней Греціи и пятнадцатаго столѣтія, коими Римъ столь изобилуетъ, и пріобрѣтается мало-по-малу возвышенный стиль.

Но прежде, чѣмъ вычислю вамъ всѣ мои занятія, я долженъ вамъ доложить, что картонъ мой, рисованный съ Микель-Анджело по вашему назначенію, занялъ у меня гораздо болѣе времени, нежели можно было думать, ибо при малѣйшей непогодѣ ничего нельзя было дѣлать въ темной капеллѣ Сикстинской, а снятіе лѣсовъ для церемоній стоило мнѣ не только времени, но и большихъ хлопотъ, да и самаго здоровья, а особливо когда къ сему прибавимъ извѣстіе объ отставкѣ отца моего. Я лежалъ въ постели цѣлый годъ, слѣдовательно, время свободнаго моего здѣсь изученія начинается послѣ моей болѣзни. Начавъ «Аполлона, занимающагося пѣніемъ вмѣстѣ со своими любимцами Гіацинтомъ и Кипарисомъ», «Іисуса, являющагося Маріи Магдалинѣ» и эскизъ «Появленіе Мессіи», я предъ окончаніемъ сихъ трехъ работъ за необходимое счелъ видѣть все то̀, чѣмъ Италія отличалась въ живописи, изучить характеръ всѣхъ школъ и, наконецъ, составить изъ нихъ себѣ методъ. Наглядка въ Венеціи и копированіе съ Тиціана много мнѣ помогли къ окончанію большой моей картины и эскиза, которые уже послѣ разныхъ перемѣнъ и переписокъ, естественныхъ учащемуся, доведены до окончательнаго вида. Но, чтобы совершенно окончить все, что̀ я началъ, мнѣ нужно то время, которое у меня болѣзнь здѣсь похитила, и тогда вы увидите передъ собою труды мои, количествомъ превышающіе назначеніе инструкціей вашей. О качествѣ же не я долженъ говорить, ибо если я сообщу вамъ, что начинаю пользоваться уваженіемъ Рима, то, конечно, вы мнѣ не повѣрите.

Какъ бы то ни было, но настоящее мое положеніе требуетъ помощи, и я прошу покорнѣйше васъ, благодѣтели мои, не оставить втунѣ начатыя благодѣянія ваши; я же со своей стороны, ободренный новымъ вспоможеніемъ вашимъ,

[illegible] ...чтобы не [illegible] ...или имѣло Общество [illegible] ...къ исполненію въ [illegible] «Появленіе Мессіи», [illegible] ...окончилъ.

[illegible] ...болѣзни, похитившей у [illegible] ...чтобы убѣдить васъ представ[illegible] ...отсрочкѣ моего [illegible] ...предшествовавшими [illegible] ...было и здѣсь [illegible] ...необходимость пребыванія [illegible] ...книгъ и изученіе [illegible] ...Всѣ эти убѣж[illegible] ...ничтожны, [illegible]

сравненіи съ тѣмъ горячимъ рвеніемъ и щедростью соотечественниковъ—любителей Общества, съ которыми они дѣйствуютъ на развитіе родныхъ талантовъ. Вотъ почему я и надѣюсь на ходатайство вашего сіятельства, и при томъ всегдашнемъ расположеніи ко мнѣ Общества, въ коемъ вы сами меня увѣряли, моя настоящая просьба объ отложеніи мнѣ содержанія не будетъ отброшена, и мнѣ не трудно будетъ ожидать счастливѣйшаго разрѣшенія.

Съ полною увѣренностью на милость вашу остаюсь постоянный къ трудамъ моимъ

Александръ Ивановъ.

XXXIV.

ВЪ ОБЩЕСТВО ПООЩРЕНІЯ ХУДОЖНИКОВЪ.

(Римъ. Ноябрь? 1834.)

Извѣстіе о состояніи соотечественныхъ художниковъ въ Римѣ, безъ сомнѣнія, любопытно будетъ для васъ. Главное вниманіе наше устремлено должно быть на Брюлло, какъ на сильнѣйшаго въ искусствѣ, или вполнѣ сформировавшагося, живописца всеобъемлящаго, или историческаго. Разочтемъ-же теперь всѣ способы, коими пользовался сей великій человѣкъ нашего времени, исчислимъ и его ошибки, и упомянемъ о упущеніи правящихъ людей, дабы слѣдующимъ пенсіонерамъ не подать повода испортить нравственность свою.

Вообще надобно сказать, напрасно Брюлло обвиняли въ потерѣ времени, въ лѣности и проч. Въ его время въ нашей Академіи Художествъ науки были въ совершенномъ разстройствѣ: надобно было изучить языки иностранные, и начитаться всего того, что̀ требуетъ просвѣщенный нашъ вѣкъ отъ художника.

Такимъ образомъ нашъ славный живописецъ, созрѣвая книжными познаніями, не могъ въ то же время скоро произ-

водить свои практическія производства, и казался лѣнивымъ въ глазахъ невѣждъ.

Остановка въ исправной присылкѣ денегъ на его содержаніе встревожила его, наконецъ, до такой степени, что вспыльчивый художникъ послалъ назадъ вамъ, когда получилъ, и подвергнулся вашему гнѣву. Долго зрѣла его композиція «Послѣдній день Помпеи» въ головѣ его, чертилъ онъ ее въ альбомахъ своихъ, и, наконецъ, рѣшилъ ее въ огромной величинѣ. Римъ смотритъ съ признательностью на него, и мы полагаемъ, что сей результатъ его просвѣщенія, безъ сомнѣнія, порадуетъ и всѣхъ соотечественниковъ.

Теперь у васъ пенсіонеръ находится на трехъ тысячахъ, по примѣру всѣхъ. Не получая плату за копію свою съ Микель-Анджело, онъ, конечно, не можетъ на эти деньги расположиться съ большой своей картиной, тѣмъ болѣе, что и время его пребыванія такъ коротко, что подумать нельзя сдѣлать что-либо значительное, тѣмъ болѣе, что по случаю жестокой судьбы, постигшей отца его, онъ страдалъ годъ времени въ нервической лихорадкѣ. Итакъ, я думаю, что должно будетъ или щедро заплатить ему за картины, или удвоить пенсію на продолженіе работы.

XXXV.

ВЪ ОБЩЕСТВО ПООЩРЕНІЯ ХУДОЖНИКОВЪ.

(Римъ. Ноябрь 1834.)

Вотъ уже протекли назначенные мнѣ вами годы пребыванія внѣ отечества и, несмотря на всѣ бѣдствія, посмѣнно по выѣздѣ моемъ встрѣчавшіяся, сколь ни старался окончить картину мою къ истеченію назначеннаго мнѣ срока пребыванія за границей, но желаніе лучшаго часто заставляло меня безпощадно перемѣнять и переписывать многое, въ ней совершенно оконченное. Таковое провожденіе времени пока-

жется потеряннымъ для того, кто не захочетъ вникнуть, что въ томъ-то и состоитъ настоящее ученіе, что такимъ-то только способомъ, сопровождаемымъ безпрестанною наглядкою на великія произведенія древней Греціи и пятнадцатаго столѣтія, коими Римъ столь изобилуетъ, и пріобрѣтается мало-по-малу возвышенный стиль.

Но прежде, чѣмъ вычислю вамъ всѣ мои занятія, я долженъ вамъ доложить, что картонъ мой, рисованный съ Микель-Анджело по вашему назначенію, занялъ у меня гораздо болѣе времени, нежели можно было думать, ибо при малѣйшей непогодѣ ничего нельзя было дѣлать въ темной капеллѣ Сикстинской, а снятіе лѣсовъ для церемоній стоило мнѣ не только времени, но и большихъ хлопотъ, да и самаго здоровья, а особливо когда къ сему прибавимъ извѣстіе объ отставкѣ отца моего. Я лежалъ въ постели цѣлый годъ, слѣдовательно, время свободнаго моего здѣсь изученія начинается послѣ моей болѣзни. Начавъ «Аполлона, занимающагося пѣніемъ вмѣстѣ со своими любимцами Гіацинтомъ и Кипарисомъ», «Іисуса, являющагося Маріи Магдалинѣ» и эскизъ «Появленіе Мессіи», я предъ окончаніемъ сихъ трехъ работъ за необходимое счелъ видѣть все тò, чѣмъ Италія отличалась въ живописи, изучить характеръ всѣхъ школъ и, наконецъ, составить изъ нихъ себѣ методъ. Наглядка въ Венеціи и копированіе съ Тиціана много мнѣ помогли къ окончанію большой моей картины и эскиза, которые уже послѣ разныхъ перемѣнъ и переписокъ, естественныхъ учащемуся, доведены до окончательнаго вида. Но, чтобы совершенно окончить все, чтò я началъ, мнѣ нужно то время, которое у меня болѣзнь здѣсь похитила, и тогда вы увидите передъ собою труды мои, количествомъ превышающіе назначеніе инструкціей вашей. О качествѣ же не я долженъ говорить, ибо если я сообщу вамъ, что начинаю пользоваться уваженіемъ Рима, то, конечно, вы мнѣ не повѣрите.

Какъ бы то ни было, но настоящее мое положеніе требуетъ помощи, и я прошу покорнѣйше васъ, благодѣтели мои, не оставить втунѣ начатыя благодѣянія ваши; я же со своей стороны, ободренный новымъ вспоможеніемъ вашимъ,

приложу всѣ старанія, чтобы не въ продолжительномъ времени представить вамъ мою большую картину «Іисуса, являющагося Магдалинѣ», судя по коей, вы усмотрите, въ состояніи ли я буду исполнить въ большомъ видѣ сочиненіе мое: «Появленіе Мессіи».

XXXVI.

ВЪ КОМИТЕТЪ ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНІЯ ХУДОЖНИКОВЪ.

От пенсіонера Александра Иванова покорнѣйшее прошеніе [1]).

Римъ. Ноября 27, 1834.

Пользовавшись четыре года въ Римѣ тѣмъ пенсіономъ, которымъ почтеннѣйшее Общество столь щедро и великодушно меня жаловало, и находясь уже при концѣ онаго, я имѣю счастіе принести ему ту живѣйшую благодарность, которую только признательный питомецъ можетъ чувствовать къ своимъ высокимъ покровителямъ. Но если мой слабый талантъ мало наградилъ ту надежду, которую почтеннѣйшее Общество на меня полагало, и пожертвованія, которыя оно для меня сдѣлало, то я покорнѣйше просилъ бы его объ изъявленіи многомилостиваго снисхожденія. Я не представлялъ ему ни одной картины въ краскахъ, и моего сочиненія. Правда! Но это произошло не отъ лѣности и нерадѣнія (отъ которыхъ долгъ чести и нужда моего дома слишкомъ меня удерживаютъ), а отъ избытка моего уваженія къ членамъ почтеннѣйшаго Общества и той высокой мысли, которую я привыкъ имѣть къ моимъ знаменитымъ покровителямъ и цѣнителямъ изящнаго, стра-

[1]) Письма Иванова въ Общество Поощренія Художниковъ, кромѣ тѣхъ, что̀ печатаются здѣсь съ черновыхъ набросковъ, сохранившихся въ бумагахъ А. А., взяты нами изъ дѣлъ Общества.

шась представить имъ вещь, которая не вполнѣ удовлетворила бы ихъ ожиданія. При томъ же (смѣю примолвить): кто изъ молодыхъ художниковъ русскихъ въ краткое четырехлѣтнее свое пребываніе въ Римѣ произвелъ что-нибудь слишкомъ отличное?

Самый Брюлло если сдѣлалъ вещь, достойную всеобщаго вниманія и похвалы, то не ранѣе какъ по десятилѣтнемъ періодѣ времени. Многіе же весь ихъ вѣкъ въ Римѣ ограничиваются копированіемъ.

Пенсіонеру русскому труднѣе, можетъ быть, произвести что-нибудь въ Римѣ, чѣмъ въ Петербургѣ, ибо въ какія-нибудь два-три года онъ все еще робкій ученикъ въ Италіи, тогда какъ произведенія его, посылаемыя въ отечество, критикуются какъ произведенія мастера.

Цѣлаго года мало на постиженіе стилей великихъ мастеровъ, на небольшіе опыты и подражанія имъ, въ различномъ родѣ дѣлаемые,—а цѣлый годъ, какъ извѣстно почтенному Обществу, страдавъ отъ безпрестанныхъ лихорадокъ, я пролежалъ въ постели. Картонъ мой съ Микель-Анджело (исполненный, впрочемъ, по приказанію почтеннѣйшаго Общества),—правда, частица малѣйшая необозримой капеллы Сикстовой,—однакожъ, стоилъ бы труда, времени, хлопотъ и здоровья даже опытнѣйшему художнику, отъ безпрестанной складки и перекладки огромныхъ лѣсовъ, при случавшихся часто церковныхъ праздникахъ и темнотѣ капеллы.

Картины, коими я до сихъ поръ занимаюсь, суть: «Іисусъ, открывающійся Магдалинѣ по воскресеніи»—вышиною три аршина съ половиною, длиною пять; «Аполлонъ среди любимцевъ своихъ, Гіацинта и Кипариса»—небольшаго размѣра, и эскизъ, уже конченный, масляными красками—«Явленіе въ міръ Мессіи» (взятый изъ второй главы Евангелія Іоанна).

Я былъ бы весьма счастливъ, еслибъ члены почтеннѣйшаго Общества Поощренія Художниковъ соизволили мнѣ на производство картины съ сего эскиза, имѣющаго вскорѣ быть представлену на благоусмотрѣніе моихъ покровителей.

Желая изучить всѣ школы живописи итальянской, для лучшаго окончанія и производства помянутыхъ картинъ

моихъ, я за необходимое почелъ сдѣлать путешествіе въ верхнюю Италію; именно: во Флоренцію, Болонью, Парму, Миланъ, и въ особенности въ Венецію. Но среди сихъ многихъ усилій къ изученію живописи, среди частыхъ болѣзней, время моего пенсіонерства быстро протекло, и я вижу себя въ совершенномъ отчаяніи, не успѣвъ удовлетворить почтеннѣйшее Общество, мнѣ благодѣтельствовавшее, никакимъ произведеніемъ моего искусства. Пребуду въ полномъ отчаяніи еще болѣе, если принужденъ найдусь тотчасъ покинуть всѣ начатки моего ученія, и безъ плодовъ воротиться на родину. Но, побуждаемый живою ревностью доказать почтеннѣйшему Обществу мои силы, и оправдаться передъ нимъ—самымъ дѣломъ, я бы молилъ его неотступно о продленіи мнѣ пенсіона, обѣщаясь въ непродолжительномъ времени послать картину мою: «Іисусъ, открывающійся Магдалинѣ».

Ободренный новымъ вниманіемъ ко мнѣ высокихъ моихъ покровителей, я бы усугубилъ рвеніе мое къ усовершенствованію себя въ живописи, чтобы со временемъ принести честь какъ почтеннѣйшему Обществу, меня одолжившему, такъ и себѣ собственно.

Предавая себя во всемъ власти моихъ покровителей, имѣю честь пребывать съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ ихъ признательнѣйшимъ питомцемъ.

XXXVII.

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ [1]).

(Римъ. Весна 1834.)

Я видѣлъ только верхнюю половину каскада Терни, ибо внизъ спускаться было и поздно, и изнурительно для моего

---

[1]) Замѣтки эти, по настоящему, должны бы быть помѣщены между письмами XXIV-мъ и XXV-мъ, но, по ошибкѣ, не попали въ свое мѣсто.

разслабленнаго здоровья. Сначала онъ видится ужасной пучиной, быстро несущейся съ другаго пункта; немного подалѣе, видѣлъ его уже разбившагося въ пыль... и летящая пѣна, соединяясь съ росою, кроетъ лилово-сѣдоватымъ цвѣтомъ и зелень, и скалы,—все, подлѣ него находящееся. Неоконченное мое изслѣдованіе каскада наградилось единственнымъ гротомъ: туда спускаются съ сѣномъ и соломой, и, при зажженномъ огнѣ, вы видите ряды или колонны, примкнутыя одна къ другой, разной толщины и вышины,—то одну на другой стоящія, то прямо подымающіяся въ безобразный куполъ свода. Тутъ жили въ древности сивиллы.

Чивитта-Кастеллана имѣетъ прекрасныя окрестности, въ особенности къ сторонѣ Терни. Тамъ женщины отличаются юбками, кои, подымая сзади, покрываютъ себѣ головы.

Въ Нарни я видѣлъ, въ каѳедральной церкви, картину, весьма сходную съ манерой Людовика Карраччи; тамъ же можно видѣть и другія (картины) древней болонской школы.

Вечеромъ въ Терни была процессія (страстная пятница): впереди черныя маски несли крестъ и пѣли; потомъ тянулись въ два ряда мальчики со свѣчами, сдѣланными фонарями; потомъ шелъ, въ бѣломъ, усердный христіанинъ, неся крестъ и имѣя босыя ноги—на правой тащилъ за собою цѣпь; за нимъ шли асистенты; сзади его опять несли крестъ, и опять шелъ (человѣкъ) въ бѣломъ, неся грузнѣе крестъ, съ асистентами. Когда же прошли такъ до десяти (лицъ), изъ коихъ у многихъ было на обѣихъ ногахъ по цѣпи, длиною въ двѣ сажени и толщиною въ отверзтую ладонь, то послѣ нихъ несли стеклянный крестъ, съ музыкою духовою; за ними несли факелы, между коими шли дѣти, наряженныя ангельчиками, неся разные аттрибуты страданій; потомъ шла полковая музыка; послѣ нея несли голову Іоанна Крестителя, и, наконецъ, появилось духовенство по чинамъ, высоко неся плащаницу, такъ что, стоя внизу, едва можно было замѣтить положеннаго Христа, задернутаго два раза кисеей. Все это заключалось войскомъ.

Въ Сполето я видѣлъ, въ каѳедральной церкви, фрески древней живописи, можетъ быть Филиппо Липпи. Тутъ вообще въ церквахъ можно замѣтить много хорошихъ картинъ. Городъ

самъ по себѣ весьма замѣчателенъ—опрятный и какой-то свѣжій. Я, однакожъ, имѣлъ тутъ непріятность: веттуринъ было уѣхалъ безъ меня, и мнѣ пришлось догонять его бѣгомъ.

Фолиньо замѣчателенъ монастыремъ и каѳедральной церковью; въ немъ, однакожъ, нѣтъ отличныхъ произведеній—городъ много потерпѣлъ отъ землетрясенія: нѣтъ улицы, въ которой бы не было распорокъ между домами. Женщины тутъ носятъ шали, покрывая голову.

Дорога изъ Фолиньо въ Капіо весьма занимательна своею горною природой, но мы за то не нашли хорошаго обѣда въ Ногерѣ, ни приличнаго ночлега въ Сиджило. Кали отличается какою-то вѣжливостью жителей; мы не встрѣчали ни одного нищаго. Въ церквахъ находятся картины древней и средней болонской школы—первыя занимательнѣе послѣднихъ. Выѣзжая изъ воротъ, мы осмотрѣли древній мостъ, состоящій изъ одной арки; примкнутыя къ нему зданія, потерявшія верхи свои, выстроены были изъ такихъ же огромныхъ камней, безъ связей.

На половинѣ дороги въ Фосомброне мы проѣхали сквозь тотъ камень, въ которомъ древніе выдолбили сообщеніе. Это мѣсто осталось въ совершенной невредимости; изъ камней, выдолбленныхъ изъ скалы, сдѣланъ небольшой домъ, въ которомъ вѣроятно находились стражи, ибо окрестности сего мѣста весьма дики—по бо̀льшей части состоятъ изъ голыхъ скалъ, отвѣсно висящихъ надъ шумною рѣчкою Метауро.

Въ Фосомброне я чуть было не соблазнился: прислужницы трактира весьма имѣли правильное расположеніе лицъ и стана; но заповѣдь моего друга Лапченки побѣдила родившуюся страсть. Въ Фосомброне начинаетъ природа измѣнять характеръ и превращается въ равнины и холмы; строенія тоже имѣютъ какой-то мелкій видъ; арки, тянущіяся вдоль по улицамъ, подъ домами, и служащія защитой пѣшеходамъ отъ дождя, не веселятъ глазъ, привыкшій къ прекрасному и великому; домà съ болѣе возвышенными концами крышъ говорятъ болѣе о домашнемъ удобствѣ, нежели о красотѣ.

Выѣхавъ изъ Фосомброне, мы настигли бурю по дорогѣ, и

остановились въ маленькомъ селѣ для завтрака; буря усиливалась, и мы за дождемъ и ужаснымъ вѣтромъ не видали Фано, съ его славными фресками Доменикино. Вѣтеръ на берегу сердитаго моря столь былъ силенъ, что мы опасались за нашу коляску, грузно сверху навьюченную.

Въ Пезаро мы видѣли въ церквахъ весьма хорошія картины Бароччи и другихъ мастеровъ; въ особенности намъ понравилась древняя живопись, представляющая Мадонну со святыми.......

Мы ночевали въ Католико: (это) трактиръ, показывающій своимъ убранствомъ давно прошедшее величіе духовенства, находившагося здѣсь во время спора Аріанъ. Въ Римини мы никакъ не ожидали найти въ церквахъ столь много превосходныхъ картинъ. Арка, воздвигнутая въ честь Августа, весьма сохранена—она богата карнизами; мостъ также находится въ цѣлости. Въ Чезано я былъ, такъ-сказать, очарованъ: церкви, украшенныя картинами того же мастера, что̀ и въ Римини, или той же школы, веселое расположеніе города, дешевизна угощенія въ великолѣпномъ трактирѣ, чудное вино, —все это вселяло въ насъ какой-то восторгъ.

Въ Фаэнца, въ каѳедральной церкви, мы нисколько не изумлялись двадцати-лѣтнимъ трудамъ Карла Чиньяни: куполъ слишкомъ и малъ, и крутъ. Я тутъ многихъ церквей не видалъ, ибо въ наше присутствіе онѣ были заперты. Въ народѣ примѣтна какая-то унылость: тамъ австрійцы на неослабномъ караулѣ, ибо возмущеніе теплится еще въ народѣ.

Въ Имола мы видѣли, въ церкви, «Доминиканцевъ» Людовика Каррачи, но костюмъ монаховъ сихъ, представленный художникомъ, въ картинѣ мало имѣетъ занимательности.

Женщины въ Романіи отличаются красотой; но я все еще свѣжъ къ заповѣди друга. Каѳедральной церкви внутренность есть одна изъ самыхъ любопытнѣйшихъ, какія я когда либо видѣлъ. Ужинъ нашъ оживила дѣвица національной красоты—она пѣла и играла на гитарѣ. Я былъ въ восхищеніи отъ ея зоркихъ взглядовъ и прекрасныхъ зубовъ, показывающихся изъ полуотверзтыхъ устъ, прекрасно сотворенныхъ. Но я опять подъ заповѣдью друга—я не домогался поцѣлуевъ.

Болонья. Народъ здѣсь вообще отличается здоровымъ и крупнымъ видомъ: свѣжесть лицъ, крѣпкое сложеніе тѣла и опрятность одежды есть неотъемлемое достоинство болоньезцевъ; строгую правильность и заманчивую чувствительность въ лицахъ вы здѣсь напрасно будете искать. Городъ самъ по себѣ скученъ—онъ кажется какимъ-то амбаромъ изъ-за своихъ арокъ, но вѣжливость и честность жителей совершенно выкупаетъ этотъ недостатокъ.

Театръ наружности не имѣетъ, или его фасадъ есть тотъ же амбаръ, коимъ затянуты всѣ улицы; внутренность театра отяжелѣна балюстрадомъ, но самый главный недостатокъ находится въ недостаткѣ эхо.

Въ Имола, въ церкви, въ вечерню, передъ концомъ службы, когда священникъ поворачивалъ дары при звукѣ органа, огромный мужикъ закричалъ нѣчто поносное; рѣдкій обратилъ на него вниманіе (можетъ быть потому, что его всѣ знаютъ за такого), но священникъ, поставивъ дары, сказалъ ему вслухъ, что онъ не только будетъ на завтра наказанъ, но и лишится сейчасъ покровительства святой, въ честь которой идетъ служба.

Лучшія картины церквей и дворцовъ, по возвращеніи своемъ въ Италію, собрались здѣсь въ академіи художествъ. «Пьета» Гвидо принадлежитъ къ феноменамъ живописи: пламенный сынъ неба не былъ ничѣмъ связанъ въ сочиненіи картины—она, такъ-сказать, со всею свѣжестью у него вышла. Іисусъ великолѣпно лежитъ, бокомъ къ зрителю; Матерь его стоитъ надъ нимъ, обратя скорбныя очи къ небу; по бокамъ—ангелы въ скорбящемъ положеніи: тотъ, что съ лѣвой стороны, въ особенности отличается легкостью положенія; внизу святые—представлены защитники города Болоньи. Вся картина написана съ одного духа, кажется въ одинъ день. Божественный Гвидо!

Картина «Святая Цецилія» Рафаэля, конечно, всегда будетъ постоянною въ своихъ прелестяхъ. «Избіеніе младенцевъ» Гвидо есть также одна изъ драгоцѣнностей живописи: въ женскихъ головахъ выпечаталъ онъ весь свой даръ небесный!

Во второй залѣ двѣ картины Доменикино включаютъ его

въ число безсмертныхъ, съ именемъ болѣе декораціоннаго живописца, нежели строгаго стиля и отдѣлки.

Карраччи силится быть и Кореджіемъ, и Тиціаномъ, и какимъ-то Рафаэло-Бронзино-Микель-Анджело, и какимъ-то прескучно-темнымъ. О подражатели! Лучше бы было, еслибъ ихъ мастера оставались при собственной болоньезской школѣ, которая весьма еще хороша въ фосфорѣ Фонтаны.

Франческо Франчіа, патріархъ живописи болоньезской, если не можетъ считаться на ряду съ величайшими, то, по крайней мѣрѣ, стоитъ тотчасъ за ними: его картины не только носятъ неразвратный стиль, отдѣлку неразлучную, дружную съ правдой, но и отпечатки физіономій и сѣроватаго колорита лицъ своей націи. Хотя на послѣднее можно сдѣлать возраженіе, ибо многіе святые, и сама Богородица, имъ представленная, не были бѣлолицыми. Прочія картины, украшающія входъ въ галлерею, болѣе любопытны по своей старинѣ, чѣмъ по достоинству.

Во многихъ церквахъ и дворцахъ есть фрески Карраччей, на которыя я до того наглядѣлся, что завтра же бѣгу изъ Болоньи, не оглядываясь.

Не понимаю, за что̀ Гверчино ставятъ на одну доску съ великими мастерами: его картины суть только этюды съ натуры, по бо̀льшей части самой грубой, писанныя съ большой практикой; колоритъ и сочиненіе доказываютъ самое ограниченное его образованіе и вовсе не утонченныя чувства.

Картины Пармеджанино изъ подъ заплѣснѣвшихъ тоновъ ничего мнѣ порядочнаго не представляютъ.

Вчера я рѣшился найти конецъ корридора отъ воротъ Сарагосскихъ; въ два часа дошелъ до церкви Madonna della Guardia, и не любопытствовалъ видѣть ликъ Богородицы, написанный самимъ Лукою. Апеннины отсюда весьма занимательны: три или четыре плана показываютъ ихъ вершинную перспективу, оканчивающуюся мѣднымъ хребтомъ.

Дорога изъ Болоньи въ Феррару самая скучная; говорятъ, что она бываетъ часто опасна разбоями. Представьте небо, отдѣленное линіей горизонта отъ зелени, и вы будете имѣть совершенное понятіе о прескучномъ и безлюдномъ семъ пути.

Феррара—обширный городъ, имѣетъ въ двухъ церквахъ двѣ картины Гарофало, и ничего болѣе; людей на широкихъ и длинныхъ улицахъ не встрѣчаешь. Изъ Феррары рано утромъ пустились мы опять въ плоскую равнину, кое-гдѣ разрѣзываемую каналами, и прибыли на рѣку По, гдѣ при сильномъ вѣтрѣ тянулся парòмъ нашъ. Послѣ несносной австрійской таможни, мы пустились вдоль по рѣкѣ; вѣтеръ дулъ намъ въ лица безпрерывно. За нѣсколько миль до Ровиго мы начали превосходную къ нему дорогу, усаженную съ боку превосходными прямыми высокими деревьями. Въ городѣ мы не ходили—онъ не важенъ.

На половинѣ дороги въ Падую насъ порадовали горы, къ которымъ мы черезъ нѣсколько времени приблизились. Падуя совсѣмъ не такъ скучна, какъ объ ней говорятъ; мы, впрочемъ, не надѣемся видѣть городъ, ибо завтра рано надобно изъ него выѣхать. Кафè Педрокки мы были очарованы: онъ, такъ-сказать, царь всѣхъ кофейныхъ домовъ въ Италіи.

Утромъ рано мы пустились въ путь, и въ 10 часовъ уже прибыли въ Фузино, откуда взяли барку, и мало-по-малу приближались къ плавающимъ домамъ Венеціи.

Я пораженъ видомъ дворца и площади св. Марка—это единственно въ своемъ родѣ! Странности и неожиданности безусловно захватываютъ вниманіе, восхищаютъ и заставляютъ на время забыть вкусъ древнихъ. Но вы замѣчаете тутъ же и тюрьмы, и вамъ разсказываютъ про ужасы, тутъ происходившіе, и горькія мысли отравляютъ ваше удовольствіе.

Я еще не успѣлъ осмотрѣть площадь св. Марка; могу только сказать, что она величественно неподражаема, имѣя 245 шаговъ въ длину и 77 въ ширину. Она окружена веселыми благородными лавками, безпрестанными кофейнями, которыя вечеромъ блестятъ огнями, зеркалами и разнородными товарами.

Въ академіи художествъ я былъ пораженъ неожиданно. Эстампы никогда не могутъ дать понятіе о сокровищахъ, здѣсь находящихся: Веронезъ, Тиціанъ, Тинторетто изъ теплыхъ душъ своихъ вылили на холсты откровеніе колорита, ввѣреннаго имъ отечественной природой. Чтò за священный

огонь, что за быстрая жизнь въ ихъ картинахъ! Вдохновенные, они не заимствовались, не руководствовались ни одной школой, и отсюда-то оригиналы сіи безсмертны для потомства.

Академія художествъ въ Венеціи. Здѣсь, какъ и въ другихъ городахъ Италіи, лучшія картины, возвращенныя изъ Парижа, помѣщены въ академіи художествъ; многіе сюжеты напоминаютъ вамъ о религіи, о пѣсняхъ церковныхъ, а достоинства исполнительной части служатъ указателями и наставителями колорита для учащагося юношества, и собраніемъ своимъ доставляютъ любителямъ и путешественникамъ возможность видѣть, спокойно и въ одно время, все, чтò произвели лучшіе туземные живописцы.

«Вознесеніе на небо Божіей Матери» Тиціана есть, такъ-сказать, картина, похищенная изъ самаго рая. Повсюду царствуетъ откровенная теплота разсвѣчиванія и соединенія въ одну массу. Васъ поражаетъ (она), вы, такъ-сказать, на нѣкоторое время чувствуете себя выше всего на свѣтѣ, устремивъ вниманіе на славу. Вы забываете низъ и верхъ картины, которые чувствительно уступаютъ серединѣ, столь торжественно воспѣтой Тиціаномъ.

Благородный Парисъ Бордоне доказалъ своимъ «Рыболовомъ», что венеціанской школы картина можетъ быть отдѣлана до nec plus ultra безъ всякой сухости. Гармонія сей картины загадочна: многолюдность фигуръ и платьевъ, вмѣстѣ со строеніемъ дальнимъ и первопланнымъ, доведены до простаго эффекта самымъ гармоническимъ образомъ. Лѣстница, обращенная къ свѣту, покоитъ глазъ обширною массою свѣта; темно-красныя сѣдалища съ платьями голубыми, красноватыми, синеватыми, желтоватыми, утушеваны въ одну темноватую массу, (и) дѣлаютъ эффектъ неподражаемый.

Я видѣлъ въ частной галлереѣ одну картину сего мастера: «Іисуса въ школѣ докторовъ»—тамъ Марія, помѣщенная на второмъ планѣ, дѣлаетъ эффектъ неподражаемымъ.

Павла Веронеза — «Мадонна со многими святыми», чтò въ Капитоліи.

Тинторетто — «Чудо св. Марка надъ слугою» — картина,

писанная съ необыкновенною силою и смѣлостью. Хороши его же картины въ (церкви) Madonna del Orto, въ школѣ Св. Рокка.

Іоанна Беллини сюжетъ и композиція—обыкновенные его времени, т.-е. «Мадонна, сидящая на возвышеніи, въ креслахъ»; сзади ея во всю картину нишь, связывающая и украшающая композицію; съ боковъ, внизу,—святые, стоящіе въ самыхъ простыхъ святыхъ позахъ; у подножія пьедестала —ангелы, хвалящіе на инструментахъ имя Божіе. Картина сія, какъ и другія его въ церквахъ св. Захарія, Спасителя (Redentore), доказываютъ высокія дарованія и постоянный трудъ къ развитію таинъ красокъ масляныхъ, только что изобрѣтенныхъ. Картина его въ церкви Salvatore, «Христосъ въ Эмаусѣ», показываетъ совершенное развитіе его генія въ полной силѣ—фигура Іисуса необыкновенна.

Чима да Конельяно, послѣдняя опора древней школы венеціанской, во многихъ случаяхъ можетъ стоять на ряду съ Беллини и не уступаетъ ему въ набожности alla Madonna del Orto.

Карпаччіо принадлежитъ также къ блюстителямъ стиля, одновременнаго Беллини,—по колориту и отдѣлкѣ его называютъ здѣсь венеціанскимъ Рафаэлемъ.

Картина Тиціана «Входъ во храмъ Богородицы» отличается ясностью колорита: яркость—краснаго, желтаго, бѣлаго, разставленныхъ въ народѣ на главныхъ фигурахъ, и сзади ихъ сильно написаннаго ландшафта, съ другой стороны первосвященника, одѣтаго въ желтую и красную ризу, и другаго въ бѣлую и синеватую, съ окружающимъ ихъ грязноватымъ тономъ строеній,—дѣлаетъ эту картину брилліантовою.

«Бракъ въ Канѣ Галилейской» роскошно вылился изъ свободнаго генія Павла: непринужденность въ положеніи фигуръ, ихъ разнообразіе и украшеніе, хотя часто своевольны и капризны, дѣлаютъ эту картину роскошною. Но бѣда подражателямъ Павла! Архитектура занимаетъ большую половину сей картины. Lanzi говоритъ, что Павелъ превзошелъ Тиціана въ легкости колорита. Мнѣ кажется, что легкость въ сей картинѣ есть недостатокъ—она кажется декораціей. «Коронованіе Богоматери» исполнено фантастическихъ чувствъ: три ряда сидящихъ на облакахъ фигуръ искусно связаны

разнородными полутонами и тѣнями, падающими то отъ облаковъ, то отъ фигуръ и другихъ предметовъ.

Бонифаціо принадлежитъ къ числу тѣхъ художниковъ, о коихъ нельзя сказать ни худа, ни добра: во многихъ случаяхъ онъ похожъ на средственнаго Тиціана, вообще однообразенъ и не заманчивъ.

Лучшее произведеніе Тиціана можно видѣть въ галлереѣ Манфрини, въ двухъ картинахъ. — Одна представляетъ три портрета, горячо написанныхъ и строго нарисованныхъ: женщина въ три четверти, мужчина въ профиль, и мальчикъ позади его. Сила красокъ необыкновенная: въ цвѣтѣ лѣтъ умершій художникъ запечатлѣлъ тутъ геніальный свой выходъ изъ сухости старинной школы. — Вторая представляетъ поясной портретъ женщины, держащей гитару; здѣсь бѣлая драпировка написана для вѣковъ, искуственная величественность главныхъ ея партитовъ и совершенное подражаніе натурѣ въ деталяхъ, со всѣми ихъ измѣнчивостями, сочетались здѣсь до nec plus ultra. Какая гармонія полутоновъ и, утушеванныхъ къ темному грунту, тѣней бѣлой драпировки и смѣсь чернаго спензера, помѣщеннаго между бѣлою рубашкой!

Картина въ S. Crisostomo, въ главномъ алтарѣ, утѣшаетъ васъ за потерю Джіорджіоне. Себастіанъ Піомбо геніально подражаетъ тутъ молодому своему учителю: въ головахъ женскихъ, что̀ на лѣвой рукѣ отъ зрителя, отпечатанъ стиль великаго Джіорджіоне. Лучшее произведеніе старшаго Пальма— образъ св. Варвары, въ церкви «Марія Формоза». Дѣйствительно, онъ тутъ необыкновенно легокъ въ обдѣлкѣ, удерживая при томъ жизнь контурную и остановки массивныя. Тоны сей картины, какъ и другихъ сего мастера, весьма теплы и безъ принужденія. Его-же, въ частной галлереѣ Selvi, «Св. Семейство» написано бриллiантовымъ образомъ: сквозность холста сбережена повсюду, мягкость переходовъ изъ тѣни къ свѣту и обратно—неподражаема. Порденоне отличается величественнымъ пріемомъ стиля и крупной композиціей. Его картины, представляющія католическаго священника—монаха, коричневаго цвѣта, и Іоанна Крестителя нагаго, обращеннаго спиною къ зрителю, ручаются за его безсмертіе. Лучшія произве-

денія Тиціана, послѣ академіи, находятся въ разныхъ мѣстахъ: въ церкви Frari—Богоматерь сидящая и ея Іисусъ младенецъ, стоящій внизу апостолъ Маркъ, еще ниже фамилія, заказавшая картину, — это произведеніе самаго лучшаго времени Тиціана, надъ которымъ онъ трудился 6-ть лѣтъ; не знаю, предпочесть-ли его «Ассунтѣ», или наравнѣ поставить. Въ церкви «Giovanni e Paolo»,—«Мученіе Петра» есть, безъ сомнѣнія, совершеннѣйшее произведеніе сего мастера: ландшафтъ съ купидонами написанъ въ часъ Тиціанова восторга.

Въ галлереѣ Барбариго, въ числѣ четырнадцати картинъ Тиціана, отличаются: «Магдалина» и «Венера»: это—перлы, украшающіе Венецію. Въ галлереѣ Манфрини, «Снятіе со креста» поражаетъ васъ расположеніемъ тѣней и свѣтовъ: ноги Іисуса съ бѣлой драпировкой, спина несущаго тѣло съ правой стороны—необыкновенны! Чтò за отдохновеніе тѣней въ этой картинѣ! Чтобы Павла оцѣнить, надо быть въ Палаццо Дукале. Плафоны его есть душа всѣхъ живописей въ семъ родѣ: онъ тамъ и силенъ, и легокъ колоритомъ. Зала «Совѣта Десяти» блеститъ произведеніями Павла; библіотека увѣнчана огромнымъ плафономъ, представляющимъ «Коронующуюся Венецію». Его «Европа»—одно изъ красивѣйшихъ произведеній въ живописи. Въ церкви св. Севастіана также находится немалое собраніе произведеній Павла, а въ галлереѣ Пизани его «Даріева фамилія» считается за самое лучшее произведеніе сего мастера.

Послѣ Венеціи, Падуа мнѣ показалась пустымъ городомъ; картины венеціанской школы малочисленны. Тиціана «Младенецъ Іисусъ съ Маріею»—украшаетъ Duomo (въ сакристіи). Веронезе превосходенъ въ запрестольномъ образѣ Capella Maggiore и S-ta Giustina: ангелы или херувимы посреди картины заняты мотивомъ съ летящихъ голубей на piazza San Marco; ангелы, сидящіе въ плафонѣ у подножія Саваоѳа,—превосходны: они подернуты сіяніемъ славы Творца. Церковь Св. Антонія красится болѣе драгоцѣнностью металловъ и камней, нежели ума и вкуса: она имѣетъ видъ весьма пышный, въ особенности capella S. Antonio.

Въ церкви Благовѣщенія я отдохнулъ отъ тоски, внушаемой городомъ. Тутъ вся капелла уписана Джіоттомъ (Giotto) и

въ довольно хорошей сохранности. Джіотто имѣетъ стиль, достойный наблюденія въ сочиненіи фигуръ и экспрессій; новость и непринужденность мотивовъ составляютъ важное достоинство сихъ фресокъ. Кафе въ опустѣлой Падовѣ играютъ важную роль. Дворцы, церкви и улицы носятъ печать унылости, запущенности и опустѣнія; во многихъ едва встрѣчаемъ людей. Я одно утро только посвятилъ на обозрѣніе города, а теперь ѣду въ Виченцу, въ надеждѣ видѣть по дорогѣ прекрасныя мѣстоположенія и заглянуть на Чертозу, мною невидѣнную.

Ничего не могу сказать въ похвалу женщинъ, ибо фріулянки, обворожившія меня въ Венеціи, совершенно заняли мое вниманіе; прекрасныя, онѣ рядятся постоянно въ красныя платья съ черными передниками, въ мужскія шляпы, совсѣмъ не закрывающія затылка, и, слѣдовательно, роскошныя косы, красиво заплетенныя, виднѣются густыми массами. Волосы составляютъ отличительное свойство венеціанскихъ женщинъ. А какъ онѣ приспособили походку подъ коромыслами—я этого и передать не въ силахъ. Онѣ ходятъ какъ-то скоро, мягко, по бо́льшей части босыя, взоры ваши любуются прекрасной формою. Между этими обворожительными фріулянскими женщинами много и бѣлокурыхъ. Дорога, ведущая изъ Падуи въ Виченцу, разсажена гирляндами винограда, но, впрочемъ, она болѣе отличается обильнымъ плодородіемъ почвы, нежели прекраснымъ мѣстоположеніемъ. Виченца—городъ прекрасный, онъ лежитъ на холмахъ и украшается небольшими рѣками и иногда прибрежными кустарниками, группирующимися съ домами. Piazza dei Signori есть лучшая, послѣ св. Марка, площадь: она украшена почти такими же двумя колоннами и отличнымъ зданіемъ Палладія, здѣшняго уроженца. Эта громадная зала, на подобіе падуанской, обнесена счастливою и богатѣйшею колоннадою въ два этажа; во внутренности галлереи, примыкающей къ сей залѣ, я видѣлъ много произведеній Montagna, Cima da Conegliano, и лучшее произведеніе Бассано, а также Вандика «Четыре возраста человѣка» (Montagna долженъ быть современникъ Беллини,—въ немъ, какъ и у Франческо Францiа, примѣтны національныя головы). Тинторетта «Св. Амвросій, летящій

въ небо»—весьма хорошо сгруппированъ съ облаками холоднаго и темноватаго тона. Duomo болѣе славится готическою фасадою, нежели внутреннею красотою высшаго искусства. Въ церкви S-ta Corona, «Волхвы» Павла Веронеза и «Крещеніе» Gian Bellini достойны особеннаго вниманія. Въ церкви св. Стефана «образъ Богородицы, св. Георгія и Екатерины» есть самое лучшее произведеніе Пальма старшаго: онъ тутъ превзошелъ самого себя. «La Madonna di Monte»—прекрасная картина Павла Веронеза мнѣ нравится болѣе, нежели его «Cena» въ Венеціи: она тутъ болѣе имѣетъ единства и связности. О Павлѣ можно сказать, что онъ любилъ новую сторону живописи, которая превосходна только въ немъ самомъ. Строенія, занимающія большую часть его картинъ, бѣлизною своею отдѣляютъ темныя фигуры, кои писаны всегда смѣло, и рѣдко ласировкою, отчего встрѣчаемъ иногда какую-то вяловатость въ тонахъ платья, которая, однакожъ, подъ геніальною кистью Павла не кажется недостаткомъ. Онъ часто употреблялъ узорчатыя полосатыя платья, которыя много мѣшаютъ стилю драпировки. Но у Павла и этого нельзя назвать грѣхомъ—столь геніальны его произведенія.

Театръ Olimpico принадлежитъ къ одному изъ чудесъ архитектуры. Говорятъ, что сцена, освѣщенная огнями, коихъ зритель не видитъ, даетъ строенію видъ солнечнаго волшебнаго освѣщенія, и въ то же время строеніе сіе, малымъ своимъ масштабомъ и искусственною перспективою, придаетъ фигурамъ дѣйствующимъ какую-то необыкновенную колоссальность. Освятить и упорядочить его стóитъ каждый разъ около 800 франковъ—вотъ почему столь рѣдко онъ бываетъ употребленъ. Во время празднества въ день Corpus Domini, Vicentini возятъ по городу огромную колесницу, съ конями и всадниками изъ дерева, въ память побѣды, древле одержанной надъ падуанцами, коихъ вичентинцы и до сихъ поръ ненавидятъ, такъ какъ феррарцы—болонезцевъ. Гроты подземные въ двухъ миляхъ отъ Виченцы служили вѣрнымъ убѣжищемъ во время нападенія падуанцевъ.

Верона—городъ обширный и опрятный. Фасады и внутренности домовъ, дворцовъ и церквей часто разнородныхъ мраморовъ, прекрасные троттуары и широкія улицы поражаютъ

и восхищають глазъ путешественника. Также окрестные горы и холмы, выказывающіеся въ отдаленіи, связываютъ строенія самымъ счастливымъ образомъ; природа имѣетъ видъ серьезный, но пріятный. Съ мостовъ въ особенности надо видѣть городъ, чтобы получить понятіе о его характерѣ. Адижъ стремится величественно. Веронезцы не имѣютъ постоянныхъ лицъ (экспрессій), которыя бы обрисовали ихъ національность. Женщины и дѣвицы обворожительны своими фигурами, осанкой и тонкими покрывалами, черными и по большей части бѣлыми. Въ церквахъ онѣ производятъ большое впечатлѣніе. Въ каѳедральной церкви, «Ассунта» Тиціана можетъ равняться съ его картиной сего сюжета въ Венеціи, хотя настоящая написана прежде. Облака здѣсь написаны легче и желтѣе, они удивительно растушеваны; желтое сіяніе кругомъ темно-сине-грязнаго платья Богородицы и грязно-голубое небо между апостолами и облаками утушеваны самымъ гармоничнымъ образомъ; апостолы имѣютъ тоны платьевъ разныхъ цвѣтовъ, и иногда совершенно темныя или черныя, но прозрачность грунта бѣлаго, съ красниной въ темныхъ мѣстахъ картины, сохраняется повсюду. Тиціанъ въ этой картинѣ кажется совершенно развитымъ, мягкость его гармонической кисти нисколько не препятствуетъ жизни картины.

Въ церкви S. Zeno мы видѣли картину Mantegna масляными красками на деревѣ; она носитъ на себѣ характеръ націи, набожность того времени и тщательность художника.

Въ церкви св. Анастасіи мы видѣли картину Каротто, одного изъ лучшихъ подражателей Тиціана.

Въ госпиталѣ della misericordia видѣли Pietà, писаную Orbetto, который лучшій подражатель хорошаго стиля.

Въ церкви св. Павла, «Богоматерь со святыми» есть почти лучшая вещь Павла, и совершенно различна съ тою картиною, которую мы видѣли въ S. Giorgio: здѣсь онъ нашелъ эффектъ, и въ композиціи болѣе общаго, болѣе связи. Богоматерь между двухъ колоннъ коринѳскихъ, хорошо замалеванныхъ, кажется освященною солнцемъ; голый Ребенокъ—между рубашкой Матери, которая самыхъ блестящихъ красокъ. Въ S-ta Maria in organis мы замѣтили лучшее произведеніе Carotto. Этотъ мастеръ замѣчателенъ тѣмъ, что сажаетъ Анну

вмѣстѣ съ Богоматерью и Іисусомъ младенцемъ на облакахъ; онъ подражатель хорошаго стиля. Арена хорошо сохранена внутри, но фасадъ занятъ самыми плохими лавочками, и, чтобы сказать лучше, почти всѣ арки заняты телѣгами самыми простыми. Арена имѣетъ большую площадь съ публичной прогулкой.

Филармоническій театръ—одинъ изъ лучшихъ во всей Италіи: портикъ, изъ шести колоннъ іоническаго ордера, служитъ входомъ (Палладія), съ карнизомъ деревяннымъ; дворъ, прибавленный къ этому портику, имѣетъ дорическія колонны, между коихъ видны древніе монументы и надписи еврейскія, греческія, римскія и египетскія. Болѣе замѣчательны орнаменты, выкопанные въ Аренѣ и въ другихъ мѣстахъ Вероны, между которыми находится прекрасный торсъ Мелеагра. Внутренность театра весьма хорошо расположена.

Чертоза веронская теперь строится; будетъ она очень хороша, судя по тому куску, который уже выстроенъ; все — ордера дорическаго.

На половинѣ дороги изъ Вероны въ Брешію озеро имѣетъ видъ магической нескопируемой перспективы: крутыя горы съ чертою озера неподражаемы, вы уноситесь воображеніемъ въ промежутокъ, что̀ вдоль озера.

Брешія имѣетъ окрестности очаровательныя. Городъ вообще веселый и пріятно расположенный. Лучшее, что̀ я видѣлъ,—это музей Patria, или храмъ Геркулеса, за семь лѣтъ до сего времени открытый и довольно сохраненный, заключаетъ въ себѣ не только карнизы, капители и части статуй, найденныхъ съ его открытіемъ, но и куски или фрагменты, найденные въ другихъ частяхъ города и пожертвованные хозяевами въ сей музеумъ, выстроенный на счетъ города. Въ семъ храмѣ особенно замѣчательна статуя, бронзовая, въ натуральную величину, отличной работы; другіе орнаменты—бронзовые, также необыкновеннаго искусства. Въ галлереѣ графа Този замѣчательна картина Рафаэля, ученика Перуджино, весьма замѣчательная по своей отдѣлки. Тамъ же есть и другія картины лучшихъ мастеровъ, кои, однакожъ, не очень занимательны. Галлерея Лекки, вмѣстѣ съ церквами города, можетъ дать понятіе о Моретто; онъ похожъ на Павла, только

тщательнѣе гораздо въ отдѣлкѣ и менѣе геніаленъ. Въ библіотекѣ я видѣлъ, между прочимъ, эстампъ Лебрена—«Змѣй въ пустынѣ». Въ церкви св. Афры я видѣлъ лучшаго Тиціана—«Христосъ и блудница». Эта картина потому лучшая, что лучше мастера нѣтъ въ Брешіи. Въ сей же церкви я нашелъ картину Павла: мученіе какой-то святой.

Дорога изъ Брешіи въ Бергамо—самая пріятнѣйшая; съ правой стороны она разнообразно коронуется вершинами Альповъ. Плодороднѣйшія поля, пересѣкаемыя иногда между бѣгущими рѣчками, очаровательны. За три или четыре мили вы видите Бергамо на одномъ изъ холмовъ альпійскихъ, позади коего возвышаются гигантскія вершины, иногда снѣжныя. Предмѣстья города весьма отдалены отъ центра, вотъ почему онъ утомителенъ для путешественника. Въ каѳедральной церкви, въ куполѣ, фрески Гогета совершенно разрушили бы мое объ немъ понятіе, еслибы въ церкви San Michele in arco не встрѣтилъ бы его картины, представляющей «Вѣнчаніе Св. Екатерины съ Іисусомъ младенцемъ»,—картина колоритна.

Въ муниципальномъ дворцѣ хвалятъ «Вечерю тайную» Аллори, но я имѣю антипатію къ сему мастеру; тутъ-же портретъ, Тиціаномъ писанный, и планъ фасада и профиль сего строенія, руки самаго Браманте.

Церковь Maria Maggiore любопытна своей архитектурой вѣковъ среднихъ. Въ умахъ бергамасцевъ она есть самое лучшее строеніе свѣта. Нѣкоторые плафоны Вассано заслуживаютъ особеннаго вниманія. Въ академіи Carrara многочисленное собраніе картинъ, изъ коихъ двѣ «Вакханаліи» скопировалъ съ Тиціана Падованино—превосходно: женщина вакханка найдена неподражаемо, бѣлое платье на рукѣ прекрасно, двѣ женщины, сидящія на второмъ планѣ, малы. Но лучшія произведенія находятся на квартирѣ профессора здѣшняго, Діотти: Тиціана «Св. семейство», Корреджіо тоже, Скидоне «Іисусъ младенецъ лежащій», въ Корреджіовскомъ стилѣ. Три портрета превосходнаго бергамасца Морони; сказываютъ, что онъ лучше Тиціана въ семъ родѣ. Самъ профессоръ работаетъ посредственно, или обыкновенно. Ученики не имѣютъ стиля, но копируютъ натуру хорошо.

Въ Бергамо, какъ и въ Брешіи, женщины хозяйничаютъ въ трактирахъ и лавкахъ, чтó составляетъ какую-то пріятность, въ особенности въ Бергамо, гдѣ довольно часто встрѣчаешь хорошенькихъ. Національность состоитъ въ крупныхъ здоровыхъ лицахъ и довольно правильныхъ.

Морони принадлежитъ къ портретистамъ первѣйшимъ. Бокаччіо Бокаччини также почти той же силы.

Миланъ мало имѣетъ вещей, относящихся къ цѣли моего путешествія. «Тайная вечерь» Леонарда-да-Винчи въ совершенномъ разрушеніи. Леонардо выбралъ минуту истинно по своему генію, т.-е. въ то время, когда Спаситель говоритъ: «Единъ отъ васъ предастъ меня». Эта тихая минута представлена Леонардомъ въ различныхъ экспрессіяхъ апостоловъ; разнообразіе впечатлѣній, произведенныхъ словами Іисуса на апостоловъ, выражено самымъ совершеннѣйшимъ образомъ. Здѣсь глава ломбардской школы, Леонардо, торжествуетъ. Чтò за тихая скорбь въ лицѣ и позѣ Іисуса, чтò за невинность въ положеніи Іоанна, чтò за истина въ движеніи Іуды-предателя; съ другаго же боку фигура вставшая и спрашивающая: «Не я ли, Господи?» выражаетъ въ полнотѣ и невинность, и скорбь; на концѣ сего бока Өома съ совершенно національной экспрессіей. Ни одна оконечность фигуры не оставлена безъ вниманія въ наипревосходной композиціи. Линіи каждой фигуры найдены въ великихъ чертахъ, ни которая не засѣчена, все плавно, величественно изящно (грандіозно). Эстампъ Рафаэля Моргена сдѣланъ съ копіи съ сего прекраснаго творенія, сдѣланной ученикомъ Леонардо, Маркомъ д'Оджіоне. Копія сія цѣльнѣе оригинала, но въ ней потеряна грандіозность линій Леонарда. «Распятіе» въ сей же церкви (Madonna delle grazie)—написанное al fresco.

Гауденціо Феррари имѣетъ много достоинствъ, какъ въ величіи стиля, такъ и въ группированіи фигуръ. Церкви вообще мало вознаграждаютъ любопытнаго видѣть классическія произведенія ломбардской школы.

Въ монастырѣ св. Маврицін и въ церкви св. Гервія, — въ первомъ фрески, а въ другой масляными красками работа Бернардино Луини, — утѣшаютъ любопытнаго.

Луини (въ церкви св. Гервія) представляетъ «Снятіе со

креста»; картина, какъ и другія его произведенія, отличается выраженіемъ головъ, чѣмъ въ особенности занималась въ цвѣтущее время ломбардская школа. Дворецъ королевскій содержитъ въ себѣ фрески Аппіани, знаменитаго живописца новѣйшаго времени. Они представляютъ «Тріумфы Наполеона». Лучшій изъ нихъ—Наполеонъ, несомый геніями, а другіе геніи сзади, подносящіе ему разныхъ націй короны. Впрочемъ, евангелисты на парусахъ въ церкви св. Чельсія есть лучшее сего мастера. Аппіани похожъ однако же на фарфоровую живопись.

Въ Брерѣ собраны лучшія картины Милана. Леонарда-да-Винчи—этюдъ на голову Христа и «Святое семейство», половина оконченная; съ одного и съ другаго я нарисовалъ головы. Фрески Луини отличаются выраженіемъ головъ, Марко д'Оджіоне ближе всѣхъ подходитъ къ своему великому маэстро, а Гауденціо Феррари отличается изыскиваніемъ трудныхъ поворотовъ и ракурсовъ человѣка; въ «Мученіи Св. Екатерины» —ангелъ, летящій съ мечомъ, весьма счастливо найденъ. Въ семъ отдѣленіи Бреры находятся превосходныя картины Павла: «Органъ», или три картины—средняя представляетъ «Поклоненіе волхвовъ». Тоны необыкновенны, вся картина имѣетъ темноватые грязные колера фона, а подведенные къ чистымъ первопланнымъ—неподражаемы. Небо синѣе правды, облака рыжеватыя, строеніе бѣлое въ сѣромъ густомъ тонѣ. Прочія картины Павла имѣютъ тоже необыкновенный эффектъ: узорчатыя, розовыя и желтыя ризы весьма счастливы; синія платья онъ не зеленилъ по-Тиціановски. Здѣсь его довольно произведеній. Гвидо Рени превосходенъ въ «Петрѣ и Павлѣ», это лучшее его произведеніе. Егоровъ безсовѣстно скралъ сію композицію. Парисъ Бордоне, какъ и въ Венеціи, отличается подборомъ цвѣтовъ—въ гармоніи сѣроватой ли, зеленоватой, красноватой, зеленой ли, желтой,—все подобрано подъ общую свѣтлую или темную массу, все заласировано тѣми-же тонами. Кресни (Даніилъ) принадлежитъ къ тѣмъ превосходнымъ живописцамъ, на которыхъ смотрѣть не хочется, послѣ геніальныхъ твореній. Чима да Конельяно не охладилъ моего къ нему вниманія: онъ и тутъ и свѣжъ, и разборчивъ, и простъ, и святъ въ положеніяхъ и чистотѣ колеровъ. Карпаччіо сhi-

аго-scuro и тутъ неподражаемо. Марко д'Оджіоне весьма близокъ къ своему маэстро. Его ангелъ, съ двумя другими поражающій діавола,—превосходенъ. Рафаэля «Sposalizio» [1]) исполнено съ чувствомъ, отдѣлка въ этой картинѣ неимовѣрна.

Въ одномъ отдѣленіи Бреры находятся програмы, получившія премiи; изъ нихъ «Ипполитъ падающій съ колесницы» есть лучшая; Ассіа «Лаоконъ» болѣе даетъ понятія о возможности скомпоновать сюжетъ сей, нежели въ самомъ дѣлѣ онъ есть. Картоны Аппіани (Евангелисты) можетъ быть лучше самихъ фресокъ: они черчены Рафаэлевскою рукою, въ нихъ художникъ искалъ черты вѣрности и красоты, а не скучной отдѣлки. Франароли «Икаръ и Дедалъ»—группъ превосходный. Муссини «Судъ Соломоновъ» отличается хорошимъ манеромъ рисовать, но другой рисунокъ миланезца, подлѣ него висящій, показываетъ болѣе философіи въ сочиненіи: тутъ воинъ, взявъ ребенка и вынимая мечъ отходитъ въ сторону, выполнивъ повелѣніе царя; мать кричитъ, чтобы отдать ребенка соперницѣ, которая конфузно глядитъ на сцену. Изъ числа другихъ сочиненій, тутъ находящихся, замѣчательны по выбору сюжетовъ: «Сократъ выводитъ Алкивіада изъ дома гетеръ»,—«Товій приготовляется мазать глаза отцу».

Въ библіотекѣ Амброзіанской картонъ Рафаэля расчерченъ геніально, изумительно. Мнѣ кажется, надобно не только родиться итальянцемъ и непремѣнно въ средней Италіи, но и съ младенчества свыкнуться, вдаться, отдаться ея прекрасной природѣ, чтобы сдѣлать подобное; но нѣтъ, и сего мало, надобно быть Рафаэлемъ! Чтò за свобода въ драпировкахъ, чтò за полнота южная, строгая, въ рисункѣ тѣлъ, чтò за граціозность, грандіозность; онъ искалъ черты вѣрной, строгой и прекраснѣйшей. Рисунки Леонарда неимовѣрно окончены—это миніатюры. Здѣсь Луини въ «Св. фамиліяхъ» превосходенъ: отдѣлка во всѣхъ частяхъ картины сохранена, также какъ и въ головахъ, чтò рѣдко встрѣчаешь у сего мастера. Солаини еще ближе къ своему маэстро. Тиціана—«Св. Семейство», гдѣ ангелъ съ Товіемъ и рыбой написаны сильно и мягко. Оно мнѣ можетъ служить для окончанія Аполлона. Бассано сверхъ ожиданія и свѣтелъ, и красенъ отдѣлкой. «Рождество Іисуса»—я никогда не

[1]) Обрученіе.

видалъ столь яснаго Бассано: съ лѣвой стороны—пастухъ спиною, въ желтой рубашкѣ, съ загорѣлымъ тѣломъ, — написано прекрасно; сзади его оселъ, еще далѣе два пастуха, и сзади ихъ голубь, бѣловатыя облака, младенецъ Іисусъ въ прекрасной позѣ и написанъ превосходно, по-Тиціановски. Миланъ вообще городъ красивый, блистательный, опрятный во всѣхъ частяхъ; троттуары и подколесники доставляютъ спокойствіе пѣшимъ и коннымъ, и вмѣстѣ украшаютъ городъ; сады или публичныя аллеи доставляютъ густую тѣнь прогуливающимся, галлерея вечеромъ очаровательна: фонари сверху, галантерейныя лавки и кофейныя снизу, освѣщаютъ и блестятъ возможною роскошью товаровъ. Музыка безпрерывная и всегда хорошая.

Каѳедральная церковь споритъ съ Св. Петромъ въ величіи. Фасадъ имѣетъ что-то магическое, священное, неизъяснимое,—внутренность поражаетъ огромностью масштаба. Но всего удивительнѣе крыши, лѣстницы и переходы, украшенные то фигурами, то узорами, невѣроятно магическими. Случайно я въ Павіи видѣлъ отличнѣйшій портретъ Рафаэля, имъ самимъ писанный; онъ тутъ лѣтъ тридцати. Экспрессія умная и пріятная: въ шапочкѣ, съ длинными волосами, съ полуоткрытой кистью,—писанъ, оконченъ превосходно на темнозеленомъ грунтѣ. Издали и вообще удивителенъ.

Церкви Павіи мало вознаграждаютъ любопытство живописца (одна изъ нихъ del Carmine—величественна, архитектуры готической); за то Чертоза павійская есть восьмое чудо въ свѣтѣ: картины, рѣзьбы и все прочее сохранено и окончено съ неимовѣрною свѣжестью и цѣлостью. «Распятіе» Боргоньоне можетъ равняться самымъ высокимъ произведеніямъ Рафаэля, въ особенности фигура Іисуса выразительна: торсъ—вытянутый, изящнѣйшей отдѣлки позиція и благородна, и спокойна. Сего иконописца много здѣсь произведеній; превосходный фасадъ церкви выстроенъ по его рисунку. Картина, представляющая молящагося монаха, есть произведеніе Карла Корнаро, соперника Тиціана; я сего мастера не замѣчалъ въ Венеціи, а такой превосходный. Макрина d'Alba піемонтская заслуживаетъ также особеннаго вниманія.

Въ одномъ изъ алтарей отличный Перуджино со своей

[illegible] же на холстахъ были написаны картины его [illegible] можно бы взять ихъ за Рафаэля.

Здѣсь особенно замѣчателенъ алтарь изъ гиппопотамовыхъ зубовъ удивительной работы и величины. Камилю Прокаччини [illegible] подражать Рафаэлю. Даніело Креспи принадлежитъ къ лучшимъ живописцамъ, одновременникамъ Каррачи. Въ сакристіи находится запрестольный образъ ученика Леонарда, отличительной отдѣлки, представляющій «Взятіе Богоматери на небо.» Головы апостоловъ я бы хотѣлъ нарисовать, но, испытавъ тяжкій обратный путь въ Павію, я долженъ былъ оставить сіе полезное намѣреніе, ибо въ слѣдующій день, воскресенье, не ѣздятъ курьеры водою въ Миланъ, столь благопріятные для путешественника-эконома. Мало цѣлаго дня, чтобы видѣть великолѣпный храмъ чертозиновъ, сихъ богатыхъ отшельниковъ. Во время энтузіазма католической религіи, жили въ кельяхъ и не иначе видѣлись другъ съ другомъ, какъ на службѣ церковной. Они брили и волосы, и бороды, и одѣвались въ бѣлыя платья. Фамилія перваго дука миланскаго, Висконти, отдала всѣ свои богатства на построеніе и содержаніе сего храма. Дукъ имѣетъ здѣсь великолѣпную гробницу.

Я не видалъ Аванчини въ Павіи, но аптекарь, рекомендованный мнѣ дономъ Багати-Валески, весьма былъ мнѣ полезенъ.

Миланезки отличаются необыкновенною чистотою, какъ въ платьѣ, такъ и въ домахъ своихъ. Онѣ носятъ черныя покрывала, закрываютъ косу, завернутую въ улитку, и спускаютъ концы сего покрывала по всему переднику—это придаетъ фигурамъ ихъ необыкновенную легкость и пріятность; отъ веронезокъ онѣ отличаются тѣмъ, что не покрываютъ плечей покрываломъ. Діалектъ ихъ состоитъ въ непроизношеніи гласныхъ буквъ на концахъ словъ, и въ примѣси многихъ французскихъ словъ; разговариваютъ протяжно, мѣрно, что дѣлаетъ языкъ въ устахъ женщинъ пріятнымъ. Венеціане также утратили гласныя въ окончаніяхъ, и, сверхъ того, вмѣсто *ч* произносятъ *ц*, и оканчиваютъ каждый періодъ рѣчи какимъ-то музыкальнымъ повышеніемъ голоса. Кажется, что, разговаривая такимъ образомъ, никогда нельзя дойти до ссоры.

Піаченца—городъ довольно скучный: конечно, кирпичныя лучшія строенія, какъ и въ Павіи, наводятъ своею темнотою скуку. Piazza dei cavalli имѣетъ дворецъ занимательный, съ многими готическими окнами.

Въ каѳедральной церкви весьма хорошо сохранены фрески Гверчино, Каррачи (Лудовика), Креспи и другихъ превосходныхъ подражателей геніямъ пятнадцатаго вѣка.

Церковь Madonna alla Campana изобилуетъ отличнѣйшими фресками Порденоне. «Св. Августинъ съ окружающими его дѣтьми» особенно занимателенъ. Видѣлъ я и осматривалъ картину Камуччини въ церкви Св. Іоанна in Canale; она окончена, много имѣетъ достоинствъ, но мы привыкли отъ новѣйшихъ художниковъ требовать во всемъ строжайшаго отчета, а особливо со стороны исторіи, а тутъ совершенно нѣтъ ничего согласнаго съ нею. Впрочемъ, картина сія есть лучшее произведеніе Камуччини: красота въ рисункѣ довольно занимательна.

Дорога изъ Піаченцы въ Парму красуется контуромъ Апеннинъ. Мостъ, выстроенный на рѣкѣ Таро, удивителенъ величиною, красотою и крѣпостью. Парма до сихъ поръ кажется мнѣ какимъ-то лазаретомъ, богадѣльней: женщины движутся въ грязно-фіолетовыхъ салопахъ, съ мѣшкомъ того же цвѣта на головѣ, что̀ дѣлаетъ ихъ какими-то больничными надзирательницами. Бѣдныхъ весьма много, стариковъ и старухъ болѣе всего повстрѣчаешь на улицахъ. Гримасъ бездна, такъ что нельзя замѣтить національность экспрессіи. Въ музеумѣ древностей есть много любопытныхъ вещей, найденныхъ въ Veleja—городѣ, недавно открытомъ близь Апеннинъ, въ 30 миляхъ отъ Пармы. Въ Palazzo del Giardino я не совѣтую никому ходить, ибо тамъ совершенно нечего смотрѣть. Фрески лучшихъ болонезскихъ художниковъ поздняго времени весьма много потерпѣли отъ руки реставратора. Въ студіи Тоски много любопытныхъ эстамповъ его руки, также рисунковъ сего мастера, сдѣланныхъ въ разныхъ мѣстахъ Италіи. Онъ теперь занимается гравюрою съ Даніэля-да-Вольтерра. Я удивился простотѣ пріема и обращенія сего великаго мужа. Судя по пріему директора музеума древностей, Лопеца, и другихъ, посредствомъ его новопріобрѣтенныхъ,

знакомыхъ, надобно замѣтить, что парменіане и услужливы, и обходительны, и добры. Я здѣсь былъ принятъ съ неменьшимъ радушіемъ, какъ и въ Венеціи.

Въ монастырѣ св. Павла, мнѣ показали знаменитую картину съ фресками Корреджіо: «Caccia di Diana» [1]). Я изумлялся людямъ, находящимъ въ нихъ достоинство, глядѣлъ, разглядывалъ со всѣхъ сторонъ, убѣждалъ себя въ пользу художника, и—не нашелъ въ нихъ никакихъ достоинствъ. Какіе то прескучные медальоны, вставленные въ цвѣточную рѣшетку, грузятъ надъ вами сводъ прескучной комнаты; куски однообразныхъ купидоновъ навѣваютъ немалую скуку; колпакъ камина между двуми окнами изображаетъ самую богиню; ея голова хотя и отвѣчаетъ намѣренію художника, но безстильность, неточная исполнительность, и даже самая грандіозность, царствующая вообще въ сихъ фрескахъ,—довольно скучны.

Въ академіи художествъ собраны всѣ лучшія произведенія, возвращенныя Пармѣ изъ Парижа. Двѣ картины Корреджіо царствуютъ надъ всѣмъ прочимъ. Его «Мадонна св. Іеронима» есть истинный феноменъ живописи: ясность красокъ вмѣщаетъ въ душу зрителя какой-то святой восторгъ. Оживаешь, глядя на его произведеніе: оно свѣтло, какъ ясный день Неаполя, сквозность царствуетъ повсюду. Чтò за прелесть, чтò за грація въ головахъ, чтò за тоны въ драпировкахъ!

Другая его картина представляетъ «Св. Семейство», и имѣетъ такое-же достоинство: тѣни массивны и совсѣмъ не черны, какъ поняли ихъ Карраччи, сквозность повсюду видна, а особливо въ тѣняхъ. Но прочія картины Корреджіо весьма мало имѣютъ достоинствъ, какъ-то: «Іисусъ несущій крестъ» и «Умерщвленіе св. Цециліи». Его купола также весьма скучны, его ракурсы непріятны, неизящны. Пармеджіанино есть самый досадный художникъ; грацію, которую ему приписываютъ, я не понимаю. Скидоне поражаетъ своимъ эффектомъ и вкусомъ: его «Pietà» и «Ангелъ съ мироносицами» неподражаемы, бѣлое платье у послѣдняго истинно бѣло, какъ снѣгъ.

Въ Кастель-Франко я видѣлъ «Ассунту» Гвидо; какъ онъ блѣденъ въ сравненіи съ Корреджіо! Эта его картина è un

[1]) Охота Діаны.

capo d'opera [1]). Вообще Карраччи, съ своей школой, много потеряли въ глазахъ моихъ, со вторичнаго прiѣзда въ Болонью: сквознота темныхъ мѣстъ картины замѣнена чернотою, все прочее писано на красномъ грунтѣ, слѣдовательно тяжело и грустно.

XXXVIII.

КЪ ОТЦУ.

(Римъ. Начало 1835.)

Батюшка! Долго ожидалъ я отвѣта на то письмо, гдѣ была вложена бумага къ Жуковскому.

Вы мнѣ говорите, что заводится въ Москвѣ рисовальная школа, и о желанiи вашемъ занять тамъ мѣсто учителя,—я истинно радовался бы, еслибы это сбылось. Извѣстите меня, пожалуйста, подробнѣе и немедленно объ этомъ. Кто такiе тамъ члены?—я, можетъ быть, буду имѣть случай просить здѣсь, въ Римѣ, кое-кого о ходатайствованiи по сему дѣлу. По прiѣздѣ моемъ въ отечество, я бы весьма желалъ поселиться въ Москвѣ, какъ для удобнѣйшаго производства предметовъ изъ русской исторiи, такъ и для избѣжанiя с.-петербургской Академiи Художествъ, которая со всѣмъ своимъ причтомъ ужасаетъ меня при одномъ воспоминанiи.

Весьма радуюсь, что мнѣ еще на два года отсрочена жизнь, и благодарю васъ и Григоровича за исходатайствованiе,—воспользуюсь симъ краткимъ временемъ, сколь силы позволятъ. Для копiи фреска подъ названiемъ «Disputa del Sacramento» надобно времени пять лѣтъ, кромѣ тѣхъ двухъ, кои мнѣ теперь прибавили. Слишкомъ непростительно было бы, еслибъ я отъ нея отказался, но что вы скажете на семилѣтнюю отстрочку? Векселя все нѣтъ. Это меня заставляетъ сомнѣваться объ отсрочкѣ моего пенсiона.

Какъ грустно родиться нищимъ, чувствовать это въ полной степени, и не видѣть ничего впереди, для поправленiя своего состоянiя!

Работы мои остановились, и я похожу теперь болѣе на движущiйся истуканъ, или на скота, получившаго ударъ обуха въ голову.

Скарятинъ былъ ласковъ со мной до послѣдняго пребыванія своего въ Римѣ, обѣщалъ мнѣ доставить эскизъ къ Жуковскому и золотыя горы. Но каково же было мое удивленіе, когда по истеченіи трехъ мѣсяцевъ я увидѣлъ мою работу, свернутую по дорожному, въ мастерской Бруни, вмѣстѣ съ прочими вещами Скарятина!

XXXIX.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА КЪ ОТЦУ.

(Римъ. Весна 1835.)

...На отъѣздъ Корнеліуса, французы разослали въ извѣстные частные дома приглашенія на прощальный обѣдъ, въ замѣнъ того, что́ нѣмцы дали Вернету, директору французской академіи художествъ въ Римѣ.

Билетъ за входъ стоилъ пять рублей. Зала, самая большая въ Римѣ, гдѣ даютъ обыкновенно концерты, убрана была разными гирляндами изъ всякихъ цвѣтовъ; въ срединѣ противъ хоръ, въ огромной нишѣ, между колоннами, былъ поставленъ на высокомъ пьедесталѣ колоссальный бюстъ Корнеліуса, увѣнчанный лаврами. Столы—украшенные гирляндами, лавровыми и масличными, они тянулись въ четыре ряда вдоль залы; хоръ и подъ - хоры также заняты были ими, и едва умѣщали всѣхъ взявшихъ билеты: художниковъ разныхъ націй, изъявившихъ эту признательность Корнеліусу, было до 200 человѣкъ! Влѣво, на срединѣ стѣны, былъ навѣсъ изъ цвѣтовъ и лавровъ, — родъ трона съ вензелемъ отъѣзжающаго, подъ которымъ приготовленъ былъ для него почетный стулъ, украшенный золотомъ; нѣсколько же стульевъ стояло около него для принятія самыхъ отличныхъ людей, на лицо находившихся въ Римѣ: по правую сторону сидѣлъ Торвальдсенъ—мужъ, получавшій весьма часто подобную признательность; по лѣвую—Энгръ, нынѣшній директоръ академіи французской; далѣе сидѣли Овербекъ, Рейнгардъ—извѣстный Европѣ классическимъ сочиненіемъ ландштафтовъ, Катель—вѣрный другъ природы итальянской, Деларошъ—нынѣ славнѣйшій историческій живописецъ между

французами. Корнеліусъ вошелъ въ залу послѣдній, и громкое рукоплесканіе всѣхъ, уже сидѣвшихъ, его привѣтствовало; онъ отвѣчалъ поклонами. Въ половинѣ обѣда потянулись всѣ съ бокалами цѣловаться съ отъѣзжающимъ, послѣ чего заняли прежнія мѣста; сидѣвшіе за столомъ у правой стѣны художники, имѣвшіе голоса, начали хоръ,—слова, сочиненныя нарочно для этого праздника и подведенныя подъ напѣвъ старинной національной нѣмецкой пѣсни. Въ срединѣ ихъ пѣсни упоминалось, что въ знакъ ихъ признательности они надѣваютъ ему лавры.

Энгръ, какъ представитель французовъ, предложившихъ сей праздникъ, вдругъ надѣваетъ лавровый вѣнокъ на Корнеліуса, тайно ему поданный Шефферомъ. Корнеліусъ встаетъ съ мѣста при громкихъ рукоплесканіяхъ и поздравительныхъ кликахъ, и остается въ этомъ умилительномъ положеніи, со слезами на глазахъ, до самаго окончанія хора; послѣ чего поднялъ вѣнокъ съ своей головы и произнесъ импровизированную на итальянскомъ языкѣ клятву, что онъ вѣнокъ сей, какъ драгоцѣнный даръ признательности всего міра художниковъ, повѣситъ на самомъ лучшемъ мѣстѣ своей мастерской, въ знакъ вѣчной памяти сего славнаго торжества, и проч. Подъ конецъ рѣчи, тронутый до слезъ Корнеліусъ перемѣнилъ голосъ, сбился и смялся, и самое громкое рукоплесканіе и привѣтствіе заключило сіе превосходное мѣсто праздника.

За симъ два нѣмецкихъ поэта, по очереди, декламировали нарочно сочиненныя рѣчи въ похвалу Корнеліуса. Подъ конецъ, г. Флери, душа пиршества, сѣвъ на особомъ стулѣ близъ трибуны, началъ пѣть дишкантомъ, сопровождая звуками гитары, веселыя пѣсни; онѣ всѣхъ заставили смѣяться. Потомъ опять начались громогласные хоры—нѣмцы поютъ удивительно. Въ это время убрали столы, и вдругъ очутилась посреди 7-ми-лѣтняя хорошенькая дочь Корнеліуса, пришедшая посмотрѣть праздникъ отца. Рукоплесканія и vivat при ея появленіи заглушили весь праздникъ—и она убѣжала.

Въ заключеніе воздвигнута была сцена, родъ театральной, въ той огромной нишѣ, гдѣ стоялъ бюстъ Корнеліуса, и подъ флеровымъ занавѣсомъ открывались попеременно лучшія фигуры классическихъ живописцевъ, также одѣтыя и убранныя,

какъ въ оригиналахъ, и каждая выстаивала отъ 5-ти до 10-ти минутъ. Въ заключеніе, такимъ же живо-картиннымъ образомъ представлены были лучшія изъ фигуръ сочиненія Корнеліуса, въ знакъ принятія его въ число классиковъ. Праздникъ окончился въ три часа пополуночи. Не правда-ли, что пріятно въ Римѣ? — этого у насъ никогда не бываетъ.

XL.

КЪ ОТЦУ.

(Римъ. Сентябрь 1835.)

Къ самымъ имянинамъ моимъ получилъ я письмо ваше, отъ 3-го августа. Развернувъ, я увидѣлъ все семейство наше здравствующимъ.

Представьте, я до сихъ поръ еще не посылалъ отвѣта въ Общество — все не доволенъ былъ сочиненіемъ; но будьте спокойны, я на дняхъ его пошлю. Эскизъ мой они получатъ вмѣстѣ съ картиной «Іисусъ и Магдалина», которую къ декабрю мѣсяцу я надѣюсь совершенно окончить, такимъ образомъ удовлетворить всѣхъ и многосложнымъ сочиненіемъ въ маломъ видѣ, и большою картиною показать силы мои въ исполнительной части. Вы говорите, что достаточно формъ благородныхъ, чтобы сдѣлать фигуру Іисуса соотвѣтственной вообразимости. Если бы этимъ въ самомъ дѣлѣ можно было довольствоваться, то моя картина кончена, ибо гармонія линій и правильность рисунка всѣми уже одобрена. Но какъ это не достаточно для большой картины нашего времени, которое требуетъ непремѣнно силы и гармоніи красокъ, и мастерской ловкости кисти, не выходящей за границы строгаго рисунка, и выраженія, свойственнаго каждому предмету! Вотъ эти-то условія, о которыхъ намъ не говорили въ Академіи, меня совершенно теперь приводятъ въ тупь. Написать истинно колоритно бѣлое платье, закрывающее большую часть фигуры въ естественную величину, каковъ мой Христосъ,—право, не легко: сами великіе мастера, кажется, этого избѣгали; я по крайней мѣрѣ во всей Италіи не нашелъ себѣ примѣра. Отецъ истиннаго колорита, Тиціанъ, старался бѣлое платье показы-

вать какимъ-нибудь кускомъ, смѣшавшимся съ платьями другихъ цвѣтовъ. Фрески не могутъ быть примѣромъ, ибо тамъ бѣлое платье суть только оттѣненные рисунки.

Весьма васъ благодарю за свѣдѣнія о дѣлахъ Лапченки; слѣпецъ вѣрно обрадуется симъ извѣстіямъ, и ободрится при отголоскѣ своей славы.

Вы меня изрядно испугали описавъ дѣло Троицкой церкви [1])—эта ужасная новость сломаетъ голову всякому художнику съ чувствомъ. Я чуть не плакалъ, видя васъ пораженнымъ; но, слава Богу, для васъ, оно не худо кончилось. Бруни ѣдетъ немедленно въ Петербургъ, чтобы захватить кучу работъ или кучу денегъ: его вызываютъ занять профессорское мѣсто въ Академіи. Онъ ѣдетъ, чтобы, закутавшись въ личину любезнаго человѣка и покорнаго подданнаго русскаго, нахватать пенсій, крестовъ, почестей, денегъ, и потомъ искуснѣйшимъ образомъ взять паспортъ и пожелать спокойной ночи воспитавшей его Россіи. Однакожъ, вы этого никому не говорите, и если случится ему у васъ быть, то вы будьте съ нимъ какъ съ человѣкомъ порядочнымъ, и даже поблагодарите его за пріязнь ко мнѣ: я съ нимъ живу дружно (дружно по свѣтски — вѣдь вы знаете это слово).

Я бы руки обрубилъ всякому иностранцу-художнику, пріѣхавшему пожирать наше золото, а русскіе, напротивъ, наперерывъ разсыпаются передъ ними, доставляя имъ всевозможные къ тому способы, и, еще позорнѣе, предпочитая своимъ. Нашъ почтеннѣйшій Кипренскій, увѣнчанный лаврами Европы, едва живетъ въ Римѣ.

Я очень радовался, что вы себя утѣшаете знакомствомъ моимъ съ Іорданомъ—онъ свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе.

Мы, молодые художники, весьма должны быть признательны г-ну Тимофееву—онъ объ насъ весьма выгодное эхо распространяетъ въ публикѣ.

---

[1]) Многія изъ картинъ, написанныхъ разными художниками для новаго Троицкаго собора въ измайловскомъ полку, не были одобрены Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, и по Высочайшему повелѣнію замѣнены другими, вновь заказанными.

[2]) Говорится о статьѣ Тимоѳеева: „Русскіе художники въ Римѣ“, въ „Библіотекѣ для Чтенія“ 1835, т. XI.

Іорданъ дѣлаетъ рисунокъ съ «Преображенія» Рафаэля, для гравированія. Это дѣло будетъ ему стоить лучшей половины его жизни, если онъ въ самомъ дѣлѣ исполнитъ его лучше всѣхъ предшественниковъ.

XLI.

КЪ В. И. ГРИГОРОВИЧУ.

(Римъ. Осень 1835.)

Удобный случай послать счеты такъ заторопилъ меня своею поспѣшностью, что я не успѣлъ совершенно написать что-либо въ Общество, и потому прошу васъ покорнѣйше подождать представленіемъ сихъ бумагъ въ Комитетъ, до перваго моего туда отчета.

Весьма сожалѣю, что не чаще получаю отъ-васъ письма. Жаль, что нельзя въ моемъ отчетѣ написать совершенно обо всемъ, мною видѣнномъ. Я бы сказалъ тогда о бывшей выставкѣ Кипренскаго, о двухъ картинахъ Маркова; но какъ приспособить образъ доклада моего? — какъ сдѣлать, чтобы критика не оскорбляла самолюбіе художника?

Теперь здѣсь всѣ говорятъ о выставкѣ Кипренскаго. Говорить вамъ о похвалахъ неумѣстно, ибо и вы, и всѣ русскіе, знаете достоинства сего художника; довольно сказать, что новыя его произведенія, какъ-то: «Сибилла», «Неаполитанскій маринаро», «Цыганка при огнѣ», русскіе и другіе считаютъ неуступающими портретамъ: его отца — Давидомъ, старика Шереметьева, молодой Флоры, кои выставлены тутъ-же. Изъ новыхъ русскихъ художественныхъ произведеній, отличаются также картины Маркова: «Юдиѳь, въ побѣдоносномъ восторгѣ, благодарящая Бога», и «Черкешенка, защищающая своего отца отъ орла». Весьма много имѣютъ достоинства головы женскія, написанныя въ лучшемъ стилѣ Доменикино. Жаль, что художникъ не можетъ продолжать трудиться въ Римѣ такимъ образомъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ...

XLII.

ВЪ КОМИТЕТЪ ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНІЯ ХУДОЖНИКОВЪ.

От пенсіонера Александра Иванова покорнѣйшее донесеніе.

Римъ. Декабря 28, 1835.

Признательный къ почт. Общ. за щедрое покровительство двукратнымъ производствомъ пенсіона, мнѣ оказаннаго, я весьма сокрушаюсь, что не въ состояніи былъ явить ему опытъ моего прилежанія и усердія такъ скоро, какъ то ему было желательно. Теперь, кончивъ картину мою «Спаситель передъ Магдалиною въ вертоградѣ», спѣшу представить оную взорамъ и суду моихъ покровителей. Зная ихъ ко мнѣ строгость, чувствуя сильно мою неисправность передъ ними и слабость моего таланта, я прихожу въ робость отъ справедливости ихъ приговора, и нахожу себя совершенно безотвѣтнымъ. Но, при всемъ моемъ безпокойствѣ, я питаюсь надеждою, что великодушное сословіе, объявившее себя покровителемъ художниковъ, быть можетъ, будетъ снисходительно къ своему питомцу, который еще не успѣлъ отличить себя блистательнымъ произведеніемъ таланта; по крайней мѣрѣ (онъ) можетъ, не обинуяся, сказать, что, во все время пребыванія своего въ Италіи, не употреблялъ во зло данныхъ ему способовъ, изыскивалъ всѣ средства для изученія своего искусства.

При сей картинѣ моей, имѣю честь представить моимъ покровителямъ еще эскизъ другой предположенной картины моей: «Явленіе въ міръ Мессіи».

Сей предметъ, занимавшій меня съ давняго времени, сдѣлался единственною моею мыслію и надеждою, и я чувствую въ себѣ непреодолимое желаніе привести оный въ исполненіе. Приступлю къ производству сей новой моей картины, въ кроткой надеждѣ, что высокіе мои покровители мнѣ въ томъ не воспрепятствуютъ. Во всякомъ же случаѣ мои труды, время и способности принадлежатъ имъ. Они теперь располагаютъ мною. Они увидятъ и распредѣлятъ: чтó я долженъ, чтó могу, или чтó способенъ сдѣлать.

По предписанію Комитета Общества, я являлся къ г. Висконти, не одинъ разъ показывалъ ему мои труды, и отъ него, какъ отъ повѣреннаго, почтеннѣйшій Комитетъ узнаетъ всю истину.

XLIII.

КЪ ОТЦУ.

(*Римъ. Начало 1836.*)

Батюшка! Сердце мое раздиралось при чтеніи письма за № 1. Въ немъ все еще слышны отголоски или слѣдствія прошедшихъ моихъ проступковъ. Теперь я скученъ, или, слѣдовательно, дѣятеленъ не изъ страсти къ благородному искусству, но потому единственно, чтобы что-нибудь дѣлать. Сколько разъ просилъ я Бога избавить меня отъ жизни; но нѣтъ,—видно, что грусть навсегда сестра моя. Но, при всемъ томъ, мнѣ весьма не хотѣлось бы ѣхать въ Петербургъ, или видѣть тѣхъ людей, которые нѣкогда вооружали даже и меня противъ васъ. Скажите Василью Ивановичу Григоровичу, чтобы поговорилъ обо мнѣ съ Жуковскимъ. Если сбудется немедленно все то, что сей послѣдній обѣщалъ мнѣ,—восторженный удачею, всѣ силы приложу справиться трудами моими съ колоссальнымъ моимъ предпріятіемъ. Не забудьте-же сказать объ этомъ Григоровичу. Пожалуйста, батюшка, не теряйте изъ виду пріѣздъ свой ко мнѣ въ Римъ. Ахъ, еслибъ это сбылось!

Лапченко получилъ черезъ меня письмо отъ родителей своихъ, за что несказанно благодаритъ васъ. Представьте: большая половина письма его есть инструкція, какъ должно себя вести,—пишетъ кто-то, за незнаніемъ грамоты, изъ домашнихъ. О инструкціи!! Вы радуетесь, что Брюлло перемѣнился со мною обращеніемъ. Перемѣна его только на одинъ день. Впрочемъ, это все равно. Онъ несчастенъ, ибо не можетъ быть никогда ни добрымъ, ни спокойнымъ. Росписку займа я не рѣшаюсь послать къ вамъ въ простомъ письмѣ, и думаю, что и безъ нея вы можете получить деньги. Удивляюсь я безсовѣстности его брата!

Ахъ, еслибъ вы знали, какъ трудно согласиться мнѣ на присылку къ вамъ рисунковъ съ моихъ композицій, ибо я самъ ни однимъ изъ нихъ о сю пору недоволенъ, а особливо запрещеннымъ, т.-е. «Появленіемъ Мессіи».

Лапченко никогда не будетъ болѣе художникомъ—онъ рѣшительно потерялъ глаза. Вотъ состояніе, въ сравненіи съ коимъ я счастливъ!

Ахъ, пожалуйста, извѣстите меня, скептика, состоялось ли бракосочетаніе сестры моей Маріи Андреевны.

Я боюсь, чтобы изъ сего письма не заключили, что я безпорядочно мыслю, ибо отвѣты въ немъ отрывками поставлены, такъ что, кто не знаетъ, что я столь мало имѣю времени обработывать письма, то тотчасъ заключитъ, что я мыслю безпорядочно.

Итакъ, вы опять почти безъ работы. Охъ, какъ мнѣ грустно! Про меня начинаютъ здѣсь говорить, что разговоръ мой имѣетъ тонъ всегда какой-то грусти, и что таковаго разбора люди неспособны бываютъ къ искусству. Варвары люди!

Сестра[1]), душа моя, учись и учись прилежно,—можетъ быть, ты будешь счастливѣе меня. Прощай, и пиши ко мнѣ, вмѣсто: вы—ты, если не хочешь меня обижать.

Я выставилъ картину въ Капитоліи — тамъ члены Общества хотѣли купить у меня ее за 1000 скудъ. Скажите, пожалуйста, это тѣмъ, которые, ведя свой родъ отъ русскихъ измѣнниковъ при Годуновѣ, находятъ удовольствіе все русское порочить, и безславить всякаго, желающаго добра Россіи.

Матушка! Неужели вы можете обижаться тѣмъ, что въ одномъ изъ пятидесяти или болѣе писемъ забылъ приписать къ вамъ особенную строчку. Вы знаете, что я съ колыбели и до сихъ поръ воспитываюсь только бѣдами; слѣдовательно, можете себѣ представить, какъ прискорбно бываетъ получать непріятности такого рода, которыя могутъ и не быть, если мы сами того захотимъ.

Засвидѣтельствуйте мое почтеніе тётушкѣ, и т. д.

---

[1]) Обращеніе къ другой сестрѣ, Екат. Андр.

XLIV.

ВЪ ОБЩЕСТВО ПООЩРЕНІЯ ХУДОЖНИКОВЪ.

(Римъ. Іюнь 1836.)

Не довольствуясь замѣчаніемъ и одобреніемъ извѣстныхъ художниковъ на мою картину «Іисусъ съ Магдалиною», нарочно приглашенныхъ въ мою мастерскую, и въ разныя времена дѣлаемыя, я рѣшился выставить ее публикѣ, и тутъ, сколько можно было замѣтить, картина моя не терялась, стоя въ ряду пестрыхъ картинъ Tableaux de genre, которыя, какъ кидающіяся въ глаза въ первыхъ, болѣе обольщали глаза римской публики, нежели тѣ вещи, гдѣ нуженъ глазъ воспитанный и умственное направленіе, чтобы постигать ихъ и, слѣдовательно, постоянно наслаждаться. Итальянецъ, усталый, истощенный надъ всѣмъ высокимъ и пріятнымъ, ищетъ теперь легкихъ, модныхъ игрушекъ. Это, конечно, удѣлъ всякой отцвѣтшей націи. Знатоки, съ именитыми художниками, составляли хотя малую, но весьма полезную часть публики; ихъ-то приговоръ любопытенъ, но слишкомъ бы было для меня безприлично докладывать вамъ объ ономъ.

Вотъ уже мѣсяцъ, какъ я отправилъ большую картину мою въ Ливорно, вмѣстѣ съ сверстникомъ моимъ Марковымъ, (пославшимъ картину свою) представляющую «Фортуну и Нищаго», и (съ) принадлежащимъ Россіи художникомъ Бруни, (отправившимъ посылку съ) превосходными вещами, коего вы, конечно, не поставите въ сравненіе со мною. Пятнадцать-ли лѣтъ быть въ Италіи, или пять лѣтъ—великая разница!

Въ посылкѣ эскиза я остановился, ибо теперь имѣю въ немъ крайнюю нужду, начавъ большую мою картину, гдѣ многія части удержаны такъ, какъ они въ эскизѣ находятся, и признаюсь вамъ, что мнѣ бы весьма не хотѣлось, что бы прежде окончанія ее видѣли, ибо таковое предвареніе охладитъ ваше вниманіе къ настоящему дѣлу. Но какъ это сдѣлать, когда я уже безразсудно столько разъ обѣщался прислать вамъ эскизъ мой? Прошу подумать, и если въ глазахъ вашихъ покажутся важными мои причины, или если я становлюсь какимъ-то обманщикомъ, то при первомъ отъ

васъ намекѣ я пришлю къ вамъ съ курьеромъ русскимъ не только помянутый эскизъ, писанный масляными красками, но и рисунокъ съ производимой уже картины, гдѣ если и будетъ перемѣна, то самая незначущая.

XLV.

КЪ ШЕВЫРЕВУ [1]).

Римъ. Іюня 24, 1836.

Радѣя къ возможному распространенію славы господина Бруни, мы, художники, передъ отъѣздомъ его изъ Рима (что̀ было 31 апрѣля) предложили ему напечатать въ какомъ либо изъ отечественныхъ журналовъ разборъ его картины «Мѣдный змѣй», помѣщенный въ здѣшнемъ журналѣ подъ названіемъ «Тиберино», первая треть коего уже извѣстна Бруни. Онъ съ чувствомъ благодарности согласился на наше предложеніе, а мы, зная вашу къ нему привязанность, рѣшились просить васъ всепокорнѣйше произвести въ дѣйствіе намѣреніе наше. По отличному вашему знанію языка итальянскаго, мы совершенно увѣрены, что статья сія будетъ передана во всей своей точности и силѣ. Намъ бы также весьма пріятно было, еслибъ сей переводъ появился въ русскомъ журналѣ прежде пріѣзда Бруни въ Петербургъ, такъ чтобы это было и для него самого неожиданно и ново.

Остаюсь съ глубокимъ уваженіемъ и совершенною преданностію къ услугамъ всегда готовый

Александръ Ивановъ.

XLVI.

КЪ НЕИЗВѢСТНОМУ.

(Римъ. Лѣто 1836.)

Да, еще, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ, къ вамъ просьба, хотя не столь важная, какъ первая, однакожъ вы бы

[1]) Письмо это было напечатано въ „Русскомъ Архивѣ“ 1878, т. II.

разодолжили меня ея исполненіемъ. Мы отправляемъ отсюда Кипренскаго, или готовимъ ему дать прощальный обѣдъ; и хотѣли бы, чтобы онъ былъ болѣе ознаменованъ, чѣмъ тотъ, что̀ дали мы Бруни. На сей конецъ мы собираемъ теперь деньги на серебряный стаканъ, кругомъ коего будутъ вырѣзаны имена тѣхъ, кои желаютъ сего; онъ будетъ стоить около десяти скудъ; мы его внезапно, при первой бутылкѣ шампанскаго, ему представимъ, какъ знакъ нашей признательности и уваженія. Но этого мало. Къ бюсту Бруни были приставлены стихи на итальянскомъ языкѣ, которые въ краткихъ словахъ много выражали. А истинно русскому Кипренскому, полъ-вѣка употребившему, чтобы поставить имя русское въ ряду классическихъ живописцевъ, никто и ни слова не хочетъ сказать! Стыдясь таковаго поступка, я прибѣгаю къ вамъ: сочините что-нибудь въ прозѣ. Вы знаете Кипренскаго, какъ перваго изъ русскихъ художниковъ, сдѣлавшагося извѣстнымъ Европѣ; знаете, что онъ причиной, что нынѣшніе пенсіонеры получаютъ, вмѣсто шестисотъ рублей,—три тысячи; знаете, можетъ быть, и другія его заслуги, и потому можете составить рѣчь, сказать которую, если не будетъ охотниковъ, то, можетъ быть, и я подымусь. Прощайте.

XLVII.

ВЪ КОМИТЕТЪ ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНІЯ ХУДОЖНИКОВЪ.

От пенсіонера Александра Иванова покорнѣйшее отношеніе.

Римъ. Іюля 10, 1836.

Имѣю честь извѣстить высокопочтеннѣйшій Комитетъ, что уже два мѣсяца тому, какъ я отправилъ въ С.-Петербургъ, черезъ Ливорно, картину мою «Спаситель передъ Магдалиною», дабы ей (картинѣ) быть представленной на судъ моихъ высокихъ покровителей и всей публики. Могу-ли льстить себя надеждою, что великодушные мои облаготворители будутъ ко мнѣ снисходительны, и пощадятъ меня

отъ справедливаго суда и укоризнъ за столь медленное и къ тому-же несовершенное производство моей картины, чему причиною было не нерадѣніе мое, но единственное желаніе образовать надъ нею стиль мой по рисунку и живописи.

Прошу всепокорнѣйше у моихъ покровителей еще одной милости: позволить мнѣ на малое время удержать эскизъ мой «Явленіе въ міръ Мессіи», который я обѣщалъ-было переслать изъ Рима въ Петербургъ. Такъ какъ я началъ уже съ сего эскиза картину, то имѣю въ немъ крайнею необходимость.

XLVIII.

КЪ ОТЦУ.

(Римъ. Іюль 1836.)

Батюшка! Письмо ваше, съ жестокой новостью, меня до слезъ поразило. Я тужилъ и тужу теперь, разбирая письмо ваше, но что пользы тужить? Марью Андреевну намъ не воротить, а въ памяти нашей она никогда не умалится. Припоминая любезнѣйшую сестрицу, съ сокрушеннымъ сердцемъ мы будемъ въ это время какъ бы съ нею. Два портрета, съ нея сдѣланные мною, вы пожалуйста поберегайте, а особливо рисованный въ книгѣ. Онъ хотя въ каррикатурѣ, но похожъ. За два дня передъ появленіемъ письма вашего, я получилъ письмо изъ Петербурга, писанное не вашею рукою. Я такъ этого конверта перепугался, что не зналъ, куда дѣваться, и пришелъ въ себя черезъ часъ, что было во время ежедневнаго ужина моего съ барономъ Врангелемъ, которому, какъ отличнѣйшихъ свойствъ человѣку, вотъ уже два года, какъ открыто мое сердце со всѣми его движеніями. При немъ я развернулъ испугавшее меня письмо, и какъ обрадовался, что оно не отъ васъ! Оно было отъ П. Г. Ободовскаго, нашего русскаго литератора, путешествовавшаго нѣкогда со мною, коему теперь я поручаю извѣстить васъ, что это письмо посылаю къ вамъ черезъ курьера изъ Рима, а не по почтѣ; слѣдовательно, оно ничего не будетъ стоить. Съ симъ-же курьеромъ посылаю отчетъ мой въ Общество.

Вотъ вамъ эскизъ—прошу его никому не показывать. По-

смотрите его прежде хорошенько, а потомъ дочитайте письмо. Я бы хотѣлъ, чтобы безъ разсказовъ были понятны мысли, въ немъ помѣщенныя. Іоанна я представляю съ крестомъ, чтобы каждый вдругъ понималъ, что это Іоаннъ—ясность есть не послѣдняя добродѣтель въ живописномъ сочиненіи,—а его мантія для того, чтобы дать ему видъ важности, какъ главной фигурѣ. Я ее (мантію) дѣлаю, впрочемъ, какъ бы вретищемъ, то есть самою грубою, какую нашивали пророки израильскіе, въ знакъ взятія на себя грѣховъ народа Божія. Сзади Іоанна—ученики его, изъ которыхъ нѣкоторые были впослѣдствіи Христовыми. Петра тутъ не было. Въ этихъ минутахъ я представилъ подлѣ Іоанна Крестителя молодаго Іоанна, апостола и евангелиста, а далѣе—Андрея, брата Петрова; я постараюсь обоимъ имъ дать типы, изобрѣтенные Леонардо-да-Винчи въ «Вечери тайной». Послѣдній стоитъ, съ чувствомъ, Наѳанаилъ («отъ Виѳавара можетъ ли что̀ добро быти»); его хотя и не было тутъ въ самомъ дѣлѣ, но вольность художника въ этомъ случаѣ должна пересилить педантическую точность, тѣмъ болѣе, что я увѣрять никого не хочу, что это именно Наѳанаилъ. Онъ, кажется, тутъ будетъ дѣлать противоположность между живымъ чувствомъ трехъ другихъ учениковъ Іоанна. На этой сторонѣ картины стоитъ въ водѣ дѣдъ со внуками; далѣе молодой человѣкъ, входящій въ воду, оглядывается къ громкому гласу, вопіющему въ пустынѣ, а еще далѣе, за вѣтвями, нѣкто остался въ прежнемъ чувствѣ кающагося — для объясненія прошедшей минуты. Теперь обратимся къ другой половинѣ картины, и начнемъ опять идти отъ фигуры Іоанна. На дальнемъ планѣ два мытаря: одинъ, занятый горькимъ раскаяніемъ, ничего не слышитъ; другой оглянулся на голосъ Іоанна. Мытарское ихъ состояніе можно объяснить отдѣлкою головъ, то есть поискать выраженія самаго мошенническаго,—это, конечно, слишкомъ мудрено для живописца, когда онъ не имѣетъ прибѣжища къ костюмамъ. Далѣе—путешественникъ и грѣшникъ кающійся, сидящій, по обычаю восточному, съ растрепанными волосами, засыпанными прахомъ, и въ разорванной рубахѣ,—оба они заняты настоящею рѣчью Іоанна. Еще правѣе—сынъ, исполненный живымъ любопытствомъ видѣть Мессію, бросился, однакоже, прежде, съ возможною осторожностью,

помочь приподнять престарѣлаго отца своего, для коего царство небесное есть уже единственная отрада. Въ сію минуту старикъ вслушивается въ слова Іоанна съ умиленіемъ, а сынъ ищетъ глазами Мессію. Потомъ, чтобы избавиться монотонности мужчинъ (которые должны быть, конечно, главными, ибо у евреевъ женщины занимаются только домашнимъ бытомъ), я представляю на второмъ планѣ молодую дѣву, коей помогаютъ снять платье двѣ другія пожилыя женщины; всѣ онѣ въ эту минуту тоже заняты словомъ Іоанна, хотя для нихъ, какъ для женщинъ, не совсѣмъ понятнаго. Этотъ группъ даетъ маленькую грацію картинѣ. Далѣе молодой человѣкъ, остановившійся надѣть рубаху, кажется, хочетъ вскочить, какъ есть, съ своего мѣста, чтобы скорѣй привѣтствовать Мессію; еще потомъ молодой человѣкъ, въ чисто націнальномъ еврейскомъ (костюмѣ), вслушивается въ рѣчь Іоанна—я бы его, какъ уже выкрестившагося, хотѣлъ сдѣлать какъ-бы вдохновеннымъ. Потомъ, на первомъ планѣ, опять молодой человѣкъ, съ кѣмъ-то изъ своихъ близкихъ, живо всталъ съ полу, чтобы видѣть грядущаго; платья, упадающія съ нихъ, доказываютъ ихъ прошедшее дѣйствіе. За ними левиты и фарисеи; изъ нихъ — нѣкоторые въ неистовомъ любопытствѣ смотрятъ на Іисуса; другой мирно улыбается Іоанновымъ словамъ; третій смотритъ въ общую цѣль съ окаменѣлымъ сердцемъ, а четвертый готовъ вѣрить. Они всѣ будутъ отличаться костюмами. Далѣе народъ, идущій сюда-же; между ними есть и воины. И наконецъ, самъ Мессія, на послѣднемъ планѣ.

Вотъ описаніе всего сочиненія.—Критикуйте!

Копія моя съ Тиціана «Взятіе на небо Божьей Матери»—вышиною одинъ аршинъ и шириною 14 съ половиною вершковъ, и заключаетъ въ себѣ одну середину сей картины, безъ апостоловъ и Бога. Всѣ весьма довольны ею—у меня ее покупали, однакожъ я ее никому не дамъ. Бѣдный Иванъ Артемьевичъ! Какъ онъ, я думаю, испугалъ всѣхъ своихъ домашнихъ.

Вы хорошо отвѣтили Григоровичу, но въ самомъ дѣлѣ—нельзя мнѣ будетъ окончить картину «Появленіе Мессіи» на мой счетъ. Я буду трудиться, однако-же, сколько можно, а тамъ, что̀ Богъ дастъ.

Неужели такъ дорого стоить золотая рама для моей картины—300 руб.? Если нельзя ее имѣть за меньшую цѣну, и если Общество не захочетъ оную (раму) сдѣлать на свой счетъ, то закажите золотые брусья. Прошу васъ пріискать для ея выставки полутонную залу, съ высокимъ свѣтомъ, безъ рефлекцій, и затянуть грубымъ зеленымъ полотномъ, со всѣхъ сторонъ отъ рамы, на аршинъ, такъ чтобы не безпокоили ее никакія картинки. Объ этомъ я буду просить Григоровича, а вы о семъ же предметѣ попросите Бруни, который вѣрно не откажетъ это сдѣлать, ибо мы съ нимъ были весьма дружны во все пребываніе (его) въ Римѣ. Я ему далъ письмо къ вамъ; онъ васъ уважаетъ и любитъ, будьте съ нимъ знакомы,—онъ человѣкъ въ самомъ дѣлѣ весьма порядочный.

XLIX.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

(Римъ. Осень? 1836.)

...Сіе представленіе должно располагать зрителя къ благоговѣйному и отрадному испугу. Умиленіе ожидавшихъ я бы хотѣлъ выразить въ разныхъ видахъ. Стоящіе подлѣ Іоанна Крестителя ученики изумлены его словомъ; одинъ изъ нихъ, Іоаннъ, который послѣ былъ любимымъ апостоломъ Іисуса и евангелистомъ, какъ моложе, даровитѣе и невиннѣе, съ живостью подвигается, чтобы выслушась рѣчь Іоанна. Тутъ вдова схватилась встрѣчать Іисуса. Преклонныхъ лѣтъ женщина, въ испуганномъ любопытствѣ, столкнула записывающаго слово Іоанна; далѣе блудница, скорбящая о грѣхахъ своихъ, суетной рукою ищетъ сбросить хламиду, печально ее закрывающую (по обычаю того времени); возмужалый достаточный еврей, слушающій слово Іоанна, ищетъ скважину между суетной толпой, чтобы увидѣть грядущаго Мессію. Юродивый старикъ, обтирающійся грѣшникъ и юноша уставили взоры свои слѣдить за движеніемъ и словами Іоанна.

Правѣе, кающійся повергся на землю, столь сильно, что общая суета не въ силахъ отвлечь, отъ настоящей минуты,

его покаянія. Впереди обувающійся, достаточный изъ слушающихъ, съ испугомъ обратился къ почтенному старцу, подлѣ его сидящему, коего сладкое вниманіе обращено къ утѣшительному слову Іоанна.

На возвышенномъ отдаленіи стоятъ саддукеи, испуганные словомъ Іоанна; далѣе, за каменьями, разбиравшіе слово Іоанна встрепенулись настоящимъ его положеніемъ; еще далѣе дряхлый пустынникъ, опираясь на руку молодого человѣка и идя къ Іоанну, остановился (передъ) внезапнымъ колебаніемъ всѣхъ слушающихъ; еще далѣе вдова, закутавшись въ хламиду, распростертая въ прахѣ, не видитъ и не слышитъ общаго волненія, за значительнымъ разстояніемъ, и, наконецъ, самъ Мессія, сію минуту показавшійся изъ-за ближайшаго куста, грядетъ къ ожидающимъ его.

На лѣвой сторонѣ, внизу картины, выскакивающіе изъ воды спѣшатъ увидѣть имъ предсказаннаго Искупителя [1]).

L.

КЪ ОТЦУ.

(Римъ. Сентябрь 1836.)

Благодарю васъ за подробное описаніе о принятіи Брюлло въ Петербургѣ. Какъ жаль, что ничего мнѣ не сказали о Бруни; не говорите, что онъ въ мирѣ съ Брюлло? Странно, что ни слова нѣтъ въ вашемъ письмѣ о Вернетѣ. Этотъ для насъ художникъ весьма важный: мы въ настоящемъ положеніи можемъ только надѣяться на благородное и безкорыстное сердце этого француза, и на предстательство его у Государя Императора.

Вы знаете о характерѣ Брюлло и Бруни, и потому можете увѣриться въ моихъ словахъ. Что-то говорятъ о моей картинѣ

---

[1]) Это описаніе очень вѣрно передаетъ первую мысль картины, какъ она выражена въ первоначальныхъ эскизахъ, изъ которыхъ одинъ (писанный масляными красками) находится у Д. П. Боткина, въ Москвѣ, а другой (рисованный карандашемъ)—у П. М. Третьякова, также въ Москвѣ.

«Іисусъ съ Магдалиною»? Я полагаю, что она сдѣлалась жертвою мщенія Брюлло. Бруни, говорятъ, съ нимъ въ мирѣ; Бруни— человѣкъ слабый, который будетъ зависѣть отъ ума Брюлло.

Въ будущемъ письмѣ вы меня извѣстите обо всемъ подробнѣе: о дѣлахъ Бруни, о мнѣніи вашемъ объ его картинахъ, и о другихъ любопытныхъ новостяхъ, какія случаются.

Вы разсудили очень хорошо на-счетъ Сережи. Въ самомъ дѣлѣ, пусть онъ занимается науками, пусть еще разъ попробуетъ свое счастіе быть принятымъ въ Корпусъ путей сообщенія, а тамъ, если не удастся, то уже пустимъ его въ Академію Художествъ. Меньше всего можно надѣяться на меня въ отношеніи воспитаній художественныхъ, ибо, кто знаетъ, буду-ли я жить въ Петербургѣ о его пору,—я представляю себѣ это только въ самомъ крайнемъ положеніи.

Теперь приступаю къ разбору вашему на мой эскизъ «Появленіе Мессіи». Изъ письма вашего видно, что вы торопились замѣчаніями. Вы видѣли изъ моихъ словъ, что картина начата, и боялись опоздать, а я скажу, что лишь бы были счастливыя и грубокія мысли.

Вы говорите: не должно допускать въ сочиненіи картины престарѣлыхъ людей, по причинѣ ихъ безсилія путешествовать въ пустынѣ. А развѣ въ пустынѣ было это дѣйствіе? «Сія въ Виѳаварѣ быша обонъ полъ Іордана, идѣже бѣ Іоаннъ крестя», говоритъ Іоаннъ евангелистъ въ первой главѣ, въ концѣ вторагo зачала. Напротивъ, старцы въ древности были гораздо болѣе чтимы, чѣмъ теперь, безъ нихъ ничего нигдѣ не начиналось важнаго, они и теперь въ синагогахъ имѣютъ видъ начальниковъ; съ другой стороны, взойдите вы въ церковь, кто болѣе всѣхъ молится, какъ не старики.

Если вы прочтете первую главу Евангелія Іоанна, то увѣритесь, что Іисусъ долженъ быть одинъ совершенно. Учениковъ Іисусъ пріобрѣлъ послѣ сего путешествія.

На прочія ваши замѣчанія я не могу еще отвѣтить, ибо занимаюсь теперь ими, а какъ только устроюсь съ перемѣнами сочиненія моего въ картинѣ, то не премину вамъ прислать чертежъ. Между тѣмъ прошу васъ, если придетъ вамъ что̀ на мысль къ пополненію моего предмета, или къ улучшенію, то вы мнѣ оное сообщите.

Я ѣздилъ за нѣсколько миль отъ Рима для написанія этюдовъ для околичности, которую теперь почти привелъ въ порядокъ. Не легко сочинить приличный ландштафтъ, а еще труднѣе сочинить его отдѣлку. Портретнымъ образомъ работать ландштафты гораздо легче, чѣмъ идеальнымъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ изъ Италіи должно переселяться въ Сирійскія горы (все, однакожъ, это удобнѣе, чѣмъ дрожать отъ 25 град. мороза и думать о климатѣ Мертваго моря).

LI.

КЪ ОТЦУ.

(Римъ. Октябрь 1836.)

Батюшка!

Я до сихъ поръ не могу привыкнуть къ письму вашему отъ октября 6-го. Я его читалъ всегда съ самымъ живымъ удовольствіемъ. И представляю себѣ все о сію пору сномъ. Кто бы могъ думать, чтобы моя картина «Іисусъ съ Магдалиною» производила такой громъ? Сколько я ее знаю, она есть начатокъ понятія о чемъ-то порядочномъ. Но какъ я доволенъ, какъ я доволенъ, что вы радуетесь, что въ восхищеніи и Совѣтъ, и президентъ! Вы говорите, что мнѣ продолжить хотятъ пенсіонъ, для картины «Появленіе Мессіи». Это есть единственное мое желаніе. Помоги, Господи! Какъ я радъ, что Общество мною довольно. Да правда ли это? Я привыкъ видѣть только выговоры со стороны моихъ покровителей. Попросите Василія Ивановича, если можно, поскорѣй написать ко мнѣ письмо, увѣрьте его, что для меня выше всѣхъ наградъ слышанное довольство Общества Поощренія Художниковъ, которому всѣмъ обязанъ. Радуюсь также довольству Академіи. Но прошу меня извинить, мнѣ все какъ-то это кажется невѣроятнымъ, страннымъ. Васъ, какъ наставника искусству, я долженъ бы благодарить во первыхъ, но, если позволите мнѣ замѣтить, вы уже слишкомъ хвалите мою картину. Я въ вашихъ словахъ вижу болѣе отца, чѣмъ безпри-

страстнаго судью. Какъ жаль, что меня сдѣлали академикомъ: мое намѣреніе было никогда никакого не имѣть чина, но что дѣлать, отказаться отъ удостоенія—значитъ обидѣть удостоившихъ. Однакожъ я, можетъ быть, попробую объ этомъ намекнуть Григоровичу.

Вы просите извѣстить о выставкѣ римской, какъ были приняты моя и Маркова картины. Скажу вамъ—теперь публикѣ римской болѣе нравится произведеніе Подести: во первыхъ потому, что Подести римлянинъ, а потомъ, что сюжеты его взяты изъ итальянской исторіи. На мою картину смотрѣли болѣе художники: Торвальдсенъ въ особенности объявилъ всѣмъ свое о ней довольство. Это лестно! Заслужить похвалу Торвальдсена не легко. Купить ее нельзя ни деньгами, ни подлостью. Марковъ выпросилъ напечатать похвалу своей картинѣ въ итальянскихъ журналахъ, я ея не читалъ; онъ это сдѣлалъ, однакожъ, потому, что цензура его святѣйшества царствующаго папы не позволяетъ выставлять въ публичной залѣ голыхъ женщинъ. Такимъ образомъ Марковъ обнародовалъ о своей картинѣ, показывалъ ее въ своей мастерской. Скажите по истинѣ, какъ она вамъ кажется? Тутъ замѣчали, что она похожа на дамскую живопись, т.-е. на робкую, безсильную. Свѣтло-сѣрый ея тонъ казался многимъ какимъ-то стѣннымъ клеевомъ. Говорили, что это сочиненіе сумасшедшее въ отношеніи мыслей. Къ чему тутъ Крыловъ, самъ Марковъ, драгуны Кампидолія, сфинксы, Наполеонъ и проч.? Гораздо бы было лучше, еслибъ онъ представилъ, вмѣсто этого,—все то, что Крыловъ говоритъ передъ этой минутой въ баснѣ. Замѣчаютъ, что это сочиненіе чисто академическое въ отношеніи положенія фигуръ: Фортуна подняла лѣвую руку, чтобы открыть обѣ груди и вывернуть бокъ. Она бокомъ близится къ нищему, чтобы быть передомъ къ зрителю. Какъ ей не ловко летѣть, а еще не удобнѣе сыпать изъ рога, въ положеніи, ей данномъ г-мъ Марковымъ! Подъ ногой у нея, вмѣсто колеса,—мыльной пузырь.

Есть ли въ этой картинѣ что-нибудь стильное? Отзывается ли она Италіей? Ручается ли она за изученіе и прилежную наглядку мастеровъ пятнадцатаго столѣтія, на коихъ мы присланы сюда учиться? Но полно объ Марковѣ, онъ мой

соперникъ, и я не долженъ много о немъ говорить. Лебедевъ попалъ на одну доску съ нимъ: въ его ландшафтахъ не нахожу характера итальянскаго; трудно повѣрить, чтобы манеръ писать, имъ принятый, вывелъ его на классическую дорогу, тѣмъ болѣе, что въ немъ никакой искры нѣтъ—фантастическаго, идеальнаго, изобрѣтательнаго.

Это письмо я отправляю съ курьеромъ, который ѣдетъ гораздо скорѣе, чѣмъ я думалъ, и потому не могъ приготовить эскизъ съ моей картины, который съ слѣдующимъ курьеромъ вы непремѣнно получите. Прошу отдать письмо здѣсь приложенное къ Бруни, и засвидѣтельствовать ему мое глубокое почтеніе.

За золотую раму вы можете получить деньги изъ посылаемой мнѣ пенсіи, поговорите объ томъ съ Григоровичемъ. Я думаю картину мою оставить на полное распоряженіе Общества; если, однакожъ, Маркова «Фортуна» будетъ представлена Государю Императору, то хорошо бы было и мою пустить въ ту же дорогу: всякое отличіе Маркова отъ меня казаться будетъ для меня обидой.

Нельзя ли будетъ вамъ узнать отъ Григоровича объ отъѣздѣ курьера въ Римъ? Тутъ бы вы могли посылать иногда ко мнѣ грузныя письма, не платя ни копѣйки. Впрочемъ, я не хочу васъ этимъ останавливать отъ извѣщеній о чемъ либо для меня важномъ, какъ напр. послѣднее письмо ваше отъ 6-го октября.

Лапченки зрѣніе чуть-чуть получше, но нельзя ему быть художникомъ. Знаменитый Кипренскій скончался. Стыдъ и срамъ, что забросили этого художника. Онъ первый вынесъ имя русское въ извѣстность въ Европѣ, а русскіе его во всю жизнь считали за сумасшедшаго, старались искать въ его поступкахъ только одну безнравственность, прибавляя къ ней, кому чтò хотѣлось. Кипренскій не былъ никогда ничѣмъ отличенъ, ничѣмъ никогда жалованъ отъ двора, и все это потому только, что онъ былъ слишкомъ благороденъ и гордъ, чтобы искать этого. Онъ умеръ, оставя супругу беременною, только съ десятью тысячью рублями. Скажу вамъ еще одну подробность объ немъ, которая пусть останется между нами. Кипренскій, передъ отправленіемъ своимъ въ Петербургъ, лю-

билъ чрезвычайно одиннадцати-лѣтнюю дѣвочку, по имени Марію, и, видя необходимость ѣхать въ Россію, постарался ее вручить въ монастырь на воспитаніе. Любовь—великое дѣло (я это однакожъ знаю по разсказамъ, я самъ не былъ влюбленъ никогда). Кипренскій оставилъ всѣ свои выгоды въ Россіи, и ѣдетъ, чтобы быть близко къ своему любимому предмету. Онъ даритъ взрослую Марію двумя тысячами рублями. Бѣдная дѣвица отдариваетъ его прекраснымъ бѣльемъ разнаго рода. Тронутый симъ, нашъ великодушный художникъ рѣшаетъ въ своемъ сердцѣ пріобрѣсти ея руку и поклясться у алтаря въ вѣчной и неизмѣнной привязанности. Но тутъ онъ нашелъ крайнее затрудненіе: настоятели монастыря выдаютъ замужъ воспитанницъ своихъ только за римскихъ католиковъ. Затворы монастырскіе, препятствія ѣхать въ Марсель или Ливорно... Кипренскій перемѣняетъ вѣру, и они тотчасъ обвѣнчаны. Послѣ трехъ мѣсяцевъ, живя въ домѣ Клавдія изъ Лореня, онъ сильно простудился и скончался. Мы, русскіе пенсіонеры, повѣщенные придти на похороны, видимъ ихъ по католически устроенными, и тутъ только узнали о всѣхъ сихъ подробностяхъ, которыя я вамъ сейчасъ и докладываю.

Вы просите, чтобы васъ извѣщать о художникахъ,—извольте. Съ Габерцеттелемъ я меньше всѣхъ знакомъ, слышалъ, что образа его для академической церкви вышли плохи. Марковъ теперь пишетъ картину «Сироты русскія на могилѣ своей матери»—сумасшедшая мысль писать русскія происшествія въ Римѣ! Впрочемъ, онъ не безъ намѣреній. Онъ представилъ сиротами своего брата, старается въ головѣ дѣвицы изобразить сестру,—однимъ словомъ плачетъ въ картинѣ, съ тѣмъ, что когда она будетъ представлена Государю Императору, такъ чтобы за нее выплакать у него копѣйку. Онъ меня не пускаетъ къ себѣ въ мастерскую. Говорятъ, что его картина въ такомъ-же свѣтло-сѣромъ цвѣтѣ, какъ и «Фортуна». Вчера онъ мнѣ сознался, что много пишетъ шифервейсомъ (бѣлилами). Нашъ англичанинъ Іорданъ сквозь свой рисунокъ «Преображенія» глядитъ въ свое безсмертіе. Его рисунокъ хорошъ, лучше всѣхъ, какіе были сдѣланы, но многаго въ немъ недостаетъ, особливо женскія фигуры совсѣмъ не имѣютъ

характера Рафаэля. Я мало подвинулъ мою картину, я въ отчаяніи сыскать какой-либо глубокомысленный трогательный эпизодъ для правой стороны,—читаю, читаю, и не знаю, что̀ будетъ. Лебедевъ вчера привезъ изъ Альбано въ Римъ два ландшафта, одинъ изъ нихъ—Кастель Гандольфо—весьма хорошъ. Каневскій недавно выставилъ картину «Царствующій папа совершаетъ св. Тайны въ св. Петрѣ»,—картина была любопытная для публики, въ ней лица всѣ были портреты окружающихъ папу кардиналовъ и другихъ придворныхъ. Вы ее увидите, она будетъ весьма нравиться полякамъ по предмету своему. Обработка ея посредственная, она есть подражаніе Субліерасу, что̀ въ Эрмитажѣ, во французской галлереѣ, съ тою разницею, что у Субліераса первый планъ выходитъ изъ картины, а здѣсь онъ кажется дырьями. Онъ теперь началъ большую картину: «Самсонъ спящій въ объятіяхъ Далилы». Живаго копируетъ, въ Болоньѣ, съ превосходнаго и колоссальнаго Гвидо «Милосердіе», а Серебряковъ копируетъ, въ Капитоліи, съ пресквернаго и колоссальнаго оригинала Гверчино. Впрочемъ, я уже о немъ вамъ говорилъ. Веклеръ окончилъ мозаичную копію съ «Преображенія» Рафаэля. Что это за грусть!—Рафаэль въ мозаикѣ! Это будетъ совершенное несчастіе, если у насъ въ церкви св. Исакія всѣ картины будутъ мозаичныя. Объ архитекторахъ не скажу ни слова, ибо мало понимаю тамъ. Вотъ и все объ русскихъ. Изъ новѣйшихъ иностранцевъ теперь отличается англичанинъ Вильемсъ—картиной своей, представляющей «Праздникъ св. Лучіи въ Неаполѣ». Картина небольшая, но много занимательная, для зрителя; всѣ соглашаются называть большимъ талантомъ г-на Вильемса. Овербекъ еще не показывалъ свой «Фонтанъ христіанскихъ художниковъ». Кругомъ Рима холера и мы ожидаемъ ее сюда.

LII.

КЪ ОТЦУ.

(Римъ. Декабрь 1836.)

Съ новою радостью читалъ я письмо ваше отъ ноября 17, оно мнѣ снова изобразило полное довольство ваше моимъ трудомъ и восторгъ, который порождаютъ въ васъ похвалы другихъ сему моему успѣху. Я никакъ не ждалъ такихъ счастливыхъ минутъ, и потому вы можете себѣ представить, какъ все это меня ободряетъ. Мы, художники, сложились на полученіе въ Римѣ газетъ и журналовъ, и такимъ образомъ, хотя и поздно, но будемъ все знать, что̀ у насъ тамъ глаголятъ. Вы меня не премините извѣстить, куда будетъ поставлена моя картина, по поднесеніи ея Государю Императору. Всякая подробность для меня весьма занимательна. Ходите ли вы къ Бруни? Съ будущимъ курьеромъ будетъ грузное письмо съ моимъ эскизомъ. Какъ трудно придумать эпизоды въ мою картину, о сю пору совсѣмъ не доволенъ ими. А когда-же буду доволенъ? Помощи просить едва ли у кого можно. Кто захочетъ для меня такъ глубоко входить во всѣ подробности моего предмета? Торвальдсенъ говоритъ, что этотъ предметъ можно сочинить на сто различныхъ манеровъ. Овербекъ желалъ бы въ подобныхъ сюжетахъ видѣть моральную часть, какъ можно строже обдуманную; онъ не вѣритъ, чтобы, безъ совершенной преданности религіи и самой высокой набожности самого художника, можно было успѣть въ таковыхъ сюжетахъ. Корнеліусъ еще строже: колоритъ, рельефъ, отдѣлку, онъ пропускаетъ безъ вниманія, и глядитъ на то только, въ чемъ онъ самъ силенъ,—на композицію. О прочихъ художникахъ я не упоминаю; изъ нихъ итальянскіе гроша не стоятъ, это корыстолюбивое отродье, помѣшаны на шарлатанствѣ, хвастовствѣ и интригахъ, и считаютъ каждый успѣхъ иностранца въ художествѣ крайней для себя обидой. Они думаютъ, что художниками могутъ быть одни итальянцы.

Я бы чрезвычайно былъ доволенъ слышать улучшенія въ вашемъ положеніи, это бы сдѣлало меня независимымъ

въ будущихъ моихъ планахъ. Въ противномъ случаѣ, я долженъ буду вступить на службу академическую, по пріѣздѣ изъ Рима. Меня кидаетъ въ ознобъ при одной идеѣ о ней. Благодарю васъ за замѣчанія на мою картину «Іисусъ съ Магдалиною». Третьяго дня я получилъ отъ президента Академіи бумагу, при ней не было приложено особеннаго письма или замѣчанія. Жду и не могу дождаться письма отъ Общества. Какъ это въ самомъ дѣлѣ для меня важно и любопытно!

Что-жъ вы мнѣ ничего не сказали о наводненіи? Я вамъ постараюсь прислать портретъ мой: я имѣю бакенбарды легкіе, но усы и бороду значительные, и, можетъ быть, отъ этого покажусь вамъ совсѣмъ инымъ, чѣмъ вы меня обыкновенно привыкли полагать. Чувствуя все величіе таланта Кипренскаго по художествамъ, и почитая высоко его добродѣтели, мы, художники, во время нашего собранія въ день тезоименитства Государя Императора, сложились поставить монументъ въ церкви, гдѣ былъ отпѣтъ и оплаканъ нами великій предтеча художниковъ русскихъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ всему просвѣщенному свѣту.

Какой холодъ, какой холодъ у насъ въ Римѣ! Вдали, на горахъ Сабинскихъ, лежитъ снѣгъ. Топлю безпрестанно, и ко мнѣ пришли грѣться разныя дѣвицы; онѣ всѣ вокругъ моей жаровни — представьте какой прекрасный группъ! Если вы видѣли «Форнарину» Рафаэля—да нѣтъ, вы ея не видали—вы не знаете, что̀ значатъ итальянки! Описывать ихъ невозможно, это дочери чистаго неба.

Вы полагаете, что жалованье въ 6—8 тысячъ по смерть, получить красивый уголъ въ Академіи,—есть уже высокое блаженство для художника, а я думаю, что это есть совершенное его несчастіе. Художникъ долженъ быть совершенно свободенъ, никогда ничему не подчиненъ, независимость его должна быть безпредѣльна. Вѣчно въ наблюденіяхъ натуры, вѣчно въ нѣдрахъ тихой умственной жизни, онъ долженъ набирать и извлекать новое, изъ всего собраннаго, изъ всего видѣннаго. Русскій художникъ непремѣнно долженъ быть въ частомъ путешествіи по Россіи, и почти никогда не быть въ Петербургѣ, какъ городѣ, не имѣющимъ ничего характеристическаго. Академія художествъ есть вещь прошедшаго столѣ-

тія, ее основали уставшіе изобрѣтать итальянцы. Они хотѣли этой мыслью воздвигнуть опять художество на степень высокую, но не создали ни одного генія о сю пору. Если живописецъ привелъ въ нѣкоторый восторгъ часть публики, расположенной понимать его, то вотъ уже онъ, по моему мнѣнію, достигъ всего, чтò доступно художнику. Купеческіе разсчеты никогда не подвинутъ впередъ художества, а въ шитомъ, высоко стоящемъ, воротникѣ тоже нельзя ничего сдѣлать, кромѣ стоять, вытянувшись.

LIII.

КЪ СЕСТРѢ ЕКАТЕРИНѢ.

(Римъ. 1837.)

Любезная сестра Екатерина Андреевна!

И вы въ восхищеніи отъ моей картины, это для меня нежданной подарокъ. Ваши похвалы «Магдалинѣ» моей выкликаютъ меня помочь моей натурщицѣ, съ которой я работалъ голову и руки. Она такъ была добра, что, припоминая всѣ свои бѣды, и раздробляя на части передъ лицомъ своимъ лукъ самый крѣпкій, плакала, и въ туже минуту я ее тѣшилъ и смѣшилъ такъ, что полные слезъ глаза ея съ улыбкой на устахъ, давали мнѣ совершенное понятіе о Магдалинѣ, увидавшей Іисуса. Я, однакожъ, работалъ въ то время не хладнокровно, сердце мое билось сильно при видѣ прекрасной головы, улыбающейся сквозь слезы. Я думаю, и моя физіономія была необыкновенная. Модель моя, вскорѣ послѣ отправленія моей картины, имѣла несчастіе быть зараженной своимъ мужемъ, который принадлежитъ къ самымъ подлымъ людямъ въ Римѣ. Этотъ пьяница и гуляка какъ-то сталъ просить у ней денегъ, бѣдная женщина не знала что дѣлать, но наконецъ жестокіе побои вывели ее изъ терпѣнія, и римлянка схватила ножъ, вонзила два раза въ своего тирана, упавшій мужъ былъ

отнесенъ въ лазаретъ, гдѣ скоро ему подали помощь, а жена отведена въ тюрьму, гдѣ и теперь находится. При полученіи бумаги отъ Общества, я имѣю намѣреніе, въ знакъ признательности, ее оттуда высвободить, если это не будетъ мнѣ дорого стоить.

LIV.

ВЪ ОБЩЕСТВО ПООЩРЕНІЯ ХУДОЖНИКОВЪ.

(Римъ. 1837.)

Нѣсколько дней по полученіи бумаги вашей отъ генваря 1. я весьма простудился, слегъ и весьма безпокоился мыслью, что не въ силахъ былъ отвѣчать вамъ, выразить вамъ тотъ восторгъ, который чувствовалъ при прочтеніи бумаги, какъ отъ васъ, такъ и отъ президента Академіи. Ваше довольство моими трудами привело меня въ самое блаженное состояніе, какого я еще никогда не чувствовалъ: оно согрѣло, такъ-сказать, остывающее желаніе продолжать съ должнымъ энтузіазмомъ труды мои, и я, благословя судьбу, положилъ себѣ за непремѣнное написать во что бы то ни стало большую мою картину—«Появленіе Мессіи». Намѣреніе чрезвычайное, какое я при вашемъ только покровительствѣ, и въ Римѣ только, могу исполнить, да и то, мнѣ кажется, всякій новый шагъ къ оному мнѣ страшенъ, встрѣчаю въ каждой фигурѣ, въ каждой головѣ, тысячу затрудненій. Мнѣ бы всего болѣе хотѣлось приблизиться въ пути къ Леонардо-да-Винчи. Вы знаете, какъ онъ труденъ и медленъ.

Изъ живущихъ, мнѣ полезенъ одинъ Овербекъ: одинъ онъ своими сочиненіями совершенно дотрогивается до сердца, безъ чего, что̀ такое историческая живопись?

Результатъ труда моего непосредственно зависитъ отъ матеріальныхъ моихъ способовъ. Такъ какъ издержки мои, при всевозможной экономіи, будутъ выше двухъ-годичнаго содержанія, то я рѣшился взять въ то же время скопировать въ Ватиканѣ фрескъ Рафаэля, изображающій «Силу, Воздер-

жаніе, Благоразуміе»,—въ томъ смыслѣ, что между огромнымъ моимъ дѣломъ тутъ буду имѣть роздыхъ; копируя, пріучусь еще болѣе видѣть красоты сего единственнаго мастера, и, наконецъ, пріобщусь къ тѣмъ счастливцамъ, которые, за подобныя копіи получаютъ значительную сумму для подкрѣпленія будущихъ своихъ поприщъ на полѣ искусства, въ чемъ я весьма тоже буду нуждаться.

Знаю, что многіе скажутъ: да зачѣмъ начинать огромныя картины, куда ихъ дѣвать? Эти вопросы со временемъ уничтожатся.

Россія еще только процвѣтаетъ, художники почти еще ничего не произвели. Если я и сверстники мои не будемъ счастливы, то слѣдующее за нами поколѣніе пробьетъ себѣ непремѣнно столбовую дорогу къ славѣ русской, и потомки увидятъ, вмѣсто «Чуда больсенскаго», «Аттилы побѣждаемаго благословеніемъ папы»,—блестящія эпохи изъ всемірной и отечественной исторіи, исполненныя со всѣми точностями антикварскими, столь нужными въ настоящемъ вѣкѣ.

LV.

ВЪ КОМИТЕТЪ ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНІЯ ХУДОЖНИКОВЪ.

От академика Императорской Академіи Художествъ и пенсіонера Александра Иванова покорнѣйшее донесеніе.

Римъ, мая 10, 1837 г.

Не въ силахъ выразить почтеннѣйшему Обществу тѣхъ чувствъ, какія во мнѣ пробудили послѣднія два письма ваши. Тѣмъ болѣе не покушаюсь вамъ изобразить все мое довольство, что о сю пору не совершенно еще оправился отъ четырехмѣсячной лихорадки. Комитетъ представитъ себѣ не въ состояніи, сколько для меня чувствительна потеря цѣлой весны. Щедро ободренный вами, я было затѣвалъ многое, и о сю пору мучаюсь, не видя себя въ полныхъ силахъ для исполненія

всѣхъ моихъ намѣреній. Но что дѣлать! иногда и разстояніе отъ занятій полезно: оно даетъ чувствовать всю цѣну времени, и освѣжаетъ къ дѣлу. Я удвою силы во время полнаго здоровья.

Долгомъ считаю донести великодушному сословію, какъ я располагаюсь моими дѣлами. Картину мою «Появленіе Мессіи» я было подмалевалъ, имѣя фигуры въ третью часть роста человѣческаго: эту мѣру устроила мнѣ крайняя нужда, въ которой находился я до прибытія трудовъ моихъ въ Петербургъ; я не зналъ, каковыми благодѣтели мои найдутъ оные. Теперь же, когда довольство ваше превзошло всѣ мои ожиданія, это устроенное сочиненіе служитъ мнѣ только эскизомъ, а для настоящей картины заказанъ холстъ, вышиною 8 аршинъ, а шириною десять съ половиною.

Сего лѣта, во время осушки холста, я намѣренъ сдѣлать большой этюдъ съ натуры для околичности моей картины, въ коей входитъ значительная часть деревьевъ; потомъ мнѣ бы нужно было съѣздить опять на сѣверъ Италіи—посмотрѣть на живописи XIV-го столѣтія, гдѣ съ теплою вѣрою выражались художники своими чувствами. Мое намѣреніе быть въ Ассизи и Орвіето, видѣть Джіотто, Іоанна да-Фіезоле, Гирландайо, Синьорелли, и другихъ, и наконецъ въ Ливорно, чтобъ замѣтить типы еврейскихъ благородныхъ головъ: здѣсь, въ Римѣ, евреи въ стѣсненномъ положеніи, и потому всѣ достаточные живутъ въ Ливорно. Представьте! въ продолженіе наблюденія цѣлаго года я могъ замѣтить только три головы изрядныя.— Все это я надѣюсь кончить въ два мѣсяца, и въ сентябрѣ начать большую картину.

Такъ какъ издержки, при возможной экономіи, превысятъ мои силы, то я въ тоже время рѣшился взять на себя трудъ скопировать въ Ватиканѣ съ фрески Рафаэля, подъ названіемъ: Temperanza, Fortezza e Prudenza—въ томъ смыслѣ, что между огромнымъ моимъ сочиненіемъ тутъ буду имѣть роздыхъ; копируя, еще болѣе пріучусь видѣть красоты сего единственнаго мастера; наконецъ пріобщусь къ тѣмъ счастливцамъ, которые за подобныя копіи получали довольно значительныя суммы для подкрѣпленія будущихъ своихъ поприщъ на полѣ искусства, чего я не иначе могу ожидать, какъ

при посредствѣ высокихъ моихъ покровителей. Копію я постараюсь сдѣлать сколь можно вѣрнѣе, я весьма люблю это фреско, и давно желалъ сдѣлать съ него копію.

Въ разсужденіи присылки эскиза, я не знаю, что мнѣ дѣлать? Если прислать вамъ писанный масляными красками,— тотъ, что̀ обѣщалъ я, онъ ужъ мало похожъ на настоящее мое сочиненіе. Представить вашему усмотрѣнію едва оттѣненный чертежъ съ устроеннаго сочиненія, вамъ, можетъ быть, покажется слишкомъ незначительно. Рѣшайте вы, почтеннѣйшее Общество, а я готовъ на все. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и такою-же преданностью...

(На этомъ письмѣ находится примѣчаніе карандашомъ, вѣроятно сдѣланное секретаремъ Общества:)

«Эскизъ необходимъ, тѣмъ болѣе, что величина картины слишкомъ огромна, и если дурно будетъ выполнена, то весьма затруднитъ въ пріисканіи ей мѣста. Хорошо изучаться надъ всѣми школами, ибо каждая имѣетъ свое отдѣльное достоинство; но одни только нѣмцы, на посмѣшище итальянцевъ, потѣютъ надъ школами живописцевъ XIV столѣтія. Для сего не нужно ѣздить въ Италію, ибо въ Германіи есть Гольбейны Алберъ Дюреры и,проч. Эти всѣ художники—начало, но не конецъ искусства; и тамъ, гдѣ есть Рафаэли, Корреджіи, Тиціаны, Гверчины и проч., не учатся надъ Джіотто. Вѣрно нашъ художникъ получилъ этотъ совѣтъ отъ Кукольника. Романтизмъ губитъ и литературу, и художество, и не худо бы было предостеречь молодаго художника».

LVI.

ВЪ ОБЩЕСТВО ПООЩРЕНІЯ ХУДОЖНИКОВЪ.

(Римъ. Конецъ 1837.)

Поздно отвѣчаю на вашу бумагу отъ 22 сентября. Она меня застала въ самомъ горячемъ положеніи, когда я только что разрисовалъ фигуры на огромномъ холстѣ; давъ волю моей фантазіи, я только теперь почувствовалъ усталость воо-

браженія, будучи прерванъ поданнымъ мнѣ крупнымъ счетомъ отъ краскотера и хозяина квартиры. Ощупавъ мою казну, расхищенную натурщиками, я почувствовалъ крайнюю нужду. Исправно сдѣлалъ вамъ рисунокъ съ моей картины, изъ котораго вы нѣкоторымъ образомъ можете усмотрѣть, на сколько у меня подвинута большая картина; она вся у меня также легко оттушевана однимъ тономъ.

Издержки, превышающія приходъ, приводятъ меня часто къ раскаянію, тѣмъ болѣе, что за копію въ Ватиканѣ, на плату коей я разсчитывалъ все будущее, мнѣ ограничили 3000 руб. Васъ, высокіе мои благодѣтели, не смѣю утруждать, но за всѣмъ тѣмъ я не вижу другого источника къ продолженію моего предпріятія, какъ ждать новыхъ вашихъ милостей.

LVII.

ВЪ ОБЩЕСТВО ПООЩРЕНІЯ ХУДОЖНИКОВЪ.

(Римъ. Осень 1838.)

Не въ силахъ довольно благодарить васъ за щедрую вашу милость, оказанную мнѣ въ послѣдней бумагѣ вашей отъ іюля. Вашимъ высокимъ подаркомъ обезпечивается мое пребываніе въ Римѣ. Я съ моей стороны постараюсь изыскать всевозможными моими мыслями способы, чтобы привести въ порядокъ картину, которая уже и теперь, если смѣю замѣтить, нравится высокимъ художникамъ, проживающимъ въ Римѣ. О, какъ дорого мнѣ настоящее время, какъ я ему радуюсь, каждая черта моя экзаменуется всѣми просвѣщеннѣйшими націями, въ лицахъ важнѣйшихъ ихъ художниковъ.

Все, куда достигнуть можетъ умъ мой, я готовъ принести къ улучшенію моего предмета. Прошедшій годъ я путешествовалъ въ Ассизи, Орвіето, во Флоренцію и Ливорно, и другія мѣста Тосканы, чтобы замѣтить у живописей XIV-го столѣтія этотъ безвозвратный стиль, въ который облекались теплыя мысли первыхъ художниковъ христіанскихъ, когда они, не зная свѣтскихъ угодностей и интригъ, руководимые чистой

вѣрою, высказали свою душу на безсмертныхъ стѣнахъ, въ альфреско и альтемперо. Я соглашалъ ихъ творчество съ натурой; въ ихъ типахъ, въ ихъ духѣ, искалъ головъ въ Ливорно, и такимъ образомъ набралъ себѣ портфель для начатія картины. Іюль и августъ этого года я ѣздилъ въ окрестности Неаполя, и привезъ этюды горъ, составляющихъ околичность моей картины; въ слѣдующее лѣто я думаю отправиться въ Миланъ и Венецію,—въ первый, чтобы постигнуть драгоцѣнные остатки Леонарда, а потомъ въ Венецію, чтобы приспособить въ моей картинѣ общую силу красокъ, ибо безъ красокъ одинъ только міръ художниковъ можетъ оцѣнить картину, а я подъ конецъ долженъ буду ее представить моимъ соотечественникамъ, которымъ весьма нравятся краски.

Изъ всего этого вамъ теперь понятна необходимость исполненія картины моей въ Италіи, взятая не изъ каприза, не изъ пустаго тщеславія, чтобы дать вѣсъ труду, присланному изъ Рима, но изъ непремѣнныхъ надобностей, изъ натуральныхъ причинъ, и потому вы можете себѣ представить, что когда приходитъ мнѣ на мысль судьба дальнѣйшаго ея прозводства и окончанія, то какъ я бываю печаленъ, что не вижу средствъ окончить ее.

LVIII.

ВЪ КОМИТЕТЪ ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНІЯ ХУДОЖНИКОВЪ.

Отъ академика Александра Иванова покорнѣйшее отношеніе.

Римъ, 7 ноября 1838 г.

Съ живѣйшею радостью читалъ я бумагу высокихъ моихъ покровителей, отъ 3-го іюля текущаго года, гдѣ они удовлетворены были эскизомъ съ картины моей «Появленіе Мессіи». Таковое ихъ довольство совершенно поощряетъ меня къ дальнѣйшему ея производству, тѣмъ болѣе, что почтеннѣйшее сословіе, столь милостиво жаловавшее меня восьмилѣтнимъ

содержаніемъ въ Римѣ, еще и теперь не устало въ своихъ щедротахъ. Оно подаркомъ своимъ еще годъ мнѣ обезпечиваетъ, и этотъ годъ я называю драгоцѣннымъ, въ сравненіи съ прошедшими, ибо результатъ моего здѣсь ученія можетъ быть приведенъ въ очевидный для всѣхъ порядокъ.

Изъявляя совершенную благодарность и полное довольство высокимъ моимъ покровителямъ за милостивое ихъ жалованье, я въ тоже время, слѣдуя откровенности, съ которою они дозволяли мнѣ выражаться еще инструкціей, не могу не замѣтить, что ихъ желаніе торопить меня этимъ огромнымъ трудомъ мнѣ кажется не совсѣмъ понятнымъ. Важный и совершенно новый предметъ моей картины меня самаго сильно вынуждаетъ видѣть его скорѣй произведеннымъ, у меня не только каждый день, каждый часъ на отчетѣ, а дѣло идетъ медленно. Безпрестанно сравнивая себя со всѣмъ, что Римъ и Италія имѣютъ классическаго и высокаго, я всегда остаюсь въ какомъ-то заботливомъ недовольствѣ, иногда въ отчаяніи (хотя и отдыхаю на одобреніяхъ именитыхъ художниковъ живущихъ). Нѣтъ черты, которая бы не стоила мнѣ строгой обдуманности. Для окончанія такого труда я смѣю увѣрить, что нужно болѣе времени, чѣмъ предполагаютъ высокіе мои покровители. Гдѣ-жъ я найду способы къ его окончанію? Почт. Общ. мнѣ объявляетъ, что послѣдняя ихъ помощь есть окончательное отъ нихъ пособіе; собственныхъ денегъ у меня—чтобы полупѣшему дойти до дому. Я съ прискорбіемъ вижу 1840 годъ.

LIX.

КЪ ОТЦУ.

(Римъ. Январь 1839.)

Батюшка! письмо ваше отъ 29 октября было замедлено, сначала ожиданіемъ, а потомъ и прибытіемъ Его Императорскаго Высочества.—Все это время я былъ озабоченъ самымъ сильнымъ образомъ, а теперь, по отбытіи Государя Наслѣд-

ника, я опишу вамъ все подробно. Но прежде долженъ отвѣтить на письмо ваше:—Іисусъ Христосъ искушенный идетъ къ приготовленному крещеніемъ народу,—Іоаннъ Креститель, завидя его вдали, говоритъ: «Се Агнецъ Божій». Справьтесь, пожалуйста, въ евангеліи Іоанна во второй главѣ—и вы все поймете.

Бруни давно здѣсь. Мы его встрѣтили общимъ обѣдомъ. Онъ теперь въ уныніи. Образами его Государь остался не доволенъ, ихъ будто бы поправлялъ Брюлло, но правда ли это? пожалуйста—напишите.

Теперь разсказъ. (4) 16 декабря Наслѣдникъ въѣхалъ въ Римъ. Художники засуетились. Марковъ предложилъ поднести альбомъ новѣйшихъ рисунковъ каждаго изъ художниковъ русскихъ. Мысль была одобрена, я сейчасъ же приковалъ себя къ акварельному рисунку, который былъ почти въ аршинъ величины: онъ представлялъ Ave-Maria, или обыкновеніе римское собираться на улицѣ, въ часъ послѣ сумерекъ, у каждаго образа Богородицы, и хоромъ пѣть ей похвальныя пѣсни. Сцена моя состояла изъ 26 фигуръ, по большей части дѣвицъ, съ возможнымъ удержаніемъ національныхъ мѣщанскихъ костюмовъ; посреди стоялъ старикъ—запѣвало, который получалъ за это жалованье отъ правительства, а около его мальчики, у него учащіеся. Въ околичности представлена крѣпость римская на Тибрѣ, вдали — Петръ, крѣпость Св. Ангела, или бывшій мавзолей Адріана, и часть съ большимъ новымъ театромъ Аполлона. Фигуры были освѣщены то свѣчами, то луной. Въ первый разъ я занялся акварелью, однакожъ рисункомъ были совершенно всѣ довольны. Дѣлали въ тотъ-же альбомъ и другіе: Рихтеръ, Моллеръ, Каневскій, Шуппе, Никитинъ, Дурново, Ефимовъ, Скотти, Пименовъ; прочіе это время провели въ спорахъ о мѣрѣ листовъ, о своихъ долгахъ, о скукѣ работать, и т. п. Наконецъ альбомъ поднесенъ въ новый годъ, и Наслѣдникъ благодарилъ художниковъ лично, въ церкви. Потомъ Государь Наслѣдникъ былъ въ мастерскихъ у Бруни, Габерцеттеля, у меня, Маркова и Моллера, а остальнымъ работамъ просилъ сдѣлать выставку. Кромѣ Дурново и Кузьмина всѣ выставили. Наслѣдникъ былъ доволенъ. В. А. Жуковскій объявилъ, посредствомъ Бруни, что На-

слѣдникъ желаетъ сдѣлать разные заказы, но такъ-какъ Бруни, хотя и старшій у насъ, но совсѣмъ неспособный хлопотать и помнить всѣхъ, то это дѣло перешло къ Габерцеттелю,—и этотъ ничего не сдѣлалъ. Жуковскій потерялъ терпѣніе и просилъ меня покорнѣйше окончить это дѣло. Я принялся горячо за это, но ругательства и сплетни меня сопровождали со всѣхъ сторонъ; я не спалъ ночи и писалъ бумаги, снося отъ каждаго для того только, чтобы угодить В. А.; старался закрыть внутреннюю ссору сколько можно, прибавляя къ тому мою цѣну, и получалъ за это самые подлые упреки.

Бумагу я представилъ, но послѣ внутренней нашей ссоры проломались въ кабинетъ къ Жуковскому. Однимъ словомъ, мы поставили себя у Жуковскаго въ самомъ дурномъ мнѣніи.

Изъ этой массы исключаются только Рихтеръ, Іорданъ и я. Все это кончилось утвержденіемъ работъ каждому.

Прочитайте сейчасъ-же послѣднюю бумагу Общества ко мнѣ, помѣщенную въ послѣднемъ письмѣ моемъ къ вамъ; тамъ, одолживши мнѣ 3,000 р., говорятъ, что это послѣдніе, и просятъ сколь можно поспѣшить, а такъ-какъ мнѣ нужны 4 года, а не одинъ, къ такому огромному дѣлу, то я и просилъ его высочество, чтобы онъ соблаговолилъ пожаловать мнѣ трехлѣтнее содержаніе на окончаніе картины, съ тѣмъ, что оная будетъ принадлежать Государю Наслѣднику, на что̀ и воспослѣдовало высочайшее разрѣшеніе. Трудъ ужасный я отдаю даромъ, и отдаляю себя отъ личнаго съ вами свиданія еще на четыре года. Но я не могъ сдѣлать иначе. Пріобрѣтеніе общей довѣренности въ искусствѣ заставляетъ меня жертвовать и интересомъ, столь необходимымъ въ мои лѣта, и скорѣйшимъ съ вами свиданіемъ, ибо трудъ мой не есть заказная работа русская, оканчивающаяся довольствомъ русской Академіи Художествъ: картину мою будутъ судить европейскіе судьи, у которыхъ глазъ и разносторененъ, и вѣренъ.

Впрочемъ, все зависитъ отъ вашего согласія: захотите меня выкликнуть отсюда, оставлю все неоконченнымъ, и поѣду. Пусть продолжаютъ говорить, что собственно русскій не въ силахъ стать наравнѣ съ пришельцами, названными русскими по необходимости.

Пожалуйста, вы скажите Сережѣ, чтобы онъ непремѣнно выбралъ одно изъ двухъ художествъ — живопись или архитектуру, и поступите съ нимъ въ семъ случаѣ строго и силою, иначе мы пропали: ни тому, ни другому онъ не научится, будетъ въ обоихъ дряннымъ и—что хуже всего—не будетъ въ чужихъ краяхъ, а надобно непремѣнно, чтобы смѣнилъ меня здѣсь, и именно такъ, чтобы въ Римѣ мы вмѣстѣ могли прожить цѣлый годъ: я его со всѣмъ познакомлю и дамъ порядочное направленіе, какъ себя вести. Пожалуйста, будьте внимательнѣе въ семъ случаѣ. Изъ его письма я вижу вашу совершенную о немъ безпечность, — грустно и больно; я очень, очень безпокоюсь. Скажите ему, чтобы онъ ко мнѣ писалъ, несмотря на то, что я ему въ сей разъ не отвѣчаю.

LX.

КЪ ОТЦУ.

(Римъ. Январь 1839.)

Батюшка!

Я не ошибся, я предчувствовалъ, что письмо ваше будетъ имѣть что-нибудь непріятное. Отказъ президента выставить ваши картины сильно на васъ дѣйствуетъ, а ваше положеніе сильно меня трогаетъ. Я, впрочемъ, всегда думалъ, что вамъ никакъ не должно было входить въ конкурсъ демидовскій (вовсе не нравящійся президенту), а особливо съ сюжетомъ аллегорическимъ, и въ естественную величину [1]). Но и сынъ вашъ Александръ, преданный и возможно вѣрный вашъ совѣтникъ, не могъ васъ въ томъ убѣдить,—видно, такъ судьбѣ было угодно. Если красоты историческихъ картинъ

[1]) Еще въ ноябрѣ 1836 г., А. Н. Демидовъ предложилъ Академіи Художествъ объявить между русскими художниками конкурсъ на соисканіе назначенныхъ имъ премій за картины съ изображеніемъ Петра Великаго, какъ преобразователя Россіи. Но конкурсъ этотъ могъ осуществиться лишь въ декабрѣ 1838 г. Всѣхъ картинъ было представлено семь.

совсѣмъ не готова понимать публика русская, что оказывается холоднымъ требованіемъ однихъ портретовъ, какъ вы хотите, чтобы она еще знала аллегорическіе сюжеты? Предметъ аллегорическій, гдѣ входитъ императорская особа, не только не понятенъ для публики нашей, но еще и опасенъ для самого художника. Злой невѣжда, а ихъ у насъ нѣтъ счета, истолкуетъ самую невинную мысль художника сатирою, и вотъ, ни въ чемъ неповинный безмолвно погибаетъ. Вспомните историческіе барельефы въ моей картинѣ «Іосифъ»—это дѣло мнѣ чуть ссылки не стоило!! А всякая аллегорія еще болѣе подвержена своевольнымъ истолкованіямъ. Если я еще вашъ совѣтникъ, если вы вѣрите, что много видящій, много наблюдающій и живущій въ конкурсѣ съ просвѣщеннѣйшими націями Европы, сынъ вашъ, можетъ что-нибудь вамъ сказать, то я просилъ бы васъ всепокорнѣйше никакихъ не дѣлать аллегорическихъ сюжетовъ, и не писать большихъ картинъ безъ заказовъ. Вы, кажется, очень довольны Венеціанова картиной «Больная принимаетъ св. Тайны», и очень справедливо: талантъ Венеціанова заслуживаетъ замѣчанія, онъ умѣетъ сойтиться съ людьми, съ которыми живетъ. Я увѣренъ, что картина его не на заказъ писана, но куплена очень скоро и очень хорошо. Но Венеціановъ не имѣлъ счастія развиться въ юности, пройти школу, имѣть понятіе о благородномъ и возвышенномъ, и потому онъ не можетъ вызвать изъ прошлыхъ столѣтій важную сцену на свой холстъ. Какъ бы вамъ хорошо заняться этимъ! Если у васъ будетъ время между заказами, то, право бы, не худо было, въ небольшомъ видѣ, написать что-нибудь изъ нашей исторіи. Слышу ваше возраженіе: кто дастъ мнѣ антикварныя свѣдѣнія,—притязанія, которыя нашими знатоками спрашиваются прежде размотра идеи, прежде выраженій?

Вѣрю и молчу.

Вы все говорите: «картины ваши», стало быть ихъ болѣе одной?

Леонардо-да-Винчи написалъ «Вечерю тайную» въ столовой монаховъ al fresco, на средней стѣнѣ, и не какъ образъ.

Я никакъ не согласенъ съ вами, чтобы, копируя съ Рафаэля, можно было что-нибудь къ нему прибавить: обезси-

ленныя временемъ мѣста въ его фрескахъ несравненно прекраснѣе нашихъ ухищренныхъ раскрашиваній,—копія должна быть копіей. Копія Брюлло есть самая лучшая, не только у насъ, но и гдѣ бы то ни было. Оригиналъ Бруни написанъ сильнѣе и бойчѣе, фреско болѣе сохранено, вотъ почему и у Бруни копія имѣетъ болѣе силы. Но въ «Эліодорѣ» Рафаэль былъ уже вспомоществуемъ своими учениками, а «Пожаръ», можно сказать, былъ написанъ подъ его вѣдѣніемъ, и только фигура женщины спиной, идущей съ кувшиномъ, что̀ на правой сторонѣ, признается за его работу, а прочее развѣ кой-гдѣ тронуто имъ самимъ. Вотъ почему и Маркова копія кажется блѣдною, недостаточною въ сравненіи съ Брюловой и Бруни. «Пожаръ», «Петръ, выводимый изъ темницы», суть вещи, прикладныя къ лучшимъ произведеніямъ Рафаэля. Живаго копію я не видалъ. Оригиналъ—вещь удивительная послѣ всего удивительнаго. Слышалъ, однакожъ, отъ многихъ, что копія его весьма рѣзко написана, чего у Гвидо нѣтъ. Неудачный выборъ Серебрякова—скопировать съ самаго неудачнаго произведенія Гверчино, кажется, не имѣлъ и у васъ счастливаго успѣха, не смотря на то, что Академіи нашей нравится болонская школа, что Шебуевъ часто въ Гверчины напрашивался въ своихъ ироизведеніяхъ.

Собственное сочиненіе Маркова: «Русскіе сироты на могилѣ родителей», полагаю, чувствительно убавило объ немъ мнѣніе Академіи. Живагиныхъ сочиненій я не видалъ, но люди понимающіе и безпристрастные мнѣ говорили, что копирующій довольно изрядно можетъ быть совершенно не способенъ произвести что-нибудь свое.

Марковъ намѣревается начать огромную картину, предметъ ея—«Мученіе св. Евстафія съ семействомъ»: сцена въ Колизеѣ, и именно та минута, когда, въ присутствіи императора и народа, выпущенные львы отстранились отъ святаго, и нѣкоторые бьются съ гладіаторами,—сюжетъ, какъ я думаю, данъ ему Жуковскимъ. Онъ ожидаетъ помощи отъ Академіи на производство этого труда. Посмотримъ, дадутъ ли? Я думаю, что отвѣта ему не будетъ, какъ у насъ обыкновенно дѣлаютъ въ подобныхъ случаяхъ, и онъ уснетъ, ожидая.

Жаль, что вы ничего не можете сказать мнѣ о картинѣ Брюлло. Каково, по крайней мѣрѣ, его «Распятіе» въ лютеранской церкви? Вы вѣрно его видѣли?

Сдѣлайте милость, будьте спокойны на счетъ моихъ денежныхъ положеній: если я и писалъ объ этомъ, то для того, чтобы съ вами разговаривать, а отнюдь не просить у васъ денегъ. Я уже какъ-то говорилъ вамъ въ письмахъ, что ни въ какомъ случаѣ я у васъ не буду просить ни одной копѣйки. Меня одно только безпокоитъ—ваше нуждающееся положеніе, которому я, при настоящихъ моихъ обстоятельствахъ, никакъ помочь не въ состояніи. Племянникъ-то вашъ на чей счетъ будетъ учиться? Пожалуйста, вы не раззоряйтесь: люди неблагодарны.

Я надѣюсь, что у брата Сергѣя будетъ столько благоразумія, чтобы преодолѣть всѣ случающіяся обиды и непріятности на пути своего ученія. Онъ, кажется, у насъ весьма не глупъ, такъ, по крайней мѣрѣ, видѣлъ я его десять лѣтъ тому назадъ. Сдѣлайте милость, не замедлите отвѣтомъ на это письмо, опишите мнѣ всѣ новости въ Академіи.

LXI.

КЪ ОТЦУ.

(Римъ. Начало 1839.)

Батюшка! Крайне сожалѣю, что васъ весьма обезпокоили пустые слухи о моей кончинѣ. Это уже не въ первый разъ съ вами случается, и тѣмъ болѣе для меня непонятно, какъ можно слушать вздорные толки пустыхъ людей! Неудача конкурса Демидова на васъ сильно подѣйствовала, я это предчувствовалъ, и не въ силахъ былъ васъ отговорить отъ такого предпріятія.

Мы всѣ представлялись Наслѣднику безъ бородъ и усовъ, и во все время его здѣсь пребыванія жили по-петербургски. Дѣлали визиты то тому, то другому, принимали къ себѣ въ мастерскія князей и графовъ съ фамиліями; втолковывали

имъ итоги нашего здѣсь пребыванія, и наконецъ рады, рады были, что все это разъѣхалось, оставя намъ, вмѣсто бритвы, щетокъ и фрака,—кисти и палитру, и, одѣвшись въ полуразбойничье платье, я подмалевалъ всю мою большую картину, и весьма ею недоволенъ.

Пенсіонеръ Демидова, Дмитріевъ, дѣйствительно женился съ перемѣною вѣры, за что̀ и лишенъ всѣхъ милостей Демидова. Этотъ человѣкъ, какъ я вамъ уже и говорилъ, ничего не имѣетъ и ничего не умѣетъ.

Замѣчательно, что всѣ мы, художники, опять помирились, кромѣ двухъ Никитиныхъ. Они стараются уѣхать отъ насъ врагами. Къ сентябрю мѣсяцу прибудутъ къ вамъ два архитектора: Ефимовъ и Кузьминъ.

Братъ Сережа! Ну, я радъ, что ты наконецъ выбралъ одно изъ двухъ художествъ. Я объ тебѣ слышалъ довольно хорошаго отъ Бруни, Козлова и Ломтева, но это все ни почемъ. Я тогда только увѣрюсь въ успѣхахъ твоихъ, когда пріѣдешь въ Римъ на казенный счетъ.

~~~~~~~

LXII.

ВЪ ОБЩЕСТВО ПООЩРЕНІЯ ХУДОЖНИКОВЪ.

(Римъ. Мартъ 1839.)

Два письма, полученныя отъ почтеннѣйшаго Общества, снова увѣряютъ меня въ новой готовности заботиться обо мнѣ. Въ первомъ, отъ 16 декабря 1838, они предлагаютъ мнѣ сдѣлать двѣ, три или четыре картины, а въ другомъ, отъ 10 февраля 1839, спрашиваютъ они: намѣренъ-ли я оставаться въ Италіи, или уже располагаю возвратиться въ Россію, чтобы впослѣдствіи назначить, куда именно препроводить ими обѣщанныя деньги? Я просилъ (бы) покорнѣйше позволенія отъ высокихъ покровителей моихъ замѣтить, что обыкновенное содержаніе пенсіонерское весьма становится ограниченнымъ при производствѣ таковаго предмета, каковымъ я занимаюсь, ибо, при всей экономіи, расходы превышаютъ часто
~~~~~~~

приходъ, но если, въ тѣсномъ семъ положеніи, еще перебить напряженное вниманіе для настоящаго моего труда чѣмъ-либо постороннимъ, то это—тоже, что нанести ему смертельный ударъ. Это я уже испыталъ изъ малаго опыта, представившагося на январь 1839. Художникъ, начиная предметъ свой, совершенно ему отдается, живетъ внутри его, и по окончаніи его еще ему трудно вдругъ перейти на новую, или прежде бывшую идею. Такое разстояніе бываетъ иногда и полугодовымъ: это разстояніе зависитъ отъ внѣшности прошедшей и настоящей идеи. Изъ этого вы можете видѣть, что какъ ни лестно мнѣ было-бы трудиться для лоттереи, но сего исполнить совершенно не въ состояніи. Что же касается до оставленія Италіи и возвращенія моего въ отечество, то я прежде желалъ-бы совершенно всѣ способы истощить на исполненіе моей большой картины и — потомъ уже возвратиться на родину. Въ Италіи только можно кончить мой начатый трудъ, по совѣсти и возможному совершенству,—здѣсь къ нему всѣ удобства. Въ этомъ, я думаю, и почтеннѣйшее сословіе благодѣтелей моихъ согласится.

Прошедшее лѣто я ѣздилъ въ Неаполь: задуманный мотивъ околичностей меня туда завлекъ. Этимъ лѣтомъ я отправлюсь въ Ассизи, чтобы болѣе углубиться въ религіозный духъ живописей XIV-го вѣка, и потомъ отправлюсь въ Венецію, дабы разгадать общій тонъ картины, трудность котораго состоитъ въ томъ, чтобы картинѣ дать силу, но чтобы не сдѣлать ее веселою, цвѣтною, а, напротивъ, серьезною и важною. Трудностей на каждомъ шагу бездна, онѣ требуютъ тройнаго вниманія, не перебитаго никакими препятствіями.

Считаю обязанностью доложить, что картина моя подмалевана, что все на ней гораздо лучше прежнихъ этюдовъ и эскизовъ, что люди понимающіе настоящимъ видомъ картины довольны. Многіе изъ нихъ возвратились въ Петербургъ, они подтвердятъ мои слова при вашемъ о томъ вопросѣ.

LXIII.

КЪ ОТЦУ.

(Римъ. Мартъ 1839.)

Батюшка! Весьма сожалѣю, что вы не имѣете заказной работы. О поступкѣ Брюлло съ женой я уже слышалъ; я не думаю однакожъ, чтобы онъ пріѣхалъ въ Римъ. Что̀ ему здѣсь дѣлать? Онъ слишкомъ упился почестями, ему уже Римъ совсѣмъ теперь не понравится. Въ Общество я уже написалъ отвѣтъ на ихъ письма. Весьма любопытно знать, какъ объяснилъ имъ В. А. Жуковскій мое положеніе: В. А. обѣщалъ мнѣ ихъ убѣдить дать мнѣ помощь денежную, на окончаніе большой моей картины, ибо весьма понятно, что для такого труда нужно болѣе трехъ тысячъ въ годъ. Посмотримъ, что будетъ. Если В. А. успѣетъ, то я себѣ сошью новый сюртукъ, фракъ и шляпу, въ ожиданіи чего хожу въ заплатахъ. При Штакеншнейдерѣ картина моя была легко оттушевана однимъ тономъ, а теперь она подмалевана. Попробуйте попросить у Григоровича эскизъ мой; но не думаю, чтобы онъ согласился совсѣмъ вамъ его отдать. О сю пору значительныя перемѣны послѣдовали только въ околичности, и именно въ дальностяхъ: вмѣсто городскихъ стѣнъ, теперь дальнія горы близятся сюда равнинами, а во второмъ планѣ кроются обильными оливами; все это подернуто утреннимъ испареніемъ земли, и сими-то воздушными тонами гораздо болѣе и спокойнѣе дѣлится Христосъ. Да и кромѣ того, картина получила сильную глубину въ преспективѣ. На сихъ дняхъ думаю попросить къ себѣ Овербека, этого высочайшаго и единственнаго моего судью и совѣтника. Что-то онъ скажетъ? Вѣрнѣе, что онъ будетъ весьма недоволенъ, трепещу заранѣе. Вы, утѣшая меня, говорите, что это не послѣдній трудъ мой, а я скажу, что это послѣдній, потому что съ нимъ я явлюсь въ Петербургъ, гдѣ дюжинные иконостасы и портреты превратятъ меня въ купца. Ахъ, только въ Римѣ и поработать! Третьяго дня приснилось, будто-бы, по необходимости, собираюсь въ Петербургъ: лихорадка, плачъ,

и, какъ будто, даже отсутствіе ума меня совершенно обхватили. Но нѣтъ, нѣтъ! это сонъ, забудемте о немъ. Радость видѣть родительскій домъ, служить отечеству—убѣдительныя причины, но оставить прелестную столицу изящныхъ искусствъ!..

Обществу я совершенно отказалъ написать для ихъ лоттереи, но копію я, можетъ быть, начну.

Очень радъ успѣхамъ брата въ рисованіи, тѣмъ болѣе, что онъ скидываетъ съ себя привычку не копировать натуру. Въ натурномъ классѣ непремѣнно надобно копировать натуру, но не въ карикатурномъ, а въ возможно благородномъ видѣ, ловить въ ней лучшее. Поправлять-же ее по антикамъ—сопряжено съ большою опасностью нажить принятую манеру, особливо для начинающаго только. Я бы совѣтовалъ брату всѣ просто недѣльные рисунки дѣлать въ гипсовомъ классѣ.

LXIV.

КЪ ОТЦУ.

(Римъ. Весна 1839.)

Батюшка!

Наша переписка сдѣлалась съ нѣкотораго времени безпорядочною, вслѣдствіе чего я теперь отвѣчаю вамъ на два письма вдругъ. Я бы желалъ, однакожъ, чтобы передача извѣстій приняла прежній свой порядокъ: это лучшее для обоюднаго спокойствія.

Вы спрашиваете, какого мнѣнія объ моей картинѣ Бруни—какъ-же это я могу сказать? Мнѣніе соперника никогда не принимается. Овербекъ моей картиной доволенъ, кромѣ нѣкоторыхъ фигуръ, напримѣръ: сидящимъ на первомъ планѣ, богатымъ человѣкомъ, и рабомъ, развертывающимъ для него платье. Онъ говоритъ, что эти двѣ фигуры не яснятъ мою мысль, нельзя угадать ее, смотря на нихъ. На сей конецъ съ нынѣшняго лѣта я отправляюсь къ берегамъ рѣкъ, ви-

дѣть купающихся различнаго званія людей, и, можетъ быть, извлеку что-нибудь, къ большему поясненію задуманной мысли.

Между прочимъ, долженъ вамъ признаться, что весьма лѣниво подвигается у меня для васъ рисунокъ съ картины моей: копировать такъ часто съ своего—убійственно. Я пробовалъ дать дѣло одному молодому человѣку, занимающемуся у меня кой-чѣмъ, но вышла гадость. Надобно признаться вамъ, что у меня о сю пору сдѣлано ансамблей для фигуръ, входящихъ въ мое сочиненіе,—105; писанныхъ головъ съ натуры, близкихъ и воображаемыхъ, въ моей картинѣ—20, рисованныхъ—40, писанныхъ фигуръ голыхъ—6. Съ манекеновъ въ драпировкахъ, писанныхъ—8, рисованныхъ прямо съ натуры—35. Эскизовъ, писанныхъ въ довольно большомъ видѣ,—5. Рисованныхъ, тоже въ немаломъ,—5. Не считая того, что̀ послано въ Общество, ландшафтовъ съ натуры, относящихся сколько-нибудь къ задуманному моменту,—18. Итого 223 (?) этюда, не считая головъ съ Рафаэлева «Преображанія», съ Тиціанова «С. Піетро Мартире» и другихъ безъ счету этюдовъ, сдѣланныхъ во Флоренціи, Ассизи, Венеціи, болѣе или менѣе относящихся къ моей картинѣ. Если можно взять отъ Григоровича и скопировать тамъ рисунокъ, или поручить это дѣло брату, то избавили бы меня отъ мѣсячнаго труда. Перемѣны о сю пору чувствительны только въ околичности, а въ фигурахъ онѣ только бываютъ въ деталяхъ. Я, впрочемъ, не упущу изъ виду нарисовать вамъ мои перемѣны по частямъ, но это нужно будетъ сдѣлать красками, а иначе какъ же вы замѣтите дальніе планы околичностей?

Вотъ въ бумагѣ, данной мнѣ В. А. Жуковскимъ, сказано такъ: что я получаю по три тысячи рублей въ годъ, что̀ составитъ сумму девять тысячъ, которыя и должны быть средствомъ къ окончанію моей картины, послѣ чего картина сдѣлается собственностью Государя Наслѣдника. Условія самыя отчаянныя! Изъ сего, однакожъ, вы можете усмотрѣть, что у меня теперь на сей случай останется 6 тысячъ, ибо первыя три тысячи за 1839 годъ уже издержаны.

Сестрѣ Катеринѣ Андреевнѣ посылаю маленькую приписочку въ письмѣ къ Лапченкѣ. Но сестра, кажется, не хочетъ подобнаго случая, и это потому, что не понимаетъ меня.

Вотъ уже полгода, какъ получаемъ въ кафе-Греко только повѣстку на полученіе письма изъ Россіи, за которую платится пять копѣекъ, и къ коей мы должны присоединять паспортъ каждаго, и за роспискою нашею выдаются намъ письма—это обходится дороже прежняго. Предыдущее ваше письмо стоило вдвое послѣдняго, ибо послѣднее было въ конвертѣ и съ приставленною бумажкою отъ брата, т.-е. я заплатилъ за него около пяти франковъ.

О положеніи академическомъ вы меня, конечно, не оставите увѣдомлять. Жуковскій отправился съ Наслѣдникомъ къ его невѣстѣ. Жаль, что Василій Андревичъ не далъ письменно приказанія Кривцову о выдачѣ мнѣ денегъ при началѣ каждаго года, почему теперь и остановилась оная, и, прежде таковой бумаги отъ него, мнѣ денегъ не будетъ отъ Кривцова. Впрочемъ, уже цѣлый мѣсяцъ, какъ бумага послана объ этомъ Жуковскому. А Кривцовъ вскорѣ отправляется въ Петербургъ, для помоги въ сдачѣ мраморовъ во дворецъ.

Плачъ вашъ меня весьма раздражаетъ. Я давно уже ненавижу Петербургъ, съ его Академіей Художествъ. Счастливъ буду, если обработаю мои дѣла такъ, чтобы никогда не видѣть сей столицы. Я совершенно увѣренъ, что самое лучшее мое положеніе есть теперь, а что по возвращеніи въ отечество я буду мученикомъ.

Сдѣлайте милость, отвѣчайте мнѣ тотчасъ на это письмо, не заставьте задумываться о вашемъ здоровьѣ. Я надѣюсь, что въ семъ отвѣтѣ уже я увижу исполненіе новаго устава Академіи. Не забудьте также сказать, если кто чѣмъ занимается значительнымъ. Правда-ли, что Маркова копіею Государь весьма недоволенъ, но желаетъ, чтобы онъ началъ свою большую картину?

Любезный братъ.

Ты скоро окончилъ мою картину, а я даже не могу предположить, когда это можетъ быть. Способы мнѣ продлятся еще на два года, но это не значитъ, что черезъ два года она будетъ непремѣнно кончена. Написать подобную вещь столько же трудно, какъ выстроить Исакіевскій соборъ, или взять Хиву. Я очень радуюсь, что ты успѣваешь въ своихъ

дѣлахъ, это должно быть также пріятно и родителямъ нашимъ.

Ѳеодоръ Антоновичъ Бруни, кажется, совсѣмъ не умѣетъ держать молодыхъ людей, и здѣсь его ученики ничего не дѣлаютъ, только ты, пожалуйста, этого никому не говори.

LXV.

КЪ ОТЦУ.

(Римъ. Осень 1839.)

Теперь только я увѣрился въ справедливости вашего безпокойства обо мнѣ по случаю остановки въ перепискѣ. Я страдаю и не знаю, что думать: уже третій мѣсяцъ какъ жду писемъ, каждую почту хожу въ кафе-Греко, и нѣтъ тамъ ничего для меня! Съ вашей стороны непростительно такое замедленіе. Я одинъ, и ежели я занятъ чрезвычайно, какъ то было во время пребыванія Государя Наслѣдника въ Римѣ, то, право, совершенно времени не находилось, чтобы успокоиться, опомниться.

Но у васъ есть братъ мой Сергѣй, который уже не ребенокъ, можетъ понимать, что безъизвѣстіе о родителяхъ и о немъ самомъ можетъ быть для меня жестоко и—что еще хуже—остановитъ весь ходъ моихъ занятій.

Путешествіе мое въ Венецію было безъ несчастій и непріятностей, но о результатѣ не буду говорить теперь, ибо его надобно показать въ дѣлѣ. Уже мѣсяцъ, какъ я въ Римѣ. Принялся за картину: думаю, дѣлаю, спѣшу, и не тороплюсь. Но не могу себя увѣрить о счастливомъ ея окончаніи, хотя лучшіе художники Рима и довольны настоящимъ ея положеніемъ.

Въ отвѣтѣ на будущее ваше письмо, я надѣюсь приложить черновыя перемѣны, какія сдѣлалъ въ моей картинѣ.

Бога ради, не медлите отвѣтами.

Вотъ письмо, полученное мною отъ Общества.

LXVI.

КЪ ГОГОЛЮ.

(Римъ. Іюль 1840.)

Письмо ваше отъ іюня 25 весьма меня и всѣхъ вашихъ знакомыхъ радовало: мы видѣли, что вы насъ совсѣмъ не забываете. По вашей просьбѣ, пишу вамъ тотчасъ отвѣтъ. Ваше письмо едва застанетъ меня въ Римѣ: я черезъ три дня отсюда уѣду шататься по Италіи, и, можетъ быть, даже и съ вами гдѣ-нибудь встрѣчусь, что̀ было бы для меня весьма пріятно. Я располагаю отправиться, во-первыхъ, въ Перуджію, для наблюденія купающихся въ Тибрѣ лучшаго класса людей, ибо въ Римѣ купальни устроены въ видѣ кабинетовъ, гдѣ ни щелки не оставляется для глаза наблюдательнаго. Это все клонится къ перемѣнѣ или къ улучшенію первопланнаго срединнаго группа въ моей картинѣ. Перваго августа надѣюсь быть въ Мизѣ, видѣть праздникъ отпущенія грѣховъ, съ надеждою почерпнуть что-нибудь для моихъ физіономій въ семъ религіозномъ торжествѣ. А втораго или третьяго отправляюсь въ Синигалью, на знаменитую ярмарку, присмотрѣться къ азіатскимъ чертамъ лицъ.

Пробывъ тамъ два или три дня, отправлюсь во Флоренцію, для скопированія нѣкоторыхъ этюдовъ въ галлереѣ Питти. Тутъ пройдутъ двѣ недѣли, послѣ чего намѣренъ странствовать въ горахъ около Рима, чтобы къ осени привезти этюды для первопланныхъ каменьевъ рѣки. Вотъ планъ моего путешествія. Могу сказать, что все время разлуки нашей я довольно прилежно занимался, но картина подвигается всетаки тихо. Довольно часто мнѣ приходитъ въ мысль, что затѣянный трудъ мнѣ не по силамъ.

Моллеръ вамъ кланяется, извиняется, что самъ не пишетъ, ибо очень занятъ. Ему хочется кончить передъ отъѣздомъ въ Неаполь свою «Русалку.» Онъ на васъ сердится за то, что вы самое лучшее мнѣніе дали въ Петербургѣ объ его начатой «Русалкѣ», которую онъ передъ симъ извѣстіемъ собирался изорвать и бросить. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, передъ тѣмъ,

чтобы приняться ее оканчивать, былъ очень встревоженъ и всегда упрекалъ васъ. Его эту картину вы не узнаете: она въ самомъ дѣлѣ будетъ такая, какъ вы объ ней думали. Іорданъ вамъ свидѣтельствуетъ свое почтеніе. Сундукъ вашъ какъ былъ. О сю пору на ваше имя получилъ я только два письма: одно давно изъ Рима, а другое, мѣсяцъ назадъ, кажется, изъ Парижа. Если вы пріѣдете въ Римъ прежде меня, то Шаповаловъ [1]) сведетъ васъ въ мою студію, и тамъ вы ихъ увидите. Этотъ годъ въ Римѣ для меня былъ довольно важнымъ: я видѣлъ выставленную въ студіи Овербека его большую картину, а въ студіи Энгра—его картину.

Прощайте, увидимся и поговоримъ объ остальномъ.

LXVII.

КЪ ОТЦУ.

(Римъ. Іюль 1840.)

Батюшка!

Послѣднее письмо ваше, отъ 16 мая, есть одно изъ самыхъ рѣдкихъ, ибо не заключаетъ въ себѣ ничего непріятнаго. Радовался я, его читая, тѣмъ болѣе, что любезный братъ, при успѣхахъ своихъ въ искусствѣ, имѣлъ терпѣніе написать мнѣ гораздо болѣе обыкновеннаго.

Радуюсь, что братъ мой, оставя манерность, достигъ наконецъ до второй и первой серебряной медали. Желательно бы (было), чтобы эту дорогу онъ не оставлялъ. Его лѣта и его знанія еще не въ состояніи чувствовать идеала, а особливо въ натурномъ классѣ, гдѣ самое вѣрнѣйшее дѣло—копировать съ натуры, съ путными къ тому знаніями анатоміи. Такимъ образомъ глазъ его оставаться будетъ въ невинности до тѣхъ поръ, пока лѣта и практика не разовьютъ его природныя чувства. Желательно бы (было), однакожъ, чтобы его недѣльные рисунки всегда бы были съ гипсовыхъ фигуръ.

Вы, кажется, очень безпокоитесь на счетъ безконечности моей настоящей картины? Но что̀ дѣлать?—силы мои слиш-

---

[1]) Живописецъ.

комъ малы въ сравненіи съ намѣреніемъ. Заставить согласиться иностранцевъ, что русскіе живописцы не хуже ихъ,— дѣло весьма мудреное, ибо всѣ озлоблены на русскихъ, по случаю политики; всѣ ищутъ въ насъ пятенъ, рады всякимъ разсказамъ и унижаютъ всякое въ насъ достоинство. Слѣдовательно, художественная вещь должна быть втрое лучше ихъ произведеній, чтобы только принудить ихъ уравнять со своими! Въ случаѣ неудачи довести до такого превосходства предметъ мой, я утѣшусь тѣмъ, что, на семъ экзаменѣ потерявъ премію, я совершенно стою быть закабаленнымъ подъ команду архитекторовъ нашихъ, писать иконостасы,—единственное требованіе русскихъ частныхъ людей, что исполнять, въ случаѣ вышеупомянутаго выигрыша, было бы нестерпимо обидно. Изъ сего вы можете замѣтить, что петербургскую выставку академическую я совсѣмъ и не думаю брать въ уваженіе. Къ тому времени Бруни вамъ привезетъ свою конченную картину, по крайней мѣрѣ онъ такъ надѣялся.

Описаніе о русскихъ художникахъ въ Римѣ интересно [1]): изъ него можно видѣть степень образованія нашихъ журналистовъ. Тонъ кулачный, хвастливый, бездушный, необразованный. Еслибы эту статью перевести въ иностранную газету, то она заставила бы краснѣть каждаго изъ насъ, а между тѣмъ насъ хвалятъ. Я не знаю даже, не лучше ли бы было, еслибы объ насъ совсѣмъ не писать въ газетѣ, чѣмъ писать такимъ антипатичнымъ, невѣрнымъ, безосновательнымъ тономъ. Скажите, что тамъ еще сказано о другихъ, напр. о Іорданѣ. О Шамшинѣ тамъ потому не упоминается, что онъ не предпринялъ ничего значительнаго. Завьяловъ его умнѣе: мѣрою холста онъ заинтересовалъ ихъ.

Матушкѣ мое почтеніе.

Любезный братъ Сережа.

Благодарю тебя за терпѣніе писать ко мнѣ, ты не повѣришь, какъ мнѣ интересны здѣсь эти разнородныя новости, а особливо твои успѣхи. Дай Богъ тебѣ здоровья и твердо-

---

[1]) Рѣчь идетъ, вѣроятно, о статейкѣ, помѣщенной въ „Художественной Газетѣ“ 1840 г., № 6, стр. 12—15.

сти переносить обиды, необходимо встрѣчающіяся на пути къ наградамъ. При всемъ томъ, не забывай языковъ: нѣмецкаго и французскаго.

Послѣ-завтра я отправляюсь изъ Рима, искать каменьевъ и воды для моей картины, наблюдать купающихся для первопланной средней группы, которую, какъ я вамъ сказывалъ, улучшить мнѣ совѣтовалъ Овербекъ. Возвращусь въ Римъ въ концѣ августа, но вы отвѣтомъ не медлите на сіе письмо: мнѣ его перешлетъ одинъ изъ моихъ пріятелей, которому я на эти мѣсяцы въ году поручаю мою квартиру и дѣла.

Если вамъ нечѣмъ будетъ замѣстить слѣдующаго письма ко мнѣ, то я бы просилъ васъ сказать мнѣ ваше мнѣніе на картину «Послѣдній день Помпеи»: объ ней вы никогда мнѣ ничего не говорили.

На этихъ дняхъ у насъ въ Римѣ выставленъ былъ четырнадцати-лѣтній трудъ Овербека,—большая его картина, представляющая «Торжество христіанской религіи въ изящныхъ искусствахъ», написанная для конференцъ-залы франкфуртской академіи художествъ. Счастливымъ я считаю себя, что находился въ Римѣ въ такое важное эпохическое время для живописцевъ новѣйшихъ. Эта картина, которую съ такимъ нетерпѣніемъ всѣ желали увидѣть, раздѣлила наконецъ на двѣ партіи всѣхъ художниковъ въ Римѣ.

Историческіе живописцы новаго поколѣнія, полагающіе религіозность, невинность, чистоту стиля, и вѣрное изображеніе чувства въ самыя высокія и первыя достоинства живописца, въ тихомъ созерцаніи важнѣйшаго труда общаго ихъ профессора, остались еще болѣе увѣренными въ его наставленіяхъ. Но поклонники замашистой кисти, копирователи живаго мяса человѣческаго, театральные композиторы и похабно-кислые мыслители, ругаютъ канальей святаго живописца. Къ первому сословію изъ русскихъ принадлежу одинъ я, и за это названъ ими лицемѣромъ. Но какъ ни страшны эти злобы, а я предвижу, что имъ придется проиграть. Все лучшее поколѣніе нѣмецкихъ и французскихъ историческихъ художниковъ непремѣнно желаетъ очищенности стиля и возможнаго обращенія ко всему изящному, нѣжному и невинному.

Русскіе слишкомъ малочисленны, неизвѣстны, чтобы имѣть голосъ. Бруни и Завьяловъ рѣзко ругаютъ Овербека: первый потому, что въ самомъ дѣлѣ совершенно противоположенъ ему въ чувствахъ, и видитъ въ немъ самаго важнѣйшаго своего соперника на первенство, а второй—по системѣ своей всегда все ругать.

Одинъ изъ самыхъ острыхъ нѣмецкихъ противниковъ, извѣстный скульпторъ и живописецъ, нѣкто Вагнеръ, замѣчаетъ, впрочемъ не безъ основанія, что аллегорія Овербека никому не понятна, что фонтанъ съ двумя чашами, составляющій основную мысль картины, никакъ разгаданъ быть не можетъ безъ письменныхъ объясненій, которыя въ самомъ дѣлѣ сначала помѣщены были въ газетѣ, а послѣ у самой картины прибиты были для публики. Вотъ и Овербекъ! какъ ни глубокомысленъ, а замкнулся тоже въ темноту, не достигнувъ совершенства. Аллегоріи весьма, впрочемъ, немногимъ удавались.

LXVIII.

КЪ СЕСТРѢ ЕКАТЕРИНѢ.

(Римъ. Осень 1840.)

Вы просите, чтобы васъ потѣшить разсказами. Скажите же, съ чего начать, и какъ сдѣлать ихъ для васъ занимательными? Вы мнѣ пишете объ увеселеніяхъ въ Красномъ селѣ. Хотите, я вамъ разскажу, какія я увеселенія имѣлъ въ тоже время? Я, какъ сказалъ выше, выѣхалъ изъ Рима для написанія этюдовъ для моей картины въ Субіако—городокъ, отстоящій отъ Рима въ 40 верстахъ: онъ лежитъ въ горахъ Сабинскихъ.

Дикія и голыя скалы, его окружающія, рѣка чистѣйшей и быстротекущей воды, окруженной ивами и тополями, мнѣ послужили матеріаломъ. Я радовался, видя ихъ сродство съ тѣми идеями, какія я пріобрѣлъ, посредствомъ книгъ, о Палестинѣ и Іорданѣ, и окружающихъ его деревьяхъ и горахъ.

Гостинница въ Субіако называется «Au rendez vous des artistes»—надпись, сдѣланная французомъ, женившимся на дочери бѣднаго содержателя трактира. Мы, художники, тутъ въ самомъ дѣлѣ имѣемъ наше соединеніе: утромъ, передъ восходомъ солнца—за чашками кофею, въ полдень за обѣдомъ и при закатѣ солнца за ужиномъ, гдѣ, послѣ трудовъ, мы предаемся веселью каждый разъ. Поемъ хоромъ швейцарскія, итальянскія, французскія, нѣмецкія сентиментальныя пѣсни, пляшемъ по-итальянски подъ звуки барабана и бубновъ, представляемъ комедіи, играемъ въ солдаты, при всѣхъ на улицѣ послѣ ужина, а зять хозяина, французъ, на смѣхъ всѣхъ идетъ впереди насъ въ видѣ тамбуръ-мажора, представляя эту должность въ самомъ каррикатурномъ видѣ,—швыряемъ пряники мальчишкамъ на драку, коихъ всегда собирается безъ счету, чтобы видѣть всѣ наши сумасшествія. Наши комнаты, а особливо столовая, расписаны каррикатурами всѣхъ извѣстныхъ художниковъ. Я меньше всѣхъ участвовалъ въ этихъ весельяхъ, я дѣлалъ это, чтобы только не казаться страннымъ.

Меня занимали дочери хозяина. Я не знаю до сихъ поръ, которую изъ нихъ предпочесть: Бенедетту ли Анунціатѣ, или Анунціату Бенедеттѣ. Но что̀ я дѣлаю? только-что вы составили обо мнѣ хорошую идею за мое поведеніе, какъ я васъ подвергаю страху, что я уже влюбился. Нѣтъ, нѣтъ, будьте спокойны: я уѣхалъ изъ Субіако съ этюдами скалъ, ивъ и тополей, обставилъ себя Библіей, манекенами, оперою Феррари, Ланчи [1]), Евангеліемъ, съ надеждою высидѣть какую-нибудь новую мысль къ улучшенію моего сочиненія; я даже никуда не показываюсь, развѣ только въ пятницу вечеромъ и въ субботу утромъ меня можно видѣть въ Гетто (т.-е. въ еврейской синагогѣ). Хотите-ли, я васъ еще перепугаю? Евреи меня полюбили, они подозрѣваютъ во мнѣ еврея, и полагаютъ, что я скрываю это, какъ и многіе другіе. Я имъ очень, очень нравлюсь моею начитанностью Библіи, и они мнѣ очень, очень

[1]) Ивановъ говоритъ здѣсь о двухъ изданіяхъ, очень въ то время распространенныхъ между художниками въ Римѣ: первое изъ нихъ—*Ferrario*, Il costume antico e moderno, а другое—*Lanci*, La Sacra Scrittura illustrata con monumenti.

нравятся въ своихъ синагогахъ, гдѣ я вижу гораздо болѣе набожности, чѣмъ въ нынѣшнихъ церквахъ христіанскихъ. Но нѣтъ, нѣтъ, будьте спокойны: я все это дѣлаю для моей картины.

Вамъ преданный братъ Александръ.

LXIX.

КЪ ОТЦУ.

(Римъ. Октябрь 1840.)

Батюшка! давно поджидалъ я вашихъ писемъ, и наконецъ получилъ оныя. Спѣшу вамъ отвѣтить, дабы съ моей стороны не было никакого пропуска. О здоровьѣ моемъ не упоминаю,—это будетъ, какъ и всегда, знакомъ лучшаго его положенія. Легчайшій способъ пріобрѣсть лѣтомъ лихорадку—заснуть въ незаселенныхъ мѣстахъ около Рима, гдѣ испаренія изъ земли и болотъ заразительны, даже и для самаго привычнаго къ нимъ жителя. Я имѣлъ несчастіе въ послѣднее путешествіе задремать ночью тамъ-же. Но полно объ этомъ.

Весьма радъ былъ, что Рихтеръ [1]) васъ навѣстилъ: долго мы были съ нимъ пріятелями въ Римѣ. Онъ вамъ разскажетъ многія подробности объ мнѣ, но онъ человѣкъ всегда озабоченный, особливо теперь: дѣло идетъ поставить себя на степень важной карьеры, заставить уважать себя, пріобрѣсти довѣріе, а непріятеля привести въ страхъ. Да, это довольно трудно, особливо имѣя трехъ соперниковъ.

Слышалъ я еще прежде вашего письма объ отставкѣ Егорова. Говорятъ, будто бы у него въ это время сынъ выздоравливалъ; отецъ, радуясь поправленію своего наслѣдника, принялъ довольно холодно горькое слово Царя и не жалѣлъ, что пришлось оставить уголъ, сдѣлавшійся совершенно род-

---

[1]) Архитекторъ, впослѣдствіи служившій въ Москвѣ при дворцовомъ правленіи, и авторъ превосходнаго изданія: „Памятники древняго русскаго зодчества“.

нымъ для него. Весьма радуюсь успѣхамъ брата, и надѣюсь, что у него достанетъ твердости—переносить всякія неправды и неудачи, необходимо случающіяся на пути къ дальнѣйшему развитію его способностей.

Картонъ Камуччини, натурально, долженъ нравиться Академіи, ибо въ немъ все то помѣщено, чему учитъ Академія. Но вынесите его изъ четырехъ стѣнъ приготовительной сей школы, и спросите у просвѣщенныхъ и расположенныхъ къ изящному людей, какое онъ на нихъ дѣлаетъ впечатлѣніе? ледовитая правильность рисунка, казенное направленіе складокъ, совершенное отсутствіе выраженія въ головахъ—никакого не сдѣлають впечатлѣнія.

Весьма натурально, что Овербека у насъ не поймутъ: люди, старѣющіеся и учащіеся здѣсь по десяти лѣтъ, по бо̀льшей части его не понимаютъ,—какъ же вы хотите, чтобы кто и не выѣзжалъ и не вникалъ ни во что глубоко, могъ что-нибудь о немъ сказать, кромѣ дерзости и нахальства? Моего пророка, моего единственнаго наставника, поэта-художника христіанскаго, не долго мнѣ слушать: картина моя зашла за половину дѣла, а съ нимъ вмѣстѣ близится роковое разставаніе.

Любезный братъ Сергѣй! Письмо твое, полное живости юношеской, мнѣ тоже передало какую-то свѣжесть: я съ довольствомъ улыбался, видя тебя уже выступающаго на поприще успѣховъ въ искусствѣ, уже начинающаго чувствовать. Ты говоришь: оканчивай скорѣй картину, чтобы начать другую. Сыщи мнѣ сюжетъ выше. Что̀ ты скажешь? Ну, подобный!—трудно; нѣтъ, я думаю, и невозможно. Такъ чѣмъ же ты меня заманишь къ слѣдующей картинѣ? Останемся на томъ, что̀ имѣемъ, и будемъ его оканчивать совѣстливо и для успѣховъ искусства.

Какъ жаль, что вы мнѣ не написали о Марковѣ. Его участь, конечно, рѣшена: скоро ему надобно очутиться въ Петербургѣ, а подновленная рана Академіи отставкой Егорова намъ обновила и нашъ страхъ на возвратъ въ отечество.

LXX.

КЪ ЖУКОВСКОМУ.

(Римъ. Весна 1841.)

Слухъ о вашемъ скоромъ отправленіи въ Германію, и на долгое время, заставляетъ меня сообщить вамъ то, что́ слѣдовало бы къ концу сего года. Несмотря на все мое стараніе окончить картину «Явленіе въ міръ Мессіи» къ концу сего года, я съ горестью вижу, что, по мѣрѣ изысканій къ совершенствованію труда моего, удаляется отъ меня его окончаніе. Такое положеніе заранѣе меня смущаетъ, ибо предчувствую, что не только къ сроку, мнѣ назначенному его высочествомъ, но и не буду имѣть никакихъ средствъ къ столь желанному окончанію моего труда, ибо подарокъ трехъ тысячъ отъ Общества поощренія художниковъ въ 1839 году, сверхъ чаянія моего, обратился въ подкрѣпленіе 9-ти тысячъ, пожалованныхъ его высочествомъ. Извѣстно, что труды мои хотя и заслуживали всеобщее одобреніе, но никогда не были заплачены. Все это заставляетъ меня теперь обратиться къ вамъ. По порученію вашему имѣть надзоръ надъ копіями, производящимися въ Ватиканѣ, я исполнялъ сколько могъ сіе пріятное для меня порученіе. Одна изъ нихъ, «Аѳинская школа», уже къ вамъ послана; другія: «Богословіе», «Эліодоръ», «Чудо больсенское»,—уже окончены, но теперь работа остановилась, ибо художникъ [1]) боленъ и довольно опасно; однакожъ мы надѣемся на его выздоровленіе, и такимъ образомъ будутъ кончены и другія шесть, и къ назначенному вами времени.

LXXI.

КЪ ОТЦУ.

(Римъ. Весна 1841.)

Батюшка!

Долго ожидалъ я письма вашего, наконецъ вы имъ потѣшили. Удивляюсь быстротѣ вашей работы—въ полтора мѣ-

[1]) Сланиславичъ—сербъ, о которомъ идетъ рѣчь и въ другихъ письмахъ Иванова, къ отцу и къ Жуковскому.

сяца написать четыре лица въ естественную величину, тогда какъ мнѣ нужно бы тутъ, по крайней мѣрѣ, полгода! Я въ Петербургѣ умру съ голода, не зовите меня туда.

Картина моя весьма еще далека отъ окончанія, но, можетъ быть, безденежье заставитъ меня увидѣться съ вами и прежде ея окончанія. Это мы рѣшимъ черезъ полгода.

Очень радъ, что вы хотите начать дѣло Засена, ибо десяти-лѣтнее молчаніе совсѣмъ его уничтожить можетъ передъ закономъ. Но я никакъ теперь не могу утруждать въ этомъ дѣлѣ Жуковскаго, ибо мои отношенія къ нему слишкомъ еще новы и шатки. Посмотримъ, что̀ будетъ далѣе, а вы начните дѣло. Можетъ быть, буду просить Общ. поощ. худ. черезъ Григоровича, а впрочемъ и то посмотримъ.

Любезный братъ! Очень радъ, что ты сближаешься съ Рихтеромъ. Онъ вѣроятно будетъ ѣздить не рѣдко въ Петербургъ, для свиданія съ своими родителями. Я надѣюсь, что онъ тебѣ много можетъ быть полезенъ, по части ученія архитектуры. Онъ здѣсь учился много и совѣстливо. Письмо его къ Іордану преинтересное. Онъ тамъ самыми живыми красками изобразилъ наше художественное положеніе — въ настоящемъ его видѣ. За это ему спасибо скажи отъ меня, если увидишь. Пріятно мнѣ будетъ увидѣть твоего старшаго Эппингера, хотя я и теперь весьма отъ многихъ слышу о тебѣ похвальные отзывы, и начинаю вѣрить, что это не комплименты мнѣ говорятъ, чтобы только меня позабавить, но истинно. Дай Богъ, чтобы наконецъ и тебѣ добраться до чужихъ краевъ, и здѣсь накопить знанія ко славѣ и пользѣ отечества.

Кузьминъ въ послѣднемъ письмѣ къ Томаринскому [1]) пишетъ о тебѣ весьма хорошо. Я вижу, что ты если не сблизился съ нимъ, то этому остается весьма не многое; я, признаюсь, съ нимъ не былъ такъ коротокъ, какъ съ Рихтеромъ, хотя, впрочемъ, и бывалъ ему полезенъ. Но онъ характера вѣтренаго, вотъ почему съ нимъ было мудрено сойтиться. Марковъ поѣхалъ въ Петербургъ; осенью онъ уже туда прибудетъ. Я думаю, что онъ зайдетъ къ батюшкѣ,—такъ, по

[1]) Молодой архитекторъ, пенсіонеръ Академіи Художествъ.

крайней мѣрѣ, онъ здѣсь мнѣ говорилъ. Странное явленіе: вотъ человѣкъ, котораго чужіе краи уничтожили! Онъ добръ до слабостей, весьма разсудителенъ, но лѣнивъ до безподобія, и потому свобода пенсіонера его совсѣмъ сгубила. Каневскій, какъ католикъ и только, успѣлъ пролѣзть къ папѣ, написалъ съ него портретъ, и на этихъ дняхъ получилъ орденъ Золотой шпоры, и называется «кавалiеръ Каневскій». Очень пріятно слышать ко мнѣ расположеніе членовъ Академіи. Но признаюсь, что служить въ Академіи меня заставитъ самая крайняя, страшная нужда. Бруни картина уже готова, и здѣсь выставлена, а въ половинѣ іюня онъ ее отправляетъ съ пароходомъ, и самъ ѣдетъ въ Петербургъ. Онъ недоволенъ здѣшней публикой: всѣ въ голосъ говорятъ, что не видно главнаго лица въ картинѣ (Моисея), но что группа расположена безподобно, и что все написано удивительно. Мы, русскіе, молчимъ,—мы тутъ нейтральны. Бруни болѣе итальянецъ, чѣмъ русскій. Еслибы мы изобразили нашу радость какимъ-нибудь торжественнымъ пиромъ, то остались бы въ дуракахъ въ глазахъ итальянцевъ, которые съ нимъ вмѣстѣ вѣрятъ, что только изъ итальянскаго происхожденія можетъ сложиться человѣкъ, столь свободно владѣющій исполнительной частью.

LXXII.

КЪ ОТЦУ.

(Римъ. Весна 1841.)

Батюшка! Я бы желалъ, чтобы письма мои вы сохраняли: они будутъ интересны со временемъ. Постороннія въ нихъ вещи хотя, можетъ быть, теперь васъ не занимаютъ, но онѣ знакомятъ брата съ римскою жизнію, служатъ для него предварительнымъ наставленіемъ, да и мнѣ все это вспомнить будетъ пріятно. Нынѣшнее письмо весьма тоже коротко, и потому я пополняю его посторонними записками.

За годъ до пріѣзда Наслѣдника въ Римъ, рекомендовался мнѣ сербъ, только-что пріѣхавшій изъ Пешта, мѣста своего

рожденія, сказавъ, что онъ восхищенъ былъ моимъ именемъ, столь славно описаннымъ въ венгерскихъ газетахъ. Видя славянина и единовѣрца, я съ нимъ сблизился, узналъ, что онъ весьма образованный человѣкъ и имѣетъ способности къ живописи, но величайшая бѣдность препятствовала ему что-либо начать. Я, между прочимъ, посылаю серба съ маленькой копіей изъ Ватикана къ В. А. Жуковскому. Копія понравилась, и его провосход. желаетъ имѣть весь Ватиканъ, или 13 копій рафаэлевскихъ фресокъ, въ величину эстамповъ. Я упрашиваю серба не браться за это дѣло, ибо цѣна слишкомъ малая. Сербъ цѣлуетъ, благодаритъ и обнимаетъ меня, не слушаетъ въ этомъ, и рѣшительно берется за дѣло. Такимъ образомъ пять тысячъ рублей ассигновано на сей конецъ, съ тѣмъ, чтобы выдавать изъ оныхъ сербу, по мѣрѣ изготовленія копій. Не сдѣлавъ и половины оныхъ, онъ уже получилъ болѣе половины денегъ, и занемогъ. Докторъ объявилъ, что у него чахотка, отъ коей никоимъ образомъ спастись ему нельзя. Но больной проситъ денегъ, онъ болѣзненно раздражителенъ, сердится на всѣхъ, на меня даже, за то, что сумма слишкомъ мала за его работу, и требуетъ еще впередъ денегъ. Каково мое положеніе? я не смѣю говорить убійственной правды, что денегъ ему нѣтъ. Общество русскихъ художниковъ, по моему имъ представленію, согласилось помочь ему уѣхать на родину—и вотъ на этомъ все остановилось.

LXXIII.

КЪ ОТЦУ.

(Римъ. Лѣто 1841.)

Батюшка! Немедленно стараюсь отвѣтить на ваши письма. Весьма радуюсь, что братъ мой идетъ впередъ. Продолжаетъ-ли онъ рисовать съ антиковъ?—это, по мнѣ, нужнѣе для него, чѣмъ натурщикъ. Архитекторы вообще прибѣгаютъ къ помощи живописца, когда случатся статуи въ ихъ проектахъ, а лучше-бы (было), еслибъ они сами ихъ рисовали, ибо чужое

чувство слишкомъ рѣдко попадаетъ въ ладъ. Да и всегда-ли случится найти рисовальщика?

Что вамъ сказать? Предметы, меня окружающіе, все, какъ будто, одни и тѣ-же: страсти людей, ихъ радости и горе, ихъ забота, ихъ поступки, хотя и наблюдаются, но это записывается карандашомъ въ фигурахъ и служитъ запаснымъ магазиномъ;—но это если описывать, то совсѣмъ потеряешься, надоѣшь. Да, вотъ что хотѣлъ сказать. Предшествующее письмо заключало приписку къ брату Сергѣю, кое-что весьма необдуманное: я тамъ хвастуномъ себя представилъ, и это предосадно.

Съ художниками русскими я вообще часто видаюсь, съ Іорданомъ однакоже чаще другихъ. Сходки наши чѣмъ рѣже, тѣмъ мирнѣе, и даже есть надежда на уваженіе другъ къ другу. Съ нѣкоторыми пріѣзжими русскими я знакомъ, и въ особенности съ лучшимъ нашимъ литераторомъ, Н. В. Гоголемъ. Это человѣкъ необыкновенный, имѣющій высокій умъ и вѣрный взглядъ на искусство. Какъ поэтъ, онъ проникаетъ глубоко, чувства человѣческія онъ изучилъ и наблюдалъ ихъ, словомъ — человѣкъ самый интереснѣйшій, какой только можетъ представиться для знакомства. Ко всему этому онъ имѣетъ доброе сердце. Вотъ примѣръ его доброты. Нѣкто изъ нашего общества, художникъ лѣтъ 20, Шаповаловъ, получалъ отъ Общества поощренія художниковъ пенсіонъ въ 80 руб. въ мѣсяцъ; обращаясь къ банкиру 1 февраля для капли сей живой воды, онъ получилъ отказъ, увидѣвъ предписаніе отъ Общества. Такимъ образомъ онъ остался безъ куска хлѣба. Въ отчаяніи онъ былъ ни на что не способенъ. Гоголь, видя общее состраданіе, несмотря на свое нездоровье, рѣшается прочесть свое произведеніе «Ревизоръ» въ пользу Шаповалова. Билетъ стоилъ не менѣе скудо, и вотъ въ залѣ княгини Зинаиды Волконской собрались всѣ русскіе. Для меня это было весьма важнымъ—видѣть отечественнаго лучшаго писателя читающимъ свое собственное произведеніе. И въ самомъ дѣлѣ (это) было превосходно, вслѣдствіе чего собрано 500 руб., и Шаповаловъ съ ними начинаетъ важную копію съ картины Перуджино, въ Ватиканѣ. Выдача денегъ и попеченіе о немъ довѣрено мнѣ, что сдѣлаю единственно изъ

уваженія къ Гоголю; въ противномъ-бы случаѣ никакой охоты не имѣлъ заниматься ученикомъ,—обязанность самая несносная для непривычнаго и совѣстливо ее понимающаго. Мнѣ недавно случилось прочесть отчетъ Общества поощренія художниковъ: они имѣютъ 50 тысячъ въ годъ—сумма эта въ рукахъ одного умнаго и одареннаго чувствомъ изящнаго могла-бы весьма много значить. Но у нихъ она, Богъ знаетъ, какъ расходится. Меня они оставили на половинѣ дороги, сказавъ, что у нихъ есть другіе молодые люди, достойные пенсіонерства. Бакуниной они выдавали почти то-же, что и мнѣ, въ продолженіи трехъ лѣтъ,—деньги совершенно пропащія. Мелкихъ пенсіонеровъ у нихъ много, изъ которыхъ ни одинъ не будетъ что-нибудь значить. Они очень щедры на словесномъ одобреніи: я, напримѣръ, напечатанъ тамъ весьма красиво, а въ головѣ у меня безпрестанное недоумѣніе, какимъ образомъ продолжать трудъ мой, весьма нравящійся, всѣми славимый?

LXXIV.

КЪ ЛАПЧЕНКѢ.

(Римъ. Осень 1841.)

Ты просилъ, чтобы я представилъ тебѣ житье-бытье и успѣхи нашихъ художниковъ,—вещь трудная, ибо я съ тѣхъ поръ, какъ хлопоталъ объ раздачѣ работъ отъ Наслѣдника, стараюсь отъ нихъ быть въ разстояніи. Однакожъ я тебѣ кое что скажу. Бруни окончилъ свою картину. Здѣсь были всѣ довольны, а особливо итальянцы, но нѣмцы уничтожили его картину въ своемъ журналѣ, говоря: жаль что трудъ, столь великій и сопряженный съ большими издержками, не заключаетъ въ себѣ ничего другаго, кромѣ размаха кисти. Бруни повезъ картину въ Петербургъ, теперь она уже представлена Государю, но извѣстія объ этомъ еще не успѣли до насъ дойти.

Моллеръ много уже посылалъ своихъ работъ въ Петербургъ, а именно: «Пастушка», «Поцѣлуй», профиль своей пре-

красной, «Русалку»,—послѣдняя въ мѣру твоей «Сусанны», и вся нагая. Шамшинъ работаетъ много, и все держитъ въ студіи; однакожъ, одна изъ его картинъ была выставлена здѣсь, представляющая «Петра на Ладогѣ»,—объ немъ здѣсь говорили. Іорданъ продолжаетъ гравировать «Преображеніе». Онъ точно, какъ я, проживаетъ послѣднія деньги. Завьяловъ мѣрою холста сравнялся съ Брюлло, Вруни и мною. Каневскій успѣлъ получить крестъ Золотой шпоры, за папскій портретъ. Тырановъ пишетъ картину: «Младенецъ Моисей, найденный въ рѣкѣ Нилѣ». Чернецовы производятъ массу посредственныхъ ландштафтовъ и перспективъ. Гайвазовскій, который о тебѣ сказалъ, что ты ослѣпъ, работаетъ тоже скоро, но хорошо: онъ исключительно занимается морскими видами, и такъ какъ въ этомъ родѣ нѣтъ здѣсь художника, то его заславили и захвалили. Онъ много работаетъ на заказъ, имѣя пенсію на шесть лѣтъ, и, слѣдовательно, будетъ имѣть добрый капиталъ. Пименовъ сдѣлалъ «Нищаго просящаго милостыню», а Логановскій—«Аббадонну». Оба теперь начинаютъ высѣкать ихъ изъ мрамора. Томаринскій умеръ, его реставрація Виллы Адріана прекрасно начата. Шаповаловъ копируетъ въ Ватиканѣ, съ Перуджино, «Мадонну, окруженную четырьмя святыми», и нехудо.

Прочіе художники русскіе составляютъ покуда только счетъ.

О Бѣлоусовѣ я узналъ отъ Княжевича, который былъ на прощальномъ обѣдѣ, данномъ Маркову. Я и Іорданъ просили его превосходительство поддержать Бѣлоусова, и улучшить по возможности его существованіе, и кланяться отъ всего общества русскихъ художниковъ въ Римѣ, признавая его по справедливости за царя русскихъ рисовальщиковъ.

Намъ здѣсь назначенъ начальникомъ Кривцовъ, который получаетъ 30 тысячъ жалованья [1]) по сему случаю, и скоро сюда прибудетъ.

~~~~~~

[1]) Ассигнаціями.
~~~~~~

LXXV.

КЪ ГОГОЛЮ.

(Римъ. Октябрь 1841.)

Пріѣхавъ въ Римъ въ послѣднихъ числахъ сентября, я былъ извѣщенъ отъ Валентини, что для васъ есть письмо, но векселя въ немъ не оказалось. Я привезъ съ собой изъ Ариччи десять этюдовъ, которые теперь приспособливаю къ картинѣ. Іорданъ весьма чувствуетъ ваше отсутствіе. Недавно наѣхавшіе молодые пенсіонеры совсѣмъ съ нами не сходятся, да имъ и некогда.—Недѣлю назадъ былъ здѣсь Гречъ, спрашивалъ у меня объ васъ, что вы дѣлали здѣсь? Я сказалъ, что ничего не знаю.—«Его у насъ слишкомъ захвалили, говорилъ онъ, и потому я полагаю, что онъ ничего не дѣлаетъ».

Гречъ думалъ, что его примутъ въ Италіи какъ европейскаго литератора, но это не случилось. Онъ ругаетъ Италію, сколько силъ достаетъ. Его статья о насъ, художникахъ русскихъ въ Римѣ, посланная печататься въ «Сѣверную Пчелу», должна быть уморительная: все написано въ-попыхахъ, бѣгло, безъ малѣйшихъ приготовленій [1]).

LXXVI.

КЪ ОТЦУ.

(Римъ. Конецъ 1841.)

Батюшка! Деньги, очень долго ожидаемыя, и ваше письмо наконецъ я получилъ. Прошу, однакожъ, теперь не медлить отвѣтомъ, ибо я, соображаясь съ онымъ, буду править моими дѣлами. Очень можетъ быть, что вы услышите что-нибудь на счетъ рѣшенія: оставаться-ли мнѣ въ Римѣ, съ продолженіемъ способовъ на окончаніе картины, или уже ѣхать

[1]) Письмо Греча къ Булгарину, о работахъ русскихъ художниковъ въ Римѣ, было помѣщено въ „Сѣверной Пчелѣ" 1841 г., № 243.

въ Россію? Не страшитесь, однако-жъ, сего роковаго рѣшенія, и пишите все, чтò прослышите. Да вотъ что еще: напишите мнѣ, чтò объ моей картинѣ сказано въ «Сѣверной Пчелѣ», ибо Гречъ посѣтилъ насъ въ Римѣ, непремѣнно хотѣлъ объяснить и достоинства наши и бѣдность, и даже замолвить два слова у его высочества.

Я очень радъ, что вы мнѣ описали выставку въ Академіи; замѣчательнѣе всего для меня было сужденіе ваше о копіи Рафаэлева «Коронованія Богородицы». Этой картинѣ покланяется здѣсь самая лучшая и большая часть художниковъ; она даже, по мнѣнію нѣкоторыхъ, весьма замѣчательныхъ, людей оспариваетъ «Преображеніе», а вы говорите: еслибъ этотъ же художникъ сдѣлалъ-бы копію такого же искусства съ лучшаго произведенія извѣстнаго мастера, то услужилъ бы много. А я скажу, что еслибъ наши молодые живописцы не копировали другаго, какъ только съ этой копіи, или лучше съ Леонардо-да-Винчи «Св. Семейства», чтò въ Эрмитажѣ, то живопись наша нашла бы, наконецъ, настоящую свою базу.

Копія съ «Коронованія Богородицы» сдѣлана Біанкини, извѣстнымъ по своему тонкому взгляду на искусство; онъ и въ литературѣ здѣсь занимаетъ лучшее мѣсто. Одинъ картонъ, приготовленный для контура этой картины, стоилъ ему болѣе года, да прописалъ онъ ее полтора.

Очень радъ успѣхамъ моего брата. Стало быть онъ имѣетъ теперь четыре серебряныя медали: двѣ малыхъ и двѣ большія,—такъ-ли? Когда онъ будетъ конкурировать на золотую? Я вѣдь совершенно не знаю нынѣшняго порядка академическаго.

Какъ жаль, что вы не видѣли оконченной картины Бруни: «Мѣдный змѣй въ пустынѣ». Я, признаюсь, въ письмѣ вашемъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ объ ней сужденія. Надѣюсь, что вы, по полученіи сего моего письма, опишите мнѣ все въ подробностяхъ, кàкъ и чтò происходило при ея выставкѣ, и чѣмъ все это кончилось. Сюда писалъ Кузьминъ къ Логановскому, что ее приняли хорошо, что Государь каждый день ходилъ ее смотрѣть, и что пускаютъ ее видѣть не иначе, какъ по билетамъ. Кузьминъ въ этомъ же письмѣ жалуется на обоихъ Тоновъ за то, что они всячески препят-

ствовали ему въ полученіи званія профессора. Я тутъ подозрѣваю интригу: зачѣмъ же было Тону просить моего брата помогать ему работать? Вѣрно Бруни уже съ вами не таковъ, какъ былъ прежде. Вы тоже про его пріязнь ничего не упоминаете. Его «Тайная вечеря» писана наскоро, чтобы вашибить деньгу. Кузьминъ желалъ отблагодарить брата моего, сказавъ, что головы въ моей картинѣ равны лучшей головѣ въ «Тайной вечери», Бруни. Еслибы это сказалъ человѣкъ, истинно понимающій живопись, то я бы пріунылъ, потому что влвсе не желалъ бы имѣть достоинства Бруни въ выраженіи головъ. Однако-жъ, я думаю, братъ мой будетъ учтивъ и вѣжливъ съ Кузьминымъ. Въ свѣтѣ нужно маску надѣвать, чтобы не испортить дѣлъ собственныхъ.

Если Богъ поможетъ мнѣ выхлопотать отсрочку пенсіона у Государя Наслѣдника, то тогда мое положеніе въ половинѣ наступающаго года должно быть совершенно рѣшено: ѣхать-ли мнѣ въ Россію съ неоконченной картиной, или нѣтъ?

Я бы очень хотѣлъ знать, имѣете ли вы способы проживать вашу старость безъ помощи? Этотъ важный для меня вопросъ, можетъ быть, вамъ покажется страннымъ. Но отвѣтъ на сіе, давно желаемый, мнѣ весьма нуженъ—для грядущихъ моихъ плановъ. Я не понимаю, почему вы такъ удаляетесь отъ Григоровича? Я бы желалъ, чтобы вы, передъ тѣмъ, чтобы писать отвѣтъ на сіе письмо, сходили бы его навѣстить, поговорили бы съ нимъ о возможности—скорѣе задать брату программу на золотую медаль. Спросите его, видѣлъ ли онъ копію съ «Пророка Исаіи», Шаповалова?

Любезный братъ, ты меня радуешь и утѣшаешь твоими успѣхами. Дай Богъ тебѣ здоровья и ума для его сохраненія. Этого только я тебѣ желаю. Остальное все придетъ само собой при твоихъ стараніяхъ, хотя подъ часъ и тяжкихъ.— Кузьминъ самъ сюда писалъ къ Скотти; натурально, что онъ себя въ письмѣ обрисовалъ героемъ. Замѣчательно, однакожъ, изъ его письма, что Рихтеръ не былъ сдѣланъ въ конференціи профессоромъ, а утвержденъ на другой день въ этомъ званіи въ совѣтѣ.

Очень радъ буду въ слѣдующемъ письмѣ читать извѣстіе о пріемѣ Маркова, о картинѣ Бруни и о здоровьѣ Григоро-

вича. Эти три пункта теперь весьма бы мнѣ были интересны, и чѣмъ подробнѣе, тѣмъ лучше.

Гайвазовскій человѣкъ съ талантомъ. Его «День Неаполя» заслужилъ общее одобреніе въ Римѣ: воду никто здѣсь такъ хорошо не пишетъ, а его «Хаоса» я не видалъ, ибо онъ былъ написанъ для папы, съ намѣреніемъ получить крестъ. Но, вмѣсто этого, онъ получилъ медаль, стоящую гораздо менѣе, чѣмъ рама картины,—съ просьбою, дать больше опредѣленія головѣ Саваоѳа,—окладъ фигуры какъ бы изъ водяной пыли и нахлобученныхъ облаковъ. Все это показываетъ вспышки горячей головы Гайвазовскаго, и заставляетъ за него бояться, чтобы онъ (не) сбился въ маньеризмъ. У него, между прочимъ, большая страсть печататься въ газетахъ.

Твои письма болѣе и болѣе прекрасны. Но тебѣ не худо бы нѣсколько быть потерпѣливѣе, не огорчаться, не отчаяваться при встрѣчѣ непріятностей, и не ласкать себя моей будущностью. Три вещи намъ нужны: совѣстливость труда, строгая нравственность, и настойчивость,—эти дары мы уже болѣе или менѣе имѣемъ, и, слѣдовательно, должны быть довольны нашимъ настоящимъ положеніемъ — и благодарить Бога.

Совсѣмъ забылъ сказать вамъ, что мы недавно лишились отличнаго нашего товарища—Томаринскаго. Нельзя вспомнить о немъ безъ горестнѣйшаго чувства. Онъ умеръ на нашихъ рукахъ, мы ему закрыли глаза, мы снесли его въ могилу. Его реставрація Виллы Адріана останется незабвеннымъ памятникомъ на полѣ русскихъ художниковъ. Я бы просилъ покорнѣйше васъ, батюшка, посѣтить родителей покойнаго, раздѣлить грусть ихъ и изъявить имъ наше общее горе, въ особенности, когда вспоминаемъ, какое впечатлѣніе должна была сдѣлать его кончина на его родителей.

LXXVII.

КЪ ГОГОЛЮ.

(Римъ. Декабрь 1841.)

Грусть и скука намъ безъ васъ въ Римѣ. Мы привыкли въ часы досуга или слышать подкрѣпительныя для духа ваши сужденія, или просто забавляться вашимъ остроуміемъ и весельемъ. Теперь ничего этого нѣтъ: вечернія сходки въ натурномъ классѣ, состоящемъ изъ Моллера, Іордана, Шаповалова и меня, не стоятъ и десятой доли бесѣды вашей. Неужели вы къ намъ въ Римъ и на слѣдующую зиму не пріѣдете? Вы бы могли намъ быть весьма полезны во всѣхъ случаяхъ.

Сегодня получилъ я письмо ваше, гдѣ вы просите розыскать 2,000 р.—Валентини ничего не знаетъ, и такимъ образомъ я рѣшился спросить у Кривцова: не получалъ ли онъ деньги отъ Погодина? на что Кривцовъ отвѣтилъ, что въ августѣ мѣсяцѣ получилъ письмо, гдѣ Погодинъ говоритъ какъ можно скорѣе доставить вамъ деньги, но васъ уже въ Римѣ не было, а Погодинъ не высылалъ обѣщанныхъ денегъ.

Кривцовъ сюда пріѣхалъ 26 октября. Художники всѣ къ нему представлялись, онъ чрезвычайно со всѣми ласковъ, говорилъ намъ, въ особенности обратясь ко мнѣ, что будетъ насъ навѣщать, видитъ въ этомъ способъ ускорить наши успѣхи. Я испугался—и, признаюсь, очень былъ огорченъ.

Здѣсь находится князь Григорій Петровичъ Волконскій, который хочетъ посѣтить наши студіи, да еще сюда ѣдетъ Григоровичъ. Мнѣ бы и самому хотѣлось попытаться, не назначутъ ли мнѣ за копію въ Ватиканѣ—сумму, равную Брюлло, т.-е., вмѣсто трехъ тысячъ рублей,—15 тыс. руб.; тогда бы я кончилъ и картину для Наслѣдника, и копію. Но это трудно безъ протекціи, которой я вовсе не имѣю, а Кривцовъ дѣйствовать, кажется, намѣренъ только по просьбѣ тѣхъ особъ, отъ которыхъ онъ самъ зависитъ.

Моллеръ благодаритъ васъ за письмецо; онъ ожидаетъ еще отъ васъ отвѣта на подтвержденіе выбраннаго имъ сюжета,

которымъ онъ теперь исключительно занимается. Өеодоръ Ивановичъ [1]) благодаритъ за незабытіе. Обуховы пріѣхали, мы пойдемъ къ нимъ на-дняхъ, опять затѣемъ проказы.

LXXVIII.

ВЪ КОМИТЕТЪ ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНІЯ ХУДОЖНИКОВЪ.

От академика Александра Иванова покорнѣйшее отношеніе.

Римъ, 12 мая, 1842.

Пославъ, письмо въ іюнѣ мѣсяцѣ прошлаго 1841 года, почт. Общ., и не получивъ до сихъ поръ никакого отвѣта, я полагаю его потеряннымъ на почтѣ, почему и рѣшился повторить все, что̀ въ немъ было сказано.

Государь Наслѣдникъ, путешествуя въ Римъ, пожелалъ осчастливить, между прочимъ, русскихъ художниковъ заказами. Въ то время, едва начатая картина моя не имѣла ни назначенія, ни способовъ къ своему производству, ибо, получивъ отказъ отъ почт. Общ. на дальнѣйшее мое содержаніе, и не имѣя платы ни за которыя изъ моихъ произведеній, столь много, впрочемъ, одобряемыхъ и даже славимыхъ, я рѣшился отдать картину его высочеству, за трехлѣтнее содержаніе.

Некому было ни понять такого крайняго положенія художника, ни предвидѣть невозможности окончанія картины за столь скудную цѣну, а мнѣ самому невозможно было говорить за себя, замѣтивъ негодованіе многихъ на значительныя предпріятія отечественныхъ художниковъ, и не имѣя совсѣмъ покровительства.

Доживъ до истеченія третьяго года, что̀ было въ январѣ настоящаго 1842 года, я успѣлъ только порѣшить все и сдѣлать картину доступною для каждаго, но отнюдь не кончить, и предварительно извѣстилъ почт. Общ. о приближающемся

[1]) Іорданъ.

моемъ паденіи; просилъ и прошу теперь покорнѣйше объяснить его высочеству, что обѣщаніе мое кончить картину въ три года не есть обманъ, что въ такомъ огромномъ произведеніи, и въ первый разъ, трудно опредѣлить время, работая совѣстливо, и наконецъ просить всепокорно продлить содержаніе мое здѣсь еще на три года, и тогда уже навѣрное будетъ совершено «Явленіе въ міръ Мессіи».

Если единственные мои покровители найдутъ затрудненіе на испросъ таковой милости его высочества, то я осмѣлился-бы предложить имъ самимъ сдѣлать мнѣ послѣднее и важнѣйшее вспомоществованіе: снабдить меня заимообразно трехълѣтнимъ содержаніемъ, или даже купить у меня всѣ этюды, копіи, эскизы, заготовленные къ исполненію картины, такъ, чтобъ, по окончаніи оной, если получу награду, могъ-бы я опять ихъ имѣть моею собственностью.

Если-же ни та, ни другая мѣра не могутъ быть приняты, то я просилъ-бы покорнѣйше почтеннѣйшее Общество выслать мнѣ обѣщанныя ими деньги на обратный путь, ибо нѣтъ никакихъ средствъ мнѣ болѣе здѣсь оставаться. Десятый мѣсяцъ уже какъ извѣщалъ я объ этомъ предварительно почтеннѣйшее Общество, и пятый какъ нахожусь безъ содержанія, почему просилъ-бы покорнѣйше, сколь можно скорѣе, рѣшить бѣдственное мое положеніе, потому что всякое замедленіе можетъ усугубить несчастіе нажитіемъ долговъ.

LXXIX.

КЪ БРАТУ.

(Монтекатини. Лѣто 1842.)

Любезный братъ!

Ничего не могу сказать тебѣ отсюда: оставаться ли тебѣ у Маркова, или дома работать программу. Я думаю, ты теперь самъ видишь, что невозможно мнѣ тебѣ совѣтовать, находясь за пять тысячъ верстъ. Напрягай весь свой умъ,

будь осторожнѣе и осмотрительнѣе, и всегда готовый на встрѣчу горькихъ непріятностей, а остальное предоставь Богу. Вотъ все, что могу тебѣ сказать. Знакомство съ Моллеромъ пріятно, но я очень боюсь, чтобы ты имъ не развлекся отъ твоей програмы. Сдѣлай милость, будь экономенъ во времени. Эппингера я не видалъ, потому что самъ живу внѣ Рима. Если хочешь, то пиши къ нему,—я ему отдамъ письмо. А если крайней нужды нѣтъ, то погоди. Пименовъ отдѣлываетъ изъ мрамора своего «Мальчика, просящаго милостыню». Вещь удивительная по исполненію и выраженію. Онъ его можетъ быть пришлетъ къ выставкѣ. Жаль, что этотъ талантъ необразованъ, а то бы онъ могъ стать наравнѣ съ самыми лучшими скульпторами нашего времени. Онъ пріѣдетъ, я думаю, вмѣстѣ съ Завьяловымъ, Шамшинымъ, Монигетти и Кудиновымъ—черезъ полтора года.

LXXX.

КЪ ЖУКОВСКОМУ.

(Монтекатини. Іюнь 1842.)

Вслѣдствіе настойчиваго совѣта Николая Васильевича Гоголя, я рѣшился еще разъ просить васъ о посредничествѣ въ дѣлѣ моемъ. Вы знаете, что окончаніе картины моей «Явленіе Мессіи» иначе не можетъ быть выполнено, какъ съ новою милостью Государя Наслѣдника. На сей конецъ подана уже просьба, посредствомъ вашего ходатайства, еще прошедшею осенью, но, не получая никакого на то отвѣта, я принужденнымъ нашелся еще васъ безпокоить: просить новаго вашего здѣсь покровительства и совѣта. Не откажите, въ возможно непродолжительное время, меня увѣдомить въ Римъ, какъ мнѣ поступить въ семъ трудномъ положеніи. Я едва имѣю средства содержаться здѣсь до начала будущаго года.

Положеніе Станиславича безнадежно. Я было хотѣлъ отправить (его) въ Грейфенбергъ, но больной съ трудомъ двигается, и никакъ этого самъ не хочетъ. Онъ глубоко тронутъ былъ

вашимъ подтвержденіемъ о выдачѣ ему еще денегъ. По вашему желанію, посылаю къ вамъ его работы: «Поэзію», «Теологію» и «Три добродѣтели», которыя вы и получите въ Дюссельдорфѣ.

LXXXI.

КЪ ГОГОЛЮ.

(Монтекатини. Іюнь 1842.)

Вы не повѣрите, какъ я обрадовался, получивъ ваше письмо отъ 16 мая—29 іюня. Я было началъ мои занятія, и именно, копіей частей съ «Мадонны di Foligno», чтобы приступить къ окончанію головъ въ моей картинѣ. Но глаза опять заболѣли. Это несчастное положеніе согласило меня познакомиться съ нѣкоторыми русскими, пріѣхавшими сюда въ Римъ: съ профессоромъ московскаго университета Крюковымъ, съ графомъ Комаровскимъ, съ Васильчиковой, съ Галаганомъ, коего мать, видя мое положеніе, упросила меня ѣхать съ ней въ Неаполь, къ Циммерману на совѣтъ. Циммерманъ опредѣлилъ мнѣ ѣхать во Флоренцію, для водъ, куда я и пріѣхалъ, вмѣстѣ съ Галаганами, и нахожусь теперь въ Монтекатини. На водахъ мнѣ точно лучше. Я, однакожъ, оставлю Тоскану черезъ двѣ недѣли: я ѣду въ Римъ для питья декохта. Въ эти двадцать дней питья декохта мнѣ запрещены самыя малѣйшія занятія, и докторъ надѣется, что, по очищеніи мокроты, я совершенно долженъ выздоровѣть и глазами.

Письмо къ В. А. Жуковскому я послалъ вчера; я вѣдь никакъ не предполагалъ, что могу къ нему еще писать. Извините. Чтò касается до копіи съ Ватиканскаго фреска, то я тутъ имѣлъ цѣлію получить впередъ деньги и продолжать на оныя мою картину, а по окончаніи ея занялся бы копіей. Самое важное и радостное для меня то, что вы будете опять въ Римѣ. Дай Богъ, чтобы это случилось. Моллеръ будетъ осенью въ Италіи, но въ Римъ до тѣхъ поръ не пріѣдетъ, пока его дѣла тамъ я не устрою. Я съ нимъ въ безпрестанной перепискѣ. Теперь все это зависитъ отъ Кривцова. Зна-

комства вышеупонятыя доставили мнѣ случай помочь Шаповалову. Я собралъ для него 1050 фр., чт̀о, вмѣстѣ съ присланными отъ Общества червонцами, составляетъ 2500 фр.; на это обязалъ его не только кончить копію въ Ватиканѣ, сколь можно лучше, но и доставить въ Общество что-либо и своего сочиненія. Всѣ эти господа разъѣхались, а я у нихъ остался за него въ отвѣтственности. Но что дѣлать?—иначе нельзя было.

Надѣюсь, что вы на меня не будете долго сердиться за слабость моего духа. Мало зная людей, будучи совершенно одинъ, и при томъ обремененъ глазной болѣзнью, мнѣ не легко превозмогать себя, едва имѣя матеріальные способы. Еслибы вы могли не жить на via Felice, то это было (бы) лучше, потому что въ томъ краю случилися всѣ происшествія съ Моллеромъ, въ которыхъ я не мало потерпѣлъ непріятностей, и не желалъ бы встрѣчать ненавистныхъ мнѣ людей.

По пріѣздѣ въ Римъ, не замедлите отыскать (меня): моя студія все тамъ же, а квартиру имѣю вмѣстѣ съ Шаповаловымъ—Piazza S-ti Apostoli, palazzo Scacciapiatti № 42, al terzo piano. Это тамъ, гдѣ жилъ первые дни Жуковскій, когда пріѣхалъ съ Наслѣдникомъ въ Римъ. Если пріѣдете одни въ Римъ, то милости просимъ прямо туда.

LXXXII.

КЪ ЧИЖОВУ.

(Римъ. Августъ 1842.)

Только что началъ заниматься, на чт̀о получилъ позволеніе, и сейчасъ же пишу къ вамъ, прося притомъ, чтобы вы сообщили что-нибудь, изъ письма моего, Галагану, котораго адресъ, я полагаю, уже перемѣнился въ продолженіи столь долгаго времени.

Еще изъ Монтекатини я къ вамъ писалъ, прося приложенное письмо передать Жуковскому, отъ котораго получилъ на прошедшей недѣли письмо, гдѣ онъ меня извѣщаетъ, что

есть чистосердечное желаніе отдѣлкой достигнуть до сравненія съ выборомъ предмета. Гдѣ способнѣе его произвести, какъ не въ Италіи пятнадцатаго столѣтія?

Живое участіе, какое вы принимали въ моемъ положеніи, заставляетъ меня желать, дабы вы яснѣе увидали ходъ моихъ дѣлъ.

LXXXV.

КЪ ЧИЖОВУ.

(Римъ. Сентябрь 1842.)

Натурально, что это все не деликатно, не отработано,—такъ, какъ и самъ я, но что же дѣлать? я иначе не умѣю. Я васъ уже предварялъ, что въ письмахъ я грубъ, а это поправить выше силъ моихъ. Теперь позвольте разобрать письмо ваше. Вы говорите, что Жуковскій говоритъ вамъ такія истины, противъ которыхъ нельзя ничего сказать, напр.: «Да куда онъ пишетъ такія картины, вѣдь и поставить некуда?» Со времени Брюлло, историческіе живописцы приняли за необходимость уже являться изъ Рима въ отечество съ чѣмъ-нибудь значительнымъ, отъэкзаменованнымъ въ чужихъ краяхъ: съ этимъ только аттестатомъ можно у насъ найтиться и поставить себя на ноги. Да кромѣ того, и въ Европѣ, посредствомъ такихъ картинъ, мы пріобрѣтаемъ къ себѣ вѣру. Конченная большая картина русскаго художника, пріобрѣтшая европейское вниманіе, не можетъ быть, чтобы не нашла мѣста въ нашемъ отечествѣ. Я знаю, что для коммерціи лучше бы было писать маленькія вещицы, но какъ не стыдно говорить это Василію Андреевичу! При его умѣ и образованіи, я думаю, онъ войдетъ гораздо глубже въ мое положеніе, и тогда бы онъ увидѣлъ, что я только-что несчастливъ, но совершенно правъ, видя пришлецовъ и иностранцевъ, завладѣвающихъ всѣмъ вниманіемъ моего отечества, зная, какія громадныя суммы издерживаются правительствомъ на покупку самыхъ посредственныхъ картинъ. Могу ли я, будучи русскимъ, смотрѣть на все это хладнокровно? Не долженъ ли я пожерт-

вовать совершенно всѣмъ—для такого предпріятія, которое бы со временемъ поставило меня на художническую каѳедру, съ которой бы я могъ умалить злоупотребленія?

Извините, что безпокою моими дѣлами, но только-что получу какую отраду изъ Петербурга, то, извѣстивъ васъ въ Дюссельдорфъ, тогда васъ бы оставилъ въ покоѣ.

Къ Бенуа были три письма въ кафе-Греко, и всѣ, кажется, вашей руки. Наши русскіе не способны ни къ какимъ аккуратнымъ порученіямъ, и потому письма предолго лежали. Наконецъ я нашелъ Ставассера, которому Бенуа всѣ распоряженія поручилъ, и письма посланы въ Венецію, къ Бенуа.

Я бы желалъ, чтобы вы пріобрѣли лучшія композиціи дюссельдорфской школы въ эстампахъ.

Хорошо бы заѣхать вамъ во Франкфуртъ-на-Майнѣ, познакомиться съ Фейтомъ, да еще поразвѣдать, что это за каѳедра, съ которой читаютъ объ искусствѣ публикѣ обоего пола? Куда бы хорошо, еслибы у насъ въ столицахъ можно было услышать что-либо подобное!

На имя Бахтина я ничего не нашелъ на почтѣ. Прошу это письмецо отправить Галагану, ибо, судя по послѣднему письму, адресъ его не рѣшенъ.

LXXXVI.

КЪ ГАЛАГАНУ (?).

(Римъ. Сентябрь 1842.)

Получилъ я письмо ваше отъ 23 іюля. Удивляюсь, какъ оно долго было въ дорогѣ: вѣдь это почти два мѣсяца! Сейчасъ получилъ я изъ посольства ваши деньги—182 скуди, изъ коихъ Довиццелли отдалъ за Гайвазовскаго, по просьбѣ Бенуа,—100 скудъ, а 82 взялъ на распоряженія, вамъ извѣстныя. Шаповаловъ получилъ отъ Общества, за свою копію «Св. Севастіанъ»,—160 скудъ. Его состояніе теперь въ соразмѣрности лучше моего. Я получилъ отъ Общества тоже бумагу, и вотъ она, разберите ее: тутъ какъ будто два человѣка—одинъ благонамѣренный, а другой мерзавецъ. Если бы письмо было

все въ духѣ сего послѣдняго, то я бы послалъ имъ чертежъ съ предложеніемъ написать для нихъ картину,—тотъ моментъ, когда распятый Христосъ, на испросъ утолить жажду, получаетъ въ свои уста губку, наполненную горчицей. Я страдаю глазами уже цѣлый годъ, не знаю, когда это кончится. Но если Богу будетъ угодно высвободить меня изъ этого положенія, то уже, разумѣется, я всѣ силы употреблю, чтобы скорѣе кончить мою большую картину, оттолкнувъ въ сторону все, къ ней (не) относящееся, а они хотятъ любовь къ ней разорвать другою, и называютъ это убійство отдыхомъ и легкимъ упражненіемъ моей кисти! Да какое это легкое упражненіе? — у меня его совсѣмъ нѣтъ. Я не Вернетъ и не Подести: всякій трудъ мой ровенъ, съ разницею, что для малаго размѣра картины меньше нужно времени, на ея исполненіе. Да потомъ еще повторяютъ мнѣ самое обидное, что хотятъ помочь мнѣ, не отнимая отъ другихъ художниковъ своего покровительства. Возможное ли это дѣло, чтобы когда-нибудь я позволилъ себѣ подумать строить на несчастіи другихъ мое благополучіе?

LXXXVII.

КЪ ОТЦУ.

(Римъ. Декабрь 1842.)

Ожидая ваше письмо каждый почтовый день, я уже приготовился къ самой убійственной новости, крѣпился, молился, разсѣевался, укоряя мысленно брата, бранилъ внутренно Моллера; но теперь, слава Богу, вижу, что година испытаній уже проходитъ: вы почти выздоровѣли, и я тоже,—хотя все еще чувствую глаза не совершенно выздоровѣвшими, все еще они гноятся, особливо при печномъ теплѣ, которое необходимо для натурщиковъ. Жалѣю весьма, что не попекся объ васъ Моллеръ, не замѣстилъ моего мѣста во время вашей болѣзни. Не могу вспомнить, что могъ бы лишиться васъ! Это было бы для меня совершеннымъ уничтоженіемъ

и меня, и моихъ успѣховъ. Что толку, если и кончу картину, и, пріѣхавъ съ нею, не встрѣтилъ бы васъ?—тогда не было бы мнѣ никакой ни награды, ни радости. Бога ради, берегите вы себя.

Въ силу представленія Жуковскаго обо мнѣ Наслѣднику, мнѣ выдана сумма 1500 руб. единовременно, а вслѣдствіе старанія Кривцова—выдано 2800 руб.

Герцогъ Лейхтенбергскій и Марія Николаевна въ Римѣ, я ихъ ожидаю ко мнѣ на дняхъ въ мастерскую. Великая княгиня предварена обо мнѣ. Посмотримъ, что будетъ.

Мнѣ болѣе всего хочется картину мою скорѣе окончить, но эти трудности! Сего труда ни одинъ человѣкъ, кромѣ меня, кончить не можетъ. Для людей малосвѣдущихъ она, пожалуй, и теперь почти кончена, но, по-моему, я нахожусь въ половинѣ дѣла,—теперь работа начинается незамѣтная, т.-е. отдѣлка.

Статья о русскихъ художникахъ, напечатанная въ академич. вѣдомостяхъ [1]), написана Чижовымъ, профессоромъ петерб. университета. Онъ теперь здѣсь, въ Римѣ, постарался со мною сблизиться, и мы теперь съ нимъ, какъ друзья. Однакожъ, наша пріязнь началась по напечатаніи его статьи, о которой я совсѣмъ не зналъ, и потому не думайте, чтобы тутъ закрадывалась съ моей стороны какая охота къ печатнымъ похваламъ: я право не Гайвазовскій.

Болѣе всего меня утѣшаетъ братъ мой: онъ теперь истинно отличенъ.

Матушкѣ мое почтеніе.

Любезный братъ! Поздравляю тебя съ отличіемъ, я узналъ объ этомъ отъ Эппингера изъ Венеціи, который кланяется и тебѣ, и батюшкѣ нашему. Признаться сказать, я неоднократно на тебя сердился, что ты такъ долго ничего не писалъ ко мнѣ: вѣдь ты можешь писать ко мнѣ отдѣльно отъ батюшки, особливо когда онъ по какимъ либо причинамъ не можетъ.

Что Марковъ сдѣланъ профессоромъ, тому я очень радъ. Тебя удивитъ, если я скажу, что то способствуетъ къ ис-

---

[1]) С.-Петербургскія Вѣдомости 1842 г., №№ 224—228.

полненію моихъ предпріятій,—сейчасъ тебѣ докажу. Ища помощи отъ двора для окончанія моей картины,—единственнаго желанія въ жизни, я весьма робѣлъ, чтобы не пришла мысль Волконскому [1])—вызвать меня на занятіе профессорскаго мѣста въ Академіи. Тогда бы весь я погибъ навсегда, а теперь Марковъ мой громоотводъ. Моя цѣль—быть художникомъ, что-нибудь значущимъ въ чужихъ краяхъ.

Вчера была у меня въ мастерской вел. кн. Марія Николаевна. Необыкновенная благосклонность меня ввела въ смятеніе: до 36 лѣтъ запираясь въ четырехъ стѣнахъ мастерской, я совсѣмъ не знаю свѣтскости, и потому крайне неловокъ въ подобныхъ случаяхъ. Но это ничего: есть люди, которые мнѣ пособятъ.

LXXXVIII.

КЪ ОТЦУ.

(Римъ. Январь 1843.)

Батюшка! Θеодору Антоновичу [2]) весьма много обязанъ я: онъ сдѣлалъ то, что̀ никто не въ состояніи былъ сдѣлать—дать способы окончить мнѣ начатую картину. Теперь я могу сказать, что денегъ достанетъ у меня окончить трудъ мой, для коего, однакожъ, нужны три года. Слѣдовательно, на концѣ третьяго я еще могу увидѣть здѣсь брата, устроить его тутъ, и пріѣхать къ вамъ, на смѣну. Теперь нужно-бы отклонить отъ меня заказы для московскаго храма Спасителя, потому что ни времени, ни охоты у меня нѣтъ брать на себя это,—это и безъ меня могутъ сдѣлать. Объ этомъ похлопотать я прошу покуда Моллера. Если уже никакъ нельзя отстранить отъ меня этой скучной заказной работы, то приму какъ величайшую непріятность, мѣшающую многимъ важнымъ моимъ планамъ.

Прошу отдать приложенное здѣсь письмо К. А. Тону.

---

[1]) Кн. П. М. Волконскій, министръ двора.

[2]) Моллеру.

Радъ очень, что братъ въ помощникахъ у него. Весьма нужно архитектору повѣрить свое академическое ученіе практикой, заучить матеріалы отечественные, для будущихъ соображеній. Еслибъ онъ еще въ это время могъ сдѣлать на первую золотую медаль програму, то эта выгода времени доставила-бы ему способъ застать меня еще въ Римѣ, а это, по моему мнѣнію, весьма нужно. Я согласенъ съ вами, что ему не столько нужно быть за-границей, какъ живописцу, потому что живописецъ тутъ себя совсѣмъ оканчиваетъ, а архитекторъ только приготовляется. Но все-таки шесть лѣтъ необходимы ему: вѣдь нужно изъѣздить всю Европу и часть Азіи, нужно сберегать копейку, ибо трехъ тысячъ въ годъ, можетъ быть, будетъ мало. Въ Лондонѣ, чтобы все видѣть, нужно тысячу руб. въ мѣсяцъ,—впрочемъ, болѣе сего времени никто изъ пріѣзжихъ и не остается тамъ. Наука и искусство вѣчно живутъ и, слѣдовательно, движутся, а особливо въ новомъ народѣ, каковъ русскій, гдѣ еще, можно сказать, только что начинаются, и, слѣдовательно, брату моему, какъ истинно русскому, предстоитъ здѣсь бездна занятій, на поприщѣ соревнованія съ европейскими представителями по его части. Дай Богъ, чтобы онъ успѣлъ болѣе меня: мнѣ было слишкомъ много препятствій, — ему, мнѣ кажется, будетъ легче.

Въ Римѣ архитекторы начитываются, мѣряютъ лучшія (произведенія) древности, привыкаютъ къ чистотѣ вкуса, посредствомъ реставраціи зданій лучшаго времени. Другія мѣста Италіи представляютъ имъ красоты средняго вѣка. Къ удобствамъ частныхъ домовъ нужна Англія, а къ познанію корней, откуда родился русскій стиль церковный, нужно изучить четырнадцатое и пятнадцатое столѣтіе, столь живо еще живущее въ Италіи,—нужно потомъ заглянуть въ Грецію и Сирію.

Вы не думайте, чтобы это было трудно: пути теперь дѣлаются весьма удобными, чугунныя дороги года черезъ два застелятъ всю Европу, а Сирія, по послѣднему трактату англичанъ, сдѣлалась болѣе доступной, чѣмъ когда-нибудь. Главное изученіе состоитъ въ изученіи языковъ: нѣмецкаго, англійскаго и итальянскаго.

Картина моя—въ ширину десять съ половиною аршинъ, а въ вышину семь съ половиною. Я просилъ Моллера, чтобы

пояснилъ мнѣ весь процессъ дѣла о пенсіи и платѣ за картину, чтобы знать, кого еще благодарить: можетъ быть, Григоровичу и Рѣзвому нужно будетъ написать письма.

Любезный братъ! Ты скоро кончилъ мою картину. Ты никакъ не можешь представить, что она выше всѣхъ заказныхъ работъ, и что только совершеннымъ окончаніемъ всего я могу достигнуть результата. Денегъ мнѣ болѣе не надо: у меня слава Богу достанетъ на ея окончаніе. Лишь бы только не хворать, то все будетъ хорошо.

Только-что хотѣлъ посылать вамъ это письмо, какъ вдругъ получилъ отъ Ѳедора Антоновича ужасную новость о смерти матушки, сообщенную мнѣ моимъ самымъ короткимъ знакомымъ, Н. В. Гоголемъ. Не могу вспомнить безъ глубокой горести такую потерю, но болѣе всего меня тревожитъ положеніе батюшки: оно должно быть невыносимо, тѣмъ болѣе, что онъ только-что оправился отъ своей болѣзни. Бога ради, пишите ко мнѣ чаще, чтобы я могъ вѣрнѣе знать ваше положеніе. Чрезвычайно какъ я грущу по васъ!

Братъ, прошу тебя, говори мнѣ правду о положеніи батюшки. Я себя въ состояніи перемѣнить: лѣта мои и занятія мнѣ помогутъ; но когда мыслю о батюшкѣ, то совершенно теряюсь.

LXXXIX.

КЪ ОТЦУ.

(Римъ. Февраль 1843.)

Батюшка! Сейчасъ я получилъ письмо ваше, отъ 20 января. Глубокая грусть, вселившаяся въ меня подробнымъ описаніемъ болѣзни и кончины моей матушки, приводитъ меня въ умилительное положеніе, навертываются слезы, и наконецъ теперь же рѣшаюсь вамъ писать на все это отвѣтъ.

Для меня одна награда существуетъ: кончивъ мою картину, встрѣтить васъ здоровымъ, живымъ. Молю Бога, чтобы онъ этого меня не лишилъ, а къ вамъ припадаю на колѣна, и прошу беречь ваше здоровье. Простите меня, если я когда-

либо васъ чѣмъ-нибудь обидѣлъ. Я болѣе къ вамъ привязанъ, чѣмъ вы можете себѣ вообразить. Успѣхи мои въ искусствѣ имѣютъ одну цѣль — со временемъ доставить вамъ радость еще на землѣ. Вы изъ этого видите, что я радъ торопиться съ моимъ огромнымъ дѣломъ, и опять прошу васъ беречь свое здоровье: я помню, какъ вы, бывало, его не берегли. Васъ нѣсколько разъ предостерегала отъ этого матушка-покойница (ей не довелось видѣть возвратъ мой!), а братъ мой, можетъ быть, для этого молодъ. Если вамъ нужны деньги, то прошу васъ взять у Ѳ. А. Моллера тысячу руб., — я ему здѣсь ее отдамъ. Какъ-то вы себя чувствуете, послѣ болѣзни и ужасной потери? Ѳеодора Антоновича благодарю усердно за то, что онъ сдѣлался какъ-бы домашнимъ у васъ. Его деликатное и истинно доброе сердце меня увѣряетъ, что въ эту горестную минуту для васъ онъ много полезенъ, онъ многое облегчаетъ.

XC.

КЪ БРАТУ.

(Римъ. Начало 1843.)

Любезный братъ!

Сдѣлай милость, не унывай. Далъ бы Богъ справиться съ программой и пріѣхать къ намъ въ Римъ, то уже тутъ бы ты, въ часы отдыха, очень пріятно могъ проводить время, съ отличными молодыми нашими московскими профессорами и студентами.

Ну, да уже о Римѣ и Италіи и говорить нечего: ты уже такъ и полагай, что въ рай ѣдешь. Только старайся получить на это право. О батюшкѣ нужно подумать заблаговременно, и устроить его возможно-лучшимъ образомъ.

XCI.

КЪ ГОГОЛЮ.

(Римъ. Осень 1843.)

Вы справедливы, но, все мнѣ кажется, и я не неправъ. Я съ того дня только успокоился и почувствовалъ радостное облегченіе, когда Перовскій, возвратясь изъ Неаполя, весьма серьёзно сказалъ Кривцову: «Вѣдь Ивановъ никакъ не можетъ ѣхать по причинѣ разстроенныхъ глазъ», на чтò Кривцовъ весьма учтиво разсыпался и увѣрялъ его превосходительство, что онъ и самъ такъ думаетъ, а между тѣмъ прислалъ мнѣ сказать, что только 66 дней я еще могу оставаться въ Римѣ. Смирнова, занесенная бурею изъ Неаполя въ Римъ, тоже много способствовала къ моему успокоенію. Она еще изъ Неаполя писала въ Петербургъ, чтобы распространить гдѣ слѣдуетъ, что я страдаю глазами. Но все-таки питье декохта было слишкомъ сильно повреждено этимъ безвременнымъ призывомъ въ Петербургъ. На изнеможенные нервы декохтомъ и діэтой, дѣйствовало въ три раза болѣе это грустнѣйшее приглашеніе. Перовскій обѣщался дѣйствовать въ Петербургѣ за меня. Вотъ это можетъ быть не кстати, а впрочемъ, онъ человѣкъ умный. У В. А. Жуковскаго попросите за меня извиненія, хотя въ письмѣ къ нему я только просилъ совѣта, а не дѣйствія, и то потому, что не надѣялся, чтобы васъ застало письмо мое въ Гаштейнѣ, а срокъ тогда 66 дневный!

Сейчасъ пишу къ Тону и къ батюшкѣ моему, и когда получу отвѣтъ, то немедленно извѣщу васъ въ Дюссельдорфъ.

Что-то Моллеръ? съ вами ли онъ въ Дюссельдорфѣ? Амалія, вотъ уже недѣля, какъ не существуетъ. Священникъ передъ выносомъ ея тѣла сильно сказалъ горбатой (ея матери), другимъ бабамъ и своднямъ, при семъ находившимся, что это она причиною ея смерти, и что если она и этого не чувствуетъ, то онъ надѣется, что это послужитъ другимъ матерямъ разительнымъ примѣромъ, кàкъ продавать и торговать

своими дочерьми. Теперь, Николай Васильевичъ, надо положить конецъ этому глубоко-непріятному дѣлу, истощить весь умъ, чтобы сказать обо всемъ этомъ Моллеру, и если нѣтъ его съ вами, то написать ему, а я не знаю, гдѣ онъ теперь.

Моллеръ, мнѣ кажется, уже можетъ пріѣхать теперь прямо въ Римъ: вѣдь горбатую уже можно теперь легко унять, а Моллеру все-таки лучше теперь быть въ кругу людей, ему преданныхъ и готовыхъ раздѣлять съ нимъ горе.

Вотъ вамъ письмо, найденное на почтѣ. Іордана призывалъ Перовскій, спрашивая о портретѣ великой княгини [1]), на что смятенный Ѳедоръ Ивановичъ отвѣчалъ, что онъ его самъ не дѣлалъ, по причинѣ дурнаго рисунка, который палъ бы на его голову, а потому онъ отдалъ награвировать его самому художнику, рисовавшему съ натуры великую княгиню, полагая, что онъ помнитъ натуру и въ состояніи что-нибудь тамъ поправить. Перовскій не сказалъ ни слова; Ѳ. И. написалъ обо всемъ этомъ Віельгорскому.

XCII.

КЪ ОТЦУ.

(Римъ. Октябрь 1843.)

Какъ вы меня долго мучили безотвѣтностью! Вамъ, конечно, непонятно мое мучительное положеніе въ такихъ случаяхъ.

Весьма радъ, что братъ получилъ 1-ю золотую медаль. Но скажите мнѣ обстоятельно: его право ѣхать въ чужіе края въ его волѣ, или это еще зависитъ отъ счастія?—это меня очень интригуетъ. Можетъ ли онъ, напримѣръ, тотчасъ по окончаніи церкви сюда пріѣхать? Вѣдь это должно быть въ половинѣ 1845 года. Весьма благодарю васъ за сужденіе о картинахъ, присланныхъ изъ Рима. Мнѣ кажется, однакожъ, вы не совсѣмъ справедливы въ отношеніи къ Завьялову. Вы обратили вниманіе только на нѣкоторыя части его картины: на сочиненіе и выборъ предмета, и нисколько не за-

[1]) Маріи Николаевны.

хотѣли остановиться на хорошемъ рисункѣ и довольно возвышенномъ стилѣ.

Какъ бы я желалъ, чтобы Завьяловъ сдѣланъ былъ профессоромъ для поддержанія натурнаго класса! Картина Бруни «Покровъ», не знаю, почему вамъ понравилась. Какъ ни темна картина Завьялова по предмету, но Бруни—уже вовсе не понятна. Еслибъ не было извѣстно, что Бруни поручено написать «Покровъ», то, я думаю, никто бы и не угадалъ, что это за сюжетъ. Декораціонная его кисть гораздо менѣе имѣетъ достоинства, чѣмъ Завьялова полуокончательность, и, наконецъ, Завьяловъ настоящій русскій художникъ, слѣдовательно, родной намъ,—мы съ нимъ вмѣстѣ любимъ Россію, рады ей служить по внутреннему, врожденному намъ убѣжденію. О Тырановѣ можно пожалѣть, что въ позднія лѣта и съ малымъ образованіемъ посланъ онъ въ Римъ, гдѣ, какъ человѣкъ съ талантомъ, невольно почувствовалъ (онъ желаніе) устремиться къ чему-то возвышенному, и сдѣлалъ историческую картину. Онъ, однакожъ, опять займется портретами. Онъ собирается скоро въ Петербургъ. Я слышалъ, что раздача работъ въ Исакіевскую церковь не безъ взятокъ. Скажите, какіе образа получили Завьяловъ и Шамшинъ, чтобы заключить, какой бы участи подвергся я, еслибъ пріѣхалъ къ раздачѣ? Цѣлые два года потерялъ я: глаза не позволяли ни на сколько подвинуть картину мою, а то, разумѣется, она была бы кончена къ половинѣ 1845 года. Весьма бы не хотѣлъ я, чтобы братъ оставался изъ-за меня, хоть одинъ мѣсяцъ въ Петербургѣ. Онъ долженъ спѣшить за границу, какъ только отдѣлается отъ практической работы. Для меня же оставить навсегда неконченною мою картину и ѣхать къ вамъ—значитъ погребсти все мое лучшее въ жизни и сдѣлаться денежнымъ художникомъ, подлецомъ въ отношеніи къ искусству и къ отечеству. Есть способы все это поправить, и отличнымъ образомъ,—прошу послушать. Вы, батюшка, совершенно свободны и отъ службы, и отъ казенныхъ работъ, довольно крѣпки сложеніемъ отъ природы, имѣете вѣрныхъ 2000 въ годъ, а утѣшеніе ваше составляемъ мы двое, какъ вы сами говорите. И потому, не рѣшитесь ли вы пожить два года въ землѣ обѣтованной для художниковъ—въ

Римѣ? Васъ привезетъ братъ Сергѣй Андреевичъ до границы Италіи, а Александръ тамъ васъ встрѣтитъ, а черезъ два года пріѣдетъ съ вами и оконченной картиной въ Россію, и поселится навсегда въ Москвѣ. Не бойтесь, не пугайтесь,—я знаю, что, по старости лѣтъ, и никогда не путешествуя, страшно думать о путешествіи. Но страшно только до вступленія на пароходъ, а тамъ все пойдетъ чудесно,—повѣрьте опытному человѣку. Всѣмъ намъ будетъ, повѣрьте, очень хорошо. Ваша страсть къ искусству безпрестанно будетъ находить въ Римѣ удовлетвореніе и довольство, а климатъ сбережетъ ваше здоровье. Двухъ тысячъ очень достаточно, чтобы жить безъ большихъ предпріятій, а вояжная тысяча какънибудь наберется. Мы оба будемъ съ вами жить на одной квартирѣ, покорными вамъ слугами.

Переписочными деньгами составится сумма на обратный вамъ путь въ Россію. Зимой будете знакомиться съ пріѣзжими русскими, а лѣтомъ за городомъ будемъ писать ландшафты вмѣстѣ. Да какіе ланшафты, какіе ланшафты! Ну, право, хорошо будетъ и брату для первыхъ двухъ лѣтъ, а тамъ, когда онъ укоренится въ своихъ занятіяхъ, то мы отъ него уѣдемъ въ Москву, и будемъ тамъ жить да поживать, да его къ себѣ ждать. Вонъ посмотрите, старикъ Н. И. Уткинъ хочетъ отправиться заграницу, на годъ, только для развлеченія. Старикъ Воробьевъ хочетъ ѣхать, только для свиданія съ сыномъ. Такъ какъ же вамъ, для счастья обоихъ насъ, не подумать объ этомъ? Правда, они путешествовали прежде, имъ извѣстенъ путь. Но вы не бойтесь; право, все хорошо будетъ. Для складки нашихъ вещей художественныхъ, можно будетъ найти мѣсто въ домѣ Моллера,—по крайней мѣрѣ, я объ этомъ похлопочу въ свое время. Мебель всю продать, хотя бы за безцѣнокъ: вѣдь никому изъ насъ не доведется жить въ Петербургѣ, гдѣ я всю мою молодость только и слышалъ о подлостяхъ и интригахъ, какія вамъ были причиняемы. . . . . . .

Подумайте и сообщите мнѣ обо всемъ. . . . . . .

Лапченки зрѣніе нѣсколько поправилось, но художникомъ ему не бывать. . . . . . .

Любезный братъ! Ты совершенно безъ совѣсти. Ну какъ

же можно не писать ко мнѣ столько времени? Вѣдь я Богъ знаетъ чтò объ этомъ думалъ. Радуюсь и поздравляю тебя съ золотой 1-й медалью. Да, братъ, не легко эти вещи и мнѣ доставались. Я сдѣлалъ предложеніе батюшкѣ ѣхать въ Римъ; для насъ обоихъ это будетъ счастье, если онъ на это согласится. Очень, очень любопытно, чтò батюшка на это скажетъ. Напиши мнѣ немедленно. Я объявлялъ скульпторамъ нашимъ, что будетъ имъ работа отъ К. А. Тона.

Не увлекайся общимъ направленіемъ людей, въ чемъ бы то ни было, а старайся имѣть свое. Ты такъ странно говорилъ о Завьяловѣ! Разумѣется, Брюлло нужно его унизить.

Къ тебѣ будетъ на-дняхъ Эльсонъ [1]). Я просилъ его справиться, у кого находятся гравюры Консони—контуры съ Рафаэля, числомъ 16, и картина Гайвазовскаго «Буря», принадлежащая одному изъ самыхъ близкихъ моихъ пріятелей—Галагану. Они были посланы въ 1842 году, 15 іюня, вмѣстѣ съ картиною Шамшина: «Петръ на Ладогѣ». Если ты ихъ отыщешь у какого-нибудь Ухтомскаго [2]), то гравюры и картину возьми себѣ, а мнѣ отпиши, на какихъ условіяхъ онѣ выданы, или по какимъ причинамъ не отдаются.

Что это за Тихобразовъ, ученикъ Брюлло? Образованный ли человѣкъ? Самъ ли работаетъ?

XCIII.

КЪ ГОГОЛЮ.

(Римъ. Апрѣль 1844.)

Откровенное письмо ваше весьма много меня занимаетъ. Я, наконецъ, привыкъ къ угрозамъ судьбы, сказавъ себѣ, что до послѣдняго дня настоящей моей свободы я долженъ весь принадлежать картинѣ.

Напрасно, кажется, вы думаете, что моя метода—силою сличенія и сравненія этюдовъ подвигать впередъ трудъ до-

---

[1]) Молодой архитекторъ.

[2]) Хранитель музеевъ въ Академіи Художествъ.

ведетъ меня до отчаянія. Способъ сей согласенъ и съ выборомъ предмета, и съ именемъ русскаго, и съ любовью къ искусству.

Я бы могъ очень скоро работать, еслибъ имѣлъ единственною цѣлью деньги. Признаюсь, я не вижу въ остальной моей жизни ничего, лучше настоящаго моего положенія. Еслибъ картина моя осталась навсегда неоконченною, то это все столько (же) было бы для меня горько, какъ если бы какая-нибудь деспотическая сила заставила меня окончить ее противъ моихъ правилъ и убѣжденій.

Да, что вы ни говорите въ письмѣ вашемъ, все это — истины, большею частію мной уже испытанныя. Признаю и это: пока не сдѣлалъ дурно, не сдѣлаешь хорошо. Дурное все остается въ пробныхъ этюдахъ, изъ которыхъ одно лучшее вносится въ настоящую картину.

Одно мѣсто письма вашего: «что я далеко не христіанинъ» и проч.—заставляетъ меня задумываться. Я не въ состояніи теперь же на это отвѣтить.

Посылаю вамъ письмо, которое получилъ отъ хозяина вашего на Via Felice. Бутеневу [1]) я представлялся; онъ спросилъ меня: «вѣдь вы всѣ, художники, находитесь подъ...» и т. д.

Моллеръ собирается въ Грецію. Я ему припомнилъ слова, сказанныя мнѣ Овербекомъ на счетъ моего предполагавшагося путешествія въ Сирію,—лучше его нельзя ничего сказать: «Если композиція ваша уже рѣшена, поѣздка можетъ ее разрушить; если только она въ начальной идеѣ, то вояжъ можетъ къ ней прибавить что-нибудь».

XCIV.

КЪ ОТЦУ.

(Неаполь. Іюль 1844.)

Батюшка!

Письмо ваше, отъ 12 іюня, меня весьма обрадовало. Братъ уже слышитъ, мои старанія объ этомъ не остались втунѣ. Благодарю Бога.

---

[1]) Русскій посланникъ въ Римѣ.

Вотъ теперь начинается его жизнь внѣ дома. Товарищи: Резановъ, Реймерсъ, какъ говорятъ, люди хорошіе. Напишите, чтобы въ каретѣ взялъ мѣсто въ 70 руб., чтобы вояжъ не былъ на счетъ его здоровья. Я послалъ письмо моему знакомому въ Москвѣ, А. Н. Попову, прося его познакомить брата съ его знакомыми: Языковымъ, Хомяковымъ, (съ) домами: Геласиныхъ, Коровскихъ, Варвинскихъ. Эти люди по истинѣ называются цвѣтомъ нашей представительной столицы Москвы. Я надѣюсь, что здѣсь братъ получитъ идею прекрасную о нашемъ отечествѣ. Поповъ очень знакомъ съ Иноземцевымъ. Дѣло Засена еще разъ прошу васъ оставить,—когда пріѣду въ Петербургъ, то самъ его окончу. Теперь Циммерманъ въ Неаполѣ—тоже, что̀ Иноземцевъ въ Москвѣ; по крайней мѣрѣ, я, выздоровѣвшій отъ глазной болѣзни, это подверждаю. Черезъ десять дней, я отправляюсь въ Римъ, гдѣ уже ждутъ меня занятія, остановленныя на два года. Вы вѣрно отъ души порадуетесь, что стараніемъ Циммермана мнѣ возвращены глаза. Жду съ нетерпѣніемъ отвѣта отъ сестры, который многое что̀ рѣшитъ въ нашемъ семействѣ. Я ей предлагалъ три пути устроить ваше положеніе, батюшка! Изъ коихъ лучшій—ей пріѣхать въ Петербургъ, и жить съ вами до моего возврата.

Прошу послать это письмо къ брату въ оригиналѣ, дабы онъ извлекъ себѣ пользу изъ него.

Въ продолженіе этихъ трехъ текущихъ мѣсяцевъ моего пребыванія здѣсь я былъ озабоченъ больными, принадлежащими Россіи и проживающими здѣсь одинокими. Но сіи послѣдніе дни болѣе всего меня занимала скоропостижная смерть нашего славнаго поэта Баратынскаго. Вдова съ семью дѣтьми, не имѣя никого знакомыхъ, заставила меня отдаться всею душой этому дѣлу. Посмотрѣвъ на усопшую красивую голову нашего поэта, я узналъ у рыдающихъ, что нѣтъ въ Россіи хорошаго портрета, и тотчасъ велѣлъ сформовать маску, чтобы заказать бюстъ въ Римѣ. Или я дамъ форму, съ совѣтомъ адресоваться въ Академію Художествъ для слѣпковъ съ нея; Хорошо, еслибы вы постарались направить ее къ самому мастеру, и къ какому-нибудь изъ работниковъ.

Въ благодарность за разныя хозяйственныя хлопоты, и

почувствовавъ важность моей картины и нужду имѣть (мнѣ) книгу Пророковъ, Настасья Львовна обѣщалась мнѣ ее сюда доставить.

Впрочемъ, батюшка, еслибы вы могли справиться въ лучшихъ книжныхъ лавкахъ въ Петербургѣ, не продается ли эта книга, то весьма бы меня обязали, еслибы мнѣ ее доставили. Васъ уполномочиваю заплатить за нее даже 200 рублей.

Брату, пожалуйста, скажите, чтобы берегъ свое здоровье какъ можно, безъ теплой шинели не путешествовалъ (бы) по ночамъ.

XCV.

КЪ ОТЦУ.

(Римъ. Августъ 1844.)

Батюшка! письмо ваше тронуло меня до глубины сердца. Видно, что вы безпокоитесь очень, даже противорѣчите сами себѣ. Сначала уговариваете меня не слишкомъ утруждать глаза надъ работой, а подъ конецъ письма говорите, чтобы я какъ можно скорѣе кончилъ мою картину. Вы мнѣ говорите, чтобы положиться во всемъ на благоразуміе моего брата, въ разсужденіи вашего положенія, а мнѣ кажется, что гораздо вѣрнѣе послѣдовать во всемъ моему совѣту. Я въ лучшихъ лѣтахъ и опытнѣе въ жизни, и знаю, что такое чужіе краи, слѣдовательно гораздо вѣрнѣе могу все опредѣлить и осудить.

Намъ нужно спросить сестру Екат. Андр. рѣшительно, можетъ ли она пріѣхать въ Петербургъ, или не можетъ? Потомъ приступить къ самому важному. Если она не можетъ пріѣхать, то что̀ васъ задержитъ оставить Петербургъ, гдѣ вы не имѣете ни друзей, ни сильно привязанныхъ къ вамъ родственниковъ? Предугадываю, вашъ отвѣтъ: «Стѣны Академіи, и даже Васильевскій островъ, изъ котораго я никогда никуда не выѣзжалъ, подъ старость срослись родствомъ со мною». Отвѣчаю: Успѣхи отечественнаго образованія, къ ко-

торымъ непосредственно принадлежитъ картина моя, которой сочувствуетъ цвѣтъ Россіи, ежегодно путешествующій въ Римъ, неужели не стоятъ никакихъ пожертвованій?

Екатерина Андреевна не пріѣдетъ въ Петербургъ, и вамъ представляется на выборъ: поѣхать къ ней на два года погостить, или пуститься съ братомъ въ Римъ. Повѣрьте, что путешествіе въ чужіе края только и кажется тогда тягостнымъ, пока не взяли паспортъ; а тамъ пойдетъ все такъ покойно и чудесно, какъ вы никогда и не воображаете. Я васъ встрѣчу на границѣ Италіи. Дѣло теперь въ томъ, чтобы брату отнюдь не мѣшать въ его карьерѣ: пусть его какъ можно скорѣе домогается правъ на чужіе края. Могутъ случиться тысячи препятствій, если мы что-нибудь тутъ пропустимъ къ скорѣйшему его отправленію. Могутъ послать другаго. Могутъ заласкать его выгодными казенными мѣстами. Можетъ, наконецъ, и онъ самъ влюбиться—и тогда все пропало.

Оканчиваю это письмо тѣмъ, что Чижовъ весною пріѣдетъ въ Петербургъ непремѣнно. Этотъ человѣкъ понимаетъ наше положеніе. Поговоривъ съ вами лично, онъ многое что порѣшитъ, и, наконецъ, если не успѣетъ уговорить васъ оставить для нашего счастья Петербургъ, то я, свернувъ картину, пріѣду къ вамъ тотчасъ-же, чтобы выкупить брата. Картина, разумѣется, навсегда останется неоконченною, и я навсегда останусь потеряннымъ человѣкомъ. Я потерялъ адресъ Баратынской, но помню, чти живетъ она въ Коломнѣ у сестры своей, которой мужъ называется Путята, въ домѣ Плеске. Мнѣ бы очень нужно сказать ей, что лучшіе скульпторы за бюстъ берутъ обыкновенно 300 скудъ, или полторы тысячи франковъ. Тенерани нѣтъ въ Римѣ, и я думаю бюстъ отдать самому лучшему скульптору по этой части—Паверсу. Обо всемъ этомъ я ее самъ извѣщу подробно, но не знаю ея адреса. Прошу васъ въ свободную минуту поискать ея жительство, и написать мнѣ ея адресъ.

XCVI.

КЪ БРАТУ.

(Окрестности Рима. Августъ 1844.)

Письмо твое отъ 21 іюля весьма меня обрадовало тѣмъ, что (ты) почувствовалъ на опытѣ важность аккуратной и частой переписки. О возстановленіи твоего слуха меня уже извѣщалъ батюшка, и я эту радость передалъ Чижову, благодаря его за содѣйствіе.

Я бы очень желалъ, чтобы ты сошелся съ Языковымъ: это самый лучшій цвѣтъ нашего отечества. Нѣтъ ни одного человѣка, который, зная сколько-нибудь Языкова, не отозвался бы о немъ съ похвалою. Если тебѣ небольшаго труда будетъ стоить, то покажи ему твою черновую программу «Инвалиднаго дома»: это впечатлѣніе московскихъ зданій на твое воображеніе ему вѣрно принесетъ удовольствіе, а удовольствіе принести Языкову уже много значитъ. Онъ намъ совершеннно сочувствуетъ, онъ нашъ русскій славный поэтъ! Надобно было видѣть его въ моей студіи въ Римѣ!

Ты ему можешь повѣрить всего себя. А. Н. Попова ты черезъ него же сыщи. Это правда, что этотъ человѣкъ еще молодъ, но онъ горячій патріотъ, умный и добрый человѣкъ; слѣдовательно, ты и съ нимъ сойдешься, имѣя въ виду, однакоже, беречь свое время, сколь возможно.

Я батюшкѣ писалъ, дней двадцать назадъ,—письмо важное: это его положеніе, при отъѣздѣ твоемъ въ чужіе краи.

Языкову скажешь, что я получилъ его письмо, и на дняхъ буду отвѣчать.

Мои глаза чувствительно поправились, и теперь живу за городомъ, и работаю этюды для моей картины. Въ Римъ переѣду въ концѣ сентября.

XCVII.

КЪ Н. М. ЯЗЫКОВУ.

(Окрестности Рима. Августъ 1844.)

Зная, сколь рѣдко вы пишете, по случаю вашего настоящаго здоровья, я не могу не чувствовать себя отличеннымъ. Усердно благодарю васъ за такое особенное ко мнѣ вниманіе. Братъ мой, кажется, все получилъ, чего надѣялся, отъ своего поѣзда къ Иноземцеву. Да еще, кромѣ того, увидѣвъ Москву, попытать свое воображеніе, набросить подъ русской ладъ, и сдѣлать первый опытъ въ этомъ родѣ «Инвалидный домъ», (который я его просилъ непремѣнно вамъ показать)! Теперь ему нужно въ чужіе краи. Тутъ онъ разглядитъ, откуда что̀ взято, воображеніе пріобрѣтетъ основательность въ законахъ возможности исполнительной, вникнетъ, что̀ гдѣ прекрасно, и сформируетъ гармонически все то, что теперь ему намекнула представительная наша столица.

Я васъ долженъ благодарить за то, что вспомнили обо мнѣ, при основаніи новой академіи художествъ въ Москвѣ. Я вашу идею глубоко цѣню и уважаю. Но я себѣ за правило положилъ, ни о чемъ не думать прежде окончанія настоящей моей картины, ибо составъ академіи и основаніе ея едва-ли меньше важно и занимательно, чѣмъ настоящій мой трудъ. Да притомъ оно никогда не поздно, у насъ особливо, гдѣ все такъ способно къ перемѣнамъ и прибавкамъ. Такъ пусть теперь займутъ мѣста профессоровъ: живописи—Завьяловъ, а скульптуры—Пименовъ! Лучше этихъ двухъ я никого не знаю. Здравіе глазъ моихъ улучшилось послѣ поѣздки въ Неаполь, и я надѣюсь оканчивать мою картину, Богъ дастъ, и безъ перерывовъ. Наше воззваніе къ русскимъ кончилось покуда тѣмъ, что мнѣ всѣ силы придется сосредоточить на настоящемъ трудѣ, не разбрасывая ихъ ни на кого, да постараться ускорить поѣздку брата въ чужіе края, чтобы дать ему вѣрное направленіе художественной жизни, пока я еще въ Римѣ живу.

XCVIII.

КЪ БРАТУ.

(Римъ. Осень 1844.)

Жалѣю очень, что ты мнѣ ничего не написалъ изъ письма батюшки. Неужели ты думаешь, что это для меня совсѣмъ не любопытно? Дѣло, кажется, идетъ у насъ о тебѣ и твоемъ счастіи. Уже и твое собственное мнѣніе много меня заинтересовало.

Что касается до трактата новаго объ архитектурѣ, то я очень сожалѣю только о томъ, что тебѣ голову сломали эти споры. Но Языковъ и Поповъ, какъ не художники, начинаютъ съ того, чѣмъ художникъ оканчиваетъ и завершаетъ свое ученіе, когда ему лѣтъ подъ 40. Что-жъ дѣлать?—надобно привыкать къ свѣту. Если-же тебя уже очень безпокоятъ ихъ споры, то оставь ихъ. Все, что ты мнѣ ни пишешь, не подведено подъ гармоническую систему, которой, разумѣется, ты достигнешь, но нужно тутъ долговременное и всеусиленное ученіе. Я не архитекторъ, и потому трудно мнѣ вникнуть глубоко въ твою часть. Впрочемъ, читая исторію архитектуры Аженкура, никакъ не могъ съ нимъ согласиться, что средній вѣкъ, передѣлавшій для насъ языческіе храмы въ церкви, будто бы есть упадокъ архитектуры. Мнѣ все кажется, что этотъ готическій, византійскій родъ совершенно выразилъ чувство христіанское, какъ и древнее языческое. Къ этому роду съ небольшимъ измѣненіемъ принадлежатъ и наши русскія церкви. Что касается до архитектуры нашего времени, то, мнѣ кажется, никогда она еще не была такъ жалка и безхарактерна. Скажи самъ, кто теперь истинный художникъ, архитекторъ?—Шинкель, да и все; а потомъ все люди болѣе заботящіеся о тугомъ карманѣ, чѣмъ о совѣстливой преданности своему искусству. Впрочемъ, мы, русскіе, можемъ утѣшаться тѣмъ, что начинаемъ свою карьеру въ образованіи; у насъ, слѣдовательно, могутъ случиться гораздо скорѣе люди, чѣмъ гдѣ-нибудь, — наши силы свѣжи. Тебѣ, братъ, предстоитъ многое. Не теряй золотое время, берегись развлеченій,

и въ особенности прекрасныхъ.... Береги здоровье и пріѣзжай какъ можно скорѣе въ Римъ.

Да, мы съ тобой должны сдѣлать многое еще и потому, что всѣ наши художники приняли самое жалчайшее направленіе. Вдумываться въ дѣло совсѣмъ нѣтъ въ поминѣ. Однакожъ, ты никому не говори объ этомъ.

Ты не вѣришь, чтобы архитектуру одного человѣка приняло все государство за образецъ, — тебѣ кажется это дѣло невозможное. А по-моему, если нашъ художникъ, вслѣдствіе глубокаго своего ученія за границей, окончитъ свои знанія по Россіи, то само собою разумѣется, что изъ русской души его выйдетъ прекрасная русская архитектура XIX-го столѣтія, которая сдѣлается сейчасъ же оригиналомъ для всѣхъ прочихъ ему современныхъ художниковъ, менѣе его способныхъ къ своему дѣлу.

Нельзя ли тебѣ отыскать въ Москвѣ Боткина, торгующаго чаемъ? Его знать должны Языковъ и Поповъ. Я знакомъ съ его сыномъ Николаемъ Петровичемъ, который черезъ брата своего мнѣ сказалъ, что онъ желаетъ имѣть копіи съ лучшихъ картинъ Рима. Поговори, пожалуйста, съ Николаемъ Петровичемъ объ этомъ, и напиши мнѣ его адресъ, чѣмъ меня очень обяжешь. Спроси также, до какой суммы онъ можетъ на это дѣло употребить.

XCIX.

КЪ ВАС. АЛЕКС. СЕРЕБРЯКОВУ.

(Римъ. Осень 1844.)

Я часто объ васъ думаю, и всегда, въ заключеніе, вы кажетесь мнѣ упускающимъ все свое лучшее и, можетъ быть, всю вашу карьеру. Вы заняты ласками неблагодарнаго свѣта. По добротѣ и совѣстливости вашей, я увѣренъ, что все время отдано туда; слѣдовательно, вы сдѣлались даже неспособными понимать слова мои. Вамъ и вдумываться некогда.

Такимъ образомъ, проходятъ ваши дни въ пустыхъ упражненіяхъ, услужливостяхъ, мелкихъ порученіяхъ, въ результатѣ коихъ—самая мелкая пустота въ сердцѣ. Проклинаю я тотъ день, когда мнѣ пришла мысль познакомить васъ съ Обуховымъ,—я думалъ, впрочемъ, доставить вамъ общество, получше Великановой лавки [1]). А теперь проклинаю я тотъ заказъ вамъ: въ Римѣ могъ бы быть какой угодно, только не разрушилъ бы вашихъ начатыхъ работъ, но заставилъ бы васъ ихъ окончить, только съ болѣе развернутыми понятіями объ искусствѣ. . . . .

Чижова легко склонить, чтобы вамъ заказать что-либо изъ римскихъ сценъ. Мы бы съ вами сильно занялись этимъ, отказавшись отъ свѣта, и всего того, что могло бы васъ развлекать. Если хотите, то и другое есть порученіе Чижову: его просятъ доставить копію съ «Преображенія», Рафаэля. Вотъ и это можетъ быть ваше, если хотите. Правда, не ѣхавъ въ Римъ, вы меня освободите отъ живаго въ васъ участія, съ которымъ много употребляется моего времени. Но научите меня, какъ бы васъ разлюбить? Какъ бы разрушить въ васъ всѣ качества русскаго, истребить любовь къ успѣхамъ отечественнымъ?

Отвѣчайте мнѣ немедленно на это письмо, но, пожалуйста, прежде соберите силы, чтобы взвѣсить, что я говорилъ вамъ и въ предыдущихъ двухъ посланіяхъ.

C.

КЪ Ѳ. В. ЧИЖОВУ.

(Римъ. Октябрь 1844.)

Поздно получилъ я ваши два письма, отвѣчаю на удачу. Можетъ быть, еще застанутъ васъ эти строки въ Венеціи. Серебряковъ видѣлъ Моллера во Флоренціи. Я полагаю, что

[1]) Великановъ—русскій купецъ во Флоренціи, поставщикъ и подрядчикъ въ Россію самыхъ разнообразныхъ итальянскихъ продуктовъ, начиная отъ мраморовъ и кончая прованскимъ масломъ.

вы уже Серебрякова обнимаете, если не сегодня, то завтра. Дѣлайте съ нимъ, чтò хотите. Но мнѣ кажется, что уже ничего нельзя сдѣлать, при всемъ желаніи доставить еще одного художника Россіи, которыхъ (художниковъ) уже скоро нужно будетъ считать и беречь, — скоро всѣ изведутся: запаса совсѣмъ нѣтъ... Серебряковъ, по художническому знанію, можетъ произвести хорошую вещь. Но надобно безпремѣнно быть его сторожемъ, а это невозможно: пришли козы, ему захотѣлось молока; проходитъ мимо остеріи, ему нужно вино; пришли товарищи,—вмѣсто палитры и кистей, сейчасъ очутились въ рукахъ карты, и т. д. Я ему уже сказалъ, чтобы въ Римъ отнюдь не пріѣзжать, если не хочетъ заниматься, не смотря на то, что нигдѣ, какъ въ Римѣ, столько удобствъ не найдешь къ производству по нашей части.

Моллера вы увидите во Флоренціи. Не пишу вамъ ни слова о Шаповаловѣ потому, что тутъ нужно подумать, и много подумать,—спѣшу. Напишу къ вамъ во Флоренцію, а васъ прошу написать мнѣ, въ который день и даже часъ вы будете въ Римъ, чтобы ждать васъ на моей квартирѣ съ готовой постелью.

Купите мнѣ Rio [1]),—я васъ, кажется, объ этомъ уже просилъ. Потолкуйте обстоятельнѣе съ Серебряковымъ, какъ онъ поступитъ съ Сомовымъ, въ разсужденіи Библіи? Черезъ Зайцевскаго можно ли ее купить?

Купите облатокъ, но не для меня, а для васъ, потому что ваше письмо всегда приходится рвать и догадываться, какія слова вырваны.

CI.

КЪ МОЛЛЕРУ.

(Римъ. Октябрь 1844.)

Я бы вамъ совѣталъ сойтиться сколь можно больше, во Флоренціи, съ графомъ della Porta: онъ и добрый человѣкъ, и хорошій художникъ. Его братъ родной служитъ здѣсь у папы,

---

[1]) Сочиненіе *Rio:* De l'art chrétien.

а вамъ и намъ непремѣнно нужно имѣть (тамъ) какого-нибудь добраго знакомаго для разныхъ справокъ.

Студію для васъ очень трудно найти. Этажъ купить еще труднѣе, потому что по покупкѣ пречасто оказывается, что домъ въ такихъ залогахъ находится, что не скоро распутаешься. Лучше студіи Камуччини, что въ via dei Greci, нельзя желать.

Θеодора Васильевича со дня на день жду въ Римъ: отъ него узнаю что-нибудь объ васъ, что мнѣ давно хочется. Каково-то вы плаваете въ житейскомъ морѣ? Всегда ли оно тихо для васъ? Дай Богъ вамъ всего лучшаго.

CII.

КЪ ГОГОЛЮ.

(Римъ. Ноябрь 1844.)

Съ величайшею радостью получилъ я ваше письмо отъ 26 октября. Я изъ него узналъ вѣрный вашъ адресъ,—единственная причина препятствовала вамъ писать, ибо Θ. В. узналъ откуда-то, что вы въ Остенде, а тамъ васъ не нашли.

Я лѣчился до первыхъ чиселъ августа въ Неаполѣ, теперь глаза мои только боятся сильной солнечной рефлексіи. Благодаря Бога, я могу работать 8 часовъ въ день. Вы вѣрно этому столько же рады, какъ и я. Вотъ уже мѣсяцъ, какъ Моллеръ пріѣхалъ изъ Греціи во Флоренцію, откуда я ему все еще не совѣтую двигаться въ Римъ. Однакожъ, онъ непремѣнно хочетъ на зиму сюда пріѣхать. Спрашивалъ меня, не пріѣдете ли вы тоже въ Римъ? Я ему напишу вашъ адресъ. Со дня на день, я жду Чижова въ Римъ. Весной онъ пустится въ Петербургъ, тамъ будетъ во время трехлѣтней выставки академической. Наше существованіе въ чужихъ краяхъ, можетъ быть, онъ поддержитъ своею энергическою дѣятельностью, выдавъ намъ, на какихъ-бы то ни было условіяхъ, содержаніе. Если-же нѣтъ, то ни я, ни Шаповаленко, не въ состояніи будемъ болѣе бороться съ обстоя-

тельствами. Говорили, что у насъ будетъ, вмѣсто покойнаго Кривцова,—Киль, курляндецъ. Я его образъ мыслей знаю, и съ нимъ уже имѣлъ ссору. Патріотическая мысль Чижова— составить изъ нашихъ русскихъ художниковъ одно цѣлое, которое бы трудилось къ живымъ успѣхамъ отечества, не понята: она покуда вооружила еще болѣе нашихъ пришлецовъ, а русскіе по-старому остались и безпечны, и лѣнивы. Болѣе всего меня теперь утѣшаютъ письма Языкова, которыхъ уже три,—они раздуваютъ искру, которую Чижовъ заронилъ здѣсь въ мою студію.

CIII.

КЪ ГОГОЛЮ.

Римъ. Февраля 12, 1845.

Я нѣсколько опоздалъ отвѣчать вамъ на письмо отъ января первыхъ чиселъ, а на-дняхъ получилъ письмецо, самое утѣшительное, отъ А. О. Смирновой [1]). Не передаю вамъ его въ оригиналѣ, но посылаю ей подробный отвѣтъ, черезъ ваши руки. Прочитайте, оцензируйте и пошлите немедленно по слѣдующему адресу: въ Петербургъ, у Синяго моста, въ собственномъ домѣ.

На ваше письмо отвѣтить нужно, очень подумавши. Погодите, подождите, а покуда знайте, что у меня совершенно никого нѣтъ, кто бы ссудилъ деньгами, особливо такой значительной суммой, какъ мнѣ нужно. Чижовъ проѣдетъ черезъ славянскія земли въ Россію; онъ тронется черезъ три недѣли, сначала въ Венецію. Онъ не будетъ въ Петербургѣ къ выставкѣ академической, и обѣщался мнѣ, что, можетъ быть, найдетъ покупщика для моей картины малаго размѣра, за четыре тысячи ассигнаціями, съ тѣмъ, чтобы деньги мнѣ достались впередъ.

Это жалчайшее средство, можетъ быть, и приму. Чтобы кончить картину малаго размѣра, нужно ровно годъ, а въ это время я не могу прожить менѣе четырехъ тысячъ. Вѣдь

[1]) Алекс. Осип. Смирнова, урожд. Россетъ, жена церемоніймейстера.

тысячу рублей плачу я только за студію! Прикидываюсь Смирновой, что у меня денегъ совсѣмъ нѣтъ. Вѣдь къ тремъ тысячамъ нужно будетъ прикладывать четвертую, чтобъ продолжать трудъ. А просить четырехъ въ годъ—уже совершенно руки у всѣхъ отвалятся со страха.

Моллеру отдамъ письмо ваше. Онъ уже три недѣли какъ въ Римѣ. Все будетъ сдѣлано по вашему. Только одно я бы желалъ вамъ замѣтить, что верхъ картины «Преображеніе» гораздо меньше отдѣланъ, чѣмъ низъ, или, лучше сказать, отдѣланъ на то разстояніе, въ какомъ зритель по необходимости находится, чтобы видѣть снизу цѣлую картину. Но одна голова Спасителя, безъ всего прочаго, хотя бы вы вырѣзали ее изъ самаго оригинала, не произведетъ никогда того дѣйствія, какое она тамъ имѣетъ.

Моллеръ весьма доволенъ картинами Шаповалова на публичной выставкѣ.

Совершенно вамъ преданный

Александръ Ивановъ.

Мое почтеніе В. А. Жуковскому.

CIV.

КЪ А. О. СМИРНОВОЙ.

(Римъ. Февраля 12, 1845.)

Съ живѣйшею радостью получилъ я ваше письмо отъ 16 декабря, и, представляя отчетъ въ трудахъ моихъ по долгу соотечественника, я никогда не былъ еще такъ счастливъ, чтобы кто-нибудь изъ нихъ вспомнилъ обо мнѣ съ такимъ участіемъ, какъ вы теперь. Это тѣмъ болѣе для меня чувствительно, что ваше письмо застаетъ меня въ положеніи близкихъ бѣдъ. Глаза мои поправились не совершенно: здоровыми я ихъ не могу назвать. Я могу работать по 8-ми часовъ въ день, и, слѣдовательно, можно бы было надѣяться, что картина пойдетъ впередъ. Но я эту зиму захворалъ, и теперь только оправился. Забота о доставленіи себѣ спосо-

бовъ на окончаніе картины заставила меня отъ нея отвлечься и заняться сочиненіемъ запрестольнаго образа въ храмѣ Спасителя въ Москвѣ, — архитекторъ коего, Тонъ, весьма желаетъ мнѣ его поручить. Это, однакоже, тайна, которую прошу никому не говорить. Сочинить образъ «Воскресеніе Христово»—тысячи нужно свѣдѣній для меня: нужно знать, какъ онъ былъ понимаемъ нашей православной церковью, въ то время, когда религія не была трупомъ; нужны совѣты нашихъ образованныхъ богослововъ и отцовъ церкви. Католическіе сюда не годятся, а нашъ здѣшній священникъ слишкомъ малъ для меня. Вотъ такимъ-то образомъ я былъ озабоченъ, ожидая пріѣзда Тона въ Римъ; въ это-то время получаю ваше письмо, гдѣ вы столь благосклонно беретесь за меня ходатайствовать, чтобы доставить мнѣ содержаніе для окончанія картины. Этого достаточно бы было, чтобы оставить всѣ другіе пути, какіе моя забота избрала до полученія вашего письма. Но я уже увлекся сочиненіемъ «Воскресенія»— не для того, чтобы жадно пріобрѣсти значительный задатокъ, но потому, что двухмѣсячнымъ чтеніемъ и думами пріучилъ мысли мои стройно слѣдовать въ глубину новаго предмета. Чтобы отдалить отъ меня эти новыя мысли, нужно время; я постараюсь все это оставить, но не вдругъ. Тонъ долженъ на-дняхъ пріѣхать сюда. Его хвалятъ какъ человѣка. Я ему обязанъ: онъ замолвилъ обо мнѣ Государю Императору, и такимъ образомъ устроилось мое содержаніе, котораго еще на годъ у меня достанетъ. Да, моя дорога трудна. Принося въ жертву успѣхамъ отечества всѣ удобства и довольства жизни, и безпрестанно обрываясь въ способахъ на продолженіе труда, я еще предвижу самое грозное для меня— это Киль. Десять лѣтъ назадъ я съ нимъ имѣлъ небольшую непріятность, которую онъ мнѣ не забудетъ теперь выместить. Онъ скоро будетъ въ Римъ. Маракуя что-то такое акварелью, въ глазахъ свѣта это даетъ ему право быть судьей художниковъ. Благодарилъ бы я судьбу, еслибы задвижка моей студіи не отворялась бы ни для кого уже, не до окончанія моей картины, но хоть до окончанія малыхъ способовъ моего содержанія.

Шаповаловъ кончилъ свои картины, посылаетъ въ Пе-

тербургъ. Похлопочите за него, онъ совершенно никого тамъ не знаетъ. Н. В. Гоголь, кажется, не случится тамъ къ тому времени. Вся надежда на васъ.

Я еще не благодарилъ васъ за подарокъ Библіи—я ее читаю, вмѣстѣ съ переводомъ французскимъ съ еврейскаго. Это весьма для меня полезно. Пименовъ женился на римлянкѣ, вопреки всѣмъ моимъ возраженіямъ. Онъ надѣялся въ довольствѣ жить въ Римѣ и продолжать любить искусство въ своихъ произведеніяхъ; но не долго былъ въ восхищеніи. Женѣ его назначено отъ здѣшняго правительства: оставить навсегда Римъ, или быть заключенной навсегда въ тюрьму [1]). Онъ удалился съ нею во Флоренцію, а оттуда думаетъ пробраться въ отечество. Боюсь вамъ сказать, сколько нужно времени, чтобы кончить мою картину. Боюсь испугать васъ, отнять всякую ревность обо мнѣ хлопотать—мнѣ нужны три года. Но если васъ это останавливаетъ дочитать мое письмо, то и два, и одинъ годъ содержанія уже подвинутъ мою картину на бо́льшую степень окончанія, чѣмъ теперь она находится. Все-таки еще годъ прожить въ дивной сферѣ, въ убѣжденіи, что тружусь для успѣховъ отечества,—было бы весьма пріятно.

Я совсѣмъ не забылъ, что вамъ обѣщалъ сдѣлать копію съ моего «Іоанна», и это непремѣнно исполню.

Благодарю васъ также за свѣдѣнія о ходѣ нашихъ художниковъ въ Петербургѣ. Получилъ извѣстіе, что былъ одинъ изъ извѣстныхъ отцовъ нашей церкви; что, смотря на картоны Брюлло, отдавалъ всю справедливость его таланту, сознаваясь однако же, что они чужды всякаго религіознаго чувства. Важно это замѣчаніе, мы много объ этомъ здѣсь говорили.

Прошу поклониться отъ меня вашему брату.

---

[1]) Женой Никол. Степ. Пименова была дочь извѣстнаго археолога Ниббн—Корнелія. Она подверглась преслѣдованію римской куріи за то, что вышла за не-католика.

CV.

КЪ ГОГОЛЮ.

(Римъ. Февраль 1845.)

Вчерашній день получили мы, т.-е. я и Чижовъ, извѣстіе, что вы находитесь въ Парижѣ, и оттуда пріѣдете въ Италію. Я послалъ на-дняхъ къ вамъ во Франкфуртъ весьма важное письмо—отвѣтъ свой А. О. Смирновой. Зная изъ многихъ случаевъ, что вы не довольно аккуратно поступаете съ письмами во время отъѣздовъ, спѣшу васъ о семъ увѣдомить, прося покорнѣйше наказать кому-нибудь изъ вашихъ знакомыхъ во Франкфуртѣ—мое письмо къ вамъ переслать.

Сдѣлайте одолженіе, не замедлите также послать мое письмо Смирновой, особливо, если вы тамъ ничего не найдете, васъ останавливающаго. У меня надежда вся на нее. Мы ждемъ здѣсь Тона изъ Парижа, со дня на день. Князя еще нѣтъ. Какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы безъ его соприкосновенія къ моимъ дѣламъ могло бы устроиться мое положеніе! Право, силъ нѣтъ ласкаться у сатаны, чтобы онъ не мѣшалъ видѣть свѣтъ божій. Чижовъ уѣзжаетъ въ Венецію черезъ день непремѣнно.

CVI.

КЪ ГОГОЛЮ.

(Римъ. Февраль 1845.)

Ѳ. А. Моллеръ пишетъ къ вамъ. Пользуясь симъ случаемъ, я васъ извѣщаю, что послалъ къ вамъ два письма: одно въ Франкфуртъ, а другое, вчера, въ Парижъ. Здѣсь Тонъ и г-жа Жеребцова. Она сегодня была у меня въ студіи и осталась очень довольна моимъ трудомъ. Что дальше будетъ, обо всемъ васъ увѣдомлю. А теперь къ вамъ просьба. Сходите, пожалуйста, въ Парижѣ къ издателю Библіи, называется онъ

S. Cahen, а живетъ въ Rue Pavéz, № 1—это гдѣ-то далеко, говоритъ Чижовъ, а прежде справьтесь у книгопродавцевъ Treuttel et Würtz: вышелъ-ли послѣдній томъ этой Библіи, то-есть: Эсѳирь, Іовъ, Псалмы, Притчи, Экклезіастъ и Пѣснь Пѣсней? Прочіе пятнадцать томовъ всѣ уже имѣю и читаю. Чрезвычайно любопытное изданіе. Очень буду жалѣть, если не буду имѣть его полнаго. Если этотъ послѣдній томъ вышелъ, то пришлите его на имя Скарятина, перваго секретаря посольства въ Римѣ.

CVII.

КЪ ЯЗЫКОВУ.

(Римъ. Февраль 1845.)

Чувствительно васъ благодарю за ваше письмо. Ѳедоръ Васильевичъ къ вамъ пишетъ и торопитъ меня сказать вамъ два слова, и потому простите, что не имѣю времени подумать и отписать къ вамъ порядочно. Позовите, пожалуйста, брата моего къ вамъ, и укажите ему, гдѣ бы можно было въ Москвѣ найти иконные образа—изображенія «Воскресенія Христова», и съ этихъ композицій, въ какихъ бы онѣ уродливыхъ формахъ ни были, потрудился бы мнѣ начертить (онъ копіи) въ маленькомъ видѣ, дабы имѣть понятіе, ка̀къ намъ греки передали сей образъ, когда сочиненія церковныя выходили изъ самой церкви, безъ претензіи на академизмъ, который насъ теперь совсѣмъ запрудилъ. Мнѣ очень нужно. Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ я займусь сочиненіемъ эскиза для новой церкви Спасителя въ Москвѣ. Однакожъ, скажите брату, чтобы онъ это сдѣлалъ скоро, и никому больше не говорите, что я хочу этимъ заняться, и ему скажите, чтобы онъ не говорилъ никому. Попеняйте ему, что онъ не посылаетъ ко мнѣ оригинальныхъ писемъ батюшки. Отъ него изъ Петербурга я давно не получаю извѣстій.

CVIII.

КЪ БРАТУ.

(Римъ. Февраль 1845.)

Нашъ добрый Өеодоръ Васильевичъ написалъ тебѣ самое большое письмо. Не надѣясь тебя застать въ Москвѣ, мы его послали черезъ Языкова. Скажи, сдѣлай милость, имѣешь-ли ты письма и извѣстія отъ батюшки? Это меня очень безпокоитъ. Батюшка ко мнѣ слишкомъ давно не пишетъ. Что-то тамъ у насъ дѣлается? Я уже начинаю бояться. Когда-то ты поѣдешь въ Петербургъ? Пожалуйста, присылай ко мнѣ оригинальныя письма батюшки, когда останешься въ Москвѣ. И мои къ тебѣ—тоже въ оригиналѣ отсылай къ батюшкѣ. Не имѣешь-ли извѣстій отъ сестры Екатерины Андреевны? Константинъ Андреевичъ Тонъ все еще въ Римѣ. Нужно будетъ съ нимъ обо многомъ поговорить, а между тѣмъ я просилъ Языкова, чтобы указалъ тебѣ въ Москвѣ, гдѣ можно найти древній образъ «Воскресенія Христова»—иконный, то-есть нужно мнѣ знать, какъ его представляли греки. Пожалуйста, зачерти мнѣ эти композиціи въ письмѣ. Ты мнѣ сдѣлаешь существенную услугу, безъ которой я совсѣмъ не могу сочинить этого образа. Если изображенія иконныя разнятся между собой, то все мнѣ передай. Какъ скоро можетъ кончится твое лѣченіе? И слышишь ли ты совершенно? Извини, что не отвѣчалъ на твои письма подробно, потому что эти дни прихворнулъ, и теперь еще дней семь не выйду въ мастерскую, которая за версту отъ моего дома.

CIX.

КЪ ГОГОЛЮ.

Римъ. Марта 15, 1845.

Три мѣсяца сочиняя эскизъ «Воскресеніе Христово», я все поджидалъ Тона въ Римъ. Его встрѣтили всѣ торжественнымъ обѣдомъ, гдѣ онъ объявилъ мнѣ громогласно, что по-

ручаетъ мнѣ самую отличнѣйшую работу въ московскомъ храмѣ, т.-е. на парусахъ написать четырехъ евангелистовъ, прибавивъ, что его слово *вѣрно* и *неизмѣнно*. Всѣ съ шумомъ бросились меня поздравлять. А я, пораженный горько перемѣной сюжета, не зналъ, что дѣлать? Тонъ, какъ видно, удивлялся моему безвосхищенію, потому что всѣ были въ полномъ восторгѣ, которымъ онъ роздалъ другія порученія. Образъ «Воскресенія» остался за Карломъ Брюлло. Студіей моей онъ (Тонъ) былъ очень доволенъ. Но взглядъ его на искусство наше устарѣлъ, если еще былъ и прежде воспитанъ въ высокой тишинѣ Рима. Въ разговорахъ онъ съ нами казался какимъ-то хозяиномъ - повелителемъ: давая порученія, онъ привыкъ видѣть получающихъ уже весьма осчастливленными.

Самое утѣшительное то, что онъ обѣщался за меня поговорить Академіи, чтобы доставить мнѣ трехлѣтнее содержаніе на окончаніе моей настоящей картины. Если это въ самомъ дѣлѣ будетъ, то мнѣ больше ничего и желать нельзя. Что будетъ послѣ окончанія моей картины: изъ русской ли исторіи сюжетъ писать, или заборы и стѣны красить изъ-подъ палки,—объ этомъ у меня и заботы нѣтъ.

Жеребцова обѣщалась Моллеру уговорить Волконскаго, чтобы не останавливать обо мнѣ представленія академическаго. Хорошо, еслибъ Смирнова тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ поговорила съ Лейхтенбергскимъ, а то вѣдь эти господа все забываютъ. Я ходилъ, хлопоталъ, писалъ, сдѣлалъ все, что̀ постигаетъ умъ мой, къ доставленію себѣ способовъ къ окончанію картины. Все человѣческое сдѣлано, теперь отдамся въ волю Божію. Моллеръ часто мнѣ надоѣдаетъ своими мелкими порученіями и просьбами. Я думаю, я запрусь отъ него, хотя и очень его люблю. Киля еще нѣтъ. Я его рѣшился не пускать въ студію, и къ нему не представляться. Это, можетъ быть, поведетъ меня къ бѣдамъ. Но скажите, ка̀къ мнѣ быть?

Пожалуйста, отвѣтьте мнѣ скорѣе на это письмо, чтобы я зналъ, что вы его имѣли. Получили ли вы мое письмо къ Смирновой и два письма мои, посланныя къ вамъ въ Парижъ?

Съ недѣлю, какъ отсюда тронулся Чижовъ. Онъ будетъ

до 15 мая въ Венеціи. Третьяго дня уѣхалъ Тонъ. Онъ — прямо въ Петербургъ; почти нигдѣ не остановится.

Вамъ совершенно преданный
Александръ Ивановъ.

CX.

КЪ БРАТУ.

(Римъ. Мартъ 1845.)

Сочинялъ я три мѣсяца образъ «Воскр. Христ.», читая все около моего предмета, срисовалъ все относительно его въ Ватиканѣ, съ греческихъ и нашихъ образовъ старинныхъ, отнялъ вѣрно много времени (отъ своей работы), и наконецъ все кончилось тѣмъ, что Тонъ сказалъ мнѣ, что этотъ образъ отдалъ Брюлло, а мнѣ будетъ славная работа въ московскомъ храмѣ—паруса̀, четыре евангелиста. Не сердись, братъ, на Тона: онъ не виноватъ, онъ извѣстенъ давно, какъ невѣрный въ словѣ. Мы съ тобой виноваты, что, зная это, ему повѣрили; а въ особенности я, какъ старшій и болѣе опытный въ жизни. Пожалуйста, не сердись, и утѣшься тѣмъ, что Тонъ обѣщалъ за меня сказать Академіи, что я нуждаюсь въ трехъ-лѣтнемъ содержаніи, чтобы окончить мою настоящую картину. Это для меня всего дороже. Получить теперь 10 тысячъ—гораздо для меня лучше, чѣмъ 400 тысячъ послѣ. Послѣ картины пусть изъ меня дѣлаютъ, что̀ хотятъ: и заборы, и потолки готовъ я красить. Но главное, чтобы дали мнѣ кончить настоящій мой трудъ, какъ слѣдуетъ! Тонъ мнѣ говорилъ, поѣдешь ты нынѣшней весной въ чужіе краи. Если такъ, то попроси у него совѣта, что̀ тебѣ здѣсь дѣлать, чѣмъ заняться, и когда, и какъ,—обо всемъ подробно, и привези мнѣ славянскую Библію непремѣнно. Я склоню также Чижова, чтобы написалъ тебѣ программу, ка̀къ должно учиться архитектору въ чужихъ краяхъ. Обо всемъ этомъ ты самъ долженъ будешь глубоко подумать, и потомъ начать ученіе.

Рязановъ, Бенуа, Кракау и Росси черезъ четыре мѣсяца

ѣдутъ во Францію. Можетъ быть, не худо бы было тебѣ съ ними встрѣтиться, чтобы заняться въ Парижѣ математическимъ курсомъ. Впрочемъ, объ этомъ я тебѣ еще буду говорить, посовѣтовавшись съ Чижовымъ.

К. Тонъ былъ принятъ съ общимъ восторгомъ: кромѣ Монигетти, всѣ охотно его окружили. На другой день пріѣзда давали ему обѣдъ, гдѣ нашъ Іорданъ ораторствовалъ; подъ конецъ обѣда все превратилось въ неистовый шумъ. При отъѣздѣ тоже былъ данъ обѣдъ, а въ послѣдній день К. А. Тонъ намъ задалъ обѣдъ, гдѣ уже было раздолье. Но это все не важно и не замѣчательно, а вотъ что важно — что пріѣздъ Тона окончилъ совершенно свободное состояніе художника. Это правда, что все къ этому уже было готово. Молодое поколѣніе, видя въ наставникахъ своихъ безбожниковъ, пьяницъ, гулякъ, картежниковъ и эгоистовъ, приняло всѣ эти качества въ основаніе, и вотъ, свобода пенсіонерская, способная усовершенствовать, оперить и окончить прекрасно начатаго художника—теперь была обращена на усовершенствованіе необузданностей. Некогда думать, некогда углубляться въ самого себя и оттуда вызывать предметъ для исполненія. Сегодня у Рамазанова просиживаютъ ночь за картами и виномъ, завтра у Ставассера, послѣ завтра у Климченко. Разумѣется, что тутъ уже лучше заняться заказной работой—вотъ вамъ, господа, и цѣны; Тонъ привезъ работы—вотъ вамъ сюжеты, вотъ мѣры; вдали деньги и приставникъ, чтобы работали, а не кутили, а можетъ быть и вызовъ безвременный въ Россію. Прощай все прекрасное, все нѣжнообразованное, прощай соревнованіе русскихъ съ Европой на полѣ искусства! Мы—пошлые работники, мы пропили и промотали всю свободу.

Самое интересное вотъ что: Тонъ ругаетъ иностранцевъ-художниковъ, и это все, натурально, передаетъ и ученикамъ своимъ. Хорошо, еслибы ты на это обратилъ вниманіе, и, когда выѣдешь въ путешествіе за-границу, оставилъ бы всѣ предубѣжденія, и смотрѣлъ бы на Шинкеля и другихъ собственными глазами. Что касается до меня, я глубоко уважаю иностранные таланты, и охотно ставлю выше своихъ по убѣжденію. Ненавижу я иностранцевъ посредственныхъ и плохихъ,

пріѣзжающихъ къ намъ подавлять все наше и оставлять своихъ сыновъ на погибель своей народности.

CXI.

КЪ ЯЗЫКОВУ.

(Римъ. Лѣто 1845.)

Желая быть сколь можно болѣе полезнымъ отечеству въ моемъ кругу искусства, я придумалъ принести въ даръ Московскому рисовальному классу мои картоны, рисованные мною передъ самымъ отъѣздомъ въ Италію. Обдѣлать это дѣло поручаю вамъ, ибо совсѣмъ болѣе никого не имѣю въ Москвѣ. Все затрудненіе въ томъ, чтобы ихъ перевезти изъ Петербурга. Нужно подумать, въ какое время года удобнѣе. Хорошо бы склонить кого-нибудь изъ частныхъ любителей въ Москвѣ—заплатить за провозъ и укладку. Картоны находятся на квартирѣ моего батюшки въ Петербургѣ; чѣмъ скорѣе ихъ оттуда вынесутъ, тѣмъ лучше. Извините, что такъ долго не писалъ вамъ. Я былъ все свободное время занятъ Солнцевымъ [1]), котораго теперь очень заучилъ. Это руда золотая, русское золото; нужно, чтобы его обработать. Надежда вся на его 26 лѣтъ. Ѣздилъ съ нимъ отыскивать прекрасныя мѣста; сильно пораженъ былъ видомъ Рима на девятой верстѣ—въ Альбано, и занялся самъ этимъ видомъ, вмѣстѣ съ нимъ. Я думалъ, что онъ для васъ его дѣлаетъ. Вотъ его описаніе: древняя дорога Аппія, имѣющая по обѣимъ сторонамъ развалины гробовъ римскихъ вельможъ; на второмъ планѣ—акведукъ, половина дороги отъ Альбано—Torre di mezza via, за нимъ—древній Римъ въ развалинахъ, потомъ самый Римъ, и въ срединѣ—куполъ Петра, царствующій надъ всѣми развалинами, потомъ — витербскія горы за 60 миль, и все это при закатѣ солнца! Пожалуй, могутъ толковать, что торжествующій Петръ, или католицизмъ, надъ древнимъ міромъ находится при своемъ закатѣ. Еслибъ вы видѣли мѣсто въ

[1]) Егоръ Григ. Солнцевъ, пейзажистъ, пріѣхавшій въ Римъ въ январѣ 1845.

хорошую погоду и при полномъ освѣщеніи, то не знаю, чтὸ другое понравилось бы вамъ послѣ этого.

Послѣднее путешествіе Өеод. Васил. по Сербіи — истинный кладъ; это покуда тайна—не должна выходить наружу. Все сообщу моему брату, который будетъ черезъ мѣсяцъ. Мы разроемъ эту руду, и постараемся отечеству доставить чистое золото. Куда бы хорошо было, еслибы Ө. В. помогъ мнѣ и брату моему, какъ русскій литераторъ, отыскалъ бы намъ всю исторію этихъ монументовъ. Я думаю, что путешествіе по Россіи для художника творящаго—лучше и вѣрнѣе сдѣлать по окончаніи ученія своего въ чужихъ краяхъ.

CXII.

КЪ ОТЦУ.

(Окрестности Рима. Іюль 1845.)

Получилъ я два письма, отъ 5 и 18 іюня. Отвѣчаю по порядку. Моллеръ, слава Богу, здоровъ; третьяго дня поѣхалъ въ Неаполь для морскихъ бань. Пожалуйста, не вѣрьте никогда пустымъ слухамъ, и не тревожьте этимъ престарѣлыхъ его родителей. Обо мнѣ тоже разнесся слухъ, что я ослѣпъ, между тѣмъ какъ глаза мои совсѣмъ теперь поправились. Люди злы, но мы не должны сгибаться подъ ихъ пакости и безпокоить себя и другихъ ими. Вотъ отсюда-то и нужна переписка, постоянная и правильная.

Письма ваши всегда доходили исправно: въ продолженіи 15 лѣтъ ни одного нѣтъ потеряннаго. Правда, я не такъ подробенъ, какъ вы въ вашихъ письмахъ, но вы представьте себѣ брата передъ отъѣздомъ, и вообразите, что у меня вчетверо болѣе хлопотъ и заботъ, и тогда вѣрно простите мнѣ, что пишу вамъ только о самомъ необходимомъ. Очень я встревоженъ вашимъ одиночествомъ. Братъ васъ оставилъ однихъ— все не такъ, какъ я полагалъ. Но видно, что нельзя было иначе. У меня все носится мысль въ головѣ, не повезетъ ли васъ въ Крымъ кто-нибудь изъ моихъ близкихъ пріятелей?

Меня совсѣмъ не огорчаетъ одинъ годъ содержанія; напротивъ, я говорю, что слава Богу, что и это дали. Богъ милостивъ, поможетъ изобрѣсти мнѣ что-нибудь на высшее мнѣ пособіе. Пожалуйста, вы-то только не тревожьтесь. Представьте себѣ, что я имѣю огромный капиталъ, и какіе бы слухи до васъ ни доходили о моей бѣдности, не вѣрьте. Капиталъ въ самомъ дѣлѣ есть у меня—это четыре, пять образованныхъ друзей, настоящихъ русскихъ, которые видѣли въ моей картинѣ представителя успѣховъ отечества и, въ послѣднемъ случаѣ, готовы будутъ подѣлиться, или заимообразно дать собственныя деньги. Но вы не говорите никому объ этомъ, это не должно останавливать мои поиски на содержаніе—я въ послѣднемъ случаѣ соглашусь работать на счетъ друзей. Изъ письма вашего видно, что братъ взялъ мало денегъ съ собой,—это большая ошибка. Сердце мое забилось, когда узналъ, что братъ уже тронулся за границу. Главное, однакожъ, я представлялъ себѣ васъ—отпустить втораго сына и остаться одному на старости! Какъ ни подумаю я объ этомъ, всегда грустно, все хочется поправить ваше положеніе. Очень благодаренъ брату, что везѣтъ для меня вашъ портретъ, но зачѣмъ не два? А я свой ему не отдамъ! Братъ меня много утѣшилъ, сказавъ доброе слово о племянницѣ Екат. Андр. [1]), которая теперь составляетъ ваше утѣшеніе: онъ объ ней отозвался прекрасно, я ему совершенно повѣрилъ и доволенъ. Дай Богъ, чтобы она всегда была такова, какъ онъ мнѣ ее обрисовалъ. Нѣкоторые изъ молодыхъ новопріѣзжихъ нашихъ художниковъ говорятъ мнѣ, что она еще и красавица, но у меня въ памяти все еще трехлѣтній ребенокъ, да и брата все еще не могу представить себѣ иначе, какъ 6-ти-лѣтнимъ мальчикомъ. Все хочется схватить его на руки, да няньчить и шутить, начинать разговоръ: ну, душа моя, Сережа, и проч.—Николая Ивановича Уткина мы готовимся принять, онъ стбитъ признательности. Іорданъ возьметъ на себя весь трудъ водить его вездѣ и все показать. Загадочный графъ Толстой! Никогда я не могъ себѣ его хорошо обрисовать. Посмотрю, что это за изящество? Онъ, однакожъ, хорошій нашъ художникъ. А чья участь лучше: М. Н. Во-

[1]) Дочь академика Сумахъ и сестры Иванова—Екатерины Андреевны.

робьева, или ваша? Какъ вы думаете: промѣняетъ ли умный старикъ Воробьевъ свое положеніе на ваше? Боюсь вести далѣе этотъ разговоръ: вы назовете меня хвастуномъ.

Все, что̀ черными чернилами будетъ писано, то пусть читаетъ племянница, а что красными, то уже прошу самихъ васъ прочитать, и никому не сообщать. А почеркъ перемѣнить не могу, потому-что истинно нѣтъ времени, всегда спѣшу. Рисунки мои отъ васъ возьмутъ безъ малѣйшихъ хлопотъ. Если нельзя свернуть, то пусть закажутъ ящикъ въ мѣру «Бойца», а въ него поставятъ «Венеру» и «Лаокоона». За пересылку заплатитъ Москва—я на этихъ условіяхъ ихъ подношу.

CXIII.

КЪ БРАТУ.

(Окрестности Рима. Августъ 1845.)

У меня сердце забилось, когда увидѣлъ изъ письма батюшки, что ты уже за границей. Благослови Господи твое путешествіе. Я къ тебѣ послалъ письмо Чижова черезъ батюшку. Оно очень для тебя будетъ полезно. Взялъ ли ты съ собой достаточно денегъ, (чтобы путешествовать) не въ попыхахъ и не какъ попало, а зачерчивая всѣ замѣчательности по твоей части, закупая гравюры, прямо архитектурныя? Ты очень мало былъ въ Берлинѣ и Дрезденѣ, видѣлъ ихъ мелькомъ. Это весьма не хорошо. Купи себѣ хорошій гидъ и по Германіи, и по Италіи: лучшій, кажется, — Ортари, на французскомъ языкѣ. Если деньги позволяютъ, то приближайся къ свиданію со мной какъ можно медленнѣе: меня не застанешь въ Римѣ—до самаго перваго октября я за-городомъ работаю; тебѣ загородная римская жизнь совсѣмъ не нужна.

Изъ гида Ортари ты увидишь, гдѣ что̀ любопытно въ Италіи, и чѣмъ болѣе городовъ увидишь, тѣмъ лучше; чѣмъ спокойнѣе и медленнѣе будешь смотрѣть на памятники, тѣмъ болѣе красотъ въ нихъ сыщешь, и болѣе они останутся въ памяти. Смотри и зачерчивай. Если же тебѣ не-

премѣнно хочется въ Римъ поскорѣе, если денегъ на проѣздъ нѣтъ, или обмануть за незнаніемъ языка, то поѣзжай въ Геную, а оттуда пароходомъ въ Чивитта-Веккію, и будешь въ Римѣ въ двое сутокъ.

Рѣшеніе Академіи на счетъ меня совсѣмъ для меня не безпокойно. Я ищу безпрестанно способовъ себѣ, и никогда ни на который навѣрно не надѣюсь,—у меня и теперь три, четыре пути въ головѣ образовываются, которые въ исполненіе буду приводить по-маленьку, а ты, пожалуйста, объ этомъ совсѣмъ не думай, а позаботься объ исполненіи твоего путешествія, сколь можно лучше, т.-е. вездѣ, гдѣ будешь, все основательно замѣть, зачерти, прочитай объ этомъ. А тамъ, когда будешь въ Римѣ, то тогда и поговоримъ о моихъ дѣлахъ основательно и пространно. Теперь болѣе всего безпокоитъ меня сиротство нашего батюшки: я непремѣнно полагалъ, ты его свезешь къ сестрѣ, а теперь надо пріискать другаго,—я надѣюсь на Чижова. Онъ будущей зимой будетъ въ Петербургѣ, то-есть въ январѣ 1846 года.

Пошли это мое письмо къ батюшкѣ, скажи, чтобы извинилъ меня за почеркъ: онъ можетъ давать внучкѣ читать все то, что̀ будетъ писано черными чернилами, а что̀ красными — пусть самъ читаетъ, и совершенно чтобы никому не говорилъ.

~~~~~~

CXIV.

КЪ БРАТУ.

Римъ, 10/22 сентября 1845.

Любезный братъ Сергѣй. Получилъ я письмо твое только сегодня, т.-е. въ понедѣльникъ, 22 сентября н. с. Вчера поздно пріѣхалъ я со всѣмъ приборомъ, изъ горъ, въ Римъ, гдѣ уже остаюсь до послѣднихъ чиселъ іюля будущаго 1846 г. Ты мнѣ ничего не пишешь, когда будешь въ Римъ, а это важно мнѣ для нанятія квартиры. Я думалъ эту зиму жить съ тобой вмѣстѣ: это бы было и выгоднѣе для денегъ, и лучше, и веселѣе, и вѣрнѣе на случай прихварыванія,
~~~~~~

безъ котораго трудно обойтись. Квартиры обыкновенно нанимаются теперь, т.-е. въ 1-хъ числахъ октября, иначе онѣ бываютъ разобраны, а остальныя дорожаютъ. Я рѣшаюсь, однакоже, завтра же искать, и нанимаю только для себя: мнѣ ждать нельзя, а ты не пишешь, сколько останешься въ путешествіи. Ты не поискалъ, какъ слѣдуетъ, въ старыхъ письмахъ, моего письма къ тебѣ въ Кёльнъ, гдѣ я тебя отговариваю ѣхать въ Парижъ, боясь, чтобы ты не истратилъ много денегъ, видя все какъ-нибудь бѣгло, мелькомъ, не зарисовывая, опираясь только на свѣдѣнія однихъ вожатыхъ, часто безсмысленныхъ и движимыхъ одной корыстью. Ты, кажется, даже не имѣешь хорошей книги «guide des voyageurs» извѣстныхъ городовъ, гдѣ всегда бываетъ разсказано подробно, исторически о монументахъ. Если бы ты, напр., прежде ,(чѣмъ) прибылъ бы въ Римъ, прочиталъ бы обо всемъ, предварительно увидѣлъ бы все въ гравюрахъ, то тогда бы путешествіе твое на сѣверъ было бы прочнѣе и экономнѣе. Встрѣтилъ ли ты, по крайней мѣрѣ, ту особу, о которой тебѣ говорилъ Чижовъ, чтобы посовѣтоваться, какихъ книгъ тебѣ нужно пріобрѣсти въ Парижѣ? Вѣдь тутъ тоже немудрено промахнуться, накупивъ дряни. Если бы ты могъ купить для меня въ Парижѣ шестнадцатый и послѣдній томъ Библіи Каена, который, вѣроятно, уже вышелъ, то сдѣлалъ бы большое одолженіе; всѣ пятнадцать я имѣю, благодаря Чижову:

«La Bible. Traduction nouvelle, avec l'Hébreu en regard, par S. Cahen. A Paris, chez l'auteur, rue des Singes, № 5.—Théophile Barrois, libraire, rue Richelieu, № 14.—Treuttel et Würtz, libraires, rue de Lille, № 17». Книги, кажется, стоютъ 6 франковъ. Холстинный зонтикъ для писанія этюдовъ съ натуры, который бы былъ въ діаметрѣ 2 арш. 10 верш. не меньше: онъ здѣсь стóитъ около 25 рубл., а главное—такого большаго нѣтъ. Работа и матеріалъ должны быть крѣпкіе и легкіе; копье или палка, на которую навинчивается зонтикъ, должна быть тяжелая и крѣпкая. Да еще двѣ пары остововъ очковъ безъ стеколъ—одни остовы нужны, я нашью кисею вмѣсто стеколъ,—такъ сказалъ Циммерманъ. Здѣсь тоже они есть, но очень плохой работы и тяжелы; нужно, чтобы они были для четырехъ стеколъ, какъ у батюшки зеленые. Ихъ я долженъ

надѣвать во время жаровъ, ходя по улицамъ бѣлыхъ домовъ, ярко освѣщенныхъ солнцемъ.

Вообще всѣ матеріалы здѣсь выписываются изъ Парижа и Лондона, всегда оборышъ и дорого. Ты сюда вези для себя все, чтó тебѣ нужно, и совсѣмъ не надѣйся на Римъ.

Жаль, что ты не прислалъ ко мнѣ письмо твое отъ батюшки,— впрочемъ, я и извѣстіемъ доволенъ. Когда задумаешь винить насъ за непересылку къ тебѣ писемъ, то вспомни, сколько ты самъ былъ виноватъ предъ отъѣздомъ твоимъ за границу. Вѣдь я тогда истинно страдалъ, а между тѣмъ я занятъ еще болѣе тебя. У меня, кромѣ моей особы, трое-четверо на рукахъ, о счастіи которыхъ нужно думать, да еще и переписку вести съ людьми дѣльными: Гоголемъ, Языковымъ и Чижовымъ. Для Императрицы изъ Рима высылаются въ Палермо два художника: пейзажистъ и жанристъ, но неизвѣстно кто. Четыре въ виду: Воробьевъ, Штернбергъ, Серебряковъ и Раевъ. У меня съ тобой долженъ быть разговоръ объ устройствѣ положенія батюшки,—непремѣнно нужно, чтобы онъ поѣхалъ къ сестрѣ Екат. Андр. Чтобы это устроить, нужно знать отъ тебя всѣ подробности настоящаго быта нашего дома, для чего жду тебя съ нетерпѣніемъ.

Братъ Александръ.

У меня мысль была спровадить нынѣшней зимой тебя въ Бари, чтобы сдѣлать перспективный рисунокъ церкви соборной, гдѣ покоятся мощи Николая Чудотворца, столь важнаго святаго для Россіи. Но эта же мысль пришла теперь Раеву. Онъ туда сбирается, а я объ этомъ пятый годъ уже какъ думалъ. Это въ Калабріи. Здѣсь былъ Уткинъ; теперь—Воробьевъ: онъ пробудетъ до весны. Графа Толстаго ждутъ. Волконскій и Киль съѣхались въ Геную, чтобы встрѣтить Императрицу, и ѣхать съ ней на приготовленномъ пароходѣ въ Палермо. Сказываютъ, что Государь пріѣдетъ посѣтить супругу свою въ Палермо.

У меня еще секретецъ, который должны знать только трое, т.-е. я, ты и Чижовъ, виновникъ его. Мы должны переговорить втроемъ о путешествіи въ отечество Кирилла и Меѳодія—этихъ двухъ славянъ, важныхъ служителей всей

Россіи. Они намъ принесли религію, и съ нею поставили первый камень своего образованія. Чижовъ, путешествуя въ сихъ краяхъ, нашелъ много сокровищъ для себя, для тебя, какъ для архитектора, и для меня, какъ для живописца, старающагося узнать корень иконной живописи русской. Это тайна, которую ты не долженъ говорить даже батюшкѣ. Онъ можетъ проговориться, и нашъ замыселъ потеряетъ дѣвственность. Купи мнѣ еще Евангеліе на французскомъ языкѣ, эта книжечка стоитъ бездѣлицу—франкъ. Когда пріѣдешь въ Римъ, остановись у Франца—это подлѣ кафе Greco, гдѣ найдешь мое письмо къ тебѣ, но лучше всего, если ты извѣстишь меня, когда будешь уже близко Рима.

CXV.

КЪ БРАТУ.

Римъ, 18 октября 1845.

Любезный братъ!

Не сердись на меня и не тревожься послѣднимъ письмомъ: ты частію тутъ виноватъ, потому что написалъ мнѣ очень невыгодно о твоихъ видахъ, а я, привыкнувъ видѣть въ молодыхъ пенсіонерахъ гулякъ и пьяницъ, принялъ на тотъ разъ и тебя въ ту же область. Но теперь я вижу, что ты совершенно похожъ на прошедшаго меня, и потому до тѣхъ поръ, пока у тебя есть деньги, совѣтую все ѣздить и медленно придвигаться къ Риму. Одно только все-таки заповѣдую тебѣ: *береги свое здоровье отъ всѣхъ соблазновъ и утонченностей разврата*. Это главный фундаментъ.

Не бойся безъязычія въ Италіи. Если ты будешь столько же строгъ къ самому себѣ, какъ былъ до сего времени, то очень можешь и съ французскимъ языкомъ пробираться изъ Генуи. Если сухимъ путемъ ѣхать въ Ливорно, то будешь видѣть прекрасныя мѣстоположенія, но это дороже, и для архитектора мало. Но изъ Ливорно я непремѣнно совѣтую тебѣ оставить море, ѣхать по желѣзной дорогѣ въ Пизу,

оттуда въ Лукку, хоть на день, потомъ опять въ Пизу и сейчасъ во Флоренцію. Въ дилижансѣ платится два піастра, т.-е. 10 руб.; на извозчикѣ, или веттурино, можно дешевле. Во Флоренціи остановись Alle chiave d'oro. Потомъ, по набережной Lung'Arno, ищи магазинъ модъ и русскихъ товаровъ Великанова, скажи ему, что ты мой братъ; сыщи съ нимъ Пименова, Кракау и Эльсона (Григорія), моего друга. Здѣсь, если у тебя денегъ не будетъ, то можешь занять, у кого хочешь изъ этихъ господъ, безъ дальнихъ церемоній: съ Великановымъ, напр., у меня безпрестанные счеты и дѣла. Можетъ быть, Эльсонъ самъ будетъ выѣзжать въ Римъ, вмѣстѣ съ тобой. Но только я совѣтую тебѣ, съ помощію кого-нибудь изъ нихъ, нанять веттурино, чтобы взялъ тебя изъ Сіены и доставилъ въ Орвіето. Въ Сіену ты пустишься за два дня до выѣзда этого веттурина изъ Флоренціи, и будешь его дожидаться въ извѣстномъ трактирѣ, или locand'ѣ, и въ извѣстный часъ. Въ Орвіето ты увидишь нащихъ: Рязанова, Бенуа, Эппингера, Росси. Увидишь, чѣмъ они занялись — это для тебя будетъ наставительно, разберешь ихъ трудъ для себя, но, пожалуйста, не оставайся у нихъ работать, какъ бы они тамъ тебя ни ласкали, и попроси Рязанова отъ меня пріискать случай ѣхать въ Римъ. Изъ Орвіето, если-бы ты могъ извѣстить меня, въ какой день и около котораго времени пріѣдешь въ Римъ, хорошо бы было.

Жительство мое въ Римѣ: Via Capo le case, № 56. Если пріѣдешь съ Эльсономъ, то изъ таможни прямо отправляйтесь ко мнѣ на квартиру, и скажи ему, что квартира и студія Серебрякова стоятъ пустыя, по причинѣ отъѣзда его въ Палермо, и что онъ можетъ ее занять. Если хочешь, то (и) ты можешь въ ней жить.

Если бы ты могъ купить колоссальный зонтикъ для меня въ Парижѣ, или выслать его сюда съ коммиссіонеромъ, уговорившись напередъ о цѣнѣ, очень бы одолжилъ.

Замѣть, пожалуйста, что въ Римѣ, и вообще въ Италіи, все оканчивается XVI-мъ столѣтіемъ; что все, что послѣ сей эпохи дѣлалось въ свѣтѣ, едва знаютъ по слуху, и, слѣдовательно, ни эстамповъ для архитектора, ни книгъ, ничего нѣтъ,—все вези изъ Парижа, ни матеріаловъ,—все дрянь.

Какъ-то ты провезешь эстампы по римской границѣ? Если тебѣ нужно будетъ lascia passare [1]), то напиши мнѣ изъ Флоренціи, поговори объ этомъ съ Великановымъ. Братъ твой

Александръ.

CXVI.

КЪ ЧИЖОВУ.

(Римъ. Октябрь 1845.)

Шаповаловъ теперь хоть въ петлю полѣзай, а вы ему говорите, чтобы онъ при этомъ постоянно работалъ бы для своего отечества, что вы сбудете (его вещи). Да гдѣ же холстъ, гдѣ модель, краски, кто заплатитъ за квартиру? «Madonna del Sacco» ему не по силамъ: тутъ нужно искуснаго рисовальщика, а иначе выйдетъ вздоръ. Ему лучше ѣхать въ Венецію, да тамъ что-нибудь сдѣлать: тамъ рисунокъ—второе дѣло. Впрочемъ, я бы его пригвоздилъ теперь за рисовку со статуй, по крайней мѣрѣ, на полгода. Нужны тутъ деньги, и придумать острастку. Если сіе послѣднее не поможетъ, то немедленно послать его въ Россію. Объ Галагана деньгахъ я все еще не говорилъ ему. Я съ него потребую росписку на гербовой бумагѣ; скажу ему, что, при первомъ нарушеніи моего художническаго наставленія, я сажаю его въ тюрьму, до перваго удобнаго случая отправить его въ Россію. Но къ этому моему плану я приступлю тогда, когда буду имѣть возможность уплатить его долгъ и дать ему хоть маленькое содержаніе, т.-е. по 10 скудъ въ мѣсяцъ. Кто изъ насъ не правъ въ прерваніи переписки? Вы мнѣ не дали дальнѣйшихъ вашихъ адресовъ, а въ Вѣну я опоздалъ. Объ Галаганѣ совсѣмъ не зналъ, гдѣ онъ: у себя, или гдѣ на службѣ. Языковъ, я думаю, потерялъ мои письма,—послалъ ихъ къ вамъ тоже не въ попадъ.

Никакъ не могъ я такъ скоро справиться объ изданіи съ фресокъ Беато Анджелико. Вѣдь это нужно справиться во Флоренціи.

---

[1]) Т.-е. пропускъ.

Если хотите шесть-семь рисунковъ Брюлло, которые я охотно сбуду, даже за чтò хотите — они мнѣ достались за долги отъ Засена, безъ вѣсти пропавшаго въ чужихъ краяхъ.

Хуже нѣтъ, какъ полумѣры, а еще хуже четвертныя. Давая Шаповалову, положимъ, хоть 5 скудъ въ мѣсяцъ, радъ онъ будетъ получить ихъ, а все-таки долженъ запираться отъ стука заимодавцевъ и дрожать ихъ встрѣтить. Въ этомъ положеніи совсѣмъ нельзя работать.

Что мнѣ писать о себѣ? Думалъ, пытался написать отвѣтъ Михайлову, но выходитъ горячо и грубо, и вообще очень не ловко мнѣ говорить самому о себѣ. Если бы вы были при мнѣ, я бы, можетъ быть, сочинилъ, а теперь мнѣ не съ кѣмъ посовѣтоваться.

Я Шаповалова такъ и прошу, чтобы былъ порядочный рисовальщикъ; чтобы могъ, кромѣ головы, пририсовать къ ней и шею, и руки; чтобы зналъ перспективу, безъ которой совсѣмъ нельзя ничего чувствовать. При первомъ устройствѣ и возможности, для него я опять найму учителя. Но на этого необразованнаго и довольно тупаго малороссіянина нужно дѣйствовать иначе, чѣмъ (мы) съ вами думали. Острастка необходима, и чѣмъ она сильнѣе, тѣмъ лучше.

Солнцевъ напишетъ видъ купола Петра въ кустахъ, съ дороги Aqua Acetosa.—зимой будетъ готовъ. Но Солнцевъ лѣнивъ и хвастунъ, все хвалитъ себя и свою работу — плохой знакъ для высоты художнической. Онъ мнѣ сказывалъ, что братъ его назначенъ по именному повелѣнію ѣхать въ славянскія земли и въ Италію, для срисовки всего, соприкосновеннаго русскимъ школамъ и древностямъ. Вотъ наше проектированное путешествіе въ Альбанію!—хорошо, что еще русскому оно досталось. Вы говорите: «пусть всѣ русскіе пишутъ, да пишутъ, все сбудете» и проч. Я это давно самъ зналъ, да кáкъ насъ заставить работать? Все какъ-то намъ скучно или грустно въ розницу, такъ и хочется сойтиться; а сойдешься, такъ вотъ и пошли пировать, да пировать, а послѣ и давай извиняться то лѣтами, то незнаніемъ новыхъ мѣстъ.

Съ перваго взгляда (особенно, когда и самъ ѣдешь въ той же каретѣ) нельзя назвать насъ мерзавцами, но, строго раз-

бирая, это то же—совершенный обманъ. Эльсонъ поправился, начинаетъ работать, и даже приволакиваться за дѣвочками, Онъ до ноября проживетъ во Флоренціи.

Думаютъ, что Киль ищетъ устроить академію: на его квартирѣ уже отведенъ залъ, для ежегодной выставки (работъ) русскихъ художниковъ. Къ стыду нашему, онъ очень удачно сказалъ Ставассеру, что деньги онъ будетъ давать только на его произведенія, и что долги его, вслѣдствіе кутежей, знать онъ не хочетъ, и что какъ бы Ставассеръ ни нуждался, хоть бы съ голоду умиралъ, онъ ему навѣрное ничего не дастъ. Эти слова показались обидными и для Климченко; однакожъ, они всѣ, и Рамазановъ, серьёзно начали работать. Кто самъ собой править не умѣетъ, тому нуженъ правитель. Моллеръ здѣсь уже двѣ недѣли, съ двумя братьями и невѣсткою—люди любезные и добрые, но зачѣмъ они изъ всѣхъ силъ стараются быть русскими? Брюлло, слышно, говоритъ, чтобы Моллеръ не начиналъ большой картины этого сюжета. Моллеръ начнетъ картонъ, и скоро, а потомъ посмотритъ.

Видѣлъ я Моллера писанный эскизъ—слабо, видѣнъ ученикъ Брюлло. Брюлло не доволенъ его сочиненіемъ; говоритъ, что мало случайностей. Моллеръ же оставляетъ точно такъ, но все-таки я очень боюсь.

Смотря въ мою даль, я замѣчаю странную силу невѣждъ, готовыхъ попустить меня въ жертву крайней нищеты и уничиженія.

Удивляюсь я, что вы до сихъ поръ не получали моихъ писемъ: два черезъ Языкова, одно чрезъ Судіенку, а послѣднее черезъ Галагана, къ которому писалъ я еще и особенно. Это меня начинаетъ безпокоить. Гоголь здѣсь со мной въ Римѣ, здоровъ и бодръ, съ нѣкоторыми нравственными перемѣнами. Больше терпѣливъ, и въ мирѣ съ гадостями свѣтскими. Самое замѣчательное то, что онъ меня проситъ извѣстить васъ, чтобы отнюдь не оставались вы больше году въ Россіи этотъ разъ, и даже, если можно, чтобы пріѣхали этимъ лѣтомъ на *Гельголандъ*—островъ, принадлежащій Англіи, гдѣ, говорятъ, самое лучшее мѣсто для купанья: онъ будетъ тамъ цѣлое лѣто, и имѣетъ съ вами говорить обо многомъ. Гоголь увѣряетъ, что очень, очень хорошо будетъ вамъ

съ нимъ свидѣться, послѣ вашего путешествія по Россіи. Замѣтьте и подумайте объ этомъ, онъ говоритъ серьёзно. Предъ Языковымъ я что-то себя подозрѣваю виноватымъ — онъ ко мнѣ не пишетъ. Я ему поручилъ хлопоты о своихъ картинахъ и, вѣроятно, это для больнаго тягостно. Сознаюсь, что поскользнулся. Пожалуйста, возьмите мѣры, чтобы это все поправить, и поставьте для меня Языкова на старый ладъ. Моя переписка съ вами прервалась изъ-за Солнцева: я погорячился, т.-е. поступилъ такъ, какъ бы поступили и вы. Самоотверженіе—во спасеніе его отъ пропасти, въ которую при мнѣ упали Серебряковъ и Шаповаловъ. Солнцевъ на первыхъ дняхъ думалъ, что я хочу быть его дядькой и что одѣваюсь въ неутомимое прилежаніе для его наставленій. Но послѣ онъ повѣрилъ, что дѣятельность моя не принужденная, и теперь онъ истинно меня любитъ. Вчера я завернулъ, послѣ четырехъ дневной разлуки, къ Сусаннѣ; приходитъ Солнцевъ, упрекаетъ меня, что давно не видно, цѣлуетъ, обнимаетъ. Бѣда съ русскими! Гоголь говоритъ, что русскіе лишены отъ природы *база*, на которомъ можно бы было все безопасно ставить и строить. Это меня теперь очень занимаетъ. Чтò вы тутъ скажете, когда это оправдывается безпрестанно? Я грустенъ,—это потому, что, при всей моей ежедневной дѣятельности, люди приближаются ко мнѣ, видятъ во мнѣ бездѣйствіе, даже покушаются придумывать способы, чтобы возбудить меня къ дѣятельности—это обиднѣе насильства невѣжественнаго властелина. Вытаскивать глубокія тайны изъ моей души въ оправданіе — значило бы истощать силы, и только на короткое время заставлять ихъ убѣдиться, а между тѣмъ, истощая свои силы на это, болѣе ослабѣваешь, чѣмъ на самой работѣ.

Благодарю васъ усердно за предложеніе мнѣ суммъ на окончаніе картины. Пока я еще не имѣю надобности, и желалъ бы очень не доживать до той степени, чтобы существовать вашими трудами, даже и матеріально. Ахъ, какъ вы меня растрогали, представя мнѣ моего батюшку! Если можно, то объ этомъ безъ крайней нужды не упоминайте. Брата я жду въ половинѣ будущаго мѣсяца въ Римъ.

CXVII.

КЪ ЧИЖОВУ.

(Римъ. Ноябрь 1845.)

Моллеру я совѣтовалъ послать эскизъ свой къ Брюлло, какъ къ отцу своему по искусству. Онъ пошлетъ. Брюлло настойчиво ему говорилъ, чтобы начинать въ естественную величину фигуры. Третьяго дня носилъ Моллеръ къ Овербеку свой эскизъ, и вотъ что ему тотъ совѣтовалъ: Смотрите, чтобы у васъ любовь къ празднику Бахуса не перевѣсила слово Іоанна, которому, натурально, должно всѣмъ пожертвовать». Хвалилъ средній группъ, но бока совѣтовалъ пересочинить: «Они очень смутны, нужно ихъ сдѣлать проще и понятнѣе, чтобы зритель не путался въ наставленныхъ и притиснутыхъ фигурахъ, одна на другую». Овербекъ сознается, что сюжетъ очень труденъ, по причинѣ двухъ сильныхъ противуположностей; уговаривалъ отнюдь не дѣлать въ естественную величину — въ полъ-роста, говоритъ, очень достаточно для того, чтобы выразить физіономію, опираясь на то, что въ большихъ размѣрахъ художникъ долженъ прибѣгать къ декораціонному исполненію, и что отдѣлка тонкая въ большихъ размѣрахъ ни къ чему не служитъ, потому что нужно же разстояніе большое, чтобы обнять все глазомъ; потомъ, какъ рѣдко можно освѣтить большую картину! Моллеръ самъ говоритъ, что примѣровъ нѣтъ, въ лучшее время искусства, для большихъ картинъ масляными красками, что самая большая это—«Преображеніе», которая вдвое меньше моей. Я молчу. Мое мнѣніе совершенно согласно съ Овербекомъ; на счетъ его композиціи оно совершенно бы подтвердило Овербека. Моллеръ говоритъ: «Напрасно Овербека обвиняютъ, что онъ для не-католиковъ — безсообщителенъ: онъ соединенъ съ нами какъ художникъ, и у насъ одно только и должно быть—искусство; зачѣмъ раздѣлять будетъ насъ религія?» Я сказалъ, что католики на лютеранъ смотрятъ, какъ на отпавшую ихъ часть, которая со временемъ опять будетъ у нихъ, а въ насъ, греко-русскихъ, видятъ рѣшительныхъ враговъ,—намъ труднѣе жить съ ними.

Штернбергъ уже возвратился изъ Неаполя, похудѣлъ, и уже часто плюетъ кровью. Циммерманъ совѣтуетъ ему жить въ Римѣ. Эльсона адресъ трудно вамъ дать—онъ медленно и покойно ѣдетъ въ Швейцарію. Солнцевъ хочетъ вамъ писать и благодарить за заказъ отъ Языкова. Онъ въ Ариччи, но у насъ все дождь, ему нельзя ничего тамъ дѣлать. О вашей статьѣ будутъ говорить, что вслѣдствіе нашей частной жизни вы обо мнѣ столь много тамъ наговорили. И будутъ говорить наши настоящіе русскіе.

Хорошо бы было черезъ Жеребцову выхлопотать Овербеку звѣзду. Государь этимъ бы показалъ вниманіе къ великому таланту, не смотря на разность религій, а мы бы подстрекнули его къ намъ болѣе приблизиться. Онъ всѣ свои картоны уже отправилъ, и будетъ дѣлать другіе.

«Страшный судъ», Микель Анджело, остановился въ гравюрѣ—и, Богъ знаетъ, когда выйдетъ. Очень бы любопытно было мнѣ знать о состояніи вашего здоровья въ сравненіи съ тѣмъ, какъ оно было въ Римѣ.

~~~~~~~

CXVIII.

КЪ ШЕВЫРЕВУ.

Римъ, 4/16 декабря 1845.

Прежде чѣмъ излію вамъ мои всѣ чувства, я долженъ сказать о сегодняшнемъ моемъ праздникѣ. Мы были всѣ въ горестномъ положеніи: наканунѣ архитекторы представили свои работы въ кабинетъ Государю, ожидая милостиваго одобренія, но Государь заболѣлъ. Ихъ (взяло) уныніе! Я перенеси сейчасъ князю Волконскому. Добрѣйшій и благороднѣйшій вельможа русскій внялъ моей просьбѣ, и еще обѣщалъ мнѣ привести Государя въ мою студію. Враги было хотѣли отвести отъ меня посѣщеніе Государя. Караулилъ я у своего переулка, и вотъ стройный рядъ каретъ пронесся на публичную выставку иностранцевъ, на Piazza popolo. Это дало мнѣ знать, что Царь и выздоровѣлъ, и прекрасно приготовился
~~~~~~~

увидѣть произведенія русскихъ, посмотрѣвъ сначала на ничтожность всѣхъ иностранныхъ. Усердный слуга царскій, князь Волконскій, прискакалъ во весь опоръ къ моей студіи, съ извѣстіемъ, что сейчасъ будетъ ко мнѣ Государь. Эта минута моя была самая высокая въ моей земной жизни, я внутренно укрѣплялся молитвой, и вотъ—Царь. Онъ раскрылъ во мнѣ чувство, которое до его пріѣзда я совсѣмъ не зналъ—чувство моей собственной значимости, которое такъ сильно меня занимаетъ. Не сочтите это за гордость и тщеславіе, я въ этомъ только вамъ однимъ и признаюсь, и то въ этотъ сегодняшній день.

Чижова все еще нѣтъ въ Римѣ, но я жду его со дня на день. Никогда онъ еще не былъ мнѣ такъ нуженъ, какъ теперь: очень многое и важное онъ долженъ теперь порѣшить. Гоголь въ Неаполѣ, будетъ въ Римъ въ февралѣ [1]). Благодарю усердно васъ за книгу «Древности русскія», я наконецъ ее получилъ отъ княгини Зинанды Волконской. Чижовъ писалъ, что вамъ легче; если это не отъ новой болѣзни, а отъ обыкновеннаго вашего недуга, то я сердечно этому радуюсь. Дай Богъ вамъ еще лучшаго здоровья, во славу и силу Россіи, во славу Божію.

[1]) Непонятно, какъ могъ Ивановъ писать про Гоголя въ декабрѣ 1845, что тотъ въ Неаполѣ и будетъ въ Римъ только въ февралѣ слѣдующаго года, когда Гоголь прожилъ безвыѣздно въ Римѣ съ октября 1845 до іюня 1846, и въ нѣсколькихъ письмахъ къ разнымъ лицамъ самъ разсказывалъ, какъ очевидецъ, о томъ же посѣщеніи Императоромъ Николаемъ I Рима, въ декабрѣ 1845, о которомъ говоритъ Ивановъ въ этомъ и въ слѣдующихъ своихъ письмахъ (См. Сочиненія Гоголя, изд. Кулиша, VI, 228—236). Однимъ можно объяснить эту странность—это тѣмъ, что вся приписка о Чижовѣ и Гоголѣ относится совсѣмъ не къ этому письму, а къ какому-нибудь другому (конца 1846 г.), и попала сюда совершенно случайно: Ивановъ просто могъ въ своемъ альбомѣ, куда онъ заносилъ свои черновыя письма, печатаемыя теперь нами, набросать эту приписку именно подъ этимъ письмомъ, когда тамъ оставалось свободное мѣсто, нехватавшее подъ тѣмъ, къ которому она собственно должна была относиться. Слѣдовательно, и выражаемая здѣсь же благодарность Шевыреву за присылку „Памятниковъ московскихъ древностей“, Снегирева, принадлежитъ позднѣйшему времени.

CXIX.

КЪ ЧИЖОВУ.

(Римъ. Декабрь 1845.)

Теперь только управился я съ дѣлами, послалъ къ вамъ два письма самыя важныя: первое заключаетъ пріѣздъ Государя въ Римъ, а второе—представленіе объ насъ. Это послѣднее нужно, чтобы было подъ секретомъ между нами, и если вы послали его къ Языкову, то остановите его, чтобы не посылалъ въ Петербургъ. Теперь прежде всего я буду отвѣчать на ваше письмо отъ 4 ноября. Почему вы думаете, что картина Шаповаленки продана въ Петербургъ? Она писана для Галагана. Благодарю васъ за Шаповаленко, что уполномочили меня взять ваши деньги для него, но я Ш. еще не выдаю. Онъ, можетъ быть, получитъ здѣсь копію отъ Государя, и тѣмъ поправитъ свое положеніе. Правду вамъ сказать, онъ не стоитъ ни моихъ, ни вашихъ о немъ стараній, ну да объ этомъ послѣ. О Серебряковѣ нѣтъ слуховъ. Ка̀къ онъ тамъ въ Палермо,—узнать не откуда. Императрица будетъ сюда 10 марта, тогда будетъ съ нею и Серебряковъ, и тогда только можно будетъ говорить и о Серебряковѣ. Теперь и Сомовъ [1]) разбитъ параличомъ почти на смерть, вслѣдствіе потребованныхъ отчетовъ княземъ Волконскимъ.

Бѣдный Гоголь все прихварываетъ. Я думаю, что тутъ много моральныхъ причинъ въ его болѣзни: его сочиненіе не пропущено, а онъ къ тому же еще бѣдный человѣкъ. Я его понимаю, потому что и самъ нахожусь въ подобномъ положеніи. Цвѣтъ Россіи мной доволенъ, радуется, и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ моей картины, самъ Царь тѣхъ же чувствъ. Но я все-таки вотъ и теперь остаюсь нищимъ, а нищій художникъ большаго размѣра произведеній несравненно безсильнѣе поэта, котораго произведенія все-таки меньше требуютъ матеріальныхъ издержекъ. Кн. Волконскій рѣшительно не только не хочетъ самъ посылать представленія объ насъ графа Толстаго, но не хочетъ приказать своимъ

[1]) Секретарь Киля, директора русскихъ пенсіонеровъ въ Римѣ, скрывшійся вскорѣ съ казенными деньгами въ Америку.

именемъ, чтобы тотъ послалъ его къ Лейхтенбергскому. Однакоже, онъ ѣдетъ къ Лейхтенберскому, хотя на слабыхъ опорахъ. Я и графъ никакъ не надѣемся, чтобы тутъ что-нибудь вышло, потому вся надежда у меня на дѣло Потемкина. Я здѣсь буду просить министра юстиціи: онъ вернется сюда къ Пасхѣ. Буду просить черезъ Волконскаго, если старикъ согласится. Но это все только *буду*, а что будетъ изъ этого *буду*, я и самъ не знаю. Ваша статья, какъ говоритъ Языковъ, печатается. Выставка въ Академіи Художествъ, какъ слышно, отложена до пріѣзда Государя въ Петербургъ, а то будетъ на-дняхъ: къ 1-му январю по нашему стилю онъ тамъ будетъ.

Не одного васъ обстанавливаютъ люди пошлые. Высунулся (я) въ ихъ толпу, именно потому, что видѣлъ ихъ-же погибающими, что чувствовалъ въ себѣ силы имъ помочь, и что-же? Въ то время, когда я не спалъ нѣсколько ночей сряду, писалъ и переписывалъ сочиненія представленій, не угодныя однимъ выраженіемъ Солнцеву, послалъ къ нему бумагу для предварительнаго разсмотрѣнія и подписи его имени,—чтоже вы думаете? При всѣхъ, у Лепри [1]), Солнцевъ входитъ, какъ бѣшеный звѣрь, и съ позорнымъ словомъ нападаетъ на меня, кричитъ и не даетъ мнѣ выговорить ни слова,—каково! Часовъ черезъ шесть послѣ этой ужасной сцены онъ со мной встрѣтился одинъ, извинился, что онъ горячъ,—что что-же дѣлать? и проч. Онъ извинялся наединѣ, а у гостей и у другихъ товарищей оставилъ меня въ подлецахъ. Вотъ чѣмъ кончилась моя трагедія!

Я далъ слово не показываться въ русское общество до окончанія моей картины.

Овербекъ окончилъ картину свою «Положеніе въ гробъ»—безподобно! Еще сдѣлалъ нѣсколько рисунковъ: «Тайная вечеря» и «Христосъ, удрученный, обращается къ плачущимъ»—безподобны! Тутъ-же «Маленькій Христосъ-столяръ пилитъ, въ присутствіи Іосифа и Маріи» — ну, уже эта католическая дичь въ пору тому, что «Христосъ метлой мететъ стружки изъ-подъ Іосифова станка». Нельзя, нельзя такъ вольничать,

---

1) Трактиръ, гдѣ обыкновенно обѣдаютъ русскіе художники.

да и зачѣмъ? Поѣздкѣ въ славянскія земли я очень радъ, но я одного боюсь—лихорадки. Правда ли, что тамъ aria cattiva? Тогда бѣда, я захвораю и остановлю и васъ, и брата моего. Онъ сюда, я думаю, будетъ скоро. Онъ засѣлъ въ Парижѣ учиться математикѣ у Бориспольца, русскаго отставного капитана артиллеріи [1]). Вы лучше насъ знаете, сколько нужно въ мѣсяцъ на путешествіе въ славянскія земли,—вы тамъ были. Разумѣется, къ этому мнѣ нужно спросить брата, какъ онъ и что? Глаза мои все въ томъ-же положеніи, т.-е. съ осторожностью можно работать по 6 и 8 часовъ въ день.

Я познакомился съ Галаховымъ, но до сихъ поръ еще не имѣлъ возможности съ нимъ сойтиться: вѣдь пятидневный пріѣздъ Государя занялъ меня на два мѣсяца [2])! Повѣдаю вамъ тайну. Вы теперь въ Москвѣ; у меня давно былъ планъ украсить внутреннія стѣны московскаго храма Спасителя ландштафтами, т.-е. послать русскихъ художниковъ въ Сирію, чтобы написали съ натуры всѣ тѣ мѣста Св. земли, гдѣ случились важнѣйшія происшествія со Спасителемъ. Стѣны можно раздѣлить на двѣ половины поперегъ: первая будетъ представлять мѣста, какъ они есть теперь, а вторая, верхняя,—реставрированныя, съ небольшими фигурами эпохи Христа, напоминающими историческое происшествіе, т.-е. это будетъ Николай Первый, путешествовавшій въ Св. мѣста, и, слѣдовательно, создавшій не только комнаты, похожія на итальянскія, но (который), ознакомившись и напитавшись тѣми мѣстами, гдѣ именно касались стопы Спасителя, создаетъ, съ помощью православной нашей вѣры, новые ландштафты, болѣе опредѣленные, вѣрные, усовершенствованные. Обо всемъ этомъ хорошо бы поговорить съ Филаретомъ, митрополитомъ московскимъ, и тотчасъ описать мнѣ его мнѣніе. Я объ этомъ

---

[1]) Плат. Тимоѳ. Бориспольцъ, уже въ зрѣлыхъ годахъ, оставилъ военную службу, чтобъ заняться искусствомъ. Послѣ классовъ петербургской Академіи Художествъ, онъ поѣхалъ въ чужіе края, и произвелъ тамъ, между прочимъ, нѣсколько превосходнѣйшихъ копій съ лучшихъ картинъ. Особенно важны его копіи съ картинъ: „Pietro martire“ и „Положеніе во гробъ“, Тиціана и „Madonna del Sacco,“ Андрея дель-Сарто.

[2]) Государь пробылъ въ Римѣ съ 1 (13) по 5 (17) декабря 1845.

говорилъ здѣсь Раеву, и онъ бросился меня цѣловать и обнимать за мысль; говорилъ Солнцеву, и онъ въ восхищеніи—молился Богу объ исполненіи моей мысли. Это все осталось между нами великой тайной. Замѣчательно, однакожъ, что мысль моя, присвоенная Раевымъ, никакъ не желаетъ, чтобы тутъ Солнцевъ имѣлъ участіе; мысль моя, усвоенная Солнцевымъ, никакъ не хочетъ Раева. Это вѣдь, впрочемъ, по-русски. Мы только соединяемся тогда, когда грозитъ намъ общая большая бѣда.

Григорій Волконскій живое участіе беретъ здѣсь въ русскихъ художникахъ; черезъ него я надѣюсь довести эту мысль до Государя, если, однакожъ, великій пастырь нашей церкви въ Москвѣ благословитъ мое намѣреніе.

CXX.

КЪ БРАТУ.

Римъ. Декабря 20 (н. с.), 1845.

Мой братъ!

Поздравь меня и всѣхъ художниковъ русскихъ съ добрымъ царскимъ словомъ. Нашъ общій батюшка уѣхалъ отсюда наканунѣ своего ангела. Я тебѣ непремѣнно все опишу подробно, но теперь я очень занятъ всѣмъ моимъ обществомъ.

Получилъ я вчера письма отъ батюшки, сестры Екат. Андр., племянницы Екат. Андр., Алекс. Андр. и Демерта. Они пишутъ и тебѣ, полагая, что ты въ Римѣ; я тебѣ все это перешлю, но теперь дѣло вотъ въ чемъ.

Бориспольцъ, какъ видно, очень нуждается, а ты только изъ-за его математическихъ лекцій остаешься въ Парижѣ. Согласи, пожалуйста, его, чтобы онъ пустился съ тобой вмѣстѣ въ Римъ. Въ Римѣ гораздо легче будетъ ему найти работы отъ частныхъ людей русскихъ. Учиться же живописи тоже гораздо лучше и вѣрнѣе въ Римѣ, чѣмъ въ развратной школѣ парижской. Да вотъ еще что: очень можетъ быть, что Государь далъ вспоможеніе художникамъ русскимъ въ

Римѣ; объ этомъ, конечно, мы не знаемъ навѣрное теперь, но много данныхъ на это надѣяться, и потому есть надежда Борисполъцу въ Римѣ прямо получить заказъ. Пожалуйста, поговори съ нимъ объ этомъ немедленно и обстоятельно, и дай мнѣ тотчасъ объ этомъ знать, такъ, чтобы я могъ письмо Бориспольца ко мнѣ—представить на разсмотрѣніе графу Толстому, нашему вице-президенту, который совершенно уже расположенъ въ его пользу.

Получилъ-ли ты деньги—500 руб. ассигнаціями, которыя я недавно послалъ къ тебѣ въ Парижъ?

Бога ради скорѣе на все на это отвѣчай, чтобы послѣ не раскаяваться, когда узнаешь всѣ подробности обстоятельствамъ.

Если тебѣ нужны деньги, то пиши мнѣ, а на сонную Академію не надѣйся.

Совершенно тебѣ преданный братъ

Александръ.

Всѣ слава Богу у насъ въ Петербургѣ здоровы, а здѣсь одинъ Эппингеръ хвораетъ.

Пошли, пожалуйста, это письмо въ Петербургъ къ батюшкѣ, какъ только его прочтешь.

CXXI.

КЪ БРАТУ.

Римъ, 2 января 1846.

Любезный братъ!

Купи ты, пожалуйста, эту книгу для Гоголя. Ты, кажется, знакомъ съ его знакомымъ въ Парижѣ, который съ тобой посылаетъ другія для него книги: «Rituel des prières journalières à l'usage des Israélites. Hébreu et français, traduction de S. Anspach; 1 vol. in—8⁰, 2-me édition, 4 fr.»

Теперь только я управился съ просьбами художниковъ и представленіями на нихъ Государю, по случаю его пріѣзда въ Римъ. Все на мнѣ лежало. Управился, и вотъ тебѣ по-

сылаю самыя любопытныя письма батюшки, исключая дѣла графа Потемкина, что на особомъ листѣ, и письма Екат. Андр., сестры нашей, ко мнѣ.

Увѣрь ты батюшку, или, лучше, пошли это письмо мое, какъ есть. *Я объявляю*, что батюшка меня никакъ не понимаетъ. Я хотѣлъ облегчить его многописаніе ко мнѣ, для него трудное, и вотъ почему говорилъ, что не желаю знать ничего, кромѣ состоянія его здоровья; но что если можно получать мнѣ или о немъ, или отъ него самагò, какія бы то ни было другія вѣсти, то для меня доставятъ онѣ всегда величайшее удовольствіе. Пожалуйста, поищи деньги мои, которыя я послалъ тебѣ чрезъ наше посольство въ Парижѣ. Тамъ и справься, если до сихъ поръ не получалъ, и если тебѣ нужно еще, то напиши мнѣ немедленно, и, пожалуйста, не надѣйся на сонную Академію. Знаменитый лѣнью Григоровичъ пока напишетъ, пока доложитъ, пока проснется, ты можешь 4 раза умереть съ голоду, а что еще хуже—остановить свои успѣхи. А что, я думаю, ты уже простилъ меня за дѣло Засена, имѣя теперь подлѣ себя Борисполъца? То-то вотъ и есть, что у насъ съ тобой не дерево, а сердце.

Въ Парижѣ существуетъ Политехническая школа; пожажалуйста, познакомься съ ней. Наши архитекторы: Бенуа, Рязановъ и другіе, чрезъ два мѣсяца пріѣдутъ туда учиться математикѣ.

Вотъ тебѣ выписка изъ представленія архитекторовъ герцогу Лейхтенбергскому, при препровожденіи ихъ представленій Государю, по случаю необыкновеннаго его путешествія въ Римъ:

«Награвированіе превосходныхъ рисунковъ архитекторовъ, прямо относящихся къ украшенію нашихъ православныхъ церквей, весьма полезно будетъ для всѣхъ вообще, неимѣющихъ средствъ на выѣздъ за-границу, нашихъ архитекторовъ, и въ то же время покажетъ степень образованія, всей Европѣ, трудившихся русскихъ. Ихъ содержанія, какъ замѣтите въ приложенной здѣсь бумагѣ, достаетъ только для безвыѣзднаго прожитія въ Римѣ, но для годовъ путешествія во всѣ стороны свѣта необходимо имъ испросить хотя бы еще по полторы тысячи для каждаго».

Хорошо, если бы ты купилъ книгъ, для тебя полезныхъ, въ Парижѣ. Но не знаю, съумѣешь ли ты это сдѣлать, не будучи знакомъ ни съ лучшими тамъ математиками, ни съ архитекторами. Я тебя, можетъ быть, буду просить купить мнѣ еще экземпляръ 16-ти томовъ Библіи, Каэна.

Я къ тебѣ недавно послалъ письмо съ приглашеніемъ Бориспольца въ Римъ. Пожалуйста, отвѣчай скорѣе и на то, и на это. Да присылай оригинальныя письма батюшки непремѣнно тотчасъ по прочтеніи, а то, вѣдь, у меня силъ нѣтъ дожидаться по полугоду ихъ, изъ-за того только, что тебѣ лѣнь завернуть въ свое письмо — письмо батюшки. Прощай, будь здоровъ и счастливъ. Бр. А.

CXXII.

КЪ БРАТУ.

Римъ, *10 января 1846*.

Любезный братъ Сергѣй. Пожалуйста, не медли никогда отвѣтомъ на мои письма: изъ этого могутъ быть и непріятности, и потеря нашего времени. Да еще положи себѣ за правило посылать ко мнѣ всегда письма оригинальныя батюшки къ тебѣ, какъ бы они грузны ни были, или пространны.

Отвѣчаю тебѣ на послѣднее письмо твое, отъ $^{18}/_{30}$ декабря.

Я думалъ тебѣ послать сейчасъ еще денегъ моихъ, но придумалъ теперь еще лучше. Сходи ты съ приложеннымъ здѣсь письмомъ къ графу Александру Петровичу Толстому (rue de la Paix, № 9), гдѣ получишь отъ него тысячу рублей ассигнаціями, которую я здѣсь сегодня же заплачу Гоголю, чтобы передалъ графинѣ Апраксиной, родной сестрѣ помянутаго Толстаго, что̀ находится теперь въ Римѣ. Когда же со мной ты лично увидишься въ Римѣ, то и отдашь мнѣ весь долгъ твой твоимъ пенсіономъ, который здѣсь получишь, а теперь, пожалуйста, не уродуй путешествія твоего изъ-за

денегъ. Приближайся сюда, елико возможно, тише, не пропуская ничего. Я бы тебѣ никакъ не совѣтовалъ вѣрить, что послано въ Парижъ твое третное содержаніе, потому что Григоровичъ страшно лѣнивъ. На всякій случай сходи ты въ посольство, и попроси тамъ, чтобы тебѣ это третное содержаніе переслали въ Римъ, а самъ поѣзжай на мои деньги покуда потихоньку по Италіи, не теряя совсѣмъ времени. Кажется, что твои занятія математикой съ Бориспольцемъ не имѣютъ успѣха.

Если у тебя всѣ деньги истратятся до Флоренціи, то займи тамъ моимъ именемъ отъ купца Великанова, — что на Lung'Arno магазинъ модъ и русскихъ товаровъ. Тамъ же встрѣтишь Пименова. Какъ жаль, что ты мнѣ ни слова не сказалъ о Борисполъцѣ. Я къ тебѣ писалъ еще два письма, на которыя отвѣта жду съ нетерпѣніемъ. Видишь-ли въ чемъ дѣло: Борисполъцу здѣсь назначается копія отъ Государя, хотя и съ посредственнаго оригинала, однакоже за 6000 руб. Намъ всѣмъ очень бы желательно знать, желаетъ-ли онъ этого, или нѣтъ? Мнѣ кажется, что онъ очень ошибается, оставаясь въ нуждающемся положеніи въ Парижѣ: здѣсь онъ все-таки могъ бы лучше держаться. Однакожъ, говоря строго, тебѣ съ нимъ ѣхать все-таки нельзя; пусть его ѣдетъ одинъ: ему, какъ уже устарѣвшему и безденежному, выгоднѣе ѣхать скоро, что тебѣ совсѣмъ ненужно. Тебѣ здѣсь тоже назначается работа отъ Государя, что особенно заплатится, какъ и другимъ пенсіонерамъ-архитекторамъ.

Не забудь себѣ купить нужныхъ книгъ въ Парижѣ—математическихъ; смотри только, не ошибись.

Преданный тебѣ братъ

Александръ.

CXXIII.

КЪ БРАТУ.

(Римъ. Январь 1846.)

Любезный братъ!

Ты ужъ какъ хочешь, а все-таки не правъ въ своей медленности. Изволь-ка ты впередъ почаще навѣщать почту во всѣхъ городахъ большихъ, чрезъ которые поѣдешь, а мнѣ напиши сейчасъ-же роспись приблизительную, гдѣ будешь и сколько времени останешься, дабы я могъ тебя, въ случаѣ крайней нужды, извѣщать, и поставь себѣ за правило тотчасъ отвѣчать на мои письма.

Я тебѣ еще хотѣлъ доставить денегъ чрезъ графа Толстаго, Александра Петровича, и если онѣ тебѣ нужны, то возьми, а здѣсь въ Римѣ мнѣ отдашь своимъ пенсіономъ. Мнѣ кажется, все лучше имѣть деньги лишнія въ дорогѣ, чѣмъ не имѣть, или имѣть въ обрѣзъ. На счетъ посольства я тебѣ сказалъ: что если не получишь скоро своего содержанія академическаго, такъ чтобы поручить тамъ тебѣ его переслать въ Римъ. Ты теперь имѣешь треть твою въ рукахъ, и если не сказалъ Академіи, чтобы и вторую треть тебѣ выслали въ Парижъ, то ничего не нужно тебѣ въ нашемъ посольствѣ въ Парижѣ говорить.

Работы архитекторамъ отъ Государя здѣсь уже распредѣляются. Разумѣется, не быть на лицо и быть моложе всѣхъ — трудновато получить хорошій кусокъ, но, впрочемъ, я поговорю объ этомъ съ Рязановымъ. Пожалуйста, ты не надѣйся на Римъ въ разсужденіи свѣдѣній: здѣсь только одна изящная архитектура на самой практикѣ, т.-е. монументы стоятъ въ оригиналахъ всякаго рода. Но ученость и свѣдѣнія, описанія ихъ и измѣренія,—все, все въ Парижѣ и Лондонѣ, а потому ты вези съ собой книгъ о механикѣ и физикѣ. Неужели у тебя до сихъ поръ никого-таки нѣтъ въ Парижѣ, чтобы спросить, гдѣ найти честнаго коммиссіонера и переслать всѣ книги твои и чемоданы въ Ливорно? Вѣдь этимъ ты бы себя очень высвободилъ. Ливорно—очень

порядочный порто-франко: ты всѣ вещи свои получишь безъ малѣйшихъ пошлинъ, и только за провозъ заплатишь. Съ Чивитта-Веккіей не совѣтую связываться, — это подлецъ. Ужъ терпѣть, такъ одинъ разъ — на папской границѣ, и то тогда, когда всѣ вещи подлѣ себя. И такъ, до самаго Ливорно, въ который совѣтую тебѣ заѣхать или приближаясь къ Флоренціи, или изъ Флоренціи, ты совершенно будешь свободенъ—съ мѣшкомъ для бѣлья и деньгами, а чрезъ Мерли посылать тоже дорого, потому что коснулось папскаго владѣнія. Теперь я бы совѣтовалъ тебѣ осмотрѣть Флоренцію, потомъ всю верхнюю Италію, а изъ Флоренціи непремѣнно ужъ мнѣ написать: къ тому времени тамъ будутъ наши, т.-е. Ковригинъ и Шаповаленко, и тебѣ, если нужно, во всемъ пособятъ. Они, кажется, будутъ тамъ на первой недѣлѣ католическаго поста. Очень жалѣю, что Бориспольцъ всё ждетъ какой-то оффиціальности; все еще онъ не убѣдился, что еслибы и Царь не былъ въ Римѣ, если бы и копій не заказывалъ, то все-таки слѣдуетъ ему ѣхать безъ оглядки изъ Парижа въ Римъ. Ну да вѣдь съ людьми не сладишь.

Я очень извинялся въ послѣднемъ письмѣ передъ моею племянницей. Объ этомъ послѣ,—кажется, дѣло не кончено.

Точно была тебѣ записочка отъ кого-то, Очкина—я думаю, но такая маленькая, что я ее въ суетахъ потерялъ.

Представленіе объ архитекторахъ поѣхало въ Петербургъ, совсѣмъ другимъ. Тамъ и я представленъ къ содержанію на три года, для окончанія моей картины, на чтó имѣю именное повелѣніе. Посмотримъ, чѣмъ это все кончится. Покуда дѣло идетъ объ исполненіи заказовъ, милостиво пожалованныхъ Государемъ живописцамъ, архитекторамъ и скульпторамъ. Эппингеръ выздоровѣлъ. Его не любятъ товарищи, и, судя по его дѣламъ нравственнымъ, онъ не хорошій человѣкъ. *Это, однакоже, между нами, братъ.*

Прощай, душа Сережа. Да сохранитъ Богъ твое здоровье и благословитъ къ обоюдному свиданію. Братъ твой

Ивановъ.

Бориспольцу покуда, кажется, назначено: «Взятіе на небо Богоматери», Андрея del Sarto, capo d'opera—превосходная

вещь, во Флоренціи, въ галлереѣ Питти, и потомъ, въ Римѣ, «Введеніе во храмъ Богородицы», Romagnoli—посредственная вещь;—а впрочемъ, еще не утверждено.

Если бы ты могъ для насъ сдѣлать услугу: когда будешь въ Чертозѣ Павійской, то начерти, пожалуйста, въ маленькомъ видѣ, въ письмѣ (кое-какъ, чтобы имѣть только идею) четыре вещички: 1) «Св. Веронику, показывающую ликъ Спасителя своимъ подругамъ», Camillo Procaccini; 2) въ алтарѣ св. Михаила — два отдѣла образа Перуджино: одинъ—«Богъ Отецъ съ херувимами», другой—«Богородица съ Михаиломъ, Рафаиломъ и Товіемъ», чѣмъ весьма обяжешь все наше общество и начальство.

Есть заказъ архитекторскій въ Павійской Чертозѣ, я постараюсь, чтобы онъ достался тебѣ, цѣна отъ тебя будетъ зависѣть. О подробностяхъ напишу къ тебѣ въ Миланъ. Только ты, пожалуйста, непремѣнно дощись тамъ моего письма, и тотчасъ по пріѣздѣ.

CXXIV.

КЪ БРАТУ.

(Римъ. Январь 1846.)

Любезный братъ.

Какъ бы хорошо было, если бы ты заглядывалъ почаще на почту. Вотъ тебѣ—опять письмо, а вѣдь послалъ вчера другое. Посмотри, пожалуйста, машину, называемую «діаграфъ», посредствомъ которой рисуютъ съ картинъ и съ натуры въ маломъ, такомъ какъ есть, и въ колоссальномъ видѣ. Мастеръ и изобрѣтатель ея называется Гаваръ. Говорятъ, что онъ еще болѣе усовершенствовалъ ее, и дѣлать можно весьма вѣрно и тонко контуры. Сказываютъ французскіе художники, что съ помощью ея рисуютъ въ королевской галлереѣ картины для изданія. Пожалуйста, узнай отъ рисовальщиковъ и мастера Гавара, какъ ею владѣть, и если поймешь на опытѣ, т.-е. самъ въ состояніи

будешь и поставить ее, и хоть что-нибудь нарисовать, то купи тотчасъ, или условься съ мастеромъ обстоятельно, какимъ образомъ можно ее доставить въ Римъ, и за сколько съ провозомъ. Если услышу отъ тебя, что ты ея совершенно понялъ дѣйствіе, что̀, говорятъ, очень *не* легко, то я лишь только получу отъ тебя письмо, то сейчасъ же и деньги за нее вышлю, куда ты назначишь. Ты этимъ услужишь и мнѣ, и всему обществу русскихъ художниковъ. Но не рѣшайся ни на что, если не узнаешь самъ на опытѣ въ дѣйствіи машины: говорятъ всѣ, что это трудно. Купить-то легко, да что̀ толку, коли не будешь знать, что̀ съ ней дѣлать.

На счетъ 16 томовъ другаго экземпляра Библіи ты только справься, какимъ образомъ и за сколько издатель, или продавецъ, можетъ доставить ее въ Римъ, если ужъ ты не купилъ. Эти 16-ть томовъ я прочу въ пользу художниковъ русскихъ, потому что у меня-то есть, кромѣ одного шестнадцатаго, который ты везешь. Хорошо бы было, если бы и Бориспольцъ занялся бы пробой этой машины: вѣдь это и для него пригодилось бы.

Борисполъцу не говори покуда, что ему назначается «Взятіе на небо Богоматери», Андрея del Sarto, во Флоренціи, потому что дѣло еще въ ходу, не утверждено. Сегодня я слышалъ, что ему назначается, вмѣсто этого, въ Чертозѣ Павійской «Св. Вероника, показывающая ликъ Спасителя своимъ подругамъ», Camillo Procaccini. На это нужно, чтобы прежде графу Толстому прислали съ нея хоть какой-нибудь рисунокъ, и сказали бы что-нибудь о достоинствѣ сей картины, весьма, впрочемъ, выхваляемой въ гидахъ. Я поручилъ сдѣлать справку одному итальянцу, но все лучше, если бы ты это сдѣлалъ, и начертилъ бы въ письмѣ, въ маленькомъ видѣ, всѣ означенныя въ прошедшемъ письмѣ композиціи, и притомъ справился бы въ Миланѣ у *Дука Мельци:* не находятся ли у него оригиналы Перуджино, помѣщенные копіями въ Чертозѣ?

Тебѣ, какъ кажется, назначается скопировать плафонъ въ залѣ аудіенціи въ Palazzo Vecchio, во Флоренціи, называемый «Соффитъ Тассовъ». Вотъ какъ оказалось по справ-

камъ, здѣсь мною собраннымъ: эта зала—архитектуры Benedetto di Majano; соффитъ былъ выгравированъ Marco del Tasso и Domenico e Giugliano—его братьями, знаменитыми рѣзчиками изъ дерева; живопись, руки Cecco Salviati, представляетъ il mento di Camillo. Весь соффитъ никогда еще не былъ награвированъ, и не находится въ описаніяхъ жизни сихъ художниковъ; подробнаго о немъ описанія, или мѣръ—нѣтъ.

О павійскомъ заказѣ, назначающемся тебѣ, вотъ какъ сказано: «Dessin. Du côté droit prendre le dessin de l'autel en marbre, fond jaune, avec fleurs de lys, en mosaique de Florence».

Подробныхъ свѣдѣній объ этомъ заказѣ я никакъ не могу до сихъ поръ узнать, но я тебѣ ихъ опишу въ Миланъ.

Прощай. Братъ твой

Александръ.

Чижовъ ужъ третій разъ спрашиваетъ меня: не поѣдешь ли ты нынѣшнимъ лѣтомъ съ нимъ по славянскимъ землямъ—изслѣдовать строенія церквей въ отечествѣ Кирилла и Меѳодія, что̀ принесли въ отечество наше свѣтъ православной вѣры? Ему, какъ литератору, многое множество тамъ рудниковъ, мнѣ, какъ живописцу, готовящемуся создать иконный родъ, а тебѣ, кажется, нужно бы тоже знать, ка̀къ строились церкви, не монферрановскія, а наши.

Адресъ Чижова: A Moscou, Никол. Михайл. Языкову, на Пречистенку, къ Троицѣ въ Зубовѣ, въ домъ г-жи Наумовой.

CXXV.

КЪ ЧМУТОВУ (?)

(Римъ. Начало 1846.)

Зная васъ по слуху, я вывелъ для себя заключеніе: сдѣлать вамъ предложеніе пріѣхать сюда на свой счетъ, что вы можете быть со временемъ однимъ изъ самыхъ большихъ художниковъ нашихъ. Не зная, однакоже, подробно настоящихъ обстоятельствъ вашихъ, я скажу вамъ только, что

еслибы вы были сейчас на лицо здѣсь, заработали бы такъ выгодно копіями съ прекрасныхъ вещей, что могли бы начать здѣсь свою карьеру: у насъ здѣсь вамъ бы было легче выдти въ люди и отличаться и внутренно, и наружно. Здѣсь, кромѣ помощи правительства, пріѣзжаютъ частные русскіе для того, чтобы видѣть и заниматься исключительно искусствомъ, и потому портретъ, или копію, здѣсь получить не трудно, будучи столько приготовленному, какъ вы. Слышу, что вы бѣдны, что имѣете мать, но (на) эти два данныя найдутся у меня, при благоразумномъ употребленіи, и время, и деньги, и, при истинной любви къ своему дѣлу, можно съ этимъ совладать. Я вотъ доказываю это каждый день, на практикѣ. И такъ, если еще пламя художническое въ васъ сильно, если любовь къ отечественнымъ успѣхамъ совершенно разбиваетъ въ васъ и лѣнь, и слабость духа, то, не теряя золотой молодости, совѣтую вамъ пуститься (въ дорогу), хотя бы и на мѣдныя деньги. Богъ вамъ помощь!

Познакомтесь съ моимъ батюшкой; онъ дастъ вамъ опытомъ пережитую идею, какъ сказать вашей матушкѣ, чтобы васъ сюда отправила, какъ ей терпѣть и дожидаться вашего обратнаго возврата въ отечество. Пожалуйста, постарайтесь отвѣтить на это мое письмо скоро, а если не пожелаете сами послать (отвѣтъ) въ «Roma, café Greco» на мое имя, то принесите моему батюшкѣ.

CXXVI.

КЪ ОТЦУ.

(Римъ. Мартъ 1846.)

Послѣ столь долгихъ ожиданій, наконецъ я обнялъ моего брата, перецѣловалъ его нѣсколько разъ, все принимался снова. Живетъ онъ подлѣ меня, раздѣляется одной только прихожей. Видѣться съ нимъ хочется безпрестанно, работа на умъ болѣе не идетъ. Да, впрочемъ, и время такое, что трудно работать: страстная недѣля католическая, множество

церемоній папскихъ, весь Римъ въ Ватиканѣ. Притомъ ждемъ Императрицу сюда: не завтра, такъ въ субботу уже навѣрное. Съ ней пріѣдетъ Волконскій, и тутъ рѣшится моя участь, т.-е. буду ли я имѣть сейчасъ способы оканчивать мою картину, со временемъ, или никогда,—все это рѣшится черезъ 5 или 10 дней. Это васъ тоже должно интересовать. Какъ только узнаю что-нибудь положительно, то сейчасъ вамъ напишу. Скажу также и Чмутову что-нибудь рѣшительное. Мы всѣ зависимъ отъ пріѣзда Волконскаго, а между тѣмъ хорошо бы было, еслибы вы потрудились повидать всѣ опыты въ живописномъ дѣлѣ Чмутова, и прислали бы мнѣ сюда полныя объ нихъ свѣдѣнія, что̀ дѣлаетъ Чмутовъ, по отъѣздѣ брата изъ Петербурга до сихъ поръ,—хорошо ли, и если не хорошо, то какія тутъ были причины, и, наконецъ, можетъ ли быть изъ него изобрѣтательный художникъ? Братъ мнѣ привезъ всѣ нужныя книги: диксіонеръ и русскую Библію, славянскую, а что̀ важнѣе всего—ваши два портрета и Катинькины. Съ какимъ трепетнымъ страхомъ собирался смотрѣть первый, рисованный. Вы совсѣмъ не перемѣнились, но въ дагерротипическомъ, на который скорѣй можно бы было положиться,—такъ это не то. Иногда, вѣдь, дагерротипъ не выходитъ, особливо, когда лицо въ секунду сеанса приметъ какую-нибудь необыкновенную мину, особливо улыбающуюся. Катинька, напротивъ, еще больше удалась въ дагерротипѣ. Точно то лицо, что было у маленькой, сколько мнѣ помнится.

Наконецъ, эти подарки, самые превосходные для моего сердца, я поставилъ на столикѣ въ моей спальнѣ — глядѣть и быть съ ними при каждомъ началѣ дня и отходѣ ко сну. Самое утѣшительное, это то, что братъ меня увѣрилъ, что вы совсѣмъ не такъ бѣдствуете, какъ я 16 лѣтъ думалъ, и даже живете не худо. У меня сердце отлегло, и я сдѣлался счастливѣе. Побывайте у графа Толстаго (вице-президента Академіи Художествъ), разспросите его обо мнѣ, и посмотрите наши дагерротипные портреты.

CXXVII.

КЪ СЕСТРѢ.

(Римъ. Весна 1846.)

Любезнѣйшая сестрица Екатерина Андреевна.

Вы насъ подарили вашимъ письмомъ. Для брата оно не рѣдкость, да онъ-же и недавно изъ дому, гдѣ все было согрѣто чистосердечіемъ и любовью, но моему 16-ти-лѣтнему пилигримству всегда отрадно бываетъ хоть письменно соединяться съ вами. Не ропщите, если я къ вамъ не пишу. Мѣсто, на которое я поставленъ, много удовольствій меня лишаетъ, но что же мнѣ дѣлать, какъ не продолжать дѣйствовать, пока есть силы и здоровье? Споръ съ представителями Европы о способностяхъ русскихъ на самомъ дѣлѣ — вотъ вопросъ, ради котораго всѣмъ должно было пожертвовать, и который не иначе можетъ рѣшиться въ нашу пользу, какъ при самой ревностной дѣятельности. Ваше милое письмо къ брату Сергѣю перенесло меня въ нашъ новый домъ, который живо представляется въ разсказахъ брата. При мнѣ не было ни канареекъ, ни собачекъ, но это не только не измѣняетъ прекрасной базы нравовъ, но представляетъ моему воображенію еще и прекрасный группъ.

CXXVIII.

КЪ СЕСТРѢ.

(Римъ. Весна 1846.)

Любезнѣйшая сестрица Екатерина Андреевна.

Мы васъ глубоко уважаемъ и любимъ. Кромѣ общихъ съ нами добрыхъ качествъ нравственныхъ, вкорененныхъ въ насъ еще примѣромъ родителей, вы имѣете преимущество передъ нами, какъ старшая. Русская добродѣтель, еще дохристіанская — уважать старшинство—вполнѣ свѣтится въ

душахъ нашихъ, несмотря на тысячи искушеній, являющихся подъ предлогомъ какой-то европейской свободы и образованія. Но, при всемъ этомъ, нельзя вамъ не замѣтить, что вы не вполнѣ чувствуете наше назначеніе: вы радуетесь нашимъ успѣхамъ, называете ихъ славою, думаете, что жить въ славѣ, вами созданной, уже есть достиженіе послѣдней степени блаженства. Но это совсѣмъ не такъ у насъ на дѣлѣ. Вашъ самый горестный день въ жизни можетъ равняться нашему отдыху. Вотъ теперь вы насъ поймете, если примете это глубоко къ сердцу. Мы несемъ всю тягость труда, чтобы, въ соревнованіи съ просвѣщеннѣйшими націями, выиграть первенство во славу Божію, посреди чувственныхъ собственныхъ искушеній, посреди пренебреженій отъ великихъ міра, у которыхъ художникъ и крѣпостной ихъ человѣкъ—почти одно и тоже. Образованіе ихъ, основанное грошевыми европейскими учителями, дѣлаетъ ихъ поклонниками даже и посредственности европейской. Намъ, съ христіанскимъ терпѣніемъ, нужно ихъ перевоспитывать въ томъ разумѣ, что отъ нихъ, какъ отъ лицъ правительственныхъ, будутъ зависѣть и лучшіе успѣхи отечества,—это работа, которой не знаютъ совсѣмъ ни нѣмцы, ни англичане, ни французы. Что касается до интересовъ, то вы сами знаете, что только тогда кой-какъ и можно имѣть какую-нибудь свободу въ обращеніи, когда объ нихъ нѣтъ помину. И потому, мы отказываемъ себѣ во всемъ, и маленькія деньги, въ сравненіи съ нашимъ огромнымъ предпріятіемъ, едва достаютъ, чтобы не впасть въ долги. Между нами сказать, я начинаю жить милостыннымъ подаяніемъ. Судите-же сами, можемъ ли мы удѣлить вамъ на свадьбу нашей племянницы? Но Богъ не безъ милости, могутъ обстоятельства перемѣниться, и если точно намъ и вамъ нужны деньги, то онѣ будутъ. Молитесь.

Батюшка!

Мы терпимъ, но Богъ благословилъ насъ силами, здоровьемъ и бодростью къ перенесенію всѣхъ бѣдствій, какія люди съ легкими умами придумываютъ, чтобы надѣлать намъ непріятностей. Всегда почти такое было положеніе людей, чѣмъ-нибудь отличившихся отъ другихъ. У насъ, въ молодомъ отечествѣ, это есть ощутительное невѣжество подавлять

таланты, но за то свѣжесть силъ молодаго народа обѣщаетъ золотой вѣкъ для грядущаго поколѣнія.

Братъ слышитъ лучше, и по временамъ хорошо. Климатъ много значитъ.

CXXIX.

КЪ ОТЦУ.

(Римъ. Весна 1846.)

Батюшка!

Пожалуйста, вы изъ этого письма ничего никому не говорите, и не безпокойтесь за мои дѣла. Я все самъ обдѣлаю какъ нельзя лучше. Съ президентомъ Академіи обо мнѣ, пожалуйста, не говорите. Вообще самое лучшее, если въ Петербургѣ обо мнѣ будетъ какъ можно меньше говору. Легкіе умы всегда готовы къ шашнямъ. Зачѣмъ-же намъ давать себя имъ для матеріала?

Самое мучительное для меня — это слышать о вашемъ дѣлѣ съ Засеномъ. Но, какъ видно, мы не сильны отъ него отклонить (васъ): это—самое сильное изъ всѣхъ нашихъ страданій. Я даже боюсь, чтобы у меня не сдѣлался аневризмъ въ сердцѣ отъ частыхъ объ немъ воспоминаній.

CXXX.

КЪ НЕИЗВѢСТНОМУ.

(Римъ. Апрѣль 1846.)

Извините меня,—я это время былъ такъ озабоченъ, что не успѣлъ собирать себя, чтобы посильно строго надзирать кругъ моихъ дѣйствій. Теперь, кажется, кончилось безпокойное мое положеніе, на счетъ надежды на перемѣну къ луч-

шему, по случаю пріѣзда Государя въ Римъ. Мнѣ во всемъ отказъ.

Получилъ я недавно книги: два тома Арцыбашева [1]); «О иконописаніи» [2]) и Чижова «О работахъ русскихъ художниковъ въ Римѣ» [3]). Батюшка извѣщаетъ, что получилъ ихъ изъ Москвы. Больше я ничего пока не знаю объ этомъ. Жду съ нетерпѣніемъ извѣстій отъ Чижова: давно я отъ него ничего не получалъ, и не знаю, гдѣ онъ. Если бы вы были такъ добры, чтобы потрудились ему сказать, чтобы онъ ко мнѣ написалъ, или сами бы потрудились написать, чтò и кàкъ дѣлается, и когда онъ двинется сюда.

Братъ со мною уже три недѣли. 16-ти-лѣтняя разлука въ такіе годы насъ дѣлала чужими на время. Я счастливъ его пріѣздомъ. Художниковъ, которымъ поручàютъ заказы отъ Государя Императора, состоящіе изъ копій, выбранныхъ его величествомъ въ Павіи, Неаполѣ, Римѣ и Флоренціи, можно раздѣлить на три класса.

Вы предлагаете мнѣ заняться надзоромъ надъ художниками для производства копій, назначенныхъ имъ отъ Государя въ Римѣ, Павіи, Флоренціи и Болоньи, полагая, что они не въ силахъ безъ моего содѣйствія ихъ произвести, назначая мнѣ за это—временное жалованье. Благодаря за такую ко мнѣ довѣренность, я долженъ, однакожъ, приписать все это—не довольно достаточному ознакомленію съ ними, вслѣдствіе недавняго вступленія на ваше мѣсто. И потому, пользуюсь симъ случаемъ, какъ старожило римскій, я здѣсь сообщу вамъ, кàкъ понимаю это дѣло.

Государь радостно встрѣтилъ графа Толстаго въ Римѣ въ самую ту минуту, когда думалъ ознаменовать свое путешествіе въ Италію, назначивъ заказы художникамъ русскимъ, состоящіе изъ копій съ оригиналовъ, имъ самимъ выбранныхъ, и присоединивъ тогда къ онымъ (другіе) во Флоренціи, Павіи, Болоньи и Неаполѣ. Вслѣдствіе чего вице-президентъ составилъ здѣсь списокъ, который передъ отправ-

[1]) Повѣствованіе о Россіи. М. 1838—43. 4°.

[2]) Соч. Архим. Анатолія. М. 1845. 8°.

[3]) Отдѣльный оттискъ изъ „Московскаго Литературнаго и Ученаго Сборника.“ М. 1845. 8°.

ненiемъ его былъ поданъ на разсмотрѣнiе и утвержденiе министра двора, копiю съ коего (списка) я здѣсь прилагаю, изъ которой вы усмотрите, что тутъ своихъ три пенсiонера Академiи, надъ коими (учредить) надзоръ—значило бы унизить ихъ достоинство, ибо наша золотая медаль отличила насъ изъ сотенъ и возвела до свободныхъ дѣйствiй въ мiрѣ искусствъ. Это: Капковъ, Михайловъ, Тихобразовъ. За ними слѣдуютъ художники, не достигшiе сего высокаго званiя, однакожъ, къ дѣланiю копiй совершенно способные, безъ малѣйшей чужой помощи. Это: Борисполецъ, Чмутовъ, Серебряковъ, Орловъ, Шуппе и Кольбергъ. Потомъ—художники не столь сильные, или по молодости не успѣвшiе еще показать себя. Это всѣ остальные, кромѣ знаменитаго гравера Iордана. Первымъ графъ назначилъ копiи съ самыхъ важныхъ оригиналовъ, а вторыхъ хотѣлъ подчинить надзору пенсiонеровъ, или старшихъ художниковъ.

Что же касается до меня, то студiя моя, всегда закрытая для публики, открыта для моихъ родныхъ братiй, русскихъ художниковъ,—это подтвердитъ самый младшiй изъ насъ. Жалованье за это брать я стыжусь и думать, хотя нахожусь въ совершенномъ безденежьи, по случаю отказа Академiи на мою просьбу о способахъ на продолженiе труда.

CXXXI.

КЪ НЕИЗВѢСТНОМУ.

(*Римъ. Май 1846.*)

Ваше воспоминанiе объ трудѣ моемъ, переданное мнѣ Ѳеодоромъ Васильевичемъ Чижовымъ, весьма меня оживило, тѣмъ болѣе, что теперь нахожусь въ часѣ испытанiй. Просьба моя, поданная, по случаю прiѣзда Государя Императора въ Римъ, министру двора Волконскому была отправлена въ Академiю Художествъ, на разсмотрѣнiе. Отвѣтъ на нее отъ Лейхтенбергскаго я здѣсь вамъ прилагаю въ копiи, дабы вы могли вполнѣ судить, по вѣрнымъ документамъ, о состоянiи стра-

дальческой души моей. Къ сему присоедините еще одно обстоятельство: будучи свидѣтелемъ заказовъ царскихъ въ Римѣ для моихъ братьевъ, русскихъ художниковъ, я, какъ опытный художникъ, взялся охранять ихъ распоряженіе, Изъ этого безкорыстнаго самоотверженія и свободнаго дѣйствія моей души вылилось ужасное чувство, за подписью Адлерберга, гдѣ видно, что Киль почувствовалъ во мнѣ для себя надобность, вздумалъ обращаться со мной, какъ съ крѣпостнымъ человѣкомъ, и, не спрося моего ни мнѣнія, ни согласія, прямо написалъ бумагу, представивъ меня, какъ нестоющаго довѣренности плута, Государю,—что вы усмотрите сами, прочитавъ здѣсь прилагаемую копію.

Если не найдется способовъ говорить съ самимъ Государемъ объ моей картинѣ, о суммѣ на ея окончаніе, то будьте столь добры и благосклонны, соберите частную помощь заимообразно еще разъ: можетъ быть, она въ соединеніи съ той, что, думаете, соберется въ Москвѣ, достаточна будетъ, чтобы увѣнчать окончаніе труда моего.

CXXXII.

КЪ НЕИЗВѢСТНОМУ.

(Римъ. Іюнь 1846.)

Съ живѣйшею радостью вижу, что соотечественники признали во мнѣ дѣятеля русскаго не на словахъ, а на дѣлѣ, предлагая мнѣ способы для окончанія моего труда. Хотя въ васъ замѣтна какая-то неистовость въ дѣйствіяхъ патріотизма, но, можетъ быть, потомство, разсмотря настоящую минуту Россіи, васъ въ этомъ извинитъ. Я радъ, что могу надѣяться на вѣрную помощь отъ своихъ братьевъ; она, однакожъ, не прежде мнѣ нужна будетъ, какъ черезъ годъ, или даже полтора, а между тѣмъ въ это время я совершенно могу знать: достаточны ли мои силы, чтобы окончить мой трудъ, потому что буду на самомъ раскатѣ колесъ окончанія. Важно это предложеніе вспомоществованія еще потому, что пра-

вительство прислало мнѣ двѣ бумаги, на которыя я только и утѣшеніе нашелъ въ моленіи и въ чтеніи Евангелія. Копіи съ нихъ я здѣсь прилагаю. Правительство соглашается заплатить мнѣ за конченную картину, но затрудняется мнѣ дать на ея окончаніе. Я ничего не прошу за трудъ, лишь бы только дали способы мнѣ его окончить, и потому, если и заимообразно меня ссудятъ соотечественники деньгами, то столько же будетъ для труда моего важно, какъ и подаривши. Я прошу у правительства по шести тысячъ въ годъ на три года.

Да не придетъ вамъ въ умъ несообразность съ моей стороны въ томъ отношеніи, что какъ же человѣкъ говоритъ вамъ, что обрывается въ способахъ сейчасъ, а у него еще есть денегъ на полтора года? Привыкнувъ жить навѣрное, я всегда закрывалъ отъ людей остатки, скопляемые лишеніями, не вѣря людямъ ни въ чемъ,—это тоже одинъ изъ монументовъ татарскаго ига. Но теперь, когда въ сердцѣ моего отечества находятся люди, которыхъ чувства совершенно сливаются съ моими, то я рѣшаюсь доживать до послѣдняго гроша, и тогда только прибѣгну къ ихъ благодарнымъ сердцамъ. На дняхъ я ѣду въ Неаполь, для подкрѣпленія моего тѣла морскими банями: я разслабъ, раздавая всѣмъ должныя роли въ продолженіи пяти мѣсяцевъ,—не забудьте, что мнѣ нужно было говорить съ самимъ владыкой.

CXXXIII.

КЪ НЕИЗВѢСТНОМУ.

(Римъ. Іюль 1846.)

Князь Волконскій уже нѣсколько дней какъ здѣсь въ Римѣ, но я былъ въ весьма дурномъ расположеніи духа, и потому васъ тотчасъ объ этомъ не извѣстилъ. Представьте, мнѣ вручили вексель въ 5,500 руб. [1]), на самыхъ ужасныхъ

---

1) Ассигнаціями.

условіяхъ. Я подписался, что непремѣнно окончу картину на эти деньги въ продолженіи одного года. Съ твердымъ упованіемъ на ваше покровительство—доставить мнѣ миръ и спокойствіе душевное, вразумить о необходимости сего людей, отъ которыхъ это зависитъ,—эту благодать съ нетерпѣніемъ я жажду. Одно, что я могъ извлечь изъ настоящаго моего положенія, это пользу—прибить билетъ къ рѣшоткѣ моей студіи, гдѣ, извѣщая, что, обѣщавъ Государю Императору окончить картину въ теченіи года, къ сожалѣнію моему, я долженъ прекратить входъ любопытныхъ видѣть картину. Это, конечно, спасетъ мое время и цѣлость мыслей. Уединеніе и отстраненіе отъ людей мнѣ столько же необходимы, какъ пища и сонъ,—убѣдитесь въ этой истинѣ: это вамъ говоритъ художникъ, прожившій до 40 лѣтняго возраста. Перемѣниться же въ минуту завершенія труда, гдѣ еще болѣе нужно сосредоточеніе мыслей, было бы дѣломъ нелѣпымъ и завело (бы) меня въ разрядъ обманщиковъ и подлецовъ въ глазахъ обѣихъ столицъ отечества, готовыхъ давать мнѣ помощь, въ случаѣ, если правительство мнѣ въ ней будетъ отказывать.

CXXXIV.

КЪ ШЕВЫРЕВУ.

(Неаполь. Лѣто 1846.)

Извините, что опаздываю вамъ отвѣчать. Все это время я находился въ разныхъ испытаніяхъ, а теперь въ Неаполѣ я освѣжился съ помощью минеральной воды и морскихъ бань, которыя еще въ половинѣ. Это облегченіе помогаетъ моимъ силамъ переносить слѣдующія тяжести жизни и продолжать трудъ. Очень, очень будетъ кстати пріѣздъ Ѳеод. Вас., но это еще далеко. Апраксина получила письмо отъ Гоголя, гдѣ онъ пишетъ ей, что пріѣдетъ въ Неаполь черезъ мѣсяцъ, и отсюда пустится въ Сирію. Завидное путешествіе (для того), кто часто погружается въ откровеніе Божіе, кто без-

престанно сидѣть Библію! Мнѣ бы очень хотѣлось видѣться здѣсь съ Гоголемъ, и я думаю остаться выждать его, а на будущей недѣлѣ съѣздить дней на 10 въ Палермо, для срисовки греческихъ мозаикъ въ Монреале. Не найду ли пищи для нашей превосходной церкви? Вѣдь, можетъ быть, не удастся быть болѣе въ Неаполѣ. Усердно благодарю васъ за книги, но все-таки «Древностей Московскихъ» [1]) не получалъ. Вещь-то очень соблазнительная, всякому ихъ хочется имѣть у себя.

Вы противъ Арцыбашева? Я не знаю, что тутъ сказать, а мнѣ онъ нравится болѣе Карамзина. Пока я думаю, что художнику нужны матеріалы, какъ они существуютъ. У Карамзина прекраснымъ русскимъ слогомъ, очень вѣжливо и учтиво, выглажены всѣ остроты, оригинальности и рѣзкости, такъ что все, что сзади текста, въ концѣ книги, то лучше самой книги. Я здѣсь говорю про первое его изданіе. Извините, пожалуйста, что я пустился говорить съ вами дерзко. Но, право, это только порывы русскаго къ истинѣ. Совсѣмъ не имѣлъ понятія о новѣйшемъ изданіи Карамзина [2]). Если Ѳ. В. возьмется его сюда доставить ко мнѣ, то я просилъ бы васъ покорнѣйше прислать его сюда, а другаго случая пока нѣтъ.

Картины мои: «Боецъ», «Лаокоонъ съ дѣтьми» и «Венера Медицейская» дожидаютъ вашего мановенія на квартирѣ моего батюшки въ Петербургѣ. Укладку и пересылку ихъ я желалъ бы, однакожъ, чтобы заплатили; о первомъ позаботится мой батюшка, а о второмъ нельзя ли похлопотать вамъ? Когда вы рѣшите, въ кое время ихъ везти, то извѣстите тогда двумя словами моего батюшку, чтобы хорошенько уложить ихъ. Ящикъ—довольно большой и плоскій, я думаю—три аршина въ ширину и четыре въ длину. Очень бы вы меня одолжили, еслибы прислали полное описаніе московскаго рисовальнаго класса. Подъ чьимъ онъ вѣдѣніемъ, что дѣлаютъ члены, и сколько ихъ, и сколько учителей, и какая ихъ обязанность, и что за люди, приходящіе учиться, какихъ лѣтъ, и что за степень ихъ образованія, и какимъ пу-

---

[1]) Памятники моск. древностей, Снегирева. М. 1842—45. 4°.
[2]) Говорится объ изд. Эйнерлинга въ 3 ч.—П. 1842—43. 8°.

темъ можно его поднять, такъ, чтобы можно было обо всемъ этомъ подумать заранѣе, какъ и съ какой стороны его поднять и усовершенствовать? Если уже я долженъ быть учителемъ, то, разумѣется, въ Москвѣ, а не въ другомъ городѣ Россіи.

CXXXV.

КЪ ГРИГ. КАРП. МИХАЙЛОВУ.

Казамичи. (Лѣто) 1846.

Благодѣтельствуемый милостивымъ пріемомъ Софьи Петровны, я между прочимъ имѣлъ съ ней разговоръ объ васъ, изъ котораго ея превосходительство, узнавъ отъ меня, что вы любимый ученикъ знаменитаго Карла Брюлло, усугубила къ вамъ еще болѣе свое вниманіе.

Если вы еще не оставили своего желанія—сдѣлать съ нея портретъ во славу искусства русскаго, то, мнѣ бы казалось, хорошо бы вы очень сдѣлали, если-бъ прежде приступа къ этому важному дѣлу, пріѣхали бы на нѣсколько дней сюда пожить, дабы изучить ея повороты, въ которыхъ она болѣе изящна, и такимъ образомъ, представя сначала ей эскизъ, ждать отъ нея милостиваго разрѣшенія на ваше прекрасное предпріятіе.

Сколько ни вникалъ въ вашу мысль, чтобы составить себѣ идею изъ ея родословной для портрета, никакъ не могъ ничего придумать. Мое мнѣніе: сдѣлать портретъ или просто съ тиціановскимъ—темнымъ фономъ, или (съ) неаполитанскою загородною околичностью, въ память ея здѣсь долгаго пребыванія.

Будьте увѣрены, что въ ваше дѣло я не буду вмѣшиваться, и, оставляя васъ и свободнымъ, и спокойнымъ, буду надѣяться, что и вы ко мнѣ навсегда останетесь съ тѣми же чувствами.

Поклонитесь отъ меня всѣмъ нашимъ художникамъ, и увѣдомьте, каково здоровье С. М. Воробьева [1]).

---

[1]) Сокр. Максим. Воробьевъ, сынъ извѣстнаго пейзажиста и самъ пейзажистъ.

CXXXVI.

КЪ ГОГОЛЮ.

(Неаполь. Осень 1846.)

Ждалъ я васъ здѣсь, наконецъ рѣшился возвратиться въ Римъ, оставя вамъ это письмо. Со мной случились разныя непріятности съ Зубковымъ [1]); онъ грубой острасткой покорилъ художниковъ, письма мои перехватываютъ. Я просилъ Сверчкова послать мое письмо съ границы къ Чижову, гдѣ я предлагаю Чижову мѣсто Зубкова. По моему убѣжденію, это было бы и наше, и его счастіе.

Здѣсь былъ русскій корабль, и у одного несчастнаго матроса оторвало руки. Я хлопоталъ, чтобы ему собрать что-нибудь. Графиня [2]) была тронута, однакожъ не пригласила меня на завтракъ, гдѣ были всѣ званы на день рожденія ея дочери. Розенбергъ былъ въ полномъ довольствіи отъ моего положенія, и даже Класовскій. Я уединился въ Неаполь, и, читая «Подражаніе Іисусу Христу», хотѣлъ вамъ написать записочку, чтобы вы пріѣхали въ Кастелламаре поправить мои дѣла. Болѣе всего меня занималъ домъ С. П. Апраксиной, глубокія уваженія къ которому мнѣ хотѣлось сберечь, и потому я хотѣлъ уѣхать, не простившись съ ними, чтобы остаться при цѣлости тѣхъ прекрасныхъ идей, какія мнѣ до сихъ поръ о себѣ подавали, и въ эту минуту получаю собственноручное письмо—приглашеніе къ обѣду.

Я провелъ время у С. П. какъ нельзя лучше. Она вынудила меня говорить объ искусствѣ, объ откровеніи Божьемъ и о связи его съ художникомъ, о несчастномъ положеніи художника русскаго и о вѣрныхъ данныхъ—видѣть впереди чудесную ихъ будущность. Я здѣсь занимался въ библіотекѣ древностями Египта, и наконецъ рѣшился имѣть собственностью лучшее изданіе, т.-е. Розеллини. [3]) Дорого оно стоитъ—около 100 скудъ; безъ денегъ—это деньги, но чтожъ дѣлать? Жизнь, можетъ быть, мнѣ пресѣкутъ прежде, чѣмъ исто-

[1]) Зубковъ—секретарь инспекціи надъ русскими художниками въ Римѣ.

[2]) Графиня Софія Петровна Апраксина, урожд. Толстая.

[3]) Rosellini, Monumenti di Egitto e di Nubia.

щатся всѣ послѣдніе способы существованія? Если вы заблагоразсудите взять меня съ собой на поклоненіе гробу Господню, то я готовъ совершенно.

CXXXVII.

КЪ ГОГОЛЮ.

(Римъ. Декабрь 1846.)

Моллеръ, подавая мнѣ письмо ваше, утвердительно сказалъ, что вы въ Іерусалимъ не ѣдете,—значитъ, что и мое положеніе разрѣшено. Карнавалъ приближается, а слѣдовательно и личное свиданіе съ вами. Конечно, тутъ многое будетъ зависѣть отъ здоровья членовъ дома Апраксиныхъ. Но если вы пуститесь къ намъ, въ столицу искусствъ, то дайте мнѣ знать о днѣ вашего прибытія: мнѣ бы очень хотѣлось встрѣтить васъ въ Альбано, тѣмъ болѣе, что я опять имѣю большую надобность побывать у художника Лапченки.

Да устранитъ Богъ всякое діавольское нашествіе отъ васъ, и да пребудете цѣлы и мирны, какъ то̀ явилъ Онъ намъ въ образѣ Іисуса Христа.

CXXXVIII.

КЪ ШЕВЫРЕВУ.

(Римъ. Конецъ 1846.)

Позвольте мнѣ сообщить вамъ нѣсколько моихъ мыслей въ разсужденіи Рисовальнаго класса московскаго. Завьяловъ для него—драгоцѣнность: никто лучше его не знаетъ рисунокъ, такъ строго и учено. Еслибъ Завьяловъ обиленъ былъ въ творчествѣ и литературныхъ знаніяхъ, тогда бы онъ не имѣлъ терпѣнія быть учителемъ рисованія; но человѣкъ вообще самолюбивъ, и чѣмъ меньше вообще онъ имѣетъ даровъ отъ природы, тѣмъ болѣе онъ думаетъ, что ими вла-

дѣетъ. Русскій же притомъ гораздо раздражительнѣе, потому-что идетъ въ раздоръ жившихъ и живущихъ другихъ народовъ. И такъ, самолюбіе Завьялова отнюдь не оскорбленіе,— совсѣмъ не нужно, чтобы онъ зналъ, что я тоже хочу быть полезнымъ Рисовальному классу. Не знаю, достанетъ ли силъ и здоровья, а я чувствую, что могу поднять его выше. Покамѣстъ при случаѣ я соглашу здѣсь послать Рисовальному классу гравюры и двѣ-три лучшихъ статуи въ алебастрѣ, а васъ буду просить: чтобы употребить всѣ силы упросить Завьялова, чтобы какъ можно чаще заставлялъ чертить съ тѣхъ и съ другихъ, отнюдь не говоря, что это моя мысль. Привычка и глáза и руки, молодыхъ, къ наивнымъ и прекраснымъ линіямъ сдѣлаютъ его (ученика) готовымъ къ изображенію мыслей, а къ тому времени и я пріѣду.

Можетъ быть, не будетъ такъ, но нетерпѣніе сказать вамъ о будущемъ такъ и манитъ вамъ еще сообщить,—пожалуйста, однакожъ, это очень между нами.

Мнѣ кажется, учитель въ Академіи, на жалованьѣ, изъ себя дѣлаетъ пошлаго чиновника. Эту форму должно избѣгнуть въ будущемъ устройствѣ [1]).

CXXXIX.

КЪ ГОГОЛЮ [2]).

Римъ, 22 января 1847.

Не отвѣчаю вамъ ни на одно изъ трехъ вашихъ писемъ, потому что отвѣтъ боюсь повѣрить бумагѣ. Только при сви-

[1]) Можетъ быть, къ этому письму относится приписка, помѣщенная у насъ подъ письмомъ къ Шевыреву отъ 4 (16) декабря 1845 г. Въ альбомахъ Иванова съ его черновыми письмами, которыя мы перепечатываемъ здѣсь, встрѣчается иногда, что письмо, начатое въ одномъ мѣстѣ, окончено совсѣмъ въ другомъ, если въ первомъ случаѣ всѣ листы были уже исписаны (См. стр. 201).

[2]) Многія изъ писемъ Иванова къ Гоголю (1845—51) были напечатаны въ „Современникѣ“ 1858, т. LXXII, отд. I, стр. 148—174, съ нѣкоторыми перемѣнами и вставками, сдѣланными Ивановымъ, очевидно, при перепискѣ ихъ на-чисто. Здѣсь онѣ печатаются съ черновыхъ набросковъ, въ прежней редакціи, со включеніемъ однако позднѣйшихъ вставокъ, которыя поэтому и заключены у насъ въ скобки ( ).

даніи личномъ вы замѣтите: виноватъ-ли я, или нѣтъ. Доброта Виктора Владиміровича [1]) меня изумляетъ: онъ, между прочимъ, позволилъ мнѣ вложить это письмо въ свое, чтобы препроводить къ вамъ.

Положеніе мое, все еще тревожное, не можетъ иначе устроиться, какъ вами, т.-е. когда вы вступите въ службу къ князю [2]), какъ секретарь русскихъ художниковъ. Вся ваша дѣятельность—будете писать отчеты обо всѣхъ насъ, во все продолженіе окончанія моей картины. Вы геніальнымъ перомъ вашимъ приготовите Государя на вѣрную оцѣнку нашихъ художническихъ произведеній, которыя въ продолженіи этого же времени будутъ имѣть свое окончаніе. Отчеты будутъ печататься (по Высочайшему повелѣнію), и, слѣдовательно, приготовятъ публику русскую понимать величіе и высоту художника русскаго.

Князь будетъ руководитель Киля. Объ утвержденіи этомъ будутъ стараться многіе. Чижову предложатъ званіе агента. Должность его будетъ—замѣнять начитанность художническую, т.-е. онъ, вмѣсто насъ, будетъ читать книги необходимыя на разныхъ языкахъ (и выносить намъ оттуда результаты, приспособленные къ художнической точкѣ зрѣнія, изъ чего вы, пожалуй, составите книгу для образованія молодыхъ, будущихъ въ Россіи художниковъ). Къ этому—онъ знаетъ математику; слѣдовательно, нуженъ и архитекторамъ. Ему будетъ ввѣрена и библіотека, которой приращеніе будетъ зависѣть отъ васъ и общаго совѣта нашего, подъ предсѣдательствомъ князя. (Онъ будетъ имѣть казенныя двѣ комнаты на сей конецъ. Князь можетъ тогда отставить доктора, и эти деньги обратить на покупку книгъ.) Киль останется попечителемъ художниковъ 3-го званія и имѣющихъ надобность въ помощи. Онъ же будетъ передавать векселя пенсіонерамъ. Все это требуетъ ума и соображенія (Софьи Петровны).

О пріѣздѣ Софьи Петровны прошу меня ранѣе извѣстить, дабы я могъ выѣхать на встрѣчу ей въ Альбано,—не лишите меня этого удовольствія. Аристократъ, дѣйствующій согласно съ высотой его званія, невольно достоинъ похвалы.

[1]) Графъ Апраксинъ, сынъ Софьи Петровны.

[2]) Князь Григ. Петр. Волконскій, сынъ министра двора.

(Вообще, мнѣ очень нужно повидаться съ дельнымъ родственникомъ (Дашенькой).

Недавно мнѣ пришлось испытать нашествіе въ слѣдующихъ словахъ:

«Начальникъ надъ русскими художниками въ Римѣ, завѣдывающій Высочайшими заказами Государя Императора въ Италіи, отъѣзжая въ скоромъ времени на нѣкоторое время изъ Рима, и желая видѣть передъ отъѣздомъ своимъ заказанную вамъ Его Императорскимъ Величествомъ картину, а потому и предлагаю вамъ, милостивый государь, согласно желанію его превосходительства генералъ-маіора Киля, находиться въ студіи вашей во вторникъ 5-го января, съ 10 часовъ утра до 12 пополудни, ибо около сего времени его превосходительство намѣрены посѣтить студію вашу.

Подписалъ секретарь дирекціи (К*** З***) ¹).

И вотъ мой отвѣтъ:

«На присланную вами бумагу долгомъ считаю отвѣтствовать, что данная мною подписка при полученіи денегъ отъ Государя Императора заставляетъ меня употребить всѣ мои часы на приведеніе къ возможно скорѣйшему окончанію моей картины. Вслѣдствіе чего я работаю надъ нею безостановочно, и потому никоимъ образомъ не могу удѣлить ни малѣйшаго времени для пріема посѣтителей въ мастерской моей. При семъ за нужное считаю извѣстить васъ, что, облагодѣтельствованный милостями Монарха и одаренный его благосклоннымъ вниманіемъ къ труду моему, я теперь ни при какихъ неожиданно могущихъ встрѣтиться обстоятельствахъ не дерзну безпокоить его о дальнѣйшемъ пособіи. Письмо это можетъ служить мнѣ подпискою. Вслѣдствіе всего этого, прошу покорно васъ, милостивый государь, представить генералъ-маіору Килю, что я убѣдительнѣйше прошу оставить меня безпрепятственно заниматься моею работою, безъ чего я никакъ не въ состояніи буду, не возмущая моихъ занятій, исполнить мое искреннее желаніе—окончить картину мою къ возможно скорѣйшему времени. До сихъ поръ я отказывалъ самымъ близкимъ мнѣ лицамъ и, кромѣ ихъ,

¹) Зубковъ.

людямъ государственнымъ, глубоко мною уважаемымъ, именно потому, что всякое посѣщеніе, и еще болѣе (когда) конецъ работы на полномъ ея движеніи, возмущаетъ мое внутреннее спокойствіе, и рѣшительно останавливаетъ ходъ ея».

Все, что я тутъ вамъ написалъ, все это тайна, которую прошу никому не довѣрять.

Вамъ совершенно преданный

Александръ Ивановъ.

CXL.

КЪ ЧИЖОВУ.

(Римъ. Начало 1847.)

Неопытность моя въ обращеніи съ людьми срамитъ меня на каждомъ шагу, и особливо въ письменныхъ выраженіяхъ. Я долженъ, наконецъ, сказать, что много пострадалъ въ этомъ году отъ писемъ къ друзьямъ. Однакожъ, ваше отъ 24 декабря непремѣнно вызываетъ меня на это дѣло. Богу угодно, чтобы страданіями пріобрѣлъ я опытность. Прошу предварительно снизойти къ выраженіямъ: я не литераторъ. Прошу также взять въ соображеніе, что человѣкъ всегда находится подъ какой-нибудь минутой его страсти, которая иногда овладѣваетъ и самимъ разумомъ. Однимъ словомъ, приготовьтесь мнѣ прощать.

Къ чему каждый изъ насъ призванъ,—это, мнѣ кажется, мы ни одинъ не можемъ разгадать. Углубляясь болѣе и болѣе въ собственную свою душу, я всегда объ одномъ только забочусь: чтобы въ предположеніяхъ моихъ никого не насильствовать, и ни надъ кѣмъ не владычествовать.

Вашему несчастію я вполнѣ сочувствую, тѣмъ болѣе, что самъ теперь нахожусь въ томительныхъ ожиданіяхъ, безпрестанно прося у Бога подкрѣпленія силъ. Я вамъ слегка намекалъ уже объ этомъ въ послѣднемъ письмѣ, но оставимъ объ этомъ: придетъ время разговоровъ, и отчетливыхъ, и ясныхъ, и уже оно близко.

Женщина создана быть помощницей человѣка: она ему

вполнѣ сострадаетъ, служитъ ему изумительнымъ отдохновеніемъ отъ разумныхъ его напряженій, давая такимъ образомъ силы къ дальнѣйшимъ его предпріятіямъ, и, вводя въ свои тайны, даетъ и физическимъ силамъ свѣжесть и радость. Истинно счастливъ тотъ, кому суждено быть соединеннымъ съ такимъ существомъ. Но какими молитвами до этого достигнешь? Достанетъ-ли слезъ вымыть всѣ подлыя мѣста прошедшей жизни?

Что касается до денегъ, то я вамъ уже писалъ, что въ нихъ теперь не нуждаюсь, и если вы знаете сдѣлать изъ нихъ другой оборотъ въ продолженіи полутора года, то дѣлайте.

Раеву и Солнцеву передалъ всѣ слова ваши, но они теперь хорошо пристроены. Особливо вамъ, въ самомъ дѣлѣ, нельзя теперь объ нихъ заботиться. Остановлюсь здѣсь и отвѣтомъ на ваше письмо: нужно гораздо болѣе силъ, чтобы васъ развлечь и утѣшить, а (я) въ особенности сегодня чувствую себя разслабленнымъ и изнуреннымъ. Все постараюсь употребить, чтобы къ вамъ опять писать, а покамѣстъ остановлюсь на слѣдующихъ словахъ Евангелія... [1])

CXLI.

КЪ ЧИЖОВУ.

(Римъ. Начало 1847.)

Опять я въ искушеніи, опять пишу, опять боюсь. Въ послѣднемъ письмѣ, гдѣ вы были приведены вашимъ горестнымъ положеніемъ въ самое близкое сношеніе съ Верховнымъ существомъ, все-таки проглянуло у васъ какое-то неудовольствіе, за тò, (что) я васъ назвалъ полезнымъ для нашего художественнаго міра, тогда какъ я не только не хотѣлъ васъ этимъ обидѣть, но истинно утѣшить. Благоразуміе требуетъ восторжествовать надъ недоразумѣніями, и, хотя бы стоило обоюдныхъ страданій, все прокладывать дорогу новымъ разъясненіемъ чувствъ и мнѣній. Изъ всего,

[1]) Въ черновомъ наброскѣ письма текстъ здѣсь не заканчивается.

что случается кругомъ меня, и болѣе и болѣе убѣждаюсь, что пока художникъ русскій не вступитъ въ печатный бой съ отечественными литераторами, до тѣхъ поръ не встать искусству крѣпко и прочно на свои собственныя базы. А чѣмъ это начнешь, какъ не письмами? Вотъ почему я радъ нашей разлукѣ, и желалъ бы, чтобы она продолжалась до самаго окончанія моей картины.

Деньги я получилъ отъ васъ въ тотъ самый день, когда послалъ къ вамъ послѣднее письмо. Очень важно, что вы мнѣ ихъ прислали. Я вамъ писалъ, что обстоятельства мои измѣнились, и я въ нихъ не много нуждаться кажется.

Скажу вамъ важную новость: Гоголь навѣрное поѣдетъ нынѣшней весной, и даже очень скоро, поклониться святому Гробу и напечаталъ свою вторую книгу, которую всѣ благомыслящіе ждутъ съ благоговѣніемъ.

CXLII.

КЪ ГОГОЛЮ.

(Римъ. Апрѣль 1847.)

Получилъ я письмо ваше отъ графини Толстой, но такъ какъ письма ваши изъ Неаполя превышали всѣ непріятности, какія мнѣ случалось претерпѣть эту зиму, то я рѣшился оставить это ваше письмо не распечатаннымъ, дабы не пострадать снова.

Викторъ Владиміровичъ ознаменовалъ свой пріѣздъ сюда водвореніемъ мира — между правительственными людьми и художниками. Что съ тѣхъ поръ все идетъ еще успѣшнѣе — это болѣе всего чувствительно и важно для меня, какъ болѣе всего пострадавшаго.

Если уже вамъ очень нужно что-нибудь отъ меня, то гораздо мнѣ легче къ вамъ пріѣхать въ Неаполь, чѣмъ прочесть ваше письмо. Скажите черезъ кого-нибудь, и я сейчасъ пріѣду. Чижовъ уѣхалъ. Трудно, чтобы состоялся его журналъ. Онъ очень, очень не готовъ ни къ принятію должности, ни къ журналу.

CXLIII.

КЪ ГОГОЛЮ.

(Римъ. Весна 1847.)

Я былъ очень встревоженъ вашимъ письмомъ изъ Неаполя, и, подъ вліяніемъ сихъ безпокойствъ, послалъ вамъ мое послѣднее. Вы подробности не знаете моего положенія; слѣдовательно, строго говоря, нельзя мнѣ васъ винить, и потому пока, какъ есть дѣло, я прошу у васъ извиненія за то, что-таки письма мои послѣднія были извѣстной страсти, изъ чего вышла новая бѣда. Чтобы не задѣть никого, я молчу, даже писавъ къ вамъ: молчаніе точно есть единственное средство въ настоящую минуту. Скажу одно, что тогда только чувствую себя вполнѣ сильнымъ, спокойнымъ, и даже способнымъ служить другимъ, когда нѣтъ покушенія на мою независимость

Въ бесѣдахъ съ вами, и только съ одними вами, духъ мой не утомляется. Вы знаете, что̀ мнѣ сказать и что̀ не говорить. Вы меня любите глубоко мудрымъ образомъ, но васъ нѣтъ на лицо, а я поставленъ все въ какое-то столкновеніе съ людьми, и, никогда не имѣя случая изучать ихъ, мучаюсь въ этой каторжной работѣ.

CXLIV.

КЪ ГРАФ. С. П. АПРАКСИНОЙ.

(Римъ. Лѣто 1847.)

Вѣжливость и преданность моя вашему дому давно вызываютъ меня писать вамъ, но я не могу довѣрить перу чувствъ моихъ, столь много разслабленныхъ происшествіями прошедшей зимы. Чувствую себя усталымъ не столько физически, сколько нравственно. Чувствую надобность въ отдыхѣ, т.-е. въ перемѣнѣ образа занятій; предположилъ ѣхать къ вамъ въ Неаполь съ книгами и бумагой, чтобы болѣе выяснить себѣ думы прошедшаго лѣта.

Я вѣрю, что только у васъ мнѣ можно найти полное спокойствіе, столь необходимое для совершенствованія моихъ мыслей. Вполнѣ убѣжденъ, что вы только однѣ способны понять, что полная свобода въ дѣйствіяхъ зрѣлаго художника не только не вредна будетъ ни для кого, но, можетъ быть, еще и пособитъ многимъ въ дальнѣйшемъ духовномъ ихъ развитіи.

Установившись тверже въ идеяхъ, и укрѣпившись тѣлесно, я возвращусь опять въ Римъ, гдѣ самые враги мои, наконецъ, можетъ быть, поймутъ, что прежде окончанія моей картины нѐ на что силъ моихъ тратить, и тѣмъ выиграютъ гораздо болѣе, чѣмъ интригами и остротами.

CXLV.

КЪ БРАТУ.

(Неаполь. Іюнь 1847.)

Третьяго дня въ субботу я получилъ твое письмо, изъ котораго видно, (что) было другое ко мнѣ, которое я до сихъ поръ не имѣю. Крайне сокрушенъ я твоимъ горемъ, и въ этомъ чувствѣ поѣхалъ въ Неаполь, чтобы узнать подробности о тебѣ отъ Колонны. Меня болѣе всего изумляетъ то, что ты не пріѣхалъ со мной проститься передъ отъѣздомъ. Тутъ бы раздѣлили вмѣстѣ горе, оно бы и, можетъ быть, совершенно исчезло. Благодарю тебя за свѣдѣнія помпейскія, я надѣюсь ихъ провѣрить. Я здѣсь останусь еще три недѣли, что̀ составитъ 30 банъ—курсъ, для котораго я сюда пріѣхалъ. Мнѣ очень нужно знать, согласенъ ты со мной путешествовать, въ половинѣ августа, во Флоренцію, Миланъ и Венецію, такъ, чтобы къ октябрю быть въ Римѣ и засѣсть крѣпко за работу? Пожалуйста, напиши мнѣ объ этомъ. Не называй ты мое житье теперешнее—сибаритскимъ. Это совершенно наоборотъ. Никогда въ жизни моей мнѣ столько не нужно было силъ духовныхъ, какъ теперь. А ты, я думаю, и самъ знаешь, что крѣпости духа и все остальное подвластно.

При личномъ свиданіи поговоримъ и о твоихъ, и о моихъ дѣлахъ подробно.

У Михайлова возьмешь вексель, Колонна сохранитъ до моего отъѣзда отсюда. Для этого я пріѣзжалъ въ Неаполь.

Ты все какъ будто сердишься: повѣрь моей опытности, что ссора съ самимъ собой и съ другими останавливаетъ всѣ успѣхи и высокія дѣйствія, безъ которыхъ весь свѣтъ былъ бы вздоръ!

Мы, спеціально ведущіе духовное развитіе отечества, непремѣнно должны искать премудраго примиренія съ властью, обращая ее намъ въ покровительство. Безъ согласія этихъ двухъ сторонъ нельзя ждать возможнаго преуспѣянія. Ты очень дурно сдѣлалъ, что не приготовился принять въ Помпеѣ важнѣйшихъ особъ. Ты меня поставилъ въ обманщики. А что еще хуже, книжечку о Языковѣ и Гоголѣ [1]) увезъ съ собой, тогда какъ Софья Петровна немедленно должна была ее послать къ Гоголю. Сдѣлай милость, сейчасъ же ее вышли на мое имя сюда.

CXLVI.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

Генуя, 18 сентября 1847.

Выѣхалъ изъ воротъ молча. Два римлянина, сидѣвшіе со мной въ ротондѣ, горячо говорили о переворотахъ политическихъ. Одного оставили мы въ Витербо, и тогда другой едва не жаловался на горячее положеніе умовъ, въ которомъ и онъ, хотя и посѣдѣвшій, долженъ невольно принимать участіе. Пустившись изъ Сіены, я остался, къ счастію, одинъ, ибо у меня сдѣлались такія желудочныя схватки, о которыхъ я буду умалчивать.

Милая Флоренція вздохнула въ меня опять своими прі-

[1]) Рѣчь идетъ, вѣроятно, объ отдѣльномъ оттискѣ статьи кн. Вяземскаго изъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ 1847, №№ 90 и 91.

ютами и воспоминаніями о прошедшихъ ученіяхъ, о бытѣ беспечной и спокойной жизни художника свободнаго. Измученный безпрестанными подлыми раздорами, я тутъ отдохнулъ. Порча, сдѣланная по необходимости въ молодости моей, немедленно уступила святости жизни, и первая попавшаяся ласточка уже меня невольно повлекла за собой. Въ пріятной ея улыбкѣ замѣчается сторона черты глубокомысленнаго Леонардо-да-Винчи. Блѣдность и легкій румянецъ ея мирили меня съ меланхолическимъ колоритомъ флорентинцевъ; я даже порицалъ императоровъ, нападающихъ на безполерность флорентійцевъ. Безпрестанно слѣдя за улыбкой ласточки, мысли шли далѣе, но Боже мой—какъ!

Войдемъ глубоко въ настоящее мое положеніе: молодая дѣва, знатная происхожденіемъ соотечественница, прелестная, добрая душою, полюбила меня горячо,—простила мнѣ недостатки и увѣрила меня въ своемъ постоянствѣ. Если я не отвѣчу на все это святостью моей жизни, безъ сомнѣнія буду подлецъ изъ подлецовъ. Пришедъ въ себя, въ раскаяніи я пошелъ домой, чтобы при молитвѣ повергнуть себя ницъ предъ волей Божіей, и въ слезахъ нашелъ полное душевное спокойствіе. На другой день, послѣ кофе въ Эльветико, я почувствовалъ боль въ животѣ, приписалъ это отравѣ, по обыкновенію моему съ нѣкотораго времени такъ думать. Но если это и преслѣдованіе, то преслѣдованіе матери, заботящейся о благосостояніи своего сына. Она разсуждаетъ по-женски, она не можетъ вникнуть во всю высоту новаго значенія моего—художника христіанскаго, художника русскаго. Ея высокій родъ безпрестанно ей мѣшаетъ войти въ равенство со мной.

Письмо со стороны графа Штакельберга снесъ я къ Бирону, секретарю австрійскаго посольства. Дипломатъ занялся его чтеніемъ, сказавъ мнѣ, что онъ готовъ къ услугамъ, а когда я сказалъ о позволеніяхъ, то онъ свысока изъявилъ желаніе подписать ихъ. Въ «Уффиціяхъ» мнѣ дали его такъ легко, какъ я не думалъ. Такимъ образомъ подлеца, вновь пріобрѣтеннаго, я берегъ для рекомендацій въ Миланѣ, на что австріецъ отвѣчалъ, «что вы тамъ-де имѣете своего кон-

сунь, онъ для васъ все тамъ обязанъ сдѣлать». Бибиковъ*) все еще глядѣлъ прыгуномъ и скакуномъ; однакожъ, въ немъ слышны отголоски прекрасной души русской. Опасаясь шпіонства и сплетенъ, которыя такъ усердно поддерживаются людьми безъ дѣла, я съ нимъ старался избѣгать многихъ разговоровъ. Мнѣ все казалось, что многое онъ обо мнѣ знаетъ; — разговоръ его о женитьбѣ имѣлъ какую-то связь съ моимъ положеніемъ. Выставивъ достоинства Эпингера, я нечаянно склонилъ этого послѣдняго на мою сторону. Люди терпѣть не могутъ разъясненія ихъ слабыхъ сторонъ; но похвала сейчасъ ихъ присоединяетъ къ тому лицу, кто этого правила держится.

Изъ Флоренціи выѣхалъ я, въ третьихъ мѣстахъ желѣзной дороги, въ Ливорно. Здѣсь засталъ я весьма важное происшествіе — испросъ національной гвардіи у правительства. «Если не дадутъ намъ національной гвардіи, — говорили въ городѣ, — то будетъ революція». Мнѣ совѣтовали убираться; нѣкоторые уѣхали на пароходѣ въ воскресенье вечеромъ. Я хотѣлъ ѣхать въ Пизу, чтобы поговорить съ Розини о покупкѣ у брата Розеллини, но мнѣ сказали, что въ Пизѣ очень безпокойно, и что Розини долженъ быть очень занятъ.

Въ Ливорно были аффиши, гдѣ Грандука объявляетъ, что просьбу народную отдалъ онъ на разсмотрѣніе въ государственный совѣтъ; а къ вечеру, однакожъ, аффиши тѣ были замѣнены другими, уже не отъ правительства напечатанными, гдѣ высказывается увѣщаніе, чтобы не безпокоиться и ожидать, подобно луккезцамъ, согласія правительства. Это говорятъ имъ ливорнезцы, слышавшіе и знающіе за вѣрное, что готовятся ужасныя сцены со стороны нетерпѣливаго народа. Несмотря на это, толпы народа становились по-двое на главной улицѣ; пошли маршемъ на площадь, безпрестанно умножаясь, съ кокардами изъ трехъ цвѣтовъ на лѣвомъ боку. Вся масса отправилась къ желѣзной дорогѣ, чтобы получить правительственный отвѣтъ. Всѣ были въ нетерпѣніи. Наконецъ къ сумеркамъ, на площади поднялися

*) Матв. Пав. Бибиковъ, художникъ-любитель, извѣстный особенно своими письмами объ Италіи.

знамена трехъ-цвѣтныя, заиграли маршъ дилеттанты. Бюстъ папы, окруженный среднимъ классомъ, несся впереди, и все превратилось въ войско. Губернаторъ первый иллюминовалъ свой домъ, къ которому подошло все множество, преклоняя свои знамена; потомъ передъ главной гауптвахтой было тоже. Карабиньеры еще съ самаго начала замолкли, и были спокойными зрителями. Всю ночь почти ходили маршемъ, средній классъ съ простымъ по городу. На другой день аффиши возгласили, что нужно благодарить Бога за милости, и вотъ въ каѳедральную церковь народъ, взявъ стройно подъ руку карабиньеровъ, попарно входилъ въ храмъ Божій. Многіе кричали: «Да здравствуетъ уничтоженіе шпіоновъ!» Войска съ музыкой тоже провожали народъ въ церковь. Тутъ уже очень много явилось хорошо одѣтыхъ людей и дамъ съ кокардами, сквозь слезы смотрящихъ на такое примиреніе правительства съ народомъ. Явились и трибуны, говорили рѣчи подъ знаменами, но я не могъ всего услышать. Физіономія одного изъ нихъ была какъ бы замертво потрясенная,—видно, что ораторъ былъ сильно взволнованъ новымъ своимъ положеніемъ. Объявлена была раздача хлѣба бѣднымъ братьямъ въ тѣхъ мѣстахъ города, гдѣ назначена была подписка на такое пожертвованіе, въ томъ числѣ въ кафе Минерва. Народъ, обступившій его здѣсь,—были молодые здоровые рабочіе, безпрестанно входящіе въ кафе толпой просить денегъ на покупку кокардъ. Полиціи не было въ дѣйствіи въ эту минуту; хозяинъ кафе долженъ былъ уговаривать безпрестанно о выхожденіи за двери докучныхъ просителей. Это маленькое злоупотребленіе скоро окончилось. Хозяева въ трактирахъ и факины вдругъ сдѣлались честнѣе. Я отправился на пароходъ. Сильный вѣтеръ, хотя и попутный намъ всѣмъ, нагналъ морскую болѣзнь. Я прибылъ въ Геную самымъ несчастнымъ человѣкомъ: рвота и безсонница меня измучили. Генуя великолѣпна; народъ, хотя и не строгой красоты, но полный здоровья, какого я давно не видалъ. Независимость государственная дѣлаетъ ихъ какими-то героями самостоятельными. Отличное войско, честность повсемѣстная и порядокъ заставили меня ихъ уважать. Великолѣпны пункты зрѣнія въ Генуѣ: въ величіи она имѣетъ что-то

римское, — дворцы великолѣпны, мраморъ кажется здѣсь ни по чемъ. Мой вожатый завелъ меня, между прочимъ, къ русскому консулу. Я какъ-то очень давно слышалъ, что консулъ нашъ въ Генуѣ честный человѣкъ, но вотъ какъ онъ меня принялъ: сталъ разсматривать паспортъ, и хотѣлъ меня отправить немедленно въ Россію, опираясь на законъ, что русскій подданный не смѣетъ быть болѣе трехъ лѣтъ въ чужихъ краяхъ. Растревоживъ меня такимъ образомъ, этотъ подлецъ, обернувъ паспортъ, нашелъ тамъ послѣднюю подпись Бутенева, и, основываясь на этомъ, сказалъ, что можетъ прописать въ Миланъ, съ возвратомъ въ Римъ. Наконецъ, сталъ спрашивать: состою ли я на службѣ? на что я ему отвѣтилъ, что работаю картину по заказу Государя и, получивъ первую золотую медаль, я тоже состою на службѣ. Подлецъ, выходя со мной изъ комнаты, сказалъ, что его обязанность служить всѣмъ русскимъ, и что онъ жалѣетъ, что не обходитъ со мной Генуи. Паспортъ стоитъ около 8 франковъ; 37 фр. заплатилъ за мѣсто, чтобы выбраться скорѣе изъ Генуи. Ночью, за ужиномъ, по лѣстницѣ звонкимъ эхомъ играла мандолина, и разбавила горесть жизни угнетаемаго путешественника, преданнаго одному своему дѣлу, проводящаго его чрезъ всѣ пакости соприкосновенныхъ ему людей. Пріѣхавъ къ границѣ шпіонской, желтый цвѣтъ будокъ съ черными полосами смѣнилъ намъ самостоятельное чувство Сардиніи на удушливые вздохи Ломбардіи. Къ намъ влѣзъ въ карету сѣдой чиновникъ; огрубѣлыя черты его, и полныя довольства, представляли намъ идеалъ мытарства. У Porta Ticina убранство разноцвѣтныхъ тряпокъ съ мишурой грустно представляло потѣху праздника: народъ зѣвалъ, чего-то ждалъ, женщины живѣе суетились, и одни уличные мальчишки, кажется, были вполнѣ довольны, подбирая падающіе съ лотковъ и лавокъ орѣхи, и собирая окурки сигарокъ. Сложа чемоданъ въ отелѣ, я тотчасъ пошелъ alle Grazie [1]). Безсмертный Леонардо и въ развалинахъ своихъ все еще царь Милана, ни одинъ путешественникъ не забываетъ ему поклониться. Горестно было смотрѣть на пропадающее уди-

[1]) Церковь Madonna delle Grazie, гдѣ находится „Тайная Вечерь" Леонардо-да-Винчи.

вительное творенie. Сейчасъ за карандашъ! и восемь дней были опредѣлены на практическое изслѣдованie оставшихся красотъ. Съ помощiю этой же композицiи, исполненной Маркомъ д'Оджоне въ Брерѣ, славный Моргенъ сей послѣдней больше держался, чѣмъ оригинала, исключая фигуры Христа; говорятъ, что увезенная въ Англiю копiя Гауденцiя Феррари на холстѣ лучше всего можетъ напоминать оригиналъ. Присоединивъ въ альбомъ мой этюдикъ Iуды и Петра, и рисуночки Леонардо въ Амброзiанѣ [1]), я простился съ Миланомъ, т.-е. съ «Тайной вечерью» великаго художника, поклонившись творенiю его до земли. Подлецъ литераторъ-художникъ Босси [2])! Поставивъ копiю съ Леонардо въ Брерѣ, онъ въ ней горькiй и прегорькiй подлецъ. Какъ литератора, мнѣ его хвалили, но я все-таки не купилъ его разсужденiй о Леонардо, испугавшись его произведенiя. Говорить объ искусствѣ легче, нежели самое искусство. Опять спустился я въ Генную, но не въ силахъ болѣе тотчасъ отправиться въ Тоскану. На другой день я уже дѣлалъ эту дорогу землей. Купецъ генуезскiй, сидя противъ меня, утомился моимъ молчанiемъ. Я началъ говорить, касаясь всегда политики Италiи, что̀ очень не нравилось: они какъ видно другъ друга боятся на этомъ разговорѣ. Пiемонтъ эгоистъ: онъ только мечтаетъ, чтобы ослабить австрiйца, да и то, если можно, не двигаясь съ мѣста, чужими руками. Войска сардинскiя, за день до моего прiѣзда къ границѣ, были высажены съ парохода, и мы безпрестанно видѣли пикеты. Марiя-Тереза отказалась отъ пармскаго царствованiя, и уѣхала оканчивать жизнь въ Вѣну. Луккскiй герцогъ, почти выгнанный изъ своего владѣнiя, думаютъ, что теперь въ Пармѣ. Въ Луккѣ мы почти народу не видали, но трактирный слуга разсказывалъ о луккезцахъ, какъ о герояхъ. Особой честности мы не замѣтили. Были въ театрѣ;

---

[1]) Амврозiанская библiотека.

[2]) Миланскiй живописецъ Босси употребилъ нѣсколько лѣтъ своей жизни на самое подробное изученiе „Тайной вечери", Леонардо-да-Винчи, и всѣхъ рисунковъ автора, къ ней относящихся. Плодомъ этого изученiя былъ рисунокъ въ натуральную величину, въ которомъ авторъ старался возстановить полустертую фреску въ ея первобытномъ видѣ, — и книга, подробно излагавшая всю исторiю и технику картины.

«Макбетъ» Верди превосходенъ. Говорилъ мнѣ товарищъ, что послѣ первыхъ двухъ актовъ пѣли всѣ гимнъ папѣ. Все сдается на царствованіе анархіи, — можетъ быть, это черновое только. Лукезцы не хотятъ въ службѣ у себя видѣть иностранцевъ. Въ Пизѣ, Розини старался мнѣ продать свой собственный экземпляръ сочиненія Розеллини, увѣряя, что цѣна увеличилась; но я прежде зналъ, что можно достать у братьевъ покойнаго Розеллини за 100 францисконовъ [1]), и потому не мало удивился, что знаменитый литераторъ, представитель Пизы, столько же подловатъ, какъ простой извозчикъ.

CXLVII.

КЪ ГРАФ. С. П. АПРАКСИНОЙ.

(Римъ. Осень 1847.)

Столь много приближенный къ вашему дому благословенными воспоминаніями Искіи и Кастелламаре, я чувствую непреодолимое желаніе знать о положеніи и здоровьѣ какъ вашемъ, такъ и достопочтеннѣйшаго семейства вашего. Третьяго дня, возвратясь въ Римъ, былъ у графа Строгонова, но онъ меньше мнѣ могъ сказать, чѣмъ я знаю, и потому просилъ бы васъ покорнѣйше написать мнѣ сюда двѣ строки, или, по крайней-мѣрѣ, наказать объ этомъ Михайлову.

Въ Римѣ все успокоилось; иностранцы, прожившіе здѣсь десять лѣтъ, имѣютъ право вступить въ службу національной гвардіи, по своему желанію. Такъ мнѣ сказали англійскіе художники; но почтеннѣйшій нашъ художникъ Іорданъ стоялъ уже два раза на часахъ.

Видя васъ особенно внимательными къ теченію дѣлъ моихъ, я долженъ вамъ сказать, что надняхъ получилъ бумагу слѣдующаго содержанія: «Императорская Академія Художествъ. Г-ну академику Александру Иванову. — Правленіе И. А. Х., препроводивъ къ г-ну начальнику русскихъ художниковъ въ Римѣ слѣдующій вексель на Высочайше назначенную вамъ,

[1]) Тосканская монета „францисконе“ равнялась 5 франкамъ,

по представленію его императорскаго высочества, президента Академіи, сумму на содержаніе въ Римѣ на полгода, для окончанія картины вашей, въ 1768 франковъ 80 сент., увѣдомляетъ васъ о семъ, съ тѣмъ, чтобы вы явились къ генералъ-маіору Килю за полученіемъ векселя».

Вы знаете, какой я невѣжда въ сношеніяхъ съ правительственными людьми,—это (я) всѣмъ доказалъ страданіями моими прошедшаго года. Что это за бумага, вслѣдствіе чего она прислана, можно-ли мнѣ быть увѣреннымъ, что не понесу новыхъ страданій, если возьму эти маленькія деньги?

Конечно, еслибы обстоятельства вамъ способствовали сюда пріѣхать, тогда легче бы было. Жду со дня на день Николая Васильевича, и тогда воспользуюсь его опытностью.

Пожалуйста, извѣстите меня, которымъ вы путемъ поѣдете: черезъ Molo di Gaeta, или Ceprano, дабы мнѣ васъ видѣть тремя или четырьмя часами прежде.

CXLVXIII.

КЪ ГОГОЛЮ (?).

(Римъ. Октябрь 1847.)

Наслышался я много горестнаго объ васъ. Не знаю, все ли вѣрно? Судя по письму вашему къ Іордану, многое подтверждается. Согласимся однакожъ, что несчастія намъ даются свыше, дабы мы могли имѣть болѣе способовъ жить, въ глубинѣ самихъ себя, въ полной покорности волѣ Провидѣнія. О трудностяхъ моей жизни я не буду вамъ говорить ничего до личнаго свиданія: все важное у меня и записывается, и запоминается. Теперь только скажу, что мнѣ нужны будутъ деньги, оставленныя Языковымъ, въ продолженіи этого полугода. Но объ этомъ я не буду къ вамъ писать: еще разъ, я имѣю на это причины.

CXLIX.

КЪ ГРАФ. С. П. АПРАКСИНОЙ.

Римъ. Октября 29, 1847.

Извините, что опаздываю отвѣтомъ на оба ваши письма, въ которыхъ столь прекрасно выражается чудная, свѣтлая ваша душа. Отлагалъ я и потому, что ждалъ нашего общаго друга и учителя, Николая Васильевича, и потому не являлся до сего дня въ канцелярію посольства, чтò составляетъ важную эпоху, съ нѣкотораго времени, въ моей жизни, по ощущеніямъ, какія чувствуетъ душа моя предъ входомъ туда, во время разговора тамъ, и послѣ этой операціи. Этотъ разъ, въ отношеніи къ прошедшему году, то же былъ, чтò натуральная жестокая оспа къ прививной. Результатъ все-таки тотъ, что нужна бумага изъ Петербурга, въ которой бы помѣщено было, что они меня не имѣютъ права безпокоить посѣщеніемъ въ студію, а иначе, говоритъ Устиновъ [1]), Киль, какъ приставъ надъ царскими заказами, или князь, по особой просьбѣ Государя, придутъ свидѣтельствовать, кàкъ подвигается моя картина. Не знаю, принять ли мнѣ этотъ разговоръ за простой и обыкновенный правительственнаго лица съ вѣрноподданнымъ русскимъ, кáкъ это мнѣ случилось въ Генуѣ съ нашимъ консуломъ, чтò хотѣлъ меня отправить немедленно въ Россію, не замѣтивъ на паспортѣ подписи Бутенева, или и въ самомъ дѣлѣ тутъ нужна бумага?

Вы не повѣрите, какъ скучно смотрѣть на этихъ людей, которыхъ все занятіе состоитъ какъ будто въ томъ, чтобы безпокоить людей, истинно и дѣльно занимающихся. Ясно, что тутъ недостаетъ лица съ глубокимъ сердцевѣдѣніемъ, и способнаго понимать художника, — тогда все бы приняло благой оборотъ.

Обо всемъ этомъ я еще болѣе подумаю, соберусь навѣстить нѣкоторыхъ изъ нашихъ художниковъ, и потомъ напишу къ вамъ продолженіе этого письма, а покамѣстъ скажу,

---

[1]) Секретарь русскаго посольства въ Римѣ.

что получилъ отъ Устинова два векселя: одинъ отъ Академіи, о которомъ вамъ писалъ, а другой отъ Государя Наслѣдника во сто червонцевъ, присланный мнѣ Василіемъ Андреевичемъ Жуковскимъ, съ весьма замѣчательнымъ письмомъ, о которомъ я буду говорить послѣ.

Вчера сюда прибылъ Моллеръ, и весьма благодарилъ меня за ваше вниманіе къ его здоровью, переданное мною по вашему порученію.

CL.

КЪ ЖУКОВСКОМУ.

Римъ. Ноября 21, 1847.

Письмо ваше, со вложеніемъ 3000 руб., отъ Государя Наслѣдника, весьма много пособило перемѣнѣ моего положенія. Деньги хотя уже и сами по себѣ вещь нужная для дѣятеля-художника, но тутъ еще важнѣе то, что его высочество вниманіемъ своимъ выкупаетъ меня отъ сроковъ и другихъ людскихъ причудъ. Конечно, всѣмъ этимъ я обязанъ вамъ, за что̀ и приношу искреннюю мою благодарность. Тревожное состояніе мое прошлаго года, не позволявшее мнѣ заняться спокойно моимъ дѣломъ, я силюсь поправить нынѣшнимъ, и потому весь отдался моей картинѣ. Если Богъ поможетъ скоро совершить трудъ, то я надѣюсь самымъ дѣломъ убѣдить васъ, что способенъ изъ житейскаго простаго быта (tableau de genre) вознестись до изображенія Бога-человѣка.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ имѣю честь быть вамъ покорный слуга

Александръ Ивановъ.

CLI.

КЪ ГОГОЛЮ.

(Римъ. Началo 1848.)

Какъ ни заклявался я ни къ кому не писать писемъ, но ваша статья обо мнѣ насильно водитъ перо и руку [1]).

Цѣлую и обнимаю васъ въ знакъ совершеннаго съ вами замиренія, и возвращаюсь опять въ то положеніе, когда, смотря на васъ съ глубочайшимъ уваженіемъ, вѣрилъ и покорствовалъ вамъ во всемъ. Я вполнѣ былъ всегда увѣренъ, что посредникомъ между художниками и высшимъ начальствомъ, кромѣ васъ, никто не можетъ быть. Чѣмъ скорѣе вы тутъ будете, тѣмъ менѣе мы понесемъ страданій, которыя, за неимѣніемъ такого человѣка, какъ вы, обрушиваются на лучшихъ, а въ особенности на меня. Вотъ все, что я могу сказать. Могу еще желать, чтобы вы это прочитали Софьѣ Петровнѣ.

Одно мнѣ позвольте возразить противъ слѣдующихъ словъ вашей статьи: «*Ивановъ ведетъ жизнь истинно монашескую*». И очень бы не отказался имѣть женой монахиню—женщину, занятую преслѣдованіемъ собственныхъ своихъ пороковъ!

Я опять испугался людей, чувствую себя нѣсколько разстроеннымъ, и потому боюсь въ этомъ положеніи являться обществу. Вотъ почему и къ Г*** нейду. Новое политическое состояніе Рима требуетъ большаго времени, чтобы замѣтить важные и истинные плоды.

Книга ваша ходитъ здѣсь по рукамъ, и я бы могъ ее достать у Раевскихъ, но я не былъ у нихъ съ начала ихъ пріѣзда, и это-то меня уже сильно отъ нихъ отстраняетъ. Удивляюсь добротѣ Софьѣ Петровны: рѣшилась изувѣчить свою книгу для меня. Пожалуйста, принесите ей за это мою искреннѣйшую благодарность.

---

[1]) Извѣстная статья Гоголя въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями“.

CLII.

КЪ ЧИЖОВУ.

(Римъ. Весна 1848.).

Весьма благодарю за присылку денегъ: все такъ обставилось, что я безъ нихъ, въ самомъ дѣлѣ, не въ состояніи бы былъ ни существовать, ни продолжать трудъ, или, по крайней мѣрѣ, былъ бы въ большихъ заботахъ и хлопотахъ.

Первый вашъ вексель я медлилъ размѣнять, и за то теперь дорого плачу.

Образованность Запада, вмѣстѣ съ формой ихъ религіи, находится въ самомъ трудномъ положеніи. Этотъ любопытный ихъ кризисъ, конечно, никому не будетъ такъ полезенъ, какъ русскимъ, которымъ суждено придти послѣднимъ на поприще духовнаго своего развитія и завершить все спокойно, здравой критикой. Въ этой нравственной борьбѣ мы, художники, должны быть самые послѣдніе дѣятели. Вы же, напротивъ, сейчасъ же должны выступать. Ваша программа—написать статью объ иконной и исторической живописи совершенно согласна будетъ съ требованіемъ времени, и въ особенности для насъ весьма будетъ любопытна. Эта мысль меня постоянно занимаетъ. Къ моему рѣшенію много будетъ способствовать ваша книга. Желательнѣе было бы, чтобы все было сжатѣе и короче.

Очень радъ найденной вами для меня Библіи, но не торопитесь, если нѣтъ вѣрнаго случая къ ея пересылкѣ.

CLIII.

КЪ НЕИЗВѢСТНОМУ.

(Римъ. Весна 1848.)

Это правда, при послѣднемъ свиданіи я выпросилъ у васъ годъ времени, надѣялся сдѣлаться практически достойнымъ милостей вашихъ. И точно, дѣлаю все, что могу, но натура дѣла моего весьма медленна, и всякая быстрота и торопли-

вость помѣшали бы посильному моему совершенству, а между тѣмъ лѣта мои уходятъ, а съ ними и тѣ дни, въ которые человѣкъ долженъ бы быть сопричастенъ самымъ высокимъ наслажденіямъ жизни. Совѣстливое окончаніе трудовъ моихъ, и въ минуту ихъ совершенія, и впослѣдствіи, можетъ меня сдѣлать любезнымъ для общества. Но неужели мы все еще живемъ въ тѣ суровыя времена, когда нельзя въ тоже время прибавить и самыя высокія наслажденія жизни, составляющія полноту человѣческаго блаженства?

Очень бы желательно слышать что-нибудь о Николаѣ Васильевичѣ. Общій воспитатель, вѣроятно, еще болѣе усовершенствовался внутри себя. Неужели истиннымъ способностямъ необходимо безобразное клеймо казенное, и особливо тогда, когда они еще не совсѣмъ утвердились въ общемъ мнѣніи. Я полагаю, что бесѣда художниковъ для его будущности необходима: онъ зачерпнетъ изъ нея многое, чтобы создать планъ будущаго блестящаго для нихъ дѣйствія. Не одѣтый въ казенную форму, онъ гораздо откровеннѣе найдетъ сердца лучшихъ, на которыхъ опирается все въ будущемъ, а исполнивъ свои сочиненія и окончивъ удобопонятнымъ обществу (образомъ), пріобрѣтетъ законную себѣ опредѣлительность, какъ отъ насъ, общества, такъ и отъ правительства, и то, что теперь было отвратительно, будетъ тогда и справедливо, и необходимо.

Сердечно жалѣю, что встрѣчаю васъ въ горѣ, но не знаю, чей крестъ тяжелѣе. Мнѣ, какъ послѣднему дѣятелю въ пути образованія, нужно самое нѣжное спокойствіе, чтобы вести вдаль дѣла.

Былъ періодъ въ моей жизни, когда, подъ защитой неизвѣстности, созидалось у меня все любовію къ искусству, теперь нужно ждать другаго—милосердія и терпѣнія общества.

Солнцева вещь для Языкова, какъ будто, кончена. Меня увѣряютъ, что это копія съ той, которую онъ отдалъ королевѣ нидерландской. Чтобы это подтвердить, нужно видѣть обѣ картины вмѣстѣ. Но все-таки Солнцевъ въ этой картинѣ и не преданный искусству человѣкъ, и не достоинъ имени русскаго.

CLIV.

КЪ ЧИЖОВУ.

(Римъ. Іюнь 1848.)

Что мнѣ сказать вамъ на письмо ваше отъ 1-го іюня? Я не знатокъ сердца человѣческаго, и самъ очень еще не дошелъ до спокойствія душевнаго. Съ этими данными, и при искренней моей къ вамъ привязанности и любви, могъ наговорить вамъ много неутѣшительнаго и даже непріятнаго, совсѣмъ не замѣчая самъ этого. Мы же, какъ вы видите сами, живемъ въ эпоху приготовленія для человѣчества лучшей жизни. Слѣдовательно, всѣ мерзости отъ прошлыхъ временъ мы должны взять на себя, и въ исправности представить обществу — каждый свое поприще, и за прошедшія наши пакости не смѣть и ждать, подъ конецъ жизни нашей, отрадныхъ результатовъ: они будутъ гораздо впереди, со слѣдующими поколѣніями, и тогда развѣ вспомнятъ и объ насъ. Несмотря на такое горестное положеніе нашего времени, мы должны быть бодры и достойны этого труднаго переходнаго періода. Итакъ, впередъ! Повѣрьте, что мое положеніе нисколько не легче вашего. Вы, по крайней мѣрѣ, высказываетесь, и этимъ, хотя немного, да себя облегчаете, а я и того сдѣлать не смѣю. Скоро и я отправлюсь изъ Рима, но куда—и самъ еще не знаю. Хотѣлось бы въ Неаполь, къ морскимъ банямъ. Вы все-таки пишите въ Кафе Греко. Братъ все въ глубинѣ термъ Каракаллы. Его рисунки я оцѣнить не умѣю. На-дняхъ былъ въ студіи у Капкова: онъ у насъ стоитъ теперь во мнѣніи, какъ лучшая надежда отечества по исторической живописи. Школа Брюлло у него отозвалась; миленькая чучарка и хорошенькая альбанка читаютъ книгу (хотя чучарки и альбанки читать не умѣютъ), портретъ одного изъ пріѣзжихъ русскихъ — все это показываетъ большаго практика удовлетворять желанію современной публики. Ковригинъ хотя, повидимому, и меньше владыка кисти, но, судя по направленію, на которое онъ вступаетъ, копируя усердно «Вѣнчаніе Богоматери» первой манеры Рафаэля, можно надѣяться, что превзойдетъ всѣхъ трехъ золо-

тыхъ медалистовъ. Я, съ моей стороны, при каждой встрѣчѣ съ ними говорю о Ватиканѣ, но въ Ватиканѣ ихъ все-таки не видно. Надежда быть въ Италіи воспламеняетъ петербургскаго ученика къ успѣхамъ въ своемъ искусствѣ, но рѣдкій и очень рѣдкій находится, какъ тутъ себя вести и обставить.

Еще разъ вамъ скажу: не заботьтесь о доставленіи мнѣ Библіи. Право, некогда и того прочесть, что подлѣ меня лежитъ, и что во-первыхъ нужно. Я теперь весь предаюсь практической исполнительной части. Не знаю, сколько я подвинулъ картину, но, кажется, работалъ, сражаясь съ невзгодами, какія мнѣ этой зимой случалось встрѣтить въ жизни.

Радуюсь, что имѣю отъ васъ благодатныя извѣстія о Гоголѣ. Читалъ я на-дняхъ его книгу «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями». Не знаю, за что это на него такъ нападаютъ—тамъ есть превосходныя мѣста. Жаль, однакожъ, что онъ тамъ написалъ обо мнѣ и Іорданѣ: эти мѣста невѣрны.

Не думайте, чтобы я сталъ нападать на васъ за вашу привязанность къ женщинѣ. Это правда, я до сихъ поръ это чувство пряталъ и отъ себя, и отъ другихъ, видя въ немъ страшное препятствіе для занятій, но теперь, теперь,—ну объ этомъ уже въ слѣдующемъ письмѣ: это уже и безъ того довольно длинно. Сабины уже нѣтъ въ Римѣ: она съ мужемъ въ Фолиньо—тамъ и останется. Эмилія только-что высвободилась отъ бремени, и также отправится къ мужу въ Болонью. У меня останется только Чечилія.

CLV.

КЪ ГОГОЛЮ [1]).

Римъ. Іюля 25, 1848.

Добрый нашъ Ѳ. В. Чижовъ хочетъ написать разсужденіе объ иконной и исторической живописи; (но) говоритъ, что

[1]) См. примѣч. на стр. 229.

ему недостаетъ для этого начитанности, которую берутъ на себя духовныя лица. Я его утвердилъ въ его чувствованіяхъ, сказавъ, что явленіе этой книги будетъ совершенно согласно съ требованіемъ нашего времени. Желательно, однако же, и мнѣ было бы знать ваше мнѣніе, въ разсужденіи того: можетъ ли описаніе предшествовать факту? Можетъ ли литераторъ дѣйствовать тутъ прежде художника, и достаточно ли слово сего послѣдняго, не утвержденное его практическимъ дѣломъ? Мнѣ, наконецъ, кажется, что прежде чѣмъ представительный живописецъ не рѣшитъ это опытомъ, представивъ, хотя въ малыхъ видахъ, икону и историческую картину, нельзя литератору говорить объ этомъ вѣрно и смѣло, хотя бы даже и пользовался (онъ давнею и справедливою) вѣрою публики, по уму своему, извѣстному по другимъ предметамъ [1]). Очень одолжите, если отвѣтите мнѣ именно на эти строки.

Радуюсь, что вы совершили благополучно путешествіе къ Св. Гробу. Чѣмъ-то вы насъ подарите? Вѣдь отъ васъ всѣ ждутъ чудесъ. Я тоже думаю, что, можетъ быть, въ этой вашей будущей книгѣ, художникъ изъ ничтожества и предмета печатной колкой насмѣшки вынесется въ дѣятеля общественнаго образованія, и тогда мы съ вами съ миромъ изыдемъ, (чтобы приготовить миръ міру).

Глубоко васъ почитающій
Александръ Ивановъ.

(Наступающій жаръ и усталость душевная высылаютъ меня изъ Рима, но куда, я еще не рѣшился. Если случится истинно отдохнуть и придти опять въ спокойствіе и полныя силы, но напишу къ вамъ и подробнѣе, и по отчетливѣе обо всемъ).

---

[1]) Вслѣдствіе своего таланта, проникающаго другіе предметы. (Такъ измѣнилъ Ивановъ послѣднюю фразу при переписке письма на-чисто, см. Современникъ 1858, т. 72, отд. I, стр. 168).

CLVI.

КЪ БРАТУ.

Неаполь. Іюль, вторникъ, 1848.

Любезный братъ.

Какъ я сожалѣю, что ты меня все еще не понимаешь, и потому, какъ видно изъ твоего письма, все еще находишься въ тревогѣ. Возьми себѣ одинъ разъ навсегда за правило—дѣйствовать согласно съ твоимъ собственнымъ убѣжденіемъ, а мнѣнія другихъ не иначе принимать, какъ перебравъ ихъ строжайшей критикой со всѣхъ сторонъ. Ты самъ, я думаю, видишь, что между нами есть разница. Ты живешь на казенный счетъ, Государь поставилъ директора надъ пенсіонерами; слѣдовательно, ты подлежишь его вѣдѣнію, и всякій бой съ твоей стороны тутъ былъ бы нелѣпымъ и препятствующимъ главной твоей цѣли и счастію. Мое положеніе совсѣмъ другое: я членъ Академіи, живущій на свой счетъ. Въ первомъ условіи я долженъ беречь честь Академіи, а вслѣдствіе втораго я совершенно человѣкъ свободный. Если мнѣ былъ назначенъ пенсіонъ, то самъ ты согласись, что не могу я идти за нимъ вслѣдствіе постороннихъ объ немъ толковъ: мнѣ необходимо было ожидать оффиціальнаго объ немъ извѣстія; иначе, пришедши въ директорство за пенсіономъ, вслѣдствіе толковъ, которые, положимъ, оказались бы пустыми, самъ ты разсуди, какимъ бы я тогда былъ пошлымъ дуракомъ. Товарищей я всегда любилъ и люблю, но люди, совѣстливо не занимающіеся своимъ дѣломъ, заботящіеся о доставленіи себѣ мелкихъ животныхъ удовольствій, издерживая на нихъ безпощадно свою нравственность, невольно отупѣваютъ къ чувству всего высокаго, и даже часто издѣваются надъ людьми, стремящимися къ нему въ своемъ затворничествѣ. Впрочемъ, личное мое присутствіе покажетъ мнѣ всѣхъ ихъ, а беззанозливое мое обращеніе съ ними меня дѣлаетъ даже ихъ другомъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, мы здѣсь устроились. Михайловъ, Ставассеръ, Ивановъ [1]) и даже

[1]) Скульпторъ.

Прангъ [1]) со мной въ ежедневномъ находятся соприкосновеніи.

Прощай же, душа моя, не безпокойся ни о чемъ: мнѣ Циммерманъ обѣщаетъ возстановленіе силъ. Третьяго дня я обѣдалъ у Чернышевыхъ. Князья Волконскіе уже добрались до Варшавы. Если старику не хуже, чего надѣяться трудно, дай Богъ ему силъ хоть на одинъ годъ. Многое что̀ у насъ поправится, если онъ будетъ на прежнемъ мѣстѣ. Береги отъ воровъ мою студію; ты что-то мнѣ объ этомъ ничего не упомянулъ.

Въ надеждѣ на Бога и на людей, ищущихъ его въ истинѣ, остаюсь братъ твой

Александръ.

Сегодня беру третью баню, остается 27, а потомъ лично съ тобой увижусь.

CLVII.

КЪ ЧИЖОВУ.

(Римъ. Октябрь. 1848.)

Всего четыре дня какъ я здѣсь въ Римѣ, а сколько уже натерпѣлся! И, что̀ еще важнѣе, не имѣлъ времени взглянуть на мою картину, послѣ трехъ-мѣсячнаго моего отсутствія. Братъ давно зналъ о кончинѣ нашего батюшки [2]), но щадилъ меня извѣщать о семъ въ Неаполь. Отдавъ послѣдній долгъ слезами, я теперь стараюсь устроить какъ положеніе бѣдной моей племянницы, такъ и полученіе наслѣдства. Денегъ, я думаю, онъ намъ оставилъ до 25 тысячъ руб. (ассигнаціями), кромѣ процентовъ, которые всѣ въ концѣ дѣла. Полученіе и распоряженіе всего этого мы поручили отъѣзжающему отсюда нашему давнему знакомому, Өеодору Антоновичу Моллеру. Согласитесь, что лучше сего мы ничего не могли придумать въ настоящую минуту. Нужно

[1]) Архитекторъ.

[2]) Отецъ Иванова умеръ отъ холеры, 12 іюля 1848.

бы сыскать въ Петербургѣ комнату, куда бы сложить картины и рисунки до пріѣзда нашего, но это я не знаю какъ сдѣлать, а время не терпитъ. За большую нашу квартиру не хочется платить понапрасну, тѣмъ болѣе, что племянница выйдетъ за мужъ, о приготовленіяхъ къ чему насъ часто извѣщали со дня уѣзда брата въ чужіе края, или уѣдетъ въ Севастополь, къ матери своей.

Къ удивленію моему, деньги, которыя я здѣсь получилъ, оказались не Языковскими. А я именно полагалъ, что это они. У меня здѣсь есть деньги въ банкѣ Боргезе, но они не иначе выдаютъ, какъ по 15 скудъ въ недѣлю. Смутное положеніе Италіи и Рима заставило было задумываться о вѣрности положенія банковъ; конечно, нельзя предугадать за вѣрное и опредѣленное, что̀ и ка̀къ будетъ впереди, въ будущемъ полугодѣ? Однакожъ, кажется, я не буду нуждаться въ деньгахъ.

У Чимабуэ—Богородица въ синемъ верхнемъ, а въ красномъ я, кажется, видѣлъ у живописцевъ до Чимабуэ, которыми начинается корридоръ Уффиціи во Флоренціи. Наша иконная живопись иначе не можетъ быть устроена, какъ воспитаніемъ сыновей иконописцевъ старообрядческихъ: нужно ихъ свести съ опытнымъ русскимъ художникомъ, понимающимъ всю важность и пользу нашей религіи. Но всетаки это не предѣлъ живописи: полетъ ея гораздо долженъ быть выше. Изъ русскихъ художниковъ лучше всего Коврыгину поручить образъ Екатерины Мученницы: онъ теперь весь погруженъ въ первую манеру Рафаэля; но гдѣ-же портретъ? Мнѣ кажется, что энциклопедическій взглядъ нашихъ литераторовъ можетъ быть весьма много и исправленъ, и воодушевленъ печатными замѣчаніями спеціальныхъ людей. Голосъ изъ кельи, въ которой вырабатывается которая-нибудь вѣтвь способностей и ума человѣческаго, будетъ еще важнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Неимовѣрныхъ трудовъ стоитъ выторговать у свѣта право на келью, хоть бы и сыскался монахъ, одаренный всѣми способностями къ затворничеству.

Справлялся я о книгахъ: Марки высланъ, съ товарищемъ своимъ іезуитомъ, вонъ изъ Италіи; его увража вышло нѣ-

сколько фашиколовъ [1]). Мерле, лучшій книгопродавецъ, сказалъ мнѣ, что онъ постарается обо всемъ этомъ справиться.

Очень жаль, что Ѳеодоръ Солнцевъ не ѣдетъ сюда, для срисованія всего византійскаго въ Италіи.

CLVIII.

КЪ ПЛЕМЯННИЦѢ [2]).

(Римъ. Октябрь 1848.)

Братъ щадилъ меня извѣщать въ Неаполь о смерти батюшки; онъ вѣрно расчелъ, что съ нимъ въ Римѣ я легче снесу ударъ. И точно: я уже привыкъ къ этому новому горю, оно мнѣ доставляетъ и развлеченіе, и утѣшеніе, но у насъ безпрестанно носятся мысли о вашемъ положеніи, какъ устроить ваше возможное счастіе, если женихъ вашъ или не можетъ, или вы сами не захотите съ нимъ навсегда соединиться.

Напрасно вы думаете, что я и братъ разлюбили наше отечество. Напротивъ, съ каждымъ днемъ вездѣ слышится чувствительнѣе лучшая участь русскаго; посильными же нашими успѣхами мы еще яснѣе это и себѣ, и другимъ постараемся высказать. Быть русскимъ уже есть счастіе, какъ же вы хотите, чтобы мы не желали его? Возвратъ нашъ на родину будетъ непремѣнно, но нужно же прежде исполнить долгъ—окончить давно начатыя дѣла съ возможной совѣстью. И потому ни я, ни братъ не можемъ навѣрное сказать о часѣ возвращенія нашего. Покамѣстъ, однакоже, поговоримте о ближайшемъ; сдѣлайте милость, будьте съ нами откровенны, и вѣрьте, что всегда найдете отголосокъ теплыхъ чувствъ въ сердцахъ нашихъ. Чѣмъ болѣе вы намъ дадите данныхъ, тѣмъ вѣрнѣе мы можемъ придумать устройство вашего благополучія.

Сестру нашу мы не винимъ. Ея положеніе, о которомъ

[1]) Вишусковъ.

[2]) Екат. Андр. Сухихъ.

она писала батюшкѣ, во всемъ ее извиняетъ. Даже въ отвѣтъ къ вамъ сегодня послалъ я письмо къ графу Толстому, прося его отписать въ полицію, чтобы васъ не безпокоить до пріѣзда Моллера, который отправится отсюда черезъ двѣ недѣли отъ сего дня, и безостановочно пріѣдетъ въ Петербургъ съ нашей довѣренностью. Онъ останется мѣсяцъ. Мы очень бы желали, еслибъ въ это время все было рѣшено: все-таки ваше положеніе труднѣе всего опредѣлить. Мебель можно продать скоро, ради сдачи квартиры, хоть за безцѣнокъ; картины и рисунки можно сложить въ комнатѣ, хоть у Моллера. Но ка̀къ вы, и что̀ съ вами намъ дѣлать, если не выйдете замужъ? Если дѣло въ деньгахъ, то мы уполномочимъ Моллера выдать три тысячи изъ билетовъ батюшки, а если у васъ не это затрудненіе, тогда ка̀къ? И братъ, и я съ распаленными лицами не знаемъ, что̀ придумать. Пожалуйста, пишите къ намъ, не отлагая: ваши письма намъ крайне необходимы—только они могутъ пособить намъ въ устройствѣ вашего положенія. Мы Моллера просили, чтобы братъ его заѣхалъ къ вамъ вручить вамъ 300 руб. ассигнаціями.

CLIX.

КЪ А. О. СМИРНОВОЙ.

(Римъ. Октябрь 1848.)

Прошлаго года, отдыхая отъ тягостей жизни подъ милостивымъ пріютомъ Софіи Петровны Апраксиной, я былъ оживотворенъ, услышавъ отъ нея о вашемъ попеченіи обо мнѣ въ Петербургѣ въ разсужденіи уничтоженія срока для окончанія моего настоящаго труда, и тутъ же просилъ принести вамъ мою искреннюю благодарность.

Этотъ достопамятный вашъ поступокъ—вывести меня изъ жестокихъ условій, на которыхъ выдана была мнѣ царская милость, внушаетъ мнѣ смѣлость еще разъ теперь къ вамъ же прибѣгнуть.

На-дняхъ получилъ я плачевное извѣстіе о кончинѣ моего батюшки. Болѣе двадцати лѣтъ, какъ онъ имѣлъ дѣла въ сенатѣ: (одно—) о полученіи денегъ за трудъ свой съ графа С. П. Потемкина, и другое—о ссудѣ денегъ, одолженныхъ мною для путешествія на обратный путь въ Россію художника Засена. Отецъ мой хотя уже и видѣлъ эти дѣла у конца своего, однакожъ его кончина пресѣкла всѣ лестныя его ожиданія.

Возьмите во вниманіе дальнѣйшее развитіе и образованіе нашего отечества, гдѣ я и братъ тоже составимъ часть, жертвуя наслажденіемъ и выгодами жизни для его успѣховъ, доставьте намъ сими деньгами способъ еще болѣе расширить горизонтъ нашъ. Потрудитесь склонить вашего супруга на ходатайство по дѣламъ нашимъ, которыя теперь въ полной его власти. Мы готовы принять всякаго рода опредѣленія, хотя бы даже они были весьма далеки отъ тѣхъ, какія ожидалъ покойный отецъ нашъ.

CLX.

КЪ ЧИЖОВУ.

(Римъ. Конецъ 1848.)

Уже съ полгода, какъ я слышалъ отъ Ѳ. И. Іордана о кончинѣ вашей матушки, и удивлялся, что вы меня прежде объ этомъ не извѣщали.

Я васъ просилъ въ октябрѣ прошедшаго года прислать мнѣ деньги Языковскія. Теперь оказывается, что я получилъ деньги братскія, что̀ меня очень сокрушаетъ. Еслибъ я зналъ, что̀ вы такъ со мною поступите, я бы и Языковскихъ не просилъ.

О братствѣ же художникъ съ литераторомъ только тогда и можетъ начинать говорить, когда встанетъ покрѣпче на ноги. Я, до окончанія моей картины, не желалъ бы объ этомъ и начинать. Очень пріятно мнѣ слышать, что вы все собираетесь въ келью: вы, наконецъ, тутъ будете имѣть случай спросить себя о способностяхъ къ будущему вашему

поприщу, и рѣшите—промѣнять ли его на прошедшее ваше профессорство? Первый залогъ и фундаментъ, если это — природная непреодолимая наклонность къ какой-нибудь изъ отраслей ума челавѣческаго: безъ этого, сколько бы человѣкъ ни начитывался и ни заимствовался отъ другихъ, все будетъ вяло, длинно, невѣрно и докучливо, а что̀ еще хуже, что впослѣдствіи испортится и самая нравственность, нужны будутъ подлыя средства къ своему существованію.

Постараюсь по возможности прислужиться вамъ въ разсужденіи книгъ. Но, пожалуйста, вы представляйте себѣ мое положеніе: я встаю со свѣтомъ, работаю въ студіи до полудня, иду отдохнуть въ кафе, чтобы приготовить свои силы, дабы начать работать съ часу до сумерекъ. Уставъ такимъ образомъ, я радъ, радъ бываю добраться до креселъ, или до постели, вечеромъ. Только по воскресеньямъ я позволяю себѣ ничего не дѣлать, и тутъ пишу письма, если уже очень нужно отвѣчать.

Всякое измѣненіе этого порядка было бы клятвопреступленіемъ противъ моей картины, которая теперь составляетъ для меня все. Если Богъ поможетъ трудомъ, тогда я надѣюсь вступить въ братство съ отечественными литераторами печатнымъ образомъ, и публика разсудитъ: что̀ наше, и что̀ ваше.

Братъ занятъ все термами Каракаллы. О будущихъ своихъ предпріятіяхъ говорить было бы неблагоразумно: всякая идея тогда только и сильна, когда еще не выдана на словахъ.

Я не знаю навѣрное, возьмется ли Ковригинъ написать образъ: я съ нимъ почти не видаюсь. Я бы, на его мѣстѣ, рѣшительно не бралъ: молодой нашъ художникъ, съ такимъ дарованіемъ, какъ онъ, не долженъ тратить время на такіе пустяки. Впрочемъ, это только мое мнѣніе.

CLXI.

КЪ НЕИЗВѢСТНОМУ.

(Римъ. Конецъ 1848.)

Какъ-то вы переносите вашъ домашній трауръ? Мнѣ и вамъ досталось потерпѣть въ этомъ концѣ года. Тутъ вѣдь, однакожъ, не безъ благодати. Человѣкъ въ горѣ гораздо способнѣе понимать бѣдствія другихъ. На дняхъ я получилъ извѣстіе изъ Петербурга въ слѣдующихъ словахъ: «Сорокинъ дѣлалъ на конкурсъ, вмѣстѣ съ Григоровичемъ (сынъ конференцъ-секретаря); картина его очень замѣчательна, а потому Василій Ивановичъ далъ Сорокину мѣсто внутри Россіи, съ тѣмъ, чтобы не выставлялъ своей картины».

О Сорокинѣ я давно слышалъ, что онъ имѣетъ способности, какими еще давно не былъ надѣленъ никто изъ учениковъ Академіи. Узнайте, справьтесь, пожалуйста, обо всемъ этомъ, и опредѣлите истину всего этого событія. Сами согласитесь, если все, что̀ тутъ сказано,—правда, то уже величайшій подвигъ со стороны вашей будетъ, если Сорокина выручить изъ тьмы мірскихъ выгодъ на свѣтъ Божій, въ Римъ.

Что касается до меня, то я готовъ тутъ употребить деньги на путешествіе и первую его здѣсь обстановку.

Судя по отзывамъ Капкова, этотъ нашъ талантъ желалъ отдать себя въ жертву своимъ родителямъ и брату, но мы должны видѣть въ этомъ только прекрасную душу русскую и не допускать до паденія превосходныхъ его способностей по искусству. Если онъ согласится жить здѣсь вмѣстѣ со мной на одной квартирѣ, то тутъ можетъ быть весьма полезная связь между молодыми историческими живописцами, его товарищами, и мною.

CLXII.

КЪ ПЛЕМЯННИЦѢ.

(Римъ. Весна 1849.)

Ваше письмо застало насъ посреди великихъ безпокойствъ. Римъ, какъ вамъ, можетъ быть, извѣстно, находится въ осадномъ положеніи. Каждый день новые страхи, а чѣмъ-то еще все это завершится? Письма ваши, бывало, часто приносили намъ горе; вотъ почему послѣднее письмо ваше я четыре дня не распечатывалъ.

Однакожъ, теперь видно изъ сего письма, что вы поизмѣнились къ лучшему, чему я истинно радуюсь. Постарайтесь, однакоже, не впадать въ другую крайность: униженность выраженій тоже не хороша. Заведите порядокъ писать къ намъ разъ въ два мѣсяца, исключая развѣ какихъ-нибудь чрезвычайностей. Въ письмахъ старайтесь быть подробнѣе тамъ, гдѣ говорится о важности вашихъ или нашихъ дѣлъ. Берите цѣлый листъ почтовой бумаги безъ конверта: онъ то-же самое стóитъ, что и поллиста; да пишите по-мельче, да не въ одинъ день. Мы вамъ даемъ средства содержаться, не погибать, но если вы знаете способы достать себѣ средства рукодѣліемъ, или ученіемъ дѣтей гдѣ-нибудь въ пансіонѣ, то мы этому будемъ очень рады. Вы такимъ образомъ пріучитесь къ дѣятельности, и получите самостоятельность. Не пренебрегайте этими словами, и принимайтесь сейчасъ-же исподволь устроить вашу независимость, всегда на честныхъ и благородныхъ основаніяхъ. Денегъ у насъ, какъ вы знаете, едва достанетъ на исполненіе нашихъ дѣлъ, а европейскія движенія грозятъ дороговизной и двойными издержками. Наслѣдство, вы сами видите, какъ завязло. Мы просили Академію намъ тутъ помочь, но старо-завѣтные люди дѣятельны казнить и опустошать, и неспособны споспѣшествовать успѣхамъ другихъ.

CLXIII.

КЪ ГОГОЛЮ [1]).

Римъ, 15 мая 1849.

До-сихъ-поръ я все былъ вѣренъ моему слову и дѣлу, и въ надеждахъ, что уже недалеко и до конца, съ которымъ бы разрѣшились всѣ мнѣнія и надежды общества (усиленно продолжалъ трудъ). Но вотъ уже двѣ недѣли, какъ совершенно все остановилось. Римъ въ осадѣ [2]). Люди, теперь здѣсь во главѣ стоящіе, грозятъ все зажечь и погребсти себя подъ пепломъ. При такихъ условіяхъ, конечно, уже невозможно продолжать трудъ, требующій глубоко-сосредоточеннаго спокойствія. Я, однакожъ, крѣплюсь въ перенесеніи столь великаго несчастія, и только что будетъ возможно, то опять примусь за окончаніе моей картины.

Очень жалѣю, что вы мнѣ ни о чемъ-таки не написали съ знакомымъ вашимъ: особливо въ послѣдніе годы очень много открылось у меня отголосковъ о будущей жизни.

Васъ истинно и глубоко уважающій
Александръ Ивановъ.

Хотѣлъ бы я васъ спросить о Завьяловѣ,—упрекнуть и васъ, и Москву въ безсовѣстности; но такъ-какъ это все останется безъ результатовъ,—все, все отлагаю до окончанія моей картины.

CLXIV.

КЪ ГОГОЛЮ (?).

(Римъ. Весна 1850.)

Завтра отправляется отсюда Ѳ. И. Іорданъ съ оконченной своей гравюрой [3]), для представленія ее Государю Императору.

---

[1]) См. примѣч. 2 на стр. 229.

[2]) Римъ осажденъ французскими, неаполитанскими и испанскими войсками, а Болонія австрійскими. Каждый день ожидаемъ тревоги. (Такъ измѣнилъ послѣднюю фразу Ивановъ при перепискѣ письма на-чисто, см. Современникъ 1857, т. 72, отд. I, стр. 169).

[3]) „Преображеніе“, съ картины Рафаэля.

Онъ отправилъ теперь ящикъ съ оттисками и доску, которую, конечно, онъ гораздо послѣ получитъ въ Петербургѣ, и въ такомъ случаѣ, можетъ быть, лучше бы было и не представлять трудъ Государю, прежде полученія ящика съ сотнею экземпляровъ. Публика, особлива наша, горяча. Она пожелаетъ вдругъ имѣть оттиски, если его величество приметъ Іордана и трудъ его благосклонно, какъ то̀ можно ожидать, опираясь на внутреннее достоинство дѣла. Посудите и дайте ему совѣтъ, а мнѣ кажется, хорошо ему представиться наканунѣ 25-ти лѣтняго юбилея царствованія, такъ что и трудъ его могъ (бы) быть ознаменованъ и великимъ днемъ.

Онъ скоро по пріѣздѣ въ Петербургъ думаетъ побывать къ вамъ въ Москву. Вы будете имѣть время обсудить весь этотъ планъ и посовѣтовать, какъ найдете лучше.

Въ первые дни выставки «Преображенія», я очень на него роптал (я это вамъ говорю, какъ великую тайну): мнѣ досадно было, что оно не только не лучше Моргена и Павона, гравировавшихъ тоже съ этой картины, (но) и не лучше всѣхъ гравюръ, какія находятся въ свѣтѣ. Но я замирился внутренно съ Іорданомъ на томъ, что онъ не коренной русскій. Этихъ словъ моихъ прошу никому не сообщать. Время— великій цѣлитель; онъ (Іорданъ) намъ вскорѣ приготовитъ «Мадонну Фолиньо» Рафаэля, и тогда мы порадуемся съ вами еще болѣе, чѣмъ настоящему успѣху Іордана. Говоря объ успѣхахъ двухъ нашихъ граверовъ [1]), нельзя не вспомнить объ ихъ великомъ учителѣ, Уткинѣ: старикъ еще живетъ, или, лучше сказать, отживаетъ вѣкъ слезъ, печали и горя. Куда бы хорошо было, еслибы онъ при этомъ случаѣ былъ бы удостоенъ первостепеннаго отличія! Это бы совершенно разрушило подлую мысль, будто бы новопріѣзжіе удушаютъ и давятъ своихъ прошедшихъ наставниковъ.

Самъ я объ себѣ ничего не скажу. Спросите Іордана, онъ вамъ многое что̀ можетъ разсказать.

~~~~~~

[1]) Іордана и Пищалкина.
~~~~~~

CLXV.

КЪ ГОГОЛЮ.

Римъ. Іюня 5, 1850.

Что вамъ сказать обо мнѣ? Я все тотъ-же, что и былъ при васъ въ Римѣ. Живу жизнью одной студіи, и перемѣнъ почти никакихъ нѣтъ. Объ одномъ иногда только жалѣю, что нельзя записывать мнѣ моихъ мыслей въ памятную книжку. Прежде я имѣлъ это обыкновеніе—наблюдать за ихъ разростаніемъ. Впрочемъ, я и на это не ропщу, вѣря, что уже скоро будетъ всему развязка. Недавно послалъ я письмо къ вамъ о Ф. И. [1]): ему удалось довести до конца свою длинную работу; но не думаю, чтобы были живительныя перемѣны въ гравюрномъ мірѣ и съ самымъ счастливымъ привѣтствіемъ его важнаго труда. Его искусство не коренное, а подчиненная страсть; его характеръ не уработанъ подъ стать наступившей эпохѣ нашего времени, и, наконецъ, его сердце — не русское.

Полагаясь на волю Провидѣнія, столь часто выручавшаго меня изъ разныхъ опасностей, я не теряю ни бодрости продолжать трудъ, ни желанія быть достойнымъ будущихъ золъ, и такимъ образомъ приступить, наконецъ, къ кризису моей жизни.

Вамъ совершенно преданный
Александръ Ивановъ.

Моллеръ жаловался на васъ, что вы объ себѣ ему никогда не пишете. Я ему при первомъ свиданіи сообщу всѣ ваши желанія.

[1]) Іорданъ.

CLXVI.

КЪ Ѳ. И. ІОРДАНУ.

(Римъ. Осень 1850.)

Недѣлю какъ послалъ письмо племянницѣ, адресуя въ домъ Юдиной. Справьтесь, пожалуйста, получила ли она его? Вчера получилъ новое ея письмо съ реэстромъ картинъ. Говорить о нашей старой дѣвушкѣ Маринѣ — мы отложили до нашего пріѣзда въ Россію, именно потому, что слишкомъ много хлопотъ и безъ того Василію Антоновичу [1]). Мы продаемъ картины не для того, чтобы непремѣнно нужно было это намъ сейчасъ сдѣлать, но потому, что некуда ихъ помѣстить для сохраненія. Просили Григоровича, онъ отказалъ дать уголокъ въ Академіи. Братъ мой съ большимъ неудовольствіемъ читалъ, что племянница взяла многія изъ картинъ себѣ на квартиру. Онъ очень проситъ меня сказать ей, чтобы немедленно отдала ихъ Моллеру, полагая, что, въ случаѣ нужды въ деньгахъ, она не затруднится все спустить за ничто, не смотря на все наше желаніе ни за что не отдавать эскиза «Пожарскаго». Его намѣреніе прекратить ей содержаніе, если уже перебрано до 3-хъ тысячъ руб. изъ долга Моллера. Что касается до меня, то я лучше ничего не могу придумать, какъ положиться во всемъ на благоразуміе Моллера. На прошедшей недѣлѣ писалъ Моллеру, прося его выслать въ Римъ обѣ наши доли въ мелкихъ билетахъ коммерческаго банка. Теперь здѣсь прилагаю еще письмо, и прошу васъ, прочитавъ, немедленно ему доставить, ибо въ деньгахъ мы имѣемъ большую нужду. У живописца несравненно болѣе издержекъ, чѣмъ у кого-либо, и при томъ со мною братъ, лишенный давно содержанія. Очень прошу васъ обо всемъ позаботиться. Попросите Григоровича: нельзя ли это сдѣлать черезъ Академію, адресуя въ наше посольство? Вѣдь это деньги, и очень важныя для насъ. Здѣсь я прилагаю письмецо къ Резанову, и прошу васъ, прочитавъ, вручить ему лично, если можно. Какъ бы хорошо было, еслибы онъ

[1]) Моллеру, брату живописца—Ѳедора Антоновича.

отдалъ вамъ пятьдесятъ скудъ. При возвратѣ Ѳ. А. Моллера въ Римъ, ихъ можно бы было здѣсь получить. Очень сожалѣю объ вашей граверной участи. Любопытно, все-таки, что скажетъ Государь, побывавъ на выставкѣ? Вѣдь одинъ этотъ фактъ вдругъ можетъ все поправить. Напишите объ этомъ.

Что касается до Дмитріева, или этой старой француженки, обманувшей Дмитріева, и старающейся и васъ запутать, я бы совѣтовалъ нисколько не торопиться въ дѣйствіяхъ. Если бы она и захотѣла прикрыть бывшее бремя вами, то и тутъ надобно предохранить ваши трудовыя деньги (отъ) ея нападенія, а можетъ быть еще и младенца никакого не было, и не будетъ. Если уже въ самомъ дѣлѣ вы выберетесь весной изъ Петербурга, то поѣзжайте въ Москву—тамъ будетъ въ это время Гоголь. Рихтеръ, безъ сомнѣнія, радъ будетъ вамъ дать уголъ своей квартиры на время. Тутъ въ послѣдній разъ хорошо бы вамъ подумать о подругѣ въ остальной вашей жизни,—не пренебрегите этимъ мнѣніемъ. Рихтеръ васъ въ самомъ дѣлѣ любитъ, только вы должны въ самомъ дѣлѣ отбросить вами созданное обращеніе съ женщинами и дѣвицами. Конечно, этому много причиной наша прошлая итальянская жизнь, гдѣ мы совершенно отрѣзаны были отъ всякаго семейнаго порядочнаго общества.

Воткину [1]), Маркову, Левицкому [2]) наше почтеніе съ увѣреніемъ въ нашей любви и уваженіи.

Видѣли ли вы наши картины? Изъ нихъ, послѣ фамильныхъ портретовъ или родственныхъ чувствъ, первое мѣсто имѣетъ, мнѣ кажется, эскизъ «Минина и Пожарскаго». Такъ что, если бы вы были по-независимѣе во мнѣніи, то, можетъ быть, предпочли бы тремъ картинамъ Угрюмова—этотъ эскизъ. Посмотрите и дайте мнѣ о немъ мнѣніе ваше,—этой картинкой я очень дорожу, но не знаю, какой участи подвергнется она прежде, чѣмъ возвращусь въ отечество.

---

[1]) Николаю Петровичу.
[2]) Сергѣю Львовичу, фотографу.

CLXVII.

КЪ А. И. РЕЗАНОВУ.

(Римъ. Осень 1850.)

Любезный Александръ Ивановичъ.

Слышалъ я много объ васъ новостей. Вы пріобрѣли такое сокровище, которое рѣдкому изъ насъ достается — сердечную подругу въ остальномъ пути жизни, и, вѣроятно, живете и строите: вѣдь у насъ ни одинъ изъ архитекторовъ не былъ безъ дѣла. Просилъ бы теперь вспомнить обо мнѣ, старомъ вашемъ знакомомъ, сражающемся постоянно съ особенно дорогой жизнью и искусствомъ, и, если можно, то покорно-бы просилъ вручить Ѳеодору Ивановичу Іордану сумму, посланную мною къ вамъ въ Испанію. Этимъ-бы вы меня теперь несравненно болѣе одолжили, чѣмъ тогда я васъ. Извините, что наскучаю вамъ моимъ письмомъ: я-бы этого не сдѣлалъ, еслибы вы сами не сказали, что, по пріѣздѣ въ Петербургъ, постараетесь немедленно меня удовлетворить.

CLXVIII.

КЪ ГОГОЛЮ.

Римъ, 30 января 1851.

Въ глазахъ художника, и въ особенности моихъ, вы все кажетесь прекраснымъ теоретическимъ человѣкомъ. Нельзя не полюбоваться вашимъ послѣднимъ письмомъ; но у меня здѣсь совсѣмъ другое. Говорить подробно обо всемъ — не было-бы благоразумно; разсказывать часть—темно, а потому скажу только то, что̀ уже крайне необходимо.

Я вынужденнымъ найдусь чрезъ мѣсяца два къ вамъ писать, и потому, сдѣлайте одолженіе, вышлите мнѣ вашъ адресъ, чтобы письмо мое не имѣло никакого затрудненія

попасть къ вамъ въ руки, и немедленно. Счастливъ-бы я былъ, еслибъ могъ безъ этого обойтись!

Въ Римѣ теперь со мной братъ, а Моллера все поджидаемъ со дня на день.

Васъ истинно уважающій и любящій
Александръ Ивановъ.

CLXIX.

КЪ ГОГОЛЮ [1]).

Римъ, 20 мая 1851.

Письмо ваше отъ марта 18 можно раздѣлить на двѣ половины. Я полагаю, что вы его помните. Высшее управленіе, подъ которымъ мы находимся, лучше всего оставлять неприкосновеннымъ нашимъ сужденіямъ, особливо письменнымъ. Мы, христіане, должны въ молчаніи и съ покорностью ждать обѣщаннаго блаженства и печься только о томъ, чтобы быть болѣе и болѣе его достойнымъ,—этимъ я заключу для себя первую половину вашего письма.

Во второй, вы спрашиваете о моей жизни внѣ студіи. Внѣ студіи я довольно несчастенъ, и еслибы не студія, то давно-бы былъ убитъ. Такъ, покамѣсть, стоятъ дѣла. Все, чтò вы разумѣли о моихъ страданіяхъ, написавъ статью обо мнѣ, составляетъ, можетъ быть, четвертую долю того, чтò случалось послѣ, — такъ что, выражаясь языкомъ переходнаго человѣка, я уже начинаю чувствовать какія-то права на художническую самостоятельность, — и можетъ-ли чтò быть этого справедливѣе? Вѣдь мы уже подходимъ мало-помалу къ послѣднему вопросу: быть-ли живописи, или не быть? Но я слишкомъ, кажется, увлекся, желая отвѣчать вамъ на вторую половину вашего письма, и это оттого, что какъ-то свертывается (все) у меня на студію, какъ на единственное и вѣрное уединеніе въ настоящія минуты. Я обѣ-

[1]) См. примѣч. 2 на стр. 229.

даю у Фальконе, и это потому, что (изъ всѣхъ камерьеровъ) [1]) одинъ Луиджи оставался мнѣ вѣренъ: у другихъ я бывалъ съ болью въ животѣ. Вслѣдствіе этого-же переставалъ ходить въ кафе завтракать. Теперь (однакожъ) нашъ кафе—на площади Санъ-Карло, гдѣ можно намъ довольно вѣрно покушать.

Я почти ни съ кѣмъ не знакомъ, и даже почти оставилъ и прежнихъ знакомыхъ. Я, такъ-сказать, ежедневно болтаюсь между двумя мыслями: искать знакомства, или бѣжать отъ него? И, вися въ серединѣ, кое-какъ разговариваю съ людьми, всегда имѣя къ нимъ всевозможную снисходительность, и ища ихъ благорасположенія, какъ необходимости для меня же. Какъ ни странно это положеніе, но вмѣстѣ и утѣшительно: никогда я не былъ такъ наблюдателенъ, какъ теперь, и въ этомъ я нахожу отраду.

Съ Брюлло я, въ началѣ (его) пріѣзда, часто видѣлся, но теперь съ нимъ не бываю. Его разговоръ уменъ и занимателенъ, но сердце все тоже, все такъ же испорчено.

Мнѣ Н. П. Боткинъ писалъ, что будто-бы вы собираетесь въ Римъ чрезъ Грецію, и онъ хочетъ тоже сюда-же пуститься (чрезъ Лондонъ).

Братъ мой все еще со мной. Можетъ быть, мы въ іюлѣ, на первыхъ числахъ, поѣдемъ вмѣстѣ въ Неаполь, въ Торре-Аннунціата, для принятія морскихъ бань и занятія въ Помпеѣ. Оттуда я въ августѣ, на первыхъ числахъ, думаю возвратиться въ Альбано, для этюдовъ перваго плана картины (пожалуйста, не бранитесь: вѣдь вы тутъ только теоретикъ), а потомъ, въ октябрѣ, въ Римъ, для ея окончанія, а братъ думаетъ въ Сицилію, съ возвратомъ ко мнѣ же.

Какъ жаль, что вы не говорите, будете-ли вы въ Петербургѣ.

Васъ искренно любящій и почитающій
Александръ Ивановъ.

---

[1]) Камерьеръ—названіе трактирнаго прислужника въ Италіи.

CLXX.

КЪ БРАТУ.

(Альбано.) Августъ, пятница, 1851.

Сегодня грозится дождемъ; слѣдовательно, я по-свободнѣе, и вотъ твое письмо полупрочитанное я разбираю. Желательно, чтобы я ошибся, но мнѣ все кажется, что деньги Моллера грозятся мнѣ большою непріятностью. Я къ нему написалъ, что ты въ Неаполѣ; спрашивалъ, не знаетъ-ли онъ, почему остановился братъ его высылкою намъ денегъ? Ты помнишь, когда просила у меня значительную сумму въ долгъ Витторія, и я отказалъ, — кажется, что это было въ іюлѣ прошедшаго года, именно тогда, когда вынута такая значительная сумма изъ книжки Іордана. Впрочемъ, это покамѣстъ между нами. Я все это порѣшу, когда самъ налицо пріѣду въ Римъ. Я тебя не принуждалъ ѣхать въ Неаполь, я думалъ только тебя развлечь отъ печали, которую навѣетъ на тебя мое письмо.

Ты, какъ кажется, опять переселился въ домъ Аннелли; теперь ужъ я не знаю, чтò мнѣ и думать и чтò тутъ сказать? Этого рода женщины всегда и просты, и милы въ началѣ, но послѣ того вдоволь наплачешься, а я всегда на чужомъ пиру съ похмѣлья: мнѣ, можетъ быть, за ваши удовольствія придется заплатить больше тысячи рублей Іордану.

Пожалуйста, не сердись: это все только одни предположенія.

Въ концѣ сентября думаю быть въ Римѣ со всѣмъ приборомъ, и оттуда тебѣ напишу. Если хочешь писать ко мнѣ до того времени, то адресуй прямо въ Альбано: Casa di Battista, № 67.

Я часто видаюсь съ Жаметомъ [1]): онъ живетъ близъ меня въ Альбано; тутъ-же живетъ архимандритъ съ діакономъ.

Писемъ ни отъ кого нѣтъ; по крайней мѣрѣ, Орловъ [2]) мнѣ ничего не присылалъ.

Прощай, будь здоровъ и счастливъ. Любящій тебя братъ

Александръ.

---

1) Альб. Данил. Жаметъ, пейзажистъ.

2) Пим. Никит. Орловъ, жанристъ.

CLXXI.

КЪ БРАТУ.

Римъ. Октября 5, 1851.

Любезный братъ.

Въ письмѣ твоемъ отъ 30-го сентября замѣтно, что ты хочешь сдѣлать дѣло въ половину, почему я и тороплюсь къ тебѣ съ этими строками, чтобы убѣдить тебя—объѣздить всю Сицилію и сдѣлать путешествіе сколь возможно совершеннѣе и подробнѣе, къ пользѣ твоего искусства. Что касается до денегъ, то на сей конецъ я бы тебѣ очень охотно выслалъ сто скудъ или болѣе, если бы зналъ, кудà и когдà. Не пренебреги моими словами. Въ твои лѣта, и съ твоими знаніями, на сто скудъ можно столько сдѣлать, что послѣ и за 10-ть тысячъ не пріобрѣтешь.

Что касается до пропажи денегъ, о которыхъ я тебѣ писалъ, то въ этомъ я совершенно убѣжденъ. Но это въ сторону покамѣсть, и я тебѣ объ этомъ писалъ не для того, чтобы затѣять непріятности, но чтобы сколько-нибудь предостеречь тебя отъ новой западни въ Неаполѣ. Вѣдь старуха дома Аннелли пресерьёзно ко мнѣ приставала.

Сегодня ждутъ сюда Бутенева. Я представлюсь.

У насъ въ домѣ все занято. Хозяйка живетъ наверху, но вѣдь скоро возвратятся и верхніе, а Пуччи безпрестанно пріѣзжаетъ въ Римъ. Если хочешь, чтобы я въ мою комнату принесъ изъ студіи постель для твоего пріѣзда, то напиши, и будетъ все готово. Іорданъ пишетъ, что наше дѣло Потемкина идетъ впередъ, и деньги уже получаются, но въ то же время говоритъ, что племянница сильно кутитъ. Къ Колоннѣ немедленно напишу и скоро, очень скоро, но теперь надобно писать къ Василію Моллеру о деньгахъ и о племянницѣ, отвѣчать Іордану и Лапченкѣ. Вчера только возвратился я изъ Альбано, посѣтилъ домъ s-re Bernardini, къ удивленію нашелъ s-re Filippo совершенно здоровымъ и свѣжимъ. Тебѣ всѣ кланяются.

У насъ всѣ поражены несчастіемъ: скончалась Феличетта

Франчини на другой день по разрѣшеніи отъ бремени, что̀ было третьяго дня.

Ковригинъ уѣхалъ въ Россію, Чумаковъ—въ Неаполь, и оттуда тоже въ Россію.

Прощай, будь здоровъ и счастливъ. Тебѣ преданный братъ Александръ.

Если деньги тебѣ нужны будутъ чрезвычайно скоро, то попробуй попросить у Колонны, отъ моего имени: я ему тотчасъ ихъ вышлю, и точно столько, сколько ты назначишь въ твоемъ письмѣ ко мнѣ.

CLXXII.

КЪ НЕИЗВѢСТНОМУ.

(Римъ. 1851—52.)

Письмо ваше исполнено столь сильныхъ выраженій, что я не могу не принять ихъ весьма близко къ сердцу, но въ то же время не мало изумляюсь, что вы думаете найдти въ моей скудной библіотекѣ что-нибудь, могущее прибавить къ вашимъ обширнымъ знаніямъ. Мы, русскіе историческіе живописцы, покамѣстъ стоимъ подъ вліяніемъ запрещенія, дожидаясь, однакоже, благополучнаго часа къ открытію для насъ важнѣйшихъ историческихъ свѣдѣній. Въ этомъ видѣ я пробовалъ говорить съ вами въ Альбано о книгѣ Штрауса «Жизнь Христа», въ переводѣ Литтре, вышедшемъ недавно въ Парижѣ. Вы сами видѣли, съ какою жаждою я искалъ черезъ васъ добыть эту важную книгу, но все прервалось вашею болѣзнью, что̀ меня ужасно сокрушаетъ. Если, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, нельзя будетъ Н. П. Боткину пріѣхать въ Римъ, то книгу мнѣ нельзя-ли прислать будетъ съ кѣмъ-нибудь изъ его или вашихъ знакомыхъ, сюда отправляющихся?

CLXXIII.

КЪ Ѳ. И. ІОРДАНУ.

(Римъ. Мартъ 1852.)

Вы сами знаете, какъ трудно сказать что-либо о концѣ своей работы. Самый вашъ вопросъ я отношу къ изнеможенному вашему положенію.

Пріятель и другъ Николая Петровича Боткина, Кузьма Терентьевичъ Солдатенковъ, собираетъ картины русскихъ художниковъ; по сему поводу я предлагаю ему повидать намъ принадлежащія вещи, находящіяся въ попеченіи у Моллера. Кажется, что Солдатенковъ не только возьметъ для себя многое, но даже прибережетъ остальное у себя въ домѣ,— это было бы лучше всего, что̀ можно себѣ представить. Но къ вамъ тутъ усердная моя просьба: такъ-какъ въ нашемъ собраніи много и вздору, какъ обыкновенно то̀ бываетъ, то вамъ поручаемъ отобрать таковыя вещи и ихъ сжечь; смотрите же — сжечь, потому что огонь можетъ избавить отъ порицаній и разборовъ такія изъ нашихъ произведеній, что̀ недостойны носить наше имя, такъ напр., двѣ большія картины Петра Великаго—по приложеннымъ здѣсь рисункамъ вы можете ихъ узнать, и другія, если найдутся въ этомъ же градусѣ. Согласитесь сами, что вы только одинъ изъ художниковъ, котораго я могу утрудить.

Теперь еще дѣло, и дѣло важное. Вотъ вамъ копія съ письма, только-что посланнаго Жуковскому.

CLXXIV.

КЪ ЖУКОВСКОМУ.

(Римъ. Мартъ 1852.)

Вслѣдствіе многихъ отзывовъ о кончинѣ Н. В. Гоголя, я рѣшился приступить къ желанію покойнаго — доставить случай награвировать его портретъ именно тому художнику,

на котораго онъ указываетъ въ книгѣ своей «Переписка съ друзьями».

Одинъ изъ двухъ портретовъ, писанныхъ мною, отъ всѣхъ въ великой тайнѣ, подаренъ, по его словамъ,—вамъ [1]); посему прошу покорнѣйше васъ переслать портретъ въ Петербургъ, въ вѣрныя руки вашихъ знакомыхъ, для немедленнаго доставленія его Ѳ. И. Іордану.

Прошу удостоить меня отвѣтомъ на сіе письмо въ Римъ, и потрудитесь поспѣшить высылкой портрета въ Петербургъ, чѣмъ весьма обяжете многихъ, любящихъ память великаго писателя.

CLXXV.

КЪ Н. П. БОТКИНУ.

(Римъ. Апрѣль 1852.)

Благодарю васъ усердно за письмо; свиданію нашему я еще болѣе васъ радъ, ибо оно случится въ смутную минуту моей жизни.

Представьте, какой печальной результатъ получило мое письмо къ Жуковскому: онъ, какъ видно, скончался въ самый этотъ день, когда его получилъ; по крайней мѣрѣ траурный печатный билетъ его супруги, присланный мнѣ отвѣтомъ, на оборотѣ котораго написано нѣсколько словъ ея сестры, по русски, такъ объ этомъ говорятъ. Я совершенно уже не знаю, чтò тутъ дѣлать? Не знаете ли вы лично книгопродавца Гоголя въ Москвѣ, или Петербургѣ? Нельзя ли чрезъ него объявить печатно желаніе покойнаго и приглашеніе подписаться на гравюру Іордана?

Благодарю за искренность чувствъ, какія вы помѣщаете въ вашемъ письмѣ. Очень бы пріятно было съ вами еще разъ въ Римѣ свидѣться.

Братъ мой вамъ и Кузьмѣ Терентьевичу [2]) усердно кланяется. Обнимите за меня Рыбникова.

---

[1]) Находится теперь у М. Х. Рейтерна.

[2]) Солдатенкову.

CLXXVI.

КЪ ПОГОДИНУ.

(Римъ. Апрѣль 1852.)

Въ захолустьѣ отъ русской литературы, услышалъ весьма порицательные отзывы Гоголю за то, что онъ напечаталъ при жизни свое «Завѣщаніе». Теперь смерть совершилась. Я, услыхавъ о сей важной утратѣ, сейчасъ же, вслѣдствіе его «Завѣщанія», написалъ къ В. А. Жуковскому, какъ къ старшинѣ литераторовъ русскихъ, просьбу исполнить завѣщаніе покойнаго—одолжить портретъ, съ него мною писанный, для гравированія—Ѳ. И. Іордану. Письмо мое, какъ видно, застало на столѣ самого Василія Андреевича. Нѣсколько строкъ сестры вдовы, присланныхъ мнѣ на оборотѣ печатнаго траурнаго билета, даютъ знать, что она, хотя и съ удовольствіемъ даетъ портретъ для гравированія, но не знаетъ, гдѣ онъ?

Въ такомъ трудномъ положеніи, я рѣшился писать вамъ, ибо, по словамъ покойнаго, другой такой же портретъ, съ него мною писанный, подаренъ вамъ [1]), что уже теперь болѣе не можетъ быть тайной, какъ того желалъ всегда при жизни нашъ знаменитый покойникъ. Посему теперь прошу васъ покорнѣйше, во имя памяти общаго нашего друга, портретъ, вамъ принадлежащій, выслать въ Петербургъ, въ Академію Художествъ, для профессора Ѳ. И. Іордана, и вмѣстѣ съ тѣмъ напечатать во всѣхъ журналахъ воззваніе къ друзьямъ Гоголя о его желаніи, напомнивъ имъ его «Завѣщаніе», чтобы составить такимъ образомъ достаточную подписку для отличнаго нашего гравера, столь мало у насъ оцѣненнаго. Надѣюсь, что Степанъ Петровичъ Шевыревъ тоже тутъ приметъ не малое участіе.

[1]) Находится теперь въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ.

CLXXVII.

КЪ Ѳ. И. ІОРДАНУ.

(Римъ. Іюнь 1852.)

....[1]) Тотчасъ-же послалъ письмо къ Н. П. Боткину обо всемъ этомъ, прося совѣта, на чтó и получилъ отвѣтъ, что друзей у Гоголя много и что дѣло гравюры его портрета, вашей рукой исполненнаго, еще не потеряно. Но ваше письмо меня приводитъ въ крайнее сокрушеніе, ибо тамъ слышится отказъ награвировать портретъ Жуковскаго, чтó тоже нисколько не унизило бы вашего искусства, въ ожиданіи окончательной подписки на портретъ Гоголя.

У насъ еще прибавился знаменитый покойникъ—Карлъ Павловичъ Брюлло, и это можетъ быть дѣломъ вашего бенефиса. Но вотъ бѣда: вы сами, какъ будто, въ послѣднемъ письмѣ проситесь на кладбище, и именно въ сосѣди къ нашему Карлу Павловичу. Полагаю, что минуты вашихъ писемъ ко мнѣ всегда минуты скорби, и потому, что посылаются въ мѣсто, гдѣ провели вы лучшіе ваши годы, и потому, что пишете къ лицу, къ которому больше имѣете довѣренность—изливать сердечныя чувства... Но все-таки, однакожъ, я той мысли, что силъ вашихъ все еще достаетъ, чтобы сражаться съ препятствіями, какія вамъ случается претерпѣвать и въ нравственной, и въ художнической жизни. И потому мой совѣтъ: если не поздно, не отказывайтесь отъ портрета Жуковскаго, особливо, если вашъ вопросъ о законныхъ деньгахъ за трудъ крѣпко и прочно обставится; я же съ своей стороны попытаюсь все сдѣлать, чтó будетъ можно, чтобы доставить вамъ портретъ Гоголя съ денежной его обстановкой.

[1]) Начала недостаетъ.

CLXXVIII.

КЪ Н. П. БОТКИНУ.

(Римъ. Іюнь 1852.)

Написалъ къ Іордану, говорилъ о вашемъ содѣйствіи. Написалъ Погодину, прося его переслать портретъ Гоголя къ Іордану, въ Петербургъ, ибо вдова Жуковскаго мнѣ поручила написать, что она хотя и съ удовольствіемъ служитъ портретомъ, но не знаетъ, у кого онъ, и гдѣ онъ, и что это не можетъ быть прежде возврата ея въ Россію.

Портретъ у Погодина не худъ; въ то время, какъ розыщется портретъ, принадлежащій Жуковскому, Іорданъ уже можетъ начать работу съ Погодинскаго портрета, ибо они оба совершенно въ одномъ и томъ же положеніи и размѣрѣ.

На удачу напишу во Франкфуртъ къ вдовѣ Жуковскаго по русски, но не знаю, застанетъ ли (ее) мое письмо. Если вы узнаете, гдѣ она, послала-ли портретъ въ Петербургъ, или гдѣ онъ находится, то очень меня этимъ обяжете, написавъ мнѣ сюда два слова. Но вотъ бѣда: я самъ ѣду на два мѣсяца за-городъ. Лихорадочная жара Рима и нужда въ этюдахъ для картины меня отсюда гонятъ; я даже отчаяваюсь видѣть Якунчикова, ибо онъ будетъ въ Римъ въ эту же эпоху. Антонъ Ивановъ [1]) въ Неаполѣ, Жаметъ въ Тиволи, братъ тоже собирается въ Неаполь.

CLXXIX.

КЪ К. Т. СОЛДАТЕНКОВУ.

(Римъ. Декабрь 1852.)

Наконецъ я вамъ высылаю фотографіи. У каждой подписано, откуда она: изъ Капитолія, или изъ Ватикана. Туда положены нѣсколько преспективъ внутренностей, какія фотографія очень рѣдко даетъ. Теперь, значитъ, вы имѣете всѣ драгоцѣнности архитектуры и скульптуры, въ самыхъ

[1]) Пейзажистъ.

лучшихъ фотографіяхъ. Остается желать пріобрѣсти фотографіи съ живописи. Но это очень не легко, и едва-ли даже возможно. По крайней-мѣрѣ въ такомъ видѣ это мнѣ представлялъ итальянскій здѣшній фотографъ, у котораго я накупилъ большую часть (фотографій) для васъ. Во всякомъ случаѣ я буду здѣсь на сторожѣ, тѣмъ болѣе, что имѣю много довольно еще отъ васъ денегъ.

Крайне сожалѣю, что ваше короткое пребываніе въ Римѣ не дало мнѣ довольно времени, чтобы ближе съ вами познакомиться, достигнуть до самыхъ искреннихъ разговоровъ ибо посредствомъ переписки не только трудно, но даже и мало можемъ мы узнать другъ друга. Такъ, напр., ваши два письма, отъ 16 (28) августа и 4 (16) ноября, кажутся мнѣ какъ будто, двухъ разныхъ лицъ. «Прошу васъ покупать для меня, что вы замѣтите хорошаго у русскихъ художниковъ—мое желаніе собрать галлерею только русскихъ художниковъ!» На эти слова многое можно бы было вамъ написать, но въ семъ письмѣ я это отложу, и займусь завершить его покамѣстъ нашимъ денежнымъ счетомъ и двумя словами объ Антонѣ Ивановѣ и Жаметѣ.

Отъ Иванова я получилъ картину, и отправилъ ее банкиру; отдалъ ему сто скудъ, оставленныя у меня вами для него. Въ это-же время видѣлъ и картину Жамета, но онъ по болѣзни своей не могъ ее окончить.

CLXXX.

КЪ Ѳ. И. ІОРДАНУ.

(Римъ. Январь 1853.)

Окончивъ съ вами счеты, я, такъ сказать, хотѣлъ отдохнуть отъ писемъ, всегда вызываемыхъ необходимостью жизни. Но теперь на ваше послѣднее отъ 11 декабря нельзя не отвѣтить, нельзя не сказать, что какъ ни непріятны были у насъ дѣла

съ Моллерами, но они въ самомъ дѣлѣ разъяснили наше значеніе и дружескія отношенія, которыя, съ самаго вашего отъѣзда изъ Рима, были у меня въ ряду забывшихъ меня товарищей. Это мое письмо, вѣроятно, будетъ послѣднее, ибо вы на пунктѣ выѣхать. Если время у васъ будетъ, то все-таки напишите мнѣ о перемѣнахъ, какія случатся въ Академіи: все это для меня очень любопытно, хотя бы даже оно и имѣло видъ наружной неблагопріятности. Жаль очень, что вы ни слова не сказали объ оттискѣ Пищалкина [1]), съ которымъ я такъ часто вижусь. Конечно, тутъ ждать нельзя сочувствія ни массы, ни образованной публики къ труду гравера; по крайней-мѣрѣ, чтó говорятъ въ Академіи, въ этой оранжереѣ чужихъ растеній? Прочее все, прекрасное и высокое, у насъ впереди. Благодарю усердно за вашъ ко мнѣ панегирикъ, но я всегда въ какой-то лихорадкѣ, когда думаю, сколько отъ меня ждутъ, т.-е. отъ моей картины. Я все сдѣлалъ, чтобы вамъ доставить работу—гравировать портретъ Гоголя; остается еще справиться, за кѣмъ дѣло остановилось,—справка, которая ничего, можетъ быть, вамъ не прибавитъ.

Видѣлъ я Николая Θедоровича Брюлло съ Гриммомъ, Баскаковымъ; другихъ еще не видалъ, т.-е. Крюкова. Скажите, чтó у васъ говорятъ о Борисполецѣ? Онъ здѣсь ослѣпъ, лечится и безденежствуетъ [2]). Къ Солдатенкову я недавно послалъ богатую коллекцію фотографій: виды древнихъ римскихъ строеній, въ развалинахъ, и статуи Ватикана и Капитолія. Успѣхи фотографіи чувствительны и, какъ мнѣ кажется, сильно на счетъ вашего искусства. Объ этомъ я бы желалъ съ вами поговорить лично, въ видѣ спокойномъ и серьёзномъ, а то бѣда съ письмами: всегда что-нибудь да не такъ и выскажется, и покажется. Любопытно получить (отвѣтъ) отъ Солдатенкова.

Рихтеръ ничего ко мнѣ не писалъ. Да и о чемъ ко мнѣ

---

[1]) Рѣчь идетъ о гравюрѣ Пищалкина съ картины Брюллова: „Взятіе Божіей Матери на небо", присланной въ то время изъ Рима въ Петербургъ.

[2]) Плат. Тим. Борисполецъ имѣлъ въ это время зрѣніе только ослабѣвшее, но никогда не былъ слѣпымъ: не только въ 1858 году, но даже и въ настоящее время, спустя 26 лѣтъ.

лучшихъ фотографіяхъ. Остается желать пріобрѣсти фотографіи съ живописи. Но это очень не легко, и едва-ли даже возможно. По крайней-мѣрѣ въ такомъ видѣ это мнѣ представлялъ итальянскій здѣшній фотографъ, у котораго я накупилъ большую часть (фотографій) для васъ. Во всякомъ случаѣ я буду здѣсь на сторожѣ, тѣмъ болѣе, что имѣю много довольно еще отъ васъ денегъ.

Крайне сожалѣю, что ваше короткое пребываніе въ Римѣ не дало мнѣ довольно времени, чтобы ближе съ вами познакомиться, достигнуть до самыхъ искренних разговоровъ, ибо посредствомъ переписки не только трудно, но даже и мало можемъ мы узнать другъ друга. Такъ, напр., ваши два письма, отъ 16 (28) августа и 4 (16) ноября, кажутся мнѣ, какъ будто, двухъ разныхъ лицъ. «Прошу васъ покупать для меня, что вы замѣтите хорошаго у русскихъ художниковъ—мое желаніе собрать галлерею только русскихъ художниковъ!» На эти слова многое можно бы было вамъ написать, но въ семъ письмѣ я это отложу, и займусь завершить его покамѣстъ нашимъ денежнымъ счетомъ и двумя словами объ Антонѣ Ивановѣ и Жаметѣ.

Отъ Иванова я получилъ картину, и отправилъ ее банкиру; отдалъ ему сто скудъ, оставленныя у меня вами для него. Въ это-же время видѣлъ и картину Жамета, но онъ по болѣзни своей не могъ ее окончить.

CLXXX.

КЪ Ѳ. И. ІОРДАНУ.

(Римъ. Январь 1853.)

Окончивъ съ вами счеты, я, такъ сказать, хотѣлъ отдохнуть отъ писемъ, всегда вызываемыхъ необходимостью жизни. Но теперь на ваше послѣднее отъ 11 декабря нельзя не отвѣтить, нельзя не сказать, что какъ ни непріятны были у насъ дѣла

съ Моллерами, но они въ самомъ дѣлѣ разъяснили наше значеніе и дружескія отношенія, которыя, съ самаго вашего отъѣзда изъ Рима, были у меня въ ряду забывшихъ меня товарищей. Это мое письмо, вѣроятно, будетъ послѣднее, ибо вы на пунктѣ выѣхать. Если время у васъ будетъ, то все-таки напишите мнѣ о перемѣнахъ, какія случатся въ Академіи: все это для меня очень любопытно, хотя бы даже оно и имѣло видъ наружной неблагопріятности. Жаль очень, что вы ни слова не сказали объ оттискѣ Пищалкина [1]), съ которымъ я такъ часто вижусь. Конечно, тутъ ждать нельзя сочувствія ни массы, ни образованной публики къ труду гравера; по крайней-мѣрѣ, что̀ говорятъ въ Академіи, въ этой оранжереѣ чужихъ растеній? Прочее все, прекрасное и высокое, у насъ впереди. Благодарю усердно за вашъ ко мнѣ панегирикъ, но я всегда въ какой-то лихорадкѣ, когда думаю, сколько отъ меня ждутъ, т.-е. отъ моей картины. Я все сдѣлалъ, чтобы вамъ доставить работу—гравировать портретъ Гоголя; остается еще справиться, за кѣмъ дѣло остановилось,—справка, которая ничего, можетъ быть, вамъ не прибавитъ.

Видѣлъ я Николая Өедоровича Брюлло съ Гриммомъ, Басковымъ; другихъ еще не видалъ, т.-е. Крюкова. Скажите, что̀ у васъ говорятъ о Борисполецѣ? Онъ здѣсь ослѣпъ, лечится и безденежствуетъ [2]). Къ Солдатенкову я недавно послалъ богатую коллекцію фотографій: виды древнихъ римскихъ строеній, въ развалинахъ, и статуи Ватикана и Капитолія. Успѣхи фотографіи чувствительны и, какъ мнѣ кажется, сильно на счетъ вашего искусства. Объ этомъ я бы желалъ съ вами поговорить лично, въ видѣ спокойномъ и серьёзномъ, а то бѣда съ письмами: всегда что-нибудь да не такъ и выскажется, и покажется. Любопытно получить (отвѣтъ) отъ Солдатенкова.

Рихтеръ ничего ко мнѣ не писалъ. Да и о чемъ ко мнѣ

[1]) Рѣчь идетъ о гравюрѣ Пищалкина съ картины Брюллова: „Взятіе Божіей Матери на небо", присланной въ то время изъ Рима въ Петербургъ.

[2]) Плат. Тим. Борисполецъ имѣлъ въ это время зрѣніе только ослабѣвшее, но никогда не былъ слѣпымъ: не только въ 1858 году, но даже и въ настоящее время, спустя 26 лѣтъ.

писать? Кажется, что вашъ оттискъ съ «Преображенія» проданъ. Если вы хотите, чтобы я взялъ эти деньги отъ купца, то пришлите мнѣ къ нему ваше довѣренное письмо по-италіански.

CLXXXI.

КЪ К. Т. СОЛДАТЕНКОВУ.

(Римъ. Начало 1853).

Недавно получилъ я ваше прелюбезное письмо, но оно коротко, такъ что я не знаю, получили-ли вы фотографіи статуй Ватикана и Капитолія, вмѣстѣ съ картиной Антона Андр. Иванова, или не получали?—это меня заботитъ. Остающіяся у меня деньги на покупку фотографій все еще не въ ходу, хотя я видѣлъ прекрасную фотографію съ Леонардо-да-Винчи въ галлереѣ Шарра [1]), но мнѣ хотѣлось пріобрѣсти для васъ, во-первыхъ, замѣчательныя живописи Ватикана, которыя, не знаю почему, все еще не появляются. Буду на сторожѣ.

Жаметъ призывалъ меня для показанія почти конченной картины для васъ. Эта вещь превосходная, съ чѣмъ васъ поздравляю. Въ художническомъ моемъ чувствѣ я было хотѣлъ васъ просить сколько-нибудь прибавить ему плату, но я не знаю, можно ли это чувство согласовать съ мнѣніемъ человѣка свѣтскаго, и потому теперь прошу васъ покорнѣйше прислать вторую половину денегъ, т.-е. сто скудъ, въ уплату за трудъ его, который, по его словамъ, будетъ на дняхъ къ вамъ отправленъ. Кстати вамъ скажу: Жаметъ хочетъ за эту картину получить званіе художника изъ петербургской Академіи, что̀, конечно, увеличитъ ея важность въ глазахъ вашихъ.

Пріѣхалъ сюда В. Е. Раевъ и привезъ мнѣ реэстръ книгъ, вмѣсто самыхъ книгъ, вами ко мнѣ посланныхъ, ибо онъ не безъ причины перепугался итальянской таможни, и оставилъ

[1]) Sciarra.

ихъ въ нашемъ посольствѣ въ Вѣнѣ. Благодарю васъ за любовь и вниманіе ко мнѣ, но въ тоже время долженъ вамъ сказать, что скоро самъ собираюсь къ вамъ, и потому время мое не позволяетъ мнѣ почти никакого чтенія, особенно русскихъ книгъ, будучи употребляемо безпрестанно только на окончаніе моего настоящаго труда. Тороплюсь всячески кончить мое дѣло, и такимъ образомъ при личномъ свиданіи можно гораздо и лучше, и яснѣе порѣшить всякое будущее движеніе и намѣреніе, какъ ваше, такъ и мое.

CLXXXII.

КЪ К. Т. СОЛДАТЕНКОВУ.

(Римъ. Весна 1853.)

Извините, что опаздываю къ вамъ отвѣтомъ: я все выжидалъ болѣе счастливой минуты, чтобы достойно выразить вамъ мою искреннюю благодарность за великодушный вашъ поступокъ—наградить художника за трудъ, сверхъ условленной платы. Это тѣмъ болѣе для меня трогательно, что вы, не видя еще самой вещи вашими глазами, основались только на моемъ одномъ словѣ.

Пріятно мнѣ было слышать, что Н. А. Рамазановъ не безъ занятія. Будьте такъ добры, упоминайте въ каждомъ вашемъ письмѣ что-нибудь о немъ, или объ другихъ дѣйствіяхъ художниковъ. Два мѣсяца передъ симъ просилъ меня Ѳ. А. Моллеръ написать къ вамъ, что, по поводу усиленнаго занятія своею картиною [1]), (онъ) не можетъ удовлетворить вашей просьбы написать для васъ картину. На этомъ основаніи онъ хотѣлъ вамъ возвратить оставленныя у него вами деньги. Но, наконецъ, онъ самъ недавно послалъ къ вамъ письмо съ подробнымъ описаніемъ всего этого дѣла, что, конечно, лучше всего.

Отъ денегъ, отданныхъ Жамету, у меня осталось 35 скудъ, что съ прежними 55—составляетъ 90 скудъ.

[1]) „Апостолъ Іоаннъ на островѣ Патмосѣ"; объ этой картинѣ говорено уже на стр. 197.

Фотографіи показываются, но все не въ тѣхъ видахъ, какіе мнѣ бы хотѣлось для васъ: съ эстампа Іордана, «Тайная вечеря» Леонардо-да-Винчи—съ копіи довольно средственной «Мадонна Фолиньо» Рафаэля, но съ самихъ оригиналовъ еще ничего нѣтъ. Я полагаю, что другой причины тутъ нѣтъ, какъ боязнь подорвать коммерцію съ образцовыхъ произведеній XV-го столѣтія. И въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто 40 и 30 скудъ,—спуститься на 3 или 4! Да еще, можетъ быть, съ гораздо лучшимъ рисункомъ! Я все-таки не теряю надежду.

Свидѣтельствую вамъ, Николаю Петровичу Боткину и Ник. Алекс. Рамазанову мое искреннее почтеніе.

CLXXXIII.

КЪ ГРАФ. С. П. АПРАКСИНОЙ.

(Римъ. Іюль 1853.)

Съ сердечнымъ трепетомъ получилъ я ваше письмо отъ 12 (24) іюня изъ рукъ сына, вами рекомендуемаго, Михаила Семеновича Щепкина, за которое приношу вамъ мою усердную благодарность. Вы просите меня къ вамъ писать, но мы теперь живемъ въ такой эпохѣ, гдѣ жизнь каждаго изъ людей извѣстна во всѣхъ ея видахъ: такъ, по крайней мѣрѣ, можно намъ замѣчать изъ ежеминутныхъ признаковъ, и потому письмо будетъ изображать только вліяніе той минуты, когда пишешь, иногда неудачной. Скажу, однакожъ, здѣсь то, чтò чувствовалъ со дня знакомства съ вашей особой, посредствомъ незабвеннаго нашего Николая Васильевича.

Постоянно пребывая съ глубочайшимъ почтеніемъ къ вамъ и вашему семейству, я всегда замѣчалъ мои всѣ планы и намѣренія несравненно меньшими, чѣмъ вы когда либо предполагали, и потому, охотно ввѣряясь совершенно во всемъ вамъ, мнѣ не остается ничего болѣе, какъ совершить мой настоящій трудъ въ границахъ моего знанія въ искусствѣ, и ждать отъ васъ великой милости.

CLXXXIV.

КЪ К. Т. СОЛДАТЕНКОВУ.

Римъ, 30 декабря 1854.

Вотъ уже болѣе полутора года, какъ не писалъ къ вамъ о моихъ занятіяхъ—это какъ одинъ день; но много можетъ быть перемѣнъ въ вашемъ положеніи. Холера въ этотъ годъ свирѣпствовала въ первопрестольной столицѣ. Мнѣ бы очень хотѣлось, во-первыхъ, знать, какъ вы отъ нея избавились? Сдѣлайте одолженіе, не пренебрегите отвѣчать мнѣ на это.

Что касается до вашихъ денегъ 90 скудъ, остававшихся у меня для покупки фотографій съ важнѣйшихъ живописей XV-го столѣтія, то это все еще стоитъ въ томъ же положеніи, т.-е. что страхъ подорвать продажу существующихъ эстамповъ останавливаетъ это дѣло. Теперь въ фотографіяхъ отличается здѣсь докторъ Браунъ, но это не съ живописи, а со скульптуры, которую вы имѣете, и (съ) архитектуры самыхъ лучшихъ зданій, до насъ дошедшихъ, привезенныхъ сюда въ Римъ въ гипсовыхъ слѣпкахъ. Братъ мой этими вещами теперь исключительно занятъ.

Хотѣлось бы мнѣ еще съ вами поговорить, но покамѣстъ отложу до вашего отвѣта на это письмо, которымъ прошу поспѣшить, ибо слѣдующее мое письмо къ вамъ будетъ великой важности.

Прощайте, кланяется вамъ мой братъ, поклонъ отъ насъ Н. П. Боткину и Н. А. Рамазанову.

CLXXXV.

КЪ НЕИЗВѢСТНОМУ.

(Римъ. 1855.)

Ведя къ окончанію мою большую картину среди самаго труднаго времени, я все употребилъ, чтобы не безпокоить никого просьбами о деньгахъ, испытавъ въ послѣдній разъ едва выносимыя непріятности. Теперь я довелъ мою картину

до окончательнаго вида, чувствую себя въ силахъ еще болѣе ее усовершенствовать, но такъ какъ нахожусь при самыхъ послѣднихъ деньгахъ, въ сравненіи съ которыми издержки, тутъ необходимыя, далеко превышаютъ мои настоящіе способы, то я и остановился, занявшись другимъ дѣломъ, по моему усмотрѣнію гораздо важнѣйшимъ, и не требующимъ большихъ издержекъ.

Долгомъ счелъ извѣстить васъ объ этомъ трудномъ моемъ положеніи, и просить васъ о совѣтѣ, что мнѣ тутъ дѣлать? Могутъ ли быть новые способы къ усовершенствованію большой моей картины, или уже мнѣ должно, къ стыду и величайшему моему горю, назвать ее конченною?

Сдѣлайте милость, не оставьте меня на долгое время въ этомъ борящемся состояніи, и рѣшите мое положеніе тѣмъ или другимъ образомъ.

CLXXXVI.

КЪ К. Т. СОЛДАТЕНКОВУ.

(*Римъ. Начало 1855.*)

Въ ожиданіи вашего отвѣта на послѣднее мое письмо отъ 30 декабря прошедшаго года, я получилъ отъ Пищалкина новое ваше письмо, которое, какъ видно, писано вами прежде полученія моего.

Весьма отрадно мнѣ видѣть васъ въ полномъ расположеніи дѣйствовать въ пользу нашихъ русскихъ художниковъ, и въ особенности довѣренность, съ какой вы ко мнѣ обращаетесь, я въ самомъ дѣлѣ не могу не принять безъ искренняго и сердечнаго удовольствія. Но такъ какъ природа нашего живописнаго дѣла и мои дѣйствія вообще медленны, особливо это новое положеніе, въ которое вы меня ставите,— быть какъ бы судьей и цѣнителемъ—требуетъ большой осмотительности, то я покамѣстъ ничего не скажу вамъ отвѣтомъ о другихъ, и предложу то, что думалъ сказать вамъ въ послѣднемъ моемъ письмѣ.

Благодаря вашему подарку, которымъ вы обозначили вашъ сюда пріѣздъ, я сдѣлалъ много открытій въ дѣлѣ живописномъ. Въ этомъ новомъ занятіи, годы кажутся днями, но это не только не убавляетъ, но еще утроиваетъ мои силы. Но такъ какъ хлѣбъ требуется съ каждымъ днемъ, то вслѣдствіе этого у меня является впереди крайняя нужда въ матеріальныхъ способахъ, почему я теперь и предлагаю вамъ вопросъ: въ состояніи ли вы мнѣ дать въ заемъ денегъ, и какъ велика можетъ быть эта сумма, ибо, кромѣ меня, и братъ мой доживаетъ до того же положенія?

Не устрашайтесь этой неожиданности — мыслью, что взойдете въ издержки безъ видимаго сейчасъ же плода, и отвѣтьте мнѣ въ самомъ скоромъ времени, хотя бы это былъ и отказъ. Моя большая картина у порога своего конца, а съ ней вмѣстѣ и эскизы, для нея дѣлаемые. Съ нетерпѣніемъ жду Дмитрія Петровича Боткина, чтобы больше узнать и объ васъ, и пристальнѣе вглядѣться въ ваши желанія.

CLXXXVII.

КЪ К. Т. СОЛДАТЕНКОВУ.

Римъ. Май 1855.

Желая какъ можно тщательнѣе исполнить намѣреніе ваше — узнать о положеніи русскихъ художниковъ въ Римѣ, или, лучше сказать, привести полный итогъ, описавъ ихъ занятія, и имѣть разсужденіе объ оныхъ, я до-сихъ-поръ сдѣлалъ только слабыя къ тому начинанія, и въ то же время слышу, что вы уже предупредили мои распоряженія, купивъ картину Сорокина, представляющую «Цыганъ». Эти деньги ваши обратились, какъ вамъ тоже, можетъ быть, уже извѣстно, въ пожертвованія на надобности государственныя,—такъ мнѣ сказалъ, по-крайней-мѣрѣ, самъ Сорокинъ. Его производящуюся картину «Благовѣщеніе» я не видалъ, другихъ произведеній у него нѣтъ. Эту послѣднюю картину онъ надѣется послать въ половинѣ нынѣшняго лѣта въ Петербургъ, на выставку въ Академію. Я въ это время не буду въ Римѣ, ибо

жара не выношу, и потому, может быть, вы прежде меня ее увидите на петербургской выставкѣ, куда везутся отсюда и другія небольшія картины, мной видѣнныя: «Три пифферара у часовни» — произведеніе Чернышева, и «Ночь въ Венеціи со стороны моря»—Боголюбова, бывшаго адъютанта его высочества Константина Николаевича. Эти обѣ вещи могутъ быть проданы первому, кто пожелаетъ ихъ пріобрѣсти. Бронниковъ хотя и приготовилъ небольшую вещь, представляющую «Женщину, моющую дитя у фонтана», но не посылаетъ ее, ибо находитъ еще въ ней кое-что докончить. Пенсіонеръ Академіи Давыдовъ посылаетъ «Видъ Швейцаріи», тоже на выставку нашей Академіи. Вотъ все, что̀ я покамѣстъ могу сказать вамъ. Вы сами видите, что выборъ сдѣлать у художниковъ невозможно, ибо каждый представляетъ едва одно свое произведеніе въ настоящую минуту.

Что касается до словъ вашихъ, относящихся прямо ко мнѣ и къ моему произведенію, то я покамѣстъ и на это не прибралъ еще настоящаго отвѣта, о которомъ думаю очень, а теперь пишу вамъ только для того, чтобы не поставить васъ въ смутное положеніе въ разсужденіи меня, ибо вы прислали мнѣ деньги, о полученіи которыхъ я васъ долженъ увѣдомить въ самомъ скорѣйшемъ времени.

Поговоримте покамѣстъ о Сорокинѣ: я самъ, кромѣ картины его «Цыгане», никакого другого произведенія не видалъ. Сколько можно составить себѣ данныхъ изъ слуховъ, объ немъ носящихся, то изъ него можетъ выйдти хорошій и дѣльный учитель (т.-е., говоря по-французски, — профессоръ). А такъ-какъ его пенсія на концѣ и, слѣдовательно, за недостаткомъ содержанія нужно будетъ оставить немедленно Италію, чтобы хвататься за первыя встрѣчныя работы въ Россіи, чтобы добыть себѣ хлѣбъ, то не пожелаете ли вы заказать ему, въ кабинетную мѣру, предметъ изъ священной исторіи, гдѣ бы онъ могъ не только не унизиться, но еще и впередъ сдѣлать шагъ на той дорогѣ, которая должна быть всегда строго слѣдима и Академіей, и пенсіонерами ея?

Прощайте, надѣюсь къ вамъ вскорѣ писать, ибо чувствую, что это совсѣмъ не полный отвѣтъ на ваше патріотическое начало.

CLXXXVIII.

КЪ НЕИЗВѢСТНОМУ.

Римъ. 10 іюня 1855.

Чтò мнѣ вамъ сказать, кромѣ благодарности за ваше письмо, гдѣ вы съ примѣрнымъ постоянствомъ меня все также помните?

Мой трудъ—большая картина—болѣе и болѣе понижается въ глазахъ моихъ. Далеко ушли мы, живущіе въ 1855 году, въ мышленіяхъ нашихъ,—тѣмъ, что передъ послѣдними рѣшеніями учености литературной основная мысль моей картины совсѣмъ почти теряется, и такимъ образомъ у меня едва достаетъ духу, чтобы болѣе совершенствовать ея исполненіе, въ которомъ, однако же, хотѣлъ представить итогъ столь долгаго моего пребыванія въ Римѣ.

Вы, можетъ быть, меня спросите: чтò же я извлекъ изъ послѣднихъ положеній литературной учености? Тутъ я могу едва назваться слабымъ ученикомъ, хотя и сдѣлалъ нѣсколько пробъ, кàкъ ее приспособить къ живописному дѣлу. Однимъ словомъ, я, какъ бы оставляя старый бытъ искусства, никакого еще не положилъ твердаго камня къ новому, и въ этомъ положеніи дѣлаюсь невольно переходнымъ художникомъ.

Простите! Можетъ быть, навелъ на васъ грусть, почему желалъ бы скорѣе молчать, чѣмъ въ письмѣ сознаваться о моей незрѣлости.

CLXXXIX.

КЪ К. Т. СОЛДАТЕНКОВУ.

(Римъ. Лѣто? 1855.)

Наше время, гдѣ все съ такою легкостью подвергается преступленіямъ, требуетъ самыхъ ясныхъ словъ въ выраженіи, почему, откинувъ всѣ обиняки и лишнюю вѣжливость, я теперь припоминаю вамъ разговоръ о моемъ эскизѣ. Вы

просили эскизъ, болѣе всѣхъ оконченный, и я согласился его для васъ оставить. Этимъ бы, казалось, и могло завершиться и дѣло, и слово. Эскизъ, о которомъ мы говорили, написанъ одинъ аршинъ въ ширину и полъ-аршина въ вышину.

Въ промежуткѣ вашего со мной свиданія, я счелъ за нужное написать въ третью часть моей картины копію съ перемѣнами, чтὸ мнѣ преимущественно нужно было, чтобы болѣе провѣрить размѣръ фигуръ въ меньшемъ ихъ видѣ, и найдти общую гармонію. Эта вещь у меня еще болѣе оканчивается. Еслибъ васъ свести въ студію, то, конечно, вы, во-первыхъ, ее бы себѣ, можетъ быть, усвоили. Вотъ это обстоятельство я вамъ теперь представляю на видъ, чтὸ очень заставляетъ меня думать. Вторая картина, въ треть величины, исполнена въ промежуткѣ нашего личнаго переговора и вашего послѣдняго письма съ рѣшенной цѣной, а эскизъ, о которомъ мы говорили, я теперь соглашаюсь вамъ отдать, разумѣется, по окончаніи большой картины.

Признаться долженъ, что, прося у васъ въ долгъ денегъ, я показалъ, что важность и польза ихъ въ настоящую мою минуту будутъ имѣть заключеніемъ уступку этой малой картины. Но теперь этотъ планъ разрушенъ, и я остаюсь вѣрнымъ въ словѣ, т.-е. что эскизъ, о которомъ мы говорили въ 1851 году, будетъ вашъ.

CXC.

КЪ ПОГОДИНУ.

(Римъ. 1855.)

Желая удовлетворить вашей просьбѣ, я здѣсь копирую важное и послѣднее письмо ко мнѣ Н. В. Гоголя. Я его вклеилъ въ заглавный листъ новыхъ моихъ занятій, и потому въ оригиналѣ я его не могу отдать:

«Николай Петровичъ Боткинъ передастъ вамъ мой поцѣлуй, многолюбимый мною Александръ Андреевичъ; Богъ въ помощь вамъ въ трудахъ вашихъ, не унывайте, бодритесь,

благословеніе святое да пребудетъ надъ вашей кистью, и картина ваша будетъ кончена со славою. Отъ всей души по крайней мѣрѣ желаю. Весь вашъ Н. Г.».

«Ни о чемъ говорить не хочется: все, что̀ ни есть въ мірѣ, такъ ниже того, что̀ творится въ уединенной кельѣ художника, что я самъ не гляжу ни на что̀, и міръ кажется вовсе не для меня. Я даже и не слышу его шума. Христосъ съ вами».

Прочія письма его составляютъ слишкомъ грузный пакетъ, ибо наше знакомство едва ли не десятилѣтнее, почему я на это подожду новаго вашего разрѣшенія. Не думайте, чтобы я не дорожилъ оригинальностью и другихъ писемъ важнѣйшаго изъ людей, какихъ я встрѣчалъ въ жизни, но копировать такое множество писемъ—совсѣмъ не имѣю времени.

CXCI.

КЪ Г***.

Интерлакенъ, 1-го августа 1857.

Слѣдя за современными успѣхами, я не могу не замѣтить, что мое искусство живописи должно получить новое направленіе, и, полагая, что нигдѣ столько не могу зачерпнуть разъясненій мыслей моихъ, какъ въ разговорѣ съ вами,—надѣюсь, что вы мнѣ не откажете въ этомъ,—я рѣшаюсь пріѣхать въ Лондонъ отъ 3-го до 10 сентября. Въ художникахъ итальянскихъ совсѣмъ не слышно стремленія къ какимъ-нибудь новымъ идеямъ въ искусствѣ. Не говоря уже о теперешнемъ гниломъ состояніи Рима, они въ 1848 и 49 годахъ, когда во главѣ стоящая партія грозила до основанія разрушить церкви, думали: какъ бы получить для церквей новые заказы. Такое противорѣчіе рождаетъ самый любопытный вопросъ: ка̀къ думаетъ объ этомъ Мацзини? Почему и просилъ бы васъ покорнѣйше свести меня съ нимъ во время пребыванія моего въ Лондонѣ, но, подумавъ, однакожъ, не будетъ ли это свиданіе имѣть пагубныя послѣдствія для меня

отъ римскаго правительства, которое, вѣроятно, вслѣдствіе послѣднихъ потрясеній, стоитъ на сторожѣ всѣхъ его дѣйствій въ самомъ Лондонѣ? Если, напримѣръ, правительству вздумается вторгнуться въ мою студію въ Римѣ для разсмотра моихъ книгъ, съ помощію которыхъ я пробую созидать новый путь для моего искусства въ эскизахъ, то они, разумѣется, отберутъ отъ меня и то, и другое, что̀ будетъ моимъ смертельнымъ нравственнымъ ударомъ.

CXCII.

КЪ БРАТУ.

Интерлакенъ, 13 августа 1857.

Выходитъ, что я совсѣмъ виноватъ: сбился въ числахъ, когда писалъ къ вамъ письма. Числа всегда меня сбивали, а главное, я весьма мало имѣлъ покоя все это время: быстрота переѣздовъ и новость предметовъ, съ незнаніемъ нѣмецкаго языка, меня сильно волновали. Проѣздомъ въ Вѣнѣ совѣтовался у Эггера и его сына, въ два пріема: они рѣшили, что глаза здоровы, что имъ нуженъ, во-первыхъ, шестинедѣльный отдыхъ въ зелени,—указали мнѣ Гастейнъ, близъ Зальцбурга; что нужны очки въ 20-й нумеръ для работъ, и чтеній, и что(бы) на натуру глядѣть поверхъ очковъ. Это послѣднее условіе весьма меня безпокоитъ: безъ пробы на самомъ дѣлѣ я не могу быть увѣреннымъ въ безпорочности этого рода работы, несмотря на увѣренія людей опытныхъ, что это дѣло только привычки. Греффе въ Берлинѣ меня смотрѣлъ пристальнѣе: его лорнетъ, при лампѣ въ темной комнатѣ, былъ и больше, и ярче, чѣмъ Эггера. Онъ нашелъ вѣки глазъ нѣсколько разслабленными, и прописалъ мнѣ спиртъ — мазать виски и надъ бровями въ день два раза и тоже два раза вспрыскивать душью глаза въ продолженіи 2-хъ минутъ; очки разныхъ нумеровъ—для праваго глаза, какъ лучшій, 20-й, а для лѣваго, 14-й нумеръ, и тоже глядѣть на натуру поверхъ очковъ; отдыхъ отъ всѣхъ занятій,

по крайней мѣрѣ, мѣсячный въ Швейцаріи, въ тѣнистой зелени, и отнюдь не лазить на снѣжныя горы, да сверхъ того лорнетъ въ 7-й градусъ для лѣваго глаза, чтобы пріучить его къ работѣ—въ день 1/4 часа читать, закрывая правый. О желудкѣ никто изъ окулистовъ не говорилъ ни слова, ибо если я не отравленъ, то желудокъ не болитъ. Однако же, Матюшенко, котораго я встрѣтилъ въ Берлинѣ, и Циммерманъ, снова въ Неаполѣ, побудили меня на сывороточное лѣченіе въ Швейцаріи, что́ я теперь и оканчиваю подъ тѣнистыми орѣшниками Интерлакена. Въ Гейдельбергѣ я тоже былъ у Геліуса. Не зная совѣтовъ ни Эггера, ни Греффе, онъ подтвердилъ ихъ своимъ, прописавъ, однако, еще примочку отъ слезливости утренней, которую я еще не употреблялъ. Вотъ все о лѣченіи и о глазахъ. Самъ я не чувствую никакой въ нихъ перемѣны, но говорятъ, что вообще я будто бы поправился и пополнѣлъ — точно: платья становятся узки. Теперь о другомъ.

Въ Берлинѣ Брунновъ меня пригласилъ къ обѣду, гдѣ было подтверждено, что Государь Императоръ пріѣдетъ въ Вильдбадъ, и весьма скоро. Осмотрѣвъ все въ Берлинѣ, я пустился прямо чрезъ Дюссельдорфъ въ Парижъ, чтобы встрѣтить тамъ Н. Боткина и посовѣтоваться съ нимъ въ дальнѣйшихъ распоряженіяхъ вояжа, т.-е. въ покупкѣ книгъ и матеріаловъ, но былъ выгнанъ имъ немедленно въ Вильдбадъ: Боткинъ увѣренъ, что Парижъ съ мѣста не тронется, а Государь скоро уѣдетъ изъ Вильдбада, почему, посадивъ меня en grande vitesse въ вагонъ, и, переплативъ, не знаю ужъ какъ, все до всякой мелочи, шампанскимъ меня провожали въ карету. Очутившись на другой день въ Вильдбадѣ, получилъ приглашеніе отъ графа Віельгорскаго встрѣтить на крыльцѣ у вдовствующей Императрицы Государя Императора съ супругой, братомъ Михаиломъ Николаевичемъ, и его невѣстой. На другой день было представленіе вдовствующей Императрицѣ, Ольгѣ Николаевнѣ, Государю Императору, а великій князь Михаилъ Николаевичъ изволилъ прислать своего офицера въ мой чуланъ въ Вильдбадѣ, чтобы къ нему явиться. Всѣ эти ласки въ самомъ дѣлѣ были поразительны, послѣ тюремнаго жительства римскаго. Послѣднее слово

Государя было: *«Я надѣюсь, что ваше положеніе улучшится»*. Приглашенъ былъ его величествомъ на чай, гдѣ были тирольскіе пѣвцы—концертъ былъ многосложенъ и оригиналенъ. Послѣ уѣзда Государя, я тоже отправился по моимъ дѣламъ, сыскалъ человѣка многополезнаго, о которомъ скажу тебѣ послѣ, а теперь, такъ какъ ты ѣдешь непремѣнно въ сентябрѣ и, слѣдовательно, я тебя не застану дома, то: можно ли будетъ привезти мнѣ съ собой въ твою комнату на двѣ недѣли одного молодаго русскаго, съ которымъ знакомство мнѣ весьма важно? Если такъ, то предвари объ этомъ Лодовика.

Предъ Интерлакеномъ я представлялся къ нашему президенту Академіи. Ея высочество съ изумительной добротой меня приняла. 19-го сего мѣсяца я отправлюсь опять для свиданія съ нею въ Остенде, откуда проѣду въ Лондонъ, и оттуда въ Парижъ, гдѣ останусь дней десять. Конечно, очень будетъ прискорбно, если не попользуюсь библіотекой: можетъ быть, съ помощью совѣтника посольства, чтò тебѣ тоже служилъ такъ благосклонно въ Парижѣ, я что-нибудь успѣю.

Главное меня заботитъ, что, можетъ быть, денегъ не хватитъ всего того закупить, чтò нужно,—вотъ почему просилъ бы тебя поручить оставленную сумму Желѣзнову [1]), такъ чтобы онъ могъ мнѣ выслать изъ нея столько, сколько будетъ нужно. Если застану Боткина на лицо въ Парижѣ, то онъ мнѣ обѣщался дать въ займы; если же не такъ, то напишу еще разъ въ Римъ, уже прямо Желѣзнову, прося его покорнѣйше взять трудъ похлопотать. Крайне жалѣю, что онъ боленъ: ужъ лучше бы было ему ѣхать со мной, чѣмъ хворать. Во всякомъ случаѣ гони его изъ Рима въ горы. Прощай, будь здоровъ и счастливъ.

Братъ Александръ.

Кланяйся всѣмъ, и русскимъ, и итальянскимъ знакомымъ.

---

[1]) М. И. Желѣзновъ, живописецъ, ученикъ Брюллова и писатель объ искусствѣ.

CXCIII.

КЪ Н. П. БОТКИНУ.

(Римъ. Февраль 1858.)

Благодарю усердно васъ за великодушное ваше предложеніе—служить брату присылкой книгъ къ нему въ Аѳины. Я долженъ вамъ сообщить, что онъ нашелъ этотъ увражъ въ самихъ Аѳинахъ, и все изъ него вычерпалъ; почему, если еще не поздно, просилъ-бы васъ прекратить всякое попеченіе о его высылкѣ въ Аѳины.

Братъ думалъ въ половинѣ поста быть въ Римѣ, что̀ говоритъ его послѣднее письмо. Но мои обстоятельства живой принимаютъ видъ. Вслѣдствіе второй выставки моей картины ея высочество в. к. Елена Павловна беретъ во мнѣ дѣятельное участіе. Картина будетъ отправлена въ концѣ карнавала въ Ливорно, и оттуда поплыветъ въ Петербургъ. Я думаю немедленно отправиться изъ Рима, чтобы застать брата въ Аѳинахъ, и съ нимъ отправиться въ Іерусалимъ, чтобы вымѣрить Омарову мечеть. Черезъ недѣли двѣ я оттуда отпущу брата, куда̀ онъ захочетъ, а самъ останусь въ Палестинѣ до конца мая, послѣ чего думаю въ Эфесъ, потомъ на Аѳонскую гору, оттуда въ Константинополь, и въ концѣ іюля быть въ Петербургѣ, гдѣ уже будетъ получена картина. Такъ какъ я поѣду черезъ Москву и, можетъ быть, пробуду недѣлю (вѣдь я тамъ буду въ первый разъ), то просилъ-бы васъ посовѣтовать мнѣ, гдѣ тамъ пристать, ибо денегъ у меня къ тому времени будетъ немного. Да и въ Петербургѣ-то у меня все родное вымерло, и потому, нельзя-ли будетъ попросить Михаила Петровича [1]) меня на первые дни пріютить? Впрочемъ, объ этомъ я еще буду къ вамъ писать съ Востока. Все-таки напишите два слова М. П., и пришлите мнѣ его петербургскій адресъ.

---

[1]) Говорится объ издателѣ этой книги.

CXCIV.

КЪ И. М. СѢЧЕНОВУ.

(Римъ. Февраль 1858.)

Такъ какъ мои обстоятельства принимаютъ весьма важную перемѣну, то я за нужное считаю васъ объ этомъ извѣстить. Я вторично выставлялъ здѣсь картину.

Когда и какъ мы увидимся, теперь опредѣлить трудно. Во всякомъ случаѣ, если будете писать ко мнѣ, то до половины второй недѣли поста все еще въ Римъ, а потомъ уже посылайте письмо въ Аѳины, на имя нашего посольства, съ просьбою вручить Сергѣю Андреевичу Иванову, моему брату. Напишите мнѣ, когда именно гдѣ вы будете, чтобы, въ случаѣ обратнаго пути моего изъ Россіи, можно-бы было васъ гдѣ-нибудь въ Германіи увидать. Адресъ мой петербургскій будетъ у Боткиныхъ, съ которыми я постараюсь часто видѣться, и постараюсь даже въ одномъ домѣ жить.

Крѣпко сожалѣю, что нѣмецкія книги, пріобрѣтенныя послѣднимъ вояжемъ, остаются втунѣ, и вообще сердцевина будущихъ занятій должна оставаться въ сторонѣ, чтобы дать мѣсто для изслѣдованія мѣстностей и получить способы на дальнѣйшіе шаги въ искусствѣ.

Къ Джуліи [1]) я заходилъ, она познакомила меня съ русской рабой, укрывшейся въ католицизмъ отъ угрозъ своихъ господъ. Это новое знакомство я еще не разрывалъ, и не знаю, буду-ли имѣть время для дальнѣйшаго веденія вообще римскихъ знакомствъ. Впрочемъ, карнавалъ не можетъ быть и для меня безъ молодыхъ дѣвицъ.

---

[1]) Бяни, знаменитая римская красавица, служившая иногда моделью.

CXCV.

КЪ БРАТУ.

(Римъ. Мартъ 1858.)

Крайне сожалѣю, что замучилъ тебя моими письмами, но повѣрь, что я самъ не мало страдаю, будучи поставленъ одинъ на сцену. Не съ кѣмъ посовѣтоваться, не съ кѣмъ слово сказать съ полной довѣренностью, и дѣйствовать вынужденъ самостоятельно по неволѣ. Великая княгиня Елена Павловна и князья Романовскіе открыли снова мою студію пока, какъ это было весной. Нельзя было отказать или назначить день; только карнаваломъ, кое какъ, это пресѣклось.

Рѣчь, которую ты помѣстилъ, чтобы мнѣ сказать, я въ самомъ дѣлѣ уже говорилъ самому посланнику, когда тотъ провожалъ ко мнѣ князей Романовскихъ. Но глубокое молчаніе получилъ въ отвѣтъ. А прежде того, т.-е. прежде пріѣзда Императрицы, когда онъ въ первый разъ обходилъ, то онъ замѣтилъ, что дѣло можетъ быть безъ конца. Здѣсь копирую тебѣ письмо Маріи Николаевны, изъ котораго ты увидишь ходъ и рѣшеніе моихъ дѣлъ. Во всякомъ случаѣ я ѣду изъ Рима 5-го или 8-го апрѣля—надѣюсь прежде отправленія лично увидаться.

Ты разсуждалъ объ моемъ положеніи по-твоему. Благодарю за искренность, и благодарю отъ всего сердца. Но мой планъ, т.-е. мой собственный планъ, совсѣмъ другой. Картина не есть послѣдняя станція, за которую надобно драться. Я за нее стоялъ крѣпко въ свое время, и выдерживалъ всѣ бури, работалъ посреди ихъ, и сдѣлалъ все, что̀ требовала школа. Но школа—только основаніе нашему дѣлу живописному,—языкъ, которымъ мы выражаемся. Нужно теперь учинить другую станцію нашего искусства—его могущество приспособить къ требованіямъ и времени, и настоящаго положенія Россіи. Вотъ за эту-то станцію нужно будетъ постоять, т.-е. вычистить ее отъ воровъ, разбойниковъ, влѣзающихъ черезъ заборъ, а не дверьми входящихъ.

Рекомендацію отъ посланника все-таки ты возьми на Во-

стокъ. Вѣдь я не знаю навѣрное, буду ли я имѣть что нибудь лучше ея. Теперешнее путешествіе туда двухъ моихъ знакомыхъ: князя Оболенскаго и генерала Исакова, не знаю какую принесетъ мнѣ пользу. Первый хотѣлъ обстоятельно разузнать о возможности мѣрить мечеть и возвратиться въ Римъ прежде насъ.

Желѣзновъ ищетъ мѣсто Григоровича въ Академіи. На неуспѣхъ можно потому надѣяться, что много другихъ охотниковъ, а о Скотти и помину нѣтъ. И я думаю, онъ былъ въ твое время мячикъ Желѣзнова, который онъ тебѣ подбрасывалъ, чтобы самого себя не дать замѣтить.

Твои письма съ самаго начала ходили по рукамъ, всѣ весьма любопытствовали твоимъ описаніемъ по-итальянски. Желѣзновъ давалъ Сорокину, показывалъ мнѣ твое письмо порусски; я изъ этого заключилъ, что онъ можетъ показывать ихъ всѣмъ. Вѣдь Желѣзновъ, Сорокинъ и всѣ, что были при тебѣ весной нашими друзьями, оказываются далеко не тѣми. Что касается до жалобъ на меня, до тебя дошедшихъ, что я не отдаю писемъ, то это правда. Я точно не отдалъ Терезинѣ [1]) одного письма твоего, въ которомъ ты совсѣмъ уничтожаешь себя передъ ней со всѣми новопріобрѣтенными истинами въ искусствѣ греческомъ, извѣстіе о которыхъ меня весьма обрадовало, и я попрошу, чтобы (ты) мнѣ ихъ сообщилъ по пріѣздѣ въ Римъ. Зачѣмъ ты такъ горько принялъ, что я будто бы желаю нарушить нить твоихъ занятій? Я, какъ не-архитекторъ, не могъ понять подробно твое положеніе; думалъ, что возвратъ твой въ Римъ, какъ ты самъ сказывалъ, будетъ въ половинѣ поста; полагалъ, что этотъ возвратъ есть совершенное окончаніе всего греческаго твоего ученія, со всѣми его вычерчиваніями, и хотѣлъ съ тобой встрѣтиться въ Аѳинахъ. Теперь дѣло разъяснилось, и я съ тобою увижусь въ Римѣ, гдѣ тебя и оставлю.

Послѣднее письмо твое съ неозначеннымъ числомъ изрядно меня безпокоитъ. Со всей живостью чувствъ я безпокоюсь о тебѣ. Чтожъ касается до меня, то я уже приготовился къ моему кресту. Пять лѣтъ прежде я предвидѣлъ, что картина

---

[1]) Монтекки.

не будетъ кончена, но теперь въ самомъ дѣлѣ за глаза мои я не отвѣчаю. Кромѣ же этого ни у кого не только денегъ нѣтъ, но и терпѣнія дожидаться, и такъ я покоряюсь, и беру на плечи крестъ. Мое письмо тебѣ много разъяснитъ, и, можетъ быть, даже утѣшитъ. Твоя главная ошибка въ томъ, что ты все хочешь пріятнаго въ жизни и глубокаго покоя, а наше время въ нравственномъ смыслѣ столь бурливо, что невозможно быть безъ какихъ-нибудь непріятностей даже одну недѣлю. И для самаго покоя нужно пріобрѣсти скорѣе какой-то навыкъ его чувствовать посреди потрясеній. Если мои письма были до сихъ поръ незначительны, то это потому, что я въ самомъ дѣлѣ избѣгалъ выходить на сцену, а съ другой стороны я далъ тебѣ слово не писать ничего непріятнаго, а непріятности бывали, и мы съ твоими знакомыми ихъ перёглаживали, не сообщая тебѣ.

Ты дорожишь римской жизнью; тутъ проведена юность съ привѣтливымъ говоромъ молодыхъ дѣвицъ, нашихъ знакомыхъ; все это—съ прекрасной природой, съ пріобрѣтеніемъ знаній въ безпечной жизни, дѣлаетъ что-то такое неразвязное, что, кажется, шагу не хочется выступить изъ этого міра. Да вѣдь цѣль то жизни искусства теперь другаго уже требуетъ! Хорошо, если можно соединить и то, и другое. Да вѣдь это въ сію минуту нельзя! А цѣль важнѣе околичностей, цѣль живописи въ настоящую минуту. Вѣдь надобно же, наконецъ, выяснить, что трафаретные, или академическіе, иконостасы съ картинками тоже составляютъ гниль нашего времени, и служатъ къ истребленію человѣческихъ способностей, въ особенности русскихъ, какъ еще болѣе всѣхъ сохранившихъ свѣжесть силъ. Еслибы, напримѣръ, мнѣ даже не удалось пробить или намекнуть на высокій и новый путь, стремленіе къ нему все-таки показало, что онъ существуетъ впереди, и это уже много, и даже все, что можетъ дать въ настоящую минуту живописецъ.

Списываю здѣсь два письма: одно мое къ в. к. Маріи Николаевнѣ, а другое, поправленное обществомъ литераторовъ: Тургеневымъ, Боткинымъ, Авдѣевымъ и княземъ Черкасскимъ. Я посылаю (его) черезъ его высочество Николая Максимиліановича, т.-е. сына Маріи Николаевны.

Кстати скажу: Александръ Тонъ умеръ; Константина Андреевича сынъ ослѣпъ, и онъ его повезъ къ Греффе въ Берлинъ. Хорошо бы было тебѣ, хоть двѣ строчки, написать въ Петербургъ къ Константину Тону, старому твоему учителю.

CXC.VI.

КЪ НЕИЗВѢСТНОМУ [1]).

(Римъ. Мартъ 1858.)

Вслѣдствіе изъявленнаго вами желанія извѣстить васъ объ окончаніи моей картины, я теперь пишу къ вамъ. Вы, во-первыхъ, спросите: кончена ли картина? Я отвѣчу: картина далеко не окончена [2]). Однакожъ, я ее укладываю и посылаю въ Петербургъ въ первыхъ числахъ апрѣля, съ пароходомъ и желѣзной дорогой, черезъ Марсель, въ Гавръ, такъ что она пріѣдетъ около половины мая на мѣсто. Не стану распространяться болѣе объ историческомъ ходѣ моей настоящей картины, чтобы не навести вамъ непріятностей; скажу только, что̀ было итогомъ моихъ собственныхъ силъ въ искусствѣ.

Вслѣдствіе ея выставки, я заключилъ, что она болѣе всего можетъ быть цѣнима художниками, а не публикой. И въ самомъ дѣлѣ, я самъ въ ней желалъ показать, до какой степени русскій понимаетъ итальянскую школу [3]), въ чемъ, ка-

---

[1]) Въ письмѣ этомъ, напечатанномъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1878 г. (кн. II, стр. 271 – 272) съ подлинника, изъ альбома княгини Ек. Ал. Черкасской, есть нѣкоторыя измѣненія и дополненія противъ черноваго наброска, съ котораго печатается это письмо здѣсь. Всѣ такія перемѣны указаны у насъ въ выноскахъ.

[2]) Въ окончательной редакціи письма тутъ слѣдуетъ вставка: „послѣднее десятилѣтіе я все поджидалъ способовъ, для окончанія моего любимаго труда; но просьбы мои правительству были отвергаемы, съ выговорами за медленность производства. Смерть родителя мнѣ доставила небольшіе способы, что̀, вмѣстѣ съ предложенными тремя тысячами рублей серебромъ купцомъ Солдатенковымъ за эскизъ картины, подвинуло ее впередъ. Теперь ослабѣвшее зрѣніе рѣшаетъ окончательную задачу, которая могла бы давно совершиться, еслибъ не встрѣтила такихъ сильныхъ препятствій въ современныхъ способахъ къ ея исполненію“.

[3]) Послѣдняя фраза была замѣнена потомъ — такою: „я въ ней домогался

жется, и успѣлъ, если положиться на голосъ, произнесенный художниками всѣхъ націй въ Римѣ. Что касается до публики, то ея требованія ушли дальше, отвѣты на которыя разрѣшатся впослѣдствіи. Требуютъ портрета мѣстности дѣйствія, спрашиваютъ о крестѣ въ рукѣ Іоанна Крестителя, и т. д.,—однимъ словомъ, не довольствуясь одной школой у новѣйшаго художника, хотятъ живаго воскресенія древняго міра, со всѣми доказательствами послѣднихъ результатовъ учености. Эти вопросы могутъ ясно доказать, что искусство живописи должно процвѣсти въ самую высокую и послѣднюю степень, т.-е. увѣнчать всѣ усилія новѣйшихъ антикваріевъ и ученыхъ,—залогъ лестный для насъ, въ особенности, русскихъ, не выступавшихъ еще на поприще и прозябавшихъ покамѣстъ въ оранжереѣ европейской нашей Академіи.

Но я слишкомъ уже распространился [1]). Теперь обращу ваше вниманіе болѣе на матеріальную сторону, и болѣе близкую. Картина должна быть 15 мая въ Петербургѣ, и немедленно выставлена. Выставить безъ рамы и неопрятно, и неприлично, а у меня не только на раму, но на проѣздъ и пріѣздъ еще денегъ нѣтъ; потому просилъ бы васъ покорнѣйше, не примете ли вы на себя заказъ рамы для картины, уже принадлежащей Государю Императору [2])? Мѣра ее 7 арш. 6½ верш. (въ вышину) и 10 арш. 8¾ верш. (въ ширину). Малыя рамы (для этюдовъ) всегда сыщутся по приказанію вашему. Этюды приготовительные весьма занимали художниковъ. Отдѣльно отъ картины, они мало значатъ и теряютъ цѣну. Все это, вмѣстѣ съ картиной, можетъ быть практическимъ и яснымъ наставленіемъ для молодыхъ художниковъ русскихъ, готовящихся на большой путь искусства живописнаго. А такъ какъ въ настоящую минуту уже начинается въ Москвѣ Рисовальная школа, то очень бы было кстати все это, вмѣстѣ

преимущественно подойти, сколько можно ближе, къ лучшимъ образцамъ итальянской школы, подчинить имъ русскую переимчивость и составить свое".

1) Вмѣсто этого, Иванова написалъ потомъ: „но я слишкомъ увлекся въ прекрасную будущность, которой основаніемъ должна быть чистѣйшая нравственность".

2) Бартеневъ сдѣлалъ ошибочное примѣчаніе въ „Русскомъ Архивѣ", будто картина Иванова пріобрѣтена Государемъ Императоромъ за 50 т. р.—она куплена всего за 15 т. р.

съ картиной, туда перевезти и уставить [1]). При настоящемъ движеніи Россіи, разумѣется, что Москва опять получитъ свое центральное значеніе. Обо всемъ этомъ, впрочемъ, я буду имѣть счастіе говорить съ вами лично, теперь только накидалъ вамъ первую мою мысль—служить моей картиной и этюдами, какъ живой школой, въ средоточіи Россіи, нашего отечества.

Ея высочество великая княгиня Елена Павловна милостиво соизволила отправить на свой счетъ мою картину, изъявила свою волю сдѣлать также съ нея фотографію. Два фотографа уже сдѣлали пробы, но неудачно; третьяго жду на-дняхъ, и, кажется, дѣло увѣнчается успѣхомъ.

Крайне сожалѣю, что, принимая безпрерывно гостей въ мою студію, не могу служить его высочеству (Николаю Максимиліановичу) путеводителемъ живописной части Рима. Впрочемъ, я, какъ не-теорикъ, а практикъ, мало могу разсказать.

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть покорнѣйшимъ слугой

Александръ Ивановъ.

CXCVII.

КЪ Н. П. БОТКИНУ.

(Римъ. Мартъ 1858.)

Николай Петровичъ! не знаю за вѣрное, но думаю, что васъ застану въ Петербургѣ, чтò было бы точно мое счастіе. Судя по тому, что встрѣчался съ вами всегда въ минуты трудныя въ моей жизни, минуты въ Петербургѣ теперь превзойдутъ всѣ предшествующія, и потому я какъ будто за вѣрное васъ тамъ долженъ встрѣтить. Сегодня у меня свернулось все на то, что я будто бы везу картину въ Парижъ и въ Лондонъ; но эти перескачки въ жизни еще не под-

[1]) Тутъ опять вставка: „на иждивеніи ли общества частныхъ лицъ, или тоже на счетъ Государя,—не знаю; но въ частныхъ лицахъ тоже хочетъ быть какое-то движеніе“.

тверждены великой княгиней Еленой Павловной. Если этому должно будетъ быть, то извѣщу васъ особеннымъ письмомъ, а покамѣстъ вотъ (къ) вамъ просьба. Василій Петровичъ послалъ въ Москву, къ Дмитрію Петровичу [1]), мое письмо къ Солдатенкову (вмѣстѣ со своимъ), гдѣ онъ проситъ вашего брата передать ему письмо мое, а мы узнали, что К. Т. [2]) сбирался въ Петербургъ за паспортомъ, и, слѣдовательно, можетъ быть, теперь у васъ.

Вотъ копія съ посланнаго письма моего, къ свѣдѣнію вашему. Въ случаѣ, если оригиналъ не полученъ, то просилъ бы васъ съ нимъ объ этомъ поговорить, а ему это прочитать:

«Зная, что вы выѣзжаете за границу и, слѣдовательно, не заставъ васъ въ Россіи при выставкѣ моей картины съ ея эскизами и этюдами въ Петербургѣ, что́ будетъ 1-го мая сего года, я бы желалъ выдти изъ затруднительнаго положенія на счетъ эскиза, вамъ обѣщаннаго за 3,000 руб. сереб., изъ коихъ четыре тысячи франковъ вы мнѣ препроводили. У меня эскизовъ, масляными красками писанныхъ,—четыре, и всѣ они не копіи съ картины, но предварительное къ ней приготовленіе, и, слѣдовательно, болѣе или менѣе съ перемѣнами. Первый имѣетъ мѣру: 2 аршина съ половиною въ вышину и $3^1/_2$ въ ширину [3]); второй, и самый близкій къ картинѣ настоящей,—1 арш. и 1 верш. въ ширину и $^3/_4$ аршина въ вышину [4]). Изъ этихъ-то двухъ, какъ изъ лучшихъ, я долженъ опредѣлить вамъ одинъ. Большой, конечно, требуетъ приплаты. Вѣдь это та мѣра, на которой я хотѣлъ остаться передъ начатіемъ самой картины и завершить этимъ все дѣло! Но я не знаю, согласны-ли вы будете присоединить приплату? За малый—цѣна, вами опредѣленная, весьма щедрая, но я тоже не знаю, утвердите ли вы это, пропустивъ случай имѣть большой [5])? Конечно, еслибъ съ вами

[1]) Рѣчь идетъ о братьяхъ Боткина.

[2]) Солдатенковъ.

[3]) Находится у К. Т. Солдатенкова, въ Москвѣ.

[4]) Находится у М. П. Боткина, въ Петербургѣ.

[5]) „Графъ Кушелевъ-Безбородко хотѣлъ сначала этотъ эскизъ пріобрѣсти, и мнѣ совѣтовали спросить третью часть цѣны самой картины, на томъ основаніи, что она размѣромъ втрое меньше, но графъ передъ отъѣздомъ сказалъ,

встрѣтиться на лицо при выставленныхъ картинахъ моихъ, это бы можно было рѣшить въ 5-ть минутъ, но теперь я поставленъ въ затруднительное положеніе, и самъ не знаю, что̀ дѣлать,—и потому прошу покорно написать мнѣ, что̀ вы объ этомъ думаете.

Адресуйте письмо ко мнѣ въ Берлинъ, на имя Сергѣя Петровича Боткина (Luisenstrasse, № 47, 2 Treppen)».

Много меня обяжете, Николай Петровичъ, если походите по моему дѣлу. Сегодня у меня снимутъ послѣднюю пробу фотографіи съ картины, которая будетъ величиной въ ширину 12 вершковъ и сообразной вышины,—разумѣется, безъ полей. А послѣ завтра я свертываю и картину, и все.

Васъ искренно любящій

Александръ Ивановъ.

CXCVIII.

КЪ П. П. БОТКИНУ.

(Римъ. Мартъ 1858.)

Весьма утѣшительно мнѣ было читать ваше письмо: оно въ самомъ дѣлѣ въ такую минуту меня застало, когда (я) глубоко тосковалъ. Разлука съ Римомъ, послѣ 28-ми-лѣтняго пребыванія, разлука съ трудомъ, на который употреблена самая большая часть этого времени, и неизвѣстность будущности моего положенія, все это въ моемъ полномъ одиночествѣ я долженъ и передумывать и переработывать.

Я все употреблю, чтобы быть съ картиной въ Петербургѣ съ первымъ пароходомъ изъ Штеттина. По крайней мѣрѣ, хлопочу объ этомъ теперь постоянно. Во всякомъ случаѣ, я еще разъ къ вамъ напишу изъ Германіи, особливо̀, если какая-нибудь перемѣна встрѣтится въ обстоятельствахъ; вы

что онъ купитъ самую картину, въ случаѣ, если Государь ее не пріобрѣтетъ для себя, а графиня подтвердила это, и что выстроитъ для нея особое зданіе" (Приписка самого Иванова).

же ко мнѣ, если за нужное сочтете еще писать, то адресуйте на имя Сергѣя Петровича Боткина въ Берлинъ.

Въ Римѣ я только до пасхи.

Джуліи [1]) передалъ вашъ поклонъ, она называетъ васъ добрѣйшимъ, какихъ она знавала.

Вамъ преданный
Александръ Ивановъ.

CXCIX.

КЪ М. П. БОТКИНУ.

Римъ, 24 марта 1858 [2]).

Докторъ Матюшенко мнѣ подтвердилъ, что Николай Петровичъ меня встрѣтитъ въ Петербургѣ,—это бы было величайшее утѣшеніе, ибо на повѣрку, если взять всѣ знакомства, какія имѣю, то это вѣрно будетъ самое теплое и живое, оставшееся мнѣ какъ наслѣдство отъ Гоголя. Василій Петровичъ только-что меня оставилъ, поѣхавъ зигзагомъ по Италіи. Если не большой трудъ будетъ вамъ приложенную здѣсь записочку передать моей знакомой особѣ [3]), то весьма меня одолжите; прочитайте и запечатайте, прежде чѣмъ ей посылать, ибо не хотѣлось бы мнѣ васъ самихъ утруждать, чтобы ей ее вручить. Не знаю, знаете-ли вы эту даму; но она, какъ имѣющая доступъ къ великой княгинѣ Александрѣ Іосифовнѣ, можетъ, кажется, мнѣ тутъ помочь въ этой художнической надобности.

Братъ мой, по поводу необыкновенныхъ холодовъ въ Аѳинахъ, остается долѣе въ Греціи, чѣмъ думалъ, и будетъ не прежде половины мая въ Римъ, гдѣ и останется до сентября, чтобы привести въ порядокъ матеріалы, набираемые въ Греціи.

Примите увѣреніе въ моей преданности.
Александръ Ивановъ.

---

[1]) Бини.

[2]) Отъ того же числа и предыдущія два письма, №№ CXCVII и CXCVIII, къ Ник. и Пав. Петр. Боткинымъ.

[3]) Н. Е. Макухина.

Пополнить ими 37 скудъ—останется 14 скудъ 50 байоковъ; значитъ всего долга моего Куччони, отъ 10 апрѣля сего 1858 г., будетъ 207 ск. 20 б.

135 экземпляровъ малыхъ и 15 — большихъ вчера отправилъ я въ Москву къ Щепкину на продажу; самъ я везу 58-мь, съ картиной, въ Петербургъ. Большихъ больше не будетъ, ибо стекло-негативъ лопнуло. Маленькое стекло я везу съ собой. Мы хотимъ еще сдѣлать пробу большаго, но не знаемъ, позволитъ-ли время, ибо нужно 14 дней, да и не увѣрены въ удачѣ самаго дѣла, ибо самъ Куччони учится на моемъ дѣлѣ, а чтó хуже всего, что мнѣ приходится платить за его ученіе, и довольно дорого. Впрочемъ, это секретъ. Прощай. Пиши.

Братъ Александръ.

~~~~~~~

CCI.

КЪ БРАТУ.

Paris. 7 мая 1858.

Любезный братъ.

Вотъ копія съ письма, посланнаго вчера къ баронессѣ Раденъ, фрейлинѣ великой княгини Елены Павловны:

«Ваше соизволеніе слышать объ участи моихъ дѣлъ и о путешествіи доставляетъ мнѣ необыкновенное счастіе говорить съ вами. Не смотря на всѣ усилія писать къ вамъ изъ Марселя, я не могъ этого исполнить прежде Парижа. Картину я засталъ въ портѣ Чивита-Веккія подымающеюся на французскій пароходъ, но когда подъѣзжалъ къ ней на лодкѣ нашего консула Арато, то её уже назадъ спускали, объявивъ мнѣ, что во внутрь парохода она не устанавливается, а на палубу безъ особаго приказанія ее принять не могутъ. Времени оставалось одинъ часъ, и въ этотъ мучительный часъ все, однако же, кончилось въ мою пользу, и я успѣлъ отодвинуть отъ печки мою картину. Только-что выбрался я отъ людскихъ тѣсненій, какъ противный вѣтеръ насъ на-
~~~~~~~

чалъ обдавать пѣной. Картину закрыли. Княгиня Репнина съ дочерью и я, со всѣми другими, терпѣли сильно морскую болѣзнь. Наконецъ капитанъ нашелъ опаснымъ продолжать путь, и мы около Тулона стояли въ рейдѣ. Такимъ образомъ пріѣхали въ Марсель 4 мая въ два часа по полуночи. Прежде 10-ти часовъ нельзя было начать дѣло въ таможнѣ. Нашъ консулъ, г. Бухаринъ, отправился со мною на желѣзную дорогу, гдѣ согласились везти картину въ вагонѣ, превышающемъ ея длину, съ быстрымъ поѣздомъ, но въ таможнѣ непремѣнно хотѣли вскрыть картину, или оставить ее на два дня для формальностей. Изъ этого затрудненія я вышелъ предъ самымъ отъѣздомъ изъ Марселя. Вчера въ Парижѣ не находили длиннаго вагона—картина превышала на $^1/_4$ арш., и потому отложено рѣшеніе до сегодня, оставя картину на дрогахъ, во дворѣ Сѣверной дороги. Графъ Толстой, секретарь посольства, случившійся тутъ, обѣщалъ отработать мое дѣло. Съ глуб. почт. имѣю честь быть и проч.».

Заплати, пожалуйста, изъ твоихъ денегъ Пловдену, что̀ слѣдуетъ, и вычти изъ книжки, пославъ мнѣ счетъ въ Петербургъ, по адресу Боткиныхъ: на Васильевскомъ островѣ, въ 3 линію, въ домъ Кранихфельда. Вчера представлялся послу, графу Киселеву, Билибину, и тремъ секретарямъ. Всѣмъ имъ далъ по фотографіи, а другія, что̀ везъ, сдалъ, Боголюбову, который обѣщался мнѣ ихъ продать здѣсь. Однакоже, я оставилъ два большихъ оттиска для Ольги Николаевны и супруга ея, что̀ поднесу на пароходѣ. Я отправлюсь отсюда завтра, въ 6 часовъ, со скорымъ поѣздомъ въ Кёльнъ. Ротшильдъ далъ мнѣ свою карточку туда, чтобы помочь получить право на скорый поѣздъ съ картиной. Это я получилъ посредствомъ посольства, которое тоже мнѣ приложило печати бельгійскія и прусскія, для свободнаго пропуска чрезъ таможни. Вчера прицѣнялся, что̀ будетъ стоить провозъ картины въ Кёльнъ,—оказалось, что 180 франковъ, не считая моего мѣста въ первомъ классѣ. Это дороже, чѣмъ изъ Марселя въ Парижъ, гдѣ я заплатилъ около 8 наполеондоровъ. Впрочемъ, и они обѣщались спустить цѣну. За мѣсто мое изъ Марселя въ Парижъ заплатилъ около 100 франковъ. Одно первое мѣсто ѣдетъ во Франціи съ быстрымъ

поѣздомъ. Такъ какъ все дешевле, чѣмъ я думалъ, то я заказалъ себѣ фракъ, два жилета: бѣлый и черный, брюки, и все это — (за) 180 франковъ, изъ самаго лучшаго матеріала. Сорокинъ и Бронниковъ при мнѣ вчера получили весьма нерѣшительный отвѣтъ отъ Киселева на счетъ иконостаса, и они ѣдутъ ни съ чѣмъ, покамѣсть, въ Римъ. Но экспедиція Новосильцева, какъ будто, хочетъ быть, и непремѣнно. Очень можетъ быть, что я и ты съ ней поѣдемъ. Это будетъ въ сентябрѣ, когда ты совсѣмъ управишься. Впрочемъ, объ этомъ я тебѣ буду писать, когда что нибудь узнаю отъ е. в. Константина Николаевича. Лагоріо здѣсь... Графъ Кушелевъ-Безбородко только-что сегодня пріѣхалъ—чрезъ часъ иду къ нему. Вчера былъ у князя Львова, брата княгини Львовой, чтó при в. к. Еленѣ Павловнѣ. Когда ее увидишь, то скажи объ этомъ свиданіи—они премилые люди. Если ты сблизился съ баронессой Раденъ, то сообщи ей все, чтó тутъ пишу о путешествіи. — П. М. Дмитріеву мое глубочайшее почтеніе. У нихъ было намѣреніе прогуляться по дорогѣ гробницъ въ Альбано и возвратиться чрезъ Фраскати. Если будутъ предлагать съ ними ѣхать, то послужи твоими знаніями. Rispetto s-re Francini e s-ra Giulia, s-ra Teresina, s-ra Luisa, Rosa e Giulia Marini, Vittoria, Lodovico ed al Sole [1]). Прощай, до свиданія въ Римѣ. Пиши въ Петербургъ. Dovizelli подождетъ.

CCII.

КЪ М. П. БОТКИНУ.

Парижъ. (8 мая 1858.)

Завтра я отправлюсь со скорымъ поѣздомъ въ Кёльнъ, и немедленно въ Гамбургъ, гдѣ встрѣчу, съ картиной, великую княгиню Ольгу Николаевну, и оттуда уже съ нею отправлюсь въ Петербургъ. Мнѣ объявила великая княгиня Елена

[1]) Мое почтеніе г-ну Франчини и г-жѣ Джуліи (т.-е. мужу и женѣ, урожд. Монтекки), г-жѣ Терезинѣ, г-жѣ Луизѣ (сестрамъ Джуліи), Розѣ и Джуліи Марини (племянницамъ хозяевъ), Витторіи и Лодовику (хозяевамъ дóма: женѣ и мужу) и римскому солнцу.

Павловна, что это свиданіе должно случиться $^2/_{14}$ мая; но не знаю за точность: поговариваютъ, будто фарватеръ еще не довольно чистъ. Во всякомъ случаѣ изъ Петропавловской крѣпости подадутъ знать городу о пріѣздѣ ея высочества, и тогда позвольте васъ обнять въ домѣ Кранихфельда.

CCIII.

КЪ БРАТУ.

Кельнъ, 10 мая 1858, 9 ч. утра.

Любезный братъ.

Хотя мнѣ и обѣщалъ одинъ изъ служащихъ на желѣзной дорогѣ спустить цѣну за отправленіе картины, состоящую изъ 180 франковъ, но этотъ служащій какъ-то ловко скрылся, а другіе утвердительно сказали, что я заплачу за отправленіе картины до Кёльна 300 фр., со скорымъ поѣздомъ, да еще приплачу 10 фр. за телѣгу, остававшуюся здѣсь цѣлую ночь. Съ помощію письма нашего посольства къ Ротшильду и отъ Ротшильда къ главному начальнику желѣзной дороги, я думалъ дѣло мое поправить, но, кромѣ полуторачасоваго ожиданія въ прихожей, я ничего тутъ не пріобрѣлъ. Платье заказанное не могло поспѣть прежде третьяго дня къ полудню, а картина непремѣнно должна была ѣхать. Такимъ образомъ, отправя ее впередъ за 300 фр., какъ мерканцію [1]), я поѣхалъ на другой день, вечеромъ, на второмъ мѣстѣ, въ Кёльнъ, заплативъ за мѣсто 45 фр., и 12—за чемоданъ. Каждая компанія имѣетъ собственныя свои положенія и цѣны, такъ что нормой ничего нельзя поставить. Очевидно, что разстояніе отъ Парижа до Кёльна есть самое дорогое. Вѣдь тутъ только 12 часовъ ѣзды! Но это еще не все: спрашивалъ я на границѣ прусской, проѣзжала ли моя картина? Они увѣрили, что видѣли ее проѣхавшею, но въ Кёльнѣ объ этомъ не знаютъ: одни вчера думали, что она еще не доѣзжала, бу-

[1]) По-итальянски—товаръ.

дучи послана съ малой скоростью, другіе, — что она въ таможнѣ и что, несмотря на часъ послѣ полудня, въ который я объ этомъ спрашивалъ, таможня заперта по причинѣ воскресенья и не будетъ въ дѣйствіи сего дня. Оттуда сейчасъ же отправился я къ главному экспедитору, къ которому мнѣ далъ карточку самъ баронъ Ротшильдъ, увѣривъ, что онъ мнѣ все сдѣлаетъ, какъ слѣдуетъ, но служанка его начала-было хитрить, говорить, что дома его нѣтъ; наконецъ коекакъ ее уломалъ, вручивъ эту карточку, и онъ въ самомъ дѣлѣ явился самъ. Прочитавъ бумагу отъ посланника прусскаго въ Парижѣ объ моей картинѣ и ея свободномъ проходѣ чрезъ таможню, данную мнѣ въ нашемъ посольствѣ парижскомъ, съ помощью Билибина и Толстаго, онъ обѣщался все сдѣлать сегодня и посѣтить меня въ Hôtel Clement, въ 9-ть съ половиной часовъ. Я его, конечно, жду съ нетерпѣніемъ, и думаю рѣшительно не выѣжать отсюда, не получивъ картины. Видимое дѣло, что самому сопровождать несравненно лучше, чѣмъ довѣрить кому-бы то ни было, и какъ-бы ни платя. Отсюда въ Гамбургъ только 14 часовъ со скорымъ поѣздомъ, а по разному и тутъ говорятъ о фарватерѣ кронштадтскомъ: одни — что ѣдетъ изъ Штеттина первый пароходъ чрезъ два дня, т.-е. 12-го, другіе—что двѣ недѣли нужно дожидаться въ Гамбургѣ, чтобы пришелъ «Владиміръ» взять Ольгу Николаевну. Навѣрное тогда только и можно сказать, когда онъ въ самомъ дѣлѣ возьметъ ея высочество.

Кёльнскій соборъ великолѣпенъ. Это строеніе въ самомъ дѣлѣ есть плодъ вѣрованія, выработаннаго въ сѣверномъ климатѣ германцами. Но за вѣрное можно сказать, что онъ конченъ только на бумагѣ, и никогда уже не будетъ на самомъ дѣлѣ. Въ частныхъ домахъ видно стараніе архитекторовъ пособить остроугольнымъ крышамъ—разнымъ маскированіемъ и горизонтальными линіями, что̀ дѣло, конечно, вкуса, но не разума, противъ котораго онъ спорить.

Что̀ Петръ Михайловичъ Дмитріевъ? Ему, пожалуйста, кланяйся.

Братъ твой Александръ.

Графа Кушелева видѣлъ въ Парижѣ; онъ меня пригласилъ къ обѣду истинно миѳологическому, который стоилъ 300 фр.—насъ было только 7 человѣкъ.

Нельзя ли попросить, чтобы во всю бытность мою въ Петербургѣ твои письма такимъ же порядкомъ доставлялись мнѣ туда, какъ къ тебѣ въ Аѳины, посредствомъ Мундуки Франчини. Впрочемъ, самъ объ этомъ подумай.

CCIV.

КЪ С. П. БОТКИНУ.

(Гамбургъ, 12 мая 1858.)

Дѣла мои такъ устроились, что я пріѣхалъ сегодня съ картиной въ Гамбургъ, завтра отправляю картину въ Киль, гдѣ военный пароходъ ждетъ великую княгиню Ольгу Николаевну. Разумѣется, прежде всего ея высочество пріѣдетъ въ пятницу въ Гамбургъ, а въ субботу утромъ возьметъ меня съ собой въ Киль, и оттуда въ Петербургъ съ картиной. Если есть письма ко мнѣ изъ Петербурга на имя ваше, то нельзя ли вамъ переслать ихъ ко мнѣ сюда, т.-е. въ Гамбургъ, (въ) Zing's Hotel? Кажется, во времени нельзя ошибиться: они непремѣнно должны придти и не потеряться въ разъѣздѣ. Что̀ подѣлываетъ Иванъ Михайловичъ Сѣченовъ? Жалѣю, что его не увижу теперь. Но кто знаетъ: можетъ быть, въ Россіи, въ Москвѣ, встрѣтимся.

Матюшенко мнѣ говорилъ, что ему нужно знать, гдѣ Сѣченовъ будетъ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ сряду, дабы имѣть возможность писать къ нему изъ Москвы.

Сообщите ему это, и глубоко засвидѣтельствуйте ему мое почтеніе.

CCV.

КЪ БРАТУ.

(Гамбургъ.) Среда (12 мая 1858), 7 ч. утра.

Любезный братъ!

Не досказалъ я тебѣ о двойной платѣ телеги въ Парижѣ. Станціонный начальникъ разрѣшилъ, что я могу заплатить и не заплатить. Разумѣется, я остался на послѣднемъ. Въ Кёльнѣ весьма ловко поступилъ со мною коммиссіонеръ, испугавъ меня неимѣніемъ длиннаго вагона: онъ сказалъ, увѣряя, что я долженъ буду заплатить за два вагона проѣзда отсюда до Гамбурга, что̀ составитъ 600 фр.,—вояжъ 12 часовъ. Перепугавъ меня цѣной этой, онъ обѣщался стараться, чтобы ее взяли дешевле, увѣривъ, что въ Парижѣ два вагона безъ двойной цѣны даны мнѣ съ помощью Ротшильда. Но я видѣлъ столько шестиколесныхъ имперіаловъ, на которые въ Марсели давно бы мнѣ все уложили! Дѣло теперь въ томъ, что нужно здѣсь сегодня утромъ получить картину, которую я съ Парижа не видѣлъ, благодаря тому порядку, что изъ чемодана ее превратили въ merканцію и заставили платить вдвое, отдаливъ отъ меня всякое за ней смотрѣніе. Я горько подчинялся этому измѣненному порядку, столь невыгодному въ обоихъ отношеніяхъ. Великая княгиня будетъ сюда вечеромъ въ пятницу, переночуетъ, и въ 9 часовъ, въ субботу, я къ ней представлюсь въ Hôtel de l'Europe, но картину нужно будетъ отправить впередъ въ Киль, на нашемъ пароходѣ «Олафъ». Здѣсь меня принялъ уполномоченный въ дѣлахъ, Кудрявскій, весьма ласково и поручилъ вице-консулу Томасу Массу вести мои дѣла.

12 мая, 11 часовъ утра.

Вотъ какую росписку получилъ отъ коммиссіонера, отправившаго картину изъ Гамбурга въ Киль (слѣдуетъ росписка на нѣмецкомъ языкѣ).

Въ заключеніе заплатилъ 369 франковъ, что̀ составляетъ 60-ю франками дороже, чѣмъ изъ Парижа въ Кёльнъ.

Вчера купилъ здѣсь хорошій зонтикъ въ 15 фр., сегодня покупаю пальто. Говорятъ всѣ, что нельзя безъ пальто въ Петербургѣ, и что тамъ оно вдвое дороже — я заплачу 45 франковъ.

«Робинзона путешествіе» тоже куплю, т.-е. то самое, что̀ въ Археологическомъ Институтѣ въ Римѣ, въ шкафу, находящемся близъ окошка въ маленькой комнатѣ, съ атласомъ Синая и планомъ Іерусалима, изданное въ 1842 г. въ Галле. Пожалуйста, когда будешь въ Археологическомъ Институтѣ, то переложи атласъ въ другой шкафъ: я его положилъ въ шкафъ подлѣ, ибо крайній къ окошку, въ которомъ долженъ бы быть атласъ, принесенный и братый мною, — никакъ не могъ отворить ключомъ Генцена [1]). Три книги съ атласомъ сто̀ятъ 40 фран. — что же дѣлать? И радъ, радъ, что досталъ. Разумѣется, что частыя мои письма будутъ тебѣ стоить; пожалуйста, записывай, — я всѣ оплачу.

2 1/2 по полудни. Робинзона изданіе не все въ лавкѣ. Если не сыщутъ въ городѣ, (въ) лавкахъ и (въ) библіотекѣ, нужно будетъ послать въ Галле, чтобы доставили его сюда по почтѣ.

Консулъ гамбургскій напишетъ консулу Киля, чтобы принялъ картину мою. Я завтра утромъ ѣду самъ въ Киль, чтобы смотрѣть мѣсто на пароходѣ и поставить въ отдаленіи отъ печки. Я все еще не видѣлъ ящика съ картиной, и если она пріѣдетъ цѣла и невредима, то это будетъ равное тому чуду, какое ее спасло въ 1848 г. отъ бомбы.

Сейчасъ здѣсь былъ на выставкѣ художническихъ произведеній,—что̀ это за угожденіе мелочному и тривіальному требованію публики! Впрочемъ, ландшафты случаются съ достоинствами, но все-таки портреты—ландшафтныя картины. По франку за входъ, и публики довольно,—правда, что тѣсны залы.

Пятница (14 мая), 7 часовъ утра. Вчера ѣздилъ въ Киль. Консулъ нашъ, Шредеръ, тамъ принялъ меня весьма ласково и услужливо, но въ праздникъ таможни заперты, и потому въ этотъ день Вознесенія всѣ гуляли, и я картину опять-таки

[1]) Секретарь Археологическаго Института, извѣстный ученый, пріятель обоихъ братьевъ Ивановыхъ.

собственными глазами не видѣлъ. Шредеръ меня увѣрилъ, что онъ съ Веймарномъ все устроитъ, и поставитъ, отсторонія отъ печки, картину на палубу. Капитана Веймарна съ «Олафомъ» ждали вчера же вечеромъ, въ портѣ Киля. Во всякомъ случаѣ, сегодня вечеромъ пріѣдетъ великая княгиня въ Гамбургъ. Но завтра, вмѣсто утра, вечеромъ же отправится въ Киль. Это потому, говоритъ Шредеръ, что не успѣютъ такъ скоро приготовить угольевъ для парохода.

Ты прибсрегай мои письма, ибо черновыхъ я не пишу. Это будетъ родъ ежедневнаго журнала моего путешествія въ Россію и, сколько видно изъ обстоятельствъ, не безъ интересовъ для памяти.

Чрезъ Сергѣя Боткина изъ Берлина получилъ два письма отъ Моллера: онъ совѣтуетъ мнѣ накупить простынь и бѣлья за границей на обзаведеніе въ Петербургѣ, гдѣ все ужасно дорого, и ждетъ моего согласія, чтобы хлопотать о квартирѣ въ Академіи, состоящей въ одной комнаткѣ. Онъ сомнѣвается, пріятно-ли мнѣ будетъ жить въ Академіи, и не совѣтуетъ отказываться отъ этого, по причинѣ страшной дороговизны квартиръ. Онъ не знаетъ, что Боткинъ готовитъ для меня комнату. Вотъ слова изъ его письма: «Ваши «картины размѣщены у меня и у родственниковъ моихъ на «квартирахъ, ибо въ продолженіи почти 10 лѣтъ наёмъ, хо«тя одной комнаты для нихъ, обошелся бы около 1000 р. с., «по нынѣшнимъ цѣнамъ квартиръ».

Прощай покамѣстъ, я приближаюсь къ Петербургу. Страшно и грустно!

Братъ твой Александръ.

Здѣшній мой коммиссіонеръ Матисъ, консулъ тосканскій и португальскій, мнѣ предложилъ свои услуги погулять по городу. Онъ же мнѣ представилъ своего пріятеля изъ Варшавы, здѣсь блаженствующаго, съ которымъ мы вчера были вечеромъ на двухъ улицахъ города, гдѣ, au rez-de-chaussée, въ окошкахъ, пышно убранныхъ, лежали съ открытыми руками и грудями прекрасныя дѣвы. Окошекъ до 70-ти, въ нихъ по двѣ, по три. Онѣ обыкновенно стучатся и приглашаютъ на всѣхъ языкахъ, но не смѣютъ выдти на улицу.

Эта особенность гамбургская совсѣмъ не похожа ни на лондонскую, гдѣ толпами ходятъ по улицамъ подобныя дѣвы подъ вечеръ, ни на парижскую, гдѣ ихъ должно искать въ извѣстныхъ домахъ.

Miei rispetti alle nostre preziose conoscente: Giulia Francini, s. Teresina, s. Angelica, Rosa, Giulia e Silvia Raffo.

Con gran gioja mi ricordo di loro [1]).

Ivanoff.

CCVI.

КЪ БРАТУ.

Гамбургъ. Пятница, 14 мая 1858.

Изъ Альтоны въ Киль во второмъ классѣ заплатилъ два талера датскихъ и 64 шиллинга. Какъ жаль, что я съ тобой не успѣлъ переговорить лично о возможности рыться въ Греціи. Теперь, пожалуй, ты разсердишься на меня за это. Но войди, пожалуйста, въ положеніе вещей. Вѣдь, очень можетъ быть изъ путешествія Новосельскаго, только для удовольствія, составлена дѣльная экспедиція въ пользу художниковъ. Великій князь Константинъ Николаевичъ—весьма умный и дѣльный, его можно на это убѣдить, и потому скажи мнѣ рѣшительно: если бы дали тебѣ инженерныхъ солдатъ, видишь-ли ты возможность съ ними вырыть остальныя части храма Юпитера Олимпійскаго, или Аполлона въ Базарѣ? Вѣдь къ твоимъ рисункамъ если приложить какую-нибудь новость и ихъ издать, они бы не меньшаго были бы интереса, какъ и термы Каракаллы. Пожалуйста, не сердись: я, право, на этомъ не настаиваю, а только предварительно объ этомъ спрашиваю тебя на всякій случай, чтобы приготовиться говорить съ великимъ княземъ. Что касается до живописной нужды, то для меня нужно будетъ знать возможность—сдѣлать путешествіе Краснымъ моремъ, изъ

---

[1]) Мое почтеніе нашимъ драгоцѣннымъ знакомымъ: Джуліи Франчини (урож. Монтекки), г-жѣ Терезинѣ, г-жѣ Анжеликѣ (ея сестрамъ), Розѣ Джуліи (обѣимъ сестрамъ Марини) и Сильвіи Раффо.

Суэца въ Торъ и обратно, что̀ отстоитъ однимъ только днемъ отъ Синая. Это спасетъ меня отъ верблюжьяго 14-ти дневнаго укачиванія въ степи и мелкой пыли, съ яркимъ солнцемъ, вредными для глазъ. Не сердись, ради дѣла,—и напиши мнѣ обстоятельно и обдуманно отвѣтъ. Я совѣтовалъ Сорокину и Бронникову отправиться скорѣе изъ Парижа и, по Сѣверной Италіи, помаленьку пробираться къ Риму, дѣлая этюды въ Венеціи и Флоренціи, такъ чтобы не прежде сентября послѣднихъ чиселъ быть въ Римѣ, но грубый отвѣтъ получилъ отъ Сорокина, т.-е. что у нихъ денегъ не столько, и что для Солдатенкова нужно выполнить заказныя картинки, tableaux de genre. Мнѣ кажется, гораздо легче уговорить Солдатенковыхъ перемѣнить образъ мыслей и дѣйствій, чѣмъ направить Сорокина на серьёзную школу, отъ котораго непосредственно зависитъ и Бронниковъ. Познакомься съ Флавицкимъ и Ге покороче—не будутъ-ли надежнѣе эти двое для искусства въ Россіи?

De Gröfe, отставной гвардейскій офицеръ артиллеріи, весьма много меня обязалъ въ помощи покупокъ: за 6 рубашекъ, 2 простыни и 6 носовыхъ платковъ заплачено 55 франковъ; за духи—1 талеръ прусскій; за 2 пары перчатокъ—1 талеръ; за книги Робинзона—50 франковъ, считая и другія двѣ. Великая княгиня будетъ въ 10 часовъ вечера, посему я отправлюсь въ синагогу въ сумерки.

Суббота, 15 мая. Въ самомъ дѣлѣ, вчера, въ 10 часовъ вечера, пріѣхала великая княгиня Ольга Николаевна. Сегодня, въ полдень, я имѣлъ счастіе представляться ея высочеству. Чрезвычайно благосклонно она меня приняла и сказала, что мы отправимся завтра, въ воскресенье. Но парохода все еще нѣтъ!—*Полдень.* Сейчасъ иду искать фрейлину Масенбахъ и ей засвидѣтельствовать поклонъ отъ Раденъ.—$1^1/_2$ *ч. по полудни.* Просилъ ее поднести мои двѣ большія фотографіи великой княгинѣ и супругу ея, который вскорѣ послѣ пріѣзда ея высочества будетъ въ Петербургѣ. Необыкновенная доброта у этой фрейлины, а также и у главнаго каммергера ея высочества—не упомню его фамиліи! По всѣмъ вѣроятіямъ, мы всѣ отправимся завтра вечеромъ, и, не останавливаясь въ Килѣ, прямо садимся на пароходъ. Знаешь-ли,

почему Киль предпочтенъ Штеттину, откуда гораздо скорѣе можно поспѣть въ С.-Петербургъ? Это потому, что, касаясь Штеттина, нужно имѣть свиданіе со всѣмъ прусскимъ дворомъ, что̀ заняло бы и много времени, и удвоило бы издержки. Голштинскій дворъ тоже проситъ свиданія, но кажется, что это будетъ уклонено, ибо мы сядемъ на пароходъ ночью. Такъ какъ на это письмо скорѣй мнѣ нуженъ твой отвѣтъ въ Петербургъ, то я его сейчасъ же и посылаю,— пожалуйста, не замедли.

Великая княгиня Ольга Николаевна спрашивала о тебѣ. Я сказалъ, что ты все выполнилъ, для чего тебя посылала Императрица въ Грецію; что приводишь въ доступный видъ для всѣхъ—набранные тамъ матеріалы, но что на награвированіе термъ Каракаллы у тебя не достаютъ способы, что̀, можетъ быть, съ помощью великой княгини Елены Павловны пріобрѣтутся. Извѣсти, пожалуйста, меня, ка̀къ твои дѣла стоятъ: видѣлся ли ты съ великою княгинею Еленою Павловною, и какія вышли послѣдствія? Прощай, покамѣсть.

Братъ Александръ.

Суббота, 2 часа по полудни. Я думаю, что никогда такимъ плохимъ французскимъ языкомъ не говорили у двора русскаго, какимъ я теперь начинаю тамъ говорить. Это тоже причислено можетъ быть къ моимъ бѣдствіямъ.

Гофмаршалъ мнѣ говорилъ, что онъ читалъ въ «Инвалидѣ» извѣстіе о петербургской выставкѣ, гдѣ говорится, что важнѣйшее произведеніе еще не доходило до Петербурга, т.-е. моя картина, которую, однакоже, вся публика съ нетерпѣніемъ ожидаетъ. Я сказалъ, что великая княгиня Елена Павловна даетъ мнѣ свою важнѣйшую залу въ Михайловскомъ дворцѣ. Гофмаршалъ былъ радъ этой новости.

CCVII.

КЪ БРАТУ.

Гамбургъ. Воскресенье (16 мая) 1858, 2 часа по полудни.

Справился у гофмаршала Аделунга, когда отправится ея высочество, и получилъ въ отвѣтъ, что пароходъ пріѣхалъ; что ждутъ въ пять часовъ изъ Киля флигель-адъютанта, посланнаго на встрѣчу великой княгини отъ Государя, вмѣстѣ съ Веймарномъ, капитаномъ парохода,—они будутъ вмѣстѣ обѣдать съ великою княгинею. Я приду за рѣшительнымъ отвѣтомъ въ 7-мь часовъ. Мнѣ сказалъ Аделунгъ, чтобы отправиться завтра, въ понедѣльникъ, въ 10 часовъ, на желѣзную дорогу.

Понедѣльникъ (17 мая). Я отправился въ 7-мь часовъ изъ гостинницы, ибо $^1/_2$ ѣзды до желѣзной дороги. Тутъ засталъ самого Веймарна и, пріѣхавъ въ Киль, видѣлъ ящикъ съ картиной, стоящій близъ парохода. На вопросъ мой: будетъ ли для меня каюта?—Веймарнъ отвѣчалъ, что большое находитъ въ этомъ затрудненіе, ибо свита весьма велика, но послѣ одинъ изъ офицеровъ русскихъ, при выходѣ моемъ съ парохода, сказалъ, что если для 250 человѣкъ находится мѣсто, то для одного навѣрное сыщется. Я поторопился отправиться къ консулу русскому Шредеру, чтобы сдѣлать распоряженіе оставленнымъ у него тремъ пакетамъ съ печатями, и скорымъ шагомъ отправился домой. Кровь, показавшаяся изъ носу, сначала мнѣ показалась обыкновеннымъ дѣломъ, ибо наканунѣ въ Гамбургѣ вытекло со стаканъ. На этотъ разъ она не переставала. Какъ полилъ третій стаканъ, я послалъ за докторомъ, который едва ее унялъ, посредствомъ полосканья, на пятомъ стаканѣ. Это было (въ) два часа по полудни, и я думалъ было встать съ постели для присутствія при перенесеніи картины на пароходъ, но только что поднялся на ноги, какъ обморочный припадокъ свалилъ меня снова на постель. Распространился слухъ, что я боленъ, и прислали военнаго доктора съ парохода, завѣдывающаго всѣмъ экипажемъ. Онъ совѣтовалъ успокоиться на по-

стели и не думать болѣе объ отъѣздѣ, а консулъ бережно взялся препроводить картину на пароходъ. Я далъ порученіе доктору препроводить мои пакеты въ контору великой княгини Елены Павловны. Въ 8 часовъ пріѣхала великая княгиня, и самъ Аделунгъ явился ко мнѣ съ военными, русскимъ и датскимъ, докторами, сказавъ мнѣ отъ имени великой княгини, что все поручается на мою собственную волю, что отъ меня зависитъ ѣхать, или нѣтъ. Я сказалъ, что обморокъ, свидѣтельствуемый докторами, меня останавливаетъ, и что я поручаю великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ мою картину открыть и поставить. Но Аделунгъ отвѣтилъ, что до моего личнаго пріѣзда въ Петербургъ картина въ ящикѣ будетъ стоять въ Царскомъ Селѣ. Вообще надобно замѣтить, что Государь уже три дня какъ живетъ на дачѣ; вся царская фамилія тоже живетъ по дачамъ, и, слѣдовательно, никакой разницы не дѣлаетъ моя запоздалость, одной или двумя недѣлями.

(Среда, 19 мая.) Вчера, во вторникъ, я чувствовалъ себя столь слабымъ, что едва на полчаса подъ руки могъ сходить прогуляться къ вечеру въ садъ трактира, въ которомъ остановился. Эту ночь хорошо спалъ. Докторъ позволилъ ѣсть, но все еще я на лѣкарствѣ. Силы умножаются, и я думаю, что въ пятницу утромъ буду въ Гамбургѣ, а въ воскресенье, если силы позволятъ, отправлюсь къ доктору Боткину въ Берлинъ, гдѣ и буду съ нимъ совѣтоваться, какъ на счетъ моего здоровья, такъ и о возможности дальнѣйшаго пути: моремъ ли, чрезъ Штеттинъ, что̀ составляетъ $2^1/_2$ сутокъ, или чрезъ Кенигсбергъ на перекладныхъ, что̀ совсѣмъ не по силамъ для самаго лучшаго здоровья, или, наконецъ, чрезъ Варшаву; но тутъ, какъ помнится, нужно занимать мѣста въ дилижансѣ мѣсяцемъ раньше. У меня, признаюсь, все приходитъ въ голову: нельзя ли совсѣмъ избавиться отъ посѣщенія Петербурга? Но для этого мало данныхъ, а въ самомъ дѣлѣ именно это меня болѣе всего тревожитъ. Послушаю, что̀ скажутъ посланникъ въ Берлинѣ и доктора̀. Что касается до мнѣнія русскаго доктора, то оно-то мнѣ и подало эту идею. Онъ говоритъ, что послѣ столь долгаго пребыванія въ Римѣ, климатъ Петербурга мнѣ, очевидно, бу-

деть вреденъ, и что мнѣ нужно будетъ опять возвратиться въ Римъ. Если бы можно было возвратиться сейчасъ къ тебѣ въ Римъ, то ужъ лучше этого ничего бы не могло быть. Посмотримъ, что будетъ. Кому поручишь картину? Кто захочетъ хоть сколько-нибудь хлопотать?

Прощай. Знаю, что это письмо тебя встревожитъ, но еще хуже было бы, если бы я его не послалъ, и до тебя бы дошли и преувеличенные слухи, и искаженныя басни, которые всегда являются, когда нѣтъ прямыхъ извѣстій. Я постараюсь къ тебѣ написать скоро, и что-нибудь поутѣшительнѣе, но всегда, однакоже, правду. Salute a tutte nostre preziose conoscente: a Vittoria, Lodovico etc. etc [1]). Если еще Петръ Мих. Дмитріевъ въ Римѣ, то передай ему все обо мнѣ и скажи, что я представлялся къ фрейлинѣ Масенбахъ по совѣту Raden, и что чрезъ нее поднесъ великой княгинѣ Ольгѣ Николаевнѣ двѣ большія мои фотографіи, и чрезъ нее же получилъ благодарность. Отбери, пожалуйста, адресъ Дмитріева въ Ниццѣ и скажи, сколько онъ тамъ останется. Напиши мнѣ въ Берлинъ, но тотчасъ, однакоже, по полученіи этого письма. Если твое письмо меня тамъ не застанетъ, то мнѣ перешлютъ туда, гдѣ я буду. Адресъ мой въ Берлинъ: Herrn D-r Botkin. Berlin, Luisen-Strasse, № 47, 2 Treppen.

Киль. Среда, 19 мая 1858.

Здѣсь познакомились со мной вчера Крузе,—ихъ два брата, говорятъ по русски и имѣютъ здѣсь собственностью прелестнѣйшее мѣсто. Я къ нимъ отправлюсь завтра.

~~~~~~

CCVIII.

КЪ С. П. БОТКИНУ.

(Киль, 18 мая 1858.)

Вчера я долженъ былъ сѣсть на пароходъ «Олафъ», по приглашенію великой княгини Ольги Николаевны. Только

[1]) Кланяюсь всѣмъ нашимъ драгоцѣннымъ знакомымъ: Витторіи, Лодовику (т.-е. хозяйкѣ и хозяину дома), и проч.
~~~~~~

что успѣли поставить туда картину мою, какъ вдругъ со мной сдѣлался припадокъ, совсѣмъ никогда не бывалый въ такой степени: пошла изъ носу кровь, и вытекло пять стакановъ. Докторъ едва могъ унять, послѣ чего послѣдовалъ обморокъ, въ первый разъ въ жизни, и по совѣту, какъ здѣшняго датскаго, такъ и русскаго (доктора) съ парохода, я остался отдыхать въ гостинницѣ два дня, т.-е. сегодня и завтра. Докторъ думаетъ меня отпустить послѣзавтра въ Гамбургъ, гдѣ я отдохну день, послѣ чего отправлюсь къ вамъ въ Берлинъ, какъ для совѣщанія о моемъ здоровьѣ, такъ и для совѣта, какъ продолжать путь. Мнѣ никто не совѣтуетъ ѣхать моремъ въ Петербургъ, ибо морская болѣзнь можетъ возбудить кровотеченіе. Дѣло теперь покамѣстъ въ такомъ положеніи: остановиться ли у васъ, или въ гостинницѣ Тепферъ? Право, мнѣ весьма совѣстно васъ безпокоить моимъ нашествіемъ, хотя я постараюсь въ Берлинѣ пробыть не долго, или, лучше сказать, только отдохнуть отъ дороги, по причинѣ слабости силъ, а главное—посовѣтаться съ вами, въ продолженіи моего вояжа, и, если можно, то съ какимъ нибудь важнѣйшимъ докторомъ Берлина, котораго вы же мнѣ означите.

Благодарю васъ за немедленную присылку писемъ. Если соблаговолите писать ко мнѣ, то или въ Киль, или въ Гамбургъ. Напишите немедленно объ этомъ обстоятельствѣ въ Петербургъ, къ Михаилу Петровичу. Ему я тоже буду писать, какъ только-что оправлюсь.

Я, можетъ быть, здѣсь останусь еще лишній день; сегодня что-то я очень слабъ, и на діэтѣ; все какъ-то тошно. Спать какъ-то хочется, а въ самомъ дѣлѣ засыпаю самымъ слабымъ сномъ.

CCIX.

КЪ БРАТУ.

Штеттинъ. Суббота, 29 мая 1858 (н. с.).

Любезный братъ.

Пріѣхавъ въ Киль, я думалъ, что издержки дорожныя кончились до Петербурга, но счетъ, поданный въ Мюль-отель, былъ въ 90 франковъ. Отсюда я поѣхалъ въ Гамбургъ и, переночевавъ въ Zing's Hôtel, на другой день въ субботу отправился въ Берлинъ, гдѣ былъ принятъ обществомъ нашихъ молодыхъ докторовъ: Боткинымъ, Юнгомъ, Бекерсомъ, Шеферомъ, Боголюбовымъ и Визаромъ. Переночевавъ у перваго на приготовленной мнѣ постели, на другой день, въ воскресенье, явился рано утромъ Иванъ Кондратьевичъ Бабстъ, извѣстный профессоръ московскаго университета. Я ходилъ въ посольство, и былъ принятъ весьма ласково Будбергомъ, посланникомъ. Здоровье мое совсѣмъ поправилось, и я во вторникъ уже не чувствовалъ головной боли по утру, что̀ было слѣдствіемъ болѣзни. Однакоже, блѣдность на лицѣ все еще замѣтна, и я все еще продолжаю принимать желѣзо въ капляхъ, что̀ нужно продолжать недѣли съ двѣ, по 4-е раза въ день. Чрезъ часъ я сажусь на пароходъ, и уже это будетъ окончаніе путешествія. Билетъ стоитъ во второмъ мѣстѣ 8 наполеондоровъ. Поѣздъ въ Берлинъ изъ Гамбурга на третьемъ мѣстѣ стоилъ 20 франковъ, и три талера на второмъ мѣстѣ въ Штеттинъ. Въ Берлинѣ не много оставилъ я денегъ, благодаря Сергѣю Петровичу Боткину. Новости изъ Россіи довольно печальныя, т.-е. отставлены отъ двора: Кавелинъ и Титовъ. Подробности этого дѣла я услышу въ Россіи, но П. М. Дмитріевъ уже, вѣроятно, тебѣ о нихъ сообщилъ. Любезная компанія докторовъ оставила весьма пріятное впечатлѣніе. Разговоръ свободный, дѣльный и умѣренный. Встрѣтился со мной какой-то русскій молодой художникъ, посланный на казенный счетъ за вторую золотую медаль за границу, по исторической живописи,

имѣющій 5000 душъ и принадлежащій къ грузинскимъ царственнымъ фамиліямъ. Онъ говорилъ, что ждетъ Павла Сорокина со дня на день въ Штеттинъ, чтобы вмѣстѣ ѣхать въ Римъ, а Сорокинъ между тѣмъ отправился, передъ отъѣздомъ въ Римъ, въ Кострому, повидаться со своими; грузинскій же князь—пенсіонеръ, честь живописцамъ, завелся здѣсь любовницей, которая желаетъ перейти въ наше испо-вѣданіе изъ лютеранскаго. Онъ имѣетъ Георгія за храбрость при взятіи Карса, и только три дня какъ оставилъ костыли. Ну, прощай покамѣстъ. Постоянное общество и разговоры въ Берлинѣ, новыя знакомства съ семействомъ Адама, купца богатаго въ Москвѣ и весьма добраго человѣка, пресѣкли послѣдовательное замѣчаніе каждаго дня въ вояжѣ, какъ я хотѣлъ тò дѣлать съ начала. Очень можетъ быть, что въ Петербургѣ еще труднѣе будетъ это сдѣлать, ибо тамъ уже будетъ наводненіе знакомствъ, а у меня при общеніи съ многими теряется способность наблюденія, и вообще какъ-то онѣмѣваю въ чувствахъ. На пароходѣ со мной, кажется, будутъ русскіе: по крайней мѣрѣ, тутъ сядетъ Убри, совѣтникъ посольства въ Берлинѣ, ѣдущій курьеромъ въ Петербургъ. Грустилъ и пугался я Петербурга постоянно, но сегодня у меня какое-то онѣмѣніе, и я сажусь въ этомъ чувствѣ на пароходъ. Прощай, чтò будетъ—напишу.

Братъ Александръ.

Miei saluti alle preziose conoscente: ss. Giulia, Teresina, Rosa, Giulia, Silvia ed Elena, Vittoria e Lodovico etc. etc. [1]).

CCX.

КЪ БРАТУ.

Петербургъ, 23 мая (1858), по старому стилю.

Любезный братъ.

Мы имѣли погоду довольно хорошую во всѣ трое сутокъ, и я пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ былъ встрѣченъ Павломъ

[1]) Мой поклонъ дорогимъ знакомымъ: синьорамъ Джуліи, Терезинѣ, Розѣ, Джуліи, Сильвіи и Еленѣ (сестрамъ Монтекки), Витторіи и Лодовику, и проч.

и Михаиломъ Петровичами Боткиными. Книги у меня отобрали въ цензуру, и сегодня я ихъ оттуда получу. Походивъ по Петербургу, въ тотъ же день я успѣлъ замѣтить все вновь выстроенное. Однакоже, со всѣмъ этимъ улучшеніемъ наша столица въ моихъ глазахъ весьма и грязна, и мелка, въ сравненіи съ Лондономъ, Парижемъ и даже Гамбургомъ, гдѣ новая часть весьма любопытна, даже для архитектора. На другой день по пріѣздѣ, я отправился въ Царское Село—это былъ день Царя-Константина и матери (его) Елены, и долженъ бы быть парадъ въ Павловскѣ у Константина Николаевича. Я думалъ, что я тамъ найду всю царскую фамилію; однакоже, за ужасной погодой, празднество было отложено, и Марія Николаевна туда не пріѣзжала изъ Сергіевки. Почему, посовѣтовавшись съ графомъ Віельгорскимъ, принявшимъ меня отличнѣйшимъ образомъ, положилъ, что прежде всего нужно представиться Маріи Николаевнѣ, какъ къ прямому начальнику. Узналъ я здѣсь тó, что мою картину, т.-е. ящикъ, провезли во дворецъ Зимній. Здѣсь же, по совѣту графа Віельгорскаго, я представлялся къ графу Адлербергу—благодарить его за присылку 200 червонныхъ въ Киль, чтобы пособить болѣзненному моему положенію. Эту особую милость испросила Ольга Николаевна у Государя Императора. Эти деньги еще не возвращались изъ Киля въ Петербургъ, но онѣ мнѣ необходимы теперь, потому что издержки на экипажъ, разъѣзды то въ Царское, то въ Петербургъ, въ закрытыхъ каретахъ, и выставка картины,—составятъ счетъ. Пяльца, напримѣръ, для картины я заказалъ на свой счетъ, потому что совсѣмъ нѣтъ времени дожидаться формальной бумаги отъ живущихъ на дачахъ важнѣйшихъ лицъ. Государь ѣдетъ послѣ освященія Исаакіевскаго собора въ Архангельскъ, а пріѣдетъ со всей царской фамиліей въ Петербургъ за три дня прежде освященія; къ этому времени, т.-е. за четыре дня прежде, картина должна быть уже представлена, и дѣло мое рѣшено. А я вчера, ѣздя на пароходѣ къ Маріи Николаевнѣ, простудился, и получилъ-было холеру; однакожъ, принятыя мѣры лучшимъ нашимъ докторомъ—Тарасовымъ, служащимъ у Елены Павловны, совершенно меня возстановили, съ условіемъ, однакоже, сегодня цѣлый день быть до-

ма. Я и просилъ Михаила Петровича свезти письма въ Царское Село для графовъ Віельгорскаго и Адлерберга отъ Маріи Николаевны сегодня: именно сегодня я бы долженъ былъ представиться и Государю Императору, и обѣимъ Императрицамъ, и Ольгѣ Николаевнѣ, но докторъ рѣшительно не пустилъ. Не знаю, можно ли будетъ это поправить завтрашнимъ днемъ. Докторъ обѣщаетъ.—Марія Николаевна приняла меня весьма благосклонно: я оставался у ней почти полтора часа, разсматривали мою фотографію, говорили о тебѣ, т.-е. гравируешь ли ты Термы. Я сказалъ, что тутъ нужно 2,000 руб. сереб., и что ты теперь не много имѣешь остальныхъ денегъ, пожалованныхъ Императрицей на путешествіе въ Грецію; что на эти остальныя теперь живешь въ Римѣ, приводя въ доступный порядокъ для всѣхъ—матеріалы, привезенные изъ Греціи. Ея высочество имѣетъ намѣреніе отправиться на зиму въ Римъ. Спрашивала о будущихъ моихъ планахъ. Я сказалъ, что твердое имѣю намѣреніе отправиться на зиму въ Палестину съ тобой, если только благополучно разрѣшатся мои здѣсь дѣла. «А потомъ куда?»—спросила великая княгиня. «Я бы желалъ на нѣкоторое время въ Римъ, чтобы привести тоже въ порядокъ набранные матеріалы». Настоящая моя болѣзнь можетъ тоже ихъ увѣрить, что климатъ Петербурга меня скоро можетъ изувѣчить. Пріѣхавъ рано изъ Царскаго Села, я, по назначенію графа Віельгорскаго, былъ у Бруни. Не заставъ его дома, отправился къ графу Толстому—онъ также ласковъ, какъ и всегда; графиня была очень рада меня видѣть, просила на чай, къ обѣду и проч. Потомъ опять отправился къ Бруни, котораго встрѣтилъ у порога—онъ пріѣхалъ съ дачи. Посмотрѣлъ на меня довольно странно; однакоже, послѣ мы разговорились и просидѣли два часа. Кромѣ услугъ, обѣщанныхъ мнѣ по поводу моей картины, онъ подъ конецъ хотѣлъ показать мнѣ свои новые эскизы и просить мнѣнія моего и совѣта. Приглашалъ къ себѣ на дачу, на чай и проч. Много говорили объ иконной живописи, о князѣ Гагаринѣ. Объ этихъ-же предметахъ довольно длинный былъ разговоръ съ великой княгиней Маріей Николаевной, которая-было вспыхнула при моемъ противорѣчіи. Я, однакоже, у нея заключилъ тѣмъ, что пока не увижу прак-

тическимъ образомъ приложенными эти всѣ идеи, до тѣхъ поръ не иначе могу себѣ это представлять, какъ въ развитіи живописи въ Италіи, ибо тутъ только, при первоначально византійской, живопись начала усвоивать себѣ и болѣе вкуса, и основательность рисунка, и вѣрность воздушной и линейной перспективы. Это самое говоритъ и Бруни.

Три часа съ половиною по полудни. Сейчасъ возвратился изъ Царскаго Села М. Боткинъ, и сказалъ, что графъ Адлербергъ еще не знаетъ, будетъ-ли Государево соизволеніе выставить картину въ Зимнемъ дворцѣ, и можно ли будетъ сегодня доложить объ этомъ Государю. Однакоже, графъ Віельгорскій думаетъ, что это будетъ въ мою пользу. Я завтра иду къ графу Віельгорскому утромъ, и, можетъ быть, получу окончательное рѣшеніе. Марія Николаевна меня спрашивала, гдѣ я думаю выставить картину—не въ Академіи-ли? Я сказалъ, что хоть и предложила мнѣ Елена Павловна свой дворецъ, но такъ какъ картина уже въ Зимній дворецъ привезена, и Государь три дня будетъ тамъ жить до освященія Исаакіевскаго собора, то думаю, что самое удобное ее тамъ и выставить, если только это возможно. И вотъ, вслѣдствіе этого, она мнѣ вручила два письма, которыя возилъ Боткинъ въ Царское Село.

Отъ загороднаго дворца Маріи Николаевны до желѣзной дороги нѣтъ никакихъ сообщеній, вслѣдствіе чего ея высочество предложила мнѣ свою карету, чтобы меня туда препроводить. Сначала кучеръ, а потомъ унтеръ-офицеръ желѣзной дороги пристально на меня смотрѣли, видя царскую карету, занимаемую лицомъ безъ орденовъ и мундира.

Константинъ Андреевичъ Тонъ, на дачѣ у Кузьмина, справлялъ свои имянины, и потому я его не засталъ дома. Алекс. Павл. Брюлло тоже на дачѣ, и я видѣлъ на лицо только еще Басина, который меня принялъ весьма мило, просилъ, когда угодно, на чай и обѣдъ. Вотъ все, что покамѣстъ могъ сдѣлать. Іордана встрѣтилъ на дорогѣ—онъ сейчай съ изумленіемъ цѣловаться, а жена его, съ какой-то дамой, прошла гордо впередъ. На другой день онъ прислалъ записку съ приглашеніемъ къ обѣду, но я извинился недостаткомъ времени, и просилъ четыре дня сроку для приве-

денія моихъ визитовъ къ высокимъ людямъ въ полный порядокъ, послѣ чего я уже буду свободнѣе.

Дороговизной Петербургъ равняется, и даже въ иныхъ мѣстахъ, превышаетъ Лондонъ, но мостовой изумилъ меня: неудобныя дрожки едва меня не вываливаютъ, натыкаясь на ямы и ухабы. Это меня постоянно поражаетъ. Бѣдность ощутительна послѣ Европы, въ особенности послѣ Англіи и Пруссіи. Въ Пруссіи рѣдкость кого-нибудь встрѣтить въ изношенномъ платьѣ, а у насъ безпрестанно, въ особенности (людей) простаго званія.

Досаднѣе всего будетъ, если фотографіи, посланныя изъ Рима посредствомъ Куччони, не прибудутъ на-дняхъ въ Петербургъ. Я просилъ Щепкина, на имя котораго были онѣ адресованы въ Москву, немедленно извѣстить о ихъ полученіи гг. Боткиныхъ въ Петербургѣ, но Боткины здѣсь письма̀ отъ Щепкина не получали, и я далъ Визару, уѣхавшему сегодня въ полдень въ Москву (порученіе) обо всемъ этомъ справиться въ Москвѣ у Щепкина, и написать къ тебѣ въ Римъ, въ случаѣ, если онѣ все еще въ Москвѣ не получены. Куччони ихъ послалъ чрезъ Фабри, извѣстнаго продавца эстамповъ, что̀ (на) via San Giuseppe Capo le case.

Я съ нетерпѣніемъ жду твоего письма. Что Желѣзновъ? Говорила великая княгиня, что Сорокинъ, Евграфъ, получилъ казенное содержаніе, чтобы ѣхать на Аѳонскую гору. Что ты объ этомъ знаешь?

Прощай. Братъ Александръ.

11 часовъ вечера. Я совершенно здоровъ, и завтра выхожу.

Miei rispetti alle preziose conoscente, e a (tutti) chi s'interessano di me [1]).

---

[1]) Мое почтеніе дорогимъ знакомымъ и всѣмъ, кто мною интересуется.

CCXI.

КЪ БРАТУ.

Петербургъ. Вторникъ, мая 27, 1858.

Въ субботу я получилъ бумагу слѣдующаго содержанія: «Государь Императовъ Высочайше повелѣть изволилъ—привезенную вами изъ Рима картину вашей работы выставить въ Зимнемъ дворцѣ въ одной изъ залъ по вашему избранію, и, по осмотрѣ этой картины Его Величествомъ, допустить публику видѣть оную. Сообщивъ сію Высочайшую волю г-ну оберъ-гофмаршалу графу Шувалову, увѣдомляю объ оной васъ, милостивый государь, и прошу, доставивъ означенную картину въ Зимній дворецъ, выбрать мѣсто для ея постановки. Министръ Императорскаго Двора гр. Адлербергъ».

Обрадовались всѣ дóма, получивъ эту бумагу. Домомъ я называю: Михаила Боткина, Сергѣя Петровича Постникова—его двоюроднаго брата и художника, вмѣстѣ со мной живущаго, и ихъ приверженцевъ, весьма добрыхъ и дѣльныхъ людей. Отправляемся къ Бруни на дачу. Бруни, прочитавъ это именное повелѣніе, говоритъ, что ничего не можетъ сдѣлать, ибо бумага писана не къ нему, а ко мнѣ. Въ воскресенье утромъ я опять отправился въ Царское Село для испроса бумаги для Бруни, и самъ графъ Віельгорскій просилъ при мнѣ графа Шувалова объ этомъ. Тотъ, взявъ попавшійся первый листъ, начертилъ по-французски карандашомъ приказъ для Бруни. Пріѣхавъ въ воскресенье назадъ, за моимъ обѣдомъ пришла бумага отъ Бруни, съ новымъ именнымъ повелѣніемъ для его превосходительства, которую я прочитавъ, поручилъ человѣку благодарить его превосходительство за такую любезность. Въ понедѣльникъ, въ 8-мъ часовъ, назначено было у насъ свиданіе съ Бруни въ Зимнемъ дворцѣ, куда уже принесены были золотая рама и пяльца. Раскупорили ящикъ безъ таможеннаго чиновника, и все тамъ было цѣло. Это не то, что съ пакетами, гдѣ ящикъ съ альбомами моими и важнѣйшими книгами былъ разбитъ на пароходѣ въ дребезги, и сызнова былъ обернутъ клеенкой съ печа-

тями конторы, для сохраненія — это было крайне непріятно: все смотрѣли (кромѣ шляпы, тутъ же отправленной), правда, что не въ таможнѣ, а въ конторѣ ея высочества Елены Павловны. Съ Бруни мы, вытащивъ цилиндръ съ картиной, понесли её въ Бѣлый залъ, гдѣ по послѣдней бумагѣ она должна быть выставлена до четверга вечера, а потомъ перенесена въ Испанскую галлерею Эрмитажа.

Вторникъ. Сегодня былъ пріемъ кронъ-принца, пріѣхавшаго изъ Штуттгардта, т.-е. супруга Ольги Николаевны. Я хотя и ѣздилъ въ Петергофъ, но засталъ только Марію Николаевну, которая назначила мнѣ свиданіе во дворцѣ въ среду, чтобы видѣть картину.

(Четверг, 29 мая.) Вотъ копіи съ двухъ бумагъ о тебѣ:

1. «Г-ну вице-президенту Императорской Академіи Художествъ. Посланникъ нашъ въ Греціи, г. дѣйствительный статскій совѣтникъ Озеровъ, сообщилъ Министерству Иностранныхъ Дѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія о пребываніи въ Аѳинахъ русскаго художника по части архитектурной, воспитанника Императорской Академіи Художествъ, Иванова, и о томъ выгодномъ впечатлѣніи, какое онъ тамъ по себѣ оставилъ. Копію съ отношенія г. дѣйствительнаго статскаго совѣтника Озерова по этому предмету имѣю честь при семъ препроводить къ вашему сіятельству. Товарищъ министра Толстой. Директоръ, генералъ-маіоръ Ковалевскій.»

2. «Копія съ отношенія г. россійско-императорскаго посланника въ Греціи къ г-ну товарищу министра иностранныхъ дѣлъ, отъ 3 мая 1858 г., № 151.—На-дняхъ оставилъ Аѳины русскій художникъ по архитектурной части, Ивановъ, воспитанникъ Императорской Академіи Художествъ и братъ академика Иванова, извѣстнаго по картинѣ своей «Явленіе Спасителя на Іорданѣ». Архитекторъ Ивановъ провелъ здѣсь семь мѣсяцевъ. Благодаря всемилостивѣйшему пособію, дарованному ему отъ щедротъ Ея Величества Государыни вдовствующей Императрицы, онъ могъ осуществить давнишнее желаніе свое—изучить греческія древности въ Аѳинахъ. Съ неутомимымъ усердіемъ и примѣрною добросовѣстностью успѣлъ онъ вымѣрить храмы: Пароенонъ, Эрехтея, Тезея, Безкрылой Побѣды, и Пропилеи — именно всѣ тѣ памятники,

которые были воздвигнуты въ самое цвѣтущее время архитектуры въ Греціи. Онъ снялъ съ крайнею точностію планы этихъ зданій и детали капителей, карнизовъ, фризовъ и колоннъ, а также разобралъ и изучилъ пріемы строительнаго производства древнихъ. Къ концу пребыванія своего здѣсь, г. Ивановъ видѣлъ оконченнымъ разрытіе театра Ирода-Аттика, который, принадлежа къ эпохѣ римскихъ построекъ, конечно, не отличается столь сильнымъ изящнымъ чувствомъ, какъ вышеупомянутые греческіе памятники, но поелику онъ представляетъ въ той части своей, гдѣ была самая сцена, по своей сохранности, неоспоримый интересъ, какъ новый документъ устройства этой части древнихъ театровъ, то г. Ивановъ побудился снять планъ и этого зданія. Съ портфелемъ, полнымъ новыхъ и любопытныхъ данныхъ, архитекторъ нашъ возвратился въ Римъ, гдѣ, съ помощью прекрасной библіотеки Археологическаго Института, богатой древними авторами, займется начертаніемъ чистыхъ рисунковъ вымѣренныхъ имъ памятниковъ и разборомъ ихъ. При милостивомъ покровительствѣ императорскаго дома, столь высоко сочувствующаго всему изящному, г. Ивановъ надѣется издать свой трудъ, которому можно предсказать европейскую извѣстность. Здѣсь произвелъ онъ самое выгодное впечатлѣніе. Я имѣлъ счастіе представлять его ихъ величествамъ королю и королевѣ, которые, зная уже о его неутомимыхъ розысканіяхъ, изволили оказать нашему художнику самое благоволительное расположеніе. Мнѣ, какъ русскому и какъ представителю императорскаго правительства, крайне лестно слышать было здѣсь всеобщій голосъ одобренія въ пользу г. Иванова. Его основательная образованность, при скромности и благовоспитанности, которыя я могъ оцѣнить при ежедневныхъ почти съ нимъ сношеніяхъ, оставили въ Греціи самое благопріятное понятіе о художникахъ нашихъ, и можно только желать, чтобы здѣсь почаще появлялись соотечественники съ такимъ направленіемъ и съ такою любовью къ наукѣ, каковыми отличался г-нъ Ивановъ. Считая долгомъ довести о семъ до свѣдѣнія вашего превосходительства, прошу васъ, м. г., принять и пр. Вѣрно: коллежскій совѣтникъ Михаилъ Воеводинъ.»

Эти два письма я нашелъ вчера въ среду, въ 6 час. по полудни, на столѣ у вице-президента, который, на просьбу мою скопировать ихъ, согласился, и я вчера-же отправилъ ихъ назадъ къ нему.

Среда (28 мая) началась поднесеніемъ Кавелину фотографіи съ надписью: «Въ знакъ глубочайшаго уваженія». Онъ очень замѣшался, извиняясь, что принимаетъ меня въ халатѣ. Потомъ пустился я во дворецъ, гдѣ узналъ, что Государь будетъ изъ Царскаго въ 11 часовъ. Оттуда пошелъ искать домъ Монферрана, чтобы вручить ему письмо е. в. Маріи Николаевны. Французъ принялъ меня по-европейски, показывалъ сокровища своего дома, и назначилъ быть около двухъ часовъ въ своемъ бюро. Я сызнова во дворецъ, гдѣ, послѣ долгихъ, полузначущихъ разговоровъ съ Бруни у окна противъ императорскаго подъѣзда, замѣтили (мы) Государя, несущагося со свитой и двумя дежурными въ тройкѣ. Вышли мы всѣ на верхъ лѣстницы. И вотъ, Государь проходитъ съ Николаемъ Николаевичемъ, кланяясь намъ; потомъ, обернувшись, спросилъ мою фамилію; я вышелъ изъ ряда и подошелъ къ Его Величеству. Государь протянулъ руку, я робко дотронулся, а онъ пожалъ, и поздоровался весьма привѣтливо. Спросилъ, гдѣ же картина, и тотчасъ я его повелъ въ Бѣлый залъ, гдѣ она была для этого выставлена. Я было хотѣлъ пропустить Николая Николаевича тоже впередъ, однакоже онъ мнѣ сказалъ слѣдовать тотчасъ за Государемъ. Государь вспомнилъ, что видѣлъ ее начатою въ Римѣ. Спрашивалъ о значеніи фигуры раба, и разсматривалъ ее довольно подробно; благодарилъ меня весьма. Послѣ чего графъ Адлербергъ, князь Долгорукій—министръ военныхъ дѣлъ, и князь Горчаковъ — иностранныхъ дѣлъ, оставались смотрѣть. Ихъ настигла Марія Николаевна: она сѣла на диванъ, и уже тутъ много подробныхъ было разъясненій и вопросовъ, особливо дамы, сидѣвшей подлѣ ея. Послѣ чего ея высочество очень долго шопотомъ говорила съ Адлербергомъ, и я нѣсколько долженъ былъ быть въ сторонѣ. Здѣсь-то, кажется, рѣшались моя участь и опредѣленіе картины, послѣ чего общество раздѣлилось на двѣ части: я съ Маріей Николаевной говорили, что картина несравненно выиграетъ, если

будетъ поставлена, какъ и предполагаютъ, въ Испанской залѣ Эрмитажа, а Бруни успѣлъ убѣдить гофмаршала Шувалова, чтобы её оставить на этомъ-же мѣстѣ и для публики, гдѣ она освѣщается неравно и рефлекціями, т.-е. снизу свѣтъ на лѣвый уголъ картины, въ срединѣ—рефлекція отъ другаго окна, а прочее—въ потолкѣ. Не знаю, чѣмъ окончить, но я чрезъ часъ ѣду къ графу Віельгорскому объ этомъ говорить. Изъ дворца отправился я къ вице-президенту, по желанію Маріи Николаевны, прося его дать знать совѣту Академіи о приглашеніи ихъ разсмотрѣть мою картину. Графъ хотѣлъ было послать меня въ Всеславину [1]), чтобы оффиціально уладить дѣло посредствомъ этого лица, но графиня нашла неприличнымъ посѣщеніе мое къ Всеславину. Я отправился къ Пименову, чтобы пригласить его — это въ самомъ дѣлѣ самый талантливый человѣкъ, какой въ Академіи теперь находится, и потомъ представитель скульптуры, которую, какъ третью сестру, надобно намъ съ тобой не забывать. Онъ меня принялъ въ студіи, но я извинился, что не могу у него оставаться лишней минуты сегодня, и поскакалъ къ Монферрану. Онъ меня принялъ въ церкви Исаакія, по-французски рекомендовалъ меня графу Гурьеву, который меня вѣжливо спросилъ: «Est-ce que vous êtes français, monsieur»?— «Non, monsieur, je suis russe», я отвѣчалъ.—«Какъ, русскій! воскликнулъ начальникъ коммиссіи, — я никакъ не могу въ этомъ костюмѣ и съ бородой допустить къ послѣзавтрашней церемоніи. Француза дѣло другое, но русскаго — никакъ». Я отвѣчалъ, что сейчасъ былъ на представленіи Государю Императору, который, обласкавъ меня, ничего объ этомъ не замѣтилъ. Но графъ продолжалъ горячиться, и сказалъ: «Какого бы чину ни былъ русскій, все-таки онъ долженъ быть безъ бороды». Я сказалъ, что ни на какой чинъ диплома не имѣю, но графъ, къ удивленію всѣхъ присутствующихъ, разсердясь, отошелъ. Монферранъ сказалъ: «Moi j'ai fait tout ce que je pouvais». — Я разсматривалъ живописи, но нашелъ только архитектуру Монферрана, которая и снаружи, и внутри превосходитъ и живопись, и скульптуру далеко. Въ самомъ дѣлѣ, архитектура напоминаетъ греческую или лучше римскую, и

[1]) Письмоводитель Академіи Художествъ.

драгоцѣнностію матеріаловъ дѣлается монументальною, тогда какъ скульптура, потерявъ весь характеръ Фидія, изнемогаетъ подъ новыми приложеніями къ церкви, а живопись, законно выйдя изъ первобытной византійской, остановилась здѣсь только на холодномъ академическомъ ученіи. Впрочемъ, объ этомъ я буду говорить подробно и отчетливо, когда разслѣжу прилежнѣе все.

Пятница, 30 мая. Третьяго дня вечеромъ въ 6 часовъ я взялъ карету, чтобы привезти графа Толстаго, вице-президента, во дворецъ; у него случились и Пименовъ, и Шевченко,—поѣхали мы вмѣстѣ. Послѣ чего пріѣхалъ докторъ, вылѣчившій меня, съ сестрами милосердія—эти новыя лица, создавшіяся войной крымской, высокаго интереса для русскихъ. Потомъ пріѣхалъ Кавелинъ со своими знакомыми, и все это выслано было изъ залы уже совершенной темнотой. На другой день, вчера, въ четвергъ, я поѣхалъ въ Царское Село, полагая представиться Ольгѣ Николаевнѣ, но оберъ-гофмаршалъ Мухановъ, посредствомъ котораго нужно это сдѣлать, сказалъ, что великая княгиня ѣдетъ въ Петербургъ, и что въ субботу или понедѣльникъ будетъ мое представленіе. Два брата Мухановы живутъ вмѣстѣ—одинъ изъ нихъ товарищъ министра народнаго просвѣщенія. Съ ними я очень много разговаривалъ о сущности моего положенія настоящаго. Вопросъ былъ тотъ,—что̀ лучше: пенсію по смерть, или плату единовременную? Я напиралъ на послѣднее и, кажется, они убѣдились. Они дали мнѣ билетъ въ Исаакіевскій соборъ на освященіе, а пришедъ домой, я нашелъ другой, присланный отъ Монферрана. Третьяго дня оберъ-прокуроръ синода, графъ Александръ Петровичъ Толстой, посѣтилъ тоже во дворцѣ мою картину; я у него былъ за два часа передъ тѣмъ на квартирѣ—онъ принялъ меня весьма ласково.

Сейчасъ изъ Исаакія. Было все великолѣпно: во-первыхъ, поражалъ хоръ придворныхъ пѣвчихъ, состоящій изъ 300 человѣкъ; духовенства было до 1000. Войска на площади, по Невскому и отъ крѣпости, простиралось до 70.000. Каждый солдатъ получилъ по полтиннику. Монферранъ—дѣйствительнаго статскаго совѣтника, 40 т. единовременно, 5 т. по смерти—женѣ. Бруни—звѣзду и черезъ плечо Станислава.

Вице-президентъ—Владиміра 2-й степени. Прочіе, участвовавшіе въ работахъ Исаакія, всѣ повышены крестами. Я многихъ знакомыхъ нашелъ въ церкви, и, стоя отъ 8-ми часовъ до $3^1/_2$ по полудни, едва дотащился съ Михайломъ Боткинымъ домой. Николай Петровичъ съ Дмитріемъ пріѣхали изъ Москвы третьяго дня къ намъ. Послѣдній завтра ѣдетъ (обратно), я его прошу выслать мнѣ оттуда фотографій, ибо здѣсь онѣ идутъ хорошо и продаются за 6 цѣлковыхъ малыя, а Левицкій хочетъ дорого за напечатаніе вновь, т.е. по два съ половиною цѣлковыхъ только ему. Выручкой я оплачиваю извозчиковъ, которые здѣсь страшно дороги, особливо, если взять въ уваженіе, что до сихъ поръ не получено назначенныхъ мнѣ 200 червонныхъ отъ Государя въ Килѣ.

Вотъ письмо ко мнѣ отъ Визара изъ Москвы: «Въ Москву пріѣхалъ я въ субботу, и потому не могъ исполнить порученія вашего такъ скоро, какъ бы желалъ: отправить письмо въ тотъ же день было уже поздно, а по воскресеньямъ почты нѣтъ. Но хоть и поздно, я имѣю по крайней мѣрѣ хорошія вѣсти о фотографіяхъ съ вашей картины. Николай Михайловичъ получилъ дней пять тому назадъ увѣдомленіе отъ своего коммиссіонера, что фотографіи отправлены изъ Мысловицъ въ Варшаву и, вѣроятно, когда вы получите это письмо, онѣ уже поступятъ въ продажу. Надѣюсь, что здоровье ваше вполнѣ поправилось, и что скоро я буду имѣть удовольствіе видѣть васъ въ Москвѣ. Мая 25, 1858. Москва». А между тѣмъ меня увѣряли и Фабри и Куччони, что фотографіи будутъ въ 20 дней изъ Рима въ Москву, а теперь уже болѣе 40 дней, какъ я выѣхалъ изъ Рима, а фотографіи посланы гораздо ранѣе выѣзда моего изъ Рима. Твои оба письма я получилъ; въ послѣднемъ ты убѣждаешь меня ѣхать въ Римъ, что̀ по долгомъ и грустномъ размышленіи я самъ сдѣлалъ (бы). Конечно, отъ Петербурга зависитъ мое счастіе, но до тѣхъ поръ не буду опредѣленно спокоенъ, пока не пройду чрезъ Москву, и потому все съ грустью гляжу вдаль. Пиши мнѣ чаще. Дѣло Васильева, парижскаго священника, все еще тянется. Я очень жалѣю, что не имѣлъ времени отобѣдать съ нимъ у Тона. Ты не повѣришь, какъ я озабоченъ каждый день.

Суббота (31 мая). На-дняхъ былъ я на Минеральныхъ водахъ: тамъ концертъ на воздухѣ весьма посредственный, пѣніе цыганъ и тирольцевъ весьма любопытно, но заведеніе мало уважается публикой. Въ самыхъ лучшихъ мѣстахъ спущенная сабля прохаживалась взадъ и впередъ, и мѣшала всему хорошему. Вчера вечеромъ былъ въ театрѣ Михайловскомъ. «Ревизоръ» Гоголя былъ отлично розыгранъ, особливо роль Хлестакова.

Dite miei complimenti alle preziose conoscente: Giulia, Teresina, Angelica, Silvia, Elena, Rosa, Giulia ed anche alle altre chi mi ricordano [1]).

CCXII.

КЪ БРАТУ.

Петербургъ. Суббота (31 мая 1858.)

Любезный братъ.

Предполагалось, что царская фамилія здѣсь останется весь день, но вчера же вечеромъ она уѣхала въ Царское Село, исключая Ольги Николаевны,—она принимаетъ сегодня дипломатическій корпусъ. Вхожу въ залъ моей картины, и вижу, что первая половина заставлена маленькими картинками и фарфоромъ: вся царская фамилія была въ этомъ залѣ вчера, исключая вдовствующей Императрицы. Отсюда пошелъ я къ Ковалевскому, директору азіатскаго департамента,—онъ такой-же какъ и всегда, т. е. въ полномъ смыслѣ идеалъ служащаго русскаго. Онъ обѣщалъ мнѣ рекомендательныхъ писемъ на Востокъ, и говорилъ, что они препроводили самыя благопріятныя свѣдѣнія о тебѣ отъ Озерова къ вице-президенту Академіи Художествъ. Отправился потомъ къ Левицкому, но тутъ дѣло продажи и отпечатковъ фотографій ничѣмъ еще не рѣшено. По его совѣту, я ѣду къ Тону и прошу письма къ Водову, служащему въ Главномъ Штабѣ и имѣющему всѣхъ мѣръ машины и матеріалы

[1]) Передай мои привѣтствія дорогимъ знакомымъ: Джуліи, Терезинѣ, Анджеликѣ, Сильвіи, Еленѣ (т.-е. сестрамъ Монтекки), Розѣ, Джуліи (т.-е. сестрамъ Марини) и другимъ, кто меня помнитъ.

для отпечатыванія. Но съ Левицкимъ пріятно тѣмъ, что онъ честный человѣкъ, что̀ большая рѣдкость въ торговыхъ дѣлахъ здѣсь. Былъ я на мѣсячномъ экзаменѣ въ Академіи. Рисунки изобличали русскую неблагородную простую природу, точно скопированную самымъ тщательнымъ утушевываніемъ. Это требуетъ страшнаго времени и трудовъ, но тутъ совсѣмъ нѣтъ никакого стремленія къ облагороживанію формъ, что̀ казалось бы первымъ дѣломъ серьезной школы. Въ манкенной лучшіе этюды съ наготы превосходны, но все-таки и съ этими данными, при настоящемъ направленіи, скорѣе можно остановиться на вредной естественности, чѣмъ на идеальномъ выраженіи идеи, которая добывается строгимъ изученіемъ Леонарда-да-Винчи и нѣкоторыхъ Рафаэлей. Объ эскизахъ нечего говорить: если сами профессора, кромѣ Карла Брюлло, ихъ не чувствуютъ, то чего-же требовать отъ учениковъ? Ѣздилъ на дачу къ Тону—онъ мнѣ далъ письмо къ Водову, и я, можетъ быть, тутъ продамъ стекло-негативъ вмѣстѣ съ моими оттисками, о которыхъ до сихъ поръ все еще не имѣю извѣстія, что они дошли до Москвы.

(1 іюня.) Сегодня утромъ, въ воскресенье, ѣздилъ я въ Царское Село, спрашивалъ графа Віельгорскаго: не было-ли рѣшенія на счетъ моей картины? Графъ отвѣчалъ, что довольно трудно мою вещь оцѣнить, но что онъ думаетъ, что при умѣренной платѣ мнѣ будетъ пенсія, и Академія дастъ профессора. Это послѣднее ужасно! Дѣлать нечего, надобно и это выносить терпѣливо, если уже въ идеяхъ общества это условіе такъ закоренѣло. Графъ меня отправилъ къ Зиновьеву, съ пятью малыми фотографіями для дѣтей Государя. Зиновьевъ говоритъ: «Отчего вы сами во дворецъ не явитесь съ ихъ представленіемъ?» Я отвѣчалъ, что никакъ не могъ себѣ представить, чтобы безъ него это можно было сдѣлать, и такимъ образомъ оставилъ ихъ у него. Потомъ видѣлся со старымъ Адлербергомъ, которому сообщилъ этотъ фактъ. Удивительно для меня, что я до сихъ поръ не видалъ ни Императрицы, ни великихъ князей, т. е. къ нимъ не представлялся. Михаилъ Николаевичъ прислалъ мнѣ 25 рублей сер., съ чиновникомъ, изъ Михайловскаго дворца. Мухановъ обѣщался

дать знать, когда можно представиться Ольгѣ Николаевнѣ, но это вѣдь, пожалуй, длинный ящикъ.

Понедѣльникъ (2 іюня). Я дожидался чиновника дома до 11 часовъ, но онъ не былъ. Это должно бы было быть извѣщеніе о 200 червонныхъ и освѣдомленіе о моемъ здоровьѣ отъ великой княгини Ольги Николаевны. Я отправился въ Зимній дворецъ съ Мих. Боткинымъ, чтобы выбрать залу, что̀ мнѣ сказано именнымъ повелѣніемъ, и (мы) остановились на выборѣ аванзалы крещенскаго подъѣзда. Потомъ пошелъ въ Михайловскій дворецъ, чтобы доставить экземпляръ фотографіи великой княгинѣ Екатеринѣ Михайловнѣ, но Беркгольцъ [1]) былъ въ Государственной Библіотекѣ, куда я и отправился объ этомъ съ нимъ говорить. Тутъ нашелъ Макухина [2]), женатаго на старшей Калантаевой [3]), и Стасова, который тебѣ очень кланяется. Комплименты и услуги были неистощимы. Отсюда отправился обѣдать къ сестрѣ Боткина, гдѣ угостили удивительно, и весьма пріятно провели время. Отсюда я отправился на вечеръ къ Кавелину, гдѣ уже были разговоры великой важности для меня. Тутъ я оставался почти до полуночи.

Вторникъ (3 іюня). Я отправился въ Царское Село, гдѣ сообщилъ Бруни, что выбралъ аванзалъ, что̀ и было согласно съ его мнѣніемъ. Но мы оба не были приняты гофмаршаломъ, графомъ Шуваловымъ, который былъ въ эту минуту боленъ и выслалъ сказать чрезъ секретаря, что картина моя не можетъ оставаться болѣе во дворцѣ для публики, что ее нужно отправить въ Академію для выставки. Съ этимъ я и уѣхалъ. Послѣ обѣда пошли мы выбирать залу въ Академіи. Что за грусть навѣяла на меня Академія! Выбрали, однакоже, античную галлерею около «Аѳинской школы». Потомъ пошли къ Іордану, гдѣ встрѣтили Хомякова (поэта); съ ними наз-

---

1) Ег. Ег. Беркгольцъ—библіотекарь в. к. Елены Павловны, и вмѣстѣ одинъ изъ библіотекарей Императорской Публичной Библіотеки.

2) Капитанъ-лейтенантъ Ник. Павл. Макухинъ, одинъ изъ севастопольскихъ героевъ.

3) Нат. Ег. Калантаева—живописица, долго прожившая въ Римѣ, еще въ дѣвицахъ, для занятій художествомъ, и близкая знакомая, поэтому, многихъ русскихъ художниковъ, въ томъ числѣ и Иванова.

начено свиданіе сегодня, чтобы быть во дворцѣ. Я тоже сегодня обѣдаю на дачѣ у Тона по приглашенію.

Среда (4 іюня). Я пробрался къ Оболенскому, чтобы найти дорогу къ Константину Николаевичу, великому князю: только что (онъ) возвратится чрезъ 5 дней, то это и будетъ. Съ Хомяковымъ и Оболенскимъ отправились во дворецъ къ картинѣ. Первый хочетъ написать статью объ этомъ; Тургеневъ тоже объ этомъ хлопочетъ. Бруни что-то не въ духѣ. Въ этой-же залѣ выставилъ какой-то Yvon «Баталію Дмитрія Донскаго на Куликовомъ полѣ»—картина больше моей, но совершенная декорація театра, да еще какъ бы за 50 лѣтъ писанная. Я желалъ, чтобы моя картина оставалась, пока Государь сюда еще разъ не будетъ. Это вѣдь будетъ третій визитъ Царя въ эту залу. Мнѣ сообщилъ Хомяковъ, что парижская русская церковь хотѣла быть цѣликомъ Благовѣщеніе, что̀ близъ Николаевскаго моста здѣсь въ Петербургѣ, но что французы ее нашли неприличной для ихъ столицы. Хомяковъ очень ловко сказалъ, что «эта церковь, кажется, вашего брата», т. е. твоя. Я отвѣчалъ, что если ты у Тона и былъ помощникомъ въ это время, то, конечно, исполнялъ въ точности всѣ его приказанія, которыя тоже имѣли начало свыше. Церковь Благовѣщенія поражаетъ нелѣпостію шуточной архитектуры.

У Тона за обѣдомъ былъ замѣчательный тостъ за Нотбека, тутъ же присутствовавшаго, какъ за генія архитектуры и наслѣдника Тона. Это было предложено самимъ Константиномъ Андреевичемъ. Несмотря на готовность къ услугамъ, радушіе и память, что Константинъ Андреевичъ былъ твоимъ наставникомъ, я все-таки не мало изумленъ этимъ провозглашеніемъ, тѣмъ болѣе, что теперь начинаетъ все у насъ зависѣть отъ общественнаго мнѣнія, которое, конечно, должно болѣе еще вырости, и скоро.

Въ обществѣ, покамѣстъ, ругаютъ Исаакія, но массы хвалятъ. Воля твоя, а я отдыхаю на Исаакіѣ, отъ архитектуры другихъ церквей, кромѣ развѣ Казанской,—право, все это scherzi da buttar via [1]). Въ Исаакіѣ хуже всего внутри золотыя фигуры—эти лепешки барокко, и, представь, на самой

[1]) Шутки, которыя стоитъ вышвырнуть вонъ.

срединѣ иконостаса: скульптура не скульптура и живопись не живопись,—это образъ центавръ, т.-е. скульптурныя фигуры съ плоскими живописными лицами, къ нимъ приставленными, которыя съ боковъ имѣютъ какъ-бы право на общую картину, ибо оканчиваются святыми, написанными на плоскости. Вѣдь выдумали-же они дичь! Надававъ Монферрану наградъ, о которыхъ я тебѣ говорилъ, присадили ему опасный чирій на затылокъ—старикъ едва-ли его перенесетъ. Это именно та самая порода, которой страдалъ Checco Marini [1]) въ бытность твою въ Аѳинахъ.

Продалъ я стекло за тысячу руб. сер. — этими-то деньгами я теперь заплачу за рамки, пяльца, натяжку холстовъ, наклейку этюдовъ, и проч. Дѣло мое, т. е. рѣшеніе платы за большую картину, все еще не рѣшено. Носящимся слухамъ я не могу довѣряться, хотя они и отрадны.

Четверг (5 іюня). Я былъ у Тургенева—весьма много любопытнаго онъ мнѣ сообщилъ. Поѣхали къ Гончарову, учителю наслѣдника, потомъ къ князю Щербатову, попечителю петербургскаго университета. Эти всѣ три лица весьма замѣчательны, особливо послѣдній, съ которымъ я имѣлъ удовольствіе говорить у моей картины. Онъ тоже подалъ въ отставку. Я совсѣмъ не видѣлъ Бруни, и потому картина все еще во дворцѣ. Послѣ обѣда посѣтилъ мою племянницу, т. е. дочь Марьи Андреевны, нашей покойной сестры. Это вылитая сестра, какъ я её оставилъ,—красавица, и уже второй разъ замужемъ; ей всего 20 лѣтъ, живая, энергичная и, кажется, добрая; у ней мужъ военный, живутъ весьма изрядно, и на дачѣ. Тутъ-же у нихъ случился Егоръ Ивановичъ [2]), нашъ дядя — послѣ долгой разлуки я его совершенно узналъ. Но онъ скоро отправился, ибо петербургская вьюга и пыль заставили его скорѣй быть дома.

Пятница (6 іюня). Сегодня былъ у Моллера, но не засталъ никого дома—всѣ на дачѣ. Василій Антоновичъ пріѣзжаетъ въ городъ, и я пойду къ нему въ понедѣльникъ. Встрѣтился случайно съ Левицкимъ—онъ мнѣ сказалъ, что пріѣхалъ князь

[1]) Франческо, или Кекко Марини (какъ его называли), братъ хозяина дома, гдѣ жилъ Ивановъ.

[2]) Демертъ, архитекторъ.

Гагаринъ изъ Парижа, и пробылъ вчера цѣлый день и до полночи въ разговорахъ съ Государемъ—его прочатъ въ вице-президенты Академіи Художествъ. Былъ у князя Мещерскаго, гофмаршала Екатерины Михаиловны,—онъ обѣщался меня къ ней представить. Потомъ поѣхалъ на обѣдъ, который литераторы давали отъѣзжающему Тургеневу—всѣхъ со мной было 14 особъ. Первый тостъ былъ обращенъ ко мнѣ. Вчера-же Нотбекъ приглашалъ меня къ обѣду всѣхъ художниковъ академическихъ, но я не зналъ его много, отказался, а случилось быть съ литераторами въ томъ же заведеніи у Пѣвческаго моста, такъ что, окончивши обѣдъ, и прохаживаясь съ Ковалевскимъ по саду, встрѣчаю Михайлова, который меня и втащилъ къ шампанскому большой компаніи художниковъ, т. е. ректоровъ, профессоровъ и всего, что̀ стоитъ повыше у насъ. Былъ также въ городскомъ дворцѣ Маріи Николаевны, чтобы высмотрѣть церковь, росписанную Гагаринымъ: её она безпрестанно въ разговорахъ выставляетъ въ образецъ, ка̀къ должно быть поставлено искусство въ Россіи. Сегодня я ѣду переставлять мою картину въ Академію для публики, а завтра отправлюсь къ Маріи Николаевнѣ въ Петергофъ, чтобы привезти ее открыть эту выставку. Можетъ быть, пріѣдутъ оттуда ея дѣти, только-что прибывшія изъ Рима. Я къ тебѣ буду писать каждую субботу съ пароходомъ въ Штеттинъ, ибо думаю, что много любопытнаго могу передать въ эти дни. Кланяются тебѣ Михаилъ Петровичъ Боткинъ и Сергѣй Петровичъ Постниковъ. Я, можетъ быть, съ ними пущусь къ тебѣ въ Римъ, если дѣла примутъ благой оборотъ. Прощай.

Alle preziose conoscente miei rispetti [1]).

---

[1]) Драгоцѣннымъ знакомымъ мое почтеніе.

CCXIII.

КЪ БРАТУ.

(Петербургъ.) Воскресенье, 8 іюня 1858.

Дорогой братъ.

Четыре дня прежде этого, Нотбекъ, встрѣтясь со мною у Іордана, робко звалъ меня къ своему обѣду, гдѣ, по его словамъ, будутъ всѣ художники. Теперь оказывается, что это былъ обѣдъ съ большимъ значеніемъ, т.-е. что онъ, потчивая художниковъ, во главѣ стоящихъ, примыкаетъ къ нимъ и становится на одну съ ними доску. Обѣдъ ему стоилъ по 30 р. на человѣка. Тутъ были всѣ члены Академіи: вмѣсто вице-президента былъ—Мюссаръ, секретарь Маріи Николаевны. Я тутъ не видалъ Маркова, Шамшина и Басина, изъ архитекторовъ—младшаго Горностаева [1]), Штакеншнейдера и Кузьмина. Тона встрѣтилъ какъ-бы сконфуженнаго. Онъ меня звалъ сегодня на ботвинью, но я уже начинаю его побаиваться, т.-е. ỏбраза этихъ дѣйствій, гдѣ богатый покупаетъ себѣ достоинство, спаивая шампанскимъ. Вчера я опять былъ на обѣдѣ, и въ томъ-же мѣстѣ — у Донона, чтὸ у Пѣвческаго моста. Общество литераторовъ изъ 14 человѣкъ давало это въ честь князю Щербатову, попечителю университета петербургскаго. Я не могъ отказаться отъ такого почтеннаго акта, будучи къ нему вызванъ ими, хотя это и не было въ согласіи съ моими способами—обѣдъ стоилъ по 9 руб. сер. на человѣка. Я до сихъ поръ не понимаю, кàкъ это въ Петербургѣ живутъ? Здѣсь, по причинѣ страшной дороговизны, не можетъ быть тѣни справедливости. Общество со мной пирующихъ называло художниковъ откупщиками; не зная ихъ никого лично, я имъ объявилъ, что они художники. «О, это все равно», отвѣтили они. Вчера пригласилъ меня къ себѣ Языковъ, одинъ изъ пировавшихъ съ нами. Онъ мнѣ показывалъ работы Горбунова и Попова — оба весьма талантливые; первый женатъ на красавицѣ-модели, а второй готовится въ

---

[1]) Ив. Ив. Горностаевъ, академикъ.

Римъ. Онъ жанристъ и воспитанникъ хозяина дома, группа дѣтей котораго представлена съ превосходной отдѣлкой. Какъ жаль, что существуетъ жанръ у насъ, и признанъ Академіей наравнѣ съ историческою живописью!

Понедѣльникъ (9 іюня). Сегодня отправился я въ Зимній дворецъ, по назначенію столяра, въ 7-мъ часовъ, но прождалъ до 11½ ч. Прежде чѣмъ снять картину, посѣтили её пѣвчіе, отецъ діаконъ, іерей и, наконецъ, самъ духовникъ Государя. Здѣсь была замѣчательная рѣчь о князѣ Гагаринѣ. Бажановъ говоритъ, что въ византійскихъ живописцахъ могутъ быть и невѣжды, и что подлинныхъ изображеній нельзя найти, ибо самыя изображенія начались по крайней мѣрѣ 200 лѣтъ послѣ событій. «Кажется, князь Гагаринъ хочетъ быть вицепрезидентомъ», прибавилъ онъ съ видомъ недовольства. Онъ очень ласково распрощался. Въ то время, какъ начали снимать картину, былъ я у обѣдни и слушалъ превосходное пѣніе, послѣ чего пришелъ посмотрѣть картину князь Голицынъ съ семействомъ. Говорили по-итальянски. Наконецъ, картину понесли, но тутъ одинъ изъ слугъ заботливо случился съ книгой, прося росписки въ полученіи двухъ сотъ червонныхъ, которые и вручилъ. Картину перенесли (въ Академію), и тотчасъ-же развернули у «Аѳинской школы». Были Пименовъ, Токаревъ и Ухтомскій. Наконецъ, принесли мольбертъ, золотую раму и пяльца, и только къ вечеру установили картину. Сейчасъ отправляемся съ этюдами, чтобы, отодвинувъ статуи, и имъ дать безопасное мѣсто отъ движенія публики.

Вотъ счетъ: во дворцѣ солдатамъ — 4 р., коленкору въ первый разъ на полъ картины — 7 р. 50 к., на чай лакеямъ — 5 р., рабочимъ дворцовымъ — 12 р. 70 к., академическимъ рабочимъ—2 р., краскотёру Рипа—1 р., извощику за переноску картины съ квартиры—1 р., коленкору—21 р., шитье—1 р., вчерашній день солдатамъ Академіи—1 р., за прибивку коленкора — 50 к. на чай, итого 56 р. 70 к. с., кромѣ четырехъ перетяжекъ на другой холстъ въ Эрмитажѣ и заплаты за пяльца и золотыя планки на этюды у академическаго краскотёра.

(Вторникъ, 10 іюня). Вчера мы цѣлый день устанавливали

съ Боткинымъ и Постниковымъ этюды въ Академіи, т.-е. (въ) античной галлереѣ, чтò примыкаетъ къ конференціи. Еслибы не 200 червонныхъ, чтò Ольга Николаевна испросила у Государя, то вышеупомянутыя издержки были бы невыносимы. Стеклонегативъ хотя и дало мнѣ 1000 р. с., но рѣшеніе Государя всё еще не опредѣлено, и слухи о 30 тысячахъ замѣнились 10-ю, и даже 8-ю; на чемъ (дѣло) остановится, право, никто не можетъ предсказать. Впрочемъ, взявъ въ соображеніе послѣднее, я оцѣнилъ всѣ мои этюды, такъ, чтобы тутъ же ихъ и сбывать. Представлялся е. в. Екатеринѣ Михаиловнѣ—это удивительная особа, обо многомъ разспрашивала. Не знаю, буду (ли) я еще имѣть счастіе съ ней говорить, чтò бы совсѣмъ не было лишнимъ. Представлялся къ в. к. Маріи Николаевнѣ—она мнѣ разрѣшила открыть картину для выставки публики. Она много говоритъ объ успѣхахъ князя Гагарина въ Парижѣ. Не будетъ въ Академіи для выставки моей картины, но можетъ быть пріѣдетъ для фотографій Гагарина, чтò будетъ на слѣдующей недѣлѣ.

Четвергъ (12 іюня). Третьяго дня въ Академіи былъ Василій Моллеръ, и безъ меня прошелъ къ картинѣ, которую сравнивалъ съ картиною своего брата, и у Боткина спрашивалъ о разныхъ ея недостаткахъ. Вчера была племенница Катер. Андр. Сухихъ, нынѣ полковница Ганскау. Она мнѣ прислала нѣжную записочку, но я еще ей не успѣлъ отвѣтить. Я тебѣ, кажется, не говорилъ, что в. к. Михаилъ Николаевичъ прислалъ мнѣ 25 р. с. за большую фотографію: дòма удивились малости этой суммы, но я все еще думаю по-римски, и радъ всякой найденной скудѣ. Сейчасъ былъ у парижскаго священника Васильева—у него какъ будто противорѣчіе съ Гагаринымъ, который хотѣлъ, чтобы выдали задатокъ Сорокину и Бронникову, чтобы на эти деньги отправить ихъ на Аѳонъ, о чемъ и писали уже они изъ Парижа Маріи Николаевнѣ. Но парижскій священникъ сказалъ, что онъ денегъ не можетъ дать безъ приказанія начальства, и что на это нужно формальную бумагу. Васильевъ настаиваетъ, чтобы церковь была въ русскомъ стилѣ, т.-е. какъ Благовѣщенская у Николаевскаго моста; князь Гагаринъ желаетъ въ маленькомъ видѣ Софійскій константинопольскій соборъ, о чемъ уже и

LXX (къ стр. 133).

КЪ ЖУКОВСКОМУ [1]).

Римъ. Марта 15, 1841.

Письмо это кончалось словами:

«Все это заставляетъ меня теперь обратиться къ вамъ, какъ къ единственному моему покровителю, и всепокорнѣйше просить, дабы вы, представя положеніе мое его высочеству, защитили бы меня въ невольномъ просроченіи, и, если можно, испросили бы у него новой милости на возможность окончить трудъ, составляющій истинное мое наслажденіе.

«Повѣряя всего себя вашему распоряженію, имѣю честь быть, в. п., покорнѣйшій слуга

Александръ Ивановъ.»

Послѣ того слѣдовала приписка: «По порученію вашему...» и т. д. [2]).

LXXVa.

КЪ ЖУКОВСКОМУ.

Римъ. Октября 6, 1841.

Вслѣдствіе письма Н. В. Гоголя отъ 20 сентября, гдѣ онъ, видя мое крайнее положеніе, рѣшился васъ безпокоить моими дѣлами, я съ живѣйшею радостью слѣдую всѣмъ его совѣтамъ, и во-первыхъ препровождаю къ вамъ письмо къ Государю Наслѣднику, содержаніе коего вамъ уже извѣстно.

---

[1]) Письма Иванова къ Жуковскому, съ обозначеніемъ точныхъ чиселъ ихъ, были напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ" 1875, т. III, стр. 365—368, съ оригиналовъ, сохранившихся въ бумагахъ В. А.; у насъ они печатались съ черновыхъ набросковъ, поэтому прибавки, сдѣланныя Ивановымъ при перепискѣ набѣло, не вошли туда и приводятся здѣсь, въ дополненіяхъ.

[2]) Художникъ сербъ, о которомъ говорится тамъ, назывался не *Станиславичъ*, какъ напечатано было у насъ, а *Станиславлевичъ*.

CCIV.

КЪ БРАТУ.

(Петербургъ, 14 іюня 1858.)

Суббота (14 іюня), вечеръ. Я условился съ Григоровичемъ, литераторомъ, ѣхать къ графу Кушелеву-Безбородко на дачу: они привезли съ собою извѣстнаго Александра Dumas изъ Парижа, и Юма, знаменитость по чародѣйству,—этотъ послѣдній женится на сестрѣ графини. Скоро потомъ прошли къ Писемскому, гдѣ, встрѣтивъ еще другихъ пять литераторовъ, были приняты радушно. Но не прежде можно было уйти, какъ за полночь, такъ что до дому доѣхали въ 2 часа. Въ тотъ-же день получилъ отъ Императрицы Александры Ѳеодоровны 100 руб. сер., за фотографію.

Воскресенье (15 іюня). Проговорилъ на выставкѣ въ Академіи у моей картины съ Пименовымъ цѣлыхъ три часа. Разговоръ вертѣлся о невыгодахъ и выгодахъ петербургскаго житья для него и для меня. Онъ все не можетъ отдѣлаться отъ старыхъ понятій, и находитъ новое мѣсто князя Гагарина справедливымъ въ томъ смыслѣ, что прямое сношеніе съ дворомъ должно быть посредствомъ князя, который къ тому же генералъ-адъютантъ. Силу художниковъ онъ думаетъ учредить сплоченнымъ обществомъ въ дѣйствіи, всегда боевомъ во всѣ направленія. Эта давняя мысль никогда не могла и не можетъ быть олицетворима, ибо на практикѣ человѣкъ совсѣмъ другой, чѣмъ въ словесной летучей теоріи. Я больше молчалъ. Отобѣдавъ, отправились къ Тарасову—доктору, спасшему меня отъ холеры. Эта благороднѣйшая личность, постоянно сражающаяся съ злоупотребленіями, подъ эгидой в. к. Елены Павловны,—весьма замѣчательна. Его учрежденіе сестеръ милосердія ему даетъ поле для дѣйствій, размножая различные планы и замыслы, но онъ все какъ будто несчастливъ.

Понедѣльникъ (16 іюня). Я получилъ похвальный листъ изъ Государственной Библіотеки по случаю поднесенія туда моей фотографіи. Продана на выставкѣ одна изъ головъ

и одинъ этюдъ драпировки. Я объяснялъ Титову картину, а потомъ, когда онъ отвелъ меня въ сторону, заговоривъ о дѣлахъ моихъ, убѣждалъ его, во сколько разъ плата хорошая лучше пенсіи при настоящемъ положеніи вещей. Онъ мнѣ, между прочимъ, прислалъ одного молодаго художника, котораго успѣхи я разсмотрѣвъ, его напутствовалъ въ отвѣтномъ письмѣ къ Титову. Оленина [1]) мнѣ наговорила много ласки—я къ ней пойду на чай въ четвергъ. Многіе изъ публики меня усердно благодарятъ за подъятіе и исполненіе такого большаго труда.

Вторникъ (17 іюня). Сегоднишняя поѣздка въ Петергофъ еще болѣе подтвердила, что мнѣ нельзя ждать желаемой платы за картину, и что князь Гагаринъ непремѣнно будетъ вице-президентомъ въ Академіи, которому поручитъ все Марія Николаевна, уѣзжая заграницу. Эти два обстоятельства: уменьшеніе платы и власть аматера надъ специалистомъ, разумѣется, заслоняютъ въ моихъ глазахъ все прочее, ибо все прочее заключается только въ пріятныхъ словахъ и въ весьма не многихъ приходахъ. Государь Императоръ пріѣдетъ черезъ 10-ть дней въ Петербургъ, и, можетъ быть, тогда это все утвердится оффиціальными бумагами.

Четвергъ (19 іюня). Отправлялся я вчера къ Громову, сильному богачу и собирателю картинъ. Этотъ капризный невѣжда хочетъ пріобрѣсти лучшіе мои этюды. Мнѣ нужны деньги, и потому я долженъ буду продаваться. Оттуда я прошелъ къ князю Дм. Александр. Оболенскому, гдѣ услышалъ, что в. к. Константинъ Николаевичъ говоритъ, что я выбираю сумму за картину, а не пенсію. «Какъ велика сумма?»—спросили великаго князя. Онъ отвѣчалъ: «12 тысячъ».—«Мало», ему отвѣтили. Князь Оболенскій хотѣлъ мнѣ дать знать, когда можетъ насъ принять Кокоревъ, извѣстный милліонеръ русскій. Съ нимъ мы постараемся быть въ Академіи и спросить его: не желаетъ ли онъ купить картину мою большую за 30 тысячъ рублей серебромъ? Онъ или Кушелевъ-Безбородко могутъ выдвинуть изъ застоя полное рѣшеніе дѣлу. Сейчасъ получилъ приглашеніе отъ Императрицы Маріи Александровны, чтобы представиться къ ней по-

[1]) Варвара Алексѣевна, дочь бывшаго президента Академіи Художествъ.

слѣ обѣдни въ воскресенье. Это высочайшее вниманіе меня оживило, тѣмъ болѣе, что въ послѣдній поѣздъ въ Петергофъ никого изъ царскихъ особъ не могъ видѣть.

Пятница (20 іюня). Вчера приходилъ придворный лакей—справиться, какъ меня зовутъ по отчеству—отъ имени Государя Наслѣдника. Мы терялись въ догадкахъ, для чего? Публики каждый день много. Взыскательный взглядъ, по большей части полный здравыхъ разсужденій, ее отличаетъ; однако же, покупщиковъ не прибавляется, и фотографіи все еще не продаются, а мои, посланныя въ Москву изъ Рима, все еще не прибыли туда. Онѣ засѣли въ Варшавѣ, и я не прежде воскресенья увижу директора почтъ Пряничникова, чтобы съ нимъ сдѣлать что-нибудь къ ускоренію ихъ оттуда присылки. Вчера провелъ время у Олениной, Вѣры Алексѣевны [1]). Она все представляетъ идеаломъ правленія Академіи своего отца. Не правда ли, что трудно согласиться? Я молчалъ, уступая дамѣ, и притомъ старой и больной.

Суббота (21 іюня). Вчера были вечеромъ у Плетнева, что женатъ на родной сестрѣ жены Іордана. Обѣ эти женщины премилыя, но Іорданъ постоянный шутникъ, и потомъ жена безграничными ласками мѣшаетъ его дѣламъ, несмотря на искреннюю любовь обоихъ. Вчера безъ меня пріѣзжалъ тотъ же придворный, что извѣщалъ о повѣщеніи меня явиться въ Царское Село къ молодой Императрицѣ, и снова извѣстилъ, что это отмѣняется до слѣдующаго разрѣшенія, что погрузило въ раздумье меня и добрыхъ моихъ сожителей: Мих. Петр. Боткина и Сергѣя Петр. Постникова. Видно, что составилась партія о преломленіи мнѣ пути — я вѣдь съ моими новыми идеями постоянно долженъ ожидать новыхъ страданій. За неимѣніемъ важныхъ интересовъ этой недѣли я не посылаю этого письма сегодня, и буду еще прибавлять сюда же событія будущей недѣли.

Воскресенье (22 іюня). Вчера въ Академіи встрѣтилъ Олимпія Васильевича Васильева—пріятно было вспомнить это существо, столь искренно любящее нашего отца. Тутъ же встрѣтилъ бывшаго попечителя московскаго университета, графа Строганова. Онъ меня приглашалъ въ Москву съѣздить на

[1]) Оленину звали не Вѣрой, а Варварой

этой же недѣлѣ. Я сказалъ, что не представлялся еще Императрицѣ, и что жду со дня на день этого счастливаго дня. Кокоревъ купилъ у меня нѣкоторые этюды, что̀, конечно, въ этомъ нерѣшительномъ положеніи со стороны правительства дѣлаетъ рѣшеннымъ уже четвертую тысячу рублей. Онъ купилъ: эскизъ, ближайшій къ картинѣ, голову мальчика въ тѣни, и виды Тиволи съ Монтичелли. Другихъ откупщиковъ жду сегодня. Замѣчательна моя просьба къ Ч—скому о переводѣ нѣкоторыхъ строкъ съ нѣмецкаго, относящихся къ будущимъ моимъ занятіямъ.... Вчера обѣдали у Орловой, урожденной Раевской, и у Орловой, урожденной Кривцовой. Первую ты знаешь, т.-е Екатерину Николаевну: помнишь, что̀ упала съ осла близъ Браччіано, и повредила себѣ кость правой руки, или лучше — родная сестра почивающей во Фраскати Елены Николаевны.

Воскресенье. Узнавъ отъ Іордана о жительствѣ князя Вяземскаго, бывшаго товарища министра народнаго просвѣщенія, я къ нему поѣхалъ въ Лѣсной корпусъ. Тамъ засталъ Плетнева съ женой — говорили о путешествіи ко святымъ мѣстамъ. Онъ мнѣ сказалъ, что Императрица будетъ въ среду въ Петербургѣ для панихиды Николаю Павловичу, и что весьма возможно, что заѣдетъ ко мнѣ въ Академію. Спрашивалъ: что̀ это я, вѣроятно, желалъ выдать родъ коллекціи рисунковъ библейско-евангельскихъ? Разломанный ящикъ уже подалъ мысль къ этимъ толкамъ. Къ обѣду пришелъ Богдановъ, молодой нашъ скрипачъ, отличенный въ чужихъ краяхъ, — это братъ танцовщицы; потѣшилъ насъ звуками. Потомъ отправился я къ сестрамъ милосердія, которыхъ жду завтра къ себѣ, въ 5 часовъ по полудни.

Понедѣльникъ (23 іюня). Отвозилъ книги къ Ч—скому: онъ обѣщался увѣдомить на квартиру о переводчикѣ съ нихъ. Пробылъ долго въ Государственной Библіотекѣ, гдѣ завалили меня и Стасовъ, и Горностаевъ разными увражами, но интересамъ моимъ мало удовлетворили — за ними нужно обратиться къ Маріи Николаевнѣ. Послѣ обѣда принималъ сестеръ милосердія. Пріѣхалъ придворный лакей и привезъ слѣдующую бумагу: «Доставленные ваши четыре экземпляра фотографическаго рисунка съ картины вашей

«Явленіе Спасителя передъ народомъ въ то время, когда Іоаннъ крестилъ іудеевъ, обращая ихъ въ вѣру истинную»— поднесены мною по желанію вашему ихъ императорскимъ высочествамъ: Государю Наслѣднику Цесаревичу и великимъ князьямъ Александру, Владиміру и Алексѣю Александровичамъ. Ихъ высочества, принявъ съ особеннымъ удовольствіемъ рисунки эти, такъ живо напоминающіе замѣчательное произведеніе ваше, искренно благодарятъ васъ за поднесеніе. Сообщая вамъ объ этомъ, прошу покорнѣйше принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ къ вамъ почтеніи и преданности. Николай Зиновьевъ».

Среда (25 іюня). Предполагая, что вчера, въ день рождества Іоанна Крестителя, будетъ архіерейское служеніе въ церкви, мы отправились въ Невскую лавру, но ровно ничего не застали. Пріѣхали въ Академію — тутъ умножили знакомства безъ результатовъ продажи. Въ 5 часовъ принималъ вторую половину сестеръ милосердія, послѣ чего отправился къ Василью Антоновичу Моллеру, чтобы посмотрѣть дѣла наслѣдства—все въ изрядномъ безпорядкѣ. Я, однакоже, это все, какъ есть, соберу въ пятницу въ 10 утра, и дамъ тебѣ полное объ этомъ описаніе. Думаю все-таки съѣздить къ племянницѣ, Екатеринѣ Андреевнѣ, чтобы услышать у нея самой, ка́къ она съ вещами поступила. Потемкинъ умеръ, оставя девять тысячъ душъ и свои долги графу Рибопьеру, который объявилъ кредиторамъ, что уплатитъ имъ по третьей части капиталовъ, а намъ—цѣлый капиталъ безъ процентовъ. Однакоже, и этого еще нѣтъ въ производствѣ. Я думаю, что подарить въ Московскій рисовальный классъ картины отца, мои первыя, которыя тутъ же, и нѣкоторыя, изъ Рима привезенныя,—будетъ самымъ лучшимъ ихъ употребленіемъ. Впрочемъ, надо прежде познакомиться съ самимъ Московскимъ классомъ, содержащимся на казенный счетъ чиновниками и покровительствуемымъ вельможе-дворянами.

Среда. Сегодня и я услышалъ, что съ воскресенья появилась обо мнѣ статья въ «Сынѣ Отечества», гдѣ противоположная партія мнѣ — какъ многіе увѣряютъ: Бруни и другіе члены Академіи,—прикрылась именемъ весьма мало извѣст-

наго и плохаго литератора [1]). Статью приносятъ къ картинѣ и читаютъ, сличая. Пименовъ и другіе члены Академіи обѣщаютъ выступить съ отвѣтомъ. Онъ мнѣ говорилъ, что картина моя не поразила дворъ, какъ картина Брюлло. Однимъ словомъ, дѣло все еще такъ поставлено, что князь Оболенскій говоритъ: «Если давать будутъ дешево, то надобно будетъ въ Москву, гдѣ ее, — онъ думаетъ, — скорѣй купятъ и лучше». Сегодня уѣзжаетъ Императрица, и я жду возврата Государя уже не въ томъ смыслѣ, чтобы получить окончательно 30 тысячъ серебр. за трудъ, а только, чтобы получить окончательное его слово, по которому домогаться въ Москвѣ новаго выхода, весьма рискованнаго и неопредѣленнаго.

Четвергъ (26 іюня). Пріѣхала изъ Москвы Софья Николаевна Раевская—я ее принимаю завтра въ Академіи, и (мы ее) приглашаемъ къ обѣду. Съ приближенными Кокорева я болѣе знакомлюсь... Ты не повѣришь, что́ за дерзкую статью напечатали обо мнѣ въ «Сынѣ Отечества». Съ нею ходятъ на выставку провѣрять неученые и способные ко злу. Противоположная партія, т. е. (та, что̀) за меня, едва-ли въ состояніи отвратить вполнѣ это зло. Вечеромъ ходили на Смоленское кладбище; но не нашли ни матушкиной, ни отцовской могилы. Я тебѣ постараюсь привезти фотографическій снимокъ съ кладбища. Олимпій Васильевичъ Васильевъ имъ же интересуется. Сегодня ходилъ съ Раевскими по выставкѣ моей. Все еще ничего положительнаго для моей судьбы.

Пятница (27 іюня). Сегодня отправилъ съ Михаиломъ Петровичемъ Боткинымъ 1,850 руб. въ Москву, чтобы положить въ банкъ къ нимъ на 6 % за 100. Отъ Моллера получу вещи завтра, а сегодня вечеромъ (часть) ихъ увезетъ Сергѣй Петровичъ Постниковъ. Получилъ отъ Моллера брилліантовый перстень съ лиловымъ камнемъ въ срединѣ—я попробую его продать. Мадамъ Моллеръ показывала золотые часы съ репетиціей, и спрашивала: не наши-ли, ибо вещи, оставляемыя разными особами на сохраненіе у нея, лежатъ въ одномъ комодѣ. Я сказалъ, что спрошу тебя, не помнишь-ли

---

[1]) Рѣчь идетъ о статьѣ В. Толбина, подъ заглавіемъ: „О картинѣ Г. Иванова“ (Сынъ Отечества 1858, № 25).

ты лучше меня. Дай, пожалуйста, мнѣ отвѣтъ. Часы толстые и довольно большіе. Получилъ также медали: пять серебряныхъ и одну золотую. Три серебряныхъ должны быть твои, съ надписями: «За успѣхи въ рисованіи», а на другой сторонѣ: «Отъ Императорской Академіи Художествъ» — одна изъ нихъ меньше двухъ другихъ. Въ другихъ двухъ серебряныхъ я узнаю мои — одна толще другой вдвое. И наконецъ, моя первая золотая. Вторая золотая моя и твои обѣ, должно быть, или пропали у Екатерины Андреевны, или, можетъ быть, проданы тобой, или родителями.

Флоренціи. Если-жъ вы думаете отправиться туда для производства картона, то вы и за десять скудъ въ мѣсяцъ подобной студіи тамъ не найдете. Я съ меньшими способами въ сравненіи вашихъ, да проплатилъ 400 скудъ за два года болѣзненныхъ,—что̀ дѣлать съ несчастной непредвидѣнностью? Впрочемъ, во всемъ ваша воля, а это только мое мнѣніе.

Вещи Серебрякова во Флоренціи отдадите, или поручите взять, Фаринѣ, въ случаѣ, если вы непремѣнно оставите студію. Надѣюсь, что вы не оставите меня безъ извѣстія, что̀ скажетъ Циммерманъ на счетъ моего положенія—это меня весьма занимаетъ.

Адресуйте ко мнѣ письма по старому, въ Кафе Греко. Если-жъ вы захотите сказать что-нибудь особенное, то вотъ адресъ еще: Via Porta Pinciana, № 17, secondo piano, alla s-ra Cecilia Castelain—я тамъ бываю каждый вечеръ.

Кажется, что дѣла ваши въ Римѣ приняли желаемый видъ: все успокоилось и заснуло. Орловъ совершенно и давно оставилъ домъ горбатой, которая занята была новой задачей — прикрывать беременность Костанцы, которая недавно только начала показываться на улицу, и уже безъ живота. Этотъ секретъ, однакожъ, всѣ давно знали.

Бутеневъ все еще не посѣщалъ никого изъ художниковъ — все еще онъ живетъ въ локандѣ [1]). Никто въ немъ изъ насъ покуда не нуждался, и потому ничего нельзя объ немъ сказать. При представленіи моемъ къ нему, онъ меня странно озадачилъ вопросомъ: «Вѣдь вы всѣ, господа художники, находитесь подъ особымъ вѣдѣніемъ Кривцова?» Я отвѣчалъ, что казенные пенсіонеры непремѣнно этому подлежатъ. Онъ мнѣ: «Нѣтъ, всѣ безъ исключенія». Я ему: «Можетъ быть, но мы никакого приказанія бумажнаго на это не получали, и потому не знаемъ, въ чемъ состоитъ это вѣдѣніе». Іорданъ не представлялся со всѣми вмѣстѣ, и пришелъ чрезъ нѣсколько дней въ канцелярію, гдѣ Кривцовъ его представилъ Бутеневу, а онъ возразилъ: «Развѣ вы ко мнѣ не представлялись вмѣстѣ съ прочими художниками?»...

При представленіи всѣхъ вмѣстѣ, что̀ было послѣ моего

[1]) Т. е. въ трактирѣ.

въ немъ ничего не было, кромѣ векселя; я полагаю, что въ скоромъ времени получу другое, которое вамъ скопирую.

Какъ жаль, что вы не читаете моихъ отчетовъ въ Общество: я тамъ совсѣмъ не просился въ Палестину, потому что мнѣ уже было въ томъ отказано. Но признаюсь, еслибы были способы, то непремѣнно поѣхалъ бы: я ничего не пожалѣлъ бы, чтобы привести картину мою въ возможное совершенство.

Я начинаю вѣрить Брюлло, въ его къ вамъ признательность. Любопытно мнѣ знать, какимъ образомъ будетъ освѣщена академическая церковь, будутъ ли довольны всѣми образами? Сдѣлайте милость, пришлите мнѣ какъ ваше, такъ и другихъ мнѣніе.

Вы говорите: не стыдно ли русскому вельможѣ, умѣющему отличить хорошее отъ посредственности, отнять все въ сочиненіи моей картины. Отвѣчаю: что̀ разумѣемъ мы подъ именемъ хорошаго и посредственнаго въ искусствахъ? Между лучшими художниками въ Римѣ ка̀къ часто бываютъ споры! Одни не хотятъ смотрѣть на то, что̀ другіе превозносятъ, и обратно. Какъ же теперь не извинить вельможу, и притомъ русскаго, котораго самое воспитаніе не пріучило углубляться?

У кого изъ архитекторовъ Сережа учится? Пустились ли въ дорогу шесть новыхъ пенсіонеровъ?

LVI a.

ВЪ КОМИТЕТЪ ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНІЯ ХУДОЖНИКОВЪ.

Отъ академика Императорской Академіи Художествъ и пенсіонера онаго [1]) Александра Иванова, покорнѣйшее отношеніе.

Римъ, 20 апрѣля 1838.

Бумага почтеннѣйшаго Общества отъ 22 сентября 1837 г. застала меня въ самомъ томъ положеніи, когда, сообразивъ

[1]) Т.-е. Общества Поощренія Художниковъ.

отовсюду собранныя свѣдѣнія и облагородивъ ими воображеніе, я основывалъ на большомъ холстѣ моемъ столь давно задуманное сочиненіе—«Явленіе въ міръ Мессіи». Въ то время я, такъ сказать, забылъ все, меня окружающее, и вмѣстѣ обязанность сейчасъ удовлетворить высокихъ покровителей моихъ и отвѣтомъ, и испрошеннымъ у меня рисункомъ съ производимой картины. Упрекая себя теперь въ таковой неисправности, я одно только могъ бы привести имъ въ оправданіе: что время, болѣе усовершившее картину мою, послужило также къ улучшенію и рисунка съ оной. Повергая на усмотрѣніе эскизъ мой, имѣю честь донести высокопочтенному Обществу, что картина моя вся уже урисована, съ легкой оттѣнкой однимъ тономъ, такъ что можно видѣть отчетъ и выраженіе всѣхъ частей ея. Внимательно разбирая мнѣнія знаменитыхъ художниковъ собственнымъ разсудкомъ и вкусомъ, и безпрестанно сравнивая себя съ образцовыми произведеніями лучшей эпохи живописи, я надѣюсь на вящшее обработаніе всего начатаго.

Какъ, однакожъ, ни лестны похвалы именитыхъ современниковъ къ предпріятію такой рѣдкой задачи, какъ ни отрадно видѣть себя владѣтелемъ такимъ огромнымъ трудомъ и чувствовать увеличивающіяся силы по искусству посредствомъ онаго, но, обращаясь къ способамъ къ дальнѣйшему понесенію его, я вижу себя совершенно безопорнымъ: издержки уже и теперь превышаютъ иногда мѣсячный окладъ.

Сначала я разсчитывалъ много на хорошую плату за копію въ Ватиканѣ, но теперь мнѣ объявлено за нее только 3 т. руб.

Стыдясь трудить о новомъ вспоможеніи высокихъ моихъ покровителей, столь щедро жаловавшихъ меня прекраснымъ пенсіономъ, я не нахожу ничего приличнѣе для себя, какъ, не теряя бодрости, продолжать начатое, доколѣ не издержу послѣднихъ средствъ, отъ васъ еще остающихся.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и таковою же преданностію имѣю честь быть, высокихъ моихъ покровителей, всепокорнѣйшимъ слугою

Александръ Ивановъ.

LXX (къ стр. 133).

КЪ ЖУКОВСКОМУ [1]).

Римъ. Марта 15, 1841.

Письмо это кончалось словами:

«Все это заставляетъ меня теперь обратиться къ вамъ, какъ къ единственному моему покровителю, и всепокорнѣйше просить, дабы вы, представя положеніе мое его высочеству, защитили бы меня въ невольномъ просрочeніи, и, если можно, испросили бы у него новой милости на возможность окончить трудъ, составляющій истинное мое наслажденіе.

«Повѣряя всего себя вашему распоряженію, имѣю честь быть, в. п., покорнѣйшій слуга

Александръ Ивановъ.»

Послѣ того слѣдовала приписка: «По порученію вашему...» и т. д. [2]).

~~~~~~

LXXVa.

КЪ ЖУКОВСКОМУ.

Римъ. Октября 6, 1841.

Вслѣдствіе письма Н. В. Гоголя отъ 20 сентября, гдѣ онъ, видя мое крайнее положеніе, рѣшился васъ безпокоить моими дѣлами, я съ живѣйшею радостью слѣдую всѣмъ его совѣтамъ, и во-первыхъ препровождаю къ вамъ письмо къ Государю Наслѣднику, содержаніе коего вамъ уже извѣстно.

---

[1]) Письма Иванова къ Жуковскому, съ обозначеніемъ точныхъ чиселъ ихъ, были напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1875, т. III, стр. 365—368, съ оригиналовъ, сохранившихся въ бумагахъ В. А.; у насъ они печатались съ черновыхъ набросковъ, поэтому прибавки, сдѣланныя Ивановымъ при перепискѣ набѣло, не вошли туда и приводятся здѣсь, въ дополненіяхъ.

[2]) Художникъ сербъ, о которомъ говорится тамъ, назывался не *Станиславичъ*, какъ напечатано было у насъ, а *Станиславлевичъ*.
~~~~~~

Я только долженъ присовокупить, что 4 іюня сего года (я) просилъ о томъ же Общество Поощренія Художниковъ; но какъ секретарь онаго, г. Григоровичъ (на имя коего было адресовано письмо), при смерти боленъ, то и не думаю, чтобы оное было тамъ читано.

Сознавая себя недостойнымъ таковыхъ вашихъ обо мнѣ стараній, я не имѣю ни силъ, ни средствъ благодарить васъ. Я постараюсь, по крайней мѣрѣ, настоящимъ трудомъ моимъ сдѣлаться сколько нибудь ихъ достойнымъ.

Остаюсь съ глубочайшимъ почтеніемъ всегда готовый къ услугамъ, в. п., покорный слуга

А. Ивановъ [1]).

ПИСЬМО КЪ НАСЛѢДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ (1841 г.) [2]).

Ваше Императорское Высочество,

Всемилостивѣйшій Государь!

Вамъ угодно было осчастливить меня принятіемъ моей картины и милостиво пожаловать мнѣ трехтысячный пенсіонъ въ продолженіе трехъ лѣтъ. Гордый въ душѣ симъ высокимъ вниманіемъ и вмѣстѣ мыслію, что картина моя будетъ принадлежать вамъ, Государь, я предпринялъ произвести ее окончательнѣй и отчетливѣй, чѣмъ предполагалъ прежде, и совершеннѣй, сколько можетъ быть совершеннѣй въ границахъ силъ моихъ. Всѣ часы и дни мои были отданы ей, и, послѣ трехъ лѣтъ безпрерывной работы, я увидѣлъ съ горестью, что не могъ измѣрить прежде всей огромности труда, невозможнаго быть исполненнымъ въ означенное время. Средствъ у меня нѣтъ, заняться другимъ не могу: всякая другая работа отвлекла бы меня отъ предмета, наполняющаго нынѣ всю мою душу; притомъ я бы чувствовалъ вѣчный упрекъ на моей совѣсти, еслибы картина не была кончена.

[1]) Подъ этимъ письмомъ, какъ оно напечатано въ „Русскомъ Архивѣ" 1875, т. III, находится приписка о сербѣ Сланиславлевичѣ, помѣщенная у насъ подъ письмомъ къ Жуковскому, № LXXX.

[2]) Просьба эта была написана для Иванова Гоголемъ, и напечатана въ „Современникѣ" 1858, т. LXXII, отд. I, стр. 130—131. Ср.: Письмо Иванова къ Наслѣднику Цесаревичу, помѣщенное у насъ ниже, подъ № CXLIIIб.

этой же недѣлѣ. Я сказалъ, что не представлялся еще Императрицѣ, и что жду со дня на день этого счастливаго дня. Кокоревъ купилъ у меня нѣкоторые этюды, что̀, конечно, въ этомъ нерѣшительномъ положеніи со стороны правительства дѣлаетъ рѣшеннымъ уже четвертую тысячу рублей. Онъ купилъ: эскизъ, ближайшій къ картинѣ, голову мальчика въ тѣни, и виды Тиволи съ Монтичелли. Другихъ откупщиковъ жду сегодня. Замѣчательна моя просьба къ Ч—скому о переводѣ нѣкоторыхъ строкъ съ нѣмецкаго, относящихся къ будущимъ моимъ занятіямъ.... Вчера обѣдали у Орловой, урожденной Раевской, и у Орловой, урожденной Кривцовой. Первую ты знаешь, т.-е Екатерину Николаевну: помнишь, что̀ упала съ осла близъ Браччіано, и повредила себѣ кость правой руки, или лучше — родная сестра почивающей во Фраскати Елены Николаевны.

Воскресенье. Узнавъ отъ Іордана о жительствѣ князя Вяземскаго, бывшаго товарища министра народнаго просвѣщенія, я къ нему поѣхалъ въ Лѣсной корпусъ. Тамъ засталъ Плетнева съ женой — говорили о путешествіи ко святымъ мѣстамъ. Онъ мнѣ сказалъ, что Императрица будетъ въ среду въ Петербургѣ для панихиды Николаю Павловичу, и что весьма возможно, что заѣдетъ ко мнѣ въ Академію. Спрашивалъ: что̀ это я, вѣроятно, желалъ выдать родъ коллекціи рисунковъ библейско-евангельскихъ? Разломанный ящикъ уже подалъ мысль къ этимъ толкамъ. Къ обѣду пришелъ Богдановъ, молодой нашъ скрипачъ, отличенный въ чужихъ краяхъ, — это братъ танцовщицы; потѣшилъ насъ звуками. Потомъ отправился я къ сестрамъ милосердія, которыхъ жду завтра къ себѣ, въ 5 часовъ по полудни.

Понедѣльникъ (23 іюня). Отвозилъ книги къ Ч—скому: онъ обѣщался увѣдомить на квартиру о переводчикѣ съ нихъ. Пробылъ долго въ Государственной Библіотекѣ, гдѣ завалили меня и Стасовъ, и Горностаевъ разными увражами, но интересамъ моимъ мало удовлетворили — за ними нужно обратиться къ Маріи Николаевнѣ. Послѣ обѣда принималъ сестеръ милосердія. Пріѣхалъ придворный лакей и привезъ слѣдующую бумагу: «Доставленные ваши четыре экземпляра фотографическаго рисунка съ картины вашей

«Явленіе Спасителя передъ народомъ въ то время, когда Іоаннъ крестилъ іудеевъ, обращая ихъ въ вѣру истинную»— поднесены мною по желанію вашему ихъ императорскимъ высочествамъ: Государю Наслѣднику Цесаревичу и великимъ князьямъ Александру, Владиміру и Алексѣю Александровичамъ. Ихъ высочества, принявъ съ особеннымъ удовольствіемъ рисунки эти, такъ живо напоминающіе замѣчательное произведеніе ваше, искренно благодарятъ васъ за поднесеніе. Сообщая вамъ объ этомъ, прошу покорнѣйше принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ къ вамъ почтеніи и преданности. Николай Зиновьевъ».

Среда (25 іюня). Предполагая, что вчера, въ день рождества Іоанна Крестителя, будетъ архіерейское служеніе въ церкви, мы отправились въ Невскую лавру, но ровно ничего не застали. Пріѣхали въ Академію — тутъ умножили знакомства безъ результатовъ продажи. Въ 5 часовъ принималъ вторую половину сестеръ милосердія, послѣ чего отправился къ Василью Антоновичу Моллеру, чтобы посмотрѣть дѣла наслѣдства—все въ изрядномъ безпорядкѣ. Я, однакоже, это все, какъ есть, соберу въ пятницу въ 10 утра, и дамъ тебѣ полное объ этомъ описаніе. Думаю все-таки съѣздить къ племянницѣ, Екатеринѣ Андреевнѣ, чтобы услышать у нея самой, ка́къ она съ вещами поступила. Потемкинъ умеръ, оставя девять тысячъ душъ и свои долги графу Рибопьеру, который объявилъ кредиторамъ, что уплатитъ имъ по третьей части капиталовъ, а намъ—цѣлый капиталъ безъ процентовъ. Однакоже, и этого еще нѣтъ въ производствѣ. Я думаю, что подарить въ Московскій рисовальный классъ картины отца, мои первыя, которыя тутъ же, и нѣкоторыя, изъ Рима привезенныя,—будетъ самымъ лучшимъ ихъ употребленіемъ. Впрочемъ, надо прежде познакомиться съ самимъ Московскимъ классомъ, содержащимся на казенный счетъ чиновниками и покровительствуемымъ вельможе-дворянами.

Среда. Сегодня и я услышалъ, что съ воскресенья появилась обо мнѣ статья въ «Сынѣ Отечества», гдѣ противоположная партія мнѣ — какъ многіе увѣряютъ: Бруни и другіе члены Академіи,—прикрылась именемъ весьма мало извѣст-

Я принялъ смѣлость прибѣгнуть къ вашему великодушію, Государь, молить о продолженіи мнѣ пенсіона еще на три года, въ продолженіе которыхъ я надѣюсь несомнѣнно, при моихъ безпрерывныхъ трудахъ, привести ее къ окончанію. Простите, Государь! Ваше высокое покровительство художествамъ и великодушное поощреніе всего русскаго одни могли внушить мнѣ мысль сію.

Съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія къ особѣ Вашего Императорскаго Высочества,

вѣрноподданный
Александръ Ивановъ.

LXXXIV (къ стр. 151).

КЪ ЖУКОВСКОМУ.

Римъ. Сентября 4, 1842.

Въ письмѣ этомъ, напечатанномъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1875, т. III, оказались слѣдующія вставки, очевидно сдѣланныя Ивановымъ при перепискѣ на-чисто:

1. (Послѣ словъ: «Теперь вся надежда на Общество Поощренія Художниковъ.») Нынѣшній секретарь онаго, Мод. Дм. Рѣзвой, взявшись горячо за мое дѣло, сказалъ такъ: «произведеніе Иванова выходитъ изъ ряду обыкновенныхъ и должно принадлежать къ тѣмъ, коими справедливо будетъ гордиться наше отечество, и потому способствовать къ его удачному исполненію есть благородный порывъ всякаго добраго патріота.» Многіе изъ членовъ того же мнѣнія:» и т. д.

2. (Послѣ словъ: «Напротивъ, я этимъ только и буду утѣшаться всю остальную жизнь.») «Кромѣ того, желаю, чтобы мои соотечественники — художники шли бы той же трудной стезей строгаго ученія; чтобы во всякомъ произведеніи ихъ замѣтна была жажда чистой идеи объ искусствѣ лучшаго времени Италіи; чтобы не бросались они ни въ шуточный жанръ, ни въ акварель, ни въ радужный колеръ, ни въ быстроту эскизнаго исполненія, —заразительныя введенія нашихъ пришлецовъ, ломающихъ

искусство въ способы, чтобы жить со всѣми прихотями роскоши и забавъ, не думая о послѣдствіяхъ и не зная отечества.»

Письмо кончалось словами:

«Съ истиннымъ уваженіемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть вашъ покорный слуга

Александръ Ивановъ.»

LXXXVIIIa.

КЪ МОЛЛЕРУ [1]).

Римъ. Января $^{2}/_{14}$, 1843.

Любезнѣйшій Федоръ Антоновичъ!

Получилъ я ваше послѣднее письмо наканунѣ нашего новаго года. Вечеромъ читалъ его Н. В. Гоголю — мы радовались. Но въ тоже время Гоголь сказалъ, что онъ видѣлъ Амалію въ окно весьма похудѣвшею: она больна (кашляетъ). Я тоже слышалъ, что она, вспоминая васъ, весьма тоскуетъ, хотя и въ связи съ Орловымъ на тѣхъ же условіяхъ, что́ и съ вами, но онъ не живетъ у нихъ. Это все равно, потому что влюбленный въ нее Орловъ признался въ своей страсти Шаповалову, взявъ съ него слово отнюдь никому объ этомъ не говорить. Мнѣ онъ, однакожъ, не могъ не сказать, потому что между нами ничего нѣтъ тайнаго, а я вамъ говорю здѣсь по той же причинѣ. Орловъ говоритъ, что Амалія когда вспоминаетъ объ васъ, то вздыхаетъ и плачетъ, а меня проклинаетъ. Я встрѣтилъ Амалію въ первый разъ недѣль съ пять назадъ, шедши скорымъ шагомъ, вечеромъ, отъ Гоголя. Она мнѣ закричала въ негодованіи: «Corri, corri! Possi esser scannato» [2]). Я смолчалъ. Мѣсяцъ назадъ я опять ее встрѣтилъ, днемъ, съ матерью и Костанцей, на площади S. Giovanni Laterano,—она мнѣ говоритъ: «Addio, s-re Alessandro, buona sera» [3]), а потомъ въ полголоса: «Si ricordera»... [4])

---

[1]) Письма Иванова къ Моллеру печатаются съ оригиналовъ, хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

[2]) Бѣги, бѣги! Чтобъ тебя задавило!

[3]) Прощайте, синьоръ Александръ, добрый вечеръ.

[4]) Попомнишь...

Шедши скоро, я не слыхалъ остальныхъ словъ. Тогда она казалась мнѣ весьма здоровою — онѣ всѣ были такъ разряжены, что я едва узналъ ихъ съ перваго взгляда. Я спрашивалъ Н. В. Гоголя, что̀ теперь мнѣ дѣлать? какъ поступить? Онъ опять говоритъ, что не нужно, чтобы вы пріѣзжали въ Римъ. Всѣ эти подробности я сегодня рѣшился сообщить вамъ. Хорошо бы было, еслибы вы ихъ пересказали зятю вашему Глазенапу, уже знающему ваше положеніе, и просили бы у него совѣта, а я между тѣмъ поразвѣдаю черезъ Луппи и черезъ Шаповалова у Костанцы и Орлова поподробнѣе обо всемъ этомъ, и, если что̀ узнаю, не премину вамъ сообщить.

Признаюсь вамъ откровенно, что какъ ни важны матеріальныя пособія, доставленныя мнѣ посредствомъ васъ отъ Государя, но безпокойства душевныя едва ли позволятъ мнѣ пользоваться ими.

Скажите, куда къ вамъ писать? Вѣдь, я думаю, Петербургъ вы скоро уже оставите.

Вамъ душевно преданный

Александръ Ивановъ.

Кланяйтесь моимъ домашнимъ; скажите мнѣ о здоровьѣ моего батюшки, съ такою же откровенностію, какъ я съ вами теперь говорилъ, и разцѣлуйте брата за меня, за его успѣхи по искусству.

XCII а.

КЪ МОЛЛЕРУ.

Римъ, 22 марта 1844.

Пошлите Великанову вексель, или, лучше, попросите отдать за васъ деньги хозяину студіи. Только одинъ Фарина знаетъ, за сколько именно мѣсяцевъ вы остаетесь должны. Великановъ же вамъ и отпишетъ, сколько заплатить.

Если вы въ половинѣ іюня рѣшились уже пріѣхать въ Римъ, то, разумѣется, что лучше отказаться отъ студіи во

Флоренціи. Если-жъ вы думаете отправиться туда для производства картона, то вы и за десять скудъ въ мѣсяцъ подобной студіи тамъ не найдете. Я съ меньшими способами въ сравненіи вашихъ, да проплатилъ 400 скудъ за два года болѣзненныхъ,—что̀ дѣлать съ несчастной непредвидѣнностью? Впрочемъ, во всемъ ваша воля, а это только мое мнѣніе.

Вещи Серебрякова во Флоренціи отдадите, или поручите взять, Фаринѣ, въ случаѣ, если вы непремѣнно оставите студію. Надѣюсь, что вы не оставите меня безъ извѣстія, что̀ скажетъ Циммерманъ на счетъ моего положенія—это меня весьма занимаетъ.

Адресуйте ко мнѣ письма по старому, въ Кафе Греко. Если-жъ вы захотите сказать что-нибудь особенное, то вотъ адресъ еще: Via Porta Pinciana, № 17, secondo piano, alla s-ra Cecilia Castelain—я тамъ бываю каждый вечеръ.

Кажется, что дѣла ваши въ Римѣ приняли желаемый видъ: все успокоилось и заснуло. Орловъ совершенно и давно оставилъ домъ горбатой, которая занята была новой задачей — прикрывать беременность Костанцы, которая недавно только начала показываться на улицу, и уже безъ живота. Этотъ секретъ, однакожъ, всѣ давно знали.

Бутеневъ все еще не посѣщалъ никого изъ художниковъ — все еще онъ живетъ въ локандѣ [1]). Никто въ немъ изъ насъ покуда не нуждался, и потому ничего нельзя объ немъ сказать. При представленіи моемъ къ нему, онъ меня странно озадачилъ вопросомъ: «Вѣдь вы всѣ, господа художники, находитесь подъ особымъ вѣдѣніемъ Кривцова?» Я отвѣчалъ, что казенные пенсіонеры непремѣнно этому подлежатъ. Онъ мнѣ: «Нѣтъ, всѣ безъ исключенія». Я ему: «Можетъ быть, но мы никакого приказанія бумажнаго на это не получали, и потому не знаемъ, въ чемъ состоитъ это вѣдѣніе». Іорданъ не представлялся со всѣми вмѣстѣ, и пришелъ чрезъ нѣсколько дней въ канцелярію, гдѣ Кривцовъ его представилъ Бутеневу, а онъ возразилъ: «Развѣ вы ко мнѣ не представлялись вмѣстѣ съ прочими художниками?»...

При представленіи всѣхъ вмѣстѣ, что̀ было послѣ моего

---

[1]) Т. е. въ трактирѣ.

и Шаповалова представленія, Бутеневъ спросилъ: «Развѣ Иванова и Шаповалова здѣсь нѣтъ?» Все это вмѣстѣ, разумѣется, оттолкнуло всѣхъ насъ отъ него, такъ что я сейчасъ придѣлалъ еще новую задвижку къ своей студіи, такъ что теперь трудно попасть и на лѣстницу.

Графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ тоже давно здѣсь, но ни у кого изъ насъ не былъ. Патріоты, выкрашенные образованностію европейскою! Бруни чертитъ картоны для Исакіевской церкви. Іорданъ отпечаталъ великолѣпный трудъ свой, и взволновался до лихорадки. Да, въ положеніе гравера мы не можемъ войдти. Восемь лѣтъ трудиться, и въ одинъ день узнать всѣ недостатки навѣрное! Пищалкинъ испортилъ доску, травя, и вотъ двухлѣтній трудъ пропалъ ни за что. Такова участь «Вознесенія на небо Богородицы» съ Брюлло.

Казино, или залъ забавъ русскихъ художниковъ, царствуетъ и цвѣтетъ на счетъ ихъ успѣховъ.

Прощайте, кланяйтесь Циммерману, Колоннѣ и Эльсону, съ которымъ пошлите мнѣ чулки и кусокъ сѣти на окно отъ мухъ.

Вамъ преданный

Ивановъ.

CII a.

КЪ МОЛЛЕРУ.

Римъ, 12 ноября 1844.

Третьяго дня получилъ я письмо отъ Гоголя. Вотъ что тамъ мнѣ сказано:

«Съ вами ли Моллеръ? Если онъ съ вами, то обнимите его, и попрекните его, что не отзывается ко мнѣ».

Я здѣсь приписываю его адресъ: «Во Франкфуртъ на Майнѣ, Salzwedelsgarten, vor dem Schaumenthor» — такимъ образомъ значитъ домъ Жуковскаго, въ которомъ Гоголь вмѣстѣ съ нимъ живетъ.

Вчера получилъ письмо отъ брата изъ Москвы, и вотъ его слова:

«Конст. Андр. Тонъ получилъ Высочайшее повелѣніе ѣхать въ Англію для представленія англійской королевѣ рисунковъ московскаго Кремлевскаго дворца, и съ тѣмъ вмѣстѣ объѣхать всю Европу. Онъ хочетъ проѣхать изъ Лондона въ Парижъ, а оттуда въ Италію, въ Римъ, къ тебѣ, что̀, я думаю, будетъ въ декабрѣ. Онъ принимаетъ теперь въ тебѣ большое участіе», и проч.

Къ намъ уже утвержденъ Киль. Вчера прибыла сюда бумага изъ Петербурга. У меня что-то сегодня голова начинаетъ кружиться.

У васъ ли еще Чижовъ? Пожалуйста, скажите ему, чтобы онъ поторопился въ Римъ—уже онъ сдѣлался послѣдней необходимостью для меня. Не познакомились ли вы черезъ него съ Наполеономъ во Флоренціи? Что графъ della Porta? —кланяйтесь ему отъ меня. Когда вы думаете пріѣхать въ Римъ? Однакожъ, можетъ быть, Киль для вашихъ дѣлъ здѣсь будетъ полезенъ, но только нужно, чтобы вы тутъ были на лицо. А мнѣ ужъ совершенная бѣда приходитъ, потому что я уже съ нимъ имѣлъ самую непріятную штуку.

Пожалуйста, не трудитесь отвѣчать на это письмо, безъ особенной надобности.

Справьтесь у Великанова: не давалъ ли ему Языковъ рисунковъ съ древностей русскихъ, для меня?

Вы были свидѣтелями великой сцены во Флоренціи. Вѣдь, я думаю, что наводненіе было поразительно и ужасно.

Пожалуйста, Чижова-то скорѣе въ Римъ. Чрезъ Наполеона хорошо бы Чижову было знакомство составить и въ Римѣ.

Вамъ совершенно преданный
Александръ Ивановъ.

Гоголю я ужъ отвѣчалъ. Объ васъ сказалъ, что вы во Флоренціи, и что посылаю къ вамъ его адресъ, что̀ и исполняю.

CXXXVI a.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ [1]).

Римъ, 10 сентября 1846.

Невинной и высокой душѣ иногда, и даже часто, такъ скучно бываетъ, что она жаждетъ перестать существовать между людьми, непостигающими высокихъ истинъ, между потерявшими свою невинность въ тщеславіи житейскомъ, и, слѣдовательно, сдѣлавшимися гонителями и ненавистниками всего, имъ противоположнаго.

Сегодня, 10-го числа сентября 1846, мнѣ поданъ былъ счетъ хозяйкой. Не помня, сколько я тамъ жилъ, я думалъ, что она хочетъ, чтобы я ей заплатилъ за разстояніе между уѣздомъ въ Помпею и сегоднишнимъ днемъ, и очень этимъ встревожился. Хотѣлъ идти въ «правительство»—подымать на нее Михайлова и Ставассера, тогда какъ, послѣ, сей послѣдній сказалъ мнѣ, что я точно столько дней здѣсь живу, сколько поставлено въ счетѣ. Я успокоился, пришелъ по старому въ себя, и записалъ этотъ фактъ моей жизни, чтобы знать, къ какой глупой тревогѣ я способенъ.

CXLIII a.

КЪ ГЕРЦОГУ ЛЕЙХТЕНБЕРГСКОМУ [1]).

(Римъ. Весна? 1847.)

Полное довольство Государя Императора моимъ трудомъ и крайняя моя бѣдность [2]) подали мнѣ случай просить его вспомоществованія, для окончанія моего огромнаго предпріятія, представляющаго ту минуту, когда Іоаннъ Креститель, приведя къ раскаянію всѣ сословія людей, указываетъ имъ

[1]) Получено отъ кн. Ѳ. С. Щербатова.

[2]) Прежде Ивановъ написалъ: „и милостивое его ко мнѣ вниманіе“, но потомъ зачеркнулъ эту фразу.

грядущаго Спасителя [1]). Картина—вышиною 7, а въ ширину—10 аршинъ.

Прошлаго года, сентября 27, мнѣ прочитана была бумага въ посольствѣ римскомъ, со врученіемъ векселя въ 5 тысячъ рублей ассигнаціями и съ обязательствомъ подписать бумагу, чтобы кончить картину въ годъ.

Подписавъ такое требованіе, я вполнѣ былъ увѣренъ, что агенты [2]) здѣшніе совершенно (подчинены) будутъ вашему высочеству, какъ главному начальнику и покровителю всѣхъ русскихъ художниковъ.

Я вскорѣ захворалъ, и такимъ образомъ не занимался производствомъ (картины) полгода. Но такъ какъ агенты римскіе потребовали съ меня росписку, не въ состояніи (будучи) понять ни меня, ни моего труда [3]), то я и прошу покорнѣйше особаго покровительства вашего высочества, какъ образованнѣйшаго президента Академіи, дабы вы благоволили позволить мнѣ доставить обратно помянутыя пять тысячъ до совершеннаго окончанія моего труда. При безденежьи трудно художнику совершить важныя предпріятія, однакожъ все легче, чѣмъ мучиться и изнывать.

Горестное... [4]).

CXLIII б.

КЪ НАСЛѢДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ [5]).

Римъ, 4 іюля 1847.

Ваше Императорское Высочество,
Всемилостивѣйшій Государь!

Благодаря пособію, милостиво оказанному мнѣ въ бытность вашу въ Римѣ, я довелъ картину мою до такой сте-

---

[1]) Сперва было сказано просто: „предпріятія, представляющаго первое явленіе въ міръ Спасителя“.

[2]) Сперва было написано: „экзекуторы“.

[3]) Прежде Ивановъ написалъ: „ни художника, ни его трудовъ“.

[4]) Въ черновомъ наброскѣ конца нѣтъ.

[5]) Нынѣшнему Государю Императору. — Письмо это выписано нами изъ дѣлъ Академіи Художествъ.

пени, что самъ Государь Императоръ, посѣтивъ мою студію, удостоилъ меня своей Высочайшей благодарности, подтвердивъ ее еще разъ, увидя меня въ своихъ покояхъ.

Крайняя надобность въ способахъ для окончанія моего труда вызвала меня воспользоваться симъ счастливымъ случаемъ—испросить восемнадцать тысячъ рублей ассигнаціями на совершенное его окончаніе. Бумагу мою отправили на разсмотрѣніе въ Академію Художествъ, которая, не видя во мнѣ спѣшнаго производителя, отказалась за меня ходатайствовать, и все кончилось врученіемъ мнѣ пяти тысячъ рублей ассигнаціями изъ канцеляріи посольства нашего въ Римѣ, съ тѣмъ, чтобы непремѣнно кончить картину въ одинъ годъ, срокомъ къ октябрю текущаго года.

Такой жестокій оборотъ дѣлъ моихъ заставляетъ меня прибѣгнуть къ вашему великодушію, Государь, молить васъ о содѣйствіи—предупредить угрожающую мнѣ напасть, что̀ въ состояніи разрушить мои силы и здоровье до того, что (я) не только никогда не буду въ состояніи окончить моего настоящаго труда, всей душой любимаго, но и впредь ни къ чему уже не сдѣлаюсь способнымъ.

Простите, Государь: ваше высокое покровительство къ художествамъ и великодушное поощреніе всего русскаго одни могли внушить мысль сію.

Съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія къ особѣ Вашего Императорскаго Высочества

вѣрноподданный

Александръ Ивановъ.

CXLV а.

КЪ МОЛЛЕРУ.

Флоренція. Августа 31, 1847.

Софья Петровна Апраксина, вникнувъ въ подробный разсказъ мой о положеніи вашей правой руки, убѣдительно просила меня препроводить къ вамъ адресы двухъ, особенно дѣ-

лавшихъ чудеса въ подобныхъ случаяхъ, что̀ я со всей охотой спѣшу вамъ сообщить, и, вмѣстѣ съ ея высокодобросердечнымъ семействомъ, весьма буду радъ, если сей способъ поможетъ совершенному исправленію вашей руки.

Въ Петербургѣ: купецъ Аверинъ, въ Галерной улицѣ, въ собственномъ домѣ.

Въ Москвѣ: адресоваться къ Александру Христіановичу Штейну, въ Медвѣжьемъ переулкѣ, за Тверскими воротами, въ домѣ купца Борисова,—спросить адресъ той лѣкарки, что̀ вылѣчила дочь г-на Ватейха отъ глазной болѣзни.

Много данныхъ надѣяться, что наши внутреннія художническія дѣла въ Римѣ примутъ лучшій оборотъ. Прощайте, до скораго свиданія.

Васъ глубоко уважающій
Александръ Ивановъ.

CLIXa.

КЪ МОЛЛЕРУ.

Римъ, 14 ноября 1848.

Вы теперь въ семействѣ. Какъ ни горестенъ вашъ ударъ [1]), однакожъ многочисленный кругъ родныхъ, берущихъ равное участіе и вполнѣ вамъ сочувствующихъ, много можетъ облегчить и успокоить васъ. Извѣстіе о пароходѣ, ожидавшемъ васъ въ Чивитта-Веккіи, меня много встревожило, но вы уже, конечно, не долго тутъ останавливались. Орелъ вашъ живъ, и все еще у васъ. Микеле я вижу часто—онъ доставилъ намъ «Музео борбонико». Я выдалъ ему за первую среду двѣ скуды.

Сейчасъ получилъ отъ племянницы письмо — полиція съ ней дѣлаетъ чудеса. Какъ мы оба этимъ ни были встревожены, но, вѣря въ васъ, всѣ чувства наши приходятъ опять въ порядокъ.

Пожалуйста, поторопитесь выручить нашу племянницу

[1]) Смерть отца Моллера.

изъ тѣсноты положенія. Все, что вы ни сдѣлаете, все будетъ хорошо.

Вамъ преданный
Александръ Ивановъ

CLXI а.

КЪ МОЛЛЕРУ.

Римъ, *25 Декабря 1848 стар. ст. / 6 января 1849 нов. ст.*

Насъ не мало изумило письмо ваше отъ 3 декабря. Мы гораздо предъ отъѣздомъ вашимъ отсюда дали, вслѣдствіе законовъ, двѣ копіи съ данной вамъ нашей довѣренности, чтобы одну изъ нихъ переслать въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ. Теперь мы снова сдѣлали двѣ, по вашему назначенію, и вчера же послали, посредствомъ князя Г. П. Волконскаго, къ Бутеневу въ Неаполь, откуда ихъ съ курьеромъ немедленно перешлютъ къ вамъ, а другой экземпляръ въ Иностранную Коллегію—обѣихъ довѣренностей, какъ по имѣнію, такъ и по полученію денегъ изъ Ломбарда. Сестрѣ же нашей сегодня посылаемъ копіи съ нихъ, прося ее то же сдѣлать со своей стороны. Трудно представить себѣ, чтобъ ея бумаги застали еще васъ въ Петербургѣ, а между тѣмъ истекаетъ уже 6-ти-мѣсячный законный срокъ по смерти отца, послѣ чего все имѣніе можетъ быть продано съ публичнаго торга полиціей. Просимъ васъ по крайней мѣрѣ предупредить этотъ ударъ.

Прежде чѣмъ случится вамъ дѣлить капиталъ нашъ, находящійся въ Ломбардѣ, потрудитесь вычесть изъ него 445 рублей серебромъ, присланные сестрой нашей отцу въ 1847 году, отъ 6 апрѣля, на содержаніе сына ея Льва въ корпусѣ. Были еще отъ сестры присланы деньги—1500 асс. на приданое племянницѣ нашей, но гдѣ они, у ней ли?—объ этомъ вы ее спросите. Если же въ Ломбардѣ, то и ихъ вычтите. Вычтите 3000 руб. асс., оставленные мною; вычтите 2000 рублей асс., оставленные братомъ. Вычтите деньги, въ

три раза полученные племянницей отъ Василія Антоновича, отъ Чернягина и вашей матушки, и 100 рублей серебр., послѣдній разъ данные вами племяннику, а также небольшіе долги, если есть,—квартирныя и другія, могущія еще быть, издержки, и, сдѣлавъ всѣ эти вычеты, изъ оставшейся суммы выдѣлите десятую часть на имя сестры; остальное же раздѣлите на двѣ части въ разные билеты, каждому изъ насъ.

Въ новой довѣренности мы не упоминаемъ о тяжебномъ дѣлѣ Засена: оно не входитъ въ довѣренность по наслѣдству, и, собственно говоря, дѣло только мое. Я далъ Засену 1200 рублей на путешествіе изъ Рима въ Петербургъ. По увѣренію брата, отецъ взялъ 2000 рублей асс. въ видѣ залога, чтобъ ходить по этому дѣлу. Подробностей этого дѣла ни я, ни онъ, мы не знаемъ, но еслибъ можно было его окончить, потребовавъ по крайней мѣрѣ отцовскіе 2000, то было бы уже очень хорошо. Поговорите объ этомъ съ племянницей: можетъ быть, изъ ея рѣчей вы составите вѣрное заключеніе.

Нельзя ли сдать скорѣе нашу большую и дорогую квартиру съ рукъ и расплатиться окончательно съ хозяиномъ? Племянница съ племянникомъ Александромъ, будущимъ офицеромъ, могутъ взять поменьше и продать лишнюю мебель. Если бы можно было сложить къ нимъ картины и рисунки на сохраненіе, до моего пріѣзда, то это бы было тоже очень хорошо.

Просимъ васъ взять отъ племянницы наши медали и привезти ихъ сюда, а также и золотую табакерку и медальонъ отца съ портретомъ; перстень же брилліантовый—продать.

Нашей крѣпостной Маринѣ просимъ васъ покорнѣйше дать вольную, не смотря на всѣ упорства племянницы нашей, и все то, что̀ я предполагалъ тутъ,—исполнить. Вообще во всемъ просимъ васъ дѣйствовать полнымъ хозяиномъ. Мы бы даже просили васъ предать огню нѣкоторыя изъ картинъ, какъ наприм. моего «Діогена съ Александромъ», огромную иллюминацію, писанную для Лисянскаго, и двухъ большихъ «Петровъ Первыхъ». Большія же картины лучшаго времени отца: «Бой Усмаря съ печенѣгомъ», «Смерть Кульнева», потрудитесь помѣстить въ залахъ Академіи до моего пріѣзда, какъ онѣ и были тамъ до отъѣзда брата Сергѣя за границу.

Микеле я извѣщалъ о вашемъ къ нему вниманіи—онъ былъ очень доволенъ.

Остаюсь съ истиннымъ почтеніемъ вамъ преданный

Александръ Ивановъ.

CLXI б.

КЪ МОЛЛЕРУ [1]).

Римъ. Декабря 29, 1848.

Опасаясь, чтобъ послѣднія мои письма изъ Рима не смутили бы вашихъ дѣйствій, я еще разъ теперь пишу къ вамъ, чтобъ вполнѣ подтвердить полную мою довѣренность о уполномоченности распоряженій (вашихъ) въ разсужденіи оставшагося имѣнія нашего покойнаго батюшки.

Племянница если не захочетъ жить съ братомъ своимъ, и если племянникъ не будетъ еще произведенъ въ офицеры, то помѣстите ее къ дядѣ нашему, Егору Ивановичу Демерту, какъ мы прежде сказали. Квартиры для нея и для оставшейся мебели никакъ нельзя оставлять, а равнымъ образомъ и на возвратъ брата Сергѣя ей нечего разсчитывать. Три тысячи, которыя мы ей сообща обѣщали въ видѣ приданаго, могутъ быть употреблены вами и теперь на ея нужды и содержаніе, но только болѣе этихъ трехъ тысячъ мы ей не можемъ удѣлить ни теперь, ни послѣ, ни на содержаніе, ни на приданое. Мы очень боимся ея молодости и женской недальновидности, и потому просимъ васъ придумать способъ, какъ ей давать наши деньги, чтобы онѣ не могли быть издержаны всѣ въ одинъ мѣсяцъ.

Здѣсь выставляю, къ свѣдѣнію вашему, нѣсколько словъ изъ письма сестры нашей Катер. Андр., изъ Севастополя:

«Любезные братья мои, увѣдомляю васъ, что въ числѣ находившихся у батюшки денегъ были посланные мною четыреста сорокъ пять руб. серебромъ, на плату за сына моего

---

[1]) Къ нему же, какъ видно, было адресовано и письмо № CLXI, напечатанное у насъ, на стр. 260, какъ „Къ неизвѣстному“.

Льва, по 160 руб. сереб. въ годъ, въ корпусъ,—это было въ 1847 году, отъ 6 апрѣля. Потомъ посланы были тысяча пятьсотъ руб. ассигнаціями, въ пользу моей дочери Катюши. Нынѣшній же разъ, по причинѣ смерти батюшки и запечатанія всего, я вынуждена была выслать для уплаты въ корпусъ слѣдуемыя въ октябрѣ мѣсяцѣ деньги отсюда вновь» [1]).

Мы со своей стороны ей тоже объявили, что каждый изъ насъ предъ выѣздомъ своимъ въ чужіе краи оставилъ: я—три тысячи руб. ассигнаціями, братъ Сергѣй—двѣ тысячи ассигнаціями, чтобъ положить въ Ломбардъ, и потому, за вычетомъ этихъ ея и нашихъ суммъ, мы васъ просимъ весь капиталъ раздѣлить на три части, т.-е., сестрѣ отдѣливъ десятую часть по законамъ, раздѣлить пополамъ капиталъ такъ, чтобъ братъ Сергѣй могъ взять свою часть, когда ему понадобится.

Вчера я имѣлъ удовольствіе слышать вѣсти объ васъ отъ Елены Николаевны Раевской—жду отъ васъ письма съ нетерпѣніемъ. У васъ въ студіи все въ порядкѣ: орелъ живетъ, Микеле получаетъ каждую среду по двѣ скуды.

Я вамъ писалъ о Сорокинѣ, но такъ какъ письма могутъ и пропадать, то я здѣсь опять повторяю мое письмо:

Онъ дѣлалъ на конкурсъ вмѣстѣ съ Константиномъ Григоровичемъ, а такъ какъ у него была весьма замѣчательная программа, то Василій Ивановичъ Григоровичъ далъ Сорокину мѣсто внутри Россіи, съ тѣмъ, чтобы не выставлялъ своей онъ картины.

О Сорокинѣ я давно слышалъ, что онъ имѣетъ способности, какими никто еще не былъ надѣленъ изъ учившихся въ Академіи. Узнайте и справьтесь, пожалуйста, обо всемъ этомъ у его роднаго брата и Маркова. Сами согласитесь: если все это, что̀ тутъ сказано, правда, то уже величайшій подвигъ со стороны вашей будетъ, если Сорокина выручить изъ тьмы мірскихъ выгодъ на свѣтъ Божій, въ Римъ. Что касается до меня, то я готовъ тутъ употребить деньги на его путешествіе и первую его здѣсь обстановку.

---

[1]) Приписка Иванова сбоку: „Такъ какъ мы объ этихъ деньгахъ никогда ничего не знали, то просимъ васъ выспросить объ нихъ свѣдѣнія отъ племянницы, а особливо о посланныхъ въ ея пользу“.

Судя по отзывамъ Капкова, этотъ нашъ талантъ желалъ отдать себя въ жертву своимъ родителямъ и брату, но мы теперь должны видѣть въ этомъ только превосходную душу русскую и не допускать до паденія прекрасныхъ его способностей по искусству. Если онъ согласится жить вмѣстѣ со мной въ одномъ здѣсь домѣ, то тутъ можетъ быть весьма полезная связь между молодымъ историческимъ живописцемъ и мною.

Вполнѣ истинно васъ уважающій

Александръ Ивановъ.

CLXI в.

КЪ МОЛЛЕРУ.

Римъ. Января 9, 1849.

Федоръ Антоновичъ! Ввѣривъ вамъ прочтеніе фамильныхъ нашихъ бумагъ и, слѣдовательно, всѣ тайны нашего семейства, я за необходимое нахожу скопировать здѣсь доносъ племянника Льва на племянницу нашу, Катерину Андреевну, только что вчера нами полученный:

«Любезные дядюшки Александръ и Сергѣй Андреевичи! «Сестра моя не приминула взять всѣ векселя на неизвѣст«наго, которые находились у дѣдушки; забрала всѣ ваши «медали и другія вещи съ намѣреніемъ, что если вы не за«хотите содержать ее, то она эти вещи присвоитъ себѣ. На«чала жить открыто—женихъ ея Артамонъ Ивановичъ [1]) имѣлъ «у нея постоянное жительство; она купила лошадь, бричку «и ѣздитъ къ Пильману, на минеральныя воды и въ другія «увеселительныя мѣстá. Наняла дачу, а между прочимъ «братьямъ своимъ начала говорить, что ей не на что ихъ «кормить по праздникамъ».

Не побрезгайте сальностью поведенія моихъ племянниковъ: это все люди молодые, теперь безъ малѣйшаго присмотра, оставленные на полную волю ихъ неустроенныхъ характеровъ. Здѣсь нужно только взять мѣры, чтобы племянница не могла промотать намъ оставленнаго имѣнія, и

---

[1]) Весли, англичанинъ.

потому, если можно картины и рисунки отъ нея отобрать, то было-бы гораздо лучше. Мы начинаемъ подозрѣвать, не прожила-ли она деньги, присланныя нашей сестрой на ея приданое, а равнымъ образомъ и на содержаніе брата ея Льва въ корпусѣ? Хорошо бы придумать средства обрѣзать у ней всѣ способы жить въ долгъ, но я не знаю, ка́къ это можно сдѣлать, не подавая ей ни малѣйшаго подозрѣнія, что мы объ ней дурно начинаемъ думать, ибо это поведетъ ее еще болѣе къ собственному своему распаденію и увеличенію нашего горя. Во всякомъ случаѣ ей скажите, что она будетъ получать не изъ Академіи обѣщанныя ей на содержаніе деньги, а прямо отъ насъ изъ Рима, если будущее ея поведеніе того будетъ заслуживать. Медали наши, золотыя табатерки, золотую цѣпь и бриллiантовый перстень немедленно отъ нея возьмите.

Тайна эта останется между мною и вами, ей же изъ этого письма ни одного слова; а приложенное здѣсь письмецо брата отдадите ей, прочитавъ его прежде сами. Замѣтьте, какое дѣйствіе на нее оно сдѣлаетъ.

Когда будете имѣть въ рукахъ всѣ наши деньги, то позаботьтесь о Сорокинѣ и потрудитесь сдѣлать все, о чемъ уже я вамъ писалъ.

Васъ истинно почитающій
Александръ Ивановъ.

CLXI г.

КЪ МОЛЛЕРУ.

Римъ. Января 28, 1849.

Пишу къ вамъ на удачу и не посылаю письмеца изъ Петербурга на ваше имя, которое остается у Михайлова, потому что мы ждемъ васъ сюда скоро, какъ то̀ видно изъ вашихъ же словъ. Второй разъ посланныя наши довѣренности, съ уполномоченіемъ о взятіи билетовъ изъ Ломбарда,— безъ сомнѣнія, уже въ вашихъ рукахъ. Благодарю васъ за

обстоятельный счетъ, въ письмѣ вашемъ изъясненный; все это вы потрудитесь вычесть изъ нашихъ капиталовъ, ка́къ мы уже вамъ сказали.

Сами вы согласитесь, что трудно описывать политическое состояніе Рима тому, кто совсѣмъ не имѣетъ времени слѣдить за всѣми изворотами. Русскіе художники столько-же занимаются, какъ и прежде, а съ иностранными я не въ сношеніяхъ, какъ и всегда почти бывало. Сейчасъ читалъ печатное воззваніе скульпторовъ къ братскому союзу. Литераторъ все сдѣлалъ въ границахъ взора его, составленнаго изъ прошедшихъ данныхъ, но нужно-бы знать внутреннія чувства самихъ художниковъ и именно тѣхъ, которые имѣютъ деньги.

Микеле мнѣ сказывалъ, что вашъ знакомый пасторъ выѣхалъ въ Неаполь вмѣстѣ съ прусскимъ посольствомъ, и въ одинъ день съ нашимъ. Я опять заглядывалъ къ вамъ въ студію, и нашелъ ее очень исправною. Орелъ живъ и содержится на тѣ ваши деньги, которыя, какъ говоритъ Михайловъ, остались у Микеле. Микеле здѣсь къ вамъ пишетъ,— онъ обѣщался все вымыть и вычистить къ вашему пріѣзду и выкрасить столы. Я продолжаю ему давать каждую недѣлю по 2 скуды.

Вчера Мокрицкій уѣхалъ отсюда въ Петербургъ, сдавъ ваши эстампы и три книги моему брату, что̀ и снесено Микелемъ на вашу квартиру.

Жалѣю, что вы мнѣ пообстоятельнѣе не написали о Сорокинѣ; но онъ на лицо въ Петербургѣ, ка́къ вы говорите; слѣдовательно, разглядѣвъ его труды и поговоривъ съ нимъ, вы все вдругъ порѣшите.

Извините, что я послѣднее письмо мое къ вамъ наполнилъ сальностями, но я всегда надѣюсь въ васъ видѣть особу снисходительную къ слабостямъ природы человѣческой...

Поклонитесь отъ меня Василію Антоновичу и поблагодарите его за то̀, что онъ меня не забываетъ.

Вашъ усердный слуга
Александръ Ивановъ.

Спѣша на почту, не могъ дождаться письма Микеле. Вчера вручилъ мнѣ Михайловъ здѣсь приложенное къ вамъ письмецо. *Января 29.*

CLXI д.

КЪ МОЛЛЕРУ [1]).

Римъ, $\frac{\textit{30 января}}{\textit{10 февраля}}$ *1849.*

Ради Бога, не отдавайте художественныхъ вещей на сохраненіе нашей племянницѣ или племяннику, и вообще дѣло обставьте такъ и на счётъ другихъ вещей, чтобъ ничего не было дано ей на сохраненіе, чѣмъ бы она могла отговориться въ случаѣ, если непредвидѣнно мать ее потребуетъ въ Севастополь. До этой мѣры она будетъ получать отъ насъ уже обѣщанные 90 руб. сер. въ треть и жить отнюдь не одна, а съ братомъ своимъ Александромъ, а потомъ, случаемъ, отправится къ матери, гдѣ ей приличнѣе жить, чѣмъ одной въ Петербургѣ, въ случаѣ откомандировки по службѣ ея брата Александра въ губернію.

Изъ этого вы видите, Федоръ Антоновичъ, что мы раскаеваемся въ посылкѣ къ вамъ разныхъ перемѣнъ въ планѣ и съѣзжаемъ на самую первую инструкцію нашу, данную нами лично вамъ въ Римѣ.

Вполнѣ извините насъ: мы здѣсь и безъ того очень безпокойны, а потому желали бы отъ всей души кончить дѣла наши въ Петербургѣ болѣе независимыми отъ могущихъ случиться переворотовъ въ семействѣ нашемъ.

Примите искреннее увѣреніе въ полномъ уваженіи нашемъ.

Александръ и Сергѣй Ивановы.

Микеле вамъ кланяется.

P. S. Самая главная и послѣдняя къ вамъ просьба—по дѣлу нашему, уже столько разъ васъ обезпокоивавшему.

---

[1]) Письмо это писано рукою Сергѣя Иванова и только подписано обоими братьями.

CLXI e.

КЪ МОЛЛЕРУ.

Римъ, 19 февраля 1849.

Послѣднее письмо ваше отъ $\frac{\text{18 января}}{\text{1 февраля}}$ много насъ встревожило; но теперь, одумавшись, мы уже покорились необходимости. Разница въ томъ, что теперь приходится содержать племянницу не на деньги наслѣдственныя, а на наши, которыя мы успѣли составить нашимъ образомъ жизни. Если бы можно было хоть перстень брилліантовый продать, и этими деньгами доставлять по третямъ содержаніе племянницѣ, это много бы облегчило наше теперешнее положеніе.

Объ одномъ просили бы мы васъ всепокорнѣйше: принять всѣ средства, чтобы племянница не надѣлала намъ долговъ. Русскій человѣкъ, въ совершенныхъ лѣтахъ, при всѣхъ усиліяхъ жить изрядно, едва избавляется отъ сей напасти, а дѣвицѣ безъ всякаго присмотра совсѣмъ не мудрено впасть въ величайшіе пороки. Какъ вы тутъ поступите? Скажете-ли хозяину нашей тамъ квартиры, чтобы ей въ долгъ совсѣмъ не вѣрили, или напечатаете въ газетахъ, — все это предоставляемъ вамъ на полную волю.

Нельзя-ли вынуть изъ Ломбарда нашу золотую медаль, или по крайней-мѣрѣ объявить тамъ, чтобы ее не продавали, внеся извѣстные проценты, и объявивъ настоящее положеніе вещей? Золотую табакерку все-таки возьмите отъ племянницы. Приложенное здѣсь письмецо вручите племянницѣ, прочитавъ его сами прежде.

Микеле вамъ приложилъ здѣсь записку.

Прощайте! Благодарю васъ усердно за всѣ труды, какіе вы несете по дѣламъ нашимъ.

Вамъ истинно преданный

Александръ Ивановъ.

CLXI ж.

КЪ ПЛЕМЯННИЦѢ.

Римъ, 19 февраля 1849.

Любезнѣйшая племянница,
Катерина Андреевна!

Вы, какъ видно изъ письма вашего, отъ 10 января, на насъ разсердились, а мы все-таки продолжаемъ быть тѣми-же, что были, и хотя дѣла наши приняли видъ застоя, а слѣдовательно и денегъ у насъ совсѣмъ еще не можетъ быть, однакоже способы на содержаніе ваше мы стараемся пріобрѣсти, и вотъ теперь же просимъ Федора Антоновича продать перстень, чтобы доставить вамъ третную, нами уже обѣщанную, плату. Изъ академическихъ же денегъ брата тогда только и можно-бы было выдавать, еслибъ уже деньги наслѣдства находились въ рукахъ нашихъ. У меня же денегъ едва-едва достанетъ на окончаніе моей картины, въ жертву которой я приношу всю мою жизнь.

Если вы опять соберетесь къ намъ писать во встревоженномъ положеніи духа, то адресуйте письмо ваше на мое имя, а не на брата.

Съ полной довѣренностью въ ваши для насъ услуги
остаюсь васъ любящій
Александръ Ивановъ.

CLXI з.

КЪ МОЛЛЕРУ.

Римъ, 12 апрѣля 1849.

Крайне сожалѣю, что васъ застигли разныя горести. Въ этомъ положеніи, конечно, трудно было вамъ чѣмъ-либо заняться. Съ нетерпѣніемъ буду ждать вашего втораго письма,

гдѣ будетъ что-нибудь сказано и о моихъ дѣлахъ въ Петербургѣ. На скорый пріѣздъ брата моего въ Россію вы не разсчитывайте, и дѣйствуйте такъ, какъ бы этого совсѣмъ не было. Микеле былъ очень доволенъ полученіемъ 5 скудъ на Пасху. Сверхъ жалованья, я ему передавалъ уже нѣсколько денегъ—болѣе 5 скудъ. Его росписки по сему дѣлу находятся у меня. Ваша студія въ порядкѣ; къ хозяйкѣ квартиры снесу за два мѣсяца деньги на дняхъ. Жену Микеле я не вижу: онъ, кажется, не хочетъ, чтобъ я зналъ его квартиру. За нужное считаю вамъ сказать о положеніи денегъ въ Римѣ: серебра и золота со дня на день становится менѣе. Банкиры и банкъ Боргезе со своими 15-ти скудовыми выдачами—платятъ ассигнаціями: или банка «Romana», или «buoni di tesoro». Размѣнъ этихъ ассигнацій на серебро дошелъ до потери пятой части! А въ трактирахъ и кафѐ иначе не хотятъ служить, какъ за серебро. Есть мелкія бумажки въ одну и двѣ скуды, но, чтобъ добыть и тѣ, нужно потерять на каждую скуду 9 байоковъ, и при всемъ томъ,—платя ими въ трактирѣ и кафѐ, все-таки встрѣчаешь неудовольствія. Въ Тосканѣ дѣлается тоже самое. Замѣтьте, что это все ростетъ и грозится еще большимъ затрудненіемъ, хотя и поговариваютъ, что съ помощію монеты эрозы (мѣдь высеребрянная), которая уже начинаетъ появляться, будто бы исчезнутъ эти бѣдствія. Мы вамъ совѣтуемъ везти сюда изъ Россіи чистаго золота наполеонами или червонцами. Векселя везти гораздо невыгоднѣе: хотя въ Лондонѣ курсъ и необыкновенно высокъ, но страшная здѣсь потеря при размѣнѣ далеко превышаетъ всякіе курсы.

Сдѣлайте милость, увѣдомьте, какъ вы поступили съ деньгами Іордана? Онъ меня, при каждой встрѣчѣ, съ безпокойствомъ объ этомъ спрашиваетъ. Пожалуйста, это не забудьте. Солнцеву тоже вы что-нибудь упомяните въ моемъ письмѣ: онъ тоже хотѣлъ бы знать, въ какой видъ пришли его дѣла, и чего можно надѣяться. Постарайтесь скорѣе продать нашъ бриліантовый перстень, чтобъ выдавать содержаніе нашей племянницѣ; если жъ этихъ денегъ будетъ мало, то уже выдавайте изъ тѣхъ, которыя вы у меня заняли. Что касается до квартиры нашей въ Петербургѣ, то ужъ это совершенно

предоставляемъ на ваше усмотрѣніе. Разумѣется, за меньшую квартиру можно бы и платить меньше; но это все вы лучше насъ можете обдѣлать, будучи тамъ на лицо. Прошу покорнѣйше прочитать письмо мое къ племянницѣ и немедленно ей его переслать.

Вамъ преданный

Александръ Ивановъ.

CLXIII a.

КЪ МОЛЛЕРУ.

Римъ, 2 іюня 1849.

Хотя вы предъ отъѣздомъ своимъ мнѣ и дали слово, что дѣло мое въ Петербургѣ поставите и отработаете въ самый лучшій видъ, но теперь видно, что все это напрасно. Мое и братнее положеніе изъ-за этого рискуетъ быть испорченнымъ. По крайней мѣрѣ, прошу васъ не передавать дѣло, въ случаѣ вашего отъѣзда,—*никому*, а отнестись въ Академію, прося отъ насъ ея заступленія.

Желалъ бы еще разъ вамъ напомнить о деньгахъ Іордана; онъ очень безпокоится, что вы ни къ нему, ни ко мнѣ объ этомъ совсѣмъ не упоминаете. Если въ слѣдующемъ письмѣ на это не будетъ отвѣта, то я сочту уже это за знакъ, что долженъ буду выдать ему изъ моихъ здѣсь денегъ всю сумму, у него здѣсь для васъ занятую, что̀ при настоящихъ денежныхъ обстоятельствахъ Рима для меня не мало будетъ обременительно. Солнцевъ тоже проситъ меня о себѣ вамъ напомнить.

Такъ какъ отъѣздъ вашъ оттуда уже удвоился во времени, и самимъ вамъ неизвѣстно, когда вы сюда прибудете, то я просилъ бы васъ прислать мнѣ сюда вексель для уплаты вашему Микеле, хозяйкѣ дома, за орла, и другихъ могущихъ случиться для васъ издержекъ. Обстоятельства, въ которыхъ теперь находится Римъ, каждый день подвержены самымъ сильнымъ измѣненіямъ, въ отношеніи денегъ; въ

особенности не лишнее будетъ, если хоть какая-нибудь пристань устроится у банкира. Вчера приходилъ хозяинъ вашей квартиры просить опять денегъ; я отвѣчу, что вамъ написалъ объ этомъ и жду вашего на то разрѣшенія.

Вамъ преданный

Александръ Ивановъ.

CLXIII б.

КЪ МОЛЛЕРУ.

Римъ. Іюня 27, 1849.

Хозяйка вашей квартиры, недовольствуясь моимъ отвѣтомъ посредствомъ Микеле, еще лично меня просила о выдачѣ ей денегъ, увѣряя, что Микеле менѣе ея имѣетъ права на ихъ полученіе. Повторяю вамъ, что весьма не лишнее будетъ, если вы пришлете сюда вексель рублей въ тысячу, на всякій случай, на мое имя.

Парабола бомбъ миновала мѣсто, въ которомъ находится ваша студія, но дѣло осады еще не кончено. Я хотѣлъ свернуть вашу картину и нанять погребъ съ крѣпкимъ сводомъ для складки всего, что̀ у васъ; но, покамѣстъ, это не нужно. Благодарю васъ за выдачу двухъ третей моей племянницѣ; упомяните—продали ли перстень, и за сколько? Іорданъ опять спрашивалъ меня, не писали ли вы чего о его деньгахъ?

Прошу покорнѣйше препроводить къ племянницѣ приписку на оборотѣ, чѣмъ весьма много обяжете вашего покорнаго слугу

Александра Иванова.

CLXVII a.

КЪ МОЛЛЕРУ.

Альбано, 20 октября 1850.

Это лѣто я почти все прохворалъ въ лихорадкѣ, и до сихъ поръ нахожусь загородомъ, все еще надѣясь хоть кое-какъ докончить начатые этюды. Ваше письмо отъ 19 сентября очень опоздало отвезти деньги Іордана: братъ мой ихъ давно вынулъ и выдалъ Павлу Александровичу Евстакію. Я Іордана увѣрилъ, что это уже въ послѣдній разъ. Онъ хочетъ писать къ вамъ, и я ему послалъ вашъ новый адресъ. Судя по словамъ Михайлова, который недавно пріѣхалъ изъ Петербурга въ Римъ, Іордана дѣла очень плохи, о чемъ я сердечно сожалѣю.

К. П. Брюлло въ Римѣ оканчиваетъ портретъ Демидова. Онъ сильно жалуется брату, что никто о его вещахъ ничего ему не говоритъ. На сей разъ я тотчасъ по возвратѣ въ Римъ пошлю съ Микелемъ въ вашу студію старый манкенъ, который остался у меня,—это вѣдь, кажется, манкенъ Брюлло.

Василій Антоновичъ и вы насъ много порадовали окончаніемъ нашего дѣла, за чтò и васъ, и его искренно благодаримъ. Я бы желалъ изъ моей доли отдать долгъ, состоящій изъ 4000 рублей ассигнаціями, но объ этомъ нужно съ вами прежде поговорить лично—очень не хочется загружать Василія Антоновича новыми коммиссіями.

Съ глубокимъ уваженіемъ и совершенною преданостью остаюсь къ услугамъ готовый

Александръ Ивановъ.

Пожалуйста, книги не забудьте привезти, о коихъ я васъ просилъ у дилижанса, предъ вашимъ отъѣздомъ изъ Рима.

CLXVII б.

КЪ МОЛЛЕРУ.

Римъ. Ноября 14, 1850.

Вскорѣ по полученіи письма вашего отъ 20-го октября я исполнилъ ваше порученіе: съ хозяйки дома получилъ росписку въ 3-хъ скудахъ и Микеле отдалъ—3. Онъ мнѣ показывалъ письмо ваше, гдѣ вы говорите еще о деньгахъ, чтобы вручить ихъ какой-то особѣ, но это такъ все неясно, а въ моемъ письмѣ ничего объ этомъ нѣтъ,—то я, покамѣстъ, это такъ и оставилъ. Слухъ здѣсь носится, что Федоръ Эппингеръ умеръ; впрочемъ, я это слышалъ не отъ русскаго. Манкенъ я съ факкиномъ [1]) и Микелемъ отправилъ въ студію Брюлло. Къ вашему брату, Василію Антоновичу, напишу немедленно, прося его помѣстить въ Коммерческій банкъ наши деньги все мелкими отдѣльными билетами; они ходятъ какъ ассигнаціи въ чужихъ краяхъ,—слѣдовательно, для насъ, путешествующихъ, это будетъ всего лучше. У насъ, кажется, новое будетъ дѣло: это отпускъ на волю дѣвушки, доставшейся намъ по наслѣдству; но прежде, однакоже, надобно справиться—существуетъ-ли она?—чтобъ никого не утруждать напрасно.

Касательно отдачи моего долга, нужно тоже прежде справиться: желаютъ-ли получить сейчасъ его?—что я сдѣлаю немедленно.

Братъ вамъ свидѣтельствуетъ свое почтеніе.

Желая вамъ совершеннаго выздоровленія, остаюсь къ услугамъ готовый

Александръ Ивановъ.

---

[1]) Т. е. съ носильщикомъ.

CLXVII в.

КЪ МОЛЛЕРУ.

Римъ. Декабря 3, 1850.

Микеле меня нагналъ рано утромъ, говоря, что я ему долженъ дать двадцать три скуды, и вручилъ мнѣ ваше письмо отъ 18-го ноября. Прошедшій разъ братъ мой былъ въ страхѣ не получить отъ него данныхъ ему въ долгъ 13 байоковъ, но такъ какъ я долженъ былъ дать ему восемь скудъ, то ихъ тутъ же и зачелъ. Отдастъ ли вашъ Микеле деньги Аннунціатѣ и будетъ-ли безкорыстенъ въ ихъ отдачѣ?

Сдѣлайте одолженіе, не пишите болѣе къ Микеле о деньгахъ, а прямо ко мнѣ. Вѣдь вы знаете въ какое время мы вступаемъ: „Cattive passioni degli genti fanno un gran progresso [1])—тутъ даже и благовоспитанные люди едва успѣваютъ въ своей свободѣ.

Деньги, однакоже, я отдалъ Микеле, и получилъ отъ него три росписки: первую въ сорокъ, вторую въ восемь и третью въ двадцать-три скуды.

Хозяйка вашей квартиры присылала два раза за деньгами; я къ ней сходилъ сказать, что отъ васъ порученія не имѣю выдать ей изъ моихъ.

Желая вамъ совершеннаго выздоровленія, остаюсь до скорой встрѣчи вашъ покорный слуга

Александръ Ивановъ.

CLXVII г.

КЪ МОЛЛЕРУ.

Римъ, 4 января 1851.

Изъ порученій вашихъ я исполнилъ только самое необходимое: отдалъ Микеле 8 скудъ. Но Шаповаленку просилъ

[1]) Худыя страсти людей сильно разростаются.

выдать его деньгами 5 скудъ, взявъ въ соображеніе мою, очень уже истощенную, кассу, изъ которой если бы пришлось еще разъ платить, то уже былъ бы не въ состояніи. Мы писали къ брату вашему, Василію Антоновичу, о вложеніи нашихъ денегъ въ Коммерческій банкъ мелкими билетами, но не получали еще отъ него на это письмо отвѣта, почему васъ покорнѣйше просимъ, когда будете писать къ вашимъ домашнимъ, то разузнайте: исполнилъ-ли онъ нашу просьбу, и не можетъ-ли онъ всѣ эти билеты прислать къ намъ въ Римъ?—чѣмъ возобновите силы служить вамъ, и поправите наше падающее положеніе.

Изъ этихъ денегъ—оставить только тысячи двѣ рублей ассигнаціями въ рукахъ Василія Антоновича на непредвидѣнныя издержки по нашимъ дѣламъ въ Петербургѣ.

Съ истиннымъ почтеніемъ остаюсь вашъ покорный слуга

Александръ Ивановъ.

CLXVIII a.

КЪ МОЛЛЕРУ.

Римъ. Февраля 18, 1851.

Благодаря васъ за немедленное сообщеніе брату вашему о желаніи нашемъ получить въ Римъ деньги, доставшіяся намъ по наслѣдству, я теперь долженъ вамъ сознаться, что уже терплю въ нихъ большую нужду, и потому просилъ бы васъ покорнѣйше возвратить мнѣ всѣ, у меня вами занятыя, чѣмъ доставите возможность дождаться будущихъ денегъ, не прерывая занятій ни моихъ, ни братниныхъ.

Кажется, что всего будетъ двѣсти пятьдесятъ семь скудъ и семьдесятъ байоковъ; впрочемъ, посмотрите это въ вашихъ счетахъ. Не огорчайтесь, сдѣлайте милость за это письмо: трудность положенія моего заставляетъ меня его написать. Отъ Василія Антоновича получили мы прекрасное письмо, на которое немедленно и отвѣчали; но вѣроятно, что вамъ прежде будетъ извѣстно, ка̀къ и когда̀ онъ вышлетъ намъ деньги.

Съ истиннымъ уваженіемъ и совершенною преданностью къ услугамъ готовый

Александръ Ивановъ.

Н. В. Гоголь мнѣ писалъ отъ 16-го декабря изъ Одессы, и въ заключеніе своего письма говоритъ: «Если съ вами Моллеръ, обнимите его по-крѣпче и поздравьте отъ меня съ новымъ годомъ». Если пожелаете къ нему писать, то вотъ его адресъ до конца марта: Въ Одессу, 1-й части, 1-го квартала, въ домъ генералъ-маіора Трощинскаго.

CLXVIII б.

КЪ МОЛЛЕРУ.

Римъ, 6 апрѣля 1851.

На послѣднихъ числахъ января мѣсяца мы получили прелюбезное письмо отъ брата вашего Василія Антоновича, гдѣ кромѣ превосходнаго веденія дѣлъ нашихъ, переданнаго ему вами, онъ предложилъ намъ вести еще впередъ нашу тяжбу съ графомъ Потемкинымъ, сочинивъ намъ двѣ бумаги: «Условіе» и «Довѣренность», найдя намъ адвоката, давно ему знакомаго. Видя изъ сочиненныхъ бумагъ, что всѣ заботы и ходьба по дѣлу складываются совершенно съ насъ на адвоката за извѣстные проценты, мы, обрадовавшись, поспѣшили ихъ написать, пославъ сестрѣ съ нихъ копіи, тоже для ея дѣйствій. Теперь вдругъ совершенно все это перемѣнилось: Василій Антоновичъ съ настойчивостью пишетъ къ намъ, чтобы мы списали новую бумагу, по приложенному отъ адвоката листу, и прямо на имя Государя, написавъ притомъ другую, которой сочиненіе не приложено; братъ вашъ говоритъ, что это дѣло чрезвычайной важности, и чтобы сдѣлать намъ его сейчасъ-же.

Кого намъ теперь винить? Видя всегда вашъ домъ самымъ почтеннымъ, мы полагали, что братъ вашъ, разъ избавивъ насъ отъ заботъ знакомымъ ему адвокатомъ, будетъ уже на этомъ стоять крѣпко; но теперь мы становимся въ

положеніе самое непріятное и безпокойное, почему и просимъ васъ покорнѣйше, какъ болѣе насъ знающаго, написать вашему брату о нашемъ недоразумѣніи, прося его принять всѣ мѣры—рѣшительно уничтожить всякое новое притязаніе адвоката насъ безпокоить, указавъ ему на пункты бумаги, нами подписанной отъ 1/13 февраля. Во всякомъ случаѣ, еслибы братъ вашъ осердился, что не сейчасъ по желанію адвоката высланы нами бумаги, то все-таки ему нужно-бы прислать и сочиненіе другой, т.-е. «Свидѣтельства», безъ которой и первая ничего не значитъ по его-же словамъ; кромѣ того тутъ нужно еще согласіе сестры, какъ третьяго лица по наслѣдству.

Словомъ, теперь, кажется, именно мы къ тому приходимъ, чего очень всегда избѣгали—къ письменному веденію тяжебнаго дѣла въ Россіи изъ чужихъ краевъ. Оно еще болѣе растравится, когда братъ мой уѣдетъ въ Неаполитанскія владѣнія, что̀ будетъ скоро. Сдѣлайте одолженіе, примите всѣ мѣры, чтобы это все пресѣчь: вы вѣроятно успѣете насъ выручить изъ этой язвы.

Денегъ вашихъ не получилъ, а Василій Антоновичъ отдалъ Іордану изъ моей доли 5000 рублей ассиг., съ правомъ мнѣ здѣсь взять изъ его денегъ въ банкѣ Боргезе 1000 скудъ. Іорданъ, какъ кажется, не ѣдетъ прямо въ Италію, и если посчастливится (ему) въ Москвѣ, то тамъ и засядетъ, а потому наши билеты Коммерческаго банка будутъ выжидать лучшаго случая.

Весьма благодаренъ вамъ за рецептъ брату. Но таково-ли наше время, чтобы пускаться на такое важное лѣченіе? Гораздо лучше оставаться теперь полуглухимъ, чѣмъ совершенно оглохнуть. Подождать лучше болѣе счастливой будущности.

Отъ Н. В. Гоголя не получалъ, послѣ того письма, извѣстій. Онъ въ отношеніи ко мнѣ все еще живетъ жизнью 1830-хъ годовъ. Ожидаю, однакоже, его письма черезъ мѣсяцъ.

Съ глубокимъ уваженіемъ остаюсь вамъ преданный

Александръ Ивановъ.

CLXVIII в.

КЪ МОЛЛЕРУ.

Римъ. Мая 20, 1851.

И этотъ разъ письмо ваше отъ 6-го мая пришло въ одно время съ письмомъ Василія Антоновича, такъ что, читая это послѣднее я отдыхалъ на вашемъ. Благодарю усердно васъ за участіе, какое вы принимаете въ моемъ положеніи. Это еще болѣе, чѣмъ когда нибудь, можно оцѣнить, представляя себѣ наше время, гдѣ всякаго рода бѣды и неудачи строятся со всею тщательностью. Копирую здѣсь письмо мое, только что посланное къ Василію Антоновичу. Кажется, что оно его не раздражитъ; я, по крайней мѣрѣ, всячески объ этомъ старался:

«Постоянно пребывая въ чувствахъ благодарности за «всѣ ваши попеченія о нашихъ дѣлахъ въ Петербургѣ «мы, однакоже, нѣсколько остановились отвѣчать вамъ на «послѣднее ваше письмо. Видя въ немъ ревность вашу «къ скорѣйшему содѣйствію окончить дѣло съ графомъ По«темкинымъ подачею просьбы къ самому Государю Импе«ратору, — мы, послѣ долгихъ разсужденій о всѣхъ послѣд«ствіяхъ, нашли необходимымъ вамъ теперъ же представить «на видъ, что это же самое средство въ настоящую минуту «можетъ навсегда лишить брата и чужекрайняго ученія, и «лѣченія. Полагая, что, кромѣ другихъ, эта одна уже при«чина достаточна, чтобы не приводить въ исполненіе рев«ностный и новый вашъ вызовъ къ скорѣйшему окончанію «нашей тяжбы, мы вполнѣ увѣрены, что вы убѣдите и са«мого адвоката Селезнева въ истинѣ и важности вышеска«занной причины, и такимъ образомъ ограничите дѣйствія «его бумагами, нами подписанными, «Условія» и «Довѣрен«ности» отъ февраля 1/13-го сего года. Правда, что, можетъ быть, «продлится дѣло долго симъ послѣднимъ способомъ; но, съ «другой стороны, много данныхъ думать, что пріѣздъ мой на«лицо (что̀ уже близко) можетъ многое ускорить и улучшить.

«Оба векселя я получилъ; при семъ случаѣ я узна̀ю— «сколько стоитъ нашъ рубль серебра на здѣшнія ассигнаціи

«въ настоящую минуту, чтобъ свести вѣрные счеты съ Іор-
«даномъ вслѣдствіе выданныхъ ему вами, по моей просьбѣ, «1500 руб. серебромъ. Братъ мой просилъ васъ, черезъ Іор-«дана, прислать ему сюда 2000 руб. ассигнаціями: это бы было «весьма кстати, чтобъ выждать лучшаго и вѣрнаго случая «о пересылкѣ сюда обѣихъ нашихъ долъ, разумѣя тутъ вы-«четъ всего, чтó передано въ разное время племянницѣ, «другихъ разныхъ издержекъ и суммы, какую вы заблаго-«разсудите оставить для будущихъ непредвидѣнныхъ обсто-«ятельствъ по нашимъ дѣламъ.

«Чтó касается до картинъ, то, какъ я уже вамъ говорилъ «въ предпослѣднемъ письмѣ, что лучше ихъ оставить без-«продажными въ нанимаемой вами комнатѣ. Мой пріѣздъ «все разрѣшитъ и васъ избавитъ отъ всякихъ заботъ, за «которыя постоянно и всегда мы пребываемъ къ вамъ въ «чувствахъ истинной благодарности».

Изъ сего вы видите, что счеты наши съ вами должны, во-первыхъ, выйти отъ Василія Антоновича. Я къ этому прибавлю, что племянница, сколько мы ее ни просили, никакъ не хочетъ намъ дать полнаго отчета—сколько денегъ она перебрала изъ вашего долга. Я только одно вамъ тутъ долженъ припомнить, что вы дали племяннику Александру 100 р. сер. при выходѣ его изъ корпуса, чтó, конечно, вычтетъ Василій Антоновичъ изъ нашихъ двухъ долъ, когда сведетъ полный счетъ. Я, однакоже, на всякій случай здѣсь выписываю и тотъ неполный счетъ, чтó получилъ на дняхъ отъ племянницы. Онъ потому неполонъ, что до 15 февраля 1849 г. въ немъ ничего не упомянуто.

Трети отъ 15 февраля 1849 г. до 15 февраля 1851 г.:

Отъ Федора Антоновича.				Отъ Василія Антоновича.			
15 февраля	1849 г.	—40 р.		14 февраля	1850 г.	—30 р.	
2 апрѣля	»	»	40 »	17 марта	»	»	30 »
14 іюля	»	»	40 »	21 апрѣля	»	»	30 »
20 сентября	»	»	40 »	26 мая	»	»	10 »
7 октября	»	»	20 »	Отъ Іордана			
5 декабря	»	»	60 »	3 іюня	»	»	50 »
			240 р.	14 іюля	»	»	20 »
							170 р.

	Перенесено		170	р.
3 августа	»	»	30	»
15 сентября	»	»	20	»
4 октября	»	»	10	»
5 октября	»	»	50	»
			280	р.

И такъ всего, впродолженіи двухъ лѣтъ,—520 р. серебромъ.

Я получилъ отъ вашей матушки сумму—258 скудъ, съ вычетомъ изъ нея 50 р. серебромъ.

Только что увижу Ковригина, то и буду говорить о возвратѣ ему росписки, вмѣсто которой останется у меня ваше письмо отъ 6 мая. Жаль только, что тамъ не упомянута сумма, которою вы его ссудили: это нужно бы было для порядка. Я еще получилъ отъ Н. В. Гоголя письмо; адресъ его въ Москву: близь Тверской, въ Дегтярномъ переулкѣ, г-ну профессору университета Степану Шевыреву, въ собственномъ домѣ.

Братъ мой вамъ свидѣтельствуетъ свое почтеніе.

Вамъ преданный

Александръ Ивановъ.

CXC a.

ДОКЛАДЪ В. К. МАРІИ НИКОЛАЕВНѢ [1]).

(Римъ. Май 1857.)

Александръ Ивановъ, не будучи казеннымъ воспитанникомъ, учился въ Императорской Академіи Художествъ подъ особымъ присмотромъ отца своего, старшаго профессора исторической живописи Андрея Ивановича Иванова, и былъ от-

[1]) По этому докладу, вѣроятно, и былъ составленъ кн. Г. П. Волконскимъ, въ маѣ 1857 г., докладъ великой княгинѣ, напечатанный въ «Пчелѣ» 1875 г., №№ 23 и 24. Болѣе существенныя дополненія и измѣненія въ немъ, противъ помѣщаемаго здѣсь, приведены у насъ въ скобкахъ и въ выноскахъ.

личенъ слѣдующими медалями: малой и большой серебряной—за рисунки въ натурномъ классѣ; малой серебряной—за эскизъ; малой и большой золотой—за програмы. Въ слѣдствіе послѣдней, какъ самой важнѣйшей, былъ посланъ въ 1830 году въ чужіе краи отъ Общества Поощренія Художниковъ, для дальнѣйшаго усовершенствованія въ искусствѣ, на четыре года, съ порученіемъ сдѣлать картонъ съ части плафона капеллы Сикстинской (въ Ватиканѣ), что̀ и было исполнено имъ.

Ивановъ ѣздилъ по Италіи, осматривалъ и изучалъ въ небольшихъ копіяхъ всѣ знаменитыя школы 14-го и 15-го столѣтій, началъ картину: «Аполлонъ, Гіацинтъ и Кипарисъ, занимающіеся музыкой и пѣніемъ», которая, однакожъ, осталась неконченною. Послѣ долгихъ чтеній Библіи, (онъ) замѣтилъ возможность представить въ одно время двухъ протагонистовъ Евангелія въ самыхъ важныхъ ихъ минутахъ жизни: Іоанна, оканчивающаго свое поприще указаніемъ Мессіи, и Христа, показывающагося въ первый разъ для публичной жизни (Еванг. Іоанна I, 29),—сюжетъ сей никѣмъ незамѣченъ былъ изъ великихъ мастеровъ. Но прежде чѣмъ начать столь многотрудный трудъ, онъ выбралъ предметъ только въ двухъ фигурахъ, чтобы извѣдать свои силы въ Италіи: представилъ Магдалину, видящую Христа по воскресеніи (Іоаннъ XX, 15). Четырехлѣтіе истекало; онъ просилъ отсрочки содержанія, на что̀ согласились, и 1835 и 1836 г.г. окончили его «Магдалину». Произведеніе понравилось, представлено было въ даръ Государю Императору (Николаю Павловичу) отъ Общества Поощренія Художниковъ, и Иванову, въ знакъ поощренія, продолжили содержаніе на два года, а Академія признала его академикомъ.

Въ 1837 и 1838 начата была имъ большая (давно задуманная) картина: «Іоаннъ, указывающій Мессію». Въ это время, думая усугубить способы, онъ тоже, по примѣру своихъ предшественниковъ, искалъ для себя заказной копіи въ Ватиканѣ, съ Рафаэля: «Сила, Обузданіе и Благоразуміе»; хотѣлъ и онъ участвовать въ превосходной мысли покойнаго посланника: занимать копіями, со знаменитыхъ стѣнъ, лучшихъ отечественныхъ художниковъ, какъ для усовер-

шенствованія ихъ вкуса, такъ и для передачи въ копіяхъ къ намъ, въ Россію, знаменитостей итальянскихъ, и, наконецъ, служить русскимъ художникамъ помощью, въ способахъ для будущихъ ихъ предпріятій, щедрыми платами. Но не такова была его доля — ему давали 600 скудъ, и онъ остался безъ копіи.

Путешествіе Государя Наслѣдника Александра Николаевича въ Римъ, въ 1838 году, его довольство начатой большой картиной, и взятіе ея для себя — доставили Иванову обыкновенное пенсіонерское содержаніе (по 3000 р. асс.) на три года, что̀, при полученіи вышесказанныхъ денегъ, составляетъ достаточную сумму, чтобы выростать на предпринятомъ трудѣ.

Въ 1838 и 1839 получаемъ былъ имъ подарокъ отъ Общества Поощренія Художниковъ, заключающійся въ 300 червонцахъ, и въ тоже время предложеніе заняться мелкими картинками въ какихъ-то промежуткахъ времени между большой картиной и присылками этихъ картинокъ для лоттереи, что̀, по ихъ мнѣнію, могло бы доставить ему способъ продолжать большой трудъ. (Но, посвятивъ все свое время и вниманіе одной мысли, Ивановъ оставлялъ картину свою только для эскизовъ и вообще для собиранія данныхъ, служащихъ ей же необходимымъ матеріаломъ; всякое постороннее занятіе казалось ему помѣхой главному дѣлу.)

Въ концѣ 1839 спрашивали Иванова: куда прислать путевыя деньги на возвратъ въ Россію?

Въ 1840 повѣстили и Иванова о новомъ начальникѣ надъ русскими художниками въ Римѣ, съ обѣщаніемъ въ свое время объяснить его права̀ и отношенія къ нему подчиненныхъ.

Въ 1842 Общество Поощренія Художниковъ, черезъ президента своего, принца Лейхтенбергскаго, взялось ходатайствовать у Государя Наслѣдника о продолженіи пенсіона для окончанія Ивановымъ картины, съ убѣдительнѣйшимъ упросомъ свѣтскаго человѣка, и совсѣмъ несообразнымъ со значеніемъ художника,—заняться мелкими произведеніями для ихъ лоттереи, въ какихъ-то промежуткахъ времени, чтобы прокармливать большую картину, и въ то же время — высылка ему ста червонныхъ, которые имѣютъ быть вычтены

изъ той суммы, что̀ будетъ назначена Государемъ Наслѣдникомъ (Бумага вице-президента Общества, г. Прянишникова, отъ 22 іюня 1842, за № 587).

Въ 1843 г. онъ получилъ плату за картину «Магдалина», совершенно особымъ образомъ — отъ министра двора Его Императорскаго Величества, состоящую изъ 1500 р. сер.

Въ 1845 году путешествіе профессора (нынѣ ректора) К. А. Тона въ Римъ и донесеніе въ Академію о картинѣ Иванова доставили ему отъ Императора — 300 червонцевъ, съ непремѣннымъ обязательствомъ окончить трудъ по истеченіи года, и возвратиться въ Петербургъ (Дѣла по строенію въ Москвѣ храма во имя Спасителя. Чертежная, 8 мая 1847, № 91).

Въ концѣ этого же года, самъ Государь Императоръ Николай Павловичъ былъ у Иванова въ студіи; былъ чрезвычайно доволенъ трудомъ, благодарилъ еще разъ его въ своихъ покояхъ, и утвердилъ его окончательно. Но потомъ Иванову выдали 1500 руб. сер., съ непремѣннымъ обязательствомъ окончить въ годъ картину. (Но, не смотря на все стараніе художника исполнить Высочайшую волю, картина не была окончена въ назначенный срокъ, частію по причинѣ огромности, частію потому, что не всѣ еще ея подробности были достаточно обдуманы авторомъ. Это невольное замедленіе возбудило противъ Иванова неблаговоленіе начальства.)

Въ 1846 году вице-президентъ Академіи графъ Ѳ. П. Толстой, восхищаясь картиной Иванова, представилъ въ Совѣтъ Академіи о доставленіи ему приличныхъ способовъ къ окончанію труда, на что̀ Совѣтъ Академіи, за подписью принца Лейхтенбергскаго, отвѣчалъ слѣдующее (отъ 26 марта 1846, за № 313): «Академія не можетъ ходатайствовать у Государя Императора о назначеніи вамъ содержанія, хотя бы и желала, ибо милости, вамъ много разъ сдѣланныя, давно должны бы были побудить васъ довершить свое твореніе; но время уходитъ, картина не оканчивается, и вы продолжаете обращаться съ просьбами о пособіи, какъ человѣкъ, не могущій достать трудомъ достаточной суммы для своего содержанія».

Послѣ всего этого, Ивановъ долженъ былъ продолжать

трудъ на остававшіяся у него кой-какія деньги, а начальникъ надъ русскими художниками, генералъ Киль, присылалъ къ нему повѣстку и хотѣлъ бывать у него въ студіи—наблюдать за производствомъ Императорскаго заказа, въ извѣстности котораго до сихъ поръ сомнѣваются [1]).

Въ 1849 году профессоръ и ректоръ К. А. Тонъ предлагалъ Иванову, отъ имени Коммиссіи строющагося въ Москвѣ храма Спасителя, написать на парусахъ четырехъ евангелистовъ, приготовить теперь же эскизы для нихъ на разсмотрѣніе Коммиссіи и назначить цѣну. Эта важная помощь по мнѣнію архитектора не согласовалась съ мнѣніемъ живописца Иванова, отказавшагося отъ всего на свѣтѣ для производства своей любимой мысли, которая требовала всѣхъ его силъ, безъ малѣйшаго развлеченія.

Смерть родителя Иванова доставила ему маленькое наслѣдство—онъ употребилъ его на окончаніе своей картины; но, наконецъ, въ 1856 г. вошелъ въ долгъ, и уже оставилъ совсѣмъ свое произведеніе, всегда требующее значительныхъ издержекъ.

(Огромность картины Иванова—10 арш. 8³/₄ верш. ширины и 7 арш. 6¹/₂ верш. вышины—и ея многосложность требовали продолжительнаго времени и большихъ средствъ для ея исполненія; съ годами развивался и расширялся взглядъ художника и на искусство, и на предметъ задуманной картины; все, сдѣланное прежде, нужно было приводить въ уровень съ тою степенью художнической зрѣлости, на которую ставили живописца—его неослабный трудъ и добросовѣстное изученіе природы, исторіи и великихъ произведеній искусствъ.)

Теперь, въ 1857 г., Ея Императорское Величество, соболѣзнуя положенію разстройства глазъ Иванова, пожаловала на излѣченіе ихъ 6000 франковъ [2]).

---

[1]) Вмѣсто всего этого, въ докладѣ кн. Волконскаго сказано: «Ходатайство вице-президента Академіи, графа Ѳ. П. Толстаго, о доставленіи ему приличныхъ средствъ къ довершенію картины, не было уважено, и ген.-маіору Килю поручено было наблюденіе за производствомъ Императорскаго заказа (Дѣла Мин. Импер. Двора, 30 апрѣля и 21 декабря 1846, за № 176, и 8 января 1847 г.).

[2]) Докладъ кн. Волконскаго оканчивается иначе: «Въ нынѣшнемъ 1857 г.

CXCVI a.

КЪ Н. Е. МАКУХИНОЙ [1]).

Римъ. Марта 10, 1858.

Милостивая Государыня, Наталья Егоровна! Пользуясь вашимъ необыкновеннымъ ко мнѣ вниманіемъ, я долгомъ считаю доложить вамъ, что послалъ письмо къ великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ, посредствомъ сына ея, здѣсь въ Римѣ находящагося [2]). Тамъ я прошу ее о золотой рамѣ для большой моей картины, имѣющей быть въ Петербургѣ къ 1/13 маю. Въ письмѣ моемъ обозначена мѣра, т. е. сказано: 7 арш. и $6^1/_2$ верш. въ вышину и 10 арш. и $8^3/_4$ верш. въ ширину, и ничего больше. Такъ какъ мы съ вами, разсуждая о *фальсахъ*, находили, что не дурно бы было набить планки, съ обоихъ боковъ картины, которыя бы, вмѣсто самой картины, спрятались въ фальсы золотой рамы, то не возьметесь ли вы объ этомъ сказать мастеру, который будетъ дѣлать раму? Чрезъ кого и какъ вы это сдѣлаете, не могу себѣ представить; знаю только, что вы меня много этимъ обяжете, за что̀ я васъ и теперь, и всегда буду благодарить.

Еще позвольте мнѣ васъ просить приложенное здѣсь письмецо препроводить къ Өедору Антоновичу Моллеру, въ собственныя руки: не зная, гдѣ онъ живетъ въ Петербургѣ, я рѣшился еще разъ воспользоваться вашимъ расположеніемъ

работы Иванова удостоились благосклоннаго вниманія Императрицы Александры Өеодоровны и великой княгини Ольги Николаевны. Ея Величество, узнавъ, что здоровье художника въ послѣдніе два года значительно разстроилось, пожаловала ему 1500 руб. на путешествіе въ Германію къ знаменитымъ окулистамъ. Возвратясь изъ этой поѣздки, Ивановъ намѣренъ приняться за окончательную отдѣлку своей картины, чтобы довершить ее въ возможно скорѣйшемъ времени, сколько то̀ позволятъ ему состояніе здоровья и средства».

[1]) Оригиналъ этого письма находится въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

[2]) Вѣроятно, проэктъ этого письма и напечатанъ нами съ черноваго наброска, какъ письмо „Къ неизвѣстному“, на стр. 298—300. По словамъ А. А. Васильчикова, брата княг. Е. А. Черкасской, въ альбомѣ которой сохранился оригиналъ того письма, оно такъ и не было отправлено по назначенію.

ко мнѣ—доставить ему эту записочку, въ которой, однакоже, объ васъ на всякій случай ничего не упоминается.

Примите увѣреніе въ истинной моей преданности.

Александръ Ивановъ.

Супругу вашему засвидѣтельствуйте мое глубокое почтеніе.

ВОСПОМИНАНІЯ РАЗНЫХЪ ЛИЦЪ
ОБЪ ИВАНОВѢ.

I.

ВОСПОМИНАНІЯ Ѳ. И. ІОРДАНА (1879 г.).

Мы съ Ивановымъ въ одно время воспитывались въ Академіи. Онъ, сколько я припомню, поступилъ въ 1815 году, я же нѣсколько раньше. Я живо помню, какъ онъ въ первый разъ пришелъ въ классъ, гдѣ мы всѣ сидѣли и рисовали. Это былъ мальчикъ небольшаго роста, коренастый, широкоплечій, съ прекрасно-вьющимися русыми волосами и голубыми глазами; румяный, въ курточкѣ и съ большимъ отложнымъ воротникомъ рубашки, широко лежавшимъ на шеѣ и груди. Мы, мальчики, съ нѣкоторою завистью смотрѣли на маленькаго новаго товарища, пришедшаго къ намъ, бѣднякамъ, изъ семейства, болѣе достаточнаго, чѣмъ наши. Этотъ достатокъ выражался не только въ костюмѣ, но и во всей обстановкѣ Иванова: такъ, напримѣръ, у него была прекрасная папка и рисовальная бумага въ изобиліи; у него было гораздо болѣе, чѣмъ у насъ всѣхъ,—карандашей, и т. д. Ивановъ былъ еще дома подготовленъ къ рисованію своимъ отцомъ, профессоромъ, очень любимымъ и уважаемымъ всею Академіею. Маленькій Ивановъ уже и тогда прекрасно рисовалъ,—конечно, по лѣтамъ своимъ, и сталъ дѣлать быстрые успѣхи, и даже въ такой мѣрѣ, что, какъ это видно тоже и изъ его писемъ, академическіе профессора нерѣдко заподозрѣвали его въ томъ, что отецъ поправляетъ ему дома его рисунки, впослѣдствіи и композиціи. Но это было совершенно несправедливо—

Ивановъ всегда работалъ самъ. Со своими товарищами онъ былъ постоянно ласковъ и обходителенъ, но не отличался никакою рѣзвостью, ни шаловливостью, и никогда не участвовалъ въ общихъ проказахъ—онъ былъ всегда очень серьёзенъ и сосредоточенъ. Я съ нимъ скоро сошелся: его добрая, тихая и симпатичная натура привлекала меня къ нему, и искренно привязала меня къ нему уже и въ этихъ раннихъ годахъ. Впослѣдствіи, когда мы снова встрѣтились въ Италіи, молодыми людьми и пенсіонерами Академіи, старинная привязанность превратилась въ дружбу, продлившуюся до самой кончины Иванова.

Въ Римѣ, у насъ образовался свой особый кружокъ, совершенно отдѣльный отъ прочихъ русскихъ художниковъ. Къ этому кружку принадлежали: Ивановъ, Моллеръ и я; центромъ-же и душой всего былъ Гоголь, котораго мы всѣ уважали и любили. Ивановъ-же къ Гоголю относился не только съ еще бо́льшимъ почтеніемъ, чѣмъ мы всѣ, но даже (особенно въ 30-хъ и въ началѣ 40-хъ годовъ) съ какимъ-то подобострастіемъ. Мы всѣ собирались всякій вечеръ на квартирѣ у Гоголя, по итальянскому выраженію «alle ventitre» (въ 23-мъ часу, т.-е. около 7½ часовъ вечера), обыкновенно пили русскій хорошій чай, и оставались тутъ часовъ до 9, или до 9½—не дольше, потому что для своей работы мы всѣ вставали рано, значитъ и ложились не поздно. Въ первые годы Гоголь всѣхъ оживлялъ и занималъ, но скоро исчезло прежнее свѣтлое его расположеніе духа. Сколько припомню, эта перемѣна совершилась съ нимъ около того времени, когда произошло его неудачное публичное чтеніе въ Римѣ, лѣтомъ 1841 г. Желая помочь художнику Шаповаленкѣ, сильно бѣдствовавшему отъ безденежья, Гоголь объявилъ, что прочтетъ въ его пользу своего «Ревизора». Княгиня Зинаида Волконская дала залу въ своемъ Palazzo Poli; собрались всѣ русскіе, находившіеся тогда въ Римѣ. Плата была громадная—5 скудъ; мы, художники, были всѣ на лицо. Ивановъ разсказывалъ намъ заранѣе: «Вотъ вы увидите-съ, вотъ вы увидите-съ, какъ Николай Васильичъ прочтетъ. Это просто чудесно-съ! Никто такъ не можетъ-съ!» Поставили Гоголю столъ на эстрадѣ, а на немъ — двѣ свѣчи и стаканъ съ сахарной водой. Но Гоголь сталъ читать такъ вяло, такъ невыносимо скучно, что нагналъ тоску на всѣхъ. Уже съ самаго почти начала и тотчасъ послѣ 1-го акта, гости стали одинъ за другимъ расходиться. Подъ конецъ остались въ залѣ одни мы, художники. Гоголь былъ жестоко оскорбленъ и обиженъ. Его самолюбіе, столь всегда щекотливое, неимовѣрно страдало, и онъ этого случая ни-

когда потомъ не могъ забыть. Съ тѣхъ-то поръ, бывало, онъ, иногда въ цѣлый вечеръ, не промолвитъ ни единаго слова. Сидитъ себѣ, опустивъ голову на грудь, и запустивъ руки въ карманы шароваръ,—и молчитъ. Не разъ я ему говаривалъ: «Николай Васильичъ, что это вы какъ экономны съ нами на свою собственную особу? Поговорите-же хоть что-нибудь». Молчитъ. Я продолжаю: «Николай Васильичъ, мы вотъ всѣ, труженики, работаемъ цѣлый день; идемъ къ вамъ вечеромъ, надѣемся отдохнуть, разсѣяться, —а вотъ вы ни слова не хотите промолвить. Неужели мы все должны только покупать васъ въ печати?» Молчитъ и ухмыляется. Изрѣдка только оживится, разскажетъ что-нибудь. Признаться сказать, на этихъ нашихъ собраніяхъ была ужаснѣйшая скука. Мы сходились, кажется, только потому, что такъ было уже разъ заведено, да и ходить-то болѣе было нѣкуда. Съ прочими-же пенсіонерами водить знакомство мы не желали, потому что тамъ только и было, что вѣчное вино, да карты, да шумъ, да крикъ, да всякія шалости и баловство [1]). Много-ли разговаривалъ Ивановъ съ Гоголемъ внѣ этихъ нашихъ собраній, и былъ-ли у нихъ живой, важный обмѣнъ мыслей—того я не знаю, но что касается до нашихъ вечеровъ, на квартирѣ у Гоголя, то Ивановъ очень мало говорилъ, а все болѣе прислушивался къ другимъ, когда мы толковали о художественныхъ новостяхъ въ Римѣ, о работахъ русскихъ и иностранныхъ пенсіонеровъ, о прочитанномъ въ газетахъ (мы одно время въ складчину подписывались на русскія газеты), а иногда, изрѣдка, вспоминали тоже про Россію, про петербургское наше житье. Если Ивановъ иной разъ вдругъ и рѣшался что-нибудь разсказать изъ увидѣннаго на улицѣ или изъ услышаннаго, онъ обыкновенно начиналъ смѣхомъ: «ха-ха-ха, а вотъ я сегодня....» Потомъ онъ, заминаясь и спутываясь, тянулъ, и кончалъ часто тѣмъ, что, бывало, вовсе ничего такъ и не разскажетъ. Про свои работы ни Гоголь, ни Ивановъ,—эта неразлучная парочка,—никогда не разговаривали съ нами. Впрочемъ, можетъ быть, они про нихъ разсуждали другъ съ дружкой, на-единѣ, когда насъ тамъ не было.

Встрѣчались мы съ Ивановымъ не всегда только у Гоголя. Мы иной разъ проводили, вечеромъ, часокъ и въ «Café del bon

---

[1]) Здѣсь не лишнее будетъ привести то, что говоритъ П. В. Анненковъ о вечернихъ собраніяхъ у Гоголя — въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ (П. 1877, отд. I, стр. 213): „Наскучивъ прогулками и театрами, мы проводили иногда остатокъ вечера у себя дома (т.-е. на квартирѣ у Гоголя) за бостономъ. Надо сказать, что ни я, ни хозяинъ (т.-е. Гоголь), ни А. А. Ивановъ, участвовавшій въ этихъ партіяхъ, понятія не имѣли не только о сущности игры, но даже и о начальныхъ ея правилахъ“.

Gusto», особенно, когда Гоголя не было въ Римѣ. Я живо помню тотъ вечеръ, когда, сойдясь однажды въ этомъ Café, какъ-то мы вдругъ сказали другъ другу: «Ну, я рѣшился: начинаю завтра свою гравюру съ «Преображенія» Рафаэля».— «Ну, и я тоже рѣшился: на дняхъ начинаю свое «Появленіе Мессіи». Дѣло въ томъ, что мы оба долго мечтали о предпріятіи большаго труда, и оба равно не рѣшались. Пріѣхавъ въ Римъ изъ Англіи, я долго не зналъ, на какомъ именно сюжетѣ остановиться, и совсѣмъ-было рѣшался взять оригиналомъ картину Гверчино—«Невѣріе Ѳомы», но противъ этого изо-всѣхъ силъ возсталъ Карлъ Брюловъ, въ то время еще не успѣвшій уѣхать изъ Рима, послѣ окончанія своего «Послѣдняго дня Помпеи»: онъ сталъ рѣшительно съ меня требовать, со всегдашнею своею горячностью и настойчивымъ деспотизмомъ, чтобъ я принимался за «Преображеніе», и ни о чемъ другомъ и думать-бы не смѣлъ. Напрасно я отказывался, выставлялъ на видъ громадность работы и трудность воспроизвести достойнымъ образомъ столь знаменитую въ цѣломъ мірѣ картину—Брюловъ ничего слушать не хотѣлъ и стоялъ на своемъ. Какъ послѣдній способъ сопротивленія, я указывалъ на то, что даже и добиться очереди работать съ «Преображенія» через-чуръ трудно—такъ много всегда кандидатовъ, задолго впередъ записавшихся—и эта отговорка тоже не помогла. Карлъ Брюловъ, въ то время ставшій знаменитостью въ Римѣ, былъ въ знакомствѣ со всею римскою знатью, и безъ малѣйшаго труда выхлопоталъ мнѣ у тогдашняго перваго министра кардинала—разрѣшеніе работать съ «Преображенія», помимо очереди. Полтора года я дѣлалъ свой рисунокъ карандашомъ, и все еще твердо не рѣшался на страшную для меня работу, но, наконецъ, въ маѣ 1837 года, заказалъ мѣдную доску въ $1^1/_4$ пуда, приведшую въ ужасъ моего хозяина, и, когда все было готово, сообщилъ Иванову, что—принимаюсь. Каково-же было мое удивленіе, когда въ ту-же самую минуту Ивановъ, столько лѣтъ пробовавшій себя на эскизахъ, и все не рѣшавшійся окончательно приступить къ давно задуманной картинѣ, торжественно объявилъ мнѣ, что и у него заказанъ холстъ въ $7^1/_2$ аршинъ вышины и $10^1/_2$ ширины. Тутъ мы и принялись ревностно за работу. Но годы шли, а картина Иванова мало подвигалась впередъ. Онъ слишкомъ былъ нерѣшителенъ, слишкомъ много времени употреблялъ на этюды. Сколько разъ я ему говорилъ: «Какъ это вы можете, Александръ Андреевичъ, терять понапрасну самое дорогое время въ году? Придетъ лѣто—тутъ только-бы и работать; смотришь, а вы какъ разъ тотчасъ уѣзжаете: то въ Венецію, то въ Неаполь, то въ Субіако, то въ Перуджію! Какъ это можно?

Этакъ вы и въ сто лѣтъ не кончите картину».—«А какъ-же-съ, нельзя-съ такъ», отвѣчаетъ Ивановъ: «этюды, этюды,—мнѣ прежде всего-съ нужны этюды съ натуры, мнѣ безъ нихъ-съ никакъ нельзя съ моей картиной». Что съ нимъ подѣлаешь? Такъ и отступишься. Упрямъ и своеобыченъ былъ онъ сильно.

Лучшій портретъ Иванова былъ сдѣланъ имъ самимъ въ Римѣ, карандашомъ, и посланъ въ 1846 году отцу. Пріѣхавъ въ Петербургъ въ 1850 году, я навѣстилъ племянницу Александра Андреевича — красавицу Екатерину Андреевну, дочь его родной сестры, тоже Екатерины Андреевны, бывшей за-мужемъ за академикомъ Сухихъ и жившей въ то время въ Севастополѣ. Въ квартирѣ этой-то племянницы я случайно и увидѣлъ тотъ самый портретъ Иванова, который такъ понравился мнѣ еще въ Римѣ, и по чрезвычайному сходству, и по превосходному рисунку и тушевкѣ. Я сильно желалъ его награвировать. Отца Ивановыхъ уже не было въ живыхъ, и портретъ взяла къ себѣ Екатерина Андреевна, вмѣстѣ съ другимъ имуществомъ покойнаго. Но тщетно я упрашивалъ ее отослать его къ ея дядямъ въ Римъ—она ни за-что не соглашалась, и все только отвѣчала: «Послѣ, послѣ когда-нибудь. Я подумаю, соберусь». Такъ этотъ превосходный портретъ и исчезъ, вмѣстѣ съ нею, и всѣ мои развѣдки, впослѣдствіи, ни къ чему не привели. Ивановъ былъ представленъ на этомъ портретѣ по грудь, но безъ рукъ, въ сюртукѣ, съ отросшей бородою.

Нашъ римскій кружокъ не распадался и во время довольно частыхъ отъѣздовъ то того, то другаго изъ нашей среды, изъ Рима, лѣтомъ: одни изъ насъ уѣзжали въ Неаполь или куда нибудь въ другое приморское мѣсто на воды, другіе въ Германію или Россію, третьи (какъ напримѣръ, Ивановъ) отправлялись дѣлать этюды въ разныхъ мѣстностяхъ Италіи. Тогда мы принимались переписываться другъ съ другомъ. У меня было, вслѣдствіе того, не мало писемъ отъ Гоголя и Иванова. Къ несчастью, они не сохранились, и потому я считаю большою радостью для себя, что могу теперь перечитать, послѣ 25 или 30 лѣтъ, хотя нѣкоторыя изъ писемъ Иванова ко-мнѣ, уцѣлѣвшія въ видѣ черновыхъ набросковъ въ его записныхъ тетрадяхъ: они мнѣ напоминаютъ дорогое и незабвенное для меня время.

II.

ВОСПОМИНАНІЯ П. М. КОВАЛЕВСКАГО.

Въ статьѣ своей: «Объ Ивановѣ и его картинѣ» («Отечественныя Записки» 1859, т. CXXIII, отд. I, стр. 113—132), П. М. Ковалевскій передаетъ много очень любопытныхъ и многозначительныхъ подробностей объ Ивановѣ, съ которымъ онъ познакомился въ Римѣ, въ 1856 году, по тому поводу, что родственникъ Гоголя, издававшій въ то время переписку его съ друзьями, поручилъ П. М. Ковалевскому достать отъ Иванова Гоголевскія письма. Проникнуть къ Иванову было очень трудно, потому что студія его была заперта на замокъ, и хозяинъ дома объявлялъ всѣмъ приходящимъ, что Иванова нѣтъ дома и никогда не бываетъ дома. «Дѣлать было нечего, разсказываетъ авторъ:—я послалъ письмо. Дня черезъ два Ивановъ явился самъ вечеромъ, съ пучкомъ писемъ. Это былъ человѣкъ одичалый, вздрагивавшій при появленіи всякаго новаго лица, раскланивавшійся очень усердно съ прислугою, которую принималъ за хозяевъ,—человѣкъ съ движеніями живыми и глазами бѣгавшими, хотя постоянно потупленными въ землю, съ густою просѣдью въ курчавыхъ нѣсколько волосахъ и бородѣ, широкоплечій, средняго роста и мускулистый, съ умною и истинно-русскою наружностью». Картины своей Ивановъ П. М. Ковалевскому не показалъ, какъ и всѣмъ, говоря, что «она того не стоитъ.... Николай Васильичъ (Гоголь) сдѣлалъ мнѣ много вреда похвалами: послѣ его словъ я не вправѣ выставить свою картину... Съ меня слишкомъ много спросится».—«Вы предоставьте судить другимъ».—«Извольте ѣхать-съ къ Овербеку (повторилъ прежнія свои слова Ивановъ, откланиваясь), а обо мнѣ и говорить не стоитъ-съ...» И уходя, обѣщалъ бывать часто. Прошла зима—Ивановъ не являлся. Надо было отсылать письма, а нѣкоторыхъ нельзя было напечатать, не предваривъ его. Случайно я столкнулся съ Ивановымъ на выставкѣ. Мы вмѣстѣ обошли картины: вниманіе его особенно останавливалось на тѣхъ, которыя носили въ себѣ слѣды какого-либо изученія; онъ прощалъ самыя бездарныя между ними, говоря, что онѣ болѣе могутъ принести пользы искусству, нежели хорошенькія сцены (*жанръ*), ничего не прибавляющія для дѣла. Наконецъ, мы остановились у картины русскаго художника-пенсіонера. Онъ долго и внимательно ее разсматривалъ; произносилъ по временамъ отрывистые: *а!*

вотъ что-съ! угу! и тому подобное; на всѣ мои вопросы не далъ ни одного отвѣта; былъ углубленъ во что-то, и, только пройдя нѣсколько улицъ, замѣтилъ, что «надо полагать, весьма, однако, трудно было получить золотую медаль такому-то».

«Къ отсылкѣ писемъ Гоголя въ Россію онъ оказался совершенно равнодушнымъ, и на замѣчаніе мое, что нѣкоторыя изъ нихъ слишкомъ близко касаются лично его, отвѣтилъ: «Я полагаю-съ, это ничего не значитъ!» Замѣчательная черта въ человѣкѣ, который прятался и бѣгалъ отъ публичности!

«На первый годъ наше знакомство тѣмъ и кончилось. На второй (1857), оно, быть можетъ, не возобновилось-бы вовсе, еслибъ пребываніе въ Римѣ вдовствующей Императрицы не открыло двери недоступной студіи. Тутъ я увидалъ Иванова отцомъ лелѣемаго имъ дѣтища, лицомъ къ лицу съ «Явленіемъ Христа народу», но все тѣмъ-же сосредоточеннымъ, съёжившимся ипохондрикомъ, боязливо встрѣчавшимъ прихожихъ на порогѣ и провожавшимъ ихъ безъ всякой надобности до самой лѣстницы... Ивановъ приступилъ къ своей картинѣ нерѣшительно, не вѣруя въ себя, хватаясь за оплоты людей съ именами... Но нерѣшительный Ивановъ, ищущій образцовъ, когда начинаетъ работу, и Ивановъ—совершитель этой работы,—какъ совмѣстить такую слабость и такую силу въ одномъ человѣкѣ? Овербекъ, имѣвшій дѣло съ робкимъ начинаніемъ, проводитъ нѣсколько часовъ передъ оконченнымъ произведеніемъ и только въ состояніи произнести: «Кто могъ-бы думать, Ивановъ насъ надулъ!» Самъ доживающій восьмидесятые свои годы Корнеліусъ, въ полномъ расколѣ съ правдою (натурою) въ искусствѣ, и тотъ, послѣ оговорокъ, что картина грѣшитъ противъ стиля, т.-е. ничѣмъ не подходитъ къ хлыстовщинѣ старовѣровъ, пожимаетъ руку Иванова, твердя: «Вы большой мастеръ! (un valoroso maestro)». А нѣмцамъ, думавшимъ угодить ему хулою, замѣчаетъ строго, чтобъ они пошли, да лучше изучали... Нѣмцы поджимаютъ хвостъ и плетутся въ *Vicolo del Vantaggio* (мѣсто жительства Иванова)...

«Исторгнутый изъ своей кельи, оглушенный тысячью предложеній, совѣтовъ, зововъ, измученный пріемомъ посѣтителей, Ивановъ поневолѣ началъ выбиваться изъ колеи, которою однообразно до тѣхъ поръ катилась его жизнь. Онъ появился въ нѣкоторыхъ русскихъ домахъ; не избѣгалъ общества русскихъ художниковъ, показавшихъ ему (за исключеніемъ немногихъ) вообще горячее сочувствіе. Молодой скульпторъ Забѣлло приступилъ было къ нему съ просьбою позволить

CXCVI a.

КЪ Н. Е. МАКУХИНОЙ [1]).

Римъ. Марта 10, 1858.

Милостивая Государыня, Наталья Егоровна! Пользуясь вашимъ необыкновеннымъ ко мнѣ вниманіемъ, я долгомъ считаю доложить вамъ, что послалъ письмо къ великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ, посредствомъ сына ея, здѣсь въ Римѣ находящагося [2]). Тамъ я прошу ее о золотой рамѣ для большой моей картины, имѣющей быть въ Петербургѣ къ 1/13 маю. Въ письмѣ моемъ обозначена мѣра, т. е. сказано: 7 арш. и $6^1/_2$ верш. въ вышину и 10 арш. и $8^3/_4$ верш. въ ширину, и ничего больше. Такъ какъ мы съ вами, разсуждая о *фальсахъ*, находили, что не дурно бы было набить планки, съ обоихъ боковъ картины, которыя бы, вмѣсто самой картины, спрятались въ фальсы золотой рамы, то не возьметесь ли вы объ этомъ сказать мастеру, который будетъ дѣлать раму? Чрезъ кого и какъ вы это сдѣлаете, не могу себѣ представить; знаю только, что вы меня много этимъ обяжете, за что̀ я васъ и теперь, и всегда буду благодарить.

Еще позвольте мнѣ васъ просить приложенное здѣсь письмецо препроводить къ Ѳедору Антоновичу Моллеру, въ собственныя руки: не зная, гдѣ онъ живетъ въ Петербургѣ, я рѣшился еще разъ воспользоваться вашимъ расположеніемъ

работы Иванова удостоились благосклоннаго вниманія Императрицы Александры Ѳеодоровны и великой княгини Ольги Николаевны. Ея Величество, узнавъ, что здоровье художника въ послѣдніе два года значительно разстроилось, пожаловала ему 1500 руб. на путешествіе въ Германію къ знаменитымъ окулистамъ. Возвратясь изъ этой поѣздки, Ивановъ намѣренъ приняться за окончательную отдѣлку своей картины, чтобы довершить ее въ возможно скорѣйшемъ времени, сколько то̀ позволятъ ему состояніе здоровья и средства».

[1]) Оригиналъ этого письма находится въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

[2]) Вѣроятно, проектъ этого письма и напечатанъ нами съ черноваго наброска, какъ письмо „Къ неизвѣстному“, на стр. 298—300. По словамъ А. А. Васильчикова, брата княг. Е. А. Черкасской, въ альбомѣ которой сохранился оригиналъ того письма, оно такъ и не было отправлено по назначенію.

ко мнѣ—доставить ему эту записочку, въ которой, однакоже, объ васъ на всякій случай ничего не упоминается.

Примите увѣреніе въ истинной моей преданности.

Александръ Ивановъ.

Супругу вашему засвидѣтельствуйте мое глубокое почтеніе.

ВОСПОМИНАНІЯ РАЗНЫХЪ ЛИЦЪ
ОБЪ ИВАНОВѢ.

I.

ВОСПОМИНАНІЯ Ѳ. И. ІОРДАНА (1879 г.).

Мы съ Ивановымъ въ одно время воспитывались въ Академіи. Онъ, сколько я припомню, поступилъ въ 1815 году, я же нѣсколько раньше. Я живо помню, какъ онъ въ первый разъ пришелъ въ классъ, гдѣ мы всѣ сидѣли и рисовали. Это былъ мальчикъ небольшаго роста, коренастый, широкоплечій, съ прекрасно-вьющимися русыми волосами и голубыми глазами; румяный, въ курточкѣ и съ большимъ отложнымъ воротникомъ рубашки, широко лежавшимъ на шеѣ и груди. Мы, мальчики, съ нѣкоторою завистью смотрѣли на маленькаго новаго товарища, пришедшаго къ намъ, бѣднякамъ, изъ семейства, болѣе достаточнаго, чѣмъ наши. Этотъ достатокъ выражался не только въ костюмѣ, но и во всей обстановкѣ Иванова: такъ, напримѣръ, у него была прекрасная папка и рисовальная бумага въ изобиліи; у него было гораздо болѣе, чѣмъ у насъ всѣхъ,—карандашей, и т. д. Ивановъ былъ еще дома подготовленъ къ рисованію своимъ отцомъ, профессоромъ, очень любимымъ и уважаемымъ всею Академіею. Маленькій Ивановъ уже и тогда прекрасно рисовалъ,—конечно, по лѣтамъ своимъ, и сталъ дѣлать быстрые успѣхи, и даже въ такой мѣрѣ, что, какъ это видно тоже и изъ его писемъ, академическіе профессора нерѣдко заподозрѣвали его въ томъ, что отецъ поправляетъ ему дома его рисунки, впослѣдствіи и композиціи. Но это было совершенно несправедливо—

Ивановъ всегда работалъ самъ. Со своими товарищами онъ былъ постоянно ласковъ и обходителенъ, но не отличался никакою рѣзвостью, ни шаловливостью, и никогда не участвовалъ въ общихъ проказахъ—онъ былъ всегда очень серьёзенъ и сосредоточенъ. Я съ нимъ скоро сошелся: его добрая, тихая и симпатичная натура привлекала меня къ нему, и искренно привязала меня къ нему уже и въ этихъ раннихъ годахъ. Впослѣдствіи, когда мы снова встрѣтились въ Италіи, молодыми людьми и пенсіонерами Академіи, старинная привязанность превратилась въ дружбу, продлившуюся до самой кончины Иванова.

Въ Римѣ, у насъ образовался свой особый кружокъ, совершенно отдѣльный отъ прочихъ русскихъ художниковъ. Къ этому кружку принадлежали: Ивановъ, Моллеръ и я; центромъ-же и душой всего былъ Гоголь, котораго мы всѣ уважали и любили. Ивановъ-же къ Гоголю относился не только съ еще бо̀льшимъ почтеніемъ, чѣмъ мы всѣ, но даже (особенно въ 30-хъ и въ началѣ 40-хъ годовъ) съ какимъ-то подобострастіемъ. Мы всѣ собирались всякій вечеръ на квартирѣ у Гоголя, по итальянскому выраженію «alle ventitre» (въ 23-мъ часу, т.-е. около 7½ часовъ вечера), обыкновенно пили русскій хорошій чай, и оставались тутъ часовъ до 9, или до 9½—не дольше, потому что для своей работы мы всѣ вставали рано, значитъ и ложились не поздно. Въ первые годы Гоголь всѣхъ оживлялъ и занималъ, но скоро исчезло прежнее свѣтлое его расположеніе духа. Сколько припомню, эта перемѣна совершилась съ нимъ около того времени, когда произошло его неудачное публичное чтеніе въ Римѣ, лѣтомъ 1841 г. Желая помочь художнику Шаповаленкѣ, сильно бѣдствовавшему отъ безденежья, Гоголь объявилъ, что прочтетъ въ его пользу своего «Ревизора». Княгиня Зинаида Волконская дала залу въ своемъ Palazzo Poli; собрались всѣ русскіе, находившіеся тогда въ Римѣ. Плата была громадная—5 скудъ; мы, художники, были всѣ на лицо. Ивановъ разсказывалъ намъ заранѣе: «Вотъ вы увидите-съ, вотъ вы увидите-съ, какъ Николай Васильичъ прочтетъ. Это просто чудесно-съ! Никто такъ не можетъ-съ!» Поставили Гоголю столъ на эстрадѣ, а на немъ — двѣ свѣчи и стаканъ съ сахарной водой. Но Гоголь сталъ читать такъ вяло, такъ невыносимо скучно, что нагналъ тоску на всѣхъ. Уже съ самаго почти начала и тотчасъ послѣ 1-го акта, гости стали одинъ за другимъ расходиться. Подъ конецъ остались въ залѣ одни мы, художники. Гоголь былъ жестоко оскорбленъ и обиженъ. Его самолюбіе, столь всегда щекотливое, неимовѣрно страдало, и онъ этого случая ни-

когда потомъ не могъ забыть. Съ тѣхъ-то поръ, бывало, онъ, иногда въ цѣлый вечеръ, не промолвитъ ни единаго слова. Сидитъ себѣ, опустивъ голову на грудь, и запустивъ руки въ карманы шароваръ,—и молчитъ. Не разъ я ему говаривалъ: «Николай Васильичъ, что это вы какъ экономны съ нами на свою собственную особу? Поговорите-же хоть что-нибудь». Молчитъ. Я продолжаю: «Николай Васильичъ, мы вотъ всѣ, труженики, работаемъ цѣлый день; идемъ къ вамъ вечеромъ, надѣемся отдохнуть, разсѣяться, —а вотъ вы ни слова не хотите промолвить. Неужели мы все должны только покупать васъ въ печати?» Молчитъ и ухмыляется. Изрѣдка только оживится, разскажетъ что-нибудь. Признаться сказать, на этихъ нашихъ собраніяхъ была ужаснѣйшая скука. Мы сходились, кажется, только потому, что такъ было уже разъ заведено, да и ходить-то болѣе было нѣкуда. Съ прочими-же пенсіонерами водить знакомство мы не желали, потому что тамъ только и было, что вѣчное вино, да карты, да шумъ, да крикъ, да всякія шалости и баловство [1]). Много-ли разговаривалъ Ивановъ съ Гоголемъ внѣ этихъ нашихъ собраній, и былъ-ли у нихъ живой, важный обмѣнъ мыслей—того я не знаю, но что касается до нашихъ вечеровъ, на квартирѣ у Гоголя, то Ивановъ очень мало говорилъ, а все болѣе прислушивался къ другимъ, когда мы толковали о художественныхъ новостяхъ въ Римѣ, о работахъ русскихъ и иностранныхъ пенсіонеровъ, о прочитанномъ въ газетахъ (мы одно время въ складчину подписывались на русскія газеты), а иногда, изрѣдка, вспоминали тоже про Россію, про петербургское наше житье. Если Ивановъ иной разъ вдругъ и рѣшался что-нибудь разсказать изъ увидѣннаго на улицѣ или изъ услышаннаго, онъ обыкновенно начиналъ смѣхомъ: «ха-ха-ха, а вотъ я сегодня....» Потомъ онъ, заминаясь и спутываясь, тянулъ, и кончалъ часто тѣмъ, что, бывало, вовсе ничего такъ и не разскажетъ. Про свои работы ни Гоголь, ни Ивановъ,—эта неразлучная парочка,—никогда не разговаривали съ нами. Впрочемъ, можетъ быть, они про нихъ разсуждали другъ съ дружкой, на-единѣ, когда насъ тамъ не было.

Встрѣчались мы съ Ивановымъ не всегда только у Гоголя. Мы иной разъ проводили, вечеромъ, часокъ и въ «Café del bon

---

[1]) Здѣсь не лишнее будетъ привести то, что говоритъ П. В. Анненковъ о вечернихъ собраніяхъ у Гоголя — въ своихъ „Воспоминаніяхъ" (П. 1877, отд. I, стр. 213): „Наскучивъ прогулками и театрами, мы проводили иногда остатокъ вечера у себя дома (т.-е. на квартирѣ у Гоголя) за бостономъ. Надо сказать, что ни я, ни хозяинъ (т.-е. Гоголь), ни А. А. Ивановъ, участвовавшій въ этихъ партіяхъ, понятія не имѣли не только о сущности игры, но даже и о начальныхъ ея правилахъ".

Gusto», особенно, когда Гоголя не было въ Римѣ. Я живо помню тотъ вечеръ, когда, сойдясь однажды въ этомъ Café, какъ-то мы вдругъ сказали другъ другу: «Ну, я рѣшился: начинаю завтра свою гравюру съ «Преображенія» Рафаэля».— «Ну, и я тоже рѣшился: на дняхъ начинаю свое «Появленіе Мессіи». Дѣло въ томъ, что мы оба долго мечтали о предпріятіи большаго труда, и оба равно не рѣшались. Пріѣхавъ въ Римъ изъ Англіи, я долго не зналъ, на какомъ именно сюжетѣ остановиться, и совсѣмъ-было рѣшался взять оригиналомъ картину Гверчино—«Невѣріе Ѳомы», но противъ этого изо-всѣхъ силъ возсталъ Карлъ Брюловъ, въ то время еще не успѣвшій уѣхать изъ Рима, послѣ окончанія своего «Послѣдняго дня Помпеи»: онъ сталъ рѣшительно съ меня требовать, со всегдашнею своею горячностью и настойчивымъ деспотизмомъ, чтобъ я принимался за «Преображеніе», и ни о чемъ другомъ и думать-бы не смѣлъ. Напрасно я отказывался, выставлялъ на видъ громадность работы и трудность воспроизвести достойнымъ образомъ столь знаменитую въ цѣломъ мірѣ картину—Брюловъ ничего слушать не хотѣлъ и стоялъ на своемъ. Какъ послѣдній способъ сопротивленія, я указывалъ на то, что даже и добиться очереди работать съ «Преображенія» черезъ-чуръ трудно—такъ много всегда кандидатовъ, задолго впередъ записавшихся—и эта отговорка тоже не помогла. Карлъ Брюловъ, въ то время ставшій знаменитостью въ Римѣ, былъ въ знакомствѣ со всею римскою знатью, и безъ малѣйшаго труда выхлопоталъ мнѣ у тогдашняго перваго министра кардинала—разрѣшеніе работать съ «Преображенія», помимо очереди. Полгора года я дѣлалъ свой рисунокъ карандашомъ, и все еще твердо не рѣшался на страшную для меня работу, но, наконецъ, въ маѣ 1837 года, заказалъ мѣдную доску въ $1\frac{1}{4}$ пуда, приведшую въ ужасъ моего хозяина, и, когда все было готово, сообщилъ Иванову, что—принимаюсь. Каково-же было мое удивленіе, когда въ ту-же самую минуту Ивановъ, столько лѣтъ пробовавшій себя на эскизахъ, и все не рѣшавшійся окончательно приступить къ давно задуманной картинѣ, торжественно объявилъ мнѣ, что и у него заказанъ холстъ въ $7\frac{1}{2}$ аршинъ вышины и $10\frac{1}{2}$ ширины. Тутъ мы и принялись ревностно за работу. Но годы шли, а картина Иванова мало подвигалась впередъ. Онъ слишкомъ былъ нерѣшителенъ, слишкомъ много времени употреблялъ на этюды. Сколько разъ я ему говорилъ: «Какъ это вы можете, Александръ Андреевичъ, терять понапрасну самое дорогое время въ году? Придетъ лѣто—тутъ только-бы и работать; смотришь, а вы какъ разъ тотчасъ уѣзжаете: то въ Венецію, то въ Неаполь, то въ Субіако, то въ Перуджію! Какъ это можно?

Этакъ вы и въ сто лѣтъ не кончите картину». — «А какъ-же-съ, нельзя-съ такъ», отвѣчаетъ Ивановъ: «этюды, этюды,— мнѣ прежде всего-съ нужны этюды съ натуры, мнѣ безъ нихъ-съ никакъ нельзя съ моей картиной». Чтó съ нимъ подѣлаешь? Тàкъ и отступишься. Упрямъ и своеобыченъ былъ онъ сильно.

Лучшій портретъ Иванова былъ сдѣланъ имъ самимъ въ Римѣ, карандашомъ, и посланъ въ 1846 году отцу. Пріѣхавъ въ Петербургъ въ 1850 году, я навѣстилъ племянницу Александра Андреевича — красавицу Екатерину Андреевну, дочь его родной сестры, тоже Екатерины Андреевны, бывшей за-мужемъ за академикомъ Сухихъ и жившей въ то время въ Севастополѣ. Въ квартирѣ этой-то племянницы я случайно и увидѣлъ тотъ самый портретъ Иванова, который такъ понравился мнѣ еще въ Римѣ, и по чрезвычайному сходству, и по превосходному рисунку и тушевкѣ. Я сильно желалъ его награвировать. Отца Ивановыхъ уже не было въ живыхъ, и портретъ взяла къ себѣ Екатерина Андреевна, вмѣстѣ съ другимъ имуществомъ покойнаго. Но тщетно я упрашивалъ ее отослать его къ ея дядямъ въ Римъ—она ни за-что не соглашалась, и все только отвѣчала: «Послѣ, послѣ когда-нибудь. Я подумаю, соберусь». Такъ этотъ превосходный портретъ и исчезъ, вмѣстѣ съ нею, и всѣ мои развѣдки, впослѣдствіи, ни къ чему не привели. Ивановъ былъ представленъ на этомъ портретѣ по грудь, но безъ рукъ, въ сюртукѣ, съ отросшей бородою.

Нашъ римскій кружокъ не распадался и во время довольно частыхъ отъѣздовъ то того, то другаго изъ нашей среды, изъ Рима, лѣтомъ: одни изъ насъ уѣзжали въ Неаполь или куда нибудь въ другое приморское мѣсто на воды, другіе въ Германію или Россію, третьи (какъ напримѣръ, Ивановъ) отправлялись дѣлать этюды въ разныхъ мѣстностяхъ Италіи. Тогда мы принимались переписываться другъ съ другомъ. У меня было, вслѣдствіе того, не мало писемъ отъ Гоголя и Иванова. Къ несчастью, они не сохранились, и потому я считаю большою радостью для себя, что могу теперь перечитать, послѣ 25 или 30 лѣтъ, хотя нѣкоторыя изъ писемъ Иванова ко-мнѣ, уцѣлѣвшія въ видѣ черновыхъ набросковъ въ его записныхъ тетрадяхъ: они мнѣ напоминаютъ дорогое и незабвенное для меня время.

II.

ВОСПОМИНАНІЯ П. М. КОВАЛЕВСКАГО.

Въ статьѣ своей: «Объ Ивановѣ и его картинѣ» («Отечественныя Записки» 1859, т. CXXIII, отд. I, стр. 113—132), П. М. Ковалевскій передаетъ много очень любопытныхъ и многозначительныхъ подробностей объ Ивановѣ, съ которымъ онъ познакомился въ Римѣ, въ 1856 году, по тому поводу, что родственникъ Гоголя, издававшій въ то время переписку его съ друзьями, поручилъ П. М. Ковалевскому достать отъ Иванова Гоголевскія письма. Проникнуть къ Иванову было очень трудно, потому что студія его была заперта на замокъ, и хозяинъ дома объявлялъ всѣмъ приходящимъ, что Иванова нѣтъ дома и никогда не бываетъ дома. «Дѣлать было нечего, разсказываетъ авторъ:—я послалъ письмо. Дня черезъ два Ивановъ явился самъ вечеромъ, съ пучкомъ писемъ. Это былъ человѣкъ одичалый, вздрагивавшій при появленіи всякаго новаго лица, раскланивавшійся очень усердно съ прислугою, которую принималъ за хозяевъ,—человѣкъ съ движеніями живыми и глазами бѣгавшими, хотя постоянно потупленными въ землю, съ густою просѣдью въ курчавыхъ нѣсколько волосахъ и бородѣ, широкоплечій, средняго роста и мускулистый, съ умною и истинно-русскою наружностью». Картины своей Ивановъ П. М. Ковалевскому не показалъ, какъ и всѣмъ, говоря, что «она того не стóитъ.... Николай Васильичъ (Гоголь) сдѣлалъ мнѣ много вреда похвалами: послѣ его словъ я не вправѣ выставить свою картину... Съ меня слишкомъ много спросится».—«Вы предоставьте судить другимъ».—«Извольте ѣхать-съ къ Овербеку (повторилъ прежнія свои слова Ивановъ, откланиваясь), а обо мнѣ и говорить не стóитъ-съ...» И уходя, обѣщалъ бывать часто. Прошла зима—Ивановъ не являлся. Надо было отсылать письма, а нѣкоторыхъ нельзя было напечатать, не предваривъ его. Случайно я столкнулся съ Ивановымъ на выставкѣ. Мы вмѣстѣ обошли картины: вниманіе его особенно останавливалось на тѣхъ, которыя носили въ себѣ слѣды какого-либо изученія; онъ прощалъ самыя бездарныя между ними, говоря, что онѣ болѣе могутъ принести пользы искусству, нежели хорошенькія сцены (*жанръ*), ничего не прибавляющія для дѣла. Наконецъ, мы остановились у картины русскаго художника-пенсіонера. Онъ долго и внимательно ее разсматривалъ; произносилъ по временамъ отрывистые: *а!*

вотъ что-съ! угу! и тому подобное; на всѣ мои вопросы не далъ ни одного отвѣта; былъ углубленъ во что-то, и, только пройдя нѣсколько улицъ, замѣтилъ, что «надо полагать, весьма, однако, трудно было получить золотую медаль такому-то».

«Къ отсылкѣ писемъ Гоголя въ Россію онъ оказался совершенно равнодушнымъ, и на замѣчаніе мое, что нѣкоторыя изъ нихъ слишкомъ близко касаются лично его, отвѣтилъ: «Я полагаю-съ, это ничего не значитъ!» Замѣчательная черта въ человѣкѣ, который прятался и бѣгалъ отъ публичности!

«На первый годъ наше знакомство тѣмъ и кончилось. На второй (1857), оно, быть можетъ, не возобновилось-бы вовсе, еслибъ пребываніе въ Римѣ вдовствующей Императрицы не открыло двери недоступной студіи. Тутъ я увидалъ Иванова отцомъ лелѣемаго имъ дѣтища, лицомъ къ лицу съ «Явленіемъ Христа народу», но все тѣмъ-же сосредоточеннымъ, съёжившимся ипохондрикомъ, боязливо встрѣчавшимъ приходящихъ на порогѣ и провожавшимъ ихъ безъ всякой надобности до самой лѣстницы... Ивановъ приступилъ къ своей картинѣ нерѣшительно, не вѣруя въ себя, хватаясь за оплоты людей съ именами... Но нерѣшительный Ивановъ, ищущій образцовъ, когда начинаетъ работу, и Ивановъ—совершитель этой работы,—какъ совмѣстить такую слабость и такую силу въ одномъ человѣкѣ? Овербекъ, имѣвшій дѣло съ робкимъ начинаніемъ, проводитъ нѣсколько часовъ передъ оконченнымъ произведеніемъ и только въ состояніи произнести: «Кто могъ-бы думать, Ивановъ насъ надулъ!» Самъ доживающій восьмидесятые свои годы Корнеліусъ, въ полномъ расколѣ съ правдою (натурою) въ искусствѣ, и тотъ, послѣ оговорокъ, что картина грѣшитъ противъ стиля, т.-е. ничѣмъ не подходитъ къ хлыстовщинѣ старовѣровъ, пожимаетъ руку Иванова, твердя: «Вы большой мастеръ! (un valoroso maestro)». А нѣмцамъ, думавшимъ угодить ему хулою, замѣчаетъ строго, чтобъ они пошли, да лучше изучали... Нѣмцы поджимаютъ хвостъ и плетутся въ *Vicolo del Vantaggio* (мѣсто жительства Иванова)...

«Исторгнутый изъ своей кельи, оглушенный тысячью предложеній, совѣтовъ, зововъ, измученный пріемомъ посѣтителей, Ивановъ поневолѣ началъ выбиваться изъ колеи, которою однообразно до тѣхъ поръ катилась его жизнь. Онъ появился въ нѣкоторыхъ русскихъ домахъ; не избѣгалъ общества русскихъ художниковъ, показавшихъ ему (за исключеніемъ немногихъ) вообще горячее сочувствіе. Молодой скульпторъ Забѣлло приступилъ было къ нему съ просьбою позволить

вылѣпить его бюстъ; но это уже выходило за предѣлы его свѣтскости, и онъ на-отрѣзъ отказалъ, говоря, что «это было-бы несообразно»...

Лѣтомъ 1857 года, П. М. Ковалевскій снова встрѣтился съ Ивановымъ въ Интерлакенѣ, куда нашъ художникъ пріѣхалъ изъ Берлина, лечиться сывороткой. «Старая плѣсень затворничества,—разсказываетъ П. М. Ковалевскій,—съ него видимо свалилась: онъ даже глазами глядѣлъ уже менѣе внизъ, и очень радовался, что доктора не нашли въ нихъ органическаго поврежденія. Мѣсяцъ, проведенный въ Интерлакенѣ, съ утра до ночи подъ орѣшниками, сильное движеніе, сыворотка, да къ тому же беззаботность жизни, разговоры на распашку и смѣхъ въ дружномъ кружкѣ русскихъ, надежды, бодрившія старика въ скоромъ будущемъ—все сдѣлало изъ него неузнаваемаго человѣка. Ивановъ точно начиналъ только теперь жить: и что за институтскія были его воззрѣнія и на людей, и на общество! Петербургъ, и съ молоду ему мало знакомый, представлялся его воображенію какъ-то особенно превратно; о людяхъ и дѣйствователяхъ его на разныхъ поприщахъ онъ составлялъ себѣ вовсе несбыточныя понятія: исполнялся неодолимаго страха къ тѣмъ изъ нихъ, которые были совершенно безопасны, и видѣлъ силу тамъ, гдѣ была только слабость... Монахъ въ жизни, онъ пробовалъ ее только теперь, и наслаждался каждымъ глоткомъ ея. Откровенный разговоръ, острая выходка, споръ съ заносчивостью и увлеченіемъ, даже сказанная кѣмъ-либо глупость, все ему звучало ново, даже назидательно, и онъ, когда всѣ умолкали, удалялся подъ густое дерево, и что-то записывалъ мелко и часто въ крошечной книжонкѣ, которую всегда носилъ въ карманѣ. «Весьма много любопытнаго почерпнулъ сегодня», говорилъ онъ, бывало, вечеромъ, и покачивалъ съ довольствомъ головою.

«Придетъ-ли хоръ альпійскихъ трубачей, или дѣвушки съ Бріенскаго озера затянутъ свои пѣсни съ завываніемъ, онъ ко всему прислушивается жадно; приложитъ за ухо ладонь, и стоитъ около, покуда тѣ не уймутся. «Нравится вамъ, Александръ Андреевичъ?», спрашивали его.—«Чрезвычайно любопытно! весьма много можно почерпнуть», отвѣчалъ онъ, и задумывался.

«Самая осторожность его въ высказываніи собственнаго мнѣнія уступала напору общей откровенности, и часто, увлеченный горячимъ споромъ, онъ невольно высказывался. Такимъ образомъ удавалось вызывать его на отзывъ о томъ или другомъ изъ знаменитыхъ художниковъ. Старымъ художникамъ онъ придавалъ большое, не безотносительное, но

историческое значеніе, и въ этомъ случаѣ Чимабуэ и Джіотто по праву имѣли его уваженіе. Въ Жанъ-Беллини онъ восхищался наивностью колорита, но особенно цѣнилъ Леонардо да-Винчи, и даже ѣздилъ нарочно въ какой-то нѣмецкій городъ [1]), гдѣ были его рисунки. Рафаэля онъ превозносилъ за чистоту стиля, прелесть рисунка и проч. «Это школа», говорилъ онъ обыкновенно. Въ Микель-Анджело Буонарротти онъ видѣлъ прежде всего творца купола св. Петра, и, «сдѣлай Буонарротти только куполъ (прибавлялъ Ивановъ)—великое имя его было-бы еще больше». О статуяхъ, кромѣ миѳологическихъ, и картинахъ его онъ избѣгалъ говорить. Но однажды, пойманный врасплохъ, высказался о нѣкоторыхъ изъ нихъ, и чрезвычайно самобытно. «Что вы думаете о «Св. семействѣ» Буонарротти во Флоренціи, въ Трибунѣ?» спросилъ я его, когда онъ никакъ не могъ ожидать этого вопроса. — «Ахъ, какая скука-съ!», отвѣчалъ онъ. — «А его Моисей?» — «Тоже прескучная статуя-съ!»... Всѣхъ выше изъ мастеровъ послѣдняго времени онъ ставилъ Брюлова. «Брюловъ произвелъ революцію въ искусствѣ!» говаривалъ онъ. За Брюловымъ слѣдовалъ Поль-Деларошъ. Ко всѣмъ родамъ живописи, кромѣ строго-исторической, Ивановъ питалъ болѣе чѣмъ равнодушіе: онъ считалъ ихъ вредными, говоря, что они превращаютъ искусство въ одну пустую забаву глазъ и не даютъ художнику развиться въ «историческаго», единственно-истиннаго, по его мнѣнію, художника. Особенно враждовалъ онъ противъ сценъ изъ вседневной жизни (*жанра)*, которыя зналъ болѣе по фламандскимъ рабскимъ копіямъ съ натуры, лишеннымъ всякаго содержанія. «Вы не видѣли сценъ Ѳедотова!» говорилъ я ему: «иначе вы судили-бы не такъ; это Гоголь въ краскахъ». Я до того договорился о Ѳедотовѣ, что послѣ, упоминая о *жанрѣ*, онъ ужъ всегда дѣлалъ оговорку: «кромѣ Ѳедотова-съ»...

«Послѣ Лондона я видѣлъ Иванова въ Остенде и въ Парижѣ—желтаго, похудѣвшаго; онъ раздражался всѣмъ, былъ глубоко обиженъ, что въ «Jardin des plantes» сторожъ не повѣрилъ его званію художника и не позволилъ срисовать верблюда. — «Вы это сдѣлаете въ Пизѣ», говорилъ я Иванову: «тамъ ихъ много».—«Вы это точно знаете?»—«Точно». И онъ оживился. Италія уже начинала звать его къ себѣ, какъ мать; о ней онъ вспоминалъ и въ Швейцаріи, и холодно смотрѣлъ на дерзкія громады Альповъ, казавшіяся ему грубыми послѣ изнѣженныхъ итальянскихъ линій горъ.

«Въ послѣдній разъ, въ Парижѣ, я видѣлъ Иванова въ

---

[1]) Веймаръ.

суетахъ: онъ накупилъ себѣ 12 манкеновъ (маленькихъ) и подбиралъ къ нимъ драпировки, никакъ не находя матерій, потому что искалъ старинныхъ, а въ Парижѣ—въ августѣ іюньская матерія уже старинна, и ея уже не сыщешь. «Это будутъ 12 апостоловъ», говорилъ Ивановъ, и глаза его блестѣли дѣтской радостью: «я ихъ буду ставить въ группы. Съѣзжу въ Палестину, и исполню всю жизнь Христа въ эскизахъ. Раздѣлю ихъ на двое — ученье и чудеса. У меня давно все подготовлено-съ. Только бы поскорѣе получить деньги за картину».—«Гдѣ-то теперь увидимся?» спросилъ я его, провожая на улицу.—«Только не въ Петербургѣ-съ!» отвѣчалъ онъ весело.

«И точно, мы не увидѣлись въ Петербургѣ»...

III.

ВОСПОМИНАНІЯ В. П. ГАЕВСКАГО (1879 г.).

Я познакомился съ Ивановымъ въ 1857 г., въ Лондонѣ. Немедленно по пріѣздѣ, онъ, 21 авг. (2 сент.), отправился въ Пётней (Putney), близь Лондона,—къ Г., свиданіе съ которымъ было главною цѣлью его поѣздки въ Англію. Въ этотъ же день пріѣхалъ ко мнѣ Г., съ которымъ мы уже прежде условились ѣхать въ Манчестеръ на художественную выставку, и сообщилъ, что у него былъ Ивановъ, но не засталъ, и что онъ послалъ ему записку, приглашая ѣхать съ нами въ Манчестеръ.—Г. не видѣлся съ Ивановымъ лѣтъ десять, съ Рима, я вовсе не зналъ его, и мысль совершить вмѣстѣ съ нимъ художественную поѣздку намъ очень улыбалась. Но мы прождали его напрасно, и уѣхали вдвоемъ съ 4-мъ часовымъ поѣздомъ. Впослѣдствіи оказалось, что Ивановъ уже былъ въ Манчестерѣ, и, предполагая остаться въ Лондонѣ съ недѣлю, рѣшилъ ожидать возвращенія Г.—Пробывъ въ Манчестерѣ три дня, мы возвратились въ Лондонъ поздно вечеромъ 23 авг. (5 сент.), а на другой день я получилъ отъ Г. записку, чтобъ приходить въ *National Gallery*, гдѣ онъ будетъ съ Ивановымъ до 3 часовъ. «Ивановъ»—писалъ мнѣ Г.— «est un homme très excentrique, artiste etc». Вотъ впечатлѣніе ихъ первой, минутной встрѣчи. Мы сошлись въ Національной Галлереѣ одновременно, и провели тамъ нѣсколько часовъ.

Ивановъ произвелъ на меня впечатлѣніе очень умнаго,

чрезвычайно скромнаго, застѣнчиваго и нѣсколько одичавшаго человѣка. Разговоръ шелъ только о живописи. Ивановъ жадно прислушивался ко всякому слову Г., изрѣдка вставляя замѣчанія, какъ бы въ подтвержденіе его мнѣній.—Г. не былъ знатокомъ живописи, но имѣлъ много вкуса и художественнаго чутья, и высказывалъ мнѣнія о произведеніяхъ искусства по своему личному впечатлѣнію, не соображаясь съ академическими преданіями. Ему болѣе всего дорогъ былъ, по его собственнымъ словамъ, «эпикуреизмъ искусствомъ». Эта независимость сужденія чрезвычайно поражала Иванова, воспитаннаго на поклоненіи старымъ итальянскимъ мастерамъ. Предметомъ безусловнаго его поклоненія были, на этотъ разъ, въ особенности Тиціанъ и Гвидо-Рени. Я помню, съ какимъ недоумѣніемъ онъ отскочилъ отъ насъ, услыхавши, что отъ Тиціана, при всѣхъ достоинствахъ письма и колорита, вѣетъ скукою и холодомъ. Ивановъ не вѣрилъ своимъ ушамъ, казалось, хотѣлъ переспросить, но воздержался, и не возражалъ, какъ намъ показалось, единственно потому, что въ подобномъ мнѣніи ему слышалось какое-то богохульство: это мнѣніе слишкомъ радикально расходилось съ его взглядомъ, и онъ чувствовалъ невозможность соглашенія. Пристрастіе Иванова распространялось, за Тиціаномъ, и на всю венеціанскую школу. Съ другой стороны, онъ очень сдержанно выслушивалъ наши восторги отъ произведеній Рубенса и другихъ фламандцевъ, и въ этомъ отношеніи былъ послѣдователенъ. Манчестерская выставка, на которой были собраны художественныя сокровища всей Англіи, находящіяся у частныхъ лицъ, повидимому, не произвела особеннаго впечатлѣнія на Иванова: онъ вовсе не говорилъ о ней, и довольно равнодушно выслушивалъ наши разсказы. Ивановъ, очевидно, былъ озабоченъ сомнѣніями и вопросами, разрѣшенія которыхъ ждалъ отъ Г., и съ которыми связывалъ свою дальнѣйшую художественную дѣятельность. Онъ говорилъ намъ о намѣреніи изобразить главнѣйшія событія изъ жизни Іисуса Христа, и просилъ указать какое-либо сочиненіе о Палестинѣ, на доступныхъ ему только итальянскомъ и французскомъ языкахъ. Я указалъ извѣстное иллюстрированное сочиненіе аббата Michon, которое онъ и рѣшилъ пріобрѣсти въ Парижѣ. Для изученія мѣстности, природы и вообще обстановки, среди которыхъ Ивановъ предполагалъ изображать евангельскія событія, онъ собирался ѣхать въ Палестину, не сознавая, что приближающаяся старость и разстройство здоровья и зрѣнія, при его добросовѣстной до кропотливости работѣ, дѣлаютъ это предпріятіе трудно осуществимымъ.

Въ тотъ же день мы обѣдали съ семействомъ Г., по случаю

имянинъ его дочери и Н. А. О—вой. Ивановъ, видѣвшій ихъ въ первый разъ, былъ довольно разговорчивъ, и съ увлеченіемъ говорилъ о пользѣ, которую надѣялся извлечь изъ своего путешествія для будущихъ работъ. Свѣтлое, спокойное настроеніе Иванова сообщалось его собесѣдникамъ, и какъ-то легко становилось на душѣ въ присутствіи этого чистаго сердцемъ человѣка.—Г. съ удовольствіемъ вспоминалъ впослѣдствіи объ этой встрѣчѣ, и съ свойственнымъ ему талантомъ описалъ ее въ одной газетѣ [1]).

На слѣдующій день Ивановъ поѣхалъ со мною къ Г., у котораго мы встрѣтили Саффи, одного изъ римскихъ тріумвировъ 1848 г.—Разговоръ, какъ и вчера, не выходилъ изъ предѣловъ искусства и литературы, не касаясь политики, къ которой Ивановъ былъ довольно равнодушенъ. Онъ очень желалъ видѣть Мацзини, чтобъ узнать его взглядъ на задачи современнаго искусства; но Мацзини тогда не былъ въ Лондонѣ. Въ ту же ночь 23 августа (9 сентября) Ивановъ уѣхалъ въ Брюссель на художественную выставку, взявъ отъ меня рекомендательныя письма къ основателю и редактору газеты «Le Nord», Н. П. Поггенполю, и сотруднику ея, моему лицейскому товарищу, Ю. П. Поггенполю. Мы условились съѣхаться чрезъ нѣсколько дней въ Парижѣ.

Въ слѣдующемъ году я встрѣтился съ Ивановымъ въ Петербургѣ, на освященіи Исакіевскаго собора, 30 мая. Онъ только что вернулся въ Россію послѣ 28-лѣтняго отсутствія, и хотя уже надломленный отъ чрезмѣрнаго труда и лишеній, но еще полный надеждъ, не подозрѣвая ожидавшихъ его разочарованій и оскорбленій. Публика долго не имѣла возможности видѣть его картину, которая прибыла въ Петербургъ въ самое глухое, лѣтнее время, и была доставлена прямо въ Зимній дворецъ. Немедленно по полученіи картины, Ивановъ пригласилъ меня посмотрѣть ее. Не буду описывать моихъ личныхъ впечатлѣній, но не могу умолчать о чертѣ, характеризующей Иванова,—о его необыкновенной скромности при оцѣнкѣ своего великаго произведенія. Та же скромность поразила меня, когда онъ показывалъ свои замѣчательные и въ высшей степени поучительные этюды къ этой картинѣ. Сперва онъ не хотѣлъ даже выставлять ихъ, и только весьма немногочисленные его почитатели имѣли въ то время случай любоваться ими въ квартирѣ Боткиныхъ, у которыхъ онъ остановился [2]).

Въ іюнѣ я сообщилъ Иванову о пріѣздѣ въ Петербургъ

---

[1]) Выписка изъ нея приведена выше, на стр. XXIII и XXIV «Біографіи».
[2]) Потомъ они были выставлены самимъ Ивановымъ въ Академіи Художествъ.

жены Ю. Поггенполя. Онъ собирался поѣхать къ ней, чтобъ познакомиться и поблагодарить за дружескій пріемъ, оказанный ему въ Брюсселѣ ея мужемъ. Между тѣмъ дня черезъ два умерла отъ холеры ея маленькая дочь. Этотъ печальный случай, о которомъ я тогда же разсказалъ Иванову, чрезвычайно поразилъ его. «Значитъ, нужно здѣсь всего опасаться, особенно пріѣзжему» — сказалъ онъ.

Всегда необыкновенно воздержный въ пищѣ и питьѣ, онъ сталъ еще воздержнѣе, и всего остерегался. Болѣзненная мнительность развивалась еще болѣе вслѣдствіе неудачъ и огорченій. Вызванный въ Сергіевку, онъ поѣхалъ не ѣвши, проголодалъ цѣлый день, и, возвратясь измученный нравственно и физически, заболѣлъ въ тотъ же вечеръ. Черезъ три дня (3 іюля 1858 г.) уже все было кончено...

IV.

ВОСПОМИНАНІЯ И. С. ТУРГЕНЕВА.

Въ статьѣ подъ заглавіемъ «Поѣздка въ Альбано и Фраскати» («Вѣкъ» 1861 г., № 15), И. С. Тургеневъ сообщилъ нѣсколько въ высшей степени важныхъ и интересныхъ біографическихъ свѣдѣній объ Ивановѣ. Онъ разсказываетъ, какъ въ одинъ изъ превосходнѣйшихъ октябрьскихъ дней 1857 года, они втроемъ совершили поѣздку, въ коляскѣ, въ Альбано и Фраскати. Участвующіе были: Вас. Петр. Боткинъ, самъ Ив. Серг. Тургеневъ и—Ивановъ, «или, какъ его величали въ Римѣ отъ трактира Falcone до Café Greco — il Signor Alessandro, который и по одеждѣ, и по привычкамъ, давно сталъ кореннымъ римляниномъ». «Мы наканунѣ, продолжаетъ Ив. Серг. Тургеневъ, вмѣстѣ съ Ивановымъ, ходили въ Ватиканъ; но Ивановъ былъ въ ударѣ, не дичился и не ёжился, говорилъ охотно и много. Онъ говорилъ намъ о различныхъ школахъ итальянской живописи, которую изучилъ подробно и добросовѣстно; всѣ его сужденія были тонки, дѣльны и проникнуты уваженіемъ къ «старымъ мастерамъ». Передъ Рафаэлемъ онъ благоговѣлъ. Извѣстно, что на Иванова нѣкогда имѣлъ сильное и благотворное вліяніе Овербекъ: онъ уяснилъ ему Рафаэля; но когда Овербекъ пошелъ дальше, Ивановъ остановился: русскій здравый смыслъ удержалъ его на порогѣ того искусственнаго, аскетическаго, символическаго міра, въ которомъ потонулъ германскій художникъ; за то идеалистъ

Ивановъ остался навсегда въ глазахъ Овербека грубымъ реалистомъ. Сентиментальность была чужда Иванову: она чужда всякому истинно-русскому человѣку. Онъ глубоко сожалѣлъ о современномъ направленіи нашихъ художниковъ — (одинъ изъ нихъ при мнѣ величалъ Рафаэля *бездарнымъ*), и разсказывалъ намъ кое-что о Брюловѣ и о Гоголѣ, котораго называлъ постоянно: Николаемъ Васильичемъ. Изъ его почтительныхъ, но осторожныхъ отзывовъ о нашемъ великомъ писателѣ, можно было заключить, что онъ особенно хорошо изучилъ его. Гоголь нисколько не понималъ Иванова, хотя превозносилъ его «Явленіе Христа»; вѣдь тотъ-же Гоголь приходилъ въ восхищеніе отъ «Послѣдняго дня Помпеи»; а любить эти двѣ картины, въ одно и то же время, невозможно. Ивановъ съ особеннымъ сочувствіемъ упоминалъ о страшномъ впечатлѣніи, произведенномъ на Гоголя всеобщимъ осужденіемъ его «Переписки»; объ этомъ, да еще о 1848 годѣ, Ивановъ говорилъ не иначе, какъ съ содроганіемъ. Можетъ быть, ему въ голову приходило, что «вотъ и мою картину, пожалуй, такъ-же разбранятъ»; а въ началахъ, которыя чуть-было не восторжествовали въ 1848 году, онъ почему-то видѣлъ конецъ и раззореніе всякаго художества [1]).

«Рѣчь зашла и объ его картинѣ. Мы ее тогда не видали, и онъ собирался отпереть свою студію дня на три, что̀ онъ и исполнилъ нѣсколько недѣль спустя. Онъ утверждалъ, что она еще далеко не кончена, и сообщилъ намъ любопытныя подробности о своей поѣздкѣ въ Германію къ одному извѣстному ученому [2]), воззрѣніе котораго совпадало съ тѣмъ, что̀ онъ, Ивановъ, хотѣлъ выразить въ своей картинѣ. Онъ намѣревался пригласить этого ученаго въ Римъ для того, чтобъ тотъ рѣшилъ, точно-ли соотвѣтствуетъ картина вышесказанному воззрѣнію.

«По словамъ Иванова, докторъ *** [3]), вѣроятно, принялъ его за сумасшедшаго, тѣмъ болѣе, что разговоръ происходилъ со стороны ученаго на латинскомъ, а со стороны Иванова на итальянскомъ языкѣ, такъ какъ Ивановъ не понималъ по-нѣмецки; должно замѣтить, что Ивановъ плохо понималъ по латыни, а ученый—по итальянски. Живо помню я наивное, почти трогательное удивленіе Иванова, когда мы съ Боткинымъ начали объяснять ему, что еслибы даже ученый согласился пріѣхать въ Римъ, или точнѣе, если бы ему позволили туда пріѣхать, все-таки бы онъ не могъ рѣшить, достигъ-ли Ивановъ своей цѣли и передалъ-ли его образъ мы-

[1]) Въ письмахъ Иванова 1847—48 годовъ мы читаемъ совершенно иное.
[2]) Давиду Штраусу.
[3]) Докторъ Штраусъ.

слей, потому что для этого еще нужно было особенное понимание искусства, которымъ ученый едва-ли обладалъ. Онъ могъ не узнать воплощенія своего собственнаго воззрѣнія, или, наоборотъ, увидѣть его воплощеніе тамъ, гдѣ его не было.

—«Такъ-съ, такъ-съ,—повторялъ Ивановъ, добродушно осклабляясь, пришепетывая и мигая.—Это очень интересно-съ (любимое его словцо). Этого мнѣ въ голову не приходило-съ».

«Долгое разобщеніе съ людьми, уединное житье съ самимъ собою, съ одной и той-же постоянной, неизмѣнной мыслью, наложило на Иванова особенную печать; въ немъ было что-то мистическое [1]) и дѣтское, мудрое и забавное, все въ одно и тоже время, что-то чистое, искреннее и скрытное, даже хитрое. Съ перваго взгляда все существо его казалось проникнуто какою-то недовѣрчивостью, какой-то, то суровой, то заискивающей робостью; но когда онъ привыкалъ къ вамъ—а это происходило довольно скоро, хотя и повторялось, начиналось сызнова, при каждомъ свиданіи—его мягкая душа такъ и раскрывалась. Онъ внезапно хохоталъ отъ самой обыкновенной остроты, удивлялся до онѣмѣнія самымъ общепринятымъ положеніямъ, пугался каждаго, немного рѣзкаго, слова (помнится, однажды, онъ даже подпрыгнулъ на воздухѣ, услышавъ отъ одного изъ насъ, что такая-то извѣстная русская писательница—глупа) [2])—и вдругъ произносилъ слова, исполненныя правды и зрѣлости, слова, свидѣтельствовавшія объ упорной работѣ ума замѣчательнаго. Къ сожалѣнію, воспитаніе онъ получилъ слишкомъ поверхностное, какъ большая часть нашихъ художниковъ. Усидчивымъ трудомъ онъ старался восполнить этотъ недостатокъ. Древній міръ ему былъ хорошо знакомъ, онъ изучилъ ассирійскія древности (онѣ были ему нужны для его будущихъ картинъ),—Библію, и въ особенности Евангеліе онъ зналъ отъ слова до слова. Онъ охотнѣе слушалъ, чѣмъ говорилъ, и, несмотря на это, бесѣдовать съ нимъ было истиннымъ наслажденіемъ: столько было въ немъ добросовѣстнаго и честнаго желанія истины. На наши вечеринки онъ приходилъ всегда первый, и, какъ только завязывался споръ, съ напряженнымъ и терпѣливымъ вниманіемъ слѣдилъ за развитіемъ мысли каждаго. Въ числѣ русскихъ, жившихъ тогда въ Римѣ, находился одинъ добрый и не глупый малый, но съ потемками въ головѣ и со спутан-

---

[1]) Ни письма, ни вся жизнь Иванова нигдѣ не показываютъ ни малѣйшихъ слѣдовъ мистицизма.

[2]) Въ „Воспоминаніяхъ“ П. В. Анненкова (П. 1877, отд. I, стр. 205), говорится, что „къ великому соблазну А. А. Иванова, Гоголь объявилъ однажды, что извѣстная пушкинская сцена изъ Фауста выше всего Фауста Гете, вмѣстѣ взятаго“.

нымъ языкомъ; Ивановъ позже всѣхъ насъ махнулъ на него рукой. Литература и политика его не занимали [1]): онъ интересовался вопросами, касавшимися до искусства, до морали, до философіи. Однажды кто-то принесъ къ нему тетрадку удачныхъ каррикатуръ: Ивановъ долго ихъ разсматривалъ—и, вдругъ поднявъ голову, примолвилъ: «Христосъ никогда не смѣялся». Его вездѣ принимали съ радостью: одинъ видъ его лица съ широкимъ, бѣлымъ лбомъ, усталыми добрыми глазами, нѣжными, какъ у ребенка, щеками, заостреннымъ носомъ и забавно сложеннымъ, но пріятнымъ ртомъ—вызывалъ невольное сочувствіе и привѣтъ въ сердцѣ каждаго. Роста онъ былъ небольшаго, приземистаго, плечистъ; вся его фигура отъ бородки клинушкомъ до пухлыхъ, короткопалыхъ ручекъ и проворныхъ ножекъ съ толстыми икрами—дышала Русью и ходилъ онъ русской походкой. Онъ не былъ самолюбивъ, но о своемъ трудѣ имѣлъ высокое понятіе: не даромъ же онъ положилъ въ него всѣ свои силы и надежды.

«Разговоръ коснулся Ватикана.

«Надо будетъ завтра опять туда пойти, замѣтилъ Боткинъ; а оттуда вы, по вчерашнему, приходите къ намъ обѣдать. (Мы съ Боткинымъ каждый день обѣдали въ Hôtel d' Angleterre, за общимъ столомъ).

—«Обѣдать?—воскликнулъ Ивановъ, и вдругъ поблѣднѣлъ.—Обѣдать! повторилъ онъ. Нѣтъ-съ, покорно благодарю; я и вчера едва живъ остался».

«Мы подумали, что онъ, шутки ради, намекаетъ на сдѣланное имъ наканунѣ излишество (онъ вообще ѣлъ чрезвычайно много и жадно) [2])—и начали уговаривать его.

—«Нѣтъ-съ, нѣтъ-съ, твердилъ онъ, все болѣе и болѣе теряясь:—я не пойду; тамъ меня отравятъ.

—«Какъ отравятъ?»

—«Да-съ, отравятъ, яду дадутъ.—Лицо Иванова приняло странное выраженіе, глаза его блуждали...

«Мы съ Боткинымъ переглянулись, ощущеніе невольнаго ужаса шевельнулось въ насъ обоихъ.

— «Что вы это, любезный Александръ Андреевичъ, какъ это вамъ яду дадутъ за общимъ столомъ? Вѣдь надо цѣлое блюдо отравить. Да и кому нужно васъ губить?

— «Видно есть такіе люди-съ, которымъ моя жизнь нуж-

---

[1]) Насколько сильно современное политическое движеніе занимало Иванова, начиная съ 1847 и 1848 года, доказываютъ его письма и записныя книжки этого времени.

[2]) Всѣ свидѣтельства, исключая одного настоящаго, а равно и письма самого Иванова, доказываютъ, что онъ во всю свою жизнь былъ необыкновенно воздерженъ въ пищѣ и питьѣ.

на-съ. А что на счетъ цѣлаго блюда... да онъ мнѣ на тарелку подброситъ».

— «Кто онъ?»

— «Да гарсонъ-съ, камеріеръ».

— «Гарсонъ?»

— «Да-съ, подкупленный. Вы итальянцевъ еще не знаете; это ужасный народъ-съ, и на это преловкіе-съ. Да меня вездѣ отравливали, куда я ни ѣздилъ. Здѣсь только одинъ честный гарсонъ-съ и есть—въ Falcone, въ нижней комнатѣ... на того еще можно пока положиться.

«Я хотѣлъ было возражать, но Боткинъ исподтишка толкнулъ меня колѣномъ.

— «Ну, вотъ что я вамъ предлагаю, Александръ Андреевичъ, началъ онъ:—вы приходите завтра къ намъ обѣдать, какъ ни въ чемъ не бывало, а мы, всякій разъ какъ наложимъ тарелки, помѣняемся съ вами...»

«На это Ивановъ согласился, и блѣдность съ лица его сошла, и губы перестали дрожать, и взоръ успокоился. Мы послѣ узнали, что онъ, послѣ каждаго слишкомъ сытнаго обѣда, бѣжалъ къ себѣ домой, принималъ рвотное, пилъ молоко.

«Бѣдный отшельникъ! Двадцатилѣтнее одиночество не обошлось ему даромъ.....

«Мѣсяцевъ восемь спустя, въ не то знойный, не то холодный, кислый іюньскій день встрѣтилъ я Иванова на площади Зимняго Дворца, въ Петербургѣ, среди безпрестанно набѣгавшихъ столбовъ той липкой, сорной пыли, которая составляетъ одну изъ принадлежностей нашей сѣверной столицы. Онъ съ озабоченнымъ видомъ отвѣчалъ на мое привѣтствіе; онъ только-что вышелъ изъ Эрмитажа; морской вѣтеръ крутилъ фалды его мундирнаго фрака; онъ щурился и придерживалъ двумя пальцами свою шляпу. Картина его уже была въ Петербургѣ и начинала возбуждать невыгодные толки. Нѣсколько дней спустя, я уѣхалъ въ деревню, а недѣли черезъ двѣ дошла до меня вѣсть объ его кончинѣ... Вспомнился мнѣ тотъ суевѣрный ужасъ, съ которымъ онъ всегда отзывался о Петербургѣ и о предстоящей поѣздкѣ туда....»

V.

ВОСПОМИНАНІЯ К. Д. КАВЕЛИНА.

(ПИСЬМО КЪ В. В. СТАСОВУ, 1879 г.).

Вы просите меня сообщить подробности о моихъ свиданіяхъ съ А. А. Ивановымъ, и ссылаетесь на отзывы его въ письмахъ къ брату Сергѣю, въ Римъ, о нашихъ бесѣдахъ. Примкнуть къ «Біографіи» и «Перепискѣ» Иванова, а тѣмъ болѣе вставить въ нее какое-нибудь путное слово, значило бы вставить свое имя въ исторію русской культуры, а это мнѣ и всякому—лестно и дорого. Но во имя истины и правды мнѣ приходится молчать. Съ Ивановымъ я познакомился очень незадолго до его кончины, и видѣлся съ нимъ всего-на-всего раза три до его болѣзни. Никакихъ значительныхъ разговоровъ между нами не происходило. Ивановъ, сколько я замѣтилъ, былъ очень застѣнчивъ и скрытенъ. Изъ сношеній съ нимъ я видѣлъ, что онъ обо мнѣ хорошо думалъ, и желалъ со мной сблизиться, но сблизиться мы не успѣли. Надо замѣтить, что, по возвращеніи въ Россію съ картиною, онъ былъ въ безпрестанныхъ разъѣздахъ по окрестностямъ Петербурга, чтó и было причиною, почему мы видѣлись рѣдко и не успѣли покороче познакомиться. Всего лучше и легче это дѣлается за обѣдомъ и послѣ обѣда; но Ивановъ, какъ вы, конечно, знаете, подозрѣвалъ всѣхъ и каждаго, что его хотятъ отравить (это разсказываютъ люди, стоявшіе къ нему очень близко), и потому самъ себѣ готовилъ кушанье, или приходилъ обѣдать въ кабачки неожиданно, мѣняя ихъ безпрестанно. У меня онъ, сколько помнится, не обѣдалъ ни разу, и я у него тоже. Намеки, въ его письмахъ къ брату, на «важные для него разговоры», у меня происходившіе, конечно, относятся къ совѣтамъ и указаніямъ исключительно практическаго свойства, которыя я ему дѣйствительно давалъ: къ кому и какъ обратиться, чтó и кáкъ дѣлать, чтобъ онъ самъ и его картина имѣли успѣхъ во вліятельныхъ и предержащихъ сферахъ, и проч.

VI.

ВОСПОМИНАНІЯ В. В. СТАСОВА (1879 г.).

Въ 1852, 53 и 54 годахъ, я пріѣзжалъ въ Римъ, изъ Флоренціи, гдѣ тогда жилъ, разъ пять, и мнѣ никогда не удалось увидѣть Александра Иванова, не смотря на то, что я былъ очень близокъ съ его братомъ Сергѣемъ, и видался съ нимъ очень часто въ каждый свой пріѣздъ. То Александра Иванова не было въ Римѣ, то онъ, по своему тогдашнему обыкновенію, употреблялъ всѣ усилія, чтобы избѣжать новаго знакомства. Оба брата, Сергѣй и Александръ, жили не только въ одной квартирѣ, но даже въ одной комнатѣ, и кровати ихъ стояли рядомъ, но въ этой квартирѣ они и сами рѣдко встрѣчались и разговаривали, потому что братъ Александръ очень рано вставалъ и уходилъ въ свою мастерскую, а братъ Сергѣй спалъ утромъ дольше, и они расходились такимъ образомъ, не повидавшись другъ съ другомъ. Днемъ имъ случалось иногда обѣдать вмѣстѣ — всего чаще въ трактирѣ Falcone, но иногда и врозь, потому что Сергѣй Ивановъ либо долго работалъ, чертилъ и рисовалъ дома, либо проводилъ утро въ библіотекѣ «Minerva», или въ Археологическомъ Институтѣ, а потомъ обѣдалъ гдѣ-нибудь по близости, гдѣ случится. Вечеромъ, Александръ Ивановъ, въ 1846 г., еще неизмѣнно проводилъ часа 2—3 у Гоголя, куда Сергѣй Ивановъ не ходилъ, и лишь остальной вечеръ они иной разъ проводили вмѣстѣ, у своихъ хозяевъ, или у ихъ родственницъ, сестеръ Монтекки и Марини. Попасть въ мастерскую Александра Иванова и увидать его картину — было еще труднѣе: самъ Сергѣй Ивановъ по цѣлымъ годамъ не бывалъ тамъ въ послѣднее время, развѣ что по особенному зову брата. Сергѣй Ивановъ мнѣ разсказывалъ тогда (и это же подтвердилъ впослѣдствіи С. Л. Левицкій), съ какимъ трудомъ онъ добился увидать брата, когда въ первый разъ пріѣхалъ въ Римъ изъ Парижа, весной 1846 года. У нихъ шла передъ тѣмъ самая оживленная переписка, Александръ Ивановъ ждалъ брата съ крайнимъ нетерпѣніемъ, и все-таки, когда Сергѣй Ивановъ, вмѣстѣ съ Левицкимъ, только что высадившись изъ дилижанса, пришли въ студію Александра, они нашли ее завертою на нѣсколько задвижекъ и на огромный замокъ.—С. Л. Левицкій, уже раньше того жившій въ Римѣ и знакомый съ Александромъ Ивановымъ, началъ стучаться и громко кликать его:

Нѣтъ отвѣта. Стали стучаться еще сильнѣе, кричать: «Отворите, отворите, Александръ Андреевичъ,—вашъ братъ Сергѣй пріѣхалъ!» Тогда въ отверстіи, продѣланномъ въ полу лѣстницы, ведшей въ верхній этажъ, сдѣлалось вдругъ темно, чей-то глазъ оттуда посмотрѣлъ, раздались шаги по лѣстницѣ, засовы и замки отворились, тихо повернулась дверь на петляхъ, и показалась все еще недовѣряющая фигура Александра Иванова. Оба брата не узнали другъ друга. Они разстались 16 лѣтъ тому назадъ — сколько-же перемѣнъ произошло въ обоихъ! Одинъ выросъ изъ маленькихъ безцвѣтныхъ мальчиковъ, какимъ остался въ Петербургѣ, въ 1830 году, и являлся теперь крѣпкимъ, возмужалымъ юношей, сложившимся художникомъ, получившимъ большую медаль отъ Академіи и жадно ринувшимся на работу и розысканія; другой сталъ теперь зрѣлымъ художникомъ, прошедшимъ сквозь огонь мысли, несчастія, вдохновеній и разочарованій,—пріятель Гоголя, страстный обожатель Россіи и вовсе не обожатель русскихъ художниковъ въ Петербургѣ и Римѣ. Вся эта внутренняя работа наложила сильную печать на внѣшній обликъ каждаго изъ нихъ. Это были совсѣмъ другіе люди. Нѣсколько секундъ продолжалось недовѣріе Александра Иванова и разглядываніе новаго субъекта, выдаваемаго ему за брата; наконецъ онъ убѣдился, что обмана нѣтъ, и съ радостными слезами бросился обнимать своего дорогаго Сережу, повелъ его въ студію, показывалъ картину, и снова обнималъ и цѣловалъ его, среди прерывистыхъ разсказовъ. Потомъ онъ поселилъ его въ своей комнатѣ, и тамъ они вмѣстѣ прожили, рядомъ, цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ. При такомъ недовѣріи, при такой подозрительности и предосторожности даже къ самому близкому человѣку, каковы-же должны были быть у Александра Иванова недовѣріе, и подозрительность, и предосторожности къ постороннимъ?

Итакъ, я не видалъ Александра Иванова въ Римѣ. Но за то сколько я о немъ наслушался отъ Сергѣя Иванова! Младшій братъ относился къ старшему не только съ безпредѣльною любовью и удивленіемъ къ его таланту, знаніямъ, но еще съ глубокою почтительностью, какъ къ тому человѣку, который, сколько ни былъ занятъ своимъ собственнымъ громаднымъ дѣломъ, но ни единой минуты все-таки не переставалъ думать и хлопотать о его образованіи и возвышеніи. Александръ Ивановъ въ первое же время сталъ водить брата Сергѣя по всему Риму и его окрестностямъ, познакомилъ его съ библіотекарями лучшей библіотеки въ Римѣ — «alla Minerva», съ оріенталистомъ Ланчи, и постоянно разговаривалъ съ нимъ, когда они бывали вмѣстѣ, о его научныхъ за-

нятіяхъ. Только что проходилъ слухъ о какихъ-нибудь новыхъ раскопкахъ въ Римѣ или его окрестностяхъ, Александръ Ивановъ тотчасъ посылалъ туда брата Сергѣя; когда же происходили какія-нибудь новыя открытія въ катакомбахъ, онъ непремѣнно тотчасъ отправлялся туда и самъ, надѣясь увидать новые древне-христіанскіе типы, особенно изображенія Христа и апостоловъ, занимавшія его всего болѣе.

Александръ Ивановъ разсказывалъ съ негодованіемъ брату Сергѣю про «гусарское» поведеніе нашихъ художниковъ, про ихъ попойки и вѣчныя карты, про ихъ буйныя скачки верхомъ, подъ хмѣлекъ, въ Альбано или Фраскати—отъ скуки, отъ праздности, отъ разгулявшагося безалабернаго молодечества; про ихъ шумныя и крикливыя бесѣды отъ безпредѣльной внутренней пустоты; про то, какъ иные, напившись до безчувствія, засыпали на Piazza del Popolo, на ступеняхъ обелиска, и просыпались рано по утру нагіе, потому что ихъ обчистили ночные воры, и приходилось идти стучать въ дверь къ ближайшимъ знакомымъ, чтобъ, ради Бога, поскорѣй имъ выбросили рубашку въ форточку, не то полиція накроетъ и заберетъ; про то, какъ другіе товарищи, тоже натянувшись мертвецки пьяные, попадали въ широкіе бассейны фонтановъ, на улицѣ, и ихъ потомъ вытаскивали оттуда еле-живыхъ;—наконецъ, десятки анекдотовъ такого-же интереснаго свойства: все это наполняло строгихъ, серьёзныхъ Ивановыхъ глубокимъ негодованіемъ и отвращеніемъ, и они сторонились отъ большинства русскихъ пенсіонеровъ, какъ отъ людей, можетъ быть и не безталанныхъ, милыхъ и добрыхъ, но пустыхъ, сильно-глуповатыхъ и лишенныхъ всякаго интеллектуальнаго стремленія.

Разсказывалъ мнѣ тогда Сергѣй Ивановъ и про превосходныя акварели, сдѣланныя въ 1844 году Штернбергомъ для альбома Кривцова, инспектора русскихъ художниковъ въ Римѣ, человѣка очень хорошаго, и любимаго всѣми вообще нашими художниками. Тутъ было не мало талантливыхъ и очень остроумныхъ каррикатуръ на многихъ тогдашнихъ русскихъ пенсіонеровъ въ Римѣ. Такъ напримѣръ, Ѳ. И. Іорданъ (нынѣ ректоръ Академіи Художествъ), за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ воротившійся изъ Лондона, гдѣ прожилъ 6 лѣтъ, былъ представленъ совершеннымъ англоманомъ по костюму и фигурѣ; у него въ рукахъ — маленькій пароходикъ; онъ загнутымъ назадъ большимъ пальцемъ точно толкуетъ всѣмъ: «Вотъ-молъ, какъ у насъ, тамъ, въ Лондонѣ—а не то, что ваши дрянныя лодчонки здѣсь, на Тибрѣ!» Живописцы Завьяловъ и Шамшинъ представлены были, въ вѣнцахъ и обнявшись, летящими въ Россію, между тѣмъ

какъ толстыя бобелины ревутъ вдали, утирая кулаками слезы. Граверъ Пищалкинъ былъ изображенъ, какъ онъ во снѣ видитъ, съ умильной миной, танцовщицу Черито, сыплющую на него «слатенькіе пирожки» (его страсть), и дотрогивающуюся до него кончикомъ своей балетной ножки. Еще былъ изображенъ тутъ Орвіетскій соборъ, идущій на 8-ми ногахъ и протягивающій Кудрявцеву, изнутри своихъ стѣнъ, 8 рукъ, просящихъ у инспектора денегъ — это была аллегорія четырехъ русскихъ архитекторовъ: Рязанова, Венуà, Кракау и Росси, срисовывавшихъ знаменитый Орвіетскій соборъ и часто нуждавшихся въ деньгахъ. Наконецъ, въ числѣ другихъ каррикатуръ, былъ также представленъ и Александръ Ивановъ, какъ онъ, съ больными глазами, въ очкахъ, нахлобучивъ огромную шляпу, закинувъ на плечо плащъ, изъ подъ котораго высовывается сюртукъ, обдерганные панталоны, и коренастыя ноги въ башмакахъ, идетъ зимой, по Рипеттѣ, опираясь на суковатую палку. Вотъ какимъ тяжеловѣснымъ брюзгой и скучнымъ пустынникомъ представлялся Ивановъ веселому хору русскихъ порхающихъ художниковъ. Онъ, навѣрное, крѣпко имъ не нравился, они должны были непремѣнно провожать своими насмѣшечками и подтруниваньемъ этого суроваго, строгаго, сосредоточеннаго въ себѣ аскета [1]).

Александръ Ивановъ ни разу не видалъ меня въ Римѣ, но зналъ отъ брата Сергѣя, какъ я восхищался этимъ послѣднимъ, его чудесной, симпатичной натурой, его талантливыми реставраціями Помпеи, термъ Каракаллы и Діоклетіана, которыхъ рисунки я всѣ тогда же видѣлъ, въ 1852 и 1853 годахъ; онъ зналъ, какія надежды я возлагалъ на Сергѣя, какъ на архитектора, совершенно выходящаго изъ ряду вонъ между всѣми нашими. По всему этому я казался ему человѣкомъ не совсѣмъ чужимъ, такъ что, пріѣхавъ въ 1858 году въ Петербургъ, онъ пришелъ ко мнѣ, 2 іюня, въ Публичную Библіотеку, какъ уже къ старинному знакомому, и прямо заговорилъ со мной про своего брата Сергѣя, столько для насъ обоихъ дорогаго и интереснаго. Въ то время я уже разъ видѣлъ новую картину Иванова въ Зимнемъ Дворцѣ, по особому благопріятному случаю — всю публику еще тогда не пускали смотрѣть картину,—и я, конечно, тотчасъ же заговорилъ съ Ивановымъ про его созданіе. Мнѣ эта картина, несмотря на ея шероховатый и жесткій

[1]) Послѣ смерти Крицова, весь художественный альбомъ его перешелъ по наслѣдству къ Мих. Мих. Орлову, женатому на его дочери. Я видѣлъ у С. Л. Левицкаго нѣкоторые фотографическіе снимки оттуда.

колорить, казалась великимъ произведеніемъ искусства, и меня только самымъ невыразимымъ образомъ бѣсили нелѣпые отзывы публики, которыхъ тогда довольно-таки ходило по городу, всѣ эти разносимые съ такимъ аппетитомъ по всѣмъ домамъ смѣшки и подтруниванья людей апатичныхъ или глупыхъ. «Да это же апостолы и вѣрующіе, а просто семейство Ротшильдовъ!» самодовольно повторялъ, гдѣ только могъ, извѣстный тогда поэтъ Тютчевъ. «Чтò за краски! чтò за гобеленовскій коверъ!» твердилъ всѣмъ въ уши одинъ извѣстный петербургскій болтунъ, летавшій со своимъ неутомимыхъ жужжаньемъ изъ дому въ домъ, всего чаще къ графу Кушелеву-Безбородко, гдѣ тогда гостила и ораторствовала колоссальная европейская знаменитость—самъ великій Alexandre Dumas! Мнѣ было ужасно досадно на всю эту чепуху, на всю эту публику, еще новый разъ отвернувшуюся отъ всего самаго важнаго въ отечественномъ искусствѣ и у своихъ художниковъ. Кàкъ не задолго передъ тѣмъ то-же самое было на моихъ глазахъ и съ Глинкой, и съ Даргомыжскимъ! Я помнилъ очень хорошо, какъ всего только два года назадъ, я провожалъ, за шлагбаумъ Петербурга, Глинку, ѣхавшаго (въ послѣдній разъ) за границу, и слышалъ, чтò такое онъ сказалъ и сдѣлалъ тутъ, разставаясь навсегда съ отечествомъ, приносившимъ ему только горе и боль, и прахъ котораго онъ отряхалъ съ себя въ послѣдній разъ. Я былъ полонъ негодованія на этотъ все одинъ и тотъ-же, поминутно повторяющійся, ничѣмъ неисправимый фактъ. Увидавъ теперь, наконецъ, самого Иванова, я не могъ удержаться, чтобъ тотчасъ-же не высказать ему и свои восторги отъ его картины, гдѣ для меня существовало столько совершенствъ, и мою злобу на печальную нелѣпость большинства публики. И тутъ, я живо это помню, Ивановъ меня поразилъ своимъ широкимъ, великодушнымъ взглядомъ. Я не могу теперь, черезъ 20 слишкомъ лѣтъ, привести подлинныя его слова, но смыслъ ихъ былъ тотъ, что отчего-же винить сейчасъ публику, а не лучше-ли вглядѣться хорошенько въ ея слова и мысль—можетъ быть, она и права, нападая на его картину; что онъ и самъ теперь видитъ, что иное въ ней не такъ, и будь онъ моложе, принимайся онъ за эту самую картину теперь, онъ многое сдѣлалъ-бы совершенно иначе. Но я ему отвѣчалъ съ величайшимъ одушевленіемъ, что я не знаю, чтò такое онъ могъ-бы сдѣлать иначе и лучше, но то, чтò есть въ его картинѣ дѣйствительно хорошаго, такъ хорошо, такъ высоко, что уже ни съ чѣмъ на свѣтѣ сравнено быть не можетъ, и ничего подобнаго нигдѣ и ни у какого живописца я не видалъ. Я всего болѣе разсказывалъ ему, со всѣмъ жаромъ, къ какому только

былъ тогда способенъ, про то неописуемое впечатлѣніе, которое производилъ на меня его Іоаннъ Креститель. Лѣтъ за семь передъ тѣмъ я былъ въ Лондонѣ, и много часовъ провелъ передъ знаменитыми гамптонъ-кортскими картонами Рафаэля, которые мнѣ тогда казались (да и теперь кажутся) лучшимъ, совершеннѣйшимъ и значительнѣйшимъ созданіемъ этого итальянскаго художника. Я разсказывалъ Иванову, что одною изъ самыхъ удивительныхъ фигуръ въ этихъ превосходныхъ, по своему времени, композиціяхъ мнѣ всегда казалась великолѣпная фигура апостола Павла, проповѣдующаго въ Аѳинахъ передъ толпою народа: и поза, и живое движеніе поднятыхъ рукъ, и обращеніе къ слушающимъ, и слегка возвысившаяся голова, наконецъ превосходная даже драпировка этой фигуры, все это навѣки запало у меня въ памяти и глубоко лежало у меня въ воображеніи. «И все-таки я нахожу,—говорилъ я Иванову,—что вашъ Іоаннъ Креститель куда выше Рафаэлевскаго апостола Павла! Это могучее вдохновеніе, этотъ восторгъ проповѣдника, поднятаго и унесеннаго вихремъ энтузіазма, этотъ огонь въ глазахъ—гдѣ еще, кромѣ вашей чудесной картины, увидишь что-нибудь подобное? Да гдѣ и искать! Вѣдь прежніе живописцы всего меньше думали о томъ, что̀ всего важнѣе. Доброе моральное чувство, благочестіе, всяческія кротости и самоуниженія, граціи—развѣ кто-нибудь изъ нихъ дальше этого ходилъ?» Ивановъ не совсѣмъ-то со мной соглашался, и ему понемножку придакивалъ И. И. Горностаевъ, мой тогдашній пріятель, тоже служившій въ Публичной Библіотекѣ, и именно при художественномъ отдѣленіи; Ивановъ указывалъ мнѣ на старыхъ флорентинцевъ XIV-го и XV-го вѣка, которыхъ я и самъ до страсти любилъ, потому что цѣлыхъ три года безъ перерыва видѣлъ ихъ у себя, во Флоренціи, передъ глазами, и изучилъ довольно основательно, но все-таки я не могъ сравнивать ихъ дѣтскаго, робкаго чувства, ихъ все-еще, несмотря на весь талантъ, безпомощной неумѣлости, съ тѣмъ великолѣпіемъ чувства, вдохновенія и глубокаго душевнаго выраженія, какое я находилъ у него въ картинѣ. Ивановъ, повидимому, отчасти былъ доволенъ, что есть тоже и въ Петербургѣ люди, которые придаютъ великое значеніе его картинѣ, и, просмотрѣвъ нѣсколько книгъ съ рисунками, которыя я ему показывалъ, сказалъ, что придетъ еще поговорить со мной, и посмотрѣть тѣ изданія, которыя я обѣщалъ ему приготовить. Уходя, онъ мнѣ съ Горностаевымъ сказалъ, что на память о томъ пріятномъ впечатлѣніи, которое въ немъ оставила Библіотека, онъ даритъ ей большую фотографическую копію съ своей картины. Это одна изъ тѣхъ превосходныхъ фотографій, кото-

рыя онъ привезъ съ собою изъ Рима, и которыя составляютъ теперь величайшую рѣдкость, потому что стекло лопнуло послѣ 30 оттисковъ. Эта фотографія находится теперь въ фотографическомъ собраніи Императорской Публичной Библіотеки, съ собственноручною надписью Иванова.

Скоро послѣ того, 9-го іюня, Ивановъ перенесъ свою картину изъ Зимняго Дворца въ Академію Художествъ, а 10-го разставилъ вокругъ нея всѣ свои этюды, не бывшіе во дворцѣ, и до тѣхъ поръ хранившіеся на квартирѣ у М. П. Боткина — все это потребовало много хлопотъ, много времени. Понятно, что Иванову было тутъ не до Библіотеки, и онъ нѣсколько недѣль къ намъ и не заглядывалъ. Въ это время я нѣсколько разъ встрѣчалъ его у его картины, тихо и скромно прохаживающимся среди этюдовъ; почти никто его не зналъ изъ среды публики, такъ какъ портретовъ его издано не было, и онъ являлся какимъ-то совершеннымъ Incognito среди великолѣпной, имъ созданной галлереи. Рѣдкіе знакомые его, всѣ сильно сочувствовавшіе и ему, и его произведеніямъ, съ удивленіемъ встрѣчали его среди толпы народа. Онъ съ ними отходилъ въ сторонку, и тутъ я видалъ, какъ иные изъ самыхъ интеллигентныхъ и выдающихся русскихъ ученыхъ и литераторовъ съ оживленіемъ разговаривали съ нимъ въ уголку, вполголоса, жали ему руки. Ивановъ оставался серьёзенъ и молчаливъ, кланялся, улыбался, и снова продолжалъ свою одинокую прогулку. Когда мнѣ случалось съ нимъ тутъ встрѣтиться, онъ всегда говорилъ, что непремѣнно-непремѣнно придетъ къ намъ въ Библіотеку, и скоро.

Это наконецъ исполнилось. Ивановъ пришелъ въ Библіотеку, во второй и послѣдній разъ,—23 іюня, т.-е. недѣли за полторы до своей неожиданной смерти. Еще въ первый свой приходъ, Ивановъ сказалъ мнѣ, чего ему хочется, чего бы онъ желалъ, чтобъ я ему поискалъ: старѣйшія, какія только есть, изображенія Христа. Отвѣчать на такой запросъ сразу было, конечно, немножко трудно, и я обѣщался приготовить къ слѣдующему разу все, что только можетъ найтись, въ этомъ родѣ, въ нашей Библіотекѣ. Однако, уже и въ первое наше свиданіе я ему показалъ весь отдѣлъ, касающійся Христа, въ извѣстномъ иконографическомъ сочиненіи Дидрона: «Histoire de Dieu». Оказалось, что почти все находящееся въ Италіи по этой части: фрески, древнехристіанскія скульптуры, рисунки манускриптовъ, рѣзьбу на слоновой кости, и т. д., Ивановъ уже давно знаетъ и видѣлъ; однакожъ нашлось кое-что и новое для него. Все-жъ остальное, всѣ памятники искусства съ изображеніями Христа, находящіеся въ Германіи и во Франціи, были ему вовсе неизвѣстны, и

онъ ихъ разсматривалъ съ величайшимъ вниманіемъ и любопытствомъ. Ко второму нашему свиданію я приготовилъ ему множество изданій съ фресками катакомбъ и церквей, съ рисунками изъ рукописей и т. д. Особенно онъ разсматривалъ съ любопытствомъ превосходное изданіе Ramboux: «Umrisse zur Veranschaulichung alt-christlicher Kunst in Italien». Показывалъ я ему еще множество другихъ подобныхъ-же увражей, переводилъ ему съ нѣмецкаго (такъ какъ онъ по-нѣмецки вовсе почти не зналъ) безъ малаго всѣ параграфы о древнѣйшихъ изображеніяхъ Христа изъ «Исторіи живописи» Куглера—тутъ онъ тоже иного еще не зналъ, но все главное было ему уже извѣстно, и самымъ основательнымъ образомъ: римскія и неаполитанскія катакомбы, всѣ стариннѣйшія мозаики южной и средней Италіи, старѣйшія фрески, — всѣ, что̀ только можно было найти въ этихъ же мѣстностяхъ, — все это было ему извѣстно, какъ свои пять пальцевъ, и мнѣ оставалось только изумляться громаднымъ знаніямъ живописца по такой части, которая художникамъ обыкновенно вовсе неизвѣстна. Потомъ, его сильно заинтересовало сочиненіе Вейса: «Kostümkunde», котораго первые листы тогда только-что начинали показываться. И тутъ я былъ удивленъ тѣмъ, что его необыкновенно заинтересовали не одни еврейскіе костюмы, — которыхъ образчики были, впрочемъ, очень скудны,—но и все искусство египетское и ассирійское. Онъ нѣсколько разъ повторялъ: «Это очень интересно-съ; надо будетъ пріобрѣсти книгу; надо будетъ поучиться. Тутъ много-съ, тутъ много-съ есть». Видя крайнее его любопытство по этой части, я поспѣшилъ принести ему оба меньшія сочиненія Лаярда: «Nineveh and Babylon», и «Nineveh and its remains». Онъ перелистовалъ съ большимъ вниманіемъ, и ничего не говоря, всѣ четыре тома. Наконецъ, рѣчь пошла у насъ и о новомъ нѣмецкомъ искусствѣ. Говорили и про Овербека, котораго я довольно уважалъ, за его рафаэлевскую или перуджиніевскую красоту и грацію, и про Корнеліуса, котораго я всегда терпѣть не могъ за его деревянность и безконечное художественное притворство и условность. Ивановъ защищалъ ихъ, какъ «мыслителей» нашего вѣка, чего онъ вовсе не находилъ у другихъ художниковъ новаго времени. Впрочемъ, онъ ихъ защищалъ не особенно ревностно: видно было, что они уже перестали быть для него тѣмъ, чѣмъ были когда-то, во время оно. Я, конечно, возражалъ, что мыслители мыслителями, это очень хорошо (хотя, признаться, я особенно великихъ мыслей у нихъ не находилъ, а только-что нѣмецкія, доктринерскія), но во всякомъ случаѣ искусство должно существовать не одними мыслями, но и фор-

мой, внѣшностью, а ея-то вовсе и нѣтъ у Овербека съ Корнеліусомъ, особенно у послѣдняго. Наши разговоры продолжались въ этомъ родѣ довольно долго, Ивановъ спокойно выслушивалъ меня, тихо прохаживаясь по небольшой художественной залѣ Библіотеки, подмигивая, по всегдашнему, однимъ глазомъ, и изрѣдка останавливаясь передъ длиннымъ узкимъ столомъ на тоненькихъ ножкахъ, на которомъ лежали разложенные для него большіе фоліанты. Онъ спорилъ довольно охотно, не прячась и не ёжась, какъ всегда бывало разсказывали про него, спокойно высказывалъ свое мнѣніе, многое спрашивалъ, и только часто повторялъ любимое свое слово: «Это интересно-съ, это очень интересно-съ».

Но одинъ разъ, во время нашей бесѣды, голосъ его сильно возвысился и онъ почти-что началъ сердиться. Это было, когда я сталъ вдругъ говорить ему про Каульбаха, въ противоположность Овербеку и Корнеліусу, и указывалъ на его, казавшееся мнѣ столько дорогимъ, стремленіе приблизиться къ природѣ—въ его чудесныхъ иллюстраціяхъ къ «Reineke Fuchs» Гёте. Ивановъ вовсе не зналъ этихъ рисунковъ, я тотчасъ принесъ великолѣпно-изданную книгу, въ то время такъ часто мною разсматриваемую, и мы принялись перелистывать ее вмѣстѣ. Я второпяхъ разсказывалъ Иванову и содержаніе поэмы, и содержаніе каждаго отдѣльнаго рисунка, и высказывалъ свое восхищеніе столько живымъ изображеніямъ львовъ, зайцевъ, лисицъ, волковъ, медвѣдей и обезьянъ, ословъ и быковъ, передѣланныхъ въ людей; наконецъ, разсказывалъ и тѣ каррикатуры, которыя тутъ въ разныхъ мѣстахъ подѣланы на сцены Дженелли изъ его извѣстной, лже-классической «Одиссеи». Сначала Ивановъ разсматривалъ книгу Каульбаха съ удовольствіемъ, и признавалъ талантливость въ изображеніи людей подъ видомъ звѣрей; но у него совершенно лицо перемѣнилось, когда онъ услыхалъ, что тутъ рѣчь идетъ о «каррикатурахъ»: это его сердило, это его приводило въ негодованіе. Такъ всегда бываетъ съ натурами, подобными Иванову: все, выходящее изъ предѣловъ строгаго, важнаго, самаго серьёзнаго настроенія — имъ непонятно, имъ враждебно. Шутка, юморъ, комизмъ—глубоко имъ непріятны и чужды.

Но еще хуже вышло дѣло, когда я сталъ говорить о моемъ уваженіи къ тому роду живописи, чтò называется «бытовою» живописью, жанромъ, и о томъ, что я тутъ жду самыхъ великихъ успѣховъ и торжествъ живописи. Я указывалъ съ восхищеніемъ на Ѳедотова, котораго лично зналъ, и котораго главная картина, «Сватовство маіора», писалась почти на моихъ глазахъ. Оказалось, что Ивановъ Ѳедотова не видалъ ни единой черточки, и не имѣлъ о немъ ни ма-

лѣйшаго понятія. Впрочемъ, «по слышанному отъ знакомыхъ», говорилъ онъ, «я готовъ вѣрить его истинному таланту и успѣху. Но только это можетъ быть исключеніе. Однако, вообще «жанры»—что это за живопись? Развѣ это живопись?» Тутъ уже Ивановъ совсѣмъ сдѣлался недоволенъ—я видѣлъ, какъ онъ хмурится, съеживается, уходитъ въ свою раковинку. Я не зналъ тогда его образа мыслей, и не могъ подозрѣвать, что такой поворотъ преній можетъ возмущать его. Но, замѣтивъ неудовольствіе его, я поспѣшилъ перемѣнить разговоръ, и навести его на то, что̀ ему было пріятно, дорого или интересно. Онъ опять прояснѣлъ, опять сталъ милъ, любезенъ и привлекателенъ всѣмъ своимъ симпатичнымъ существомъ. Онъ провелъ у насъ въ Библіотекѣ добрыхъ часа 4, и дружески распрощался съ нами, обѣщая придти еще не разъ—до отъѣзда въ Палестину и Римъ.

Но это не исполнилось. Непріятности пошли за непріятностями для него, и 3-го іюля его уже не стало.

Въ августѣ того же года, М. П. Боткинъ, послѣ тысячи моихъ просьбъ, пригласилъ насъ къ себѣ на вечеръ, меня и И. И. Горностаева, посмотрѣть альбомы, привезенные Ивановымъ съ собою изъ Рима, и заключавшіе нѣсколько сотъ его рисунковъ на сюжеты изъ Библіи и Евангелія. Мы такъ и ахнули съ Горностаевымъ. И этотъ Ивановъ просилъ у насъ посмотрѣть то и другое, типы и костюмы, архитектуру и ландшафты, когда уже давнымъ-давно ему было извѣстно все, что̀ только ему было нужно, и Египетъ, и Ассирія, и Палестина! Да еще какъ извѣстно!—какъ, быть можетъ, ни одному другому художнику въ цѣлой Европѣ. Мы были поражены. У насъ просто руки опустились. Чего онъ еще хотѣлъ, чего ему еще нужно было? Чего онъ искалъ, чего онъ спрашивалъ? И какой странный человѣкъ! Неужели онъ до такой степени самъ себя не зналъ, самъ себѣ не довѣрялъ? А какой геній, какое могучее творчество проявлялись тутъ, въ этихъ рисункахъ, передъ нашими глазами!

Цѣлый вечеръ мы разсматривали эти чудные, эти небывалые рисунки. На другой день, встрѣтившись снова въ маленькой художественной залѣ Публичной Библіотеки, мы, съ И. И. Горностаевымъ, вдругъ разсказали другъ другу, что оба мы не спали всю ту ночь ни единой минуты. Насъ словно обухомъ наканунѣ прихлопнуло.

VII.

ВОСПОМИНАНІЯ С. А. ИВАНОВА.

(ПИСЬМО КЪ В. В. СТАСОВУ)[1].

Римъ, 15 (3) мая 1862.

Многоуважаемый Владиміръ Васильевичъ! Вы просите не отказать сдѣлать вамъ объясненія насчетъ посланнаго списка композицій моего брата[2]. Съ большимъ удовольствіемъ сообщу вамъ все, что̀ знаю.

Ал. Андр. Ивановъ пріѣхалъ въ Италію въ 1831 году. Въ 1836 была имъ послана въ Россію картина «Магдалина». Въ промежуткѣ этого времени былъ имъ сдѣланъ картонъ съ Микель-Анджелова «Сотворенія человѣка», и къ этому же времени принадлежатъ слѣдующія композиціи, поименованныя въ *Отдѣльныхъ рисункахъ:*

«Аполлонъ, Кипарисъ и Гіацинтъ»—краснымъ карандашомъ.

Этотъ-же сюжетъ, но масляными красками (эскизъ той самой картины, что̀ у г. Самарина[3]) въ Москвѣ).

На ту же картину — картонъ карандашомъ (въ величину картины).

«Іосифъ и жена Пентефрія»—оттушеванные карандашомъ.

«Ахиллесъ, укоряющій Париса»—карандашомъ.

«Находятъ чашу у Веніамина»—5 рисунковъ карандашомъ, 1—тронутый сепіей, 2—масл. красками, довольно оконченные.

«Сусанна» (3 фигуры)—карандашомъ.

Во всѣхъ этихъ композиціяхъ,—кромѣ «Аполлона, Кипариса и Гіацинта», въ которой видѣнъ переходъ,—слышна еще Академія и рисунокъ старыхъ академическихъ профессоровъ.

Ко времени перваго пріѣзда въ Римъ Маріи Николаевны съ Лейхтенбергскимъ, а потомъ Наслѣдника (нынѣ Императора), относятся всѣ сюжеты изъ новѣйшаго римскаго быта, какъ-то всѣ находящіеся у меня эскизы октябрьскихъ праздниковъ: у Ponte-Molle, у Testaccio, на частной loggia; «Пристань на Ripetta съ угловой Мадонной и поющей [передъ нею] *Ave Maria* толпой»; «Женихъ compagnolo, выбирающій серьги для своей невѣсты». Всѣ эти композиціи были сдѣланы аква-

---

1) Отрывки изъ этого письма были напечатаны въ „Пчелѣ" 1875, № 24, стр. 294—295, но съ нѣкоторыми перемѣнами въ текстѣ и при томъ безъ объясненія, кому именно было адресовано это письмо.

2) Списокъ этотъ печатается нами ниже, въ „Приложеніяхъ".

3) Картина эта находится теперь у наслѣдниковъ А. С. Хомякова.

релью, въ альбомы: Маріи Николаевнѣ, Наслѣднику (нынѣ Императору), Гоголю и имъ подаренный Смирновой, Жуковскому и др.

№ 48 въ *Отдѣльныхъ рисункахъ*, «Се агнецъ Божій», 18 верш. высоты / 20 верш. длины, тщательно оттушеванный карандашомъ, есть ни что иное, какъ первая мысль его большой картины, очень похожая на эскизъ масляными красками, находящійся у Дм. Петр. Боткина, въ Москвѣ.

№№ 33—40 въ *Отдѣльныхъ рисункахъ*, представляющіе «Воскресеніе изъ мертвыхъ», компонованы для запрестольнаго образа церкви Спаса въ Москвѣ, незадолго до моего пріѣзда въ Римъ, т.-е. въ 1845 году. Братъ мнѣ говорилъ, что К. А. Тонъ, недовольный К. П. Брюловымъ, хотѣлъ дать эту работу моему брату, вслѣдствіе чего онъ и приготовилъ эти эскизы, и чуть-было не показалъ ихъ Императору Николаю, въ бытность его въ студіи брата, въ концѣ 1845 года [1]). Характеръ этой композиціи—чисто церковный, греко-византійскій. Самый послѣдній, или больше выработанный, 10½ верш. ширины / 15 верш. высоты, довольно окончательно сдѣланъ акварелью и гвашью.

Все вышеупомянутое было имъ сдѣлано до моего пріѣзда. Въ 1846 году я пріѣхалъ въ Римъ, и засталъ брата сильно работающимъ свою картину, въ которой было почти все написано, за исключеніемъ: цѣлой фигуры Іоанна Крестителя, остававшейся лишь протертой тердесіеномъ, [и] фигуры раба, стоявшей въ другомъ поворотѣ, какъ видно еще и теперь изъ нѣкоторыхъ эскизовъ; вылѣзающій изъ воды [мальчикъ] и за нимъ стоящій старикъ, въ лѣвомъ углу,—были въ подмалеванномъ видѣ.

1848 годъ, памятный всѣмъ бывшимъ въ то время художникамъ въ Римѣ, положилъ замѣчательный предѣлъ. Не только нечего было думать о какихъ-либо вспоможеніяхъ со стороны правительства, но существовало на дѣлѣ приказаніе выѣхать изъ Италіи, даже и тѣмъ, кто желалъ остаться на свой счетъ, какъ я, напримѣръ. Въ такихъ обстоятельствахъ картина была почти оставлена за недостаткомъ средствъ, и съ этого года онъ началъ дѣлать рисунки, которые и составляютъ всѣ альбомы и часть на отдѣльныхъ листахъ. Въ особенности побудило брата къ этому еще вотъ что: онъ увидѣлъ, что на имѣвшіяся у него деньги (у насъ въ 1848 г.

---

1) Изъ писемъ самого А. А. мы узнаемъ, что онъ дѣлалъ эти эскизы въ началѣ 1845 г. и что Тонъ отдалъ заказъ Брюлову, когда они уже были сдѣланы, въ мартѣ того же года; Императоръ же Николай былъ въ Римѣ въ декабрѣ того года.

скончался отецъ, оставивъ каждому по 3000 серебромъ) картины не кончить какъ слѣдуетъ, ибо, приближаясь къ окончанію, требовались сильныя издержки на модели; композиціи же, которыми онъ занялся, не требовали издержекъ ни на модели, ни на краски. Онъ предпочелъ дѣлать ихъ, выжидая лучшаго времени, наступленіе котораго онъ, однакожъ, не предполагалъ, чтобы могло продлиться такъ долго.

Теперь мнѣ слѣдуетъ выразить вамъ, въ чемъ состояла мысль брата, чтобы тѣмъ самымъ пояснить и пониманіе того, что̀, повидимому, показалось вамъ анормальнымъ, пробѣгая длинный и сухой списокъ заглавій альбомныхъ сюжетовъ.

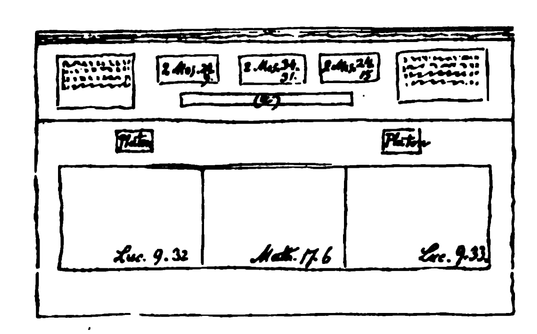
Итакъ, мысль брата была: сдѣлать въ композиціяхъ жизнь и дѣянія Христа. Проектировалось исполненіе всего, живописью, на стѣнахъ, въ особо на то̀ посвященномъ зданіи, разумѣется, не въ церкви. Сюжеты располагались слѣдующимъ образомъ: главное и большое поле каждой стѣны должна была занимать картина, или картины, замѣчательнѣйшаго происшествія изъ жизни [Христа]; сверху же ея, или ихъ (такъ сказать—по бордюру, хотя это слово не совсѣмъ тутъ вѣрно), должны были быть представлены, но въ гораздо меньшемъ размѣрѣ,—относящіяся къ этому происшествію или наросшія на него впослѣдствіи преданія или сказанія, или сюжеты на тѣ мѣста Ветхаго Завѣта, въ которыхъ говорится о Мессіи, или происшествія подобныя, случившіяся въ Ветхомъ Завѣтѣ, и т. д.

Такъ, напримѣръ, на одной стѣнѣ помѣщены внизу, рядомъ,—4 большихъ [картины], представляющія [моменты]: 1) Христосъ съ Мароой, 2) Христосъ, тронутый при видѣ плачущей Маріи, 3) Христосъ, молящійся до воскресенія Лазаря, 4) «Лазарь, возстани!» — всѣ четыре сюжета взяты изъ Еванг. Іоанна, гл. XI, ст. 22, 33, 42, 44. Надъ ними, въ меньшемъ размѣрѣ, другіе сюжеты воскресенія, какъ-то: изъ Мате. 9, 24; Луки 8, 51; Луки 7, 14; Луки 7, 15. Поверхъ всего, по бордюру, въ маломъ размѣрѣ: Илія воскрешаетъ мальчика, Елисей воскрешаетъ сына Сунамитянки, Воскресеніе мертваго отъ прикосновенія къ костямъ Елисея, и др.

Для примѣра же я вамъ начерчу здѣсь одну изъ стѣнъ, взятую изъ одного альбома, которая вамъ дастъ яснѣе понять.

Тутъ, какъ видите, на стѣнѣ 3 большія картины изъ Евангелія—Преображеніе. На верху—3 малыхъ изъ 2-й книги Моисея, т. е. [изъ] Исхода. Справа и слѣва надписи: одна — изъ Исаіи 52.7, другая изъ Малахіи 4.5.—Въ длинной полосѣ (*a*)—тоже надписи: изъ Псалма 2.7, изъ Исаіи 42.1 и изъ Deuteronome [т.-е. Второзаконія] 18. 15.—Сверхъ того два продолговатыхъ [отдѣленія], на которыхъ просто написано: «Platon»—что̀ онъ тутъ хотѣлъ помѣстить, не могу вамъ ска-

зать. Сыщите всѣ эти мѣста въ Библіи, и вы получите полное понятіе: 2 Mos. 24. 15, и подобное, значитъ—2-я книга Моисея, гл. 24, ст. 15, и т. д.

Эти композиціи, наполняющія всѣ альбомы и бóльшую часть отдѣльныхъ рисунковъ, рождались, набрасывались углемъ и потомъ отдѣлывались, такъ сказать, всѣ разомъ, одновременно. Все это происходило въ предолженіи 8-ми лѣтъ, то есть съ 1849 до начала 1858—года его поѣздки въ Петербургъ и кончины. Что это такъ, тому довольно доказательствъ: первымъ и главнымъ, конечно, служитъ самый рисунокъ, освободившійся отъ всякой манерности и сдѣлавшійся легкимъ и покорнымъ выраженію мысли. Многіе изъ рисунковъ были смыты и перетронуты. Зная теперь мысль брата, вамъ не трудно будетъ понять, что эти сюжеты не были сюжеты каприза, начатые и брошенные, какъ это бывало до сихъ поръ у художниковъ, а напротивъ они всѣ должны были быть подведены къ концу, ибо они входили какъ части въ цѣлое. Хотя я и сказалъ, что отдѣлывались всѣ композиціи какъ бы одновременно, но къ числу послѣдне-отдѣлывавшихся (ultimo degli ultimi) принадлежатъ: № 47 «Смерть Христа или Распятіе», $\frac{\text{13 верш. высотой}}{\text{20 верш. длиной}}$, оттушев. карандашомъ, — въ немъ фигуры 6 верш. высотой, — и № 56 «Рѣчь Христа на Масличной горѣ о второмъ пришествіи», масляными красками.

Изданные два рисунка въ фотографіяхъ—Адама и Евы—принадлежатъ безспорно къ альбомамъ, не смотря на то, что на отдѣльныхъ листахъ [1]).

[1]) Тутъ слѣдуютъ краткія объясненія нѣкоторыхъ изъ рисунковъ, помянутыхъ въ названномъ выше спискѣ композицій А. А.; для удобства читателей, мы выпустили ихъ здѣсь и включили въ списокъ работъ Иванова, печатаемый нами ниже, помѣстивъ ихъ подъ тѣми произведеніями, къ которымъ они собственно относятся, и отмѣтивъ ихъ, какъ примѣчанія Сергѣя Иванова, — буквами: *С. И.*

Отчего вы спрашиваете: не послѣ-ли, не прежде-ли знакомства съ Гоголемъ [пришла А. А. мысль приняться за эти композиціи]? Неужели вы думаете, что Гоголь произвелъ когда-либо и что-либо важное въ направленіи А. А. Иванова? — Могу васъ увѣрить, что ошибаетесь сильно: этотъ переворотъ не Гоголь произвелъ, а 1848 годъ. Не забудьте, что мы съ братомъ были въ Римѣ личными свидѣтелями всего, тогда происшедшаго. Мы съ нимъ читали въ то время все, печатавшееся какъ въ Римѣ, такъ и во французскихъ газетахъ. Въ тотъ годъ всѣ книгопродавцы римскіе доставляли очень дѣльныя, но строго запрещенныя книги съ необычайной скоростью и легкостью; мы же со своей стороны не спали. Гоголь же отъ 1848 года нисколько не перемѣнился, и, вмѣсто того, чтобы остаться во чтобы то нистало заграницей, чтобы поближе изучить это время, онъ поспѣшно уѣхалъ въ Россію и, потомъ, молиться гробу Господню, что̀, я помню, не мало изумляло моего брата. Братъ никогда не былъ однихъ мыслей съ Гоголемъ, онъ съ нимъ внутренно никогда не соглашался, но въ тоже время никогда съ нимъ и не спорилъ, избѣгая по возможности непріятные и, скажемъ откровенно, даже дерзкіе отвѣты Гоголя, на которые Гоголь со своей гордостію не былъ скупъ. Вспомните только то, что Гоголь все болѣе и болѣе впадалъ въ биготство, а братъ напротивъ все болѣе и болѣе освобождался и отъ того немногаго, что̀ намъ прививаетъ воспитаніе [1]).

Не лишнимъ считаю прибавить, что бо̀льшая часть названій дана нами [съ Мих. Петр. Боткинымъ], при составленіи списка: у А. А. мало подписанныхъ; большая же часть обозначена выносками, напр.: 2 Mos. 16.4; — сыскавъ въ Библіи [это мѣсто], мы и назвали «Ропотъ въ пустынѣ», или же: Exod. 17. 2,—«Ропотъ о водѣ» [2]). Не говорю уже о сюжетахъ изъ Евангелія—тамъ всѣ названія даны нами, и, за скоростію, многіе просто названы нами: или «Христосъ съ учениками», или «Сцена изъ жизни Христа», потому что, чтобы положительно опредѣлить моментъ и настоящее значеніе, нужно, во-первыхъ, очень хорошо знать Евангеліе во всѣхъ деталяхъ, а во-вторыхъ, долго соображать, что̀ мы не могли сдѣлать, не заставивъ васъ ждать. Если еще что̀ нужно, напишите.

Вашъ С. Ивановъ.

---

[1]) Тутъ слѣдуютъ опять нѣкоторыя поясненія къ композиціямъ, печатаемыя нами ниже, въ спискѣ этихъ композицій.

[2]) Ссылки на Библію сдѣланы А. А. на французскомъ языкѣ потому, что при набра̀сываніи этихъ композицій, онъ руководствовался постоянно французскимъ изданіемъ Каена, о которомъ онъ говоритъ съ похвалою во многихъ мѣстахъ своихъ писемъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ

I. Списокъ произведеній А. Иванова.
II. Списокъ портретовъ его.
III. Списокъ статей о немъ.

I. СПИСКИ ПРОИЗВЕДЕНІЙ А. А. ИВАНОВА.

1. Списокъ произведеній, оставшихся послѣ А. А. Иванова.

Списокъ этотъ былъ составленъ С. А. Ивановымъ и М. П. Боткинымъ по просьбѣ В. В. Стасова и посланъ ему изъ Рима 14 (2) апрѣля 1862 г. Онъ заключаетъ въ себѣ только выбранные, или, лучше сказать, возможные для изданія рисунки и эскизы, оставшіеся послѣ А. А. — въ альбомахъ и на отдѣльныхъ листахъ. По завѣщанію С. А., всѣ рисунки его брата, бывшіе у него до тѣхъ поръ, поступаютъ въ Московскій Публичный и Румянцевскій Музей: одни изъ библейскихъ рисунковъ, менѣе оконченные и едва набросанные, числомъ 89—теперь же; другіе, болѣе отдѣланные и особенно важные, въ количествѣ 169—впослѣдствіи, послѣ того какъ будутъ изданы Прусскимъ Археологическимъ Институтомъ въ хромолитографіяхъ и гравюрахъ. Въ печатаемый ниже списокъ включены объясненія нѣкоторыхъ рисунковъ, заимствованныя изъ письма С. А. Иванова къ В. В. Стасову, отъ 15 (3) мая 1862 г. изъ Рима, и потому отмѣченныя у насъ буквами *С. И.*—Что̀ касается до сокращеній, принятыхъ нами, то буква „ф" означаетъ число фигуръ, „М" или „Н"—„Много" или „Нѣсколько", буквы: *акв.* означаютъ—*акварелью* и *акварельной*, *каранд.*—*карандашемъ*, *конт.* — *контуръ*, *кр.* и *краск.* — *красками*, *неб.* — *небольшой*, *отт.*—*оттушевано*, *р.*—*рисунокъ*, *сеп.*—*сепіей*, *черт.*—*чертой*.—Слова, заключенныя въ круглыя скобки, принадлежатъ самому С. А. Иванову; заключенныя въ прямыя,—вставлены нами, для бо̀льшей ясности.

КОМПОЗИЦІИ ИЗЪ НОВАГО И ВЕТХАГО ЗАВѢТА (1848—1858).

1-й альбомъ: 6 верш. высотой, 9 верш. длиной.

1.	Нѣмой Захарій передъ народомъ.	Н. ф.	*трон. акв.*
2.	Захарій становится нѣмъ передъ ангеломъ . .	2 ф.	„
3.	Привѣтствіе Маріи Елисаветой	3 ф.	„
4.	Тоже, съ перемѣнами		„
5.	Исаія съ сыномъ передъ ц. Ахазомъ (Ис. VII).	М. ф.	„

6. Симеонъ Богопріимецъ	М. ф.	*акв. черт.*
7. Обрѣзаніе Христа	Н. ф.	*углемъ.*
8. Благовѣщеніе		*трон. акв.*
9. Сидящій Христосъ, окруженный свитками пророчествъ о Мессіи		*акварель.*
10. Крещеніе Христа	Н. ф.	„
11. Рождество Предтечи: „Іоаннъ имя ему“ . . .	„	„
12. Сонъ Іосифа: „Не бойся принять Марію“ . .	3 ф.	„
13. Благовѣщеніе		„
14. Тоже, но иначе		*углемъ.*
15. Сцена изъ послѣдняго времени жизни Ирода .	Н. ф.	„
16. Другая сцена изъ того же времени	„	„
17. Христосъ, окруженный народомъ		*акварель.*
18. Волхвы, пришедшіе на поклоненіе Христу . .	Н. ф.	*трон. акв.*
19. Отрокъ Христосъ среди учителей		„
20. Тоже, варіантъ		„
21. Христосъ исцѣляетъ слѣпаго отъ рожденія. .	Н. ф.	*углемъ.*
22. Пастухи, славящіе Рождество Христово . . .	„	*трон. акв.*
23. Христосъ исцѣляетъ бѣсноватаго	„	*сепіей.*
24. Искушеніе Христа въ пустынѣ	2 ф.	*акварель.*
25. Искушеніе Христа на крылѣ храма	5 ф.	„
26. Притча о 10 дѣвахъ	Н. ф.	*углемъ.*
27. Проповѣдь Іоанна Крестителя.	М. ф.	*контуръ.*
28. Тоже, варіантъ		„
29. Приготовленія къ погребенію Христа	Н. ф.	*трон. акв.*
30. Распятіе	М. ф.	*углемъ.*
31. Господь приводитъ Еву къ Адаму		*отт. кар.*
32—36. Сцены изъ жизни Христа.		*неб. р. сеп.*
37. Сонъ Іосифа: „Не бойся принять Марію“ . .		*акварель.*
38. Ангелъ возвѣщаетъ пастухамъ о Р. Х. . . .		„
39. Сцена въ тюрьмѣ	8 ф.	„

Представленъ сидящій человѣкъ, очень похожій на ап. Павла (плѣшивый, съ продолговатой бородой)—ноги его въ колодкахъ; рядомъ съ нимъ сидитъ его ученикъ, пишущій подъ его диктовку; съ другой же стороны сидитъ женщина, свѣтящая лампой; на самомъ краю, въ тѣхъ же колодкахъ,—какой-то злодѣй (сидитъ). Справа видны посѣтители (стоящія 4 фигуры): римлянинъ съ двумя римскими матронами и воинъ со связкой ключей (тюремщикъ). Тюрьма очень похожа на Мамертинскій carcere, что у Капитолія: такое же круглое отверстіе вверху, изъ котораго стоитъ опущенная ручная лѣстница. *С. И.*

40. Христосъ по воскресеніи является ученикамъ.		*трон. акв.*

41. Христосъ съ Никодимомъ	2 ф.	*углемъ.*
42. Волхвы, увидавшіе звѣзду на востокѣ. . . .	3 ф.	»
43. Поклоненіе настуховъ.	3 ф.	*сепіей.*
44. Христосъ по воскресеніи является ученикамъ.		»
45. На пиръ Ирода приносятъ главу Предтечи. .	Н. ф.	*углемъ.*
46. Ап. Петръ и Іоаннъ у Ананіи	3 ф.	*трон. акв.*
47. Христосъ съ учениками послѣ Тайной вечери.		»
48. Притча о 10 дѣвахъ		*углемъ.*
49. Проповѣдь Іоанна Крестителя	М. ф.	*трон. акв.*
50. Крещеніе народа Іоанномъ.		*акварель.*
51. Тотъ же сюжетъ, но нѣсколько иначе . . .		*трон. акв.*
52. Тотъ же сюжетъ, совершенно иначе		»
53. Христосъ приходитъ къ Іоанну Крестителю .		»
54. Молящіеся и раздающіе милостыню (Матѳ. VI).	М. ф.	*сепіей.*

Сцена представляетъ раздачу милостыни, хлѣба, платья и проч., въ полѣ. Вдали видны сидящіе по одиночкѣ на землѣ,—какъ кажется, молящіеся. Вѣроятно, эта композиція должна была служить пополненіемъ къ какой-нибудь другой большей, т. е. она должна была находиться въ бордюрѣ. *С. И.*

55. Проповѣдь Іоанна Крестителя.		*трон. акв.*
56. „Се агнецъ Божій“.	М. ф.	*трон. сеп.*
57. Жены и ученики, смотрящіе на распятаго Христа		*акварель.*
58. Явленіе Христа Магдалинѣ		»
59. Ангелъ отваливаетъ камень отъ гроба . . .	Н. ф.	*сепіей.*
60. Распятіе	М. ф.	*углемъ.*
61. Распятіе. Воинъ прободаетъ Христа копьемъ.		*сепіей.*
62. Моленіе о чашѣ.	2 ф.	*акварель.*
63. Тоже, но иначе		»
64. Несеніе тѣла Христова во гробъ		*углемъ.*
65. Поруганіе Христа	Н. ф.	*акварель.*
66. Христосъ приходитъ къ спящимъ ученикамъ .		*контуръ.*
67. Лобзаніе Іуды		*углемъ.*
68. Христосъ приходитъ къ спящимъ ученикамъ .		*трон. акв.*
69. Христосъ оставляетъ учениковъ, идя на молитву.		*углемъ.*
70. Бракъ въ Канѣ Галилейской		*трон. акв.*
71 и 72. Сцены изъ жизни Христа		*контуры.*
73. Христосъ идетъ исцѣлять бѣсноватаго . . .	М. ф.	*трон. акв.*
74. Проповѣдь Христа на лодкѣ	»	»
75 и 76. Христосъ съ учениками		»
77. Христосъ съ фарисеями во храмѣ		*акварель.*
78. Христосъ съ Самаритянкой	Н. ф.	»
79. Волхвы, пришедшіе на поклоненіе Христу . .		*углемъ.*

80. Христосъ съ учениками уходитъ съ Тайной вечери		*акварель.*
81. Ангелъ у гроба.	Н. ф.	„
82. Христосъ подаетъ руку утопающему Петру. .	2 ф.	„
83. Христа сталкиваютъ со скалы въ Назаретѣ .		*конт. сеп.*
84. Искушеніе Христа на вершинѣ скалы. . . .	5 ф.	*акварель.*
85. Мать Заведеевъ проситъ Христа за сыновей своихъ		*конт. акв.*
86. „Наибольшій въ царствіи небесномъ"	Н. ф.	*акварель.*
87. Проповѣдь Христа на горѣ.	М. ф.	*конт. акв.*
88. Проповѣдь Христа	„	„
89. Ученіе Христа во храмѣ.	„	*уголемъ.*
90. Ученіе Христа во храмѣ	„	*контуръ.*
91. Христосъ во храмѣ со множествомъ народа. .		*трон. акв.*
92. Христосъ съ ап. Петромъ и другими учениками.		„
93. Христа хотятъ побить каменьями во храмѣ .		*акварель.*
94. Проповѣдь Христа во храмѣ		*трон. акв.*
95. Жена возливаетъ мvро на ноги Христа . . .		*углемъ.*
96. Преображеніе	6 ф.	*акварель.*
97. Христосъ въ Капернаумской синагогѣ исцѣляетъ бѣсноватаго.		*сепіей.*
98. Преображеніе		*акварель.*
99. Тоже, но иначе		„
100. Христосъ передъ Иродомъ		*трон. акв.*
101. Чудо съ 5 хлѣбами и 2 рыбами		*конт. акв.*
102. Христосъ исцѣляетъ кровоточивую жену . . .		„
103. Бичеваніе Христа		*трон. акв.*
104. Проповѣдь Христа во храмѣ		*акварель.*
105. Христосъ передъ Иродомъ		*трон. акв.*
106. Распятіе		*отт. конт.*
107. Входъ въ Іерусалимъ		*контуръ.*
108. Тоже, но иначе		*акварель.*
109. Бичеваніе Христа		„
110. Христосъ изгоняетъ торжниковъ изъ храма. .		*контуръ.*
111. Проповѣдь Христа во храмѣ	М. ф.	*акварель.*
112. Проповѣдь о дѣтяхъ		*контуръ.*
113. „Се человѣкъ!"		*трон. акв.*
114. Притча о 10 дѣвахъ	М. ф.	*контуръ.*
115. Апостолы отгоняютъ дѣтей, за что Христосъ упрекаетъ ихъ		*сепіей.*
116. Христосъ съ апостолами и двое бѣсноватыхъ.		*трон. акв.*
117. Христа спрашиваютъ о второмъ пришествіи.		*акварель.*
118. Тоже, но иначе		„
119. Христосъ, сопровождаемый множествомъ народа		„

120. Тайная вечерь. . . . . *акварель.*
121. Тоже, но иначе . . . . „
122. Никодимъ приходитъ ночью ко Христу . . . 2 ф. „
123. Христосъ упрекаетъ фарисеевъ въ убійствѣ пророковъ. . . . . *трон. акв.*
124. „Симонъ Петръ, любишь-ли ты меня?". . . . „
125. Іоаннъ Креститель съ народомъ на Іорданѣ. *контуръ.*
126. Христосъ во храмѣ. . . . . *акварель.*
127. Фарисеи и первосвященники посылаютъ солдатъ схватить Христа во храмѣ . . . . „
128. Воскресеніе Лазаря. . . . . *конт. сеп.*
129. Іоаннъ и Петръ берутъ ослицу для Христа. . *трон. акв.*
130. Христосъ изгоняетъ торжниковъ изъ храма. . *акварель.*
131. Первосвященники и книжники подкупаютъ народъ, чтобы уличить Христа. . . . . . . „
132. Христосъ во храмѣ (Ему подаютъ деньги) . . *контуръ.*
133. Преображеніе . . . . *трон. акв.*
134. Призваніе апостоловъ (Матѳ. X). . . . . . „
135. Захарій становится нѣмъ предъ ангеломъ . . 2 ф. *акварель.*
136. Христа хотятъ побить каменьями . . . . . *углемъ.*
137. Вознесеніе . . . . *акварель.*
138. Христосъ за трапезой у Симона въ Капернаумѣ . . . . *конт. сеп.*
139. Христосъ идетъ въ домъ Закхея. . . . . . „
140. Бракъ въ Канѣ Галилейской . . . . *контуръ.*
141. Призваніе ап. Матѳея. . . . . „
142. Фарисеи во храмѣ . . . . „
143. Христосъ учитъ во храмѣ, или послѣдній день праздника. . . . . *акварель.*
144. Входъ въ Іерусалимъ . . . . *контуръ.*
145. Изгнаніе торжниковъ изъ храма. . . . . . *акварель.*
146. Угроза Христу побить его камнями во храмѣ. „
147. Христосъ узнаетъ о смерти Лазаря . . . . . *контуръ.*
148. Поруганіе Христа въ темницѣ. . . . . . . *акварель.*
149. Христосъ учитъ во храмѣ . . . . *трон. акв.*
150. Пророкъ Елисей, сочиняющій подъ звуки музыки, или призывающій музыканта . . . . 8 ф. *акварель.*
151. Тоже, варіантъ . . . . *контуръ.*
152. Распятіе . . . . *трон. акв.*
153. Христосъ исцѣляетъ прокаженнаго . . . . . *конт. сеп.*
154. Невѣріе Ѳомы. . . . . *углемъ.*
155. Погребеніе Христа . . . . *контуръ.*
156. Христа одѣваютъ, чтобы вести на пропятіе. . *трон. акв.*
157. Невѣріе Ѳомы. . . . . *акварель.*
158. Христосъ, упавшій подъ ношею креста . . . *углемъ.*
159. Сошествіе Св. Духа на апостоловъ . . . . . *конт. акв.*

2-й альбомъ: 6 верш. высотой, 8½ верш. длиной.

Вообще весь этотъ альбомъ содержитъ въ себѣ сюжеты изъ осады Іерусалима, но здѣсь помянуты лишь тѣ [композиціи], которыя болѣе другихъ выдѣланы. *С. И.*

1. Голодъ, или скорбь и стенанія народа (Изъ Іос. Флавія) . . . . *углемъ.*
2. „Partisans en haine“ [1]). Изъ осады Іерусалима. Н. ф. „
3. Пророкъ Іезекіиль . . . . „
4. Голодъ во время осады Іерусалима Титомъ. Мать жаритъ собственнаго ребенка. . . . . 6 ф. *сепіей.*
5. Титъ распоряжается плѣнными для игръ . . . *углемъ.*
6. Страшный судъ . . . . „
7. Притча о ворѣ . . . . 7 ф. „
8. Христосъ на тронѣ, окруженный апостолами . 21 ф. „

   Христосъ представленъ сидящимъ на тронѣ; справа и слѣва его окружаютъ апостолы и другія лица. Вѣроятно, эта картина должна была составлять одну изъ малыхъ вспомогательныхъ [сценъ] у какой нибудь большей, напр. у „Рѣчи Христа, гдѣ имъ говорится между прочимъ: что вы увидите сына человѣческаго, сидящаго во славѣ, и проч.“ Точно тоже должно сказать и про всѣ сюжеты изъ Ветхаго Завѣта—ихъ размѣръ малый, и всѣ они назначались быть помѣщенными къ разнымъ большимъ картинамъ изъ жизни Христа. *С. И.*

9. Притча о талантахъ и о дѣвахъ . . . . „
10. „Сотворю васъ ловцами человѣковъ“ . . . . . „

3-й альбомъ: 6 верш. высотой, 8½ верш. длиной.

1. Благовѣщеніе . . . . *углемъ.*
2. Исаія съ сыномъ передъ ц. Ахазомъ (Пророчество о Рожд. Христ.) . . . . *акварель.*

4-й альбомъ: 5½ верш. высотой, 6½ верш. длиной.

1. Господь обѣщаетъ Аврааму великое потомство . 2 ф. *акварель.*

   Господь стоитъ, Авраамъ припалъ лицемъ къ землѣ.

2. Ангелъ возвѣщаетъ женѣ Маноя зачатіе Самсона. . . . . *сепіей.*
3. Жена Маноя указываетъ мужу на ангела . . . „
4. Мать посвящаетъ Самуила Господу Богу . . . „

---

[1]) Такъ написано самимъ А. А. Ивановымъ на углу этой композиціи. *С. И.*

5.	Валаамъ и звѣзда его (4 Моис. XX, 17). . . .		*сепіей.*
	Это одинъ изъ малыхъ верхнихъ сюжетовъ на стѣнѣ „Рождества Христова", т.-е. на той стѣнѣ, гдѣ главный сюжетъ „Рождество Христово",—композиція „Валаамъ и звѣзда его" составляетъ одинъ изъ малыхъ сюжетовъ въ верхнемъ бордюрѣ. *С. И.*		
6.	Апостолъ Павелъ, ведомый въ Дамаскъ. . . .		*трон. сеп.*
7.	Самуилъ избираетъ Давида на царство		„
8.	Пастухъ Давидъ, призываемый къ Самуилу . .		*трон. акв.*
9.	Іосифъ разсказываетъ сонъ отцу и братьямъ . .		„
10.	Сара кормитъ грудью Исаака	5 ф.	*контуръ.*
11.	Господь подтверждаетъ Аврааму о большомъ потомствѣ		*трон. акв.*
12.	Мать посвящаетъ Самуила на служеніе Богу. .		„
13.	Господь пишетъ законы для Моисея	2 ф.	„
	Господь сидитъ на тронѣ, поддерживаемомъ крылатыми животными, и пишетъ; Моисей — преклонившійся [передъ Нимъ]. *С. И.*		
14.	Самуилъ помазываетъ Давида на царство . . .		*сепіей.*
15.	Жертвоприношеніе Исаака.		*контуръ.*
16.	Адамъ и Ева		*трон. акв.*
17.	Тоже, но иначе		„
18.	Пророкъ Илья на пути къ Хориву.		„
19.	Пророкъ Илья съ ангеломъ		„
20.	Пророкъ Илья надѣваетъ плащъ на Елисея . .		*трон. сеп.*
21.	Тоже, но иначе		„
22.	Давидъ съ полководцами и Наѳаномъ (1 Chron. XVIII, 15).		*конт. сеп.*
	Представленъ Давидъ сидящимъ на тронѣ, сзади его стоитъ Наѳанъ; его окружаютъ, какъ видно,—полководцы, судя по одеждамъ; вдали — множество добычи, состоящей изъ вазъ, и проч.; на первомъ планѣ—раскрытый ларецъ, изъ котораго, по приказанію Давида, наклонившаяся фигура хочетъ взять деньги. Однимъ словомъ, кажется, эта композиція представляетъ Давида въ полномъ развитіи его власти и славы, распоряжающагося и награждающаго отличившихся полководцевъ. *С. И.*		
23.	Господь обѣщаетъ Аврааму сына отъ Сары. . .	5 ф.	*трон. акв.*
24.	Господь является родителямъ Моисея		*углемъ.*
25.	Побіеніе камнями Захарія, сына священника Іосіи (2 Chron. XXIV, 19—22).		*трон. сеп.*
26.	Ахимелехъ даетъ Давиду мечъ Голіаѳа		*трон. акв.*
27.	Мѣдный змѣй въ пустынѣ		*контуръ.*
28.	Моисей въ скиніи проситъ совѣта у Господа. .		*трон. акв.*

29. Іосія низвергаетъ идоловъ, поставленныхъ Манасіей. . . . . *трон. сеп.*
30. Пророкъ Илія воскрешаетъ сына вдовицы . . . 2 ф. „
31. Елисей приготовляется воскресить сына Сунамитянки . . . . „
32. Пророкъ Илія . . . . „
33. Илія даетъ деньги матери воскрешеннаго имъ мальчика . . . . „
34. Илія воскрешаетъ сына вдовицы . . . . . . „
35. Мертвецъ воскресаетъ отъ прикосновенія къ костямъ Елисея. . . . . *сепіей.*
36. Моисей раздѣляетъ воду Краснаго моря . . . 2 ф. *трон. акв.*
37. Елисей плащемъ Иліи раздѣляетъ воду Іордана. 1 ф. *сепіей.*
38. Ропотъ Израиля въ пустынѣ . . . . *контуръ.*
39. Господь обѣщаетъ Моисею напитать народъ (Чис. XI, 24—25). . . . . *трон. акв.*
40—43. Сборъ манны и перепеловъ въ пустынѣ . . М. ф. *трон. сеп.*
44. Пророкъ Илія у вдовы Сарептской . . . . . 3 ф. „
45. Елисей насыщаетъ 20 хлѣбами—100 человѣкъ . *сепіей.*
46. Самсонъ, взалкавшій послѣ битвы . . . . . . 2 ф. *трон. акв.*
47. Моисей со скрижалями Завѣта . . . . *трон. сеп.*
48. Самуилъ, помазывающій Саула на царство. . . 2 ф. „
49. Саулъ. Встрѣча пророческая (Сам. X, 2) . . . 4 ф. „
50. Саулъ. Встрѣча пророческая (Сам. X, 4) . . . 5 ф. „
51. Саулъ. Пророки съ музыкой (Сам. X, 5). . . . Н. ф. „
52. Очищеніе прокаженнаго (Левит. XIV, 2) . . . 4 ф. „
53. Козелъ отпущенія (Левит. XVI, 8) . . . . . 3 ф. „
54. Іаковъ борется съ Богомъ. . . . . 2 ф. „

5-й альбомъ: 6½ верш. высотой, 10½ верш. длиной.

1. Саулъ (Сам. X) . . . . *углем.*
2. Саулъ . . . . „
3. Іоаннъ и Петръ идутъ приготовить Пасху . . 3 ф. „
4. Іоаннъ и Петръ входятъ въ горницу для приготовленія Пасхи. . . . . 5 ф. *сепіей.*
5. Тайная вечерь. . . . . *трон. сеп.*
6. Омовеніе ногъ. . . . . „
7. Тайная вечерь: „Кто предастъ, Господи?“ . . „
8. Христосъ говоритъ Петру, что тотъ отречется отъ него . . . . *углем.*
9. Христосъ съ 3 учениками въ Геѳсиманскомъ саду. . . . . „
10. Христосъ оставляетъ учениковъ, идя на молитву. „
11. Тайная вечерь. . . . . „
12. Моленіе о чашѣ . . . . 1 ф. „

13. Христосъ будитъ учениковъ		*углемъ.*
14. Христосъ тотчасъ послѣ Тайной вечери		„
15. Моленіе о чашѣ	2 ф.	„
16. Моленіе о чашѣ	1 ф.	„
17. „Возстаньте, близокъ предавшій меня“	М. ф.	„
18. Лобзаніе Іуды	„	„
19. Взятіе Христа подъ стражу	„	„
20. Бѣгство учениковъ	„	„
21. Христосъ передъ Анной	„	*трон. сеп.*
22. Христосъ передъ Каіафой	„	*контуръ.*
23. Поруганіе Христа	„	*углемъ.*
24. Первое отреченіе Петра	3 ф.	„
25. Второе отреченіе Петра	М. ф.	„
26. Раскаяніе Петра	1 ф.	„
27. Пилатъ умываетъ руки передъ народомъ.	М. ф.	*трон. сеп.*
28. „Се человѣкъ!“	„	*углемъ.*
29. Христосъ, ведомый на Голгоѳу, обращается къ женамъ		„
30. Распятіе	7 ф.	„
31. Іосифъ Аримаѳей проситъ у Пилата тѣло Христа	5 ф.	„
32. Ангелъ отваливаетъ камень отъ гроба		„

6-й альбомъ: 6½ верш. высотой, 10½ верш. длиной.

1. Жена возливаетъ муро на ноги Христу	*углемъ.*
2. Крещеніе Христа	*контуръ.*
3. Христосъ укоряетъ фарисеевъ за убійство пророковъ	*акварель.*
4. Господь съ Адамомъ и Евой	*контуръ.*
5. Искушеніе	*углемъ.*
6. Благовѣщеніе	*трон. акв.*
7 и 8. Преображеніе	„
9. Благовѣщеніе	„
10. Христосъ говоритъ съ толпой народа	*углемъ.*
11. Искушеніе	*трон. акв.*
12. Сцена въ темницѣ	*акварель.*
13. Христа ведутъ на пропятіе	*контуръ.*
14. Народъ пляшетъ передъ золотымъ тельцомъ	*сепіей.*
15. Моисей превращаетъ жезлъ въ змѣя	*контуръ.*

7. Отдѣльные рисунки (большаго размѣра).

1. Іосифъ разсказываетъ сонъ отцу и братьямъ. (9 верш. высотой, 12½ длиной)		*отт. кар.*
2. Фараонъ отпускаетъ Израильтянъ изъ Египта.	М. ф.	*сепіей.*

3. Іоаннъ крестить народъ . . . . *углемъ.*
4. Распятіе. . . . . М. ф. *каранд.*
5. Крещеніе Христа . . . . „ *акварель.*
6. Проповѣдь Іоанна Крестителя. . . . . . . „ *углемъ.*
7. „Сотворю васъ ловцами человѣковъ“ . . . . „ „
8. Іоаннъ Креститель въ пустынѣ . . . . . . „ *акварель.*
9. Притязанія братьевъ ко Христу, углубленному въ смыслъ прор. Исаіи и Даніила . . . . *углемъ.*
10. „Изъ Египта воззвахъ сына Моего“ . . . . 4 ф. *акварель.*
11. Привѣтствіе Маріи Елисаветой . . . . . . 3 ф. „
12. Ап. Павелъ креститъ народъ . . . . М. ф. „
13. Летящій Богъ Саваоѳъ съ ангелами. . . . . *контуръ.*
14. Іоаннъ Креститель на Іорданѣ. . . . . *отт. кар.*
15. Іоаннъ на Іорданѣ: „Се Агнецъ Божій!“ . . . *сепіей.*
16. Іоаннъ Креститель на Іорданѣ (10 верш. высотой., 17 верш. длиной) . . . . *тщ. от. кар.*
17. Іоаннъ Креститель на Іорданѣ (того же размѣра). *отт. кар.*
18. Братья находятъ чашу въ мѣшкѣ у Веніамина. „
19. Христосъ тотчасъ послѣ Тайной вечери . . . *тон. сеп.*
20. Богъ—Каратель . . . . *каранд.*

Господь представленъ стоящимъ на спинѣ летящаго ангела; въ лѣвой рукѣ [Онъ] держитъ лукъ, правой достаетъ стрѣлу изъ колчана; фонъ — тучи и молніи. *С. И.*

1831—1836.

21 а. Аполлонъ, Кипарисъ и Гіацинтъ . . . . . . *красн. кар.*
21 б. Тоже (эскизъ той самой картины, что у Самарина [1]), въ Москвѣ) . . . . *масл. краск.*
21 в. Тоже (въ величину картины) . . . . *картонъ.*
22. Іосифъ съ женой Пентефрія. . . . . *отт. кар.*
23. Господь благословляетъ Адама и Еву на владѣніе землей. . . . . „
24. Тоже, варіантъ . . . . „
25. Изгнаніе изъ Рая . . . . „

1838—1842.

26. Октябрьскій праздникъ въ Римѣ, у Testaccio. *тон. сеп.*
27. Октябрьскій танецъ на одной изъ loggia. . . *тон. акв.*
28. Тоже, но иначе . . . . *акварель.*
29—31. Октябрьскій праздникъ у Ponte Molle . . „
32 а. Пристань на Ripetta съ угловой Мадонной и поющей „Ave Maria“ [передъ нею] толпой . „
32 б. Женихъ campagnuolo, выбирающій серьги для своей невѣсты . . . . „

---

[1]) Картина эта находится у наслѣд. А. С. Хомякова.

I. СПИСКИ ПРОИЗВЕДЕНІЙ А. А. ИВАНОВА.

1. Списокъ произведеній, оставшихся послѣ А. А. Иванова.

Списокъ этотъ былъ составленъ С. А. Ивановымъ и М. П. Боткинымъ по просьбѣ В. В. Стасова и посланъ ему изъ Рима 14 (2) апрѣля 1862 г. Онъ заключаетъ въ себѣ только выбранные, или, лучше сказать, возможные для изданія рисунки и эскизы, оставшіеся послѣ А. А. — въ альбомахъ и на отдѣльныхъ листахъ. По завѣщанію С. А., всѣ рисунки его брата, бывшіе у него до тѣхъ поръ, поступаютъ въ Московскій Публичный и Румянцевскій Музей: одни изъ библейскихъ рисунковъ, менѣе оконченные и едва набросанные, числомъ 89—теперь же; другіе, болѣе отдѣланные и особенно важные, въ количествѣ 169—впослѣдствіи, послѣ того какъ будутъ изданы Прусскимъ Археологическимъ Институтомъ въ хромолитографіяхъ и гравюрахъ. Въ печатаемый ниже списокъ включены объясненія нѣкоторыхъ рисунковъ, заимствованныя изъ письма С. А. Иванова къ В. В. Стасову, отъ 15 (3) мая 1862 г. изъ Рима, и потому отмѣченныя у насъ буквами *С. И.*—Что касается до сокращеній, принятыхъ нами, то буква „ф“ означаетъ число фигуръ, „М“ или „Н“—„Много“ или „Нѣсколько“, буквы: *акв.* означаютъ—*акварелью* и *акварельной*, *каранд.*—*карандашемъ*, *конт.* — *контуръ*, *кр.* и *краск.* — *красками*, *неб.* — *небольшой*, *отт.*—*оттушевано*, *р.*—*рисунокъ*, *сеп.*—*сепіей*, *черт.*—*чертой*. —Слова, заключенныя въ круглыя скобки, принадлежатъ самому С. А. Иванову; заключенныя въ прямыя,—вставлены нами, для большей ясности.

КОМПОЗИЦІИ ИЗЪ НОВАГО И ВЕТХАГО ЗАВѢТА (1848—1858).

1-й альбомъ: 6 верш. высотой, 9 верш. длиной.

1. Нѣмой Захарій передъ народомъ.	Н. ф.	*трон. акв.*
2. Захарій становится нѣмъ передъ ангеломъ . .	2 ф.	„
3. Привѣтствіе Маріи Елисаветой	3 ф.	„
4. Тоже, съ перемѣнами		„
5. Исаія съ сыномъ передъ ц. Ахазомъ (Ис. VII).	М. ф.	„

Примѣч. ред. Общій итогъ рисунковъ:

	Нов. Зав.	Вет. Зав.	Разн. сюж.
Акварельныхъ	61	2	6
Тронутыхъ акварелью. . .	46	15	1
Акварельной чертой . . .	1	—	—
Контурныхъ, акварелью . .	6	—	—
Сепіей	16	11	—
Тронутыхъ сепіей	9	24	1
Контурныхъ, сепіей . . .	4	1	—
Карандашныхъ.	5	6	3
Оттушеванныхъ карандашемъ	8	6	—
Съ оттушеваннымъ контуромъ	1	—	—
Контурныхъ (карандашемъ) .	22	8	—
Углемъ	58	7	—
Масляными красками. . .	1	2	1
Всего .	238	82	12

8. Эскизы и этюды масляными красками.

Эскизовъ для картины „Явленіе Христа народу“. 5
Этюдовъ для той же картины:
„ головъ 117
„ рукъ и ногъ. 34
„ цѣлыхъ фигуръ 16
„ фигуръ, пис. на солнцѣ и вообще на воздухѣ 15
„ мальчика спиной. 1
„ драпировокъ. 30
„ ландшафтовъ. 63
„ непринадлежащихъ къ картинѣ 20
„ для „Явленія Христа Магдалинѣ“. 4
Копій головъ съ Рафаэля 10
„ „ съ Тиціана 2

Итого . . . . 317[1]).

[1]) Число это немного менѣе настоящаго, такъ какъ: во-первыхъ, нѣкоторые этюды, гдѣ было по 2 и по 3 головы или фигуры, легко отдѣлимыя, разрѣзаны потомъ на нѣсколько частей; во-вторыхъ, нѣкоторые сюжеты, писанные масляными красками, упомянуты не здѣсь, а въ предыдущемъ спискѣ; въ-третьихъ, тутъ показаны не всѣ копіи, дѣланныя А. А. Ивановымъ.

2. Списокъ произведенiй А. А. Иванова,

бывшихъ на его выставкахъ, въ Петербургѣ и Москвѣ, въ 1858 г.

(съ обозначенiемъ цѣнъ работъ и именъ покупателей).

Въ Петербургѣ А. А. Ивановъ самъ устраивалъ выставку, въ Академiи Художествъ; но только при его жизни мало было продано вещей, большинство же — послѣ его смерти. Затѣмъ, этюды, не проданные въ Петербургѣ, выставлялись въ Москвѣ и многiе изъ нихъ куплены тамъ; остальные были посланы обратно въ Римъ, къ С. А. Иванову, и нѣкоторые проданы уже имъ самимъ; большая же часть этюдовъ, не бывшихъ даже на выставкахъ, продана уже послѣ его смерти — М. П. Боткинымъ. Предлагаемый ниже списокъ сохранился въ двухъ видахъ: во-первыхъ, съ именами лицъ, какъ желавшихъ только купить, такъ и въ самомъ дѣлѣ купившихъ картины въ Петербургѣ, и, во-вторыхъ, съ именами уже дѣйствительныхъ покупщиковъ въ Петербургѣ и Москвѣ; оттого и встрѣчаются противорѣчiя въ обѣихъ редакцiяхъ. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что Н. Ѳ. Самаринъ покупалъ вещи не для себя, а для А. С. Хомякова, у наслѣдниковъ котораго онѣ находятся и по сейчасъ, и что вещи, купленныя прежде В. П. Боткинымъ и В. А. Кокоревымъ, перешли потомъ къ М. П. Боткину. Мы печатаемъ *первый* списокъ съ копiи, снятой В. В. Стасовымъ, еще въ 1858 г., съ подлинника самого А. А. Иванова, частiю съ собственными его замѣчанiями, и съ обозначенiемъ, въ выноскахъ,— отличiй, встрѣчающихся во *второмъ* спискѣ. Въ выноскахъ же отмѣчено и то, гдѣ находятся теперь картины, бывшiя прежде въ другихъ рукахъ. Въ самомъ началѣ *втораго* списка помѣщенъ, безъ №:

„Большой эскизъ, ближайшiй къ картинѣ . . . . ц. 5000 р.—прод. К.Т. Солдатенкову (въ М.)“.

	Цѣна:	Кому продано:
1. Эскизъ, ближайшiй къ картинѣ [«Явленiе Христа народу»] . . .	1500 р.	В. А. Кокореву (въ М.).
2. Второй эскизъ, съ перемѣнами деревьевъ	800 „	Гр. С. Г. Строганову (въ П.).
Надъ Iисусомъ Христомъ — Св. Духъ [въ видѣ голубя]; на лѣво, съ краю, — старикъ, стоящiй въ водѣ, обнимаетъ мальчика, или помогаетъ ему выйти изъ воды.		
3. Первобытный эскизъ	500 „	Д. П. Боткину (въ М.).
4. Этюдъ для головы Iоанна [Крестителя]	300 „	В. к. Еленѣ Павловнѣ [1]).

[1]) Находится теперь въ Моск. Публичномъ и Румянцевскомъ Музеѣ.

	Цѣна:	Кому продано:
5. Два этюда Христа, въ ростъ. . .	700 р.	В. к. Маріи Николаевнѣ [1]).
6. Этюдъ Христа, въ ростъ	200 „	Г-ну Новицкому . . . . . . [2]).
7. Голова для Андрея	150 „	А. О. Смирновой . . . . . . [3]).
8. Голова для него же . . . . а) Голова сѣдая, съ пролысинами (какъ на картинѣ); платье бѣло-розоватое; голая грудь. b) Тоже, съ натурщика: волоса, едва-едва съ просѣдью, зачесаны гладко назадъ; платье едва загрунтовано.	150 „	Гр. С. Г. Страганову. [4]).
9. Ищущій взорами Христа. . . . . Старикъ, сидящій въ серединѣ фона картины и оборачивающійся назадъ; зеленое платье; голая грудь. (Голова.)	100 „	Граф. Кочубей (въ П.) [5]).
10. Голова для подымающагося старика . . . . Фарисей съ шапочкой на головѣ (еврейскія надписи на ней); бѣлая борода; сѣдоватые волосы; бѣлое платье.	100 „	С. А. Мазурину (въ М.) [6]).
11. Старикъ съ Назареемъ. . . . . . Старикъ на-право, у самой рамки; платье красное (а не коричневое, какъ на картинѣ); все лицо краснѣе, чѣмъ на картинѣ; волосы меньше сѣды; рука Назарея (мальчика съ косами) и—его самого рука. (По грудь.)	50 „	Г-ну Суханову (въ П.) [7]).

---

[1]) Въ другомъ спискѣ, подъ № 5, показанъ:
„Эскизъ [картины], набросанный въ венец. красках. . ц. 200 р., прод. А. С. Хомякову (въ М.)".
а подъ № 71—помѣщенъ:
„Этюдъ Христа, въ ростъ . „ 700 „ прод. В. П. Боткину (въ П.)", тотъ самый, что̀ былъ прежде подъ № 5.

Примѣчаніе ред. Прежде на одномъ холстѣ было два этюда Христа, которые потомъ разрѣзаны, и изъ нихъ: оконченный достался В. П. Боткину и перешелъ впослѣдствіи къ М. П. Боткину, а неконченный былъ пріобрѣтенъ отъ М. П. Боткина—П. М. Третьяковымъ, у котораго и находится теперь.

[2]) По исправл. списку: ц. 400 р.—прод. А. С. Хомякову, въ Москвѣ.

[3]) По исправл. списку: прод. С. А. Мазурину, въ Москвѣ.

[4]) По исправл. списку: ц. 200 р.

[5]) По исправл. списку: ц. 150 р.

[6]) Находится теперь у М. П. Боткина, въ Петербургѣ.

[7]) По исправл. списку: ц. 100 р.

	Цѣна:	Кому продано:
12. Мальчикъ въ тѣни . . . . Мальчикъ-красавецъ изъ центра картины: грудь, и руки по-локоть.	150 р.	В. А. Кокореву (въ М.).
13. Два старика-фарисея . . . . . . a) *прямо*, безъ платья; b) *въ профиль* (гровный) — платье довольно сдѣлано. (Головы.)	100 „	Г-ну Шиловскому (въ М.).
13 *bis*. Голова для надѣвающаго рубашку (улыбающагося) и стоящаго съ мальчикомъ на-право . . . a) Голова натурщика — того же, что № 8b, — лысаго, съ зачесанными волосами и бородой, но въ поворотѣ $^3/_4$, почти профиль; b) таже голова, но безъ бороды и съ молодыми волосами въ завитушкахъ; безъ платья. Обѣ головы еще безъ выраженія.	50 „	. . . . [1]).
14. Въ молчаніи идущій, въ зеленомъ. a) Голова поменьше; b) голова побольше; обѣ съ опущенными глазами, обѣ—*en face*.	50 „	Г. Воскобойникову (въ П.)
15. Для средняго фарисея [голова]. . a) Голова натурщика—та же, что № 8 a, — въ волосахъ, но съ лысиной; съ коричневыми глазами; b) та-же голова, но въ чалмѣ; съ голубыми глазами. Обѣ — *en face*, и послужили для фарисея № 13 a.	50 „	Г. Бардаевскому (въ М.) [2]).
16. Пять фигуръ, писанныхъ на солнцѣ. Средняя группа сидящихъ въ фонѣ, а старикъ перваго плана — безъ головы вовсе. Около аршина вышины.	100 „	А. С. Хомякову (въ М.).
17. Голова Іоанна [Крестителя], портретъ съ натурщицы	75 „	Н. М. Смирнову . . . . . [3]).
18. Двѣ фигуры, писанныя на солнцѣ. Подымающійся старикъ и человѣкъ съ песиками, въ синемъ, оборотившійся затылкомъ. Около аршина вышины.	50 „	Н. Ѳ. Самарину (въ М.).

---

[1]) По исправл. списку: ц. 100 р., и тоже безъ обознач., кому прод.
[2]) Находится теперь у доктора Милютина, въ Пятигорскѣ.
[3]) Находится теперь у К. С. Мазурина, въ Москвѣ.

	Цѣна:	Кому продано:
19. Паркъ Ариччи. Внутренность. М. р. Небо сѣрое (нарочно для фона).	1000 „	В. П. Боткину (въ П.).
20. Дворецъ Гиджи . . . . Все зелень.	400 р.	О. Ѳ. Кошелевой (въ М.).
21. Порто д'Анціо	250	. . . . [1]).
22. Паркъ Гиджи. Внутренность. Б. р.	1000 „	К. Т. Солдатенкову (въ М.).
23. Этюдъ земли, съ воротами св. Павла въ Альбано	50 „	А. С. Хомякову (въ М.).
24. Этюдъ земли у чимитеро [кладбища] въ Альбано	50 „	Г. Бардаевскому (въ М.) [2]).
25. Вилла Адріана	600 „	А. С. Хомякову (въ М.) [3]).
26. Монтичелли	1000 „	В. А. Кокореву (въ М.).
27. Подножіе Виковары	250 „	О. Ѳ. Кошелевой (въ М.) [4]).
28. Этюдъ земли, на верху „Капуциновъ" въ Альбано . . . . Голый мальчикъ—съ лѣвой стороны; красное платье—на первомъ планѣ.	50 „	Г-ну Баранову (въ П.) [5]).
29. Понтинскія болота . . . . Длинный и узкій пейзажъ.	75 „	В. П. Боткину (въ П.).
30. Этюдъ воды подъ Палаццуоло; въ ширину . . . . Много каменьевъ.	75 „	Н. Ѳ. Самарину (въ П.).
31. Тоже . . . . Камни и вода, съ рефлексомъ, скопированы [въ картинѣ] у мальчика, вылѣзающаго изъ воды.	75 „	А. С. Хомякову (въ М.).
32. Дерево надъ водой, у „Капуциновъ", въ Кастель-Гандольфо . .	50 „	Павлу Боткину (въ М.) [6]).
33. Дерево у фонтана, между Ариччи и Дженсано	50 „	Г-ну Баранову (въ П.).
34. Наружное дерево парка Гиджи . .	1000 „	. . . . [7]).
35. Нижняя галлерея въ Альбано, со входомъ въ виллу Барберини; въ ширину . . . . На право, внизу,—камень.	1000 „	Н. Ѳ. Самарину (въ М.) [8]).

[1]) Безъ обозначенія, кому былъ проданъ этотъ этюдъ.
[2]) См. ниже списокъ этюдовъ, наход. у М. П. Боткина, № 52.
[3]) По исправл. списку: ц. 800 р.
[4]) Находится у Д. А. Бсклемишевой, въ Москвѣ.
[5]) Находится теперь у М. П. Боткина, въ Петербургѣ.
[6]) По исправл. списку: ц. 75 р.
[7]) Находится теперь у П. М. Третьякова, въ Москвѣ.
[8]) Находится теперь у Д. А. Бсклемишевой, въ Москвѣ.

	Цѣна:	Кому продано:
36. Вѣтвь изъ нижней галлереи въ Альбано; въ ширину	300 „	А. С. Хомякову (въ М.).
37. Оливы изъ чимитеро въ Альбано; въ ширину . . . . Голубое небо.	400 „	О. Ѳ. Кошелевой (въ М.).
38. Низъ дороги изъ Альбано въ Ариччи, съ моремъ . . . . Длинный и узкій пейзажъ; свѣтлое небо, почти бѣлое.	400 „	Д. П. Боткину (въ М.).
39. Долина Ариччи; въ вышину . . .	500 „	А. С. Хомякову (въ М.).
40. Монте Савелли . . . . Длинный и узкій пейзажъ; свѣтлое небо.	400 „	В. П. Боткину (въ П.).
41. Стоящій съ книгой, изъ „Аѳинской школы“ Рафаэля.	75 „	
42. Двѣ головы: Богородицы и Анны, съ Рафаэля въ Неаполѣ.	200 „	Г-ну Суханову (въ П.).
43. Madonna di S. Sisto [съ Рафаэля].	200 „	В. П. Боткину (въ П.) [1].
44. Лѣвая сторона „Аѳинской школы“ Рафаэля . . . . Два старика (одинъ—пишетъ, другой—заглядываетъ) и мальчикъ.	200 „	
45. Лѣвая сторона „Disputa“ [Рафаэля] . . . . Цѣлая группа: молодой человѣкъ—въ ростъ, прочіе—за балюстрадой.	250 „	
46. Правая сторона „Disputa“. . . . Аріостъ въ ростъ и свѣсившаяся черезъ балюстраду фигура; папа и кардиналъ передъ ними—только въ чертахъ.	100 „	
47—56. Драпировки:	по 20 „	
47. Назарей . . . . Тоже, что № 50, но меньше.		М. П. Боткину (въ П.).
48. Оба Іоанна и верхъ глухаго. . .		Г-ну Полѣнову.
49. Іисусъ Христосъ . . . . Дважды; разныя складки.		Г-ну Воскобойникову.
50. Назарей и подымающійся старикъ . . . . Впереди, чертами, — надѣвающій рубашку, по-грудь.		Акад. Бѣляеву.
51. Оба Іоанна		Г-ну Бардаевскому (въ П.).

[1]) По исправл. списку: ц. 275 р.

29. Іосія низвергаетъ идоловъ, поставленныхъ Манасіей.		*трон. сеп.*
30. Пророкъ Илія воскрешаетъ сына вдовицы . . .	2 ф.	„
31. Елисей приготовляется воскресить сына Сунамитянки		„
32. Пророкъ Илія		„
33. Илія даетъ деньги матери воскрешеннаго имъ мальчика		„
34. Илія воскрешаетъ сына вдовицы		„
35. Мертвецъ воскресаетъ отъ прикосновенія къ костямъ Елисея.		*сепіей.*
36. Моисей раздѣляетъ воду Краснаго моря . . .	2 ф.	*трон. акв.*
37. Елисей плащемъ Иліи раздѣляетъ воду Іордана.	1 ф.	*сепіей.*
38. Ропотъ Израиля въ пустынѣ		*контуръ.*
39. Господь обѣщаетъ Моисею напитать народъ (Чис. XI, 24—25).		*трон. акв.*
40—43. Сборъ манны и перепеловъ въ пустынѣ . .	М. ф.	*трон. сеп.*
44. Пророкъ Илія у вдовы Сарептской	3 ф.	„
45. Елисей насыщаетъ 20 хлѣбами—100 человѣкъ .		*сепіей.*
46. Самсонъ, взалкавшій послѣ битвы	2 ф.	*трон. акв.*
47. Моисей со скрижалями Завѣта		*трон. сеп.*
48. Самуилъ, помазывающій Саула на царство. . .	2 ф.	„
49. Саулъ. Встрѣча пророческая (Сам. X, 2) . . .	4 ф.	„
50. Саулъ. Встрѣча пророческая (Сам. X, 4) . . .	5 ф.	„
51. Саулъ. Пророки съ музыкой (Сам. X, 5). . . .	Н. ф.	„
52. Очищеніе прокаженнаго (Левит. XIV, 2) . . .	4 ф.	„
53. Козелъ отпущенія (Левит. XVI, 8)	3 ф.	„
54. Іаковъ борется съ Богомъ.	2 ф.	„

5-й альбомъ: $6^1/_2$ верш. высотой, $10^1/_2$ верш. длиной.

1. Саулъ (Сам. X)		*углемъ.*
2. Саулъ		„
3. Іоаннъ и Петръ идутъ приготовить Пасху . .	3 ф.	„
4. Іоаннъ и Петръ входятъ въ горницу для приготовленія Пасхи.	5 ф.	*сепіей.*
5. Тайная вечерь.		*трон. сеп.*
6. Омовеніе ногъ.		„
7. Тайная вечерь: „Кто предастъ, Господи?“ . .		„
8. Христосъ говоритъ Петру, что тотъ отречется отъ него		*углемъ.*
9. Христосъ съ 3 учениками въ Геосиманскомъ саду.		„
10. Христосъ оставляетъ учениковъ, идя на молитву.		„
11. Тайная вечерь.		„
12. Моленіе о чашѣ	1 ф.	„

13. Христосъ будитъ учениковъ		*углемъ.*
14. Христосъ тотчасъ послѣ Тайной вечери . . .		„
15. Моленіе о чашѣ	2 ф.	„
16. Моленіе о чашѣ	1 ф.	„
17. „Возстаньте, близокъ предавшій меня“ . . .	М. ф.	„
18. Лобзаніе Іуды	„	„
19. Взятіе Христа подъ стражу	„	„
20. Бѣгство учениковъ	„	„
21. Христосъ передъ Анной	„	*трон. сеп.*
22. Христосъ передъ Каіафой	„	*контуръ.*
23. Поруганіе Христа	„	*углемъ.*
24. Первое отреченіе Петра	3 ф.	„
25. Второе отреченіе Петра	М. ф.	„
26. Раскаяніе Петра	1 ф.	„
27. Пилатъ умываетъ руки передъ народомъ. . .	М. ф.	*трон. сеп.*
28. „Се человѣкъ!“	„	*углемъ.*
29. Христосъ, ведомый на Голгоѳу, обращается къ женамъ		„
30. Распятіе	7 ф.	„
31. Іосифъ Аримаѳей проситъ у Пилата тѣло Христа	5 ф.	„
32. Ангелъ отваливаетъ камень отъ гроба . . .		„

6-й альбомъ: 6½ верш. высотой, 10½ верш. длиной.

1. Жена возливаетъ мvро на ноги Христу . . .	*углемъ.*
2. Крещеніе Христа	*контуръ.*
3. Христосъ укоряетъ фарисеевъ за убійство пророковъ	*акварель.*
4. Господь съ Адамомъ и Евой	*контуръ.*
5. Искушеніе	*углемъ.*
6. Благовѣщеніе	*трон. акв.*
7 и 8. Преображеніе	„
9. Благовѣщеніе	„
10. Христосъ говоритъ съ толпой народа	*углемъ.*
11. Искушеніе	*трон. акв.*
12. Сцена въ темницѣ	*акварель.*
13. Христа ведутъ на пропятіе.	*контуръ.*
14. Народъ пляшетъ передъ золотымъ тельцомъ .	*сепіей.*
15. Моисей превращаетъ жезлъ въ змѣя	*контуръ.*

7. Отдѣльные рисунки (большаго размѣра).

1. Іосифъ разсказываетъ сонъ отцу и братьямъ . (9 верш. высотой, 12½ длиной)		*отт. кар.*
2. Фараонъ отпускаетъ Израильтянъ изъ Египта.	М. ф.	*сепіей.*

3.	Іоаннъ креститъ народъ		*углемъ.*
4.	Распятіе	М. ф.	*каранд.*
5.	Крещеніе Христа	„	*акварель.*
6.	Проповѣдь Іоанна Крестителя	„	*углемъ.*
7.	„Сотворю васъ ловцами человѣковъ"	„	„
8.	Іоаннъ Креститель въ пустынѣ	„	*акварель.*
9.	Притязанія братьевъ ко Христу, углубленному въ смыслъ прор. Исаіи и Даніила		*углемъ.*
10.	„Изъ Египта воззвахъ сына Моего"	4 ф.	*акварель.*
11.	Привѣтствіе Маріи Елисаветой	3 ф.	„
12.	Ап. Павелъ креститъ народъ	М. ф.	„
13.	Летящій Богъ Саваоѳъ съ ангелами		*контуръ.*
14.	Іоаннъ Креститель на Іорданѣ		*отт. кар.*
15.	Іоаннъ на Іорданѣ: „Се Агнецъ Божій!"		*сепіей.*
16.	Іоаннъ Креститель на Іорданѣ (10 верш. высотой., 17 верш. длиной)		*тщ. от. кар.*
17.	Іоаннъ Креститель на Іорданѣ (того же размѣра)		*отт. кар.*
18.	Братья находятъ чашу въ мѣшкѣ у Веніамина		„
19.	Христосъ тотчасъ послѣ Тайной вечери		*трон. сеп.*
20.	Богъ—Каратель		*каранд.*

Господь представленъ стоящимъ на спинѣ летящаго ангела; въ лѣвой рукѣ [Онъ] держитъ лукъ, правой достаетъ стрѣлу изъ колчана; фонъ — тучи и молніи. *С. И.*

1831—1836.

21 а.	Аполлонъ, Кипарисъ и Гіацинтъ	*красн. кар.*
21 б.	Тоже (эскизъ той самой картины, что у Самарина [1]), въ Москвѣ)	*масл. краск.*
21 в.	Тоже (въ величину картины)	*картонъ.*
22.	Іосифъ съ женой Пентефрія	*отт. кар.*
23.	Господь благословляетъ Адама и Еву на владѣніе землей	„
24.	Тоже, варіантъ	„
25.	Изгнаніе изъ Рая	„

1838—1842.

26.	Октябрьскій праздникъ въ Римѣ, у Testaccio	*трон. сеп.*
27.	Октябрьскій танецъ на одной изъ loggia	*трон. акв.*
28.	Тоже, но иначе	*акварель.*
29—31.	Октябрьскій праздникъ у Ponte Molle	„
32 а.	Пристань на Ripetta съ угловой Мадонной и поющей „Ave Maria" [передъ нею] толпой	„
32 б.	Женихъ campagnuolo, выбирающій серьги для своей невѣсты	„

[1]) Картина эта находится у наслѣд. А. С. Хомякова.

Всѣ эти композиціи [26—32б.] были дѣланы въ альбомы: Наслѣднику (нынѣшнему Императору), вел. кн. Маріи Николаевнѣ, Гоголю и имъ подаренный Смирновой, Жуковскому и проч.—Эскизы оставались у С. А. Иванова. *С. И.*

32 в. Ахиллесъ, укоряющій Париса . . . . *каранд.*

1845.

33. Воскресеніе изъ мертвыхъ. . . . . *отт. кар.*

Эскизъ для запрестольнаго образа въ храмѣ Спаса въ Москвѣ.

34—36. Тоже . . . . *акварель.*

Самый послѣдній, или болѣе выработанный [эскизъ] (10½ верш. ширины, 15 верш. высоты) довольно окончательно отдѣланъ акварелью и гвашью. *С. И.*

37—40. Тоже . . . . *каранд.*

41. „Се Агнецъ Божій!"—рис., близкій къ картинѣ. *сепіей.*

42. Рѣчь Христа о второмъ пришествіи . . . . . *контуръ.*

43. Крещеніе народа Іоанномъ (10 верш. высотой, 17 верш. длиной). . . . . *отт. кар.*

44. Моисей приноситъ жертву Богу, по переходѣ черезъ Красное море . . . . 2 ф. „

45. Христосъ, уходящій изъ храма отъ разъяреннаго народа . . . . *углемъ.*

46. Христосъ во храмѣ . . . . *трон. тке.*

47. Распятіе: Смерть Христа (13 верш. высотой, 20 верш. длиной) . . . . М. ф. [1]) *отт. кар.*

48. Крещеніе народа Іоанномъ: „Се агнецъ Божій" (Того же размѣра). . . . . „

Рисунокъ этотъ [находящійся нынѣ у П. М. Третьякова, въ Москвѣ] есть не что иное, какъ первая мысль большой картины Иванова, и очень похожъ на эскизъ масляными красками, находящійся у Д. П. Боткина, въ Москвѣ. *С. И.*

1831.

49—52. Братья находятъ чашу въ мѣшкѣ у Веніамина (Всѣ 4 рис. съ перемѣнами). . . . *каранд.*

53. Сусанна . . . . 3 ф. „

54—55. Братья находятъ чашу въ мѣшкѣ у Веніамина (Оба эскиза съ перемѣнами) . . . . *масл. кр.* [2])

56. Рѣчь Христа о второмъ пришествіи. . . . . . „ [3])

---

[1]) По 6 вершковъ.

[2]) Находится у П. М. Третьякова, въ Москвѣ.

[3]) Находится у М. П. Боткина, въ Петербургѣ.

Примѣч. ред. Общій итогъ рисунковъ:

	Нов. Зав.	Вет. Зав.	Разн. сюж.
Акварельныхъ	61	2	6
Тронутыхъ акварелью . . .	46	15	1
Акварельной чертой . . .	1	—	—
Контурныхъ, акварелью . .	6	—	—
Сепіей	16	11	—
Тронутыхъ сепіей	9	24	1
Контурныхъ, сепіей . . .	4	1	—
Карандашныхъ	5	6	3
Оттушеванныхъ карандашемъ	8	6	—
Съ оттушеваннымъ контуромъ	1	—	—
Контурныхъ (карандашемъ) .	22	8	—
Углемъ	58	7	—
Масляными красками . . .	1	2	1
Всего .	238	82	12

8. Эскизы и этюды масляными красками.

Эскизовъ для картины „Явленіе Христа народу“		5
Этюдовъ для той же картины:		
„	головъ	117
„	рукъ и ногъ	34
„	цѣлыхъ фигуръ	16
„	фигуръ, пис. на солнцѣ и вообще на воздухѣ	15
„	мальчика спиной	1
„	драпировокъ	30
„	ландшафтовъ	63
„	непринадлежащихъ къ картинѣ	20
„	для „Явленія Христа Магдалинѣ“	4
Копій головъ съ Рафаэля		10
„ „ съ Тиціана		2
	Итого	317[1]).

[1]) Число это немного менѣе настоящаго, такъ какъ: во-первыхъ, нѣкоторые этюды, гдѣ было по 2 и по 3 головы или фигуры, легко отдѣлимыя, разрѣзаны потомъ на нѣсколько частей; во-вторыхъ, нѣкоторые сюжеты, писанные масляными красками, упомянуты не здѣсь, а въ предыдущемъ спискѣ; въ-третьихъ, тутъ показаны не всѣ копіи, дѣланныя А. А. Ивановымъ.

2. Списокъ произведеній А. А. Иванова,

бывшихъ на его выставкахъ, въ Петербургѣ и Москвѣ, въ 1858 г.

(съ обозначеніемъ цѣнъ работъ и именъ покупателей).

Въ Петербургѣ А. А. Ивановъ самъ устраивалъ выставку, въ Академіи Художествъ; но только при его жизни мало было продано вещей, большинство же — послѣ его смерти. Затѣмъ, этюды, не проданные въ Петербургѣ, выставлялись въ Москвѣ и многіе изъ нихъ куплены тамъ; остальные были посланы обратно въ Римъ, къ С. А. Иванову, и нѣкоторые проданы уже имъ самимъ; большая же часть этюдовъ, не бывшихъ даже на выставкахъ, продана уже послѣ его смерти — М. П. Боткинымъ. Предлагаемый ниже списокъ сохранился въ двухъ видахъ: во-первыхъ, съ именами лицъ, какъ желавшихъ только купить, такъ и въ самомъ дѣлѣ купившихъ картины въ Петербургѣ, и, во-вторыхъ, съ именами уже дѣйствительныхъ покупщиковъ въ Петербургѣ и Москвѣ; оттого и встрѣчаются противорѣчія въ обѣихъ редакціяхъ. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что Н. Ѳ. Самаринъ покупалъ вещи не для себя, а для А. С. Хомякова, у наслѣдниковъ котораго онѣ находятся и по сейчасъ, и что вещи, купленныя прежде В. П. Боткинымъ и В. А. Кокоревымъ, перешли потомъ къ М. П. Боткину. Мы печатаемъ *первый* списокъ съ копіи, снятой В. В. Стасовымъ, еще въ 1858 г., съ подлинника самого А. А. Иванова, частію съ собственными его замѣчаніями, и съ обозначеніемъ, въ выноскахъ,— отличій, встрѣчающихся во *второмъ* спискѣ. Въ выноскахъ же отмѣчено и то, гдѣ находятся теперь картины, бывшія прежде въ другихъ рукахъ. Въ самомъ началѣ *втораго* списка помѣщенъ, безъ №:

„Большой эскизъ, ближайшій къ картинѣ . . . . ц. 5000 р.—прод. К.Т. Солдатенкову (въ М.)“.

	Цѣна:	Кому продано:
1. Эскизъ, ближайшій къ картинѣ [«Явленіе Христа народу»] . . .	1500 р.	В. А. Кокореву (въ М.).
2. Второй эскизъ, съ перемѣнами деревьевъ	800 „	Гр. С. Г. Строганову (въ П.).
Надъ Іисусомъ Христомъ — Св. Духъ [въ видѣ голубя]; на лѣво, съ краю, — старикъ, стоящій въ водѣ, обнимаетъ мальчика, или помогаетъ ему выйти изъ воды.		
3. Первобытный эскизъ	500 „	Д. П. Боткину (въ М.).
4. Этюдъ для головы Іоанна [Крестителя]	300 „	В. к. Еленѣ Павловнѣ [1]).

[1]) Находится теперь въ Моск. Публичномъ и Румянцевскомъ Музеѣ.

	Цѣна:	Кому продано:
5. Два этюда Христа, въ ростъ. . .	700 р.	В. к. Маріи Николаевнѣ [1]).
6. Этюдъ Христа, въ ростъ	200 „	Г-ну Новицкому ...... [2]).
7. Голова для Андрея	150 „	А. О. Смирновой...... [3]).
8. Голова для него же . . . . a) Голова сѣдая, съ пролысинами (какъ на картинѣ); платье бѣло-розоватое; голая грудь. b) Тоже, съ натурщика: волоса, едва-едва съ просѣдью, зачесаны гладко назадъ; платье едва загрунтовано.	150 „	Гр. С. Г. Страганову. [4]).
9. Ищущій взорами Христа. . . . . Старикъ, сидящій въ серединѣ фона картины и оборачивающійся назадъ; зеленое платье; голая грудь. (Голова.)	100 „	Граф. Кочубей (въ П.) [5]).
10. Голова для подымающагося старика . . . . Фарисей съ шапочкой на головѣ (еврейскія надписи на ней); бѣлая борода; сѣдоватые волосы; бѣлое платье.	100 „	С. А. Мазурину (въ М.) [6]).
11. Старикъ съ Назареемъ. . . . . . Старикъ на-право, у самой рамки; платье красное (а не коричневое, какъ на картинѣ); все лицо краснѣе, чѣмъ на картинѣ; волосы меньше сѣды; рука Назарея (мальчика съ косами) и—его самого рука. (По грудь.)	50 „	Г-ну Суханову (въ П.) [7]).

---

[1]) Въ другомъ спискѣ, подъ № 5, показанъ:
„Эскизъ [картины], набросанный въ венец. красках. . ц. 200 р., прод. А. С. Хомякову (въ М.)“.
а подъ № 71—помѣщенъ:
„Этюдъ Христа, въ ростъ . „ 700 „ прод. В. П. Боткину (въ П.)“, тотъ самый, что былъ прежде подъ № 5.

Примѣчаніе ред. Прежде на одномъ холстѣ было два этюда Христа, которые потомъ разрѣзаны, и изъ нихъ: оконченный достался В. П. Боткину и перешелъ впослѣдствіи къ М. П. Боткину, а неконченный былъ пріобрѣтенъ отъ М. П. Боткина—П. М. Третьяковымъ, у котораго и находится теперь.

[2]) По исправл. списку: ц. 400 р.—прод. А. С. Хомякову, въ Москвѣ.

[3]) По исправл. списку: прод. С. А. Мазурину, въ Москвѣ.

[4]) По исправл. списку: ц. 200 р.

[5]) По исправл. списку: ц. 150 р.

[6]) Находится теперь у М. П. Боткина, въ Петербургѣ.

[7]) По исправл. списку: ц. 100 р.

	Цѣна:	Кому продано:
12. **Мальчикъ въ тѣни** . . . . Мальчикъ-красавецъ изъ центра картины: грудь, и руки по-локоть.	150 р.	В. А. Кокореву (въ М.).
13. Два старика-фарисея . . . . . . а) *прямо*, безъ платья; b) *въ профиль* (грозный) — платье довольно сдѣлано. (Головы.)	100 „	Г-ну Шиловскому (въ М.).
13 *bis*. Голова для надѣвающаго рубашку (улыбающагося) и стоящаго съ мальчикомъ на-право . . . а) Голова натурщика — того же, что № 8b, — лысаго, съ зачесанными волосами и бородой, но въ поворотѣ 3/4, почти профиль; b) таже голова, но безъ бороды и съ молодыми волосами въ завиткахъ; безъ платья. Обѣ головы еще безъ выраженія.	50 „	.... [1]).
14. Въ молчаніи идущій, въ зеленомъ. а) Голова поменьше; b) голова побольше; обѣ съ опущенными глазами, обѣ—*en face*.	50 „	Г. Воскобойникову (въ П.)
15. Для средняго фарисѐя [голова]. . а) Голова натурщика—та же, что № 8 а, — въ волосахъ, но съ лысиной; съ коричневыми глазами; b) та-же голова, но въ чалмѣ; съ голубыми глазами. Обѣ — *en face*, и послужили для фарисея № 13 а.	50 „	Г. Бардаевскому (въ М.) [2]).
16. Пять фигуръ, писанныхъ на солнцѣ. Средняя группа сидящихъ въ фонѣ, а старикъ перваго плана — безъ головы вовсе. Около аршина вышины.	100 „	А. С. Хомякову (въ М.).
17. Голова Іоанна [Крестителя], портретъ съ натурщицы	75 „	Н. М. Смирнову ..... [3]).
18. Двѣ фигуры, писанныя на солнцѣ. Подымающійся старикъ и человѣкъ съ песками, въ синемъ, оборотившійся затылкомъ. Около аршина вышины.	50 „	Н. Ѳ. Самарину (въ М.).

---

[1]) По исправл. списку: ц. 100 р., и тоже безъ обознач., кому прод.
[2]) Находится теперь у доктора Милютина, въ Пятигорскѣ.
[3]) Находится теперь у К. С. Мазурина, въ Москвѣ.

	Цѣна:	Кому продано:
19. Паркъ Ариччи. Внутренность. М. р. Небо сѣрое (нарочно для фона).	1000 „	В. П. Боткину (въ П.).
20. Дворецъ Гиджи . . . . Все зелень.	400 р.	О. Ѳ. Кошелевой (въ М.).
21. Порто д'Анціо.	250	. . . . [1]).
22. Паркъ Гиджи. Внутренность. Б. р.	1000 „	К. Т. Солдатенкову (въ М.).
23. Этюдъ земли, съ воротами св. Павла въ Альбано	50 „	А. С. Хомякову (въ М.).
24. Этюдъ земли у чимитеро [кладбища] въ Альбано	50 „	Г. Бардаевскому (въ М.) [2]).
25. Вилла Адріана	600 „	А. С. Хомякову (въ М.) [3]).
26. Монтичелли	1000 „	В. А. Кокореву (въ М.).
27. Подножіе Виковары	250 „	О. Ѳ. Кошелевой (въ М.) [4]).
28. Этюдъ земли, на верху „Капуциновъ“ въ Альбано. . . . . Голый мальчикъ—съ лѣвой стороны; красное платье—на первомъ планѣ.	50 „	Г-ну Баранову (въ П.) [5]).
29. Понтвскія болота . . . . Длинный и узкій пейзажъ.	75 „	В. П. Боткину (въ П.).
30. Этюдъ воды подъ Палаццуоло; въ ширину. . . . . Много каменьевъ.	75 „	Н. Ѳ. Самарину (въ П.).
31. Тоже . . . . Камни и вода, съ рефлексомъ, скопированы [въ каринѣ] у мальчика, вылѣзающаго изъ воды.	75 „	А. С. Хомякову (въ М.).
32. Дерево надъ водой, у „Капуциновъ“, въ Кастель-Гандольфо . .	50 „	Павлу Боткину (въ М.) [6]).
33. Дерево у фонтана, между Ариччи и Дженсано.	50 „	Г-ну Баранову (въ П.).
34. Наружное дерево парка Гиджи. .	1000 „	. . . . [7]).
35. Нижняя галлерея въ Альбано, со входомъ въ виллу Барберини; въ ширину . . . . На право, внизу,—камень.	1000 „	Н. Ѳ. Самарину (въ М.) [8]).

[1]) Безъ обозначенія, кому былъ проданъ этотъ этюдъ.
[2]) См. ниже списокъ этюдовъ, наход. у М. П. Боткина, № 52.
[3]) По исправл. списку: ц. 800 р.
[4]) Находится у Д. А. Беклемишевой, въ Москвѣ.
[5]) Находится теперь у М. П. Боткина, въ Петербургѣ.
[6]) По исправл. списку: ц. 75 р.
[7]) Находится теперь у П. М. Третьякова, въ Москвѣ.
[8]) Находится теперь у Д. А. Беклемишевой, въ Москвѣ.

	Цѣна:	Кому продано:
36. Вѣтвь изъ нижней галлереи въ Альбано; въ ширину	300 „	А. С. Хомякову (въ М.).
37. Оливы изъ чимитеро въ Альбано; въ ширину	400 „	О. Ѳ. Кошелевой (въ М.).
Голубое небо.		
38. Низъ дороги изъ Альбано въ Ариччи, съ моремъ	400 „	Д. П. Боткину (въ М.).
Длинный и узкій пейзажъ; свѣтлое небо, почти бѣлое.		
39. Долина Ариччи; въ вышину . . .	500 „	А. С. Хомякову (въ М.).
40. Монте Савелли	400 „	В. П. Боткину (въ П.).
Длинный и узкій пейзажъ; свѣтлое небо.		
41. Стоящій съ книгой, изъ „Аѳинской школы“ Рафаэля.	75 „	
42. Двѣ головы: Богородицы и Анны, съ Рафаэля въ Неаполѣ.	200 „	Г-ну Суханову (въ П.).
43. Madonna di S. Sisto [съ Рафаэля].	200 „	В. П. Боткину (въ П.) [1].
44. Лѣвая сторона „Аѳинской школы“ Рафаэля	200 „	
Два старика (одинъ—пишетъ, другой—заглядываетъ) и мальчикъ.		
45. Лѣвая сторона „Disputa“ [Рафаэля]	250 „	
Цѣлая группа: молодой человѣкъ—въ ростъ, прочіе—за балюстрадой.		
46. Правая сторона „Disputa“. . . .	100 „	
Аріостъ въ ростъ и свѣсившаяся черезъ балюстраду фигура; папа и кардиналъ передъ ними—только въ чертахъ.		
47—56. Драпировки:	по 20 „	
47. Назарей		М. П. Боткину (въ П.).
Тоже, что № 50, но меньше.		
48. Оба Іоанна и верхъ глухаго. . .		Г-ну Полѣнову.
49. Іисусъ Христосъ		Г-ну Воскобойникову.
Дважды; разныя складки.		
50. Назарей и подымающійся старикъ		Акад. Бѣляеву.
Впереди, чертами, — надѣвающій рубашку, по-грудь.		
51. Оба Іоанна		Г-ну Бардаевскому (въ П.).

[1]) По исправл. списку: ц. 275 р.

	Цѣна:	Кому продано:
52. Пять фигуръ		М. П. Боткину (въ П.).
Андрей и два апостола; тотъ, чтó *прямо*, — два раза, но безъ красокъ.		
53. Подымающійся старикъ		Акад. Бѣляеву.
54. Оба трясущіеся (одними чертами) и платье направо		.... [1]).
55. Ноги мальчика, выходящаго изъ воды, и рефлексъ воды		М. П. Боткину (въ П.).
56. Руки раба и драпировка зеленая подлѣ ноги		.... [2]).
57. Анна, Богородица и Христосъ; съ Рафаэля въ Неаполѣ	200 „	Петру П. Боткину (въ М.) [3]).
Всѣ—по грудь.		
58. Христосъ, оттуда-же	200 „	.... [4]).
Съ захваченной драпировкой Матери и руками Ея.		
59. Форнарина, съ Рафаэля	150 „	В. к. Еленѣ Павловнѣ [5]).
Женщина изъ «Преображенія», до пояса.		
60. Головы изъ „Преображенія“ Рафаэля [5 этюдовъ], по 150 р.	750 „	.... [6]).
61. S. Pietro Martire, съ Тиціана	800 „	.... [7]).
62. Вознесеніе Богородицы, съ Тиціана	500 „	.... [8]).
63. Аполлонъ, Кипарисъ и Гіацинтъ	1200 „	Н. Ѳ. Самарину (въ М.) [9]).
64. Этюдъ мальчика	400 „	Гр. С. Г. Строганову (въ П.).
Спиной къ зрителю, стоящій съ поднятыми руками.		
65. Двѣ головы	100 „	Г-ну Баранову (въ П.). [10]).
Одна—для волосъ Іоанна; другая—женская, въ профиль.		
66. Двѣ головы	100 „	А. С. Хомякову (въ М.).
Одна женская; другая—старика.		

[1]) Находится у М. П. Боткина, въ Петербургѣ.

[2]) Находится у М. П. Боткина, въ Петербургѣ.

[3]) По исправл. списку: ц. 250 р.

[4]) По исправл. списку: ц. 150 р.—Находится у М. П. Боткина, въ Петербургѣ.

[5]) По исправл. списку: ц. 200 р.

[6]) По исправл. списку: ц. по 200 р.—1000 р.—Находятся у М. П. Боткина, въ Петербургѣ.

[7]) Находится у М. П. Боткина, въ Петербургѣ.

[8]) Находится у М. П. Боткина, въ Петербургѣ.

[9]) По исправл. списку: ц. 1400 р.

[10]) Находится теперь у П. М. Третьякова, въ Москвѣ

	Цѣна:	Кому продано:
67. Двѣ головы	75 „	А. С. Хомякову (въ М.)
Одна—воина; другая—старика.		
68. Маленькая женская голова [для Іоанна Крестителя]	50 „	П. М. Третьякову (въ М.).
69. Маленькій пейзажъ, безъ угла . .	200 „	П. М. Третьякову (въ М.).
70. Маленькая женская голова, для сомнѣвающагося	50 „	Н. Ѳ. Самарину (въ М.).

3. Списокъ произведеній А. А. Иванова, по владѣльцамъ ихъ.

Составленъ М. П. Боткинымъ и П. М. Третьяковымъ.

А. Произведенія, находящіяся въ общественныхъ учрежденіяхъ.

I. Въ Московскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ Музеѣ.

а) въ картинной галлереѣ:

1. Явленіе Христа народу. Картина—В. 7 арш. 6½ верш., ш. 10 арш. 8¾ верш. . . . . Ц. 15,000 р.
2. Этюдъ женской головы, для Іоанна Крестителя.
3. Голова Іоанна Крестителя. Этюдъ [1]. . . . . . Ц. 300 р.
4. Портретъ Н. В. Гоголя (грудной, ¾ влѣво), въ красномъ халатѣ, въ ¼ натуры, въ овальной рамкѣ [2]).
5. Портретъ мальчика (грудной, ¾ влѣво), въ черной рубашкѣ.

в) въ библіотекѣ [3]):

1) 9 альбомовъ, содержащихъ:

1-й: 13 академическихъ рисунковъ, дѣланныхъ въ Петербургѣ.

2-й: 30 академическихъ рисунковъ, дѣланныхъ въ Римѣ; 38—съ гипса и 3—драпировокъ.

3-й: 5 рисунковъ—головъ, рукъ и проч., для картины «Явленіе Христа Магдалинѣ».

4-й: 8 композицій изъ перваго времени пребыванія Иванова въ Римѣ («Сусанна», «Братья Іосифовы», «Давидъ предъ Сауломъ», «Самсонъ и Далила» и проч.) и этюды: 19—пейза-

[1]) Находился прежде у в. к. Елены Павловны.

[2]) Находился прежде у М. П. Погодина, которому былъ подаренъ самимъ Гоголемъ.

[3]) Всѣ находящіеся тамъ рисунки завѣщаны Музею—С. А. Ивановымъ. Изъ нихъ—поименованные здѣсь уже переданы туда.

жей, 50—головъ и 16—драпировокъ, для картины «Явленіе Христа народу».

5-й: 64 рисунка, для картины «Явленіе Христа народу», 50—типовъ и драпировокъ, для нея-же, и кальки головъ, съ эскиза той же картины.

6-й: 51 этюдъ голаго тѣла—рукъ, ногъ и проч., и 51—едва набросанный, для той же картины; а также 1 литографію съ картины Париса Бардоне: «Рыбакъ подаетъ кольцо Дожу» раскрашенную Ивановымъ.

7-й: 26 рисунковъ храма Соломона, для композицій изъ Свящ. Писанія, и кальки того же храма, изъ разныхъ увражей, а также кальки костюмовъ.

8-й: 89 композицій, едва набросанныхъ, изъ Новаго и Ветхаго Завѣта.

9-й: 15 рисунковъ съ разныхъ мастеровъ XV вѣка.

2) 39 альбомовъ съ набросками разныхъ частей человѣческаго тѣла, пейзажей и проч., и съ рисунками съ разныхъ мастеровъ XIV вѣка.

3) Альбомы съ композиціями изъ Новаго и Ветхаго Завѣта [1]).

А. композиціи изъ Новаго Завѣта.

1—2. Захарій становится нѣмъ.
3. Захарій выходитъ къ народу.
4—5. Благовѣщеніе.
6. Сонъ Іосифа.
7—8. Марія съ Елизаветой.
9. Рождество Предтечи.
10—11. Рождество Христово.
12. Ангелъ возвѣщаетъ пастухамъ о Р. Х.
13. Пастухи, славящіе Рождество Христово.
14. Младенца Іисуса приносятъ во храмъ.
15. Ангелъ говоритъ Іосифу: «Иди во Египетъ».
16. Повелѣніе Іосифу возвратиться въ Іудею.
17—18. 12-ти лѣтній Христосъ среди учителей.
19. Проповѣдь отрока Христа.
20—42. Проповѣдь Іоанна Крестителя: «Се Агнецъ Божій».
43—44. Крещеніе Іисуса Христа.
45—47. Искушеніе Христа діаволомъ въ пустынѣ.
48. Петръ дѣлается апостоломъ.
49. Избраніе одного изъ апостоловъ (Матвея?).
51—52. Христосъ среди учениковъ.
53. Христосъ съ апостолами.

[1]) Поступятъ въ Музей, послѣ того какъ будутъ изданы Прусскимъ Археологическимъ Институтомъ; см. выше: Списокъ 1, въ примѣч.

54. Христосъ между апостоловъ.
55. Бракъ въ Канѣ Галилейской.
56. Христосъ въ Капернаумѣ.
57. Христосъ, окруженный свитками Св. Писанія.
58. Христосъ, идущій на проповѣдь.
59. Нагорная проповѣдь.
60. Христосъ, возвращающійся съ проповѣди.
61—62. Христосъ проповѣдуетъ въ храмѣ Соломоновомъ (разн. моменты).
63. Храмъ Соломоновъ.
64—65. Христосъ въ храмѣ Соломоновомъ (разные моменты).
66—67. Христосъ въ храмѣ.
68. Христосъ въ преддверіи храма Соломонова.
69. Христосъ проповѣдуетъ въ преддверіи храма.
70. Христосъ проповѣдуетъ возлѣ храма.
71. Христа изгоняютъ изъ храма.
72. Христосъ проповѣдуетъ на площади.
73—74. Христосъ проповѣдуетъ у монумента.
75—78. Проповѣди Христа.
79. Христосъ съ фарисеями у храма Соломонова.
80. Христосъ между фарисеевъ.
81. Христосъ за трапезой съ фарисеями.
82. Магдалина моетъ ноги Христу.
83. Христосъ съ Никодимомъ.
84—85. Христосъ съ Самарянкой.
86. Иродіадѣ приносятъ голову Іоанна Крестителя.
87. Христосъ, внѣ города, встрѣчаетъ бѣсноватыхъ.
88. Кровоточивая жена, прикоснувшаяся ко Христу.
89. Чудо Христа съ 5-ю хлѣбами.
90. Христосъ раздѣляетъ народу хлѣбъ и рыбу.
91. Христосъ велитъ раздать народу хлѣбъ и рыбу.
92. Христосъ между больными и разслабленными.
93. Христосъ у больнаго.
94. Христосъ исцѣляетъ слѣпаго.
95. Христосъ, вопрошаемый женой (Ханаанкой?).
96—97. Христосъ съ грѣшницей.
98. Христосъ говоритъ грѣшницѣ: «Иди и не грѣши».
99—104. Преображеніе.
105—106. Дѣтей приносятъ ко Христу.
107. Христосъ говоритъ о дѣтяхъ.
108—109. Христосъ, окруженный дѣтьми.
110. Воскресеніе Лазаря.
111. Апостолы берутъ ослицу для Христа.
112—113. Входъ въ Іерусалимъ.
114—115. Христосъ изгоняетъ торжниковъ изъ храма.
116. Притча о десяти дѣвахъ.

117. Омовеніе ногъ.
118—121. Тайная вечеря.
122—123. Христосъ послѣ Тайной вечери.
124—125. Христосъ въ Геѳсиманскомъ саду.
126—127. Христосъ будитъ апостоловъ.
128. Апостолы разбѣгаются.
129—130. Христосъ передъ Каіафой.
131. Каіафа раздираетъ одежды свои.
132. Пилатъ умываетъ руки передъ народомъ.
133. Христа раздѣваютъ.
134—135. Поруганіе Христа.
136—137. Біеніе Христа.
138. Христа, по избіеніи, выводятъ къ народу.
139. Христа ведутъ на Голгоѳу.
140. Христа пригвождаютъ ко кресту.
141—145. Распятіе.
146. Женщины смотрятъ со двора на Голгоѳу.
147. Снятіе со креста.
148. Погребеніе Христа.
149—158. Воскресеніе Христово.
159—160. Явленіе Христа Магдалинѣ.
161—162. Явленіе Христа 11-ти апостоламъ.
163—164. Вознесеніе Христово.
165. Сошествіе Св. Духа на апостоловъ.
166. Апостолы крестятъ народъ.
167. Апостолы въ тюрьмѣ.

в. композиціи изъ Ветхаго Завѣта.

1—6. Шесть дней творенія міра.
7. Сотвореніе человѣка.
8. Господь-Творецъ.
9—12. Адамъ и Ева (разные варіанты).
13—14. Господь благословляетъ Адама и Еву.
15. Господь узнаетъ о грѣхопаденіи Адама и Евы.
16. Изгнаніе Адама и Евы изъ рая.
17—18. Господь съ Авраамомъ.
19. Авраамъ принимаетъ трехъ странниковъ.
20—21. Жертвоприношеніе Авраамово.
22. Іаковъ съ Ангеломъ.
23—26. Братья Веніаминовы.
27. Отрокъ Моисей.
28. Моисей даетъ свѣтъ послѣ тмы.
29. Избіеніе младенцевъ въ Египтѣ.
30. Моисей и Ааронъ.

31—32. Моисей (въ разные моменты).
33. Мѣдный змѣй въ пустынѣ.
34—37. Собираніе манны небесной.
38—39. Моисей, получающій законъ отъ Господа.
40. Народъ, пляшущій вокругъ золотаго тельца.
41. Скинія завѣта.
42. Священники говорятъ народу.
43. Народъ говоритъ священникамъ.
44—45. Поле Израилево.
46. Самсонъ.
47. Вдова приноситъ Богу своего сына Самуила.
48. Самуилъ говоритъ Саулу.
49. Саулъ.
50—52. Давидъ (въ разные моменты).
53. Давидъ торжествуетъ.
54—55. Іорамъ принимаетъ совѣтъ начать войну противъ Азаила.
56. Пророкъ Илья.
57—58. Илья въ пустынѣ.
59—60. Илья у вдовы.
61. Илья воскрешаетъ сына вдовы.
62—63 Илья и Елисей.
64. Елисей получаетъ одежду.
65. Елисей призываетъ музыканта.
66—69. Елисей (въ разные моменты).
70. Мертвецъ воскресаетъ отъ прикосновенія его къ костямъ Елисея.
71—72. Исаія съ сыномъ передъ царемъ Ахазомъ.
73. Смерть Захаріи.
74. Голодъ во время осады Іерусалима.
75. Костюмы для библейскихъ сценъ.
76—80. Неизвѣстные сюжеты.

II. Въ Московскомъ Училищѣ Живописи и Ваянія.

Картоны:

1. Боецъ Боргезскій.
2. Лаокоонъ съ дѣтьми.
3. Венера Медицейская.

III. Въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

Явленіе Христа Магдалинѣ. Картина.—В. 3 арш. 7 верш., ш. 4 арш. 8 верш.

IV. Въ Императорской Академіи Художествъ.

Сотвореніе человѣка, съ Микель-Анжело. Картонъ.—В. 2 арш. 15 верш., ш. 7 арш. 7 верш.

V. Въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

Портретъ Н. В. Гоголя. Рисунокъ карандашемъ.

В. У частныхъ лицъ.

I. У Мих. Петр. Боткина, въ Петербургѣ [1]).

Эскизы масляными красками.

		Цѣны [2]):
1.	Беллерофонтъ, отправл. въ походъ прот. Химеры.—В. 32, ш. 24.	500
2.	Аполлонъ, Кипарисъ и Гіацинтъ.—В. 7, ш. 9.	150
3.	Явленіе Христа Магдалинѣ.—В. 6, ш. 7½	200
4.	Явленіе Христа народу. Эскизъ, ближайшій къ картинѣ.— В. 12, ш. 17.	1500
5.	Рѣчь Христа на горѣ Элеонской, о втор. пришествіи.—В. 10, ш. 14.	1500

Этюды для картины «Явленіе Христа народу» [3]).

6.	Женская голова для Христа, съ натурщицы Ассунты.—Б. р.	100
7.	Фигура Христа, въ ростъ.—В. 18, ш. 14	700
8.	Голова Іоанна Крестителя.—В. 14, ш. 13	500
9.	Женская голова, для Іоанна Богослова.—М. р.	50
10.	Голова Іоанна Богослова.—М. р.	50
11.	„ „ „ Б. р.	150
12.	„ апостола Андрея.—В. 13, ш. 10.	200
13.	„ „ Наѳанаила (глухаго).—Б. р.	100
14.	Драпировки для Андрея и Наѳанаила.—В. 13, ш. 10	25
15.	Двѣ головы сомнѣвающагося, что съ лѣвой стороны.—Б. р.	200
16.	Голова мальчика, выходящаго изъ воды.—Б. р.	200

[1]) Къ нему же перешли работы Иванова, бывшія прежде у В. П. Боткина и В. А. Кокорева.

[2]) По которымъ куплены картины.

[3]) Всѣ этюды для картины «Явленіе Христа народу» писаны на бумагѣ, за немногими исключеніями, и по величинѣ дѣлятся на двѣ категоріи: большихъ (14×10 верш.) и малыхъ (6×5 верш.); поэтому при обозначеніи размѣра ихъ мы будемъ ограничиваться употребленіемъ только буквъ: «Б. р.» и «М. р.»; у вещей же, которыя не подходили ни подъ одинъ изъ помянутыхъ разрядовъ, выставляются точныя мѣры въ вершкахъ, причемъ буква «В.» означаетъ—вышину, а буква «ш.»—ширину.

17. Голова старика, выходящаго изъ воды.—Б. р. 150
18. Фигура старика, выходящаго изъ воды.—В. 12, ш. 14 . . . 100
19. Фигуры старика и мальчика, выход. изъ воды.—В. 12, ш. 6. 100
20. Тоже, въ обрат. сторону и въ большемъ размѣрѣ.—В. 12, ш. 14. 100
21. Двѣ головы изъ средней группы.—Б. р. 100
22. Мальчикъ въ тѣни, оттуда же.—Б. р. 150
23. Голова подымающагося старика [1]).—Б. р. 200
24. Драпировки его же и молодаго человѣка.—В. 13, ш. 10 . . 50
25. Двѣ головы раба.—В. 11, ш. 15. 300
26. Фигуры раба и слушающаго, съ драпировкой.—М. р. . . . 300
27. Драпировка раба.—В. 6, ш. $8^1/_2$. 25
28. Спина слушающаго, съ драпировской черезъ плечо.—В. 17, ш. 14. 25
29. Голова дрожащаго, надѣвающаго рубашку.—Б. р. 150
30. Двѣ головы его же.—Б. р. 150
31. Двѣ драпировки рубашки на рукахъ старика.—В. $10^1/_2$, ш. 7. 50
32. Половинная фигура мальчика дрожащаго.—Б. р. 250
33. Двѣ цѣльныхъ фигуры его же.—В. 10, ш. 14 200
34. Задрапированная спина (человѣка съ косами); съ правой стороны.—В. 8, ш. 6 25
35. Голова фарисея, оттуда-же.—Б. р. 100
36. Воинъ на бѣлой лошади.—Б. р. 100
37. Воинъ на темной лошади (Этюдъ съ франц. драгуна).—В. 15, ш. 8. 100
38—44. Рисунки типовъ и драпировокъ для картины. 350

Этюды, писанные на солнцѣ:

45. Голый мальчикъ.—В. 10, ш. 14 200
46. Три голыхъ мальчика, съ Альбанскимъ пейзажемъ.—В. 10, ш. 14. 500
47. Четыре голыхъ мальчика.—В. 10, ш. 14. 300
48. Семь сидящихъ фигуръ.—В. 10, ш. 14. 400

Этюды пейзажа, для картины:

49. Понтинскія болота.—В. 10, ш. 20. 250
50. Монтичелли (Тиволійскія горы).—В. 6, ш. 20 1000
51. Земля съ зеленью, на верху «Капуциновъ» въ Альбано [2]).—В. 6, ш. 20. 50
52. Земля съ каменьями, тамъ-же [3]).—В. 6, ш. 20. 50
53. Камни съ дорогой изъ Альбано.—В. $7^1/_2$, ш. $10^1/_2$. 400
54. Дерево на Альбанскомъ озерѣ.—В. $7^1/_2$, ш. $10^1/_2$. 400
55. Монте Савелли (Зелень).—В. 5, ш. $13^1/_2$ 400
56. Вьющаяся зелень по деревьямъ.—В. 10, ш. 7. 50
57. Вѣтка парка Гиджи (въ Ариччи).—В. 10, ш. 13. 1000

[1]) Наход. прежде у С. А. Мазурина.
[2]) Наход. прежде у г-на Баранова.
[3]) См. выше: 2-й Списокъ, № 24.

58. Камни съ водой на Лаго ди Неми.—В. 10, ш. 13 50
59. Вода съ рефлексомъ, тамъ-же.—В. 10, ш. 13. 25

Копіи съ иностранныхъ мастеровъ:

60. Головы: Богородицы и Христа изъ «Сикстинской Мадонны», Рафаэля. Рисунокъ. 250
61—65. Пять головъ изъ «Преображенія», его-же.—Масл. краск. 750
66. Младенецъ Христосъ изъ «Неаполитанской Мадонны», его-же. 150
67. Причащеніе Петра Доминиканца, Тиціана. 800
68. Взятіе Божіей Матери на небо, Тиціана.—Сред. часть картины 500
69. Мученіе св. Андрея, Тинторетто . . . .
70. Три нимфы . . . .
71. Портретъ Витторіи Лапченко. Оригиналъ 50

Продающіяся вещи:

1. Женская голова для Христа.—Б. р. 100
2. Христосъ.—М. р. 50
3. Голова для Андрея.—М. р. 50
4. Женская голова (для раба).—М. р. 50
5 и 6. Два воина.—Б. и М. р. . . . . по 100
7. Двѣ женскихъ головы изъ дальняго плана.—Б. р. 100
8. Голова мальчика съ рыжими волосами.—М. р. 50
9. Дорога въ Байю. 100

II. У Дм. Петр. Боткина, въ Москвѣ.

1. Явленіе Христа народу. Первоначальный эскизъ картины.— В. 14, ш. 20 500
2. Кастелла-маре.—В. 6, ш. 20 500
3. Низъ дороги изъ Альбано въ Ариччи, съ моремъ.—В. 5, ш. $13^1/_2$ 400

III. У Петра Петр. Боткина, въ Москвѣ.

1. Этюдъ Христа, для картины «Явленіе народу».—М. р. . . 150
2. Неаполитанская Мадонна, Рафаэля. Копія средней части. . 250

IV. У Павла Петр. Боткина, въ Москвѣ:

Дерево въ тѣни надъ водой, у „Капуциновъ“ въ Кастель-Гандольфо 75

V. У Павла Мих. Третьякова, въ Москвѣ.

Эскизы:

1. Братья находятъ чашу въ мѣшкѣ у Веніамина.—В. 11, ш. 14. 300
2. Тоже, «окончательный эскизъ» (какъ онъ былъ обозначенъ С. А. Ивановымъ).—В. 8, ш. $12^1/_2$. 300
3. Тоже, рисунокъ. . . . .

4. Женихъ, выбирающій серьги для своей невѣсты; сцена изъ римскаго быта. Акварель [1] . . . .
5. Явленіе Христа Магдалинѣ.—В. 9½, ш. 13 600
6. Явленіе Христа народу, рисунокъ первой мысли.—В. 13, ш. 20½. 500
7. Тоже, рисунокъ сепіей послѣдней мысли . . . .

Сочиненіе еще не въ томъ видѣ, какъ картина: есть разница въ композиціи пейзажа и нѣкоторыхъ фигуръ; фигура Іоанна—инаго типа противъ картины, и есть еще одна фигура, выходящая изъ воды, кромѣ старика и мальчика.—Какъ говорятъ, Ивановъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ въ 1858 г., зашелъ какъ-то въ Рисовальную школу, бывшую въ то время на Васильевскомъ Островѣ, и, разговаривая съ учениками, сказалъ: „Кто получитъ первый номеръ (за рисованіе), подарю тому рисуночекъ". Настоящій рисунокъ и былъ подаркомъ за первый номеръ.

8. Тоже, небольшой эскизъ лѣвой стороны.—В. 10¾, ш. 8¼ . . 700

Этюды для картины «Явленіе Христа народу»:

9. Женская голова, для Христа (М. П. Б. 6) [2]).—В. 11, ш. 9½. 100
10. Голова Христа.—В. 9½, ш. 7½. 150
11. Фигура Христа (М. П. Б. 7).—В. 17, ш. 9½ 250
12. Женская голова, для Іоанна Крестителя.—В. 5½, ш. 5½. . 50
13. Тоже, но другой типъ.—В. 5½, ш. 4¾ 25
14. Женская голова въ переходѣ въ типъ Іоанна.—В. 13, ш. 10. 250
15. Голова Іоанна Крестителя (К. С. М. 8).—В. 11, ш. 12½ . . 150
16. Женская голова, въ тѣни (профиль).—В. 11, ш. 9. 150
17. Женская голова, для Іоанна Богослова (М. П. Б. 9).—В. 10, ш. 13. 150
18. Голова Іоанна Богослова (М. П. Б. 10 и 11).—В. 10, ш. 11. 150
19. Мужская голова, для апостола Андрея.—В. 12¾, ш. 10 . . 200
20. Тоже.—В. 12, ш. 10 150
21. Тоже.—В. 11, ш. 9 100

Всѣ три головы для апостола Андрея—разныхъ типовъ, несходныя съ находящейся въ картинѣ.

22. Голова въ чалмѣ (въ овалѣ), для сомнѣвающагося—В. 4½, ш. 4½. 25
23. Двѣ головы, для сомнѣвающагося.—В. 10, ш. 13 150
24. { Двѣ головы для сомнѣвающагося (М. П. Б. 15).— / Двѣ головы для мальчика, выходящаго изъ воды.— } В. 11, ш. 14½. 150
25. Женскій профиль для мальчика, выходящаго изъ воды; съ гипсовой головой, сбоку [3]).—В. 10½, ш. 14½. 150
26. Мальчикъ, выходящій изъ воды (А. П. Б. 1).—В. 13, ш. 10 . 150
27. » » » » » » 150
28. Голова для старика, выходящаго изъ воды (М. П. Б. 16). В. 11, ш. 10 100

---

[1]) Изъ альбома В. А. Жуковскаго.

[2]) Буквы: М. П. Б. и другія, съ цифрами при нихъ, означаютъ инщіалы именъ упоминаемыхъ здѣсь владѣльцевъ Ивановскихъ вещей, съ нумерами, подъ которыми послѣднія находятся у нихъ.

[3]) Наход. прежде у г-на Баранова.

	Цѣна:	Кому продано:
52. Пять фигуръ . . . . Андрей и два апостола; тотъ, что *прямо*, — два раза, но безъ красокъ.		М. П. Боткину (въ П.).
53. Подымающійся старикъ		Акад. Бѣляеву.
54. Оба трясущіеся (одними чертами) и платье направо		. . . . [1]).
55. Ноги мальчика, выходящаго изъ воды, и рефлексъ воды		М. П. Боткину (въ П.).
56. Руки раба и драпировка зеленая подлѣ ноги		. . . . [2]).
57. Анна, Богородица и Христосъ; съ Рафаэля въ Неаполѣ . . . . . . Всѣ—по грудь.	200 „	Петру П. Боткину (въ М.) [3]).
58. Христосъ, оттуда-же. . . . . . . Съ захваченной драпировкой Матери и руками Ея.	200 „	. . . . [4]).
59. Форнарина, съ Рафаэля . . . . . Женщина изъ «Преображенія», до пояса.	150 „	В. к. Еленѣ Павловнѣ [5]).
60. Головы изъ „Преображенія“ Рафаэля [5 этюдовъ], по 150 р. . . .	750 „	. . . . [6]).
61. S. Pietro Martire, съ Тиціана . .	800 „	. . . . [7]).
62. Вознесеніе Богородицы, съ Тиціана	500 „	. . . . [8]).
63. Аполлонъ, Кипарисъ и Гіацинтъ.	1200 „	Н. Ѳ. Самарину (въ М.) [9]).
64. Этюдъ мальчика . . . . Спиной къ зрителю, стоящій съ поднятыми руками.	400 „	Гр. С. Г. Строганову (въ П.).
65. Двѣ головы . . . . Одна—для волосъ Іоанна; другая—женская, въ профиль.	100 „	Г-ну Баранову (въ П.). [10]).
66. Двѣ головы . . . . Одна женская; другая—старика.	100 „	А. С. Хомякову (въ М.).

[1]) Находится у М. П. Боткина, въ Петербургѣ.

[2]) Находится у М. П. Боткина, въ Петербургѣ.

[3]) По исправл. списку: ц. 250 р.

[4]) По исправл. списку: ц. 150 р.—Находится у М. П. Боткина, въ Петербургѣ.

[5]) По исправл. списку: ц. 200 р.

[6]) По исправл. списку: ц. по 200 р.—1000 р.—Находятся у М. П. Боткина, въ Петербургѣ.

[7]) Находится у М. П. Боткина, въ Петербургѣ.

[8]) Находится у М. П. Боткина, въ Петербургѣ.

[9]) По исправл. списку: ц. 1400 р.

[10]) Находится теперь у П. М. Третьякова, въ Москвѣ

	Цѣна:	Кому продано:
67. Двѣ головы . . . . Одна—воина; другая—старика.	75 „	А. С. Хомякову (въ М.)
68. Маленькая женская голова [для Іоанна Крестителя]	50 „	П. М. Третьякову (въ М.).
69. Маленькій пейзажъ, безъ угла . .	200 „	П. М. Третьякову (въ М.).
70. Маленькая женская голова, для сомнѣвающагося	50 „	Н. Ѳ. Самарину (въ М.).

3. Списокъ произведеній А. А. Иванова, по владѣльцамъ ихъ.

Составленъ М. П. Боткинымъ и П. М. Третьяковымъ.

А. Произведенія, находящіяся въ общественныхъ учрежденіяхъ.

I. Въ Московскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ Музеѣ.

а) въ картинной галлереѣ:

1. Явленіе Христа народу. Картина—В. 7 арш. 6½ верш., ш. 10 арш. 8¾ верш. . . . . Ц. 15,000 р.
2. Этюдъ женской головы, для Іоанна Крестителя.
3. Голова Іоанна Крестителя. Этюдъ [1]. . . . . . Ц. 300 р.
4. Портретъ Н. В. Гоголя (грудной, ¾ влѣво), въ красномъ халатѣ, въ ¼ натуры, въ овальной рамкѣ [2].
5. Портретъ мальчика (грудной, ¾ влѣво), въ черной рубашкѣ.

в) въ библіотекѣ [3]:

1) 9 альбомовъ, содержащихъ:
   1-й: 13 академическихъ рисунковъ, дѣланныхъ въ Петербургѣ.
   2-й: 30 академическихъ рисунковъ, дѣланныхъ въ Римѣ; 38—съ гипса и 3—драпировокъ.
   3-й: 5 рисунковъ—головъ, рукъ и проч., для картины «Явленіе Христа Магдалинѣ».
   4-й: 8 композицій изъ перваго времени пребыванія Иванова въ Римѣ («Сусанна», «Братья Іосифовы», «Давидъ предъ Сауломъ», «Самсонъ и Далила» и проч.) и этюды: 19—пейза-

[1]) Находился прежде у в. к. Елены Павловны.
[2]) Находился прежде у М. П. Погодина, которому былъ подаренъ самимъ Гоголемъ.
[3]) Всѣ находящіеся тамъ рисунки завѣщаны Музею—С. А. Ивановымъ. Изъ нихъ—поименованные здѣсь уже переданы туда.

жей, 50—головъ и 16—драпировокъ, для картины «Явленіе Христа народу».

5-й: 64 рисунка, для картины «Явленіе Христа народу», 50—типовъ и драпировокъ, для нея-же, и кальки головъ, съ эскиза той же картины.

6-й: 51 этюдъ голаго тѣла—рукъ, ногъ и проч., и 51—едва набросанный, для той же картины; а также 1 литографію съ картины Париса Бардоне: «Рыбакъ подаетъ кольцо Дожу» раскрашенную Ивановымъ.

7-й: 26 рисунковъ храма Соломона, для композицій изъ Свящ. Писанія, и кальки того же храма, изъ разныхъ увражей, а также кальки костюмовъ.

8-й: 89 композицій, едва набросанныхъ, изъ Новаго и Ветхаго Завѣта.

9-й: 15 рисунковъ съ разныхъ мастеровъ XV вѣка.

2) 39 альбомовъ съ набросками разныхъ частей человѣческаго тѣла, пейзажей и проч., и съ рисунками съ разныхъ мастеровъ XIV вѣка.

3) Альбомы съ композиціями изъ Новаго и Ветхаго Завѣта [1]).

А. композиціи изъ Новаго Завѣта.

1—2. Захарій становится нѣмъ.
3. Захарій выходитъ къ народу.
4—5. Благовѣщеніе.
6. Сонъ Іосифа.
7—8. Марія съ Елизаветой.
9. Рождество Предтечи.
10—11. Рождество Христово.
12. Ангелъ возвѣщаетъ пастухамъ о Р. Х.
13. Пастухи, славящіе Рождество Христово.
14. Младенца Іисуса приносятъ во храмъ.
15. Ангелъ говоритъ Іосифу: «Иди во Египетъ».
16. Повелѣніе Іосифу возвратиться въ Іудею.
17—18. 12-ти лѣтній Христосъ среди учителей.
19. Проповѣдь отрока Христа.
20—42. Проповѣдь Іоанна Крестителя: «Се Агнецъ Божій».
43—44. Крещеніе Іисуса Христа.
45—47. Искушеніе Христа діаволомъ въ пустынѣ.
48. Петръ дѣлается апостоломъ.
49. Избраніе одного изъ апостоловъ (Матвея?).
51—52. Христосъ среди учениковъ.
53. Христосъ съ апостолами.

[1]) Поступятъ въ Музей, послѣ того какъ будутъ изданы Прусскимъ Археологическимъ Институтомъ; см. выше: Списокъ 1, въ примѣч.

54. Христосъ между апостоловъ.
55. Бракъ въ Канѣ Галилейской.
56. Христосъ въ Капернаумѣ.
57. Христосъ, окруженный свитками Св. Писанія.
58. Христосъ, идущій на проповѣдь.
59. Нагорная проповѣдь.
60. Христосъ, возвращающійся съ проповѣди.
61—62. Христосъ проповѣдуетъ въ храмѣ Соломоновомъ (разн. моменты).
63. Храмъ Соломоновъ.
64—65. Христосъ въ храмѣ Соломоновомъ (разные моменты).
66—67. Христосъ въ храмѣ.
68. Христосъ въ преддверіи храма Соломонова.
69. Христосъ проповѣдуетъ въ преддверіи храма.
70. Христосъ проповѣдуетъ возлѣ храма.
71. Христа изгоняютъ изъ храма.
72. Христосъ проповѣдуетъ на площади.
73—74. Христосъ проповѣдуетъ у монумента.
75—78. Проповѣди Христа.
79. Христосъ съ фарисеями у храма Соломонова.
80. Христосъ между фарисеевъ.
81. Христосъ за трапезой съ фарисеями.
82. Магдалина моетъ ноги Христу.
83. Христосъ съ Никодимомъ.
84—85. Христосъ съ Самарянкой.
86. Иродіадѣ приносятъ голову Іоанна Крестителя.
87. Христосъ, внѣ города, встрѣчаетъ бѣсноватыхъ.
88. Кровоточивая жена, прикоснувшаяся ко Христу.
89. Чудо Христа съ 5-ю хлѣбами.
90. Христосъ раздѣляетъ народу хлѣбъ и рыбу.
91. Христосъ велитъ раздать народу хлѣбъ и рыбу.
92. Христосъ между больными и разслабленными.
93. Христосъ у больнаго.
94. Христосъ исцѣляетъ слѣпаго.
95. Христосъ, вопрошаемый женой (Хананянкой?).
96—97. Христосъ съ грѣшницей.
98. Христосъ говоритъ грѣшницѣ: «Иди и не грѣши».
99—104. Преображеніе.
105—106. Дѣтей приносятъ ко Христу.
107. Христосъ говоритъ о дѣтяхъ.
108—109. Христосъ, окруженный дѣтьми.
110. Воскресеніе Лазаря.
111. Апостолы берутъ ослицу для Христа.
112—113. Входъ въ Іерусалимъ.
114—115. Христосъ изгоняетъ торжниковъ изъ храма.
116. Притча о десяти дѣвахъ.

117. Омовеніе ногъ.
118—121. Тайная вечеря.
122—123. Христосъ послѣ Тайной вечери.
124—125. Христосъ въ Геѳсиманскомъ саду.
126—127. Христосъ будитъ апостоловъ.
128. Апостолы разбѣгаются.
129—130. Христосъ передъ Каіафой.
131. Каіафа раздираетъ одежды свои.
132. Пилатъ умываетъ руки передъ народомъ.
133. Христа раздѣваютъ.
134—135. Поруганіе Христа.
136—137. Біеніе Христа.
138. Христа, по избіеніи, выводятъ къ народу.
139. Христа ведутъ на Голгоѳу.
140. Христа пригвождаютъ ко кресту.
141—145. Распятіе.
146. Женщины смотрятъ со двора на Голгоѳу.
147. Снятіе со креста.
148. Погребеніе Христа.
149—158. Воскресеніе Христово.
159—160. Явленіе Христа Магдалинѣ.
161—162. Явленіе Христа 11-ти апостоламъ.
163—164. Вознесеніе Христово.
165. Сошествіе Св. Духа на апостоловъ.
166. Апостолы крестятъ народъ.
167. Апостолы въ тюрьмѣ.

б. композиціи изъ Ветхаго Завѣта.

1—6. Шесть дней творенія міра.
7. Сотвореніе человѣка.
8. Господь-Творецъ.
9—12. Адамъ и Ева (разные варіанты).
13—14. Господь благословляетъ Адама и Еву.
15. Господь узнаетъ о грѣхопаденіи Адама и Евы.
16. Изгнаніе Адама и Евы изъ рая.
17—18. Господь съ Авраамомъ.
19. Авраамъ принимаетъ трехъ странниковъ.
20—21. Жертвоприношеніе Авраамово.
22. Іаковъ съ Ангеломъ.
23—26. Братья Веніаминовы.
27. Отрокъ Моисей.
28. Моисей даетъ свѣтъ послѣ тмы.
29. Избіеніе младенцевъ въ Египтѣ.
30. Моисей и Ааронъ.

Общій итогъ.

а) Работъ масляными красками:

Картинъ	5
Эскизовъ (въ томъ числѣ—5 для «Явленія Мессіи»)	13
Этюдовъ (главнымъ образомъ, для «Явленія Мессіи»)	
» головъ	146
» рукъ и ногъ	102
» фигуръ	37
» драпировокъ	28
» пейзажей	63
Портретовъ	4
Копій съ итальянскихъ мастеровъ	12
Итого	410

б) Рисунковъ:

Библейскихъ сюжетовъ	363
Разныхъ сюжетовъ	9
Для «Явленія Христа народу» (въ этомъ числѣ—2 оконч. рисунка)	224
Для «Явленія Христа Магдалинѣ»	5
Портретовъ	1
Академическихъ	84
Копій (въ томъ числѣ—4 картона)	21
	607

II. СПИСОКЪ ПОРТРЕТОВЪ А. А. ИВАНОВА.

Составленъ Н. П. Собко.

1) Въ ростъ, въ очкахъ; въ шляпѣ съ большими полями и въ плащѣ; идущій по Рипеттѣ въ Римѣ. Каррикатура, рисованная акварелью Штернбергомъ въ Римѣ, въ 1844 г., въ альбомъ г. Кривцова, находящійся теперь у М. М. Орлова, въ Москвѣ.

2) По грудь, съ отросшей бородой; въ сюртукѣ. Рисованъ карандашемъ имъ самимъ въ Римѣ, въ 1846 г., для отца. По смерти послѣдняго (въ 1848 г.), находился, по словамъ Ѳ. И. Іордана, у племянницы Ал. Андр.—Екатерины Андреевны, дочери его родной сестры, Екат. Андр. Сухихъ, и куда дѣвался потомъ (послѣ 1850 г.)—неизвѣстно. См. «Воспоминанія Ѳ. И. Іордана», на стр. 401 настоящей книги.

3) Поясной, почти въ профиль, влѣво, съ отросшей бородой и вьющимися волосами; развалившись въ креслѣ. Рисованъ карандашемъ его братомъ—архитекторомъ, Серг. Андр., въ Римѣ, въ 1846 г., съ помощью діаграфа, привезеннаго имъ изъ Парижа [1]).

Гравюра, крѣпкой водкой, сдѣланная съ этого портрета И. Н. Крамскимъ, приложена къ настоящей книгѣ.

[1]) О діаграфѣ, см. въ письмахъ Иванова, на стр. 218 и слѣд.

Вѣроятно, съ этого же портрета сдѣлана плохая гравюра на деревѣ, въ овалѣ, съ подписью: „Александръ Андреевичъ Ивановъ", въ журналѣ: Воскресный Досугъ 1863, т. I, № 2, стр. 28.

4) Поясной, ³/₄ вправо, съ небольшой бородой, гладкими волосами и со сложенными руками. Дагерротипъ, снятый въ Римѣ, въ 1846 г.

Снимки съ него:

а) [Рис.] Борель. Съ фотографіи.—Изд. Лит. А. Мюнстера.—Imp. Lith. A. Münster (Editeur). St. Pét-bg; съ автографной русской подписью „Александръ Ивановъ" и съ печатной французской „A. Ivanoff", въ книгѣ: Портретная галлерея русскихъ дѣятелей. Изд. А. Мюнстера, т. II. (П. 1869), въ листъ.

б) Гравюра на стали (въ овалѣ), съ автографной подписью: „Александръ Ивановъ", въ книгѣ: Наши дѣятели. Изданіе Баумана, т. V, къ стр. 149.

в) Фотогравюра, исполненная фотографическимъ заведеніемъ Шерера, Набгольца и К° въ Москвѣ, приложена къ настоящей книгѣ.

5) Поясной, почти en face, среди другихъ художниковъ. Дагерротипъ, дѣланный въ Римѣ, въ 1846 г., находится въ Московскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ Музеѣ.

6) Поясной, почти въ профиль, вправо, съ отросшей бородой и зачесанными назадъ волосами; въ застегнутомъ до верху сюртукѣ; въ кругу. Литографія, съ подписью: «Александръ Андреевичъ Ивановъ, скончавшійся въ С.-Петербургѣ 3-го іюля 1858 г.», въ журналѣ: Русскій Художественный Листокъ, издаваемый Вас. Тиммомъ, 1858, № 22.

7) Писанный масляными красками М. П. Боткинымъ.

8) Алебастровый бюстъ, дѣланный уже по смерти Иванова. Находится у М. П. Боткина.

9) Грудной, профилью вправо. Мраморный барельефъ на надгробномъ памятникѣ Иванова, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, въ Петербургѣ. Гравюра на деревѣ, исполненная В. В. Матэ, по рисунку П. А. Григорьева, приложена къ настоящей книгѣ.

10) Поясной, профилью влѣво; мертвый, на постели. Фотографія, съ автографной подписью «Александръ Ивановъ» и съ замѣткой «скончался 3-го іюля 1858 въ С.-Петербургѣ». — Изданіе Торговаго Дома С. Струговщикова, Г. Похитонова, Н. Водова и К°.

Снимки съ него:

а) Фотогравюра, исполненная фотографическимъ заведеніемъ Шерера, Набгольца и К° въ Москвѣ, приложена къ настоящей книгѣ.

б) Гравюра на деревѣ (въ обратную сторону), съ подписью „А. А. Ивановъ", въ журналѣ: Воскресный Досугъ 1867, т. X, № 281, стр. 84.

11) Голова, съ мертваго. Гравюра на деревѣ, съ монограммой *F. R.* (Кажется, изд. «Сына Отечества»).

12) Поясной, профилью вправо; мертвый, въ гробу. Рис. съ нат. и на кам. Гр. Сѣдовъ.—Изд. и печат. И. Корелинъ. Печатать позволяется 10 іюля, 1858 г. —Лит. на В. О. по 3-й лин. на углу Больш. просп. въ д. Юнкера. — Литографія съ подписью: „Александръ Андреевичъ Ивановъ. Сконч. іюля 3 дня, 1858 года".

III. СПИСОКЪ ПЕЧАТНЫХЪ СТАТЕЙ И ЗАМѢТОКЪ ОБЪ А. А. ИВАНОВѢ И ЕГО ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ [1]).

Составленъ **Н. П. Собко**.

Отчеты Общества Поощренія Художниковъ за годы: **1824**, стр. 14 и 18 («Пріамъ у Ахиллеса»—2 золотая медаль); **1827**, стр. 16—17, 18, 20—22 («Іосифъ въ темницѣ», «Лаокоонъ», «Венера Медицейская»;—1-я золотая медаль;—отправленіе за границу; заказъ картона: «Гладіаторъ Боргезскій или воинъ, сражающійся копьемъ»); **1828**, стр. 14—15 (Картонъ и нѣсколько картинъ; путешествіе за границу отложено до весны); **1829—1831**, стр. 6—7 («Сотвореніе человѣка»; этюды и эскизы; знакомство съ Камуччини и Торвальдсеномъ); **1832—1833**, стр. 6 (Присылка картона «Сотвореніе человѣка»); **1835—1836**, стр. 6—7 въ «Худож. Газетѣ» Кукольника, и 9—10 въ отдѣльномъ оттискѣ (Окончаніе картины «Магдалина» и эскиза «Мессія», по донесенію П. И. Кривцова); **1836—1837**, стр. 146—147 («Магдалина»); **1837—1838**, стр. 8 (Продолженіе пенсіи); **1838—1839** стр. 10 въ «Худож. Газ.» и 6 въ отд. оттискѣ (Присылка эскиза; 300 червонцевъ на 1839 г. для окончанія картины «Мессія» въ 1840 г.); **1839—1840**, стр. 13 и **1840—1841**, стр. II—III (Похвалы, уже какъ бывшему пенсіонеру Общества); **1844—1845**, стр. 8 (Литографія Серг. Кружкина съ картины «Магдалина», отпечатанная Полемъ).

Отчеты Императорской Академіи Художествъ за годы: **1844—1845**, стр. 5 (Продолженіе содержанія на годъ, по 300 червонцевъ); **1845—1846**, стр. 3 (Выдача 1500 руб.); **1846—1847**, стр. 8 (Отсрочка еще на годъ).

Указатели выставокъ: а) академическихъ—**1833**, № 408 («Сотвореніе человѣка»); **1836**, № 401 («Магдалина»); **1859**, № 30 («Мессія»); б) произведеній, принадлежащихъ частнымъ лицамъ въ Петербургѣ—**1861**, № 202 («Іосифъ, толкующій сны»); в) московской постоянной—**1872**, № 8 (Эскизъ «Мессія», принадлежащій К. Т. Солдатенкову).

1824.

Ноябрь: Отечественныя Записки, издаваемыя Павломъ Свиньинымъ, ч. XX, № 55, стр. 315—317, въ статьѣ: Письмо Редактора къ издателю Отеч. Зап., объ открытіи Императорской Академіи Художествъ для публики, въ сентябрѣ нынѣшняго года, *Бориса Федорова* [Замѣтка о картинѣ: «Пріамъ у Ахиллеса»].

---

[1]) Незначительныя извѣстія объ Ивановѣ и коротенькіе некрологи, появлявшіеся въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, не вошли сюда.

1825.

Январь: Журналъ Изящныхъ Искусствъ, издаваемый Василіемъ Григоровичемъ, № 1, стр. 61, въ статьѣ: О выставкѣ произведеній въ Императорской Академіи Художествъ, *Издателя* [О картинѣ: «Пріамъ у Ахиллеса»].

1827.

Сентябрь: Сѣверная Пчела, № 114, стр. 4, въ статьѣ: Посѣщеніе Императорской Академіи Художествъ, *Z* [О картонѣ «Лаокоонъ» и картинѣ «Іосифъ, толкующій сны»].

Октябрь: Отечественныя Записки, ч. XXXII, № 90, стр. 146 и 156, въ статьѣ: Выставка въ Академіи Художествъ [*П. Свиньина*] [О томъ-же].

1835.

Іюль: Библіотека для Чтенія, т. XI, отд. III, Науки и Художества, стр. 82—84, въ статьѣ: Русскіе Художники въ Римѣ, *Тимоѳеева*. Римъ. Апрѣля 7, 1835 [О картинахъ: «Явленіе Христа Магдалинѣ», «Явленіе Христа народу», «Братья Іосифовы»].

1836.

Октябрь: Сѣверная Пчела, № 228, стр. 912, въ статьѣ: Бѣглый взглядъ на нынѣшнюю выставку Академіи Художествъ, *В.* [О картинѣ: «Явленіе Христа Магдалинѣ»].

Библіотека для Чтенія, т. XVIII, отд. VI, Литературтая лѣтопись, стр. 57—58, въ статьѣ: Выставка художественныхъ произведеній [*Сенковскаго*] [О томъ же].

Ноябрь: Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду, ч. XXI, № 90 и 91, стр. 725, въ статьѣ: Замѣчанія на статью — Выставка художественныхъ произведеній, напечатанную въ октябрской книжкѣ Библіотеки для Чтенія, въ отдѣленіи Литературная лѣтопись, *А. Кораблинскаго*. Село Рыбацкое. Октября 18-е, 1836 [О томъ же].

Декабрь: Художественная Газета, Н. Кукольника, №№ 9—10, стр. 146—147, въ статьѣ: С.-Петербургская Выставка въ Императорской Академіи Художествъ [*Кукольника*] [О томъ же].

1837.

Мартъ: Художественная Газета, Н. Кукольника, № 6, стр. 93—94 и 96, въ статьѣ: О картинахъ Иванова и Маркова и гравюрѣ Іордана. Спб., 24 марта 1837 [О судьбѣ картины «Явленіе Христа Магдалинѣ» и о заказѣ копіи съ фрески Рафаеля: «Благоразуміе, Сила и Умѣренность»; съ приложеніемъ гравированнаго на мѣди очерка помянутой картины Иванова].

1840.

Мартъ: Художественная Газета, № 6, стр. 12—13, въ статьѣ: Русскіе художники въ Римѣ.—Ивановъ, Марковъ и Завьяловъ (Выписка изъ письма. Римъ, 18/30 генваря 1840 г.) [О картинѣ: «Явленіе Мессіи народу» и о копіи съ Тиціана: «Мученіе Петра Доминиканца»].

1841.

Ноябрь: Москвитянинъ, ч. VI, № 11, стр. 150—152, въ статьѣ: Русскіе художники въ Римѣ (Изъ путевыхъ записокъ 1840 г.), *С. Шевырева* [О картинѣ: «Явленіе Мессіи»].

1842.

Апрѣль: Москвитянинъ, ч. II, № 4, стр. 312—313, въ статьѣ: Мѣсяцъ въ Римѣ, *Погодина* [О посѣщеніи мастерской Иванова въ Римѣ, 25 марта 1841 г.; объ обстановкѣ ея и о картинѣ его: «Явленіе Мессіи] [1].—Тамъ же, ч. IV, № 15, въ отд.: Смѣсь, стр. 110 [Письмо Иванова къ Погодину, 1852 г., о портретѣ Гоголя] [2].

Октябрь: Санктпетербургскія Вѣдомости, №№ 224, 225 и 226, стр. 979—980, 984—986 и 988, въ статьѣ: Русскіе художники въ Римѣ (Письмо къ А. Н. Очкину), *Ѳ. Чижова*. Римъ, 10 мая 1842 [О картинѣ: «Явленіе Мессіи», и о 3-хъ эскизахъ ея; перечень копій съ итальянскихъ художниковъ въ мастерской Иванова: съ Рафаэля—группы изъ «Аѳинской школы», головы изъ «Преображенія» и «Мадонны di Foligno», съ Тиціана — «Вознесеніе Божіей Матери на небо» и «Нападеніе разбойниковъ на св Петра Доминиканца», съ Тинторетто—«Чудо св. Марка»; болѣзнь глазъ Иванова].

1843.

Февраль: Библіотека для Чтенія, т. LVI, отд. III, стр. 52—53, въ статьѣ: Современныя художества въ Россіи, *Н. Кукольника* [Неблагопріятный отзывъ объ Ивановѣ].

1845.

Декабрь: О работахъ русскихъ художниковъ въ Римѣ. Письмо *Ѳ. Чижова*. Венеція, мая 1845 года. Изъ Моск. Лит. и Уч. Сбор., стр. 8—26 [Подробный разборъ картины: «Явленіе Мессіи народу»].—Тоже въ Моск. Лит. и Уч. Сбор. (М. 1846. 8°), стр. 56—74.

1846.

Картины русской живописи, изданныя подъ редакціею Н. В.

---

[1]) Отрывокъ изъ этой статьи напечатанъ въ «Біографіи», на стр. XI.
[2]) Письмо это напечатано нами, на стр. 275.

Кукольника (П. 1846. 8°), стр. 101, въ статьѣ: Русская живописная школа, *Н. Кукольника* [Совсѣмъ иной отзывъ объ Ивановѣ, чѣмъ въ Библіотекѣ для Чтенія 1843 г.; съ приложеніемъ гравюры на стали: «Явленіе Господа Магдалинѣ». *Съ картины Иванова.—Н. Robinson*].

1847.

Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями, *Николая Гоголя* (П. 1847. 8°), стр. 164—177, статья: XXIII. Историческій живописецъ Ивановъ. Письмо къ М. В..... (Віельгорскому), 1846 [Размышленія по поводу картины: «Явленіе Мессіи»].—Тоже въ Сочиненіяхъ Гоголя: М. 1856, т. VI, стр. 175—189; П. 1857 (Изданіе Кулиша), III, 418—426; М. 1867, III, 455—466; М. 1874, IV, 689—699.

Справочный Энциклопедическій Словарь. Изданіе К. Крайя, т. VI (П. 1847. 8°), стр. 8—9 [Краткая біографія].

1848.

Ноябрь: Москвитянинъ, ч. VI, № 11, Московская Лѣтопись, стр. 5—6, въ статьѣ: Айвазовскій, *Е.* [1]) [Оправданіе Иванова противъ нападокъ на него за медленность письма].

1857.

Живопись и Живописцы, *А. Андреева*, стр. 551—552 [Біографія].

Сочиненія и письма *Н. В. Гоголя*, изданіе Кулиша (П. 1857. 8°), т. V, стр. 385—386, 402, 448—449, 451—452, 454—455, 472—474, 492—494; т. VI, стр. 26, 40, 54—56, 157—158, 182—183, 362—363, 432—433, 440—441, 446—447, 503—504, 526—527 [Письма Гоголя къ Иванову, 1839—1851 гг.].

Іюнь: Русскій Вѣстникъ, т. IX, Іюнь кн. 1, Современная Лѣтопись, стр. 210—215, статья: Картина Иванова «Явленіе Христа народу», *П. К[овалевск]аго*. Римъ. Май 1857. [Описаніе картины].—Французскій переводъ въ: Le Nord, 8 Août 1857, № 220, отдѣлъ Variétés, статья: Le tableau de M. Ivanoff à Rome.

Сентябрь: Сынъ Отечества, № 37, стр. 893—894, статья: А. А. Иванова, *В. Т[олбина]*. [Біографія].

1858.

Мартъ: Современникъ, т. LXVIII, № 3, отд. II, стр. 84—85, въ статьѣ: Замѣтки новаго поэта (Отрывокъ изъ письма о картинѣ Иванова) [Описаніе картины: „Явленіе Мессіи"].

Іюня 17: Объявленіе о фотографическомъ снимкѣ съ знаменитой кар-

---

[1]) Въ оглавленіи этой книжки Москвитянина названная статья помѣщена подъ буквами Е. К., а другое произведеніе, очевидно, того же автора,—подъ литерами Е. И. К.; Шевыревъ же въ своей статьѣ «Выставка въ залахъ Художественнаго Училища», служащей дополненіемъ къ статьѣ объ Айвазовскомъ, говоритъ, что статья эта принадлежитъ перу даровитой писательницы.

тины А. А. Иванова: „Явленіе Христа народу". Спб. 17 іюня 1858 г. [Разсылалось при разныхъ періодическихъ изданіяхъ].

Іюня 15: Сынъ Отечества, № 24, стр. 681—682, въ фельетонѣ: Общественный Листокъ, *М. З.* [Картина Иванова и преждевременные толки о ней; выставка въ Академіи Художествъ].

Іюня 22: Сынъ Отечества, № 25, стр. 710—713, фельетонъ: О картинѣ г. Иванова, *В. Толбина* [Подробный разборъ картины, съ указаніемъ на достоинства и недостатки ея. — Вредное вліяніе Овербека]; съ приложеніемъ гравюры на деревѣ: „Явленіе Спасителя Маріи Магдалинѣ". *Рисовалъ П. Анненскій.—Гравировалъ П. Куренковъ.* 4°.

Іюня 29: Сынъ Отечества, № 26, стр. 738—739, въ фельетонѣ: Общественный Листокъ, *М. З.* [Публика передъ картиной г. Иванова.— Личности и разговоры, и т. д.].

Іюля 3—10: Иллюстрація, № 26 и 27, стр. 10—11 и 19, статья: Нѣсколько словъ о картинѣ Иванова, *Н. Х.* [Оправданіе Иванова противъ несправедливыхъ нападокъ на него.—Замѣчанія на статью Толбина въ № 25 Сына Отечества], и № 27, стр. 31, въ статьѣ: Дневникъ знакомаго человѣка [Описаніе похоронъ Иванова].

Іюля 3: Литературный Отдѣлъ Московскихъ Вѣдомостей, № 79, стр. 320, статья: Два слова о картинѣ г. Иванова, *В. Б.*

Іюля 5: Моск. Вѣдомости, № 80, стр. 734. Некрологъ, *В. Б.* [*Боткина*].

Іюля 5: С.-Петербургскія Вѣдомости, № 145, стр. 845, стихотвореніе: Ал. Андр. Иванову, *К*[*н*]. *Вяземскаго.* 30 іюня 1858 [Перепечатано въ изданіи: Лучи—журналъ для дѣвицъ, издававшійся А. Ишимовою. П. 1858, ч. XVIII, стр. 152—4].

Іюля 6: С.-Петербургскія Вѣдомости, № 146, стр. 851, въ фельетонѣ: Петербургская Лѣтопись (Кончина художника Иванова и похороны Монферрана) [Одни размышленія].

Іюль: Русскій Вѣстникъ, т. XV, Іюль кн. 2, Современная лѣтопись, стр. 349—360, статья: О картинѣ г. Иванова, *А. В.* [Подробное описаніе и разборъ картины].—Тамъ же, стр. 417. Некрологъ І. [Очень сочувственный Иванову].

Іюля 9: Русскій Инвалидъ, № 147, стр. 648, фельетонъ: Погребеніе Ал. Андр. Иванова, *Петра Егорова.* Спб. 6 іюля 1858 г. [Описаніе похоронъ], и отдѣльно: въ 8°, 3 стр.

Іюля 13: С.-Петербургскія Вѣдомости, № 152, стр. 883—884, въ фельетонѣ: Петербургская Лѣтопись (Похороны Ал. Андр. Иванова. — Надгробное слово и надгробныя мысли. — Импровизація и стихи кн. П. А. Вяземскаго.—Еще нѣсколько словъ о картинѣ, главнымъ образомъ, выписки изъ извѣстныхъ писемъ Гоголя).

Іюля 15: Ваза, № 28, стр. 222—223, статья: Нѣсколько словъ объ А. А. Ивановѣ, *П. Билецкаго* [Некрологъ].

Іюля 15: Литературный Отдѣлъ Московскихъ Вѣдомостей, № 84, стр. 337—339, статья: Нѣсколько словъ воспоминанія объ А. А. Ивановѣ и его письма къ К. И. Рабусу, *Н. Рамазанова* [Перепечатано въ

въ книгѣ Рамазанова: Матеріалы для Исторіи Художествъ въ Россіи. М. 1863. 8°] [1]).

Іюля 26: Русскій Художественный Листокъ, № 22, статья: А. А. Ивановъ [Толки о картинѣ. — Описаніе похоронъ]; съ видомъ Античной залы Академіи Художествъ, гдѣ была выставлена картина Иванова, съ портретомъ его, и съ изображеніемъ его могилы въ Новодѣвичьемъ монастырѣ [Печат. въ литографіи А. Мюнстера].

Іюль и Августъ: Русскій Вѣстникъ, т. XVI, Іюль кн. 1, Соврем. Лѣт., стр. 70—71, статья: Письмо къ редактору, *К. Кавелина*. Спб. 7 іюля [О смерти Иванова]. — Тамъ же, Августъ кн. 1, Современная Лѣтопись, стр. 297 — 300, статья: Воспоминанія объ Ивановѣ, *Каролины Павловой*. Москва, Іюль 1858 [Знакомство съ нимъ въ Интерлакенѣ въ 1857 г.—Мысль иллюстрировать Св. Писаніе.—Оправданіе Иванова. Нѣсколько теплыхъ словъ въ память его].

Іюль и Августъ: Отеч. Зап., т. CXIX, № 7 и 8, отд. V, Соврем. хроника Россіи, стр. 53 и 57—59. [Картина Иванова.—Смерть его].

Августъ: Свѣтопись, художественный журналъ, издаваемый художникомъ Оже, № 7, стр. 183—184, статья: Извѣстіе о смерти архитектора де Монферана и художника Иванова, и похороны послѣдняго [Краткая біографія и описаніе похоронъ; послѣднее изъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей, № 152].

Августъ: Русская Бесѣда, т. III, кн. 11, стр. 1—22, статья: Картина Иванова. Письмо къ редактору, *А. Хомякова* (Писанное по смерти Иванова). [Разборъ картины].—Тоже въ Полномъ Собраніи Сочиненій А. С. Хомякова (М. 1861. 8°), т. I, стр. 636—655.

Сентября 1: La Cloche, № 22, статья: A. Ivanoff. [Воспоминанія о немъ].

Сентября 15: Лучи, журналъ для дѣвицъ, издаваемый А. Ишимовою, ч. XVIII, № 9, стр. 145—151, въ статьѣ: Письмо къ русскимъ друзьямъ за границей, *Нины Я-вой*. Мыза Р-о въ Финляндіи, 11 Августа 1858 г. [Смерть Иванова.—Воспоминанія о немъ.—Описаніе картины его.—Въ заключеніе: стихотвореніе Вяземскаго, на стр. 152—154].

Октября 16: Русскій Инвалидъ, № 225, стр. 963—965, статья: Еще нѣчто объ Ал. Андр. Ивановѣ, *В. Т*[*олби*]*на*. [Довольно подробная біографія, главнымъ образомъ, на основаніи писемъ Иванова къ Рабусу, и воспоминаній Павловой.—Въ заключеніе: стихотвореніе кн. Вяземскаго].

Ноябрь: Современникъ, т. LXXII, № 11, отд. I, стр. 123—174, статья: Переписка Н. В. Гоголя съ А. А. Ивановымъ (Посвящается Ѳ. И. Іордану), *П. Кулиша*. Хуторъ Матроновка, подъ Борзною, 20 Августа 1858 [2]).—Тамъ же, стр. 175—180, статья: замѣтка по поводу предыдущей статьи [*Н. Ч.*].

Явленіе Христа народу, картина Иванова. Разборъ Академика [*Аполлона*] *Мокрицкаго*. Печатано по распоряженію Совѣта Московскаго Художественнаго Общества. М. 1858. 8°, 72 стр. [Статья, сочувственная Иванову].

---

[1]) Письма Иванова къ Рабусу перепечатаны у насъ, на стр. 2—11.

[2]) Письма Иванова къ Гоголю напечатаны у насъ, въ разныхъ мѣстахъ книги.

1858—59.

Іюнь и Августъ: Семейный Кругъ, т. II, № 9, стр. 226—246, статья: Еще слово о картинѣ А. А. Иванова, *Лопатина* [По поводу статьи Толбина въ Сынѣ Отеч.], и № 11, стр. 185—208, статья: Мысли о картинѣ Иванова, *В. Плаксина* [Описаніе и разборъ картины].

1859.

О картинѣ Иванова: Явленіе Христа міру *(А. Өеодора)*. П. 1859. 8°, 29 стр. [Подробный разборъ и оцѣнка картины.—Изъ книги: О православіи въ отношеніи къ современности].

Февраля 28: Библіографическія Записки, т. II, № 4, стр. 98—100 [Два письма Гоголя къ Иванову и одно объ Ивановѣ].

Мартъ: Отеч. Зап., т. CXXIII, № 3, отд. I, стр. 113—132, статья: Объ Ивановѣ и его картинѣ, *П. Ковалевскаго* [Воспоминанія] [1]).

Апрѣль: Дѣтскій журналъ, издаваемый Б. Залѣсскимъ (М. 1859. 8°), т. II, кн. 4, стр. 104—134, статья: Очеркъ художнической дѣятельности А. А. Иванова и его картина «Явленіе Христа народу» [Описаніе наружности и привычекъ Иванова. — Нѣкоторыя біографическія подробности, главнымъ образомъ, на основаніи переписки Иванова съ Гоголемъ.—Описаніе картины. — Впечатлѣніе зрителя.— Значеніе картины]; съ приложеніемъ плохой литографіи.

1860.

Іюня 15 и 16: Моск. Вѣдом., № 130 и 131, стр. 1030—1031 и 1038—1839, статья: Іисусъ на картинѣ Иванова, *Арк[адія] Эвальда* [Типы Христа у прежнихъ художниковъ и у Иванова.—Разборъ его картины; съ извлеченіями изъ статьи Плаксина, помѣщ. въ Семейн. Кругѣ 1858].

Іюня 29: Московскія Вѣдомости, № 143, статья: Неизвѣстныя картины Иванова, *Ник. Демерта*. Казань, 18-го Іюня [«Отдохновеніе св. Семейства въ Египтѣ», копія; «Божія Матерь съ Младенцемъ», оригиналъ, и «Св. Александръ Невскій», ученическая работа.—Письма къ А. И. Демерту А. А. Иванова и его отца А. И.; они перепечатаны въ Библіотекѣ для Чтенія, 1860 (Іюль), т. CLX, Соврем. Лѣт., стр. 45—46] [2]).

Сентября 1: Русскій Художественный Листокъ, № 25, стр. 94, въ статьѣ: По поводу выставки въ Академіи Художествъ, *О.* [Что было бы съ Ивановымъ, еслибъ онъ родился въ вѣкъ Рафаэля?].

Октябрь: Современникъ, т. LXXXIII, отд. III, стр. 368—370, въ статьѣ: О художествѣ и художникахъ въ Россіи (По поводу выставки въ Петербургской Академіи Художествъ), *П. Ковалевскаго* [О различіи между Ивановымъ и Брюловымъ].

1861.

Апрѣля 12: Вѣкъ, № 15, стр. 521—526, статья: Поѣздка въ Альбано и Фраскати (Воспоминаніе объ А. А. Ивановѣ), *Ив. Тургенева*. Мартъ.

---

[1]) Извлеченіе напечатано у насъ, на стр. 402—406.

[2]) Письмо А. А. Иванова къ Демерту напечатано у насъ, на стр. 1.

1861 [Описаніе поѣздки въ октябрѣ 1857 г., вмѣстѣ съ В. П. Боткинымъ и Ивановымъ.—Наружность и манеры Иванова.—Его сужденія о художествѣ.—Отзывъ о картинахъ Иванова и о талантѣ его.—Сравненіе съ Брюловымъ [1]).

Сентябрь: Свѣточъ, журналъ, издаваемый Д. И. Кулиновскимъ, кн. IX, отд. II, стр. 79—98, статья: Ивановъ и Брюловъ передъ судомъ, И. С. Тургенева, *Г. Д*[*естуни*]*са*.

1862.

Январь: Сѣверное Сіяніе, т. I, № 2, стр. 65—74, статья: Ивановъ и его картины, *В. Зотова* [Замѣтки о разныхъ предыдущихъ статьяхъ объ Ивановѣ.—Критическій разборъ статей Тургенева и Д—са.—Похвальный отзывъ о картинѣ: Явленіе Христа Магдалинѣ]; (съ приложеніемъ гравюры на стали: «Явленіе Спасителя св. Маріи Магдалинѣ».—Печатано со стали Ф. А. Брокгаузъ въ Лейпцигѣ.

Мая 30-го и Іюня 22-го: Школа Рисованія, изданіе Д. Струкова, № 5 и 6, стр. 36—39 и 46—48, статья: О картинѣ А. А. Иванова «Явленіе Христа народу» [Подробный разборъ, главнымъ образомъ, на основаніи статьи Архимандрита Θеодора].

1863.

Матеріалы для Исторіи Художествъ въ Россіи, *Ник. Рамазанова*, ч. I, стр. 136, въ статьѣ: Художество подъ покровительствомъ Императора Николая I-го [О посѣщеніи Императоромъ мастерской Иванова].—Тамъ же, стр. 201—213, статья: Ивановъ, Ал. Андр., и его письма къ К. И. Рабусу [изъ Московскихъ Вѣдомостей 1858 г., № 84].

Февраль: Воскресный Досугъ, т. I, № 2, стр. 26 — 27, статья: Ал. Андр. Ивановъ и его картина [Нѣкоторыя біографическія подробности, и описаніе картины]; съ приложеніемъ гравированныхъ на деревѣ: портрета и большаго снимка съ картины «Явленіе Христа народу». *Gust. Janet.—Henri Linton.*

1864.

Апрѣль: Сѣверное Сіяніе, т. III, № 4, стр. 213—226, статья: Ал. Андр. Ивановъ, *П. Петрова* [Довольно подробная біографія, главнымъ образомъ, на основаніи писемъ Иванова къ Рабусу и въ Общество поощренія художествъ, и переписки Гоголя съ Ивановымъ.—Разборъ картины]; съ приложеніемъ снимка съ картины: «Явленіе Христа народу», печатаннаго со стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

Іюнь: Современная Лѣтопись, Воскресное Прибавленіе къ «Московскимъ Вѣдомостямъ», № 20, стр. 14—15, въ статьѣ: Отвѣтъ г. Погодину, *С. Зарянко* [Техническія соображенія насчетъ несовершенства

---

[1]) Извлеченіе напечатано у насъ, на стр. 409—418.

перспективы въ картинѣ: «Явленіе Христа народу».—Похвальный отзывъ о картинѣ: «Явленіе Христа Магдалинѣ»].
Настольный Словарь *Ф. Толя*, т. II, стр. 235 [Краткая біографія].

1865—66.

Сборникъ матеріаловъ для Исторіи Императорской Академіи Художествъ за сто лѣтъ ея существованія, изданный подъ редакціею *П. Н. Петрова*, т. II, стр. 98, 172, 196, 215, 216, 283, 345, 441, 445; т. III, стр. 32, 49—50, 53, 58, 441.

1867.

Августъ: Воскресный Досугъ, т. X, № 231, стр. 84, статья: Ивановъ [Краткая біографія, съ приложеніемъ гравюръ на деревѣ: А. А. Ивановъ—мертвый на постели и Могила А. А. Иванова на кладбищѣ Воскресенскаго монастыря].

1869.

Портретная галлерея русскихъ дѣятелей. Изд. А. Мюнстера, т. II (П. 1869, въ л.), стр. 157—159, статья: Ивановъ, Александръ Андреевичъ, *П. Н. Петрова* [Біографія, съ приложеніемъ литографированнаго портрета—рис. съ фотографіи Борель).

1871.

Русскій Архивъ, № 4—5, стр. 0918—0944. Письма Н. В. Гоголя къ В. А. Жуковскому [Письмо 11-е, 1842, объ испрошеніи у Наслѣдника Цесаревича пособія Иванову].

1873.

Еврейская Библіотека, изданіе Ландау, т. III, стр. 308—315, въ статьѣ: Еврейское племя въ созданіяхъ европейскаго искусства, *В. Стасова*, гл. IV. [Разборъ картины Иванова и рисунковъ его изъ Священнаго Писанія].

1875.

Еврейская Библіотека, т. V, стр. 41—47, тойже статьи гл. VIII. [Характеристика Иванова и вліяніе на него Овербека].
Февраль: Чтеніе для дѣтей. Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ, № 2, стр. 22—25, статья: Ивановъ, *М. А. Баласъ* [Краткая біографія Иванова и описаніе его картины: «Явленіе Христа народу»; съ приложеніемъ—въ № 4, стр. 63,—гравюры на деревѣ: «Яв-

леніе Христа Магдалинѣ», помѣченной монограмой изъ буквъ Р и К; въ 4°].

Іюня 22 и 29: Пчела №№ 23 и 24, стр. 283 и 293—295, статья: Матеріалы для біографіи Ал. Андр. Иванова, *А. Прахова.* [Докладъ кн. Григ. Петр. Волконскаго в. к. Маріи Николаевнѣ, мая 1857. — Воспоминанія Г., письмо къ нему Иванова, и С. А. Иванова къ В. В. Стасову—о работахъ брата]; съ приложеніемъ гравюръ на деревѣ: Голова Ап. Андрея (а не Петра, какъ напечатано подъ гравюрой)— *М. К. Клодтъ* (рис.)—*Pannemaker fils* (грав.), въ № 18, стр. 213; Іоаннъ Креститель—*М. К. Клодтъ* (рис.)—*Pannemaker sc.*, на стр. 273, и Рабы—*В. Васнецовъ* (рис.), грав. въ Варшавѣ.

Іюль: Русская Старина, т. XIII, стр. 430, въ статьѣ: Алекс. Серг. Даргомыжскій. Матеріалы для его біографіи. Письма Даргомыжскаго къ Л. И. Кармалиной, 1860 г. [О перемѣнѣ въ характерѣ Иванова].

Ноябрь: Русскій Архивъ, т. III, № 11, стр. 365 — 368, въ статьѣ: Изъ бумагъ В. А. Жуковскаго [XIII. Пять писемъ А. А. Иванова, къ Жуковскому, 1841—1847 г.] [1]).

1878.

Май: Русскій Архивъ, т. II, № 5, стр. 59—60, въ статьѣ: Изъ бумагъ Ст. Петр. Шевырева [IV. Письмо къ нему А. А. Иванова, 1836 г., о переводѣ на русскій языкъ изъ «Тиберино» статьи о «Мѣдномъ змѣѣ», Бруни] [1]).

Май: Русская Старина, т. XXIII, № 5, стр. 158 и 160, въ статьѣ: Портреты Гоголя и рисунки къ его сочиненіямъ, *П. А. Ефремова.* [6-ть портретовъ Гоголя, исполненныхъ Ивановымъ, и снимки съ нихъ; съ приложеніемъ печатанной у Демерсье въ Парижѣ хромолитографіи съ портрета, писаннаго въ 1841 г. и находящагося у М. Х. Рейтерна].

Іюль: Русскій Архивъ, стр. 271—272; статья: Письмо А. А. Иванова о картинѣ его «Явленіе Христа Спасителя народу», 1858 г. (Изъ альбома кн. Екат. Ал. Черкасской) [1]).

Іюль: Русская Старина, т. XXIV № 7, стр. 424, въ статьѣ: Ив. Конст. Айвазовскій и его художественная дѣятельность [Нападки Айвазовскаго на Иванова, за копированіе имъ дерева съ Сальватора Розы во Флоренціи, въ 1840 г., для картины: Явленіе Христа народу].

Іюль: Древняя и Новая Россія, т. II, № 7, стр. 259, Поправки и дополненія [къ статьѣ Ефремова въ Русской Старинѣ], *Н. С.*

Августа 4: Новое Время № 873, стр. 3, фельетонъ: Письма изъ чужихъ краевъ, *В. С[тасова].* [О рисункахъ Иванова изъ Свящ. Писанія вообще, и о предназначенныхъ къ помѣщенію въ 1-мъ выпускѣ изданія Прусскаго Археологическаго Института въ особенности].

---

[1]) Напечатанныя въ разныхъ журналахъ письма Иванова—всѣ перепечатаны у насъ.

1879.

Изображенія изъ Свящ. Исторіи оставленныхъ эскизовъ (sic) Ал. Иванова. Берлинъ 1879. По порученію Центральной дирекціи Германскаго Археологическаго Института—*Гельбихъ*, и тоже по нѣмецки [Объявленіе объ изданіи 232 [1]) рисунковъ Иванова], въ листъ.

Новое Время, № 1085, замѣтка: Рисунки Иванова, изданные въ Берлинѣ [Рецензія 1-го выпуска изданія, предпринятаго Германскимъ Археологическимъ Институтомъ].

Наши Дѣятели. Галлерея замѣчательныхъ людей Россіи въ портретахъ и біографіяхъ. Изданіе Баумана, т. V, стр. 148—155. [Біографія, съ приложеніемъ гравированнаго на стали портрета Иванова].

Русскій Архивъ, № 11, Изъ бумагъ А. С. Хомякова [Замѣтки объ Ивановѣ].

---

[1]) На самомъ дѣлѣ ихъ будетъ издано 247.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

[1]) При печатаніи писемъ, время ихъ писанія иногда не могло быть еще опредѣлено точно; по этому ошибки, вкравшіяся въ текстѣ книги, исправляются, на основаніи новыхъ данныхъ, здѣсь, въ оглавленіи.

Стран.

въ книгѣ Рамазанова: Матеріалы для Исторіи Художествъ въ Россіи. М. 1863. 8°] [1]).

Іюля 26: Русскій Художественный Листокъ, № 22, статья: А. А. Ивановъ [Толки о картинѣ. — Описаніе похоронъ]; съ видомъ Античной залы Академіи Художествъ, гдѣ была выставлена картина Иванова, съ портретомъ его, и съ изображеніемъ его могилы въ Новодѣвичьемъ монастырѣ [Печат. въ литографіи А. Мюнстера].

Іюль и Августъ: Русскій Вѣстникъ, т. XVI, Іюль кн. 1, Соврем. Лѣт., стр. 70—71, статья: Письмо къ редактору, *К. Кавелина*. Спб. 7 іюля [О смерти Иванова]. — Тамъ же, Августъ кн. 1, Современная Лѣтопись, стр. 297 — 300, статья: Воспоминанія объ Ивановѣ, *Каролины Павловой*. Москва, Іюль 1858 [Знакомство съ нимъ въ Интерлакенѣ въ 1857 г.—Мысль иллюстрировать Св. Писаніе.—Оправданіе Иванова. Нѣсколько теплыхъ словъ въ память его].

Іюль и Августъ: Отеч. Зап., т. CXIX, № 7 и 8, отд. V, Соврем. хроника Россіи, стр. 53 и 57—59. [Картина Иванова.—Смерть его].

Августъ: Свѣтопись, художественный журналъ, издаваемый художникомъ Оже, № 7, стр. 183—184, статья: Извѣстіе о смерти архитектора де Монферана и художника Иванова, и похороны послѣдняго [Краткая біографія и описаніе похоронъ; послѣднее изъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей, № 152].

Августъ: Русская Бесѣда, т. III, кн. 11, стр. 1—22, статья: Картина Иванова. Письмо къ редактору, *А. Хомякова* (Писанное по смерти Иванова). [Разборъ картины].—Тоже въ Полномъ Собраніи Сочиненій А. С. Хомякова (М. 1861. 8°), т. I, стр. 636—655.

Сентября 1: La Cloche, № 22, статья: A. Ivanoff. [Воспоминанія о немъ].

Сентября 15: Лучи, журналъ для дѣвицъ, издаваемый А. Ишимовою, ч. XVIII, № 9, стр. 145—151, въ статьѣ: Письмо къ русскимъ друзьямъ за границей, *Ниты Я-вой*. Мыза Р-о въ Финляндіи, 11 Августа 1858 г. [Смерть Иванова.—Воспоминанія о немъ.—Описаніе картины его.—Въ заключеніе: стихотвореніе Вяземскаго, на стр. 152—154].

Октября 16: Русскій Инвалидъ, № 225, стр. 963—965, статья: Еще нѣчто объ *Ал.* Андр. Ивановѣ, *В. Т[олби]на*. [Довольно подробная біографія, главнымъ образомъ, на основаніи писемъ Иванова къ Рабусу, и воспоминаній Павловой.—Въ заключеніе: стихотвореніе кн. Вяземскаго].

Ноябрь: Современникъ, т. LXXII, № 11, отд. I, стр. 123—174, статья: Переписка Н. В. Гоголя съ А. А. Ивановымъ (Посвящается Ѳ. И. Іордану), *П. Кулиша*. Хуторъ Матроновка, подъ Борзною, 20 Августа 1858 [2]).—Тамъ же, стр. 175—180, статья: замѣтка по поводу предыдущей статьи [*Н. Ч.*].

Явленіе Христа народу, картина Иванова. Разборъ Академика [*Аполлона*] *Мокрицкаго*. Печатано по распоряженію Совѣта Московскаго Художественнаго Общества. М. 1858. 8°, 72 стр. [Статья, сочувственная Иванову].

---

[1]) Письма Иванова къ Рабусу перепечатаны у насъ, на стр. 2—11.

[2]) Письма Иванова къ Гоголю напечатаны у насъ, въ разныхъ мѣстахъ книги.

1858—59.

Іюнь и Августъ: Семейный Кругъ, т. II, № 9, стр. 226—246, статья: Еще слово о картинѣ А. А. Иванова, *Лопатина* [По поводу статьи Толбина въ Сынѣ Отеч.], и № 11, стр. 185—208, статья: Мысли о картинѣ Иванова, *В. Плаксина* [Описаніе и разборъ картины].

1859.

О картинѣ Иванова: Явленіе Христа міру *(А. Өеодора)*. П. 1859. 8°, 29 стр. [Подробный разборъ и оцѣнка картины.—Изъ книги: О православіи въ отношеніи къ современности].

Февраля 28: Библіографическія Записки, т. II, № 4, стр. 98—100 [Два письма Гоголя къ Иванову и одно объ Ивановѣ].

Мартъ: Отеч. Зап., т. CXXIII, № 3, отд. I, стр. 113—132, статья: Объ Ивановѣ и его картинѣ, *П. Ковалевскаго* [Воспоминанія] [1].

Апрѣль: Дѣтскій журналъ, издаваемый Б. Залѣсскимъ (М. 1859. 8°), т. II, кн. 4, стр. 104—134, статья: Очеркъ художнической дѣятельности А. А. Иванова и его картина «Явленіе Христа народу» [Описаніе наружности и привычекъ Иванова. — Нѣкоторыя біографическія подробности, главнымъ образомъ, на основаніи переписки Иванова съ Гоголемъ.—Описаніе картины. — Впечатлѣніе зрителя.— Значеніе картины]; съ приложеніемъ плохой литографіи.

1860.

Іюня 15 и 16: Моск. Вѣдом., № 130 и 131, стр. 1030—1031 и 1038—1839, статья: Іисусъ на картинѣ Иванова, *Арк[адія] Эвальда* [Типы Христа у прежнихъ художниковъ и у Иванова.—Разборъ его картины; съ извлеченіями изъ статьи Плаксина, помѣщ. въ Семейн. Кругѣ 1858].

Іюня 29: Московскія Вѣдомости, № 143, статья: Неизвѣстныя картины Иванова, *Ник. Деморта*. Казань, 18-го Іюня [«Отдохновеніе св. Семейства въ Египтѣ», копія; «Божія Матерь съ Младенцемъ», оригиналъ, и «Св. Александръ Невскій», ученическая работа.—Письма къ А. И. Демерту А. А. Иванова и его отца А. И.; они перепечатаны въ Библіотекѣ для Чтенія, 1860 (Іюль), т. CLX, Соврем. Лѣт., стр. 45—46] [2].

Сентября 1: Русскій Художественный Листокъ, № 25, стр. 94, въ статьѣ: По поводу выставки въ Академіи Художествъ, *О.* [Что было бы съ Ивановымъ, еслибъ онъ родился въ вѣкъ Рафаэля?].

Октябрь: Современникъ, т. LXXXIII, отд. III, стр. 368—370, въ статьѣ: О художествѣ и художникахъ въ Россіи (По поводу выставки въ Петербургской Академіи Художествъ), *П. Ковалевскаго* [О различіи между Ивановымъ и Брюловымъ].

1861.

Апрѣля 12: Вѣкъ, № 15, стр. 521—526, статья: Поѣздка въ Альбано и Фраскати (Воспоминаніе объ А. А. Ивановѣ), *Ив. Тургенева*. Мартъ.

---

1) Извлеченіе напечатано у насъ, на стр. 402—406.

2) Письмо А. А. Иванова къ Демерту напечатано у насъ, на стр. 1.

1861 [Описаніе поѣздки въ октябрѣ 1857 г., вмѣстѣ съ В. П. Боткинымъ и Ивановымъ.—Наружность и манеры Иванова.—Его сужденія о художествѣ.—Отзывъ о картинахъ Иванова и о талантѣ его.—Сравненіе съ Брюловымъ [1]).

Сентябрь: Свѣточъ, журналъ, издаваемый Д. И. Калиновскимъ, кн. IX, отд. II, стр. 79—98, статья: Ивановъ и Брюловъ передъ судомъ, И. С. Тургенева, *Г. Д[естуни]са.*

1862.

Январь: Сѣверное Сіяніе, т. I, № 2, стр. 65—74, статья: Ивановъ и его картины, *В. Зотова* [Замѣтки о разныхъ предыдущихъ статьяхъ объ Ивановѣ.—Критическій разборъ статей Тургенева и Д—са.—Похвальный отзывъ о картинѣ: Явленіе Христа Магдалинѣ]; (съ приложеніемъ гравюры на стали: «Явленіе Спасителя св. Маріи Магдалинѣ».—Печатано со стали Ф. А. Брокгаузъ въ Лейпцигѣ.

Мая 30-го и Іюня 22-го: Школа Рисованія, изданіе Д. Струкова, № 5 и 6, стр. 36—39 и 46—48, статья: О картинѣ А. А. Иванова «Явленіе Христа народу» [Подробный разборъ, главнымъ образомъ, на основаніи статьи Архимандрита Ѳеодора].

1863.

Матеріалы для Исторіи Художествъ въ Россіи, *Ник. Рамазанова,* ч. I, стр. 136, въ статьѣ: Художество подъ покровительствомъ Императора Николая I-го [О посѣщеніи Императоромъ мастерской Иванова].—Тамъ же, стр. 201—213, статья: Ивановъ, Ал. Андр., и его письма къ К. И. Рабусу [изъ Московскихъ Вѣдомостей 1858 г., № 84].

Февраль: Воскресный Досугъ, т. I, № 2, стр. 26 — 27, статья: Ал. Андр. Ивановъ и его картина [Нѣкоторыя біографическія подробности, и описаніе картины]; съ приложеніемъ гравированныхъ на деревѣ: портрета и большаго снимка съ картины «Явленіе Христа народу». *Gust. Janet.—Henri Linton.*

1864.

Апрѣль: Сѣверное Сіяніе, т. III, № 4, стр. 213—226, статья: Ал. Андр. Ивановъ, *П. Петрова* [Довольно подробная біографія, главнымъ образомъ, на основаніи писемъ Иванова къ Рабусу и въ Общество поощренія художествъ, и переписки Гоголя съ Ивановымъ.—Разборъ картины]; съ приложеніемъ снимка съ картины: «Явленіе Христа народу», печатаннаго со стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

Іюнь: Современная Лѣтопись, Воскресное Прибавленіе къ «Московскимъ Вѣдомостямъ», № 20, стр. 14—15, въ статьѣ: Отвѣтъ г. Погодину, *С. Зарянко* [Техническія соображенія насчетъ несовершенства

---

[1]) Извлеченіе напечатано у насъ, на стр. 409—413.

перспективы въ картинѣ: «Явленіе Христа народу». — Похвальный отзывъ о картинѣ: «Явленіе Христа Магдалинѣ»].
Настольный Словарь *Ф. Толя*, т. II, стр. 235 [Краткая біографія].

1865—66.

Сборникъ матеріаловъ для Исторіи Императорской Академіи Художествъ за сто лѣтъ ея существованія, изданный подъ редакціею *П. Н. Петрова*, т. II, стр. 98, 172, 196, 215, 216, 283, 345, 441, 445; т. III, стр. 32, 49—50, 53, 58, 441.

1867.

Августъ: Воскресный Досугъ, т. X, № 231, стр. 84, статья: Ивановъ [Краткая біографія, съ приложеніемъ гравюръ на деревѣ: А. А. Ивановъ—мертвый на постели и Могила А. А. Иванова на кладбищѣ Воскресенскаго монастыря].

1869.

Портретная галлерея русскихъ дѣятелей. Изд. А. Мюнстера, т. II (П. 1869, въ л.), стр. 157—159, статья: Ивановъ, Александръ Андреевичъ, *П. Н. Петрова* [Біографія, съ приложеніемъ литографированнаго портрета—рис. съ фотографіи Борель).

1871.

Русскій Архивъ, № 4—5, стр. 0918—0944. Письма Н. В. Гоголя къ В. А. Жуковскому [Письмо 11-е, 1842, объ испрошеніи у Наслѣдника Цесаревича пособія Иванову].

1873.

Еврейская Библіотека, изданіе Ландау, т. III, стр. 308—315, въ статьѣ: Еврейское племя въ созданіяхъ европейскаго искусства, *В. Стасова*, гл. IV. [Разборъ картины Иванова и рисунковъ его изъ Священнаго Писанія].

1875.

Еврейская Библіотека, т. V, стр. 41—47, тойже статьи гл. VIII. [Характеристика Иванова и вліяніе на него Овербека].
Февраль: Чтеніе для дѣтей. Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ, № 2, стр. 22—25, статья: Ивановъ, *М. А. Балас*ъ [Краткая біографія Иванова и описаніе его картины: «Явленіе Христа народу»; съ приложеніемъ—въ № 4, стр. 63,—гравюры на деревѣ: «Яв-

леніе Христа Магдалинѣ», помѣченной монограмой изъ буквъ Р и К; въ 4°].

Іюня 22 и 29: Пчела №№ 23 и 24, стр. 283 и 293—295, статья: Матеріалы для біографіи Ал. Андр. Иванова, *А. Прахова*. [Докладъ кн. Григ. Петр. Волконскаго в. к. Маріи Николаевнѣ, мая 1857. — Воспоминанія Г., письмо къ нему Иванова, и С. А. Иванова къ В. В. Стасову—о работахъ брата]; съ приложеніемъ гравюръ на деревѣ: Голова Ан. Андрея (а не Петра, какъ напечатано подъ гравюрой)—*М. К. Клодтъ* (рис.)—*Pannemaker fils* (грав.), въ № 18, стр. 213; Іоаннъ Креститель—*М. К. Клодтъ* (рис.)—*Pannemaker sc.*, на стр. 273, и Рабы—*В. Васнецовъ* (рис.), грав. въ Варшавѣ.

Іюль: Русская Старина, т. XIII, стр. 430, въ статьѣ: Алекс. Серг. Даргомыжскій. Матеріалы для его біографіи. Письма Даргомыжскаго къ Л. И. Кармалиной, 1860 г. [О перемѣнѣ въ характерѣ Иванова].

Ноябрь: Русскій Архивъ, т. III, № 11, стр. 365 — 368, въ статьѣ: Изъ бумагъ В. А. Жуковскаго [XIII. Пять писемъ А. А. Иванова, къ Жуковскому, 1841—1847 г.] [1]).

1878.

Май: Русскій Архивъ, т. II, № 5, стр. 59—60, въ статьѣ: Изъ бумагъ Ст. Петр. Шевырева [IV. Письмо къ нему А. А. Иванова, 1836 г., о переводѣ на русскій языкъ изъ «Тиберино» статьи о «Мѣдномъ змѣѣ», Бруни] [1]).

Май: Русская Старина, т. XXIII, № 5, стр. 158 и 160, въ статьѣ: Портреты Гоголя и рисунки къ его сочиненіямъ, *П. А. Ефремова*. [6-ть портретовъ Гоголя, исполненныхъ Ивановымъ, и снимки съ нихъ; съ приложеніемъ печатанной у Демерсье въ Парижѣ хромолитографіи съ портрета, писаннаго въ 1841 г. и находящагося у М. Х. Рейтерна].

Іюль: Русскій Архивъ, стр. 271—272; статья: Письмо А. А. Иванова о картинѣ его «Явленіе Христа Спасителя народу», 1858 г. (Изъ альбома кн. Екат. Ал. Черкасской) [1]).

Іюль: Русская Старина, т. XXIV № 7, стр. 424, въ статьѣ: Ив. Конст. Айвазовскій и его художественная дѣятельность [Нападки Айвазовскаго на Иванова, за копированіе имъ дерева съ Сальватора Розы во Флоренціи, въ 1840 г., для картины: Явленіе Христа народу].

Іюль: Древняя и Новая Россія, т. II, № 7, стр. 259, Поправки и дополненія [къ статьѣ Ефремова въ Русской Старинѣ], *Н. С.*

Августа 4: Новое Время № 873, стр. 3, фельетонъ: Письма изъ чужихъ краевъ, *В. С[тасова]*. [О рисункахъ Иванова изъ Свящ. Писанія вообще, и о предназначенныхъ къ помѣщенію въ 1-мъ выпускѣ изданія Прусскаго Археологическаго Института въ особенности].

---

[1]) Напечатанныя въ разныхъ журналахъ письма Иванова—всѣ перепечатаны у насъ.

1879.

Изображенія изъ Свящ. Исторіи оставленныхъ эскизовъ (sic) Ал. Иванова. Берлинъ 1879. По порученію Центральной дирекціи Германскаго Археологическаго Института—*Гельбихъ*, и тоже по нѣмецки [Объявленіе объ изданіи 232 [1]) рисунковъ Иванова], въ листъ.

Новое Время, № 1085, замѣтка: Рисунки Иванова, изданные въ Берлинѣ [Рецензія 1-го выпуска изданія, предпринятаго Германскимъ Археологическимъ Институтомъ].

Наши Дѣятели. Галлерея замѣчательныхъ людей Россіи въ портретахъ и біографіяхъ. Изданіе Баумана, т. V, стр. 148—155. [Біографія, съ приложеніемъ гравированнаго на стали портрета Иванова].

Русскій Архивъ, № 11, Изъ бумагъ А. С. Хомякова [Замѣтки объ Ивановѣ].

---

[1]) На самомъ дѣлѣ ихъ будетъ издано 247.

Фото-Литогр. Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

АЛЕКСАНДРЪ АНДРЕЕВИЧЪ ИВАНОВЪ

1846.

Фотолитогр. Шереръ Набгольцъ и К° въ Москвѣ

АЛЕКСАНДРЪ АНДРЕЕВИЧЪ ИВАНОВЪ.

1846.

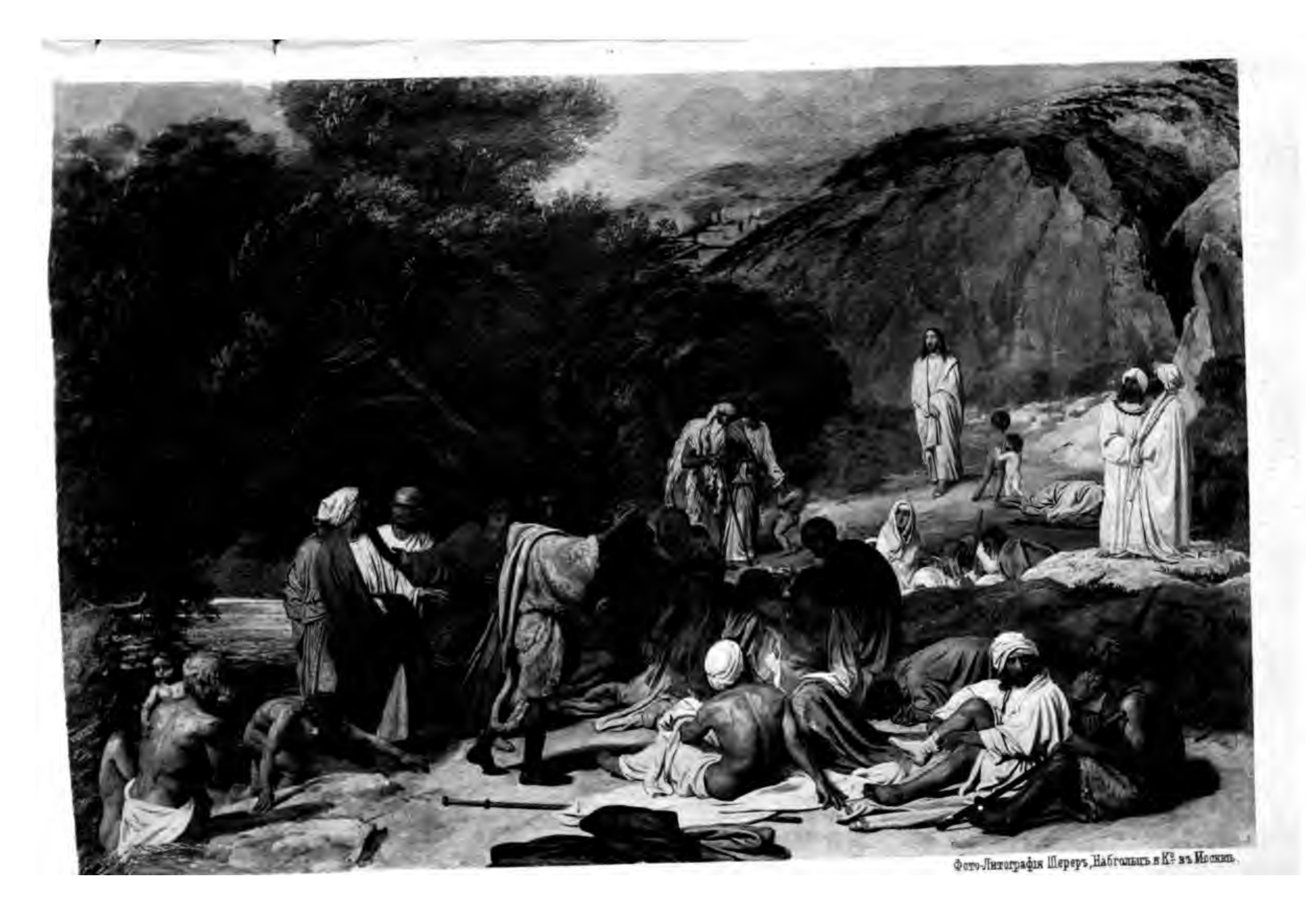

Фото-Литографія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

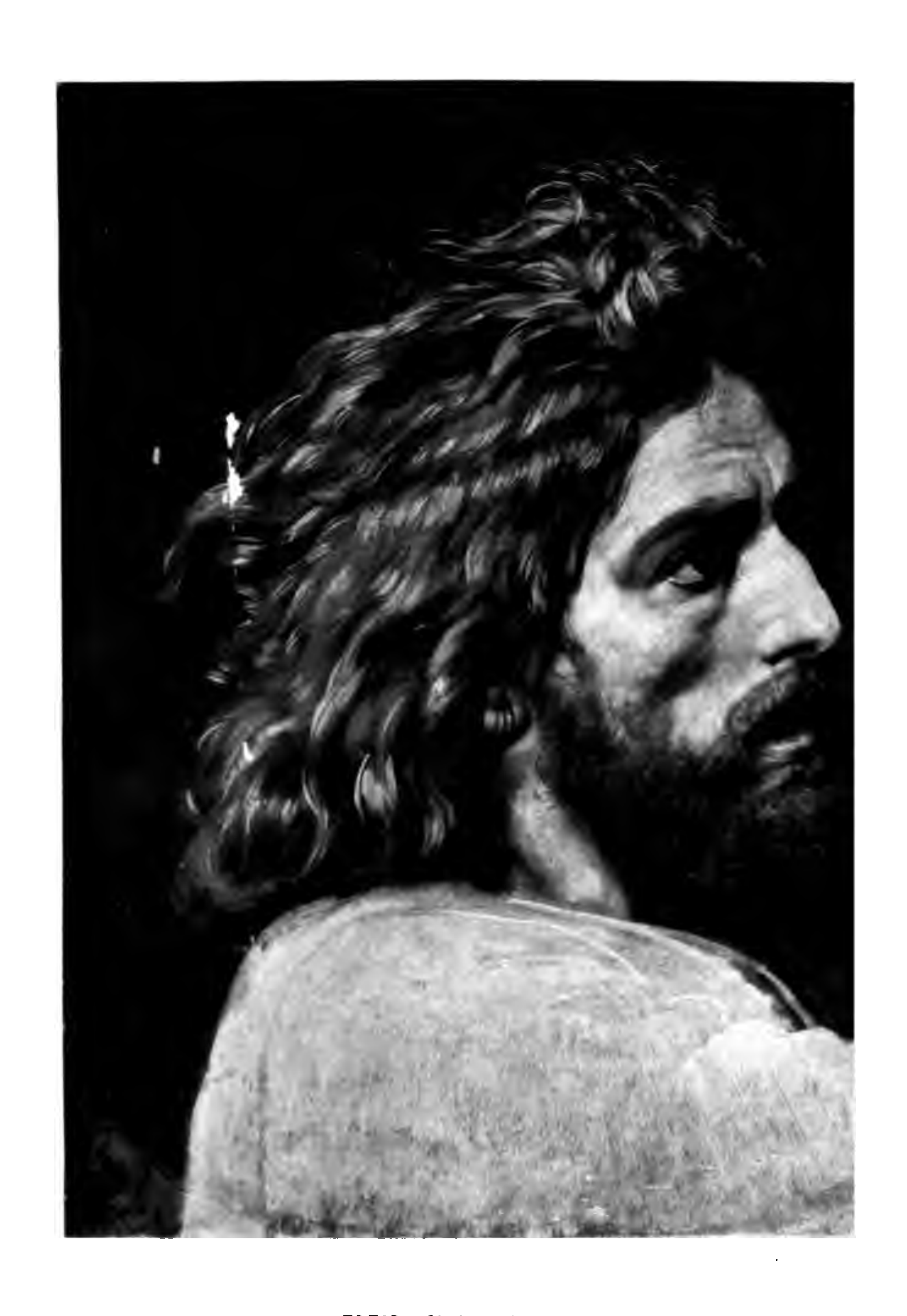

Фото-Литогр. Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ

ІИСУСЪ ХРИСТОСЪ.

ЭТЮДЪ ДЛЯ КАРТИНЫ „ЯВЛЕНІЕ ХРИСТА НАРОДУ.“

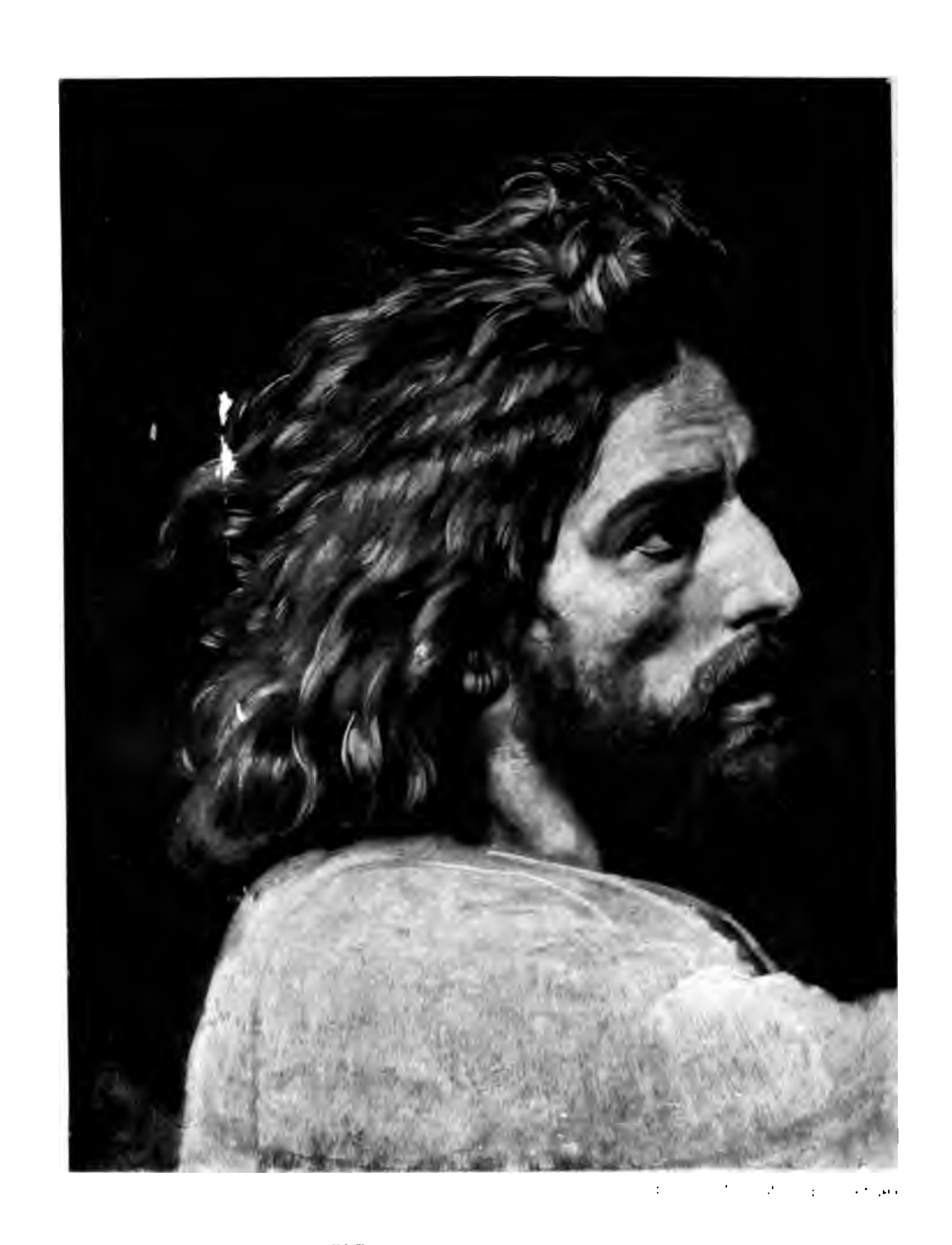
(находится у М. П. Боткина въ Петербургѣ).

ГОЛОВА ІОАННА КРЕСТИТЕЛЯ

ЭТЮДЪ ДЛЯ КАРТИНЫ „ЯВЛЕНІЕ ХРИСТА НАРОДУ“

Находится у М. П. Боткина въ Петербургѣ.

ГОЛОВА ІОАННА КРЕСТИТЕЛЯ.

ЭТЮДЪ ДЛЯ КАРТИНЫ „ЯВЛЕНІЕ ХРИСТА НАРОДУ.“

(Находится у М. П. Боткина въ Петербургѣ)

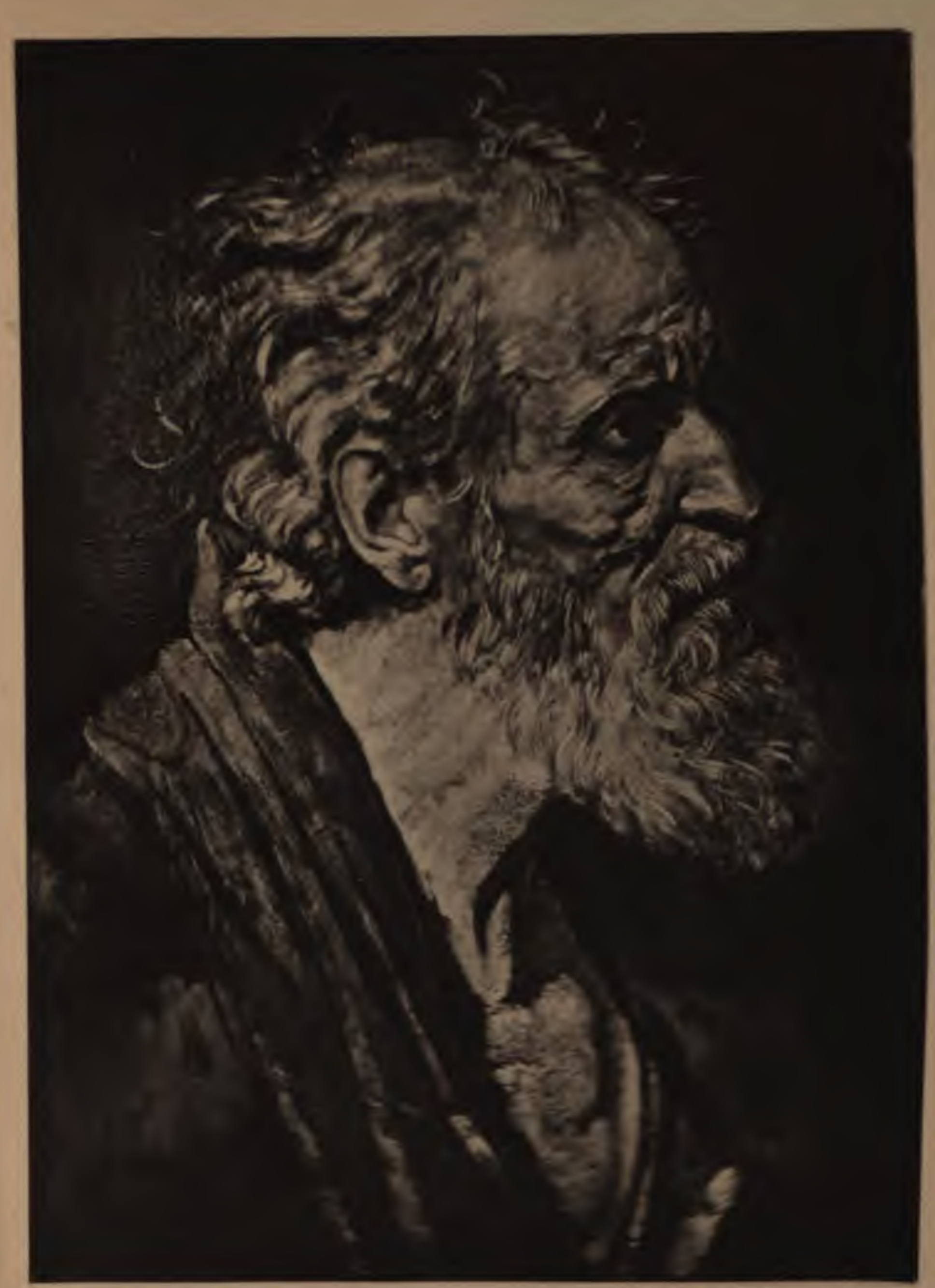

Фото-Литогр. Шереръ Набгольцъ и Кº въ Москвѣ

ГОЛОВА АПОСТОЛА АНДРЕЯ.

ЭТЮДЪ ДЛЯ КАРТИНЫ „ЯВЛЕНІЕ ХРИСТА НАРОДУ.“

(находится у М. П. Боткина въ Петербургѣ).

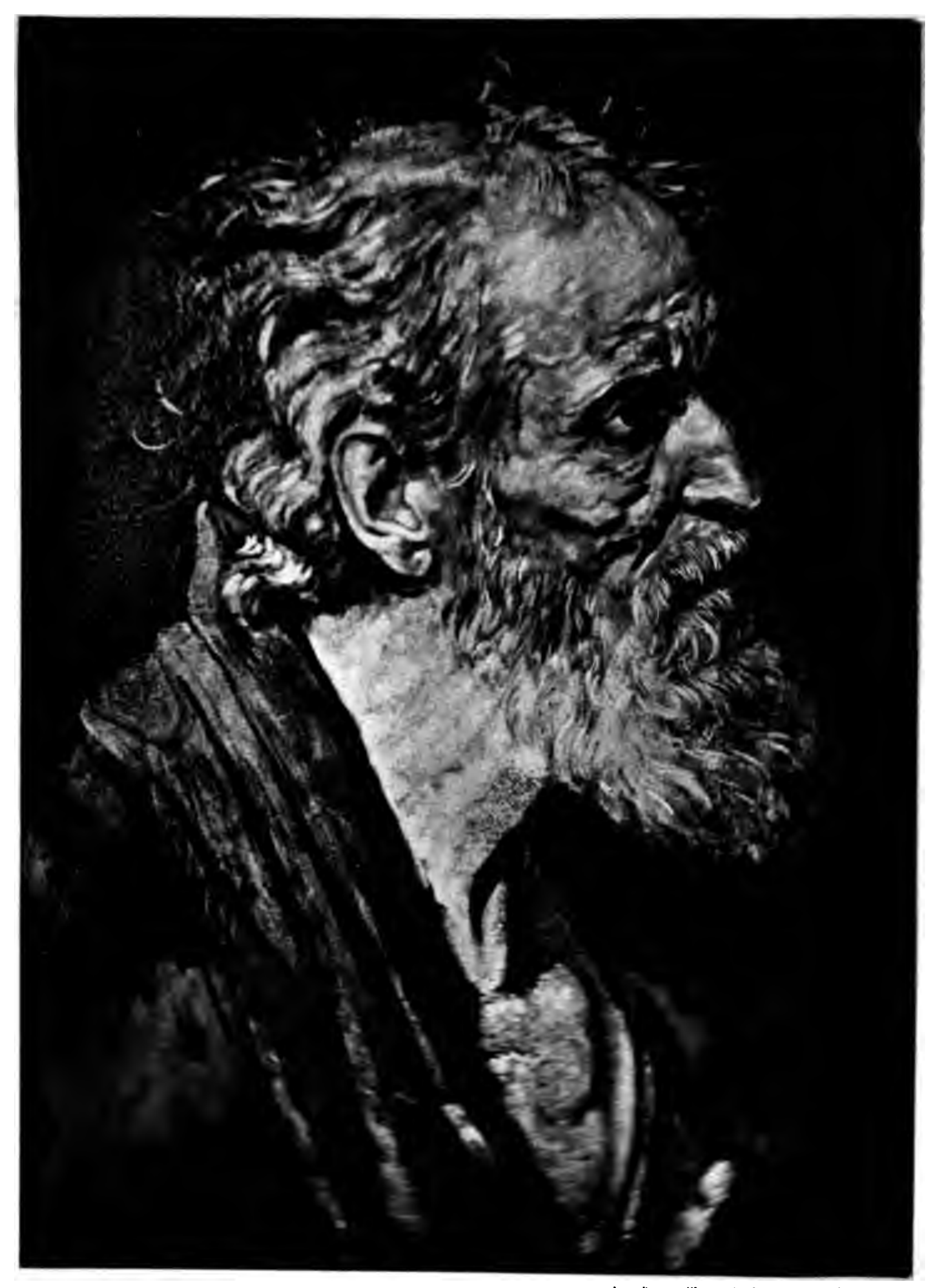

Фото-Литогр. Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ

ГОЛОВА АПОСТОЛА АНДРЕЯ.

ЭТЮДЪ ДЛЯ КАРТИНЫ „ЯВЛЕНІЕ ХРИСТА НАРОДУ.“

(находится у М. П. Боткина въ Петербургѣ).

Рис. Ив. Крамской

Печ. дозволяется. С.-П. 27 Сент. 1879 г. Архим. Іосифъ.

Экспедиція Заг. Гос. Бумагъ.

[illegible] Архип [illegible]

Фото-Литогр. Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ

АЛЕКСАНДРЪ АНДРЕЕВИЧЪ ИВАНОВЪ

1858.

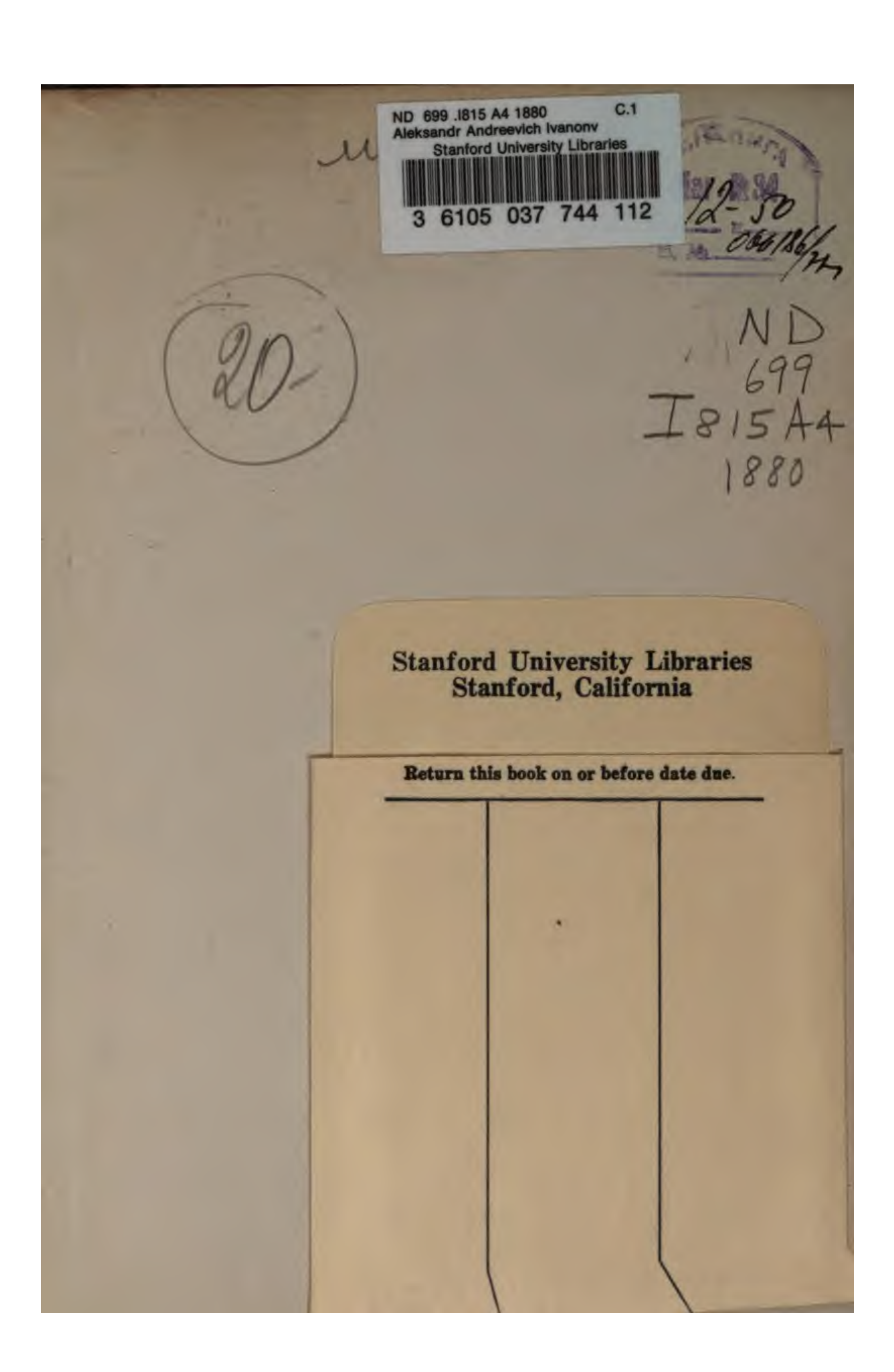

НАДГРОБНЫЙ ПАМЯТНИКЪ

А. А. ИВАНОВА

въ Новодѣвичьемъ Монастырѣ въ Петербургѣ.

Дозв. цензурою. Спб. 20 Декабря 1879 г Тип. М. Стасюлевича, Спб. В. О. 2 л. 7.

ND 699 .I815 A4 1880 C.1
Aleksandr Andreevich Ivanonv
Stanford University Libraries
3 6105 037 744 112
20
ND
699
I815A4
1880
Stanford University Libraries
Stanford, California
Return this book on or before date due.